

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

А. В. Грановский

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

А. В. Грановский

ТОМ 1

А. В. Грановский

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

В двух томах

Том 1

Книга первая

Первый крестовый поход
и государства крестоносцев до 1143 г.

Книга вторая

Второй (1147–1149) и
третий (1189–1192) крестовые походы

Санкт-Петербург
2013

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
Г 77

Грановский Александр Владимирович

- Г 77 Крестовые походы: в 2 т. Т. 1. *Книга первая*. Первый крестовый поход и государства крестоносцев до 1143 г. *Книга вторая*. Второй (1147–1149) и третий (1189–1192) крестовые походы. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. – 472 с., ил.

ISBN 978-5-86007-716-4 (т. 1)

Впервые на русском языке издается книга, подробно и в живой увлекательной форме описывающая не только все крестовые походы, но почти двухвековую жизнь государств крестоносцев. Большое внимание автор уделяет военнополитическому и дипломатическому аспектам величайшей эпопеи борьбы двух мировых религий – христианства и ислама. Собранный в книге огромный фактологический материал представляет интерес в равной степени и для историков, и для широкого круга читателей. Книга сопровождается многочисленными иллюстрациями, картами и генеалогическими таблицами.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulanin.ru.

ISBN 978-5-86007-701-0
ISBN 978-5-86007-716-4 (т. 1)

© А. В. Грановский, 2013
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

Предисловие

Крестовые походы – величайшая эпопея борьбы двух мировых религий, христианства и ислама, – оказали огромное влияние на мировую историю, экономику и культуру.

Крестовые походы издавна приковывали к себе внимание людей. На Западе о них написаны настоящие горы книг. Новый взрыв интереса к крестовым походам возник после того, как мусульманский радикализм в конце XX в. объявил террористическую войну Западной цивилизации.

В этой книге перед читателем пройдет вереница славных побед и жестоких поражений: побед, не использованных из-за раздоров или жадности победителей, и поражений, не приведших к катастрофе благодаря мужеству и стойкости побежденных; примеров героизма и подвигов самопожертвования и подлых, предательских поступков и трусости; мудрой стратегии и тактики и безрассудства и глупости; военных союзов с иноверцами и войн между своими. На мрачном небе массовых убийств, пыток, насилий и грабежа яркими звездами сверкают проявления милосердия и доброты. Среди предательства, лицемерия и лжи выделяются случаи непреклонной верности данному слову, все равно, дано оно другу или врагу.

Книга рассказывает не только собственно о крестовых походах, но и о почти неизвестной российскому читателю жизни латинских государств крестоносцев, о взаимоотношении с ними их близких и отдаленных соседей – Западной Европы, Византии, мусульманских государств и монголов.

Весьма существенным для понимания великой борьбы двух религий является то, о чем никогда не говорят историки крестовых походов: обе стороны – как мусульмане, так и христиане – считали свою войну справедливой, священной и имели полное для этого основание.

Как правило, в христианском мире понятие «крестовый поход» выражает бескорыстное, доброе, справедливое общественное дело, выполняемое с искренним воодушевлением. В России этому понятию не повезло. В советские времена господствующая идеология относилась к крестовым походам резко отрицательно, их главные действующие лица – церковь, короли и феодалы – считались заклятыми ее врагами. В понятие «Крестовые походы» советская историо-

графия вкладывала смысл реакционности, фанатизма, жестокости и жажды наживы, ставших причиной бессмысленного кровопролития и гибели огромной массы людей, и здесь она полностью смыкалась со взглядами на него исламского мира.

В советские времена в России не было переведено ни одной значительной зарубежной книги о крестовых походах, и российская историография, не имеющая собственных первоисточников о них, продолжала оставаться на уровне начала XX в. Только в самое последнее время в России вышли небольшие или специальные книги трех-четырех зарубежных авторов, что принципиально не меняет картину. Основные капитальные классические труды о крестовых походах, изданные на Западе в 30–60-х гг. XX в., прошли мимо российского читателя, и за давностью издания их перевод и знакомство его с ними, видимо, состоятся еще нескоро.

Обретя свободное время и получив доступ к историческим трудам по крестовым походам, еще незнакомым в России, я поразился обилию материалов. Эта книга – попытка дать представление российскому читателю о состоянии сегодняшней западной историографии по этой теме.

В моей работе нашли отражение крестовые походы против мусульман и Византии и оставлены в стороне крестовые походы против христиан и язычников Европы, а также Реконкиста на Пиренейском полуострове.

Я благодарю жену Анну и сына Михаила за поддержку и помощь при написании книги.

Книга первая

**Первый
крестовый поход
и государства
крестоносцев
до 1143 г.**

Глава I

Возникновение и распространение ислама

Одна из мировых религий – ислам возник в Аравии в VII в. под влиянием иудаизма и христианства. В это время Аравию заселяли несколько независимых арабских племен, люди которых в большинстве были скотоводами-кочевниками, другие – оседлыми земледельцами, а некоторые жили в торговых поселениях вдоль караванных дорог. У каждого племени были свои кумиры, из которых самым священным был Черный камень Каабы* в Мекке. Однако к началу VII в. вера в кумиры ослабла, в Аравии поселились христианские, иудейские и персидские зороастрийские общины, и некоторое количество арабов обратилось в их веру.

Основатель ислама пророк Мухаммед, человек бедный, но женившийся на богатой купеческой вдове старше его на пятнадцать лет, по-видимому, неграмотный, был восторженным поэтом, но при этом умным, осмотрительным и расчетливым политиком. Хотя не осталось никаких его портретов (ислам запрещает любое изображение пророка), известно, что он был человеком среднего роста, с красивым лицом и с длинными, зачесанными назад в хвост волосами. Он много путешествовал по торговым делам и при этом интересовался религиями мира. Посещал он также общины христиан, иудеев и огнепоклонников-зороастрийцев в Аравии, желая уяснить себе сущность их веры.

Он оставил после себя ряд полученных от Бога (согласно верованию мусульман) откровений в виде разрозненных записей своих изречений. Эти записи были около 650 г. сведены в священную книгу мусульман Коран («Чтение»). Коран состоит из 114 сур (глав) и содержит учение о вере, правила образа жизни и управления государством и полный свод законов. Основное в исламе – заимствованное Мухаммедом у иудеев и отчасти у христиан требование единобожия, а также безусловной покорности воле Бога-Аллаха; само слово «ислам» означает «подчинение». Сила Корана лежала в его простоте: один Бог в небесах (Аллах), один вождь верующих на земле (пророк Мухаммед) и один закон (Коран), по которому вождь должен править. Аллах был одним из многих богов, которым

---

* Кааба – сооружение в форме куба, в один из углов которого вделан метеорит яйцеобразной формы – Черный камень. В настоящее время находится внутри мечети аль-Масджид аль-Харам. – Здесь и далее примеч. автора.

поклонялись в Мекке, Мухаммед сделал его высшим и единственным. До Мухаммеда, по его учению, Бог посылал людям и других пророков – это ветхозаветные Адам, Авраам, Моисей, а также Иисус Христос, но Мухаммед выше их.

Мухаммед начал проповедовать в Мекке, утверждая, что земные богатства должны быть справедливо распределены внутри *уммы* (сообщества) верующих в Аллаха (мусульман), вне племенной принадлежности, и что придет Судный день, и тогда добродетельные попадут в рай, а нечестивые – в ад.

На Мухаммеда и его сторонников обрушились гонения, и в 622 г. они бежали в Медину, город по соседству. Это бегство получило название *хиджра* и считается началом ислама и мусульманского летосчисления. Из Медины Мухаммед начал вести с Меккой партизанскую войну: нападать на селения, стада и караваны. Война с Меккой с помощью племен, окружавших Медину, закончилась победой Мухаммеда. В 630 г. разбитая Мекка открыла Мухаммеду ворота. Весть о его победе привела всю Аравию к подчинению ему и к принятию ислама.

Одно из священных преданий (*хадисов* – см. ниже), ссылаясь на Мухаммеда, говорит: «Я слышал, как посланник Аллаха (пророк) сказал: Ислам воздвигнут на пяти столпах. Вот они. 1 (*шахада*) – символ веры: нет другого Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его; 2 (*салат*) – вознесение молитв Аллаху 5 раз в день; 3 (*закят*) – раздача милостыни бедным, 4 (*саум*) – соблюдение поста в Рамадан (месяц покаяния) и 5 (*хадж*) – паломничество в Дом (к Каабе)».

В отличие от христианства, утверждавшего, что насилие противоречит Божьей воле, и проповедовавшего мир (которого, правда, никогда невозможно было достичь) и мирное распространение христианской религии, одно из предписаний ислама, иногда его называют шестым столпом, – священная война (*джихад*) за распространение мусульманства на весь мир. Это соответствовало тогдашней потребности арабов в объединении и завоевании новых земель вследствие скудости своих собственных, которые были не в состоянии прокормить быстро растущее население. В соответствии с указаниями Корана и требованиями джихада, мусульманам запрещалось заканчивать войну с неверными вечным миром, но только перемирием. В последнее время появилось новое толкование джихада, приписываемое халифу-завоевателю Омару: война есть Малый джихад, а Большой джихад должен создать общество справедливости и равенства среди правоверных.

Главными врагами новой религии, ислама, считались многобожники, поклонники племенных кумиров. Под это определение подходили как собственно арабы, не принявшие ислам, так и практически все окружавшие народы. «... Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем пред вами его не нарушили и никому не помогали против вас! Завершите же договор с ними

до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных! А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный!» (Коран, сура 9, аяты (стихи) 3–5). Выбор у многобожников один: переход в ислам или смерть. Подлежали каре и те мусульмане, которых можно было заподозрить в недостатке веры.

Среди покоренных народов особое место занимали христиане, иудеи и почему-то персы-зороастрийцы. Мусульмане считали их приверженцами искаженной веры, которым недоставало высшего откровения Мухаммеда, но все же «людьми писания», верующими в того же Бога. Их не принуждали к переходу в ислам на завоеванных мусульманами землях. Однако Коран повелевал воевать и с ними, если они не подчиняются истинной религии.

Так же, как и христиане, мусульмане рассматривают Иисуса как воплощение Божьего Духа и Слова и ждут Его возвращения в конце света. Однако, в отличие от христиан, мусульмане не верят в то, что Иисус – Сын Божий и в Его воскрешение, и считают Его отрешенным от Бога. После своего возвращения, считают они, Христос должен в Медине сойти в могилу, так же как пророк Мухаммед и два первых халифа, Абу Бекр и Омар ибн аль-Хаттаб.

Мухаммед, объявивший себя пророком и, видимо, не имевший планов, выходящих за пределы Аравийского полуострова, умер в 632 г. Руководство исламской общиной и возникшим большим государством после смерти Мухаммеда взяли на себя выбранные общиной друг за другом преемники пророка, так называемые халифы – Абу Бекр, Омар, Осман и Али. Первые четыре халифа (их лично знал пророк) получили наименование Праведных.

Уже при Омаре, ставшем халифом в 634 г., волна исламской экспансии выплеснулась за пределы Аравийского полуострова и затопила континенты на запад и восток. На исторической сцене арабы появились в необычайно благоприятный для себя момент. Только что победой Византии закончилась опустошительная, чрезвычайно кровопролитная 19-летняя война с иранским царством Сасанидов, в которой первые 12 лет побеждали персы, захватившие Анатолию (Малую Азию), Сирию, Палестину и Египет.

Персы прошли по этим странам, сметая все на пути и разрушая христианские церкви. Они пощадили только церковь Рождества в Вифлееме, потому что мозаика на ее фронте изображала трех волхвов в персидской одежде. В Иерусалиме, захваченном в 614 г., персы разрушили главную святыню христиан – комплекс зданий, построенных при Гробе Господнем по приказу императора Константина в IV в. Этот комплекс включал в себя церковь-ротонду над Гробом Господним, базилику, баптистерий и церковь Голгофы и был окружен

круговой каменной стеной, носившей название Анастас (Воскресение). Главная реликвия христианства – Святой Крест, на котором, как верили, был распят Христос, – был отправлен победителями в Иран, в подарок царице-христианке. В конце концов император Ираклий в 627 г. разгромил персов в сражении при Ниневии, царь Хосров был свергнут и убит. Завоеванные провинции были возвращены империи, и в 629 г. заключен мир. После победы Византии Святой Крест был торжественно препровожден обратно в Иерусалим и вновь отстроены культовые здания при Гробе Господнем.

Несколько слов о Палестине и об Иерусалиме, священном городе иудеев, христиан и мусульман, который не раз будет упомянут на наших страницах. Иерусалим связывают с именем патриарха (прародителя) Авраама (XX–XIX вв. до н. э.), принявшего единобожие и получившего в дар от Бога земли Ханаана (Палестина). В XIII в. до н. э. пророк Моисей вывел евреев из египетского плена, на горе Синай получил от Бога десять заповедей, регулирующих отношения человека с единым всемогущим Богом и после 40-летних скитаний по пустыне привел свой народ в «Землю обетованную». В 1003 г. до н. э. царь Давид превратил Иерусалим в столицу Израильско-Иудейского царства, а его сын и преемник царь Соломон укрепил за ним статус священного и престольного города: «Я построил Дом (Храм) в жилище Тебе (Господу), место для вечного Твоего пребывания» (2 Пар 6:2). В 586 г. до н. э. вавилоняне захватили и разрушили Иерусалим вместе с храмом, и несколько десятков тысяч евреев были выселены в Ассирию. Около 520 г. до н. э. изгнанники возвратились и восстановили храм. В 63 г. до н. э. Иерусалим был захвачен римлянами и превращен в административный центр римского протектората. Здесь проповедовал, творил чудеса, был казнен и воскрес Иисус Христос. После восстания евреев, продолжавшегося 4 года, Иерусалим в 70 г. н. э. был осажден и взят римлянами. Считается, что в ходе этой войны погиб каждый второй еврей. Большое количество оставшихся в живых евреев покинуло Израиль. Город и Второй храм были разрушены. На его месте на Храмовой горе римляне построили свой храм, посвященный Юпитеру. Новое восстание евреев в 132 г. было подавлено с крайней жестокостью. «Почти вся земля Иудеи вымерла» (римский историк Дион Кассий).

В IV в. император Константин сделал христианство официальной религией Римской империи. В этом же веке Римская империя распалась на две части, Западную и Восточную (Византия).

Полностью обескровленные и обесиленные войной Византия и Иран (к этому добавился ряд неурожайных голодных лет) – самые могущественные государства Ближнего и Среднего Востока – стали добычей арабов. Арабами были разбиты императорские армии и завоеваны византийские Палестина и Сирия, Дамаск, столица Сирии, пал в 636 г., Иерусалим – в 638 г., и второй халиф, Омар

ибн аль-Хаттаб, въехал в него на белом верблюде (в отличие от британского генерала Эдмунда Алленби, взявшего город у турок во время Первой мировой войны 9 декабря 1917 г. и почтительно слезшего с коня перед городскими воротами). В том же 638 г. пала и Антиохия, крепость и торговый город на перекрестке дорог на севере Сирии.

Обороной Иерусалима от арабов руководил иерусалимский патриарх Софроний. Когда после года плотной осады продовольствие подошло к концу и стало ясно, что помощи ждать неоткуда, Софроний отправился на Масличную гору, где находилась ставка халифа Омара, и договорился о сдаче города. В сопровождении Софрония Омар поднялся на Храмовую гору, откуда его учитель Мухаммед вознесся в небо, а затем попросил патриарха отвести его к церкви Гроба Господня. Как раз настало время мусульманской молитвы. Омар спросил у Софрония, где он может расстелить молитвенный коврик, и улыбнулся, услышав ответ патриарха: где хочет, хоть прямо в храме. Халиф вышел за ограждавшую стену и только там развернул коврик и опустился на колени. Он объяснил патриарху, что не хочет, чтобы его люди разрушили этот прекрасный храм, потому что они построят величественную мечеть на том месте, где в первый раз в завоеванном городе помолился халиф. Так и произошло, и мечеть Омара, основанная халифом, стоит вблизи, чуть южнее христианского храма Гроба Господня.

Арабы завоевали византийский Египет, Месопотамию (Двуречье), Иранское царство, включавшее Ирак, и Афганистан. После семилетней осады в 675 г. арабы были отброшены от Константинополя. Византия устояла, хотя до конца VII в. арабами была завоевана византийская Северная Африка. В 718 г. император Лев III Исавр нанес арабам жестокое поражение и тем самым спас от их завоевания Анатолийский полуостров.

В VIII в. арабы переправились через Гибралтар в Испанию, уничтожили вестготское государство и продвинулись через Пиренеи на север. Победой в битве при Пуатье в 732 г. правитель Франкского государства, майордом Карл Мартелл, сумел остановить исламский потоп во Францию, однако арабы прочно утвердились на большей части Пиренейского полуострова. В IX в. они продолжали теснить Византию на востоке, почти ежегодно врываясь в Анатолию, а в центре Средиземноморья кусок за куском отнимали у нее Сицилию, которой окончательно овладели к 902 г., захватили Крит в 823-м, обосновались в южной Италии, разграбили в 846-м часть Рима и позднее разоряли берега Сардинии и Корсики. Утвердившись на провансальском берегу, они опустошали южную Францию и Швейцарию и захватили альпийские перевалы. Однако во второй половине X в. франки и византийцы постепенно собрались с силами, арабы были вытеснены из южной Франции и из Италии, на Пиренейском полуострове укрывшиеся в горах Астурии вестготы почти сразу после арабского завоевания начали *Реконкисту*

(Отвоевание) и в ходе непрерывных войн отвоевали у арабов к середине X в. треть своих земель, образовав несколько государств.

Нужно отметить, что мусульманские народы – арабы, берберы, турки – основатели империй – никогда не считали свои завоевательные войны завоевательными и, в отличие от политкорректных христиан-европейцев нашего времени, никогда не испытывали стыда за них, видимо, в силу различия основополагающих принципов распространения религии.

После смерти пророка Мухаммеда у Али ибн Абу Талиба с самого начала были наибольшие права на власть. Он был двоюродным братом пророка, к тому же женатым на его дочери Фатиме. Однако он стал только четвертым халифом и после пяти лет правления был убит, халифом был выбран Муавия из семьи Омейядов, долго бывших в Мекке самыми упорными врагами Мухаммеда. После того как в 680 г. войска Омейядов разгромили при Кербеле отряд восставшего Хусейна, сына Али, и сам он был убит, ислам окончательно разделился на две ветви.

Сторонники Али называли себя шиитами (шиат Али – сторонники Али), они признавали халифами только потомков Али. Их противники, сторонники выборности халифов, стали называться суннитами, от сунны – сборников священных преданий (*хадисов*) о жизни и поучениях Мухаммеда, составленных в VII–IX вв. мусульманскими богословами. Шииты, подобно суннитам, признают священными книгами как Коран, так и сунну, однако считают, что Абу Бекр и Осман создали суннитскую редакцию Корана, выбросив из первоначального текста указания, что халифами могут стать только члены семьи пророка, а в сунне шииты признают истинными лишь те предания, которые были приняты родственниками Мухаммеда.

Муавия сделал столицу своего бывшего сирийского наместничества Дамаск главной столицей халифата вместо прежней Медины. Власть халифов стала наследственной. За Муавией последовало более дюжины халифов Омейядов. В 750 г. кровавый переворот сверг Омейядов. К власти в Дамаске пришел Абу аль-Аббас ас-Саффах, ведший род от аль-Аббаса, дяди Мухаммеда. Он стал родоначальником династии Аббасидов. Все Омейяды были беспощадно перебиты, сумел спастись лишь Абд ар-Рахман, основавший в 756 г. на Пиренейском полуострове Кордовский халифат Омейядов. Халиф Аббасид аль-Мансур основал в 762 г. город Багдад, ставший резиденцией халифа и за короткое время достигший необыкновенного расцвета. И так как шииты постоянно устраивали заговоры с целью свержения халифов в пользу потомков Али, Аббасиды, придя к власти как родственники пророка и союзники шиитов, стали ортодоксальными суннитами, врагами шиитов.

Шииты отрицают светское правление в любых его формах. Если сунниты, стиснув зубы, признают Али Праведным халифом, то шииты первых трех хали-

фов считают незаконными, а Омейядов и Аббасидов – узурпаторами. Сунниты, превосходящие шиитов по численности, считаются ортодоксами, в то время как шииты – раскольниками, сектантами.

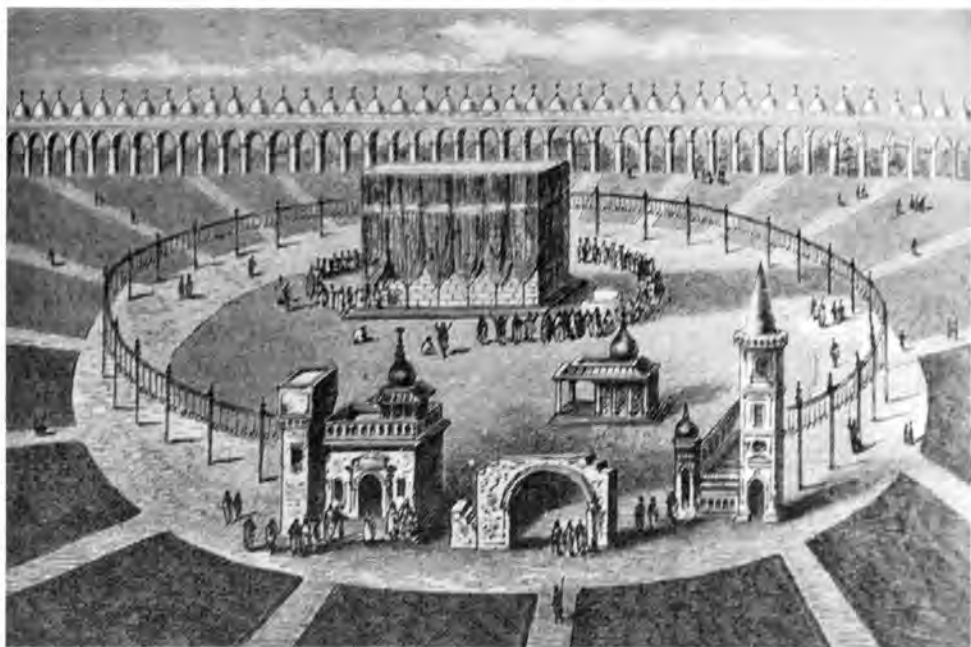
С самого начала среди шиитов не могло быть единства, так как у Али было несколько жен. Главным в догматике шиитов было представление о Махди (Спасителе), потомке Али, который должен явиться уже вскоре, незадолго до Страшного суда, установить царство справедливости и обратить людей в истинную веру. Поэтому ряд имамов* прервется, так как последний имам должен скрываться и пребывать невидимо, он-то и есть Махди. Раскол среди шиитов произошел затем и по поводу того, с каким по счету скрывшимся имамом должен прекратиться их ряд. В числе уже признанных скрывшихся имамов различали «пятого», «седьмого» и «двенадцатого». В конце концов возобладали сторонники исчезнувшего в 878 г. «двенадцатого имама» аль-Мунтазара, представлявшие умеренное крыло. Однако в VIII–X вв. были сильны сторонники «седьмого имама», видевшие Махди в седьмом имаме Исмаиле, исчезнувшем в 760 г. Они образовали экстремистское крыло и стали называться исмаилитами.

В 909 г. исмаилиты в ходе восстания захватили власть в Тунисе, а затем распространили ее на запад до Магриба (Марокко, Алжир, по-арабски – Запад) и на восток до Египта. Убайд Аллах был объявлен потомком Али от Фатимы, а затем провозглашен халифом. Фатимиды основали Каир, ставший их столицей в 973 г. В борьбе с Аббасидами Фатимиды завоевали также Палестину и часть Сирии и получили контроль над священными городами ислама Меккой и Мединой, помимо Иерусалима. Оба враждующих халифа, и каирский, и багдадский, со временем попали в полную зависимость от армии и бюрократии.

Четких различий между суннитским и шиитским учениями не было, и многие сунниты сочувствовали шиитам, а шииты служили Аббасидам. В крупных мусульманских городах сунниты и шииты мирно жили рядом друг с другом. Шиитам, когда они живут среди суннитов, разрешается скрывать свою веру. Убежденных фанатичных сторонников того и другого течения было немного, и народные массы без труда меняли религиозную ориентацию при ее изменении на верху государства. Так было в XII в. в Египте, ставшем суннитским, когда там был свергнут шиитский халиф Фатимид, так было в XVI в. в Иране, который стал шиитским после того, как там к власти пришла династия Сефевидов.

Исмаилитов преследовали постоянные расколы. В начале XI в. откололись друзы, получившие свое название по имени своего предводителя, проповедника Дарази, считавшие скрывшимся имамом – Махди – таинственно исчезнувшего (видимо, тайно убитого) в 1021 г. сумасшедшего фатимидского халифа

* Имам – глава общины, первый имам – Али.

Ил. 1. Кааба в Мекке. Рис., кон. XIX в.

аль-Хакима, прославившегося жестокими преследованиями христиан. Когда в 1094 г. египетский визирь аль-Афдал сделал халифом не старшего непокорного сына халифа аль-Мустансира – Низара, а младшего – послушного аль-Мустали, многие исмаилиты отвернулись от Фатимидов и образовали в Иране экстремистскую секту низаритов. Их преследовали как еретиков, но они не покорились и позже стали известны как «ассасины».

Население завоеванных земель легко подчинилось арабам. Этому способствовала его этническая и религиозная разобщенность. Ереси V–VII вв. отделили от ортодоксального христианства несториан, монофиситов и монофелитов. Несториане – сторонники константинопольского епископа Нестория, учение которого подчеркивало человеческую сущность Христа, – распространились в Сирии, Месопотамии, Иране, Индии и Китае. Монофиситы, приверженцы александрийского епископа Евтихия, учение которого, напротив, приписывало Христу единственно Божественную сущность, распространились в Египте и Сирии. Позже монофиситы Сирии, объединенные епископом Яковом Барадеем, стали называться яковитами, а монофиситы Египта – коптами. К монофиситам примкнула и армянская церковь. Армяне и сирийцы-яковиты не любили греков сильнее, чем мусульман, не желая принимать навязываемый им ортодоксальной христианской церковью догмат о божественной и человеческой природах Хри-

ста. Попытка примирить учение монофиситов с ортодоксальным христианством привела к образованию в Сирии монофелитской секты маронитов, названной по имени своего основателя, отшельника и проповедника Мар Марона, утверждавшего, что Христос обладает двумя природами, но одной «богочеловеческой энергией». Сторонники ортодоксального христианства в Сирии и Египте оказались в меньшинстве по сравнению с еретиками, сохранив большинство только в городах Палестины. Их пренебрежительно называли *мелькитами* – людьми императора. Еще одной религиозной общиной были евреи, достигавшие значительной численности во всех городах Востока, лишённые в христианской Византийской империи гражданских прав.

Арабы, в отличие от ортодоксальной христианской церкви, не пытались навязать покоренным религиозное единообразие. Таким образом, переход власти к арабам принес облегчение и удобство еретическим сектам и иудеям. Быстро смирились с завоеванием и мелькиты – ортодоксальные христиане, когда увидели, что мусульмане их особо не преследуют и налоговый гнет завоевателей гораздо слабее, чем под властью Византии.

Христиане, евреи и персы-зороастрийцы должны были платить джизью – подушный налог, тогда им обеспечивалась свобода веры и они становились джиммис – охраняемыми народами. Вскоре джизья превратилась в плату за освобождение от воинской службы и к ней был добавлен харадж – земельный налог. Каждая конфессия покоренных народов рассматривалась арабами как милет – полуавтономная община во главе со своим религиозным вождем, который отвечал за ее лояльность и добронравие. Таким образом, верность по отношению к религии на многие века на Ближнем и Среднем Востоке заняла место верности по отношению к национальности.

Джиммис не разрешалось ездить на лошадях, носить оружие, пытаться обратить мусульман в свою веру, жениться на мусульманках, они обязаны были лояльно относиться к мусульманскому государству. Однако стоило неверному принять ислам, как он вступал в ряды правоверных и получал все преимущества господствующего класса.

Византийские императоры во всех своих переговорах и договорах с халифами приняли на себя ответственность за ортодоксальных христиан, живших в завоеванных арабами странах, поддерживая таким образом идею единства и неделимости христианства. У христианских еретических сект такого покровительства не было. Поэтому в ислам, отстоявший достаточно близко от христианства, переходили в гораздо большем количестве представители еретических сект, нежели ортодоксального христианства.

На покоренных мусульманами землях оставалось все же большое количество людей, не исповедовавших ислам. Постепенно первоначальный религиозный

порыв ислама, провозгласивший священную войну против неверных, выдохся под влиянием необходимости сосуществования, повседневных отношений с малыми и большими группами людей, исповедовавших другие религии. Арабы оказались этнически разбавленными вовлечением в ислам больших масс, сохранивших связь со своими немусульманскими народами. Ранее всего это произошло именно в Сирии, объявленной вначале землей джихада. Таким образом, в отличие от христианских Римской и Византийской (Греческой) церквей, ислам стал отличаться терпимостью.

При взятии Иерусалима в 638 г. мусульмане не тронули живших в нем христиан, как и церковные здания при Гробе Господнем. Мусульмане никогда на них не претендовали.

В конце VII в. на Храмовой горе в Иерусалиме руками византийских мастеров была воздвигнута восьмиугольная мечеть Куббат ас-Сахра («Купол над Скалой»). Со Скалы*, на которой, по мусульманскому преданию, Мухаммед оставил след ноги, еще и сегодня почитаемый мусульманами, пророк вознесся в небо на крылатом коне аль-Бурак («Молния») с головой прекрасной женщины и хвостом павлина, и там архангел Джабрил (Гавриил) передал ему заветы Божьи, начертанные на ткани из серебра. В небольшой башенке возле скалы хранятся три волоска из бороды Мухаммеда. В начале VIII в. вблизи Купола над Скалой, на Храмовой горе, на месте иудейского Храма и римского храма Юпитера, была построена крупнейшая городская мечеть аль-Акса – в честь ночного путешествия Мухаммеда из Мекки в Иерусалим, после чего, как мы уже говорили, он вознесся в небо на встречу с архангелом.

Исламское нашествие разрушило культурное, экономическое и социальное единство региона Средиземного моря. Южный берег моря стал мусульманским, северный остался христианским. Развитая морская торговля была разрушена, хотя полностью не исчезла. В руки арабов на завоеванных территориях попали крупные города – центры развитой культуры, торговли и промышленности. Опираясь на них, сложилась высокая арабская средневековая культура и наука. Особого расцвета арабская культура в эллинистической форме достигла при халифах Омейядах, людях больших способностей и духовной восприимчивости. Христианские строители, художники и ремесленники работали на халифов. Переводились на арабский античные философские и технические труды. Чиновниками халифа были говорившие по-гречески христиане. Со всем миром торговали арабские купцы, на весь мир славились арабские врачи, инженеры, ткачи, ору-

---

* Согласно Ветхому Завету, на эту скалу Господь взгромоздил мир на третий день творения, а пра-родитель Авраам возложил сына, чтобы принести его в жертву Господу, но Тот остановил его руку. Крестоносцы это углубление считали следом ноги Иисуса.

жейники, ювелиры. Арабы, научившись у христиан, построили большой флот, опиравшийся на сирийские, африканские и испанские гавани, успешно боровшийся с византийцами и европейцами за господство на море.

С приходом к власти Аббасидов положение христиан ухудшилось. Важнейшие посты в администрации халифата и в армии заняли теперь персы, так как новая столица Багдад находилась на территории бывшего Иранского царства. Аббасиды переняли персидские идеалы культуры и персидский образ жизни.

В первой половине XI в. мусульмане завоевали Пакистан и северную Индию. Во второй половине XI в. в Африке, на территории современного Марокко и части Алжира, возникло военно-религиозное государство берберов Альморавидов, исповадовавшее ответвление ортодоксального суннизма. Альморавиды, перейдя в Испанию, объединили мусульманские государства Пиренейского полуострова.

Во второй половине X в. византийские императоры Никифор Фока и Иоанн Цимисхий отняли у багдадского халифата Аббасидов, пользуясь его раздробленностью, часть Сирии с большим торговым городом Антиохией и остров Крит. Иоанна Цимисхия можно назвать первым крестоносцем. «Мы желали освободить Гроб Господень от поругания мусульман», – заявит он. Ему удалось сделать своими вассалами Дамаск и Тиверию, которые балансировали между Аббасидами и Фатимидами, и завоевать Акру (Акко) и Цезарею (Кейсария), но Иерусалим взять он не смог. Император Василий II отнял в 1031 г. у арабов торговый город Эдессу (Урфа) в Месопотамии. Граница Византийской империи была отодвинута до Евфрата и Тигра. Армения и Грузия сбросили власть арабов и признали себя вассалами Константинополя. Немного позднее Армения была присоединена к империи. Однако борьба с болгарами на севере и нашествие турок отвлекли Византию от дальнейших завоеваний на востоке и юго-востоке.

В Европе плохо знали ислам. Он считался губительным отравляющим учением, а мусульмане – неверными и язычниками, врагами Бога, Веры и Христа, сыновьями дьявола, идолопоклонниками и многобожниками, хотя строго монотеистический ислам отвергал как многобожие христианское учение о Троице.

Глава 2

Византия вновь под ударом

Вторжение турок из Центральной Азии коренным образом изменило положение дел в Передней Азии. В течение X в. турки, первоначально верившие в шаманов, под влиянием миссионеров обратились в упрощенный ислам суннитского толка и в XI в. двинулись из Трансоксании (Среднеазиатское междуречье, Окс – Амударья) на запад. Турки появились в Передней Азии, когда там угасла ударная политическая сила арабов, и спасли ислам, привнеся в него воинственный дух кочевого народа. Турки подчинили себе мелких эмиров Ирана и Ирака, частично покорили Месопотамию и Сирию и захватили Грузию, Армению. Часть армян была переселена императорами на юго-восток Анатолии, в Месопотамию и на север Сирии и образовала вассальные по отношению к Константинополю государства.

Кочевники-турки постепенно стали переходить к оседлому образу жизни. Вскоре турки вытеснили арабов и персов с мест полководцев, советников и администраторов багдадского халифа и составили большую часть его армии. Среди турок выделялось племя сельджуков, названное по имени своего первого вождя Сельджука. Их предводитель Тугрил Бек, сделав своей столицей Исфахан, получил в 1055 г. от халифа титул султана (властителя), правителя Востока и Запада (Ирана и Ирака), став непримиримым врагом шиитских халифов Фатимидов.

Будучи, как и Фатимиды, крайне обеспокоены появлением турок, возродивших Багдадский халифат, и понимая, что для завоевания Палестины нет сил, византийцы заключили прочный и длительный мир с шиитским Египтом.

Между тем кочевые шайки турок с целью грабежа постоянно врываются на территорию Византии в Анатолии, и императорские войска практически не могли задержать их. Турки начали называть себя гази («борцами за веру»). Султан Сельджукид Альп Арслан (Храбрый Лев), племянник и наследник Тугрила Бека, захватив несколько пограничных греческих крепостей, еще более облегчил кочевым ватагам проникновение на имперскую анатолийскую территорию.

Отколовшиеся от Больших сельджуков Альп Арслана Малые сельджуки, или рум-сельджуки (Румом – от слова «Рим» – называлась Анатолия), расположившиеся на востоке Анатолийского полуострова, совершали постоянные нападения на Византию. Другим большим турецким племенем, занявшим северо-восток Анатолии, были данишмендиды.

Греки не могли смириться с турецким нашествием. Однако в 1071 г. одна из попыток императора Романа Диогена разгромить и отбросить турок закончилась страшным поражением огромной греческой армии при Манцикерте в Армении. Пленный император был брошен к ногам сидевшего на коне Альп Арслана. И хотя султан проявил чрезвычайное великодушие, ограничившись данью, изменением границ и обещанием покорности со стороны империи, Византия не скоро смогла оправиться от этого поражения. Турки потоком хлынули на анатолийское плоскогорье. Греческое население бежало в города на побережье и в Константинополь. Захват турками Анатолии облегчался борьбой за императорский трон нескольких соперников и последовавшей чехардой императоров. Чтобы усилить армии для своих междоусобиц, соперники выводили греческие гарнизоны из городов Анатолии и вводили в них нанятые турецкие отряды, которые затем, привыкнув к сытой и благоустроенной жизни городских хозяев, естественно, не хотели из них уходить. Империя потеряла земли, откуда она получала своих лучших солдат и полководцев. Турки принялись также захватывать фатимидские, греческие и армянские владения в Сирии и Месопотамии. В 1071 г. сельджуки захватили у Фатимидов Алеппо (Халеб), в 1073-м в первый раз овладели Иерусалимом и в 1075-м – Дамаском. В 1076 г. Фатимиды отбили Иерусалим, но в 1078-м город был вторично захвачен турками и туркменами, и если с тамошними христианами обошлись более или менее снисходительно, то вся ненависть завоевателей вылилась на арабов-шиитов.

В 1072 г., после смерти Альп Арслана, его наследником стал его несовершеннолетний сын Малик Шах (малик – молодой властитель, принц), сохранивший и расширивший государство, простиравшееся теперь от Средиземного моря до Гиндукуша. Племянник Альп Арслана Сулейман, предводитель рум-сельджуков, в 1080 г. провозгласил себя султаном и начал в непрочном союзе с Византией войну с Малик Шахом. В 1085 г. Сулейман захватил византийскую Антиохию. В 1086 г. Тутуш, брат Малик Шаха, во главе армии Больших сельджуков победил и убил султана Сулеймана и выгнал рум-сельджуков из северной Сирии.

Однако после смерти в 1092 г. султана Малик Шаха государство Больших сельджуков распалось. Его старший сын и наследник Баркиярк не смог удержать его в руках. Он вынужден был, проиграв войну, Ирак отдать своему брату Мухаммеду, а Хорасан (северный Иран) – другому брату, Санджару. Тутуш, брат Малик Шаха, стал властителем Сирийско-Палестинского государства от границ Египта до границ Антиохии, включая Иерусалим, Дамаск и Алеппо, и провозгласил себя султаном. Он поставил наместником Иерусалима своего военачальника Артука. После смерти Тутуша в 1095 г. его государство распалось, в Дамаске и Алеппо стали править его сыновья Дукак и Ридван, все более склонявшийся

к шиизму, а в Палестине со столицей в Иерусалиме – сыновья Артука Сокман и Ильгази под верховной властью Дукака Дамасского.

В Анатолии между тем в 1092 г. возник могущественный султанат рум-сельджуков со столицей сначала в Иконии (Конья), а затем в Никее (Изник). Султан Кылыч Арслан (Сабля Льва), сын Сулеймана, отказался признать верховенство султана Больших сельджуков, и их отношения находились на грани войны. На северо-востоке Анатолии, в Месопотамии и Сирии, возник ряд мелких независимых турецких и арабских эмиратов и греко-армянских городов-владений.

Мусульмане в этническом отношении состояли из арабов, принявших мусульманство сирийцев, турок, туркмен, персов и курдов, пришедших из северо-восточного Ирана. Разнообразны были также мусульманские течения и секты: в Ираке, Иране и Месопотамии преимущественно жили сунниты, в Египте преимущественно – шииты (хотя большинство населения составляли христиане-копты), в Сирии и Палестине – те и другие, в горах Ливана – секта друзов. По пустыне бродили арабские племена язычников-бедуинов, склонявшихся к исламу. Ислам бедуины примут только в XVI в.

В 1054 г. давно тлевшая вражда между римским папством и константинопольским патриаршеством привела в к полному разрыву между церквями. Поводом для раскола стали включение Западной церковью в Символ веры исхождение Святого Духа и от Бога-Отца, и от Бога-Сына, в отличие от Восточной (Греческой), признававшей исхождение только от Бога-Отца (это было главное противоречие), и разногласия в вопросах обряда: причащение мирян одним хлебом (на Западе хлебом и вином причащаются только священнослужители), крещение обливанием (у греков – погружением), совершение крестного знамения пятью пальцами и другое. Папские легаты в Константинополе и греческий патриарх Керуларий взаимно отлучили друг друга от церкви. Церковный раскол в дальнейшем имел для империи серьезные последствия. Он открыл непреодолимую пропасть между Римом и Константинополем, ускорил захват греческих владений в Италии и сыграл ключевую роль в падении Византийской империи.

Если рум-сельджуки подступали к Константинополю с востока и юга, то с запада и севера империи грозила не меньшая опасность. Выходцы из Нормандии, руководимые двенадцатью сыновьями Танкреда Отвильского (de Hauteville), мелкого нормандского дворянина, появившись в южной Италии как паломники, в 1040 г. овладели городом Мельфи в Апулии и основали княжество. Затем под руководством 6-го сына, Робера Гискара, они начали постепенно захватывать византийские владения на юге Италии. В 1059 г. Гискар получил от папы титул «герцога Апулии и Калабрии милостью Божьей и святого Петра и с их помощью Сицилии» и обязался платить ему ежегодную символическую подать, в размере стоимости двух волов – 12 денариев. В 1061 г. его младший брат,

12-й сын Рожер, начал отвоевывать у арабов Сицилию, что было в основном завершено к 1072 г. В трагическом для Византии 1071 г., году поражения при Манцикерте, Гискар отнял у греков Бари – последнюю византийскую крепость-порт на юге Италии.

В 1078 г., после дворцового переворота в Константинополе, был разорван заключенный незадолго до этого договор о браке Робера Гискара с византийской принцессой, поддержанный папой Григорием VII. Папа отлучил от церкви императора-узурпатора, нарушившего договор, а затем и Алексея Комнина, вступившего на трон в 1081 г. в результате нового дворцового переворота. В этом же году итальянские нормандцы напали на Византию. Гискар вместе с сыном Боэмундом захватил острова Керкира (Корфу) и Кефалония, высадился на Адриатическом побережье Византии и овладел Диррахием, хорошо укрепленным главным городом византийской фемы (провинции). От Диррахия прямая римская дорога Виа-Эгнация вела через Фессалоники в Константинополь. Византийцам с трудом удалось – при помощи венецианского флота и нанятых отрядов румельсeldжуков, а также благодаря смерти во время эпидемии в 1085 г. Гискара – справиться с нормандским нашествием. Однако Робер Гискар указал латинцам дорогу в Византию, и те ее не забыли. Венеция, оказавшая помощь Константинополю, получила от императора Алексея Комнина громадные привилегии (право беспошлинной торговли, запрещение досмотра ее товаров, торговый квартал с тремя пристанями в столице), поставившие венецианских купцов в более выгодное положение, чем оно было у византийских. В ответ Венеция пообещала быть верным вассалом Константинополя. Эти привилегии привели к необычайно быстрому росту могущества Венеции и в дальнейшем к ее столкновению с Византией.

Вступивший на папский престол в 1088 г. Урбан II попытался восстановить прерванные отношения с Византией. В 1089 г. из Рима к византийскому императору было отправлено посольство. Было аннулировано отлучение императора от церкви. И хотя церковные разногласия не удалось преодолеть, отношения между папой и императором

Ил. 2. Император Алексей I Комнин.
Гравюра на дереве

улучшились. Алексей, отбивший нападение итальянских нормандцев, к удовольствию папы отказался от ранее проводимых переговоров с врагом Рима – германским императором Генрихом IV. Главной задачей, стоявшей перед византийским императором, было восстановление разбитой под Манцикертом армии. Алексей надеялся набрать солдат в Западной Европе. С его стороны это было, видимо, главной причиной согласия на переговоры с папой. Византия издавна использовала высокопрофессиональных наемных солдат с Севера и Запада, из них, в частности, набиралась так называемая варяжская гвардия, в которой состояли выходцы из Скандинавии и Дании, бежавшие после нормандского завоевания Англии англосаксы и даже, несмотря на войну с Гискардом, нормандцы.

С севера империи угрожали также печенеги и половцы (куманы), европейские сородичи турок. Перейдя Дунай, они разгромили в 1088 г. армию императора Алексея Комнина при Дристре (Силистра), причем император едва избежал плена. Только раздоры между печенегами и половцами из-за добычи спасли империю от еще больших бед. Принцесса Анна Комнина, дочь Алексея, пишет о том времени: «Восточную границу Ромейского государства образовывал соседний Босфор, западную – Адрианополь».

Зиму 1089–1090 гг. печенеги провели под Адрианополем, весной 1090 г. они с боями дошли до стен Константинополя. Летом 1090 г. у них появился могущественный союзник – турецкий эмир-пират Чака. Он провел молодые годы при дворе императора в Константинополе, был пожалован придворным чином и убежал в Анатолию при перевороте, возведшем на престол Алексея Комнина. Он овладел Смирной и некоторыми другими городами западного побережья Анатолии, а также при помощи созданного флота – островами в Эгейском море. Ранее при нападениях Константинополь всегда спасали морские коммуникации, по которым в город доставлялись продовольствие и подкрепления. Теперь Чака ввел свои корабли в Босфор и Мраморное море и отрезал столицу с моря. Он вступил в переговоры с печенегами и рум-сельджуками о совместных действиях и уже видел себя византийским императором.

Полный отчаяния, Алексей Комнин искал союзников, где мог – и у половцев, и в Западной Европе. Анна Комнина сообщает: «Он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемные войска».

Половцы помогли императору, 29 апреля 1091 г. в жестокой битве печенеги были разбиты греками и 40-тысячным половецким войском. После битвы большая часть пленных печенегов, а также их жен и детей была безжалостно перебита. Греки распевали радостную песню: «Благодаря одному дню, скифы (печенеги) не увидели мая». Уцелела лишь часть пленных печенегов, и позднее она была включена в состав греческой армии. В течение 30 следующих лет печенеги не беспокоили Византию.

Пират-эмир Чака, задержанный византийским флотом и не успевший поэтому на помощь печенегам, в боях потерял часть своих завоеваний. Император победил его и в дипломатической борьбе, склонив на свою сторону его зятя, султана Икония и Никеи Кылыч Арслана. Последний собственноручно в 1192 г. убил Чаку на пиру в Никее, когда тот прибыл к нему за помощью. Страшный для греков 1091 г. счастливо закончился, империя выстояла. Однако около 1095 г. султан Кылыч Арслан перенес столицу из Икония в Никею, в 20 километрах от Мраморного моря. По всему было видно, что нападение турок на Константинополь не заставит долго себя ждать.

Проблемы укрепления армии и освобождения Анатолии от турок, а также защиты от получивших независимость сербов и мятежных болгарских подданных и от возможного нового нападения итальянских нормандцев неотступно стояли перед императором. И когда в марте 1095 г. Урбан II открыл собор в Пьяченце, посвященный вопросам церковной реформы, на нем присутствовали послы императора, передавшие просьбу Алексея о присылке в Византию солдатских отрядов, преувеличив, по-видимому, опасность положения империи. При этом послы выдвинули на передний план мысль о помощи Иерусалиму, так как император ожидал от этого дополнительного пропагандистского воздействия. Если бы император знал, что дело обернется крестовым походом, он не заикался бы об Иерусалиме. Алексею были нужны для отвоевания Анатолии и обороны империи с запада, севера и востока солдатские контингенты, которые полностью находились бы под его контролем. Большая рыцарская армия, двинувшаяся освобождать Иерусалим, никоим образом императору не была нужна. Однако неосторожно сказанное слово вылетело из его уст. Менее чем через полгода, на Клермонском соборе, Урбан II призвал к крестовому походу.

Глава 3

Возникновение крестовых походов

1. Идея крестовых походов

Собственно, начало крестовым походам положила просьба о помощи, с которой император Мануил VII еще в 1073 г. обратился к папе Григорию VII. Последний серьезно задумывался об отправлении войск в Константинополь, поставив условием помощи объединение греческой церкви с латинской. В письме к графу Гийому Бургундскому (из Безансона) папа писал: «Мы надеемся... что после подчинения [итальянских] нормандцев, мы отправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми нападениями сарацин*, жадно просят, чтобы мы протянули им руку помощи». Очевидно, что речь шла только о защите Константинополя, а не об освобождении Иерусалима. Папа писал германскому королю Генриху IV, что итальянцы и другие европейцы, послушные его воле, готовят уже 50-тысячную армию и хотят подняться против врагов Бога: «К этому делу меня особенно побуждает также и то, что Константинопольская церковь, не согласная с нами относительно Святого Духа, стремится к согласию с апостольским престолом». Однако вскоре папе было уже не до Византии: обострилась до предела его борьба с Генрихом IV за инвеституру (см. ниже), так что участия последнего в походе более не предполагалось, итальянские нормандцы, поссорившись с византийцами, готовились к войне с ними, у самого папы начались раздоры с французским королем, по словам папы, «хищным волком», также продававшим епископства и аббатства тому, кто больше заплатит, и он призвал французских дворян выступить против него, да и византийский император Мануил вскоре (1078) был свергнут.

В марте 1088 г. на папский престол был избран Урбан II, умный и решительный 46-летний француз из знатного рода, в миру Одо де Лажари. Его воля и решимость были не слабее, чем у папы Григория VII, но он был лучшим дипломатом и человеком с более широким кругозором. За верность папе Григорию в Германии он в свое время был брошен в тюрьму. Положение его было тяжелым. Рим находился в руках антипапы Климента III, ставленника ставшего императором

---

* Сарацинами в средние века в Западной Европе называли арабов Ближнего Востока и Аравии; иногда название распространялось на всех мусульман, как в данном случае – на турок.

Генриха IV, а он вынужден был оставаться на юге Италии у нормандцев. Войска его сторонники, маркграфини Матильды Тосканской, были разбиты войсками Генриха IV. Но Урбан трудился упорно и последовательно. Он отказался от притязаний Григория VII на политическое господство. Он втихомолку разжег восстание против императора его сына Конрада, укрепил свою духовную власть во Франции и в Испании. «Императорский» папа Климент III вынужден был бежать из Рима в Равенну, а папа Урбан II, высоко поднявший свой престиж, весной 1094 г. вернулся в Рим. С началом 1095 г. он – признанный глава западноевропейского христианства.

Урбан II первым из пап дал ход идее Крестового похода. Собранный им в марте 1095 г. собор в Пьяченце в Италии призвал верующих помочь императору Византии против неверных, и многие из собравшихся обещали отправиться сражаться с врагами креста. Из Пьяченцы Урбан II отправился во Францию в Ле-Пюи, где долго совещался с тамошним епископом Адемаром Монтейским. Тот был из знатного рода графов де Валентинуа, человек «умный и достойный, благочестивый и образованный», как говорит о нем хроника Ле-Пюи, и, кроме того, твердо отстаивавший права церкви; за девять лет до этого он совершил паломничество в Иерусалим. Очевидно, здесь, в Ле-Пюи, и было принято решение о посылке армии на помощь Византии и о том, что епископ будет ее духовным руководителем в качестве легата папы. Отсюда папа отправил письма епископам Франции и соседних стран, призывая их прибыть в ноябре на собор в Клермоне.

Затем папа после короткого пребывания в Ключи отправился на юг, во владения могущественного Раймунда де Сен-Жиля, графа Тулузы и маркиза Прованса, прославившегося участием в священной войне в Испании. Ему Урбан II, видимо, предложил возглавить военную сторону предприятия. Затем папа отправился в Клермон в Оверни. Вся страна была охвачена воинственным религиозным энтузиазмом.

18 ноября 1095 г. в Клермоне был открыт большой собор. На него съехалось так много народа, что в городе не нашлось достаточно жилья и многие из прибывших расположились под открытым небом. На соборе был принят ряд церковных постановлений. Затем был отлучен от церкви король Филипп I за нежелание расстаться с похищенной женой графа Фулька IV Анжуйского. Далее было утверждено «Божье перемирие».

Под конец собора, 27 ноября, под открытым небом, в окружении 14 архиепископов, 225 епископов, 100 аббатов и нескольких десятков тысяч клириков и мирян, Урбан II обратился к присутствовавшим с пламенной речью. Дошедшие до нас тексты этой речи, записанные некоторыми из присутствующих, сильно отличаются друг от друга. Тем не менее можно заключить, что папа призвал собравшихся прийти на помощь братьям-христианам в Романии (Византии) и защитить

их от турок, вторгшихся в сердце страны, истязавших жителей и оскверняющих Святые места, ими занята и Антиохия, город святого Петра. Далее папа описал страдания, которым подвергаются паломники на пути в Иерусалим, подчеркнув его особую святость. Христиане Запада, бедный и богатый, должны выступить, чтобы спасти Восток. Вместо того чтобы жить в убожестве и нищете и убивать друг друга, они должны без промедления отправиться на справедливую войну, и Бог будет ими руководить. Каждый, кто погибнет в бою, получит отпущение и прощение грехов.

Ил. 3. Урбан II проповедует крестовый поход.
Средневековая гравюра на дереве

Речь папы снова и снова прерывалась криком: «*Dieu le veut!*» («Так хочет Бог!»). Вперед выступил епископ Ле-Пюи Адемар, он преклонил колени перед папой и попросил разрешения участвовать в священном походе. Затем упал на колени кардинал Григорий и громким голосом начал «*Confiteor*» («Я признаю») – христианское признание грехов, и все собравшиеся повторяли его за ним. Когда покаяние закончилось, папа встал и дал собравшимся абсолюцию – отпущение грехов (см. ниже). По предложению папы будущие участники нашивали себе на правое плечо или на грудь красные кресты*, руководствуясь словами призыва из Нового Завета: «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и

следуй за мною» (Мф 16:24). Начало похода было назначено на день Вознесения Девы Марии, 15 августа следующего года, после того как будет собран урожай.

Было решено, что ушедшие в поход получают отпущение грехов, отсрочку долгов и защиту их имущества церковью во время их отсутствия. Урбан II

* Существует версия, что кресты Первого крестового похода были белыми, потому что для их изготовления использовалось нижнее белье. Трудно согласиться с этим утверждением хотя бы потому, что нижняя одежда появилась в Европе (сначала у богатых) только в середине XIII в. под влиянием в том числе крестовых походов. До восхождения на английский трон Плантагенетов во Франции все крестоносцы традиционно носили кресты красного цвета. Во время Третьего крестового похода французские и английские крестоносцы, подданные короля Англии, надели кресты белого цвета, чтобы отличаться от подданных французского короля (см. гл. 36.1). Нет сомнения, что при подготовке Клермонского собора была предусмотрительно заготовлена материя красного цвета.

назначил епископа Адемара своим легатом в походе. Через несколько дней прибыли посланники от графа Тулузского и сообщили об его согласии участвовать и возглавить поход. Папа назначил и место сбора – в Ле-Пюи. В походе могли принять участие только здоровые мужчины, клирики должны были получить разрешение своего духовного руководителя, а миряне – просить совета у опытных духовных лиц. Но отказаться от обета было нельзя, это влекло за собой отлучение от церкви.

Папа покинул Клермон 2 декабря, еще восемь месяцев он оставался во Франции. Он объехал центр и юг страны, проповедуя крестовый поход и совещаясь с церковными и светскими князьями. О решении Клермонского собора были оповещены епископы и важнейшие светские власти Запада. Видимо, по совету Раймунда Тулузского, обратившего внимание папы на необходимость поддержки крестоносной армии флотом с целью обеспечения ее снабжения, папа отправил двух легатов с письмами в Геную. Затем с подобными просьбами папа обратился к Пизе и Венеции. Генуя обещала отправить в поддержку экспедиции 12 военных кораблей и грузовое судно, однако флотилия вышла из Генуи только в июле 1097 г. Пиза отправила свою эскадру в Святую Землю в 1098-м, и Венеция – в 1100 г. В августе 1097 г. Урбан II вернулся в Ломбардию.

Папа думал о выступлении в поход маленькой рыцарской армии, руководимой Раймундом Тулузским и епископом Адемаром. Главной целью похода, провозглашенной на Клермонском соборе, было не освобождение Иерусалима, а помощь Восточной церкви в ответ на неосторожную просьбу послов императора Алексея. Задачей папы было посредством военного похода против турок в Анатолии помочь Византии и, возможно, добиться сближения и объединения церквей, но вовсе не создавать Риму, помимо Константинополя, нового соперника – Иерусалим. В современном Первому крестовому походу документе, написанном в аббатстве Соксиланж в Оверни, неподалеку от Клермона, говорится: «Когда бушевала ярость варваров, чтобы разрушить свободу Восточной церкви, случилось то, что по призыву папы вся сила и вся вера Западных народов бросились на помощь уничтожаемой религии».

Однако в общественном сознании поход на восток сразу отождествился с освобождением Иерусалима, святого города, где проповедовал, творил чудеса, был распят и воскрес Иисус Христос. Поход вскоре приобрел такие масштабы, каких папа не мог предвидеть. Под влиянием общего настроения народных масс уже в ходе крестового похода папа должен был переориентировать его цель с защиты греческой церкви и Константинополя на освобождение Иерусалима. Позже, после Клермонского собора, во время осады Антиохии и после падения Иерусалима, появились мобилизационно-пропагандистские документы, обосновывавшие необходимость крестового похода за освобождение Иерусалима

и, заодно, клеймившие жестокость и надругательства над христианской верой турок и арабов, а также предательское поведение Византии.

Религиозное воодушевление, распространившееся на всю Францию и на другие страны, собрало огромное воинство и значительно отодвинуло сроки начала предприятия.

2. Церковные реформы

Крестовые походы были уделом рыцарства и без образования рыцарского сословия были бы невозможны. Создателем этого сословия явилась церковь. Однако, чтобы это осуществилось, была необходима церковная реформа.

С падением Каролингской империи в Западной Европе наступили, пожалуй, самые тяжелые времена. Недаром время с конца IX до конца X в. было названо «темным столетием». Общее одичание усиливалось постоянными набегами «язычников» – норманнов, венгров и арабов. Рухнул государственный порядок, и вместе с ним пали общественные нравы. Острый кризис охватил и Западную церковь. Поведение отцов церкви, епископов и аббатов, часто возбуждало негодование в религиозных массах. Они превратились в богатых сеньоров, были озабочены только своими материальными интересами и переняли у баронов склонность к насилию и испорченные нравы. Церковь попала в полное подчинение местным феодалам. Церковные и монастырские должности повсеместно продавались. Эта практика называлась симонией по имени Симона волхва, пытавшегося купить у апостолов дар Святого Духа (Деян 8:9–24). В среду духовенства и даже в монастыри проник разврат. Отцы церкви вступали в брак или держали наложниц и старались передать свою должность по наследству.

Центром движения за реформу церкви стало бенедиктинское аббатство Клоуни близ города Макон в Бургундии. Оно было основано первым герцогом Аквитании Гийомом I в 910 г. Он навсегда отказался от прав на монастырь и передал его под покровительство папы. Движение реформы добивалось восстановления порядка и дисциплины в церкви, соблюдения и углубления бенедиктинского монашеского устава, основанного на принципах строгого аскетизма и послушания, безбрачия духовенства, запрещения симонии, а также освобождения монастырей от внешнего влияния дворянства. Наряду с этим реформа была направлена и на мирян; сторонники реформы добивались повышения духовности и искренности мирянства и сближения его с укрепляющей свои нравственные позиции церковью. Под управлением энергичных аббатов монастырь вырос, а на основе принципов церковной реформы во Франции, Германии, северной Италии, Англии и Испании возникла могущественная клюнийская конгрегация, включавшая

несколько сотен монастырей. При поддержке общественного мнения и императора Генриха III в середине XI в. папский престол заняли сторонники Ключийской реформы.

Реформируемая церковь свои главные усилия направила на наведение порядка среди одичавшего военного сословия. Отношение церкви к войне было двойственным: с одной стороны, неизбежное зло нужно было свести к минимуму в соответствии с миролюбивым и ненасильственным учением Христа, с другой стороны, необходимо было поддерживать оборонительные войны своего государства. Обе точки зрения удалось совместить, приняв доктрину блаженного Августина (354–430) о «справедливой войне» (*bellum justum*). Российскому читателю будет, видимо, интересно вспомнить, что основоположниками понятия «справедливая война» вовсе не были классики марксизма. Блаженный Августин не был революционером, и поэтому в его учении о «справедливой войне» говорилось, что она допустима и может вестись только в двух случаях: с целью обороны или с целью возвращения захваченной собственности. Правда, правоведам во все времена ничего не стоило, истолковав надлежащим образом факты, объявить любую войну справедливой. Ответственность за войну всегда возлагалась на другую сторону.

3. Возникновение рыцарства, священные войны и паломничества

Церковь решительно поддержала борьбу против набегов языческих народов, тем более что церкви и монастыри были главной целью их нападений из-за своего имущества. Предваряя идею крестового похода, папы Лев IV и Иоанн VIII в IX в. гарантировали вечный рай павшим в борьбе с арабами и норманнами. Война с язычниками считалась прежде всего обязанностью королей и императора, так же как их особой задачей была защита церкви внутри страны и распространение ее вове. Однако государство практически не могло противостоять всеобщей анархии. Сословие воинов грабило церковные и частные владения с не меньшим усердием, чем язычники. Наведение порядка церкви пришлось взять на себя, очевидно, заботясь в первую очередь о сохранности собственного имущества. В конце X в. церковь возглавила движение за Божий мир, оно получило поддержку общества и, в свою очередь, оказало на него благотворное влияние. Движение началось на юге Франции. Провинциальные церковные соборы, руководимые сторонниками Ключийской реформы, добивались обязательства баронов и воинского сословия прекратить войну: «Без мира никто не сможет увидеть Господа». Дворянство давало клятву обеспечить безопасность крестьян, церковнослужителей и церковного имущества, те, кто нападал на них, отлучались от церкви. Собор в Тулузе в 1041 г., пойдя дальше, постановил, что все войны должны

прекращаться на время праздников и на воскресенья, на Рождественский и Великий посты и на вторую половину каждой недели. Это было Божье перемирие, утвержденное Клермонским собором в 1095 г. Чтобы привести в исполнение постановления соборов, в провинциях учреждали «общества мира» под управлением епископов, имевшие свою казну, свой суд и свою «армию мира», совершавшую под руководством церкви карательные экспедиции. Такая война, одобренная церковью и ведущаяся на службе ей, стала считаться священной и, конечно, была причислена к справедливым войнам.

В Западной Европе развился и окреп средневековый феодализм. Его можно охарактеризовать тремя факторами. Первый – военный фактор. Военные угрозы обусловили появление сословия высокопрофессиональных воинов-рыцарей, связанных со своими ленными сеньорами, баронами и князьями клятвой верности и взаимными обязательствами. Другой – социэкономический фактор, породивший земельное хозяйство, которое обеспечивало доход рыцарству*. Нуждавшееся в защите крестьянство передавало рыцарю-владельцу лена права на землю. И наконец, третьим стал фактор авторитета, позволивший рыцарству оказывать значительное влияние на государственные дела.

Во второй половине XI в. усилившееся в результате реформы папство вступило в спор за инвеституру, поставив своей целью отнять у светских сюзеренов, и прежде всего у императора Священной Римской империи, право назначения на должность епископов и аббатов. Символика инвеституры заключалась во вручении занимавшему должность кольца и посоха, и тот, кто их вручал, получал права сюзерена. Борьба за инвеституру также поддерживала идею священной войны, поскольку папы сознавали, что при этом значительно усиливается политическое влияние церкви. К концу XI столетия воинское сословие стало превращаться в рыцарство, одной из главных обязанностей которого было, вместе с верностью сеньору, служить Богу и церкви. Церковь постепенно перенесла идею объявления священной войны с короля (или императора), бывшего ранее единственным ответственным ее начинателем, на широкие слои рыцарства. Без возникновения рыцарского сословия крестовые походы не смогли бы возникнуть и состояться.

Реформы XI столетия значительно усилили папство. Папа Лев IX в середине века возглавил поход против нормандцев в южной Италии, называя их язычниками за их жестокость, и обещал немецким участникам похода отпущение грехов. Папа Николай II заключил в Мельфи в 1059 г. союз с вождем итальянских

---

* Снаряжение рыцаря было очень дорогим. Рыцарь обязан был выходить на войну по зову сеньора на коне и в полном вооружении. В начале IX в. полная стоимость снаряжения воина равнялась стоимости 45 коров (в том числе: шлем – 6 коров, кольчуга – 12, меч с ножами – 7, ножные латы – 6, копье и щит – 2 и конь – 12).

нормандцев Робером Гискаром. Тот согласился получить свои владения от папы в виде лена и стал, таким образом, папским вассалом. Папство получило в свое распоряжение ленную армию для ведения священных войн. Эти же нормандцы с согласия церкви осуществили в виде священной войны с неверными отвоевание у арабов Сицилии (1061–1072). Благословение церкви и освященное папой знамя получил нормандский герцог Вильгельм при завоевании Англии (1066) у «клятвопреступника» – англосакского короля Гарольда. В Испании под покровительством папства и при активном участии французов продолжалась священная война с неверными. Папа Александр II поддержал поход, направленный на завоевание Барбастро (Арагон) в 1064 г., и даровал отпущение грехов его участникам. В мае 1085 г. король Кастилии и Леона Альфонс VI овладел Толедо, древней столицей вестготских королей, и провозгласил себя императором. После этого испанские эмиры призвали Альморавидов из Африки, нанеших в 1086 г. жестокое поражение императору Альфонсу. Папы многократно призывали французское дворянство на помощь испанским христианским государствам и отпускали грехи участникам борьбы с неверными. Борьба с мусульманами считалась очень почетной, и опыт привлечения французской помощи испанцам был удачным, несмотря на отсутствие крупных побед у христиан. Испанские войны, без сомнения, оказали большое влияние на возникновение идеи крестовых походов. Помимо этого, пребывая на юге Италии, папа Урбан II, несомненно, обратил внимание на войну итальянских нормандцев с арабами, а также на экспедицию пизанского и генуэзского флотов в 1087 г. против Туниса, в которой участвовали пизанцы, ранее совершившие паломничество в Рим и имевшие кроме оружия еще посохи и котомки паломников.

Мирные паломничества европейских христиан к Святым местам начались задолго до крестовых походов. Иерусалим стал местом паломничества с тех пор, как святая Елена нашла вблизи него Святой Крест, на котором был распят Христос, и Камень Помазания, куда возложили снятого с Креста Иисуса, а ее сын, император Константин, воздвиг комплекс церковных зданий Гроба Господня на месте Его казни. В начальный период существования ислам отличался терпимостью, и мусульмане сохранили часть церквей на землях, отнятых у христиан, разрешали богослужение и не препятствовали паломникам. Карл Великий, обменявшийся несколькими посольствами с халифом Аббасидом Харун ар-Рашидом, посылал в начале IX в. деньги на восстановление и строительство новых церквей и монастырей в Палестине. С тех пор всех западных европейцев латинского обряда, вне зависимости от происхождения, на Ближнем Востоке стали звать франками. В Западной Европе твердо знали, что мусульмане овладели Святой Землей насильственно и христиане имеют неотъемлемое право на

Иерусалим, а также серьезно верили легенде, что Карл Великий совершил туда паломничество.

При Фатимидах, овладевших Палестиной во второй половине X в., терпимое отношение к христианам не изменилось. Однако при халифе аль-Хакиме, «жестоким фанатиком и яростным безумцем», в начале XI в. начались гонения на христиан. Он приказал разрушить церковь Гроба Господня в Иерусалиме, объясняя это тем, что чудо схождения Благодатного Огня в Страстную субботу перед Пасхой является безбожным обманом.

Полоса терпимости, наступившая после его смерти, увеличила число паломников, а византийские императоры начали восстанавливать разрушенную церковь Гроба Господня. Восстановление было завершено императором Константином Мономахом в 1046 г., христианский квартал Иерусалима, так же как церковные здания при Гробе Господнем, был огражден каменной стеной. Однако после раскола христианской церкви византийские чиновники стали облагать налогом паломников с Запада, возможно, по требованию императора, им было запрещено входить в церковь Гроба Господня, и более трехсот католиков в 1056 г. были выселены из Иерусалима. Однако вскоре ограничения были сняты, и до последнего десятилетия XI в. количество паломников с Запада непрерывно росло.

Увеличению числа паломников способствовали ожидание конца света и Страшного суда, осознание обществом греховности, стремление к благочестию, аскетизму, к духовным подвигам, усилившиеся в связи с Клунийской церковной реформой. Теперь паломничество к Святым местам стало назначаться во искупление великих грехов. Обычно тысячи паломников ежегодно отправлялись в Испанию, в Сантьяго-де-Компостела, к гробнице апостола Иакова, Истребителя мавров*, стекались в Рим к гробницам апостолов Петра и Павла, к местопребыванию папы, многие из них затем отправлялись в Константинополь, чтобы поклониться тамошним богатейшим реликвиям, но главные святыни – Гроб Господень и Святой Крест – находились в Святой Земле, «где ступала нога Господня», и путь в Иерусалим лежал через Константинополь. Помимо тяжелых лишений, вызванных бездорожьем и жарким климатом, паломники подвергались по дороге разбойничьим нападениям турок, арабов и бедуинов, так что немудрено, что большая их часть обратно не возвращалась. Военное господство турок в Анатолии сделало опасным сухопутные путешествия, и паломники вынуждены были теперь добираться из Константинополя до Иерусалима морем.

* Маврами в Западной Европе называли мусульман Пиренейского полуострова и Северо-Западной Африки.

Среди знатных паломников в Палестину в XI в. можно выделить следующих. Граф Фульк III Черный Анжуйский, обвиненный в убийстве жены и других убийствах, трижды в первой половине XI в. отправлялся на богомолье в Святую Землю; однажды во время молитвы у Гроба Господня приказал подвергнуть себя бичеванию, в религиозном экстазе откусил кусок камня от святой гробницы, привез его на родину и поместил в аббатстве Бойе близ Лоша. Герцог Робер Дьявол Нормандский, отец Вильгельма Завоевателя, обвиненный в отравлении брата и отлученный от церкви за пренебрежение женой, отправился в сопровождении большой свиты в Иерусалим и умер в 1035 г. в Никее на обратном пути. В 1054 г. трехтысячный отряд из Фландрии епископа Камбре Литбера, названный «войском Божиим», почти весь погиб, истребленный болгарами и голодом. Епископ, не добравшись до Иерусалима, должен был из Сирии возвратиться домой. В 1064 г. в Святую Землю отправился семитысячный отряд немцев под руководством Гюнтера, епископа Бамбергского. Потеряв в лишениях и в боях с разбойниками-бедуинами в Палестине на пути к Иерусалиму большую часть отряда, в том числе и предводителя, немцы добрались до Иерусалима, где были торжественно встречены патриархом. «Из семи тысяч отправившихся вернулось меньше двух тысяч», – говорит источник. Из других знатных паломников в конце XI в. следует отметить графа Робера I Фриза Фландрского и графа Беренгария Барселонского.

Паломники, вернувшиеся из Константинополя и Иерусалима, рассказывали о богатстве увиденных городов, о великолепных дворцах и храмах, о роскоши и богатстве, об огромных рынках с изобилием товаров (все это находилось в резком противоречии с бедностью их собственных стран), о плодородии земель на Востоке, а также о тяготах и опасностях дороги и о притеснениях, испытываемых христианской церковью.

К тому же от слова «Иерусалим» для людей XI в. исходило волшебное сияние. Кроме земного, мирского Иерусалима, центра земли, города, где проповедовал, погиб и воскрес Христос, был еще небесный Иерусалим – центр небесного мира. Небесный Иерусалим был, согласно Новому Завету, городом из чистого золота, со стенами из драгоценных камней и жемчужными воротами, и когда наступит конец света, Иерусалим небесный должен будет опуститься на место Иерусалима земного.

Разрушение церкви Гроба Господня в 1009 г., убийство нескольких тысяч германских паломников в 1064 г., а также захват в 1078 г. турками у Фатимидов Иерусалима и большей части Палестины тягостно действовали на религиозные массы Запада и вызвали сильный порыв религиозно-воинственного воодушевления. И хотя армянский хронист Матфей Эдесский пишет: «Малик Шах проявил свою доброту, милосердие и благорасположение к верующим во Христа»,

парадокс времени заключался в том, что Западная Европа восприняла переход Иерусалима в руки турок как усиление притеснения паломников и ухудшение положения местных христиан.

Исследователи обратили внимание на имевший место постоянный сельскохозяйственный кризис с середины IX до середины XI в. во Франции и Италии, странах, первыми принявшими участие в крестовых походах, достигший высшей точки около 1000 г. Кризис сопровождался голодом и объяснялся тем, что производство сельскохозяйственной продукции отставало от растущего количества населения. Тянувшееся еще со времен Каролингов постоянное разделение земельных владений среди наследников породило малоземелье, препятствовавшее повышению сельскохозяйственного производства. После 1000 г. положение начало улучшаться сначала медленно, а затем с большей скоростью. Объяснялось это главным образом прекращением дробления владений, что способствовало повышению агрикультуры. Церковь и дворяне начали скупать мелкие владения. Были приняты меры, чтобы объединенные владения больше не дробились. В рыцарском сословии, будущем главном исполнителе крестовых походов, этого добивались различными способами.

В северной Франции установили майорат – такой порядок наследования, при котором все владение переходило к старшему сыну (*major* – старший). Рожденным позже иногда даже не разрешали вступать в брак, и они должны были искать свою удачу на военной или на церковной службе.

В южной Франции и Италии была распространена другая правовая форма сохранения крупных владений. Здесь к концу XI в. получило преобладающее значение коллективное владение феодами нескольких близких или более отдаленных семей. Эта правовая форма получила название *fraternitia* (совместное владение братьев). Фратерницию сохраняли до второго поколения, и она предупреждала дробление владения. В этом случае феодал находился в совместном владении братьев и сестер, принимая иногда в сообщество дядей и племянников. Даже если доля одного была малой, сообщество было достаточно богатым, чтобы содержать одного или двух конных вооруженных воинов, то есть продолжать оставаться в сословии. В такой правовой форме очень важным было подчинение одиночки дисциплине сообщества, особенно в отношении браков. Не все члены сообщества имели право вступить в брак, так как количество компаньонов не должно было превышать хозяйственно допустимую норму. Выход для таких был опять-таки в уходе на военную или на церковную службу.

Рыцари – младшие сыновья – были важной составляющей рыцарских контингентов крестовых походов. Не менее важна была рыцарская вассальная верность, когда в поход вместе с князем или бароном уходили его вассалы. Существенную роль в организации крестовых походов сыграло невысказанное

желание церкви спровадить из Европы буйные толпы баронов, рыцарей и простонародья, направить их разрушительную энергию на благое дело, на священную войну.

Еще одним очень важным фактором, способствовавшим участию в крестовом походе, было желание приобрести заслугу перед Богом. Такую заслугу давало отпущение грехов крестовому походу. Попробую дать российскому читателю, возможно, не знакомому с этим вопросом, несколько упрощенное представление о том, как в католической церкви во времена крестовых походов происходило отпущение грехов, следуя изложению этого вопроса германским историком Х. Э. Майером.

Отпущение грехов выводится из одного из семи церковных таинств* – исповеди (покаяния). Первоначально исповедь разделялась на три части: признание вины (покаяние), удовлетворение (искупление вины, труды покаяния) и прощение. Без удовлетворения (искупления вины) невозможно было прощение, и, таким образом, стиралось различие между искуплением вины за грехи и наказанием за грехи. Повинность, назначенная священником при исповеди, должна была соответствовать совершенному греху. Нередки были многолетние отлучения от церкви. Так как человек больше боялся наложенного от имени Бога наказания за грехи в загробном мире, измерявшегося временем пребывания в аду, чем всех земных канонических (церковных) наказаний, назначенных при исповеди, то последние были очень суровы, чтобы как можно меньше вины оставалось для Божьего наказания после смерти. Развитие практики исповеди привело к тому, что церковные наказания были тарифицированы и фактически смягчены. Церковь прибегла к системе преобразования наказаний, при котором наказание становилось короче, но тяжелее, но все равно фактически легче, хотя теоретически новая мера наказания должна была соответствовать совершенному греху. Появились так называемые «Книги исповеди», представлявшие тарифные списки измеренных мер наказания и рекомендации относительно их применения.

Около 1000 г. церковь перенесла конечный этап исповеди – прощение – на начало искупления вины, хотя труды покаяния затем все равно должны были быть выполнены, то есть прощение и удовлетворение в триаде исповеди поменялись местами. Таким образом было устранено многолетнее отлучение от церкви – одно из наказаний, которых больше всего боялись. Перенесение прощения на начало искупления вины фактически положило конец старому способу прощения. Он был заменен абсолюцией (abcolution) – объединенным с предварительным покаянием отпущением грехов. Абсолюция хотя и содержала

---

* Таинство – обряд, приобщающий верующих к Божественной благодати; христианская церковь признает семь таинств, в том числе исповедь (покаяние) – раскрытие верующим своих грехов священнику и получение от него прощения – отпущения грехов именем Христа.

примирение с Богом и церковью, но не распространялась на весь список наказаний за грехи: за часть грехов должен был наказывать Бог. Абсолюция предполагала только уменьшение вины за грехи. Абсолюция явилась действенным заступничеством церкви за грешника, хотя и не стала еще юрисдикционным (правовым) актом.

И хотя после Первого крестового похода теологи XII в., и первым из них Гюг из Сен-Виктора, для учения об отпущении грехов выработали фактически, но еще не официально, основополагающее отличие искупления вины за грехи от наказания за грехи, однако на практике теперь при исповеди больше не придерживались равноценности наказания совершенному греху, а уменьшение наказаний стали позднее обосновывать ссылкой на церковную «сокровищницу добрых дел»*, учение о которой в католической церкви было сформулировано позднее, в 1230 г., Гюгом из Сен-Шера.

Кающийся грешник от конца крестовых походов до нашего времени при настоящем и искреннем покаянии и следующем за ним отпущением грехов получает от католической церкви искупление вины за грехи и превращение вечных наказаний, которые могут встретить его в загробном мире, в чистилище** или в аду, в наказания на определенное время. Таким образом католическая церковь вне таинства исповеди, на основании права грешника на договор с ней, в юрисдикционном акте милости, не требуя трудов покаяния, освобождает его после покаяния частично или полностью от канонических (церковных) земных наказаний и от Божьих наказаний в загробном мире. При этом церковь делает предложение Богу о замене трудов покаяния грешника (но только для самого грешника) заслугами, взятыми из церковной «сокровищницы добрых дел». «Сокровищница» рассматривается как резервуар неисчерпаемых заслуг перед Господом Христа, Богородицей и святыми, предоставленных церкви Богом. До сих пор в католической теологии является спорным, гарантирует ли этот юрисдикционный акт милости положительное воздействие на Бога или главным является Божье согласие, а юрисдикционный акт является только косвенным морально-обеспечивающим фактором.

В середине XIV в. католическая церковь признала пап хранителями и распорядителями «сокровищницы», тогда же она признала учение об индульгенциях***. Отпущение грехов с помощью индульгенций предполагало замену трудов покаяния заслугами церкви, взятыми из «сокровищницы», при принесении

* Учение о «сокровищнице добрых дел» в православной догматике отсутствует.

** Учение о чистилище было принято католической церковью на Флорентийском соборе в 1439 г., в православной догматике отсутствует.

*** Индульгенция – отпущение грехов с выдачей свидетельства от имени папы Римского за деньги или какие-либо заслуги перед церковью, в православной догматике отсутствует.

грешниками покаяния перед их получением. Разрешение двух германских князей церкви (архиепископа Майнцкого и епископа Бранденбургского) продавать индульгенции без предварительного принесения покаяния явилось причиной появления тезисов Мартина Лютера и поводом для начала Реформации.

Таким образом, необходимо учитывать, что учение об отпущении грехов сложилось позднее и никоим образом не могло быть использовано при отпущении грехов участникам ранних крестовых походов.

Для народа отпущение грехов имело решающее значение, поскольку было связано с чрезвычайно популярной идеей паломничества. Паломничество покаяния в Иерусалим считалось наиболее заслуженным и исцелительным, благодаря традиции Святых мест. Вообще же решающим для роста популярности паломничества покаяния стало перенесение прощения на начало трудов покаяния, то есть на начало паломничества. Убедившись на протяжении веков, что для народа паломничество в Иерусалим имеет значение отпущения грехов, католическая церковь даже формально признает за паломничеством абсолюцию (отпущение грехов при предварительном покаянии). Первое официальное объявление об этом исходит от Урбана II. В 1089 г. он приказал дворянству и духовенству архиепископства Таррагона (Каталония) принять участие в восстановлении здешних церкви и крепости, посоветовав тем, кто из соображений покаяния и в силу благочестия намеревался идти в Иерусалим, обратить огромные затраты и труды, требуемые таким способом покаяния, на дела этого строительства. Причем тем, кто решится на это, предоставлялось такое же отпущение грехов (абсолюция), как то, которое они могли бы получить при паломничестве в Иерусалим. И далее, в 1096–1099 гг., он обещал каталонским графам дать погибшим в сражениях с маврами такое же отпущение грехов, как и участникам Первого крестового похода. То есть если ранее, до начала крестовых походов, он приравнял строительство церкви и оборону Таррагоны к паломничеству, то позднее отождествил эти деяния с крестовым походом, иначе было бы недопустимо удерживать испанцев от крестового похода в Святую Землю.

Главной идеей Урбана II при организации крестового похода было объединение войны против язычников с паломничеством. По мысли папы, крестоносец, то есть вооруженный паломник, воюющий за священную цель, должен стоять ступенью выше мирного паломника. Так это воспринимали и современники. Крестоносцу одновременно с мечом вручали посох и котомку. В отличие от мирных паломников, называемых просто «паломниками» или «паломниками святого Петра», вооруженные паломники стали называться «рыцарями или воинами Христа». Анонимный автор (Аноним) «Gesta Francorum» («Деяний франков»), описывающий Первый крестовый поход, называет крестоносцев «воинами-паломниками Христа».

Увеличивавшийся поток паломников и трудности паломничества вызывали у христиан желание овладеть Святыми местами – «наследием Христа», тем более что жива была память о том, что ими ранее владели христиане. Урбан II связал паломничество, в которое люди из Западной Европы отправлялись уже много столетий, с войной с язычниками. Кроме отпущения грехов, путешествие в Иерусалим давало возможность в случае смерти на Святой Земле быть рядом с Христом в день Страшного суда, когда наступит конец света и Иерусалим небесный опустится на Иерусалим земной.

Германский историк первой половины XX в. С. Эрдманн пишет, что Урбан «сделал популярные, но с деловой точки зрения бесплодные идеи паломничества плодотворными для войны с язычниками». Современники вначале не отличали крестовый поход от паломничества и использовали выражения: «паломничество», «взять крест» – принять крестовый обет, «странствие за море», «поход в Святую Землю», «путь по стезе Господней». Выражение «Крестовый поход» появилось впервые во Франции в середине XIII в. (но тогда на него не обратили внимания, и оно не вошло в обиход) и в Германии в XVIII в. Святая Земля получила название *Outremer* (Утрмер – Земля за морем, Заморье).

Какое же отпущение грехов получали участники Первого крестового похода? Решение об отпущении грехов было юрисдикционным актом. Клермонский собор предоставил им только полное освобождение от наложенных церковью земных наказаний после покаяния. Популярная пропаганда крестового похода народными проповедниками, существенно расширив узкую формулировку собора, обещала *remissio peccatorum* (уменьшение грехов), то есть, кроме полного освобождения от земных наказаний после покаяния, еще и уменьшение грехов, то есть уменьшение наказаний за грехи в загробном мире (сокращение времени пребывания в аду). В это время церковное удовлетворение (искупление вины) еще не различало вину и наказание и погашало их одновременно. В глазах людей, взявших крест, это выглядело как Полное (Пленарное) отпущение грехов, освобождение от всех земных и загробных наказаний, хотя, конечно, собор ни о чем подобном и не помышлял.

Кроме Ордерика Виталиса, англо-нормандского писателя XII в., никто из современных собору хронистов не воспроизвел официальной формулировки собора. Он же, указав сначала как на более важное на освобождение после покаяния от грехов в загробном мире, затем говорит об освобождении и от земных наказаний за грехи. Таким образом, народные проповедники обещали больше, чем собор, по тогдашнему церковному учению, мог дать. Однако ни их, ни взявших крест рыцарей и простой народ не беспокоила мысль, может ли церковь решать за Бога вопрос Полного освобождения от наказаний за грехи в загробном мире.

Безусловно, проповедники крестового похода объясняли преимущество теперешнего, якобы предложенного церковью освобождения от наказаний за все грехи перед прежним, привычным освобождением от земных наказаний за грехи после покаяния. Так, отпущение грехов по крестовому походу превратилось в идею награды, которая могла быть получена только при принятии креста. То же самое можно сказать и о следующих крестовых походах. Церковь, конечно, видела разницу между тем, что предложил крестоносцам собор, и тем, что обещали им народные проповедники, но в целях усиления агитации за крестовый поход не торопилась исправлять это различие. Более того, церковь была вынуждена сделать это истолкование своим собственным. Когда папа Евгений III провозгласил отпущение грехов Второму крестовому походу, он имел в виду именно *remissio peccatorum* (уменьшение грехов). Определение этому отпущению грехов было впервые выражено богословом Югуссио в начале XIII в. Он же окончательно сформулировал церковное учение о прощении грехов, по которому грехи могли быть прощены только при наличии двух составляющих: признания вины на исповеди и исполнения наказания за грехи. Папа Григорий VIII перед Третьим крестовым походом попытался избежать двусмысленности выражения «уменьшение грехов» и обещал только освобождение от земных наказаний после покаяния, как это объявил Клермонский собор. Все окончательно запутал 4-й Латеранский собор 1215 г., сформулировавший на дальнейшее церковную доктрину крестового похода: всем, кто лично и на свои средства шел в крестовый поход, было обещано Полное прощение всех грехов, в которых они признавались с раскаявшимся сердцем на настоящей исповеди. Это означало полное прощение самих грехов и полное искупление их церковью вне ритуальных трудов покаяния. Речь здесь не могла идти просто о наказании за грехи, так как можно было исповедаться только в грехах, но не в наказаниях за грехи. И наконец, аббат Мартин Парижский в Базеле в начале XIII в., проповедуя Четвертый крестовый поход, говорил: «Если бы вы, однако, спросили, что мы могли бы ожидать в качестве верной награды от Бога за такой труд, то я обещаю вам самым решительным образом, что каждый, кто взял крест и принес искреннее покаяние, будет полностью очищен от всех грехов». Конечно, несильно искушенные в теологии слушатели не могли видеть в этом ничто другое, как Полное погашение греха, вины и наказания. «Отпущение грехов стало тогда не только лишь платой – освобождением от грехов на время, проводимое после смерти в аду, но и также чрезвычайно желанным освобождением от грехов в земной жизни», – говорит один из ведущих современных католических экспертов.

Идея отпущения грехов крестовому походу как награды широко подчеркивалась как народными проповедниками, так и ведущими отцами церкви. Аббат Бернар Клервоский (обратим внимание при этом, какого он мнения о совре-

менном ему обществе) пишет: «Разве не удивительно, что теперь избрана и найдена ради Бога единственная возможность спасения для нынешнего всеислия убийц, разбойников, нарушителей клятв, прелюбодеев и преступников всякого рода, в то время как если бы они всегда поступали по праву, их служба не оставила бы воспоминаний. Доверь свои грехи, Бог – милосерден... Он хочет считаться должником, чтобы заплатить солдатское жалование своему войску со скидкой цены на совершенные преступления и вечным блаженством. Беспредельно счастливым я назову поколение, которому выпало время такой полной скидки, поколение, которому Бог посылает навстречу год *полного удовлетворения*, год истинного ликования... Храбрый воин, человек войны, теперь у тебя есть война без опасности, где победа принесет тебе славу, а смерть – только выигрыш. И если ты умен, то найдешь здесь главную выгоду этого мира: я возвещаю тебе великую покупку, смотри, не упусти ее. Возьми крест, и за все грехи, которые ты признаешь раскаявшимся сердцем, ты получишь полное отпущение. Крест недорог, но если ты купил его со смирением, то, без сомнения, приобрел Божье королевство».

4. Причины крестовых походов

Подводя итоги, можно указать три главные причины возникновения крестового движения:

1) наступление ислама на Западе и Востоке – в Испании и в Передней Азии. Пример Испании, где французское дворянство по призыву пап издавна участвовало в Реконкисте, был у Рима перед глазами. На отвоеванных испанских землях возникала подчиненная святому престолу церковная иерархия. На Востоке Рим решил использовать испанский опыт борьбы с неверными при помощи западного рыцарства;

2) возвышение папства в XI в. и раскол христианской церкви. Папство несомненно желало объединения церквей и готово было добиваться этого любыми средствами, от уступок в теологии до оказания военной помощи Византии. В случае успешной войны на Востоке папство не только могло нанести удар по исламу в стратегически и экономически важном районе, но и распространить свое влияние в завоеванных странах и, как полагали некоторые деятели католицизма, возможно даже, подчинить себе Византию и православную церковь;

3) возникновение усилиями церкви рыцарского сословия, обязанного службой сеньору, Богу и церкви, и экономические, общественные и религиозные факторы, в том числе стремление к духовным подвигам и идея религиозной награды, повлекшие в завоевательный поход баронов, рыцарей и простой на-

род, а также приморские торговые города. Провозглашенные церковью освобождение от грехов и защита имущества ушедших в поход способствовали проявлению массового энтузиазма. Бароны и рыцари, приняв участие в крестовом походе, кроме отпущения грехов и обретения славы рассчитывали еще на богатую добычу и на завоевание новых земель. Крестьяне надеялись избавиться от феодального гнета и стать «за морем» свободными землевладельцами. Итальянские и южнофранцузские торговые города рассчитывали захватить господствующие позиции на «перекрестке мира», в Византии и на Ближнем Востоке. Сюда же можно отнести неафишируемое желание папства найти за пределами Европы полезное занятие для необузданных и воинственных баронов и рыцарей, возмутителей европейского спокойствия. Последнее явилось позже одной из причин усиления больших европейских монархий – главных противников папства.

Все это усугублялось значительным ростом населения с начала XI в., когда прекратились набеги норманнов и венгров, рядом неурожайных лет и вызванных этим голодом, а также эпидемиями и суровыми зимами.

Необходимо обратить внимание на то, на что обычно не обращают внимания историки: крестоносцы, как и мусульмане, считали свою войну справедливой, священной.

Глава 4

Отправление в поход

1. Поход простого народа

Хотя папа обратился к епископам с просьбой проповедовать крестовый поход и сам не прекращал агитационные путешествия и переписку, однако более эффективной была проповедь множества внезапно объявившихся странствующих народных проповедников. Они быстро разнесли по всей стране слова «Так хочет Бог». Самой заметной фигурой среди них был Петр Пустынник, или Петр Амьенский, пожилой человек маленького роста, обычно перемещавшийся верхом на муле, с распятием в руках, одетый в рубище, с босыми ногами и с непокрытой головой, проповедовавший на площадях и перекрестках дорог.

Судя по дошедшим до нашего времени рассказам современников, он, видимо, искренне верил в то, что сам выдумал. Тут и письмо, которое он всюду читал, якобы полученное им от Бога, где Тот обещал, что христиане прогонят язычников из Святых мест, если попытаются; тут и явление ему Иисуса, когда он молился у Святого Гроба (хотя он так и не добрался до Иерусалима); и письмо патриарха Иерусалимского, будто бы переданное им папе о необходимости крестового похода; и его мнимое выступление на Клермонском соборе перед Урбаном II (на котором он не был). Однако его зажигательные речи, аскетизм, бессребреничество, щедрые раздачи полученных в дар денег вызывали поклонение ему как святому или пророку. Хронист Гибер из Ножана (Шампань) пишет: «Многие выдергивали шерсть из его мула, чтобы хранить как реликвию. Я не припомню никого, кому бы когда-нибудь оказывались такие почести... То, что он говорил или делал, казалось, исходило от полубога». Всем участникам похода Петр Пустынник отпускал грехи.

Самыми мобильными оказались бедняки, страдавшие от военных неурядиц, голода, холода и эпидемий и видевшие в крестовом походе средство достижения земного счастья и небесного блаженства. Жизнь нарушила запрет папы, и вокруг самозванных вождей собирались фанатически настроенные толпы мужчин, женщин и детей. Религиозный энтузиазм, охвативший Францию, перекинулся в Германию, Италию и Англию.

В начале весны 1096 г. толпы бедного люда с женами и детьми, мелких рыцарей, преступников и бродяг собрались во Франции, руководимые Петром Пу-

стынником и бедным рыцарем Готье Сент-Авуаром по прозвищу Голяк, и двинулись через Германию, Венгрию и Болгарию к Константинополю. Их было не менее 15 тысяч. Они шли пешком и ехали на двух- и четырехколесных повозках, запряженных лошадьми или быками, все время увеличиваясь в количестве. В Кельне, куда они прибыли на Пасху 12 апреля, толпы разделились – часть отправилась вперед во главе с Готье Голяком. В Германии под влиянием французского примера к походу в Святую Землю присоединилось еще большое количество немецкой бедноты. Потеряв пойманных на грабежах в Венгрии и публично опозоренных, а также несколько десятков человек в стычках с болгарами при разбоях, воинство Голяка в середине июля достигло Константинополя. Следом за Готье двинулся Петр Пустынник, оставив в Кельне своего сподвижника немецкого священника Готшалька, который должен был возглавить дополнительно собиравшиеся толпы. Сборище Петра Пустынника, насчитывавшее вначале около 20 тысяч, потеряв четверть народу в столкновениях при разбоях в Венгрии и Болгарии, в начале августа присоединилось к Готье Голяку в Константинополе. Там этот сброд пополнился толпами итальянских паломников.

Следом за Петром Пустынником из Германии двинулись другие толпы по несколько тысяч человек, не отличавшиеся по составу от первых. Многие из них возглавлялись дворянами. Почти все отряды были откровенно разбойничьими, такие, как руководимые Готшальком; Гийомом, виконтом де Меленом, прозванным Шарпантье (Плотником) за пристрастие к боевому топору; священником Фолькмаром и графом Эмихо Лейнингенским. «Много всякого сброда примкнуло ко крестовому воинству не для того, чтобы искупить грехи, но чтобы содеять новые», – пишет хронист. Они начали «священную войну» с избияния «здешних врагов Христа», с еврейских погромов, прокатившихся по прирейнским городам Кельну, Майнцу, Триру, Вормсу, Шпейеру и далее – в Праге. Церковные власти пытались их остановить, но вяло и по большей части безуспешно. Погибло несколько тысяч евреев. Такого масштаба еврейских погромов до сих пор Европа еще не знала. В Венгрии эти отряды, начав угонять скот, грабить и убивать жителей, были почти полностью перебиты войсками венгерского короля Коломана, хотя часть их предводителей улизнула и добралась до Константинополя, а другие возвратились и примкнули к рыцарским армиям лотарингцев и северофранцузов. По некоторым данным, в Европе сложило голову до 30 тысяч крестоносной разбойничьей бедноты.

Петр Пустынник был принят императором, объяснившим ему, что его отряды мало пригодны для борьбы с турками и лучше подождать прихода более надежных войск, но тот не смог справиться со своим разнузданным воинством. Послушаем Анонима, участника крестового похода, видимо, итальянского нормандца, имя которого до нас не дошло: «Упомянутый Петр первым подошел

к Константинополю в третий день от августовских календ [30 июля], вместе с ним подошло большинство немцев. Среди них были лангобарды [итальянцы] и множество других. Василевс [император] приказал снабдить их продовольствием по мере возможности города и сказал им: не переходите Босфор до прихода основной армии, так как вас недостаточно, чтобы сразиться с турками. Но христиане повели себя недостойно – они разрушали и сжигали дворцы в городе, снимали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам, так что император, прогневавшись, приказал переправить их через Босфор».

Оказавшись 6 августа на анатолийском берегу, паломники добрались до покинутой жителями Никомедии (Измит), разоренной турками 15 лет назад. Здесь немцы и итальянцы поссорились с французами и выбрали себе предводителем итальянского рыцаря Рено. Затем обе части армии добрались до укрепленного лагеря Кивето северо-западнее Никеи, сооруженного императором Алексеем, и начали грабить окрестности. Отряд французов в несколько тысяч человек подошел даже к воротам Никеи, разграбил предместья, убивая не только турок, но и христиан, и возвратился, угнав стада, в лагерь. Толпа немцев и итальянцев в 6 тысяч человек, позавидовавшая им, отправилась по их следам и захватила укрепление недалеко от Никеи. Однако войска, отправленные султаном Кылыч Арсланом, окружили их и взяли в осаду. Лишенные воды крестоносцы через восемь дней вынуждены были сдаться. Все, кто отказался перейти в ислам, были перебиты. Рено и другие, отрeksiиcя от Христа, были уведены в плен.

Получив известия об этом, французы запаниковали. Потерявший остатки влияния Петр возвратился в Константинополь, надеясь вернуться вместе с подкреплениями от императора и таким образом восстановить свою власть. Тем временем турки приблизились к лагерю. На военном совете было решено выступить против врага. На рассвете 21 октября, оставив в лагере женщин, детей, больных и стариков, толпа в 20 тысяч человек выступила из лагеря. Пройдя три километра, французы попали в засаду. Выпустив ливень стрел, турки перешли в наступление. Хотя некоторые рыцари продолжали храбро сражаться, вся пешая толпа в панике бросилась бежать и была перебита. семью стрелами был сражен Готье Голяк. Лишь немногие (порядка 3 тысяч) спаслись бегством и были перевезены греческими кораблями на европейский берег. После этого турки ворвались в лагерь и перебили всех, кого не захотели взять в рабство.

По словам Анны Комнины, «повсюду лежали трупы убитых воинов. Когда их собрали, это была не куча, не холм и даже не курган, но гора огромной высоты, так велико было нагромождение тел». «Одни турки увели свою добычу домой, другие в Хорасан [северный Иран], в Антиохию, в Алеппо, туда, где они жили», – говорит итало-нормандский хронист (Аноним). Всего погибло несколько десятков тысяч паломников. Германский историк Б. Куглер говорит по этому поводу:

«Благодаря этому Европа освободилась от всякой сволочи, но гораздо тяжелее было то, что многие тысячи здоровых крестьян, составлявших сердцевину всей этой толпы, из-за отсутствия надлежащего руководства стали жертвой своих смутных стремлений».

2. Поход рыцарских армий

Кроме созданной по плану Урбана II южнофранцузской армии графа Тулузского по своей инициативе организовались еще три рыцарские армии – лотарингская, северофранцузская и южноитальянская. Узнав об этом, епископ Адемар Монтейский предложил всем армиям собраться в Константинополе.

Ни короли, ни император в крестовом походе участия не приняли. Филипп I был отлучен от церкви за то, что за несколько лет до этого изгнал свою жену Берту и теперь не хотел расстаться с похищенной женой графа Фулька IV Анжуйского. Генрих IV упорно враждовал со своим старшим сыном Конрадом, жена императора Адельгейда (Евпраксия) развелась с ним и бежала на родину, в Киев. Одним словом, Генриху IV было не до крестового похода. Не до крестового похода было и всеми ненавидимому за жадность, жестокость и распущенность английскому королю Вильгельму II. Он укреплял в стране нормандскую власть и проводил в основном резко антицерковную политику. Через четыре года кто-то убил его стрелой на охоте.

Вообще руководителей крестоносных армий, как и всех других участников, можно условно разделить на две группы: на тех, кто хотел остаться на завоеванных землях, и тех, кто видел в путешествии «за море», кроме искупления грехов, лишь воинское приключение и искал добычи.

Командовавший самой большой южнофранцузской армией 55-летний Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузский был, видимо, самым старым и одним из самых богатых из руководителей похода. На юге Франции он владел примерно полутора десятками графств, после смерти старшего брата унаследовав графство Тулузское и после смерти родственника первой жены, маркиза, – маркизат Прованс. Он был участником и руководителем нескольких войн императора Кастилии и Леона Альфонса VI с маврами в Испании и получил руку его дочери Эльвиры, незаконнорожденной, но признанной отцом. Опытный в военном деле, гордый, храбрый и благочестивый воин, он был, помимо того, человеком упрямым, тщеславным и скуповатым. По сравнению с другими князьями, он был честен и приятен в обхождении. Много повредило ему то, что на первых порах он считал себя главнокомандующим, чего другие князья за ним не признавали. Современники звали его графом де Сен-Жилем, по его любимому владению. По преданию, уходя в поход, он поклялся не возвращаться назад, однако

от своих прав на графство не отказался. С собой в Святую Землю он взял жену, поручив владения сыну от первого провансальского брака, Бертрану. С армией графа Раймунда следовал и епископ Адемар. Граф и епископ относились друг к другу с искренним уважением и дружбой и во всем поддерживали друг друга. К армии графа присоединилось много южнофранцузских дворян. Самым значительным духовным лицом после епископа Адемара в армии был Гийом, епископ Оранжский. В свите графа находился Раймунд из Агийе, клирик, оставивший хронику похода.

Лотарингская армия состояла из контингентов из Лотарингии, Фландрии и Нижне-Рейнских германских земель. Командовавший ею 46-летний герцог Нижне-Лотарингский Готфрид Бульонский был вторым сыном графа Эсташа II Булонского и его жены Иды, дочери и наследницы герцога Готфрида II Нижне-Лотарингского, и вел свой род по женской линии от Карла Великого. Однако герцогство, наследие матери, ему не досталось, его взял себе император Генрих IV, отдав Готфриду только графство Антверпен и родовой замок матери Бульон в Арденнах. Готфрид храбро воевал за императора в Германии и Италии и получил в 1082 г. от последнего герцогство в виде должности, но не как родовой лен. Возможно, кроме религиозного воодушевления, причиной, поведшей его в поход, было недовольство императора его правлением и тем, что церковь в его герцогстве поддерживала враждовавшего с Генрихом IV папу, о чем глухо говорят источники. Так или иначе, император разрешил Готфриду идти в поход и передал герцогство другому только в 1101 г., когда получил известие о его смерти. Современники звали Готфрида герцогом Бульонским, объединяя, таким образом, его должность с названием родového замка Бульон.

Готфрид собрал сильную армию, добыв угрозой погрома большую сумму денег у евреев в герцогстве и заложив часть земель. Остаться или нет в Святой Земле, он, видимо, еще не решил. Звезд с неба он не хватал, но был надежным, сильным, смелым и благочестивым воином. В поход вместе с ним пошли его братья – старший, Эсташ, и младший, Бодуэн. Богатый граф Булонский Эсташ был храбрым рыцарем, но в поход пошел без большого желания и позднее охотно уступил командование Готфриду. За Эсташем последовали в поход многие из его вассалов и соседей. Самый младший из трех братьев, Бодуэн, по виду настоящий богатырь, выделялся умом, храбростью, честолюбием, предприимчивостью и распушенностью; он твердо решил остаться в Святой Земле. Он предназначался для церковной деятельности и не получил почти ничего из семейных владений. После обучения в церковной школе он решил возвратиться в мир, так как церковная реформа в это время запретила священникам забирать в свою пользу доходы от приходов. Чтобы ни в коем случае не лишиться наследства своей жены, нормандской дворянки, он взял с собой в поход ее и двух маленьких детей. К этой

лотарингско-фландрской группе относился и их родственник* Бодуэн дю Бург из семьи графов Ретелей, умный и храбрый воин. Видимо, в этой группе находился хронист Фульк, клирик из Шартра. Лотарингцам не нужен был переводчик, чтобы общаться с французами, французский язык был для них таким же родным, как и немецкий.

Северофранцузская армия включала в себя войска из Иль-де-Франса, Вермандуа, Нормандии, Блуа, Шампани и Фландрии. Среди командующих ею в первую очередь нужно назвать брата короля Франции, графа Гюга де Вермандуа, сына русской княжны Анны Ярославны. Затем выделялся богатством и щедростью зять Вильгельма Завоевателя, граф Этьен (Стефан) де Блуа, отец будущего короля Англии Стефана: «Замков у него было столько, сколько дней в году». Оба графа ничего не представляли из себя ни с военной точки зрения, ни в отношении характера. Этьен не хотел идти в поход и отправился только по требованию боевой и благочестивой супруги.

Далее назовем старшего сына Вильгельма Завоевателя, 42-летнего герцога Робера Нормандского. Враждовавший с ним отец лишил его английского королевства в пользу среднего сына Вильгельма II, и герцог постоянно воевал с последним и с младшим братом Генрихом, а также с непокорным нормандским дворянством. Беззаботный и легкомысленный искатель приключений и удовольствий, он сразу же согласился идти в поход, чтобы сбежать от преследовавших его неприятностей. Папа Урбан примирил его с братом-королем, и Робер добыл средства для похода, заложив ему герцогство за 10 тысяч марок серебра. Впрочем, он был храбрым и мужественным воином. Сильным и храбрым воином был также 40-летний граф Робер II Фландрский, сын паломника Робера I Фриза, умершего в 1093 г., который в 1086 г. предпринял паломничество в Иерусалим и на обратном пути некоторое время оставался на службе у императора. Граф Робер II решил продолжить борьбу своего отца против неверных. Его сопровождала небольшая, но хорошо вооруженная армия. Никто из руководителей северофранцузской армии не собирался оставаться в Святой Земле.

И наконец, четвертой была южноитальянская армия, состоявшая в основном из итальянских нормандцев. Ею командовал старший сын Робера Гискара, князь Боэмунд Тарентский. Долгое время вместе с отцом он воевал с Византией и оставил там по себе недобрую память. После смерти Робера Гискара семью Отвилей возглавил самый младший его брат, Рожер Сицилийский, а герцогство Апулийское на юге Италии унаследовал по завещанию отца младший брат Боэмунда, Рожер Борса. Боэмунду же после неудачной войны с братом досталось лишь небольшое княжество Тарентское. Это был профессиональный воин и полководец,

* Степень родства точно не установлена. Возможно, троюродный брат братьев Булонских.

выделявшийся из круга предводителей умом, волей и трезвостью взгляда. Он был беден и рассчитывал по примеру отца и дядьев захватить на Востоке для себя богатое княжество. Боэмунда сопровождал его племянник Танкред, герой всех рассказов и поэм о крестовых походах, беззаветно храбрый и яростный в бою, честолюбивый и коварный. В окружении Боэмунда находился и уже упоминавшийся нами неизвестный по имени итало-нормандский рыцарь (Аноним), написавший хронику «Деяния франков» о Первом крестовом походе, в юности, видимо, учившийся на клирика.

Он рассказывает, что, когда пришла весть о крестовом походе, Боэмунд во главе значительной армии осаждал Амальфи, тогда большой порт в южной Италии. Князь обратился к своим рыцарям: «Так хочет Бог! Когда поднимается весь мир, я не хочу оставаться в стороне. Я выступаю. Кто из вас, господа, примет Крест Христов и последует за мной на борьбу за христианство?». Он приказал разрезать свой дорогой пурпурный плащ на полосы и раздал их воинам на кресты. Кроме нормандцев к Боэмунду примкнуло множество крестоносцев, собравшихся в южной Италии.

Другие хронисты Первого крестового похода, священнослужители француз Робер Монах из Реймса и немец Альберт из Аахена, в походе не участвовали и начали работу над хрониками по устным и письменным, в том числе и пропавшим, сообщениям участников и очевидцев, один в 1106-м, другой в 1110 г. Альберту из Аахена принадлежит подробный рассказ о походе простого народа.

Раньше всех, не дожидаясь сбора армии, в Константинополь отправился брат короля Гюг де Вермандуа. Он отправил императору напыщенное послание с извещением о приезде, посетил папу Урбана II, получил от него освященное знамя святого Петра и поздней осенью 1096 г. переправился, наняв несколько кораблей, из Бари через Адриатику в Диррахий. Его флотилия потерпела крушение в шторме, и граф Гюг в самом жалком виде выбрался на берег. Византийский правитель области окружил его там почетной охраной. В декабре 1096 г. он был доставлен в Константинополь и торжественно принят императором. Там он, не задумываясь, принес императору требуемую вассальную присягу. Однако на Западе распространились слухи, что его взяли в плен и заставили присягнуть.

Когда известия о походе и его масштабах дошли до императора Алексея, они привели его в смятение. Алексей приглашал наемников для защиты своего государства. Он не ждал крестового похода, не хотел и боялся его. Идея освобождения Иерусалима давно уже не интересовала Византию. Крестовый поход был целиком и полностью предприятием Западной Европы. Забегая вперед, можно сказать, что незначительные по количеству войска Византии, сопровождавшие крестоносцев, так и не вышли за пределы Сирии.

Вот что говорила о Первом крестовом походе дочь императора Анна Комнина, не вполне справедливо под конец, в своей «Алексиаде»: «И вот, у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые искренне хотели поклониться Гробу Господню и посетить Святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Бозмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе захватить и сам царственный город».

У историков существуют две точки зрения, оценивающие поведение императора Алексея в этих обстоятельствах. По мере развития истории как науки первая, прозападная, сменилась к середине XX в. полным преобладанием второй, провизантийской.

Отцом первой точки зрения можно назвать английского историка XVIII в. Э. Гиббона. По ней, император Алексей оказался хитрым, но не очень умным человеком. Воспоминания о былом величии империи, о том, что ей когда-то принадлежали Анатолия, Сирия, Палестина, Египет и Северная Африка, не давали ему покоя. Он хотел всего и сразу. Он задумал восстановить величие империи руками крестоносцев. Гиббон пишет: «В стиле менее важном, чем стиль истории, я, может быть, сравнил бы императора Алексея с шакалом, который, как говорят, идет по следам льва и пожирает его объедки». По Гиббону, вместо того чтобы с помощью крестоносцев очистить для себя от турок Анатолию, основу империи, и отдать латинцам во владение земли за пределами полуострова, император и его преемники чинили крестоносцам всяческие препятствия, вели с ними борьбу за подчинение их и всех завоеванных ими земель, привлекая на помощь себе турок. Итогом этого явилось то, что не был побежден главный враг, турки, на Анатолийском полуострове, и он не был от них окончательно освобожден. Все это привело в конечном счете к краху и гибели как империи, так и государств крестоносцев.

Вторая точка зрения полностью одобряет и приветствует поведение императора, считая, что он выжал все, что было можно, из создавшейся ситуации, чтобы отстоять интересы своего государства. Французский историк Ф. Шаландон, используя сравнение из Библии, впервые примененное современником императора Алексея болгарским архиепископом Феофилактом, сравнивает Византию с виноградной лозой, которую «по пути обрывают все проходящие». Все соседи империи – итальянские нормандцы, печенеги, турки – норовили оторвать у империи те или иные области. Не лучше других были и крестоносцы. Тот же Шаландон считает возможным применить ко всем крестоносцам характеристику, данную Гиббоном спутникам Петра Пустынника: «Разбойники, которые следовали за ним, были дикими зверями, без разума и человечности». Историк А. Васильев пишет: «Алексей Комнин проявил себя государственным человеком, понявшим, какую грозную опасность несут с собой для существования его империи

крестоносцы». Алексей никогда не обратился бы за помощью к папе, если б мог предвидеть, что через века это приведет к падению государства его преемников. А пока задача, стоявшая перед Алексеем, заключалась в том, чтобы как можно скорее выпроводить крестоносцев за пределы империи.

Ил. 4. Предводители Первого крестового похода –
Готфрид Бульонский, Робер Нормандский, Бозмунд Тарентский
и Раймунд Тулузский. Гравюра на дереве, XIX в.

Первой в августе 1096 г. в поход двинулась лотарингская армия. Будучи вассалом и сторонником Генриха IV, Готфрид решил не идти через Италию, чтобы из-

бежать возможных контактов с папой. Его брат Эсташ, граф Булонский, вассал короля Франции, со своими войсками, возможно, желая посетить Рим и встретиться с папой, напротив, пошел через Италию, затем переправился через Адриатику и присоединился к армии брата в Константинополе. Армия Готфрида проследовала по той же дороге, по которой до нее прошла беднота. Герцог и венгерский король Коломан встретились на мосту через пограничную реку Лайту, а затем и в королевском дворце. Король согласился пропустить армию Готфрида через Венгрию, только получив от него заложников, в том числе младшего брата герцога – Бодуэна Булонского. Когда армия, покинув Венгрию, в конце ноября перешла реку Саву, заложники были освобождены. Через Ниш и Софию армия дошла до Филиппополя (Пловдив). На границе империи герцога встретили послы. Император обязался регулярно снабжать латинцев продовольствием, а те – защищать его земли. Вначале договор соблюдался, но затем, когда до армии дошли вести об обидах, якобы чинимых графу де Вермандуа, Готфрид направил послов к императору с требованием освободить Гюга, а его люди взяли штурмом и разграбили Селимбрию (Силиври) на берегу Мраморного моря. К Рождеству армия Готфрида подошла к стенам Константинополя. Алексей предложил герцогу явиться к императорскому двору для переговоров, но тот отказался, опасаясь ловушки.

Здесь выявилось противоречие во взглядах императора и крестоносцев. Для императора крестоносцы представляли собой помощь против турок, высланную папой. Как наемников, их нужно одарить золотом, чтобы они не бунтовали, их вождей – подарками и титулами и принять от них клятву верности. Ни о каком объединении православной церкви с папством не может быть и речи, как не может быть речи об участии императора в не нужном ему крестовом походе. Крестоносцы же полагали, что добровольно вышли по призыву папы освобождать Иерусалим и что император обязан сопровождать их в этом святом предприятии. Речь о вассальной клятве императору могла идти только в том случае, если бы василевс сам возглавил поход, и только на время похода. Все крестоносцы у себя на родине (кроме графа Тулузского) были чьими-то вассалами и не имели права приносить присягу другому.

Со страхом и недоверием встретили «западных варваров» византийцы. Рассказывает Анна Комнина: «До императора дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода, зная неустойчивость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные к деньгам, они под любым предложением легко нарушают свои же договоры. Алексей непрестанно повторял это и никогда не ошибался. Но самодержец не пал духом и все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе. Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов, ибо весь Запад, все племена

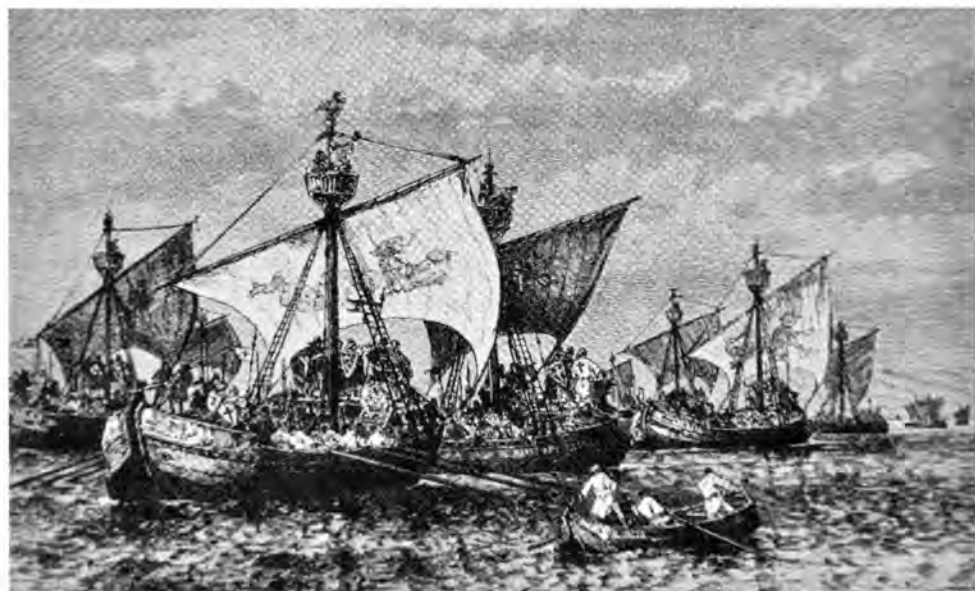
варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию, они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу».

В конце декабря 1096 г. лотарингская армия разбила палатки у стен Константинополя. Готфрид отказался дать Алексею вассальную клятву. Чтобы уговорить Готфрида согласиться присягнуть, к нему был послан граф де Вермандуа. Ответ Готфрида был полон презрения: «Ты, сын короля, стал рабом и теперь хочешь сделать раба из меня?». Чтобы заставить Готфрида подчиниться, император перестал снабжать его продовольствием. Тогда лотарингцы начали грабить окрестности. Алексей вынужден был уступить и возобновить снабжение. Император предложил Готфриду перейти Золотой Рог и расположиться на пустоши в Галате, напротив города. Готфрид согласился, и армия перешла на другой берег залива.

В конце марта 1097 г., получив сведения о приближении к Константинополю других крестоносных армий и желая поскорее избавиться от Готфрида, Алексей опять сократил поставки продовольствия в лагерь. Тогда брат Готфрида Бодуэн напал на печенегов, которые несли полицейскую службу в Галате, многих убил, а 60 человек взял в плен. После этого Готфрид перебрался назад через Золотой Рог и опять расположился перед стенами города, заявив, что не даст присяги и не переправится на азиатский берег до прибытия других крестоносцев. В четверг перед Пасхой, 2 апреля, император попробовал силой сломить Готфрида, но лотарингцы отбросили наемную печенежскую и славянскую конницу. На следующий день, собрав большие силы, окружив крестоносцев и лишив продовольствия, император заставил их уступить.

Анна Комнина пишет: «Так Готфрид вскоре был принужден подчиниться воле василевса. Посему он отправился к нему и принес требуемую клятву, обещав, что все города, местности и крепости, которые он захватит и которые до этого принадлежали империи ромеев, будут переданы военачальнику, специально назначенному для этого василевсом. Когда он дал эту клятву и получил много денег, он стал называться гостем и сотрапезником василевса; после богатого пира он переправился через Пролив (Босфор). Тогда василевс приказал в избии дать им провизии». Готфрид переправился через Босфор сразу же после Пасхи, так и не узнав о скором прибытии армии Боэмунда, а тот, в свою очередь, не узнал о неприятностях лотарингцев.

Текст вассальной присяги в подлинном виде не сохранился. Видимо, император требовал передать ему утерянные территории в Анатолии и, без сомнения, сравнительно недавно (в 1085 г.) утраченную Антиохию. Что касается давно утерянных территорий, император требовал, должно быть, их вассального подчинения. Вассальная присяга Готфрида стала прецедентом для других вождей похода. У всех у них Алексей будет требовать присяги и ее исполнения.

Ил. 5. Крестоносцы переправляются через Босфор в 1097 г.

Следующей за лотарингцами к Константинополю подошла итало-нормандская армия Боэмунда. Она разминувшись с армией Готфрида на несколько дней. В ноябре 1096 г. Боэмунд с армией из Бари переправился через Адриатику и высадился в Авлоне (на юге сегодняшней Албании). Хотя греки больше всего боялись Боэмунда, он причинил им менее всего хлопот. Твердо поставив себе целью завоевание земель на Востоке, он ни в коем случае не хотел портить отношения с императором. Аноним пишет: «Тогда Боэмунд держал совет со своими войсками, вселяя в них храбрость, призывая их к милосердию и смирению, прося воздержаться от грабежа этой земли, принадлежащей христианам, и не брать ничего лишнего, кроме того, что им нужно для пропитания». Всю зиму армия медленно двигалась через Эпир и Македонию во Фракию. При переправе в середине февраля через реку Вардар недалеко от Фессалоник на арьергард Боэмунда внезапно напали греческие наемники – печенег, следившие за передвижением армии и выполнявшие полицейские функции. Положение спас Танкред, с двумя тысячами воинов бросившийся назад, вплавь через реку, и разогнавший печенегов. Боэмунд отпустил пленных печенегов, когда услышал, что они действовали по приказу императора, однако увеличил меры осторожности, усилил разведку и сторожевое охранение. Во Фракии к Боэмунду прибыл представитель императора: «Когда мы проходили мимо их городов, он давал приказ жителям приносить провизию... но никому

из нас не дозволялось проходить за городские стены» (Аноним). Боэмунд неоднократно приказывал вернуть добычу и затратил много усилий, чтобы обуздать грабителей. При подходе к Константинополю 1 апреля с несколькими рыцарями и в сопровождении императорских чиновников Боэмунд направился к императору. «Император, узнавший, что досточтимый Боэмунд пришел к нему, приказал с честью принять его и разместить со всей обходительностью за городской стеной. После этого он призвал его к себе, чтобы втайне с ним побеседовать». Задачей Алексея было как можно скорее переправить армию Боэмунда через Босфор, не дать ему встретиться с другими крестоносцами. Князю отвели монастырь Козьмы и Дамиана и подавали кушанья с императорского стола. Боэмунд, однако, боялся отравы, и приносимые блюда вначале пробовала его охрана.

На умную 13-летнюю девочку Анну Комнину, много слышавшую о зверствах нормандцев на Адриатическом побережье во время войны, вид красавца-богатыря Боэмунда произвел неизгладимое впечатление. Уже в преклонном возрасте она вспоминала: «Не было подобного Боэмунду варвара или элина во всей Ромейской земле – его вид вызывал восхищение, а рассказы о нем – ужас... Он был такого большого роста, что почти на локоть возвышался над самыми высокими людьми. Его тело обладало совершенными пропорциями, можно сказать, было изваяно по канону Поликлета. У него были могучие руки, твердая походка, крепкая шея и спина. По всему телу его кожа была молочно-белой, но на лице белизна окрашивалась румянцем. Светлые волосы были острижены до ушей... Бритва прошла по его подбородку, но борода, кажется, должна была быть рыжей. Его голубые глаза выражали волю и достоинство... В этом муже было что-то приятное, но оно перебивалось общим впечатлением чего-то страшного... Таковы были его душа и тело: гнев и любовь поднимались в его сердце и обе страсти влекли его к битве. У него был изворотливый и коварный ум, прибегавший ко всевозможным уловкам. Речь Боэмунда была точной, а ответы он давал совершенно неоспоримые...».

С Боэмундом у императора не было никаких проблем. Тот сразу согласился принести присягу, такую же, как Готфрид Бульонский, не придавая этому, видимо, большого значения. После этого обрадованный император одарил Боэмунда богатой одеждой, золотом, драгоценностями. Хитрый Боэмунд попросил императора дополнительно дать ему самый высокий титул в империи – доместика Востока (главнокомандующего всеми армиями в Азии), то есть в качестве представителя императора он хотел руководить крестоносцами и захваченными территориями. Но император был не менее хитер, он заявил: «Твой час еще не настал, но с твоим рвением и твоей верностью ждать тебе осталось недолго». Император и князь стояли друг друга.

Не желая приносить присягу императору, Танкред вместе со своим свояком Ричардом де Принчипато (Салернским) неожиданно для всех ночью пересек город и переправился через пролив. 26 апреля армия Боэмунда была перевезена через Босфор и присоединилась к армии Готфрида. Танкред сожалел, что Боэмунд принес присягу: «Он отправился, чтобы править, а нашел ярмо». Если греки утратили свои владения на Востоке, отдав их туркам, то эти владения не нужно им возвращать: «Вернуть города и крепости грекам – это все равно, что вернуть их туркам; защитить их могут только франки».

Третьей к Константинополю подошла армия Раймунда IV де Сен-Жиля, графа Тулузского. Она вышла в поход в октябре 1096 г., прошла по маршруту Лион – Женева – Милан – Верона и затем по побережью Адриатики через Хорватию и Далмацию к Диррахии. Решение не переправляться на кораблях через Адриатику, вызванное, видимо, бережливостью графа, было ошибочным. Через Хорватию прошли без помех, но в течение 40-дневного зимнего похода на скалистых тропах Далмации армия подвергалась постоянным нападениям славян, которые буквально шли за ней по пятам, при этом Раймунд все время руководил действиями арьергарда. При подходе к границе Византии закончилось продовольствие, и армия страдала от голода. В Диррахии уже ждали посланцы императора и отряд печенегов, чтобы сопровождать тулузцев по старой дороге Виа-Эгнация, по которой недавно прошли итало-нормандцы Боэмунда. Раймунд отправил посланцев в Константинополь, чтобы известить о своем прибытии.

Византийские печенеги постоянно следили за тулузцами и при попытках грабежа нападали на них. В одной из стычек были убиты два провансальских барона, в другой раз был ранен и попал в плен сам епископ Адемар, отделившийся от армии. Впрочем, он был немедленно отпущен, когда печенеги узнали, кто он такой. Город Русса (Кешан), приветливо встретивший войска Боэмунда две недели назад, был взят штурмом и разграблен тулузцами.

У города Родосто (Текирдаг) крестоносцы встретили своих посланцев вместе с посланником императора, передавшим письмо с сердечными приветствиями Алексея и приглашением как можно скорее прибыть в Константинополь, где его ожидают Готфрид и Боэмунд. Испугавшись, что важные решения будут приняты без него, Раймунд де Сен-Жиль немедленно отправился в Константинополь, куда прибыл 21 апреля.

В отсутствие графа и епископа Адемара, оставшегося лечить рану в Фессалониках, солдаты начали грабить окрестности. Однако прибывшие крупные силы византийцев напали на тулузцев и обратили их в бегство, захватив их обоз. Известие об этом Раймунд получил перед аудиенцией у императора. Раймунда хорошо приняли, разместили во дворце снаружи у городской стены и попросили прибыть в императорский дворец. Главным желанием Раймунда

было назначение его командующим походом. Однако его позиция была ослаблена отсутствием епископа Адемара, духовного руководителя крестоносцев, на поддержку которого он рассчитывал. В Боэмунде граф увидел своего главного соперника. Разозленный полученным известием и дружеским общением императора и князя, граф решительно отверг требование Алексея принести присягу.

Граф Раймунд считал себя назначенным папой руководителем священного похода, и, кроме того, среди вождей крестоносцев он был, пожалуй, единственным, кто у себя на родине не имел сюзерена. Графство Тулузское, так же как и герцогство Аквитания, в то время не было леном короля Франции и вообще ничьим леном. К тому же, дать присягу императору означало для Раймунда опуститься на один уровень с другими вождями крестового похода. Граф заявил, что принял крест не для того, чтобы сражаться за кого-либо иного, кроме Бога, ради Него он оставил свои владения. Вот если бы император присоединился к походу, тогда граф охотно признал бы его старшинство. Обещать этого Алексей не мог, и разговор зашел в тупик. Не помогли ни просьбы, ни угрозы. Не помогло и вмешательство Боэмунда на стороне императора. Это вмешательство навсегда поссорило Раймунда и Боэмунда и, как ни странно, сблизило графа с императором на почве общей ненависти к нормандцу. 27 апреля 1097 г. епископ Адемар привел тулузскую армию к Константинополю. Наконец, с помощью Адемара удалось принять компромиссное решение: убедить графа Раймунда дать обещание от своего имени и от имени своих людей не причинять вред владениям и жизни подданных императора. Отношения между императором и графом улучшились. Этому способствовал и отъезд Боэмунда, после чего Алексей в беседе наедине объявил Раймунду, что нормандец никогда не станет главнокомандующим.

Последней к Константинополю подошла северофранцузская армия. В отсутствие графа де Вермандуа ею командовали герцог Нормандский, его свояк граф де Блау и граф Фландрский. Армия вышла в поход в октябре 1096 г., пересекла Альпы, в Лукке ее встретил и благословил папа Урбан. В Риме французы посетили гробницу святого Петра и двинулись через Монте Кассино в нормандские владения на юге Италии. Герцог Апулийский Рожер Борса признал герцога Робера верховным главой всех нормандцев, а своему шурину графу Роберу Фландрскому передал несколько ценных реликвий; волосы Богоматери и мощи апостола Матфея и святого Николая Мирликийского граф отправил домой. Герцог Нормандский и граф де Блау остались зимовать в Италии, а граф Фландрский со своими войсками переправился из Бари в Диррахий и пошел по следам других крестоносцев в Константинополь. Герцог Робер и граф Этьен переправились в Диррахий весной и в начале мая 1097 г. также подошли к Константинополю.

Французы прошли без столкновений с греками, их вожди без сопротивления присягнули императору и получили богатые подарки. Этьен де Блуа писал жене – дочери Вильгельма Завоевателя: «Твой отец, моя любимая, раздавал многим и многу, но столько едва ли». Французам было разрешено даже небольшими группами и в определенное время посетить константинопольские церкви. Крестоносцы были поражены богатством и размерами города, роскошью его дворцов, обилием и разнообразием товаров на рынках. Их удивило холодное отношение к ним людей, которых, как они думали, они пришли спасать. Зависть и презрение к грекам породили враждебность, впрочем, греки отвечали им тем же.

Когда французские бароны приносили присягу императору, один из них сел на императорский трон, и тот не осмелился сделать ему замечание, «зная высокомерие франков». Когда князь Бозмунд указал барону на неприличие его поступка, тот воскликнул, глядя на императора: «Что за невежа, он сидит, в то время как так много знатных стоят перед ним!». Чересчур дружеское общение предводителей похода с императором и принесение ими присяги вызвали недовольство рядовых: «Как могли столь храбрые и суровые рыцари так поступить? Вероятно, их вынудила к этому жестокая необходимость», – говорит Аноним.

Глава 5

Взятие Никеи

В апреле и мае крестоносцы переправлялись через пролив на азиатский берег. Они расположились в полевом лагере Пелеканон, временное командование принял герцог Готфрид.

Между тем слухи о прибытии огромной армии франков взбудоражили мусульманский мир: «В этом году [490 от хиджры, или 1097] начало приходить много сообщений о том, что армии франков появились со стороны моря в Константинополе с силами, которые невозможно сосчитать из-за их множества. Эти сообщения стали следовать одно за другим и передаваться от одного к другому, и людей охватили страх и растерянность», — сообщает арабский историк XII в. Ибн аль-Каланиси.

Немецкий историк XIX в. Б Куглер пишет: «Более всего может приближаться к истине то, что заранее объявил папа Урбан, а именно, что было 300 тысяч хорошо вооруженных воинов, за которыми, конечно, следовал еще длинный обоз из слуг и монахов, женщин и детей, шпильманов [жонглеров] и девок». Более точным, видимо, будет предположение, что общая численность четырех рыцарских армий, включая рабочих, слуг и женщин, не превышала 90–100 тысяч, а общее количество воинов — 50 тысяч. Еще тысяч 15 вооруженных паломников присоединилось к ним по дороге или прибыло позже на кораблях. По тем временам это были очень крупные силы. Армия Вильгельма Завоевателя, высадившегося в Англии, насчитывала около 7 тысяч человек, а английский король Генрих V в 1415 г. отправился завоевывать Францию с армией в 12 тысяч человек.

Еще до прибытия северофранцузской армии в Константинополь, в конце апреля, Готфрид вышел из лагеря Пелеканон. Крестоносцы заняли лагерь Кивето, а затем осторожно, выслав вперед разведку и авангард, выдвинулись к Никее. «Так мы дошли до Никеи, столицы Романии, в четвертый день от майских нон [4 мая] и стали там лагерем», — говорит Аноним. Через три дня подошли армия Бозмунда, возглавляемая Танкредом, остатки крестьянских толп во главе с Петром Пустынником, а также небольшой отряд византийцев под командованием Мануила Вутумита с осадными машинами. Сам Бозмунд остался в Константинополе договариваться с императором о снабжении крестоносцев.

Никея — столица Никейско-Иконийского султаната — была первым вражеским городом, лежавшим на пути крестоносцев. Город контролировал дороги через

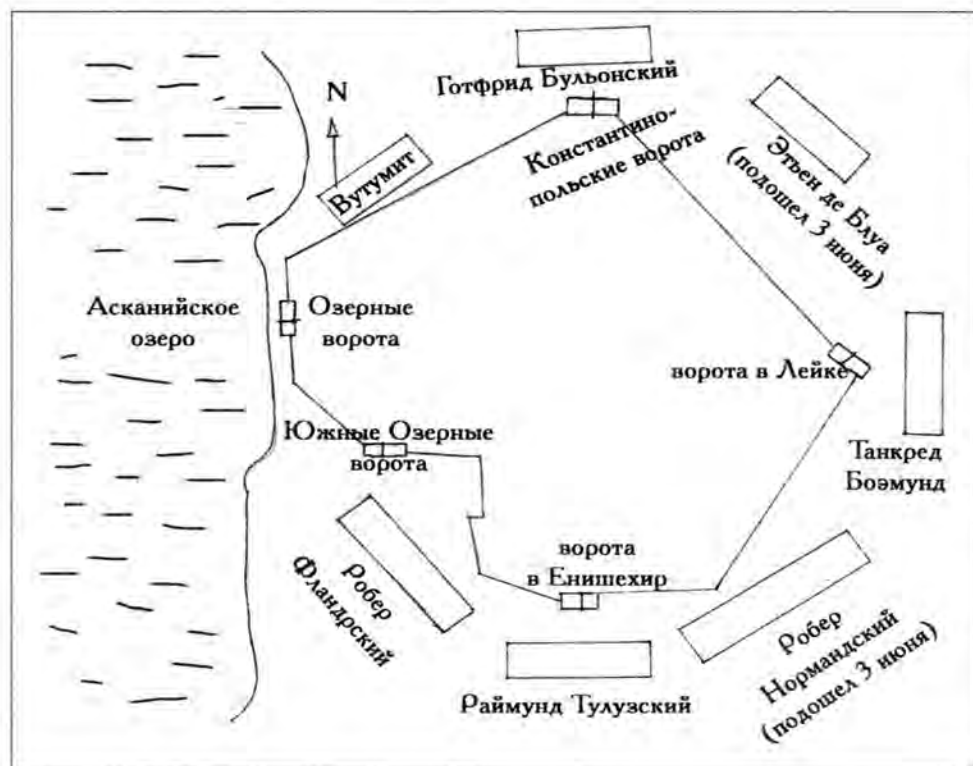

Схема 1. Осада Никеи. 14 мая – 19 июня 1097 г.

Анатолию, и его нельзя было оставлять незанятым в тылу. Никея, известная своими Вселенскими церковными соборами, расположена на небольшой возвышенности посреди котловины, окруженной горами, на восточном берегу Асканийского озера, ее западные стены поднимались прямо из мелководья, общая длина стен была более семи километров, образуя неправильный пятиугольник, город защищали 240 башен. Готфрид расположился лагерем перед северными воротами, Танкред – перед восточными. Лагерь перед южными воротами должны были разбить еще не подошедшие графы Раймунд и Робер. Император Алексей прибыл в лагерь Пелеканон, чтобы быть поближе к сражающейся армии и держать под контролем снабжение.

Рум-сельджуковского султана Кылыч Арслана, сына султана Сулеймана, в городе не было. Он воевал в это время с каппадокийским эмиром Данишмендидом Малик Гази Гюмюштекином за город Мелитену. После легкой победы над толпами Петра Пустынника он пренебрежительно отнесся к сообщениям о появлении новых армий крестоносцев. Свою семью и большую часть казны, надеясь на не-

приступность стен, он оставил в Никее. Однако, узнав о том, что силы крестоносцев велики, султан срочно заключил мир с эмиром, отправил к Никее часть армии, а затем и сам с главными силами поспешил на запад.

Турки не ожидали такого быстрого появления врага под своими стенами. В городе находился большой гарнизон, но настроение у него было неуверенное: во-первых, враг казался очень сильным, во-вторых, население города оставалось христианским. Турками, кроме гарнизона, был узкий круг придворных султана. Разговоры о сдаче города, однако, прекратились, когда осажденные узнали о приближении Кылыч Арслана с войсками. Из города к султану были отправлены гонцы (одного из которых перехватили крестоносцы), чтобы поторопить султана и сообщить ему, что с южной стороны вход в город свободен. Однако прежде чем приблизился передовой турецкий отряд, 16 мая прибыли Раймунд де Сен-Жиль и Робер Фландрский, разбившие лагерь перед южными воротами. После короткой стычки с войсками Раймунда передовой турецкий отряд отступил, чтобы соединиться с армией султана. Когда это произошло, турки начали переговоры, и греческий командующий Вутумит был приглашен в город для обсуждения условий сдачи. Однако в это время пронесся слух о приближении Кылыч Арслана с главными силами, и переговоры были прерваны.

Ил. 6. Крестоносцы сражаются с турками у Никей. Средневековая гравюра

21 мая 1097 г. подошедшая с юга армия султана обрушилась с гор на войска Раймунда Тулузского и Робера Фландрского. Франки приняли турок в копья. Никто из турок не мог остановиться или повернуть назад. Сражение продолжалось целый день. Ни лотарингцы, ни итальянские нормандцы не могли оставить свои позиции у ворот Никеи и прийти на помощь тулузцам. Поняв, что не сможет добиться победы, Кылыч Арслан увел оставшиеся войска и разрешил осажденным поступать отныне, как они сочтут нужным. «Граф Тулузский решительно атаковал их и одержал победу, и они бежали, бросив множество убитых. Но на помощь им пришли другие турки, полные ликования и предчувствия скорой победы, у них были с собой веревки, чтобы увести нас в Хорасан. Радостно они начали спускаться с горы, но по мере того, как они спускались, все больше их гибло на месте, и наши рубили им головы. И с помощью метательных орудий наши рыцари метали отрубленные головы за городские стены, дабы посеять ужас в рядах турок», – рассказывает Аноним.

В сражении погибло несколько тысяч турок, потери понесли также и крестоносцы, был убит крупный вассал графа Фландрского граф Бодуэн Гентский. Здесь впервые в открытом сражении закованные в броню рыцари столкнулись с легкой турецкой конницей, и стало ясно, что последняя не может выдержать их могучего удара. Стремясь максимально использовать победу, граф Раймунд начал штурм города. Ко времени начала штурма рухнула одна из больших угловых башен, подкопанная тулузскими минерами. Однако турки отбили штурм. Последними 3 июня прибыли Этьен де Блау и Робер Нормандский, и наконец у Никеи собралась вся крестonosная армия.

Озеро давало возможность осажденным получать продовольствие и небольшие подкрепления и даже высылать отряды для уничтожения фуражиров и паломников-одиночек. Крестоносцы обратились за помощью к императору. Упряжки быков протасили легкие греческие суда от Мраморного моря до Асканийского озера, перед Никеей появилась греческая флотилия, и кольцо блокады города сомкнулось. «В день, когда суда были доставлены, их не стали сразу же спускать на воду; а когда настала ночь, на борт взошли хорошо вооруженные туркополы [императорские вспомогательные войска из турок, возможно, печенег]. На рассвете флотилия в боевом порядке вышла на середину озера и направилась к городу. Увидев ее, турки пребывали в недоумении, не понимая, чьи это были войска – турецкие или императорские. Когда они поняли, что это были императорские войска, то, охваченные ужасом, они принялись плакать и стенать, тогда как франки ликовали и славил Бога». Жестокий штурм и падение города стали неотвратимы. Этого боялись турки и не хотел император: латинцы, позабыв про договор, разграбили бы город до основания. В результате турки быстро пришли к соглашению с Вутумитом. Турки обещали впустить в город только

императорские войска, а тот – с ведома императора – выдвинул самые легкие условия сдачи.

На 19 июня был назначен общий штурм города. Однако на рассвете того же дня византийские отряды вошли в раскрытые городские ворота, которые закрылись за ними. На башнях Никеи были подняты императорские флаги. Турецкой знати было разрешено выкупиться из плена, а султанша, дочь Чаки, и члены султанской семьи позже без выкупа были отпущены к Кылыч Арслану.

Крестоносцы были обмануты в своих ожиданиях. Император объяснил паломникам, что, согласно их присяге, город должен перейти к императору и поэтому не мог быть разграблен, и на время погасил их возмущение богатыми дарами из султанской казны. Крестоносцам даже запретили входить в занятый город. Алексей потребовал, чтобы Танкред ему присягнул. Уступая просьбам Боэмунда и других вождей, Танкред принес хитрую присягу: «Я буду верен императору, пока он будет верен делу крестоносцев». Многие из раненых крестоносцев остались на службе императора, поступив под команду Вутумита, оставленного комендантом Никеи. Крестоносцы были полны радостной уверенности. «Через пять недель мы будем в Иерусалиме, – докладывал граф де Блуа своей супруге, – если только не задержимся перед Антиохией». Он еще не знал, насколько правильной будет вторая часть его предположения.

Император пообещал немного позднее примкнуть к крестоносцам, а пока отправил вместе с ними небольшой отряд под командой крещеного турка Татикия, «человека с золотым носом» (по утверждению Гибера из Ножана, вместо отрубленного у него был нос, выкованный из золота). Татикий должен был показывать крестоносцам удобные дороги, оказывать помощь в снабжении их продовольствием, но фактически его главная задача заключалась в том, чтобы забирать под власть императора занятые ими города. Император так и не присоединился к паломникам: он должен был освобождать от турок западную часть Анатолии и Средиземноморское побережье. Крестоносцы никогда не простили ему того, что он не принял участие в походе, и говорили, что император предал «армию Христа».

Глава 6

Через Анатолию

27 июня 1097 г. крестоносцы от Никеи двинулись на юго-восток, вначале все вместе, а затем, через два дня, разбившись на две колонны: таким образом легче было добывать воду и продовольствие, к тому же ускорилось передвижение. Путь крестоносцев лежал к Дорилее (Эскишехир). Там дорога разветвлялась, одна вела через центральную Анатолию мимо Анкиры (Анкара) и затем либо далее на восток, к Большой Армении, либо на юго-восток, в Сирию. Другая дорога от Дорилеи вела на юго-восток, также в Сирию через Иконий (Конья).

В левой колонне, которая выдвинулась вперед под общей командой Боэмунда, были воины из Италии Боэмунда и из Нормандии герцога Робера, из Блуа – графа Этьена, из Фландрии – графа Робера и византийцы. В правой колонне были лотарингцы Готфрида Бульонского, французы Гюга де Вермандуа и тулузцы графа де Сен-Жиля и епископа Адемара. Колонны разделяли несколько часов пути. В каждой колонне было по 23–24 тысячи воинов, из них около 3 тысяч конных – рыцарей и оруженосцев, и примерно по 20–25 тысяч невооруженных паломников. Общая угроза побудила к объединению двух главных турецких правителей Анатолии – султана Кылыч Арслана и каппадокийского эмира Данишмендида Малик Гази.

Передовая левая колонна вечером разбила лагерь в нескольких километрах от города Дорилея. Рано утром 1 июля объединенные силы конных турок общей численностью около 20–25 тысяч внезапно напали на нее. По приказу Боэмунда в центре лагеря было спешно сооружено укрепление из повозок и палаточных кольев, за которым укрылись женщины, дети и невооруженные паломники. Конным рыцарям Боэмунд приказал спешиться и ограничиться обороной. Только один из них не подчинился, тот самый рыцарь, который сел на императорское кресло. Со своим отрядом в сорок человек он атаковал турок, но вынужден был, покрытый ранами, возвратиться назад. «И мы, хотя и были не способны... выдержать натиск такого большого количества врагов, в едином порыве выступили им навстречу. Даже наши женщины в тот день были великой подмогой, поднося воду сражающимся и постоянно ободряя их в сражении – в наступлении и в обороне», – рассказывает Аноним. Будучи воином более умным и менее гордым, чем знаменитый Роланд, Боэмунд послал гонцов к правой колонне, как только увидел турок. Конные турки – стрелки и метальщики камней и дротиков – атаковали рыцарей Боэ-

Ил. 7. Робер Нормандский в сражении при Дорилее. Рис., XX в.

мунда с «дьявольским» криком и визгом. Затем турки по приказу отступали назад, чтобы выманить рыцарей в атаку и заставить их нарушить строй, после чего опять всей силой набрасывались на паломников. Геройски проявил себя Робер Нормандский. В разгар боя он был сброшен с коня. Нормандцы пришли в замешательство, считая, что их герцог тяжело ранен или убит. Робер вскочил на коня, сорвал с себя шлем и криком призвал своих воинов к бою. Увидев герцога невредимым, нормандцы сомкнули ряды и отбросили турок. Франкам, как ни странно, помогло то, что им некуда было бежать: со всех сторон их окружали турки. К середине дня турки даже ворвались в лагерь. Положение христиан стало критическим, победа явно клонилась на сторону турок.

В это время появилась подмога. Первым к полю боя примчался с пятьюдесятью рыцарями Готфрид Бульонский, за ним – лотарингская и французская конница. Однако героем дня стал епископ Адемар. Вооруженный палицей, во главе тулузцев он обошел турок под прикрытием холмов и ударил с тыла. Турки бросились в бегство, оставив нетронутым весь свой лагерь с шатрами султана и эмиров и богатой добычей. «С приближением наших рыцарей турки, сарацины и все варварские народы тотчас же обратились в бегство через горные ущелья и равнины... Они с удивительной быстротой добрались до своего лагеря, но долго там оставаться не могли. Тогда они продолжили отступление, и мы преследовали их и убивали в течение всего дня» (Аноним). Победа была полной, но тяжелой, в сражении пали многие франкские рыцари, и среди них брат Танкреда Гийом и граф Робер Парижский.

Рыцари были высокого мнения о боеспособности турок. Аноним говорит, что турки должны были бы считаться храбрейшим и благороднейшим народом в мире, если бы только были христианами, оставляя за собой греков в этом отношении далеко позади. Далее он, вспомнив легенду, что и франки, и турки происходят от троянцев, предполагает, что они являются соплеменниками.

Отдохнув несколько дней, 3 июля крестоносцы, объединившись, двинулись дальше, на Филомелию (Акшехир) и Иконий. Переход через фригийскую пусты-

ню под палящим июльским солнцем дался паломникам очень тяжело: «Мы преследовали турок через пустыни, иссушенные и обезлюдившие земли, откуда трудно было выйти живыми. Нас беспрестанно мучили голод и жажда, и нам почти нечего было есть, кроме терновника, который мы рвали и терли в ладонях: вот какой скудной пищей мы кормились. Там умерла большая часть наших лошадей, так что многие наши рыцари оказались пешими. Из-за нехватки лошадей мы брали вместо них быков, и при нужде нашу поклажу несли козы, бараны и собаки» (Аноним). О том же пишет в хронике «Иерусалимская история» и Альберт Аахенский: «Многие беременные женщины, с запекшимися губами и пылавшими внутренностями, истомленные от невыносимого жара солнечных лучей и раскаленной почвы, разрешались на виду у всех и бросали новорожденных на том же месте... Посреди равнины валялись мертвые и полуживые младенцы... Мужчины, изнемогая от обильного пота и чрезмерной жары, еле шли с раскрытыми ртами и хватали прозрачайший воздух, чтобы уменьшить жажду». Умирали не только люди, но и «соколы и другие ловчие птицы, составлявшие утеху знатных и благородных, прямо в руках несших их; и даже собаки, приученные к достопамятному охотничьему искусству, подыхали таким же образом от мук жажды на руках у хозяев».

Положение осложнялось еще и тем, что после поражения при Дорилее сельджуки проводили тактику «выжженной земли»: «Когда они подходили к [греческой] крепости или городу, они, обманывая местных жителей, говорили: "Мы победили всех христиан, и ни один из них больше никогда не осмелится выступить против нас. Дайте же нам войти". Ворвавшись в город, они грабили церкви, жилища и все остальное; уводили с собой лошадей, ослов, мулов, уносили золото и серебро и все, что могли найти; забирали с собой сыновей христиан и сжигали все, что могло быть пригодным, но всегда трепетали и убегали при нашем появлении» (Аноним). Христиане, прятавшиеся при отступлении сельджуков, оказывали поддержку крестоносцам. И хотя их продовольственная помощь была незначительной, так как им самим не хватало продовольствия, их советы были весьма полезны.

15 августа крестоносцы добрались до Икония. Город был оставлен турками, бежавшими в горы вместе со своим имуществом. Однако полные чистой воды ручьи и плодоносящие сады они не смогли унести с собой. Крестоносцы остановились на отдых, в котором крайне нуждались. Несколько дней назад на охоте в схватке с медведем был ранен Готфрид Бульонский, был тяжело болен Раймунд де Сен-Жиль. Епископ Оранжский даже соборовал его. Отдых в Иконии поднял их на ноги.

Отдохнув там неделю, двинулись дальше на Гераклею (Эрегли). По совету местных армян, взяли с собой воды: «Жители этой местности предупредили нас,

чтобы мы взяли с собой бурдюки, наполненные водой, ибо в течение целого дневного перехода мы не найдем воды. Мы так и сделали и добрались до реки, где стали лагерем на два дня».

Несмотря на трудности пути, крестоносцы держались бодро: Анатолия почти была уже пройдена, впереди лежала Святая Земля. Фульк из Шартра, капеллан Бодуэна Булонского, пишет: «Мы говорили на разных языках, но были точно братья, связанные любовью, как подбавляет праведникам, идущим к Святым местам». Мы увидим скоро, что идеалист-франк был неправ. Здесь, при Геракле, произошло последнее сражение с войсками вассала Кылыч Арслана рум-сельджуцкого эмира Хасана и эмира Данишмендида. Турки рассчитывали, что их появление заставит франков отказаться от нападения на город и свернуть на юг через горы Тавра к морю. Однако крестоносцы под командой Боэмунда внезапно атаковали турок. Те, не выдержав удара, бежали под натиском франков и оставили им город. Путь в северную Сирию через равнинную Каппадокию на северо-восток и через проходы в горах Тавра на юг был открыт.

Крестоносцы свернули на северо-восток на Кесарию Мазаху (Кайсери) и затем, обойдя с севера горы Антитавра, двинулись на Германикию (Мараш). Возможно, паломники не захотели рисковать, идя через Тавр труднодоступными проходами, к тому же находившимися под контролем турок. Возможно, их склонил к этому пути Татикий, хотевший подчинить власти империи земли, населенные армянами, и это совпало с желанием самых дальновидных и осторожных крестоносцев обеспечить себе пути отхода в случае неудачи. Нужно отметить, что из всех христиан, населявших эти земли, решительнее всех рум-сельджукам и данишмендам сопротивлялись армяне. Крестоносцы находили в них, как правило, верных союзников.

Не всем крестоносцам, однако, пришлось по вкусу осторожность и советы Татикия. Около 10 сентября из Гераклеи, отделившись от главных сил, ушел с сотней нормандских рыцарей и двумя сотнями пехотинцев Танкред. Он прошел через Тавр Киликийскими Воротами, вышел к Тарсу и с помощью местных христиан, прогнав турок, завладел нижним городом, тогда как турки укрылись в цитадели. Через несколько дней следом за Танкредом его путем прошли Бодуэны Булонский и дю Бург с пятьюстами всадниками и двумя тысячами пехотинцев, а также некоторые другие крестоносцы. Лотарингцы тоже подошли к Тарсу. Увидев подходивших франков, турки скрытно ушли из цитадели. Бодуэн Булонский предложил Танкреду вместе ограбить город. Танкред отказался: он рассчитывал владеть им в одиночку. Тогда Бодуэн «вооруженной рукой» прогнал небольшой отряд нормандца и овладел городом. В это время к городу подошли триста нормандцев, посланное Танкреду подкрепление из главной армии. Бодуэн отказался впустить их в город, и они расположились на ночь под городскими стенами. Но-

чью на них напали турки, бежавшие из цитадели, и всех перерезали. Произошедшее вызвало сильное возмущение крестоносцев, в том числе и солдат Бодуэна, собравшихся сместить его с должности командира. Однако в это время к берегам Киликии подошли несколько кораблей удачливого пирата Жинемера из Булони, подданного графа Булонского, понявшего, какие перспективы открывает перед ним крестовый поход, набравшего на свои корабли фрисландских и фландрских пиратов и отправившегося в восточное Средиземноморье. Он сразу признал Бодуэна Булонского сеньором. Поэтому решено было командира не менять. С помощью этого пирата Бодуэн овладел гаванью Александретты, ему же он поручил охрану Тарса.

Танкред же дошел до Аданы, но был вынужден отдать ее бургундскому рыцарю Вельфу, захватившему городскую цитадель. Пришлось идти дальше и занять город Мамистру. Когда до Мамистры, в свою очередь, дошли лотарингцы Бодуэна Булонского, нормандцы со стен осыпали их стрелами, мстя за изгнание из Тарса и за гибель товарищей. Танкред не пустил лотарингцев в город. Более того, подстрекаемый горячими головами, он напал ночью на лагерь лотарингцев, но был отбит превосходящими силами и с позором бежал в город. Наконец простые солдаты заставили предводителей заключить перемирие. Как мы видим, крестоносцы не намерены были действовать сообща, и никто из них даже не вспомнил о принесенной императору вассальной присяге, о том, что нужно отдать ему захваченные города.

Тем временем главные силы крестоносцев, в конце сентября разогнав турок в окрестностях Кесарии Мазахи, также направились на юг в Коксон (Гексун). Боэмунд продолжал гоняться за разбитыми войсками эмира Данишмендида Малик Гази, а Раймунд де Сен-Жиль, узнав от местных христиан, будто бы турки ушли из Антиохии, послал туда конный отряд из 500 тулузцев под командой Пьера де Кастильона, чтобы захватить город. Тулузцы, с сожалением убедившись в том, что турки намерены защищать город, захватили несколько городков севернее Антиохии. Боэмунд счел поступок Раймунда вероломным, его ярости не было границ, и их открытая вражда уже никогда теперь не прекращалась.

Оставшаяся армия тяжелой горной дорогой двинулась к Марашу, населенному армянами: «Мы, остававшиеся в Коксоне, вышли оттуда и направились в дьявольские горы, такие высокие и с такими узкими проходами, что на тропинке, ведущей по склону, ни один человек не смел обогнать другого; лошади срывались и падали в пропасть, и одно выючное животное увлекало туда другое. Со всех сторон рыцари пребывали в унынии и били себя руками [в грудь], спрашивая, что им делать с собой и со своим оружием. Они продавали свои щиты и хорошие кольчуги со шлемами за три-пять денье или за какую-нибудь мелочь. Те, кто не мог их продать, просто выбрасывали их и продолжали путь. Выйдя из этих нена-

вистных гор, мы достигли города под названием Мараш. Жители радостно вышли нам навстречу, и мы получили много пищи и пребывали там в окружении всеобщего изобилия, ожидая прихода сеньора Бозмунда» (Аноним).

Бодуэн получил известие о болезни жены и детей и присоединился к главной армии в Мараше. Жена и дети умерли, и теперь он потерял всякие надежды на нормандское наследство. Пробыв в лагере крестоносцев четыре дня и взяв с собой 200 всадников и столько же пехотинцев, Бодуэн в начале октября снова отправился на поиски земель и добычи в области за рекой Евфрат. Большого количества людей братья ему не дали, так как главная армия собиралась двинуться к Антиохии. Танкред, оставив в Мамистре небольшой гарнизон, пошел на юг, к Александретте. Он отправил посланцев в Тарс к Жинемеру с предложением присоединиться к нему. Окружив Александретту с суши и с моря, они взяли ее штурмом. Оставив в городе небольшой гарнизон, Танкред пересек через Сирийские Ворота горы Аманус и присоединился перед Антиохией к армии крестоносцев.

Тем временем император Алексей, укрепившись в Никее и Дорилее, послал армию и флот для овладения Ионией и Лидией, провинциями на юго-западе Анатолии, находившимися в руках турок. Греки прогнали эмира, сына Чаки, с ионийских берегов, овладели Смирной и Эфесом и островами Лесбос, Хиос и Самос. На суше греки, завоевав города Сарды, Филадельфию и Лаодикею Лидийскую у сельджуков, потерявших связь с султаном Кылыч Арсланом, к концу осени 1097 г. овладели Лидией. Зимой 1097 г. императорская армия начала отвоевание Фригии. Забегая вперед, заметим, что смерть Кылыч Арслана в 1107 г. и поражение турок при Филомелии в 1116 г. позволили Алексею овладеть Фригией. Больной император вел армию в бой, лежа на носилках. Ко времени смерти императора в 1118 г. Византия отвоевала земли западнее линии Синоп, Гангра, Анкира, Филомелия, Атталия и все Черноморское и Средиземноморское побережье от Трапезунда до Селевкии (Силифке).

Глава 7

В землях армян. Графство Эдесса

В XI в., во время продвижения турок, часть армян была переселена византийцами из Большой Армении на новые земли или сама переселилась туда в поисках спокойствия. Армяне населяли теперь северо-запад Месопотамии, Каппадокию, Киликию и север Сирии. Армянским государством, протянувшимся от земель в Месопотамии по ту сторону Евфрата до гор Тавра, правил армянин на императорской службе Ваграм, принявший православие, которого греки называли Филаретом. Он начал наместником Мараша при Романе Диогене, после свержения последнего стал практически независимым и начал расширять свои владения. Он овладел византийской Киликией с городами Мамистрой, Тарсом и Аназарбом, затем в 1077 г. отнял у империи Эдессу, а в следующем году занял Антиохию. Однако он не смог устоять перед нашествием султана Сулеймана, отнявшим у него Антиохию в 1085 г. В 1087 г. разбойничья ватага турок овладела Эдессой, но в 1094 г. город отвоевал армянин Торос. Со смертью в 1090 г. Филарета остатки его государства раскололись на ряд армянских княжеств. Торос владел Эдессой, его тесть Гавриил (Габриэль) – Мелитеной, в городе Мараш сидел византийский наместник армянин Тафнуз, в Кайсуне правил армянин Ког (Разбойник) Василий, в труднодоступных горах Тавра в северо-западной Киликии – армяне Хетумит Ошин и Рубенид Константин, потомок династии Багратидов.

Все эти князья, за исключением Константина, независимого от греков и турок, номинально считались состоящими на императорской службе (хотя податей императору не платили), что не мешало им признавать верховенство соседей-турок. Только раздоры между турецкими правителями позволяли им оставаться у власти. Все они, за исключением Константина и Ког Василия, перешли из армянской апостольской церкви в православие, отличаясь по вере от своих сородичей, презиравших их за это; сирийские христиане-еретики их не любили, и турки им не доверяли.

Армяне воспользовались приходом крестоносцев, чтобы упрочить или вернуть себе свободу. Они с восторгом встретили крестоносцев, увидев возможность с их помощью избавиться как от турецкого, так и от византийского гнета, навязывавшего им православие, и обрести независимость. Их надеждам не суждено было сбыться.

Вышедшего в свободный поиск Бодуэна Булонского сопровождал Баграт, брат армянского князя Ког Василия, непреклонный борец за независимость армян от греков с помощью турок и от турок – с помощью греков. Он был в плену

у императора, но бежал и примкнул к крестоносцам и теперь убедил Бодуэна опереться на армян в борьбе с турками и византийцами.

Бодуэн к концу 1097 г. легко овладел крепостями Турбесселем и Раванделем: христианское население, в основном армяне, по всей округе при приближении крестоносцев начало восставать и изгонять турецкие гарнизоны. Вся область оказалась под властью Бодуэна и его армянских помощников. Бодуэн отдал Баграту Равандель, в Турбесселе был поставлен армянин Фер. Вскоре последний донес Бодуэну, что Баграт вступил в сговор с турками, и тот был схвачен, подвергнут пыткам, но сумел сбежать.

Область, захваченная Бодуэном, с востока ограничивалась Евфратом, но вскоре он получил призыв о помощи из-за реки, из большой крепости Эдесса, от армянского правителя Тороса. Этот богатый город, населенный в основном армянами, лежавший на стыке трех караванных путей, был, как мы уже говорили, в 1087 г. захвачен турецким отрядом и в 1094 г. отвоеван армянином Торосом, вассалом сельджукского султана Малик Шаха, а после смерти последнего вассалом его брата, султана Тутуша. Торос управлял городом от имени султана. После смерти султана Тутуша в 1095 г., изгнав из цитадели сельджукский гарнизон, Торос правил городом самостоятельно, считаясь номинально вассалом императора Алексея и получив от него придворный титул куропалата.

Турецкие эмиры-соседи, однако, постоянно совершали набеги на эдесские земли, и Торос решил обратиться за помощью к франкам. И опять стороны не поняли друг друга. Торос звал к себе франков как наемников, а Бодуэн Булонский слишком уважал себя, потомка Карла Великого, чтобы служить «безродному выскочке» в этом качестве. Оставив войска охранять свою землю, в начале февраля 1098 г. булонец с восьмьюдесятью всадниками, в том числе с восемью рыцарями, отправился в Эдессу. Успешно миновав турецкие кордоны, Бодуэн прибыл в Эдессу, где был торжественно принят горожанами и правителем. Торос вышел встречать его за городские стены, горожане устроили в его честь крестный ход и приветствовали его под звуки труб и барабанов. Бодуэн презрительно отверг предложение правителя поступить на службу и пригрозил, что немедленно вернется в свои земли за Евфратом. Торос, принявший православие, был нелюбим в городе. Под давлением горожан, требовавших, чтобы булонец принял город под свою власть, пожилой и бездетный Торос вынужден был усыновить его с обещанием наследования Эдессы и отдал ему половину городских доходов. В главной церкви Эдессы произошла церемония усыновления: «Нагой Бодуэн должен был проскользнуть между телом и рубашкой старого куропалата Тороса, прижать его к груди и скрепить договор поцелуем». То же самое повторилось затем и с женой Тороса.

Теперь очередь была за Бодуэном: ему нужно было, согласно договору, освободить город от удушающих турецких податей. Самым главным притеснителем эдес-

ских жителей был эмир Самосаты Балдак. Он контролировал переправу через Евфрат на пути из Анатолии в Эдессу. Мало того что он произвольно увеличивал количество податей и принудительных работ и при малейшем промедлении уничтожал городские поля и сады, он держал у себя в заложниках детей из лучших городских семей. Историограф-архиепископ Гийом Тирский пишет: «Горожане умоляли князя-союзника [Бодуэна] не только избавить их от притеснений Балдака, но и вернуть им детей».

Армянский хронист Матфей Эдесский рассказывает, что было дальше: «Тем временем армянский вождь Константин [вассал Тороса] приехал из Гаргара. Через несколько дней куропалат направил их [Бодуэна и Константина] осаждать Самосату и вести войну с эмиром Балдаком... Неверные одержали победу

над франками и местными жителями. На поле боя осталось около тысячи человек. Битва состоялась на второй неделе Великого поста [в середине февраля]. Когда Бодуэн вернулся, он вошел в согласие с предателями, живыми советниками, которые замыслили вместе с ним погубить Тороса. Последний отнюдь не заслуживал такой участи, ибо много послужил городу. Благодаря его ловкой осторожности, хитрой изобретательности и отваге, город был спасен от порабощения свирепым и жестоким народом мусульман. Сорок заговорщиков, взявшихся свершить этот Иудин поступок, пришли ночью в дом Бодуэна и, посвятив его в свои преступные планы, пообещали отдать ему Эдессу. Бодуэн дал согласие. Тогда они явились к армянскому вождю Константину. В пятую неделю поста он поднял против Тороса множество людей, которые в воскресенье [7 марта] учинили разгром в домах приближенных куропалата и захватили часть городской цитадели. На следующий день заговорщики вновь собрались, окружили то место, где скрывался Торос, и яростно напали на него. Находясь в безвыходном положении, Торос сказал им, что, если они дадут клятву отпустить его, он отдаст им цитадель и город, а сам с женой уйдет в Мелитену. Он дал им кресты из Варага

Ил. 8. Бодуэн Булонский въезжает в Эдессу.
Гравюра, XIX в.

и Макенон, и Бодуэн поклялся на этих почитаемых святынях посреди церкви Святых Апостолов, что не причинит ему никакого вреда... После того как он принес эту клятву, призвав в свидетели всех святых, Торос передал ему цитадель, и Бодуэн вступил в нее в сопровождении всех знатных горожан... В следующий вторник, праздник сорока мучеников Севастии, жители города, вооруженные мечами и толстыми палками, толпой кинулись на Тороса и сбросили его со стены цитадели в разъяренную толпу разбушевавшейся черни. Те яростно набросились на него, и он закончил жизнь в ужасных мучениях, пронзенный мечами. Это было страшное преступление перед лицом Господа. Привязав его веревкой за ноги, они с позором протащили его по городским площадям, затем, изрыгая проклятия, воткнули его голову на копье и поставили это копье напротив церкви Спасителя, построенной некогда апостолом Фаддеем. Из года в год Господь Своей рукой будет карать преступный город». Судьба жены Тороса неизвестна.

10 марта 1098 г. Бодуэн стал правителем Эдессы. Получив все богатства, накопленные Торосом, он за 10 тысяч безантов купил у Балдака крепость Самосату и вернул горожанам детей, которых тот держал заложниками. Самому Балдаку с его солдатами Бодуэн предложил поселиться в Эдессе в качестве наемного войска. Балдак вскоре изменил Бодуэну (или его обвинили в измене) и был казнен.

Бодуэн не смог отмыться от позорного пятна убийства Тороса, на что ясно показывает неодобрительное отношение к этому его поступку латинских хронистов. Однако нужно отметить, что Торос был убит руками горожан-армян, в своей ненависти к нему не понимавших, что только опытный, умный и хитрый Торос смог бы, возможно, сохранить их относительную независимость. Франкское господство приведет к полному разорению и уничтожению поселений армян на Евфрате.

Графство Эдесса было первым государством, основанным крестоносцами, оно будет и первым, которое они потеряют. Бодуэн первым осуществил мечту крестоносцев – добыл для себя княжество. Эдесса стала передовым укреплением государств крестоносцев в Святой Земле. Это противоречило клятве, которую Бодуэн дал императору в Константинополе, так как Эдесса еще совсем недавно принадлежала Византии и Торос был чиновником империи, хотя и не платил Алексею податей. Император не мог не заметить нарушения клятвы, но до поры до времени не стал предъявлять свои правовые претензии.

Узнав об успехах Бодуэна, к нему свернули на пути к Антиохии отставшие крестоносцы, а некоторые, недовольные медленным ходом осады, даже ушли к нему из-под осажденного города. Он щедро наделял их деньгами из казны Тороса и землями, которые еще нужно было завоевать.

Чтобы укрепить положение франков и крепче привязать их к земле, Бодуэн предложил рыцарям и солдатам жениться на армянских наследницах, и сам женился на красавице Арде, дочери армянского правителя Мараша Тафнуза. Он

обещал дать за дочь 60 тысяч безантов и свои земли, но обещания не выполнил. Брак был неудачным и не принес Бодуэну наследников.

Захватом турецкого города Саруджа и армянского Биреджика Бодуэн упрочил положение Эдессы, закрепил за собой дороги из столицы к крепостям Турбессель и Равендель и установил связь с главной армией крестоносцев.

В мае 1098 г. к Эдессе подошел во главе огромной армии атабек* Мосула Кербоба, шедший на помощь осажденной крестоносцами Антиохии. Он безуспешно в течение трех недель штурмовал стены Эдессы. Потерянное им у Эдессы время позволило франкам захватить Антиохию.

Тем временем среди армян против Бодуэна возник заговор. Они были недовольны наплывом в Эдессу франкских рыцарей, исключением армян из графского совета и налогами, которые при Бодуэне не стали ниже, чем были при Торосе. В конце 1098 г. один армянин выдал заговор Бодуэну. Двенадцать видных горожан замыслили убить его, расправиться с франками при помощи войск соседних турецких эмиров и поставить во главе города тестя Бодуэна, который находился в городе в связи со свадьбой дочери. Бодуэн нанес удар первым. Заговорщики были арестованы. Заговор был подавлен с крайней жестокостью: «Множество знатных людей, удостоенных различных титулов, закончили свои дни в темнице, в цепях и мучениях. У многих были выколоты глаза, отрублены нос или руки, отрезаны детородные органы, некоторые испустили дух на кресте» (Матфей Эдесский). За заключенных в тюрьму армян Бодуэн потребовал выкуп в 20 тысяч безантов. Тесть Бодуэна бежал из города, прихватив не выплаченное зятю приданое. Своей жестокостью Бодуэн внушил страх и покорность своим армянским подданным.

В Эдессе Бодуэн заложил основы своей будущей политики в королевстве Иерусалим. Франкские князья и их франкские ленники будут крепко держать в своих руках власть. Христиане и иногда мусульмане приглашались участвовать в государственной жизни. Все это должно было сплавить все живущие в государстве народы в единое целое. Однако на пути к этому было слишком много препятствий.

Ниций младший сын, лишенный наследства на родине, уступавший другим крестоносцам и по положению в обществе, и по богатству, и по боевому опыту, Бодуэн опередил всех, первым создав «за морем» сильное государство. Он оказался самым удачливым, более ловким, более умело пользовался сложившимися обстоятельствами, а затем твердо и разумно правил своим государством. Он, конечно, и думать не желал о том, чтобы вместе с остальными отправиться осваивать Иерусалим.

* Атабек – воспитатель принца, при его повзрослении получал, как правило, какое-либо наместничество.

Глава 8

Взятие Антиохии

Вернемся, однако, в Мараш, к главным силам крестоносцев. 16 октября 1097 г. армия покинула город и двинулась к Антиохии. И опять по мере продвижения крестоносцев восставали местные христиане-армяне, изгоняя турецкие гарнизоны. Дорога крестоносцев пролегла среди осеннего изобилия. 20 октября, за 3 часа пути до Антиохии, крестоносцы подошли к так называемому Железному мосту через Оронт; обычно в этом месте по дороге из Алеппо в Антиохию караваны платили пошлину за проход. С обеих сторон мост защищали две башни, обитые железом. «Когда мы приблизились к Железному мосту, наши передовые отряды обнаружили внушительный отряд турок, спешивших на помощь в Антиохию; они атаковали их и разбили наголову. Одержав победу, наши по милости Божьей завладели огромной добычей из лошадей, верблюдов, мулов и ослов, нагруженных зерном и вином», – рассказывает Аноним. И наконец 21 октября 1097 г. крестоносцы увидели цитадель на горе и Антиохию. Французский историк XIX в. Ж.-Ф. Мишо пишет: «Двоякое чувство охватило христианскую армию при виде Антиохии: чувство страха при виде громадных стен и гор, защищавших город, и чувство благочестивого умиления перед “городом Божьим”, столь знаменитым в истории первых веков христианства». В Антиохии проповедовали святые апостолы Петр и Павел, там апостол Петр основал патриархат, там сторонники Христа впервые называли себя «христианами».

«Жемчужина» Сирии лежала на левом берегу Оронта частью в долине, частью на горах, в 20 км от моря. Антиохия, город с христианским населением из армян и сирийцев, находилась на пересечении греческих и мусульманских торговых путей, она быстро выросла и стала одним из самых крупных и богатых городов мира.

В 1078 г. христиане-жители Антиохии, чтобы спастись от турок, пригласили управлять городом Филарета – правителя армянского государства на византийской службе. Султан Сулейман захватил у него город в 1085 г., воспользовавшись изменой сына правителя. После смерти Сулеймана город перешел к султану Малик Шаху, назначившему в 1087 г. грозного старика-туркмена Яги-Сиана, своего бывшего воспитателя, наместником города. После смерти Малик Шаха атабек Яги-Сиан добился самостоятельности, воспользовавшись враждой своих соседей – братьев, сыновей сельджукского султана Тутуша, эмиров Дукака Дамас-

ского и Ридвана Алеппского; последний в своих симпатиях склонялся к шиизму. Яги-Сиан был вассалом Ридвана, но в 1096 г. предал его во время войны братьев, перейдя на сторону Дукака, и алеппский эмир не мог простить ему этого.

Узнав о приближении христианской армии к Антиохии и помня, что султан Сулейман захватил неприступный город у армян в результате предательства, атабек предпринял решительные меры по искоренению возможной измены, хотя, как позже выяснилось, они оказались безуспешными. Он боялся своих подданных христиан, в особенности армян и греков. Хотя многие большие церкви были превращены в мечети, он до сих пор был более или менее терпим к христианам. Теперь он заключил под стражу греческого патриарха города Иоанна, выслаал из города многих видных христиан, другие бежали сами. Кафедральный собор Святого Петра был превращен в конюшню для лошадей атабека. В окружающих город деревнях начались преследования христиан.

Далее Яги-Сиан озаботился поиском союзников. Ридван Алеппский отказался помогать предателю, зато Дукак Дамасский, к которому прибыл сын Яги-Сиана Шамс ад-Дин, обещал помощь и начал собирать армию. К ней присоединились атабек Дукака туркмен Тогтекин и эмир Хомса Джана ад-Даула.

Второго посланца Яги-Сиан отправил к Кербоге, атабеку Мосула, который правил в северной (Джазира) и западной Месопотамии сначала под верховенством султана Баркияроча, старшего сына султана Малик Шаха, а затем все более и более самостоятельно. Он сразу понял, какую опасность представляют франки, и к тому же был не прочь прибрать к рукам Антиохию, а затем, если удастся, и Алеппо, хозяин которого был в неприязненных отношениях со своими соседями, турками-суннитами. Он тоже начал готовить армию к походу на Антиохию.

Антиохию окружало много раз укреплявшееся кольцо мощных стен, возведенных еще императором Юстинианом в VI в., которые могли сравниться с константинопольскими. Над стенами возвышались четыре сотни башен, из которых простреливались подходы к стенам. С юга и востока крутые горы делали город неприступным, а с севера и запада толщина стен была такой, что по ним могла проехать четверка лошадей. С юго-востока город защищала сильно укрепленная цитадель, находившаяся на склоне горы Сильпиус, в трехстах метрах над городом. Бурная горная река Онопникл, прежде чем попасть на равнину, проходила через город и обрушивалась в пропасть через узкие выходные Железные ворота. Цитадель имела собственные ворота, одни вели в город, другие – наружу. На западе на дороге в Латакию находились ворота Сен-Жорж. На северо-западе дорога в Александретту и в гавань Сен-Симеона шла через большие ворота на берегу реки Оронт и через укрепленный башней мост. На севере через малые Герцогские и Собачьи ворота дороги спускались к реке Оронт, а через ворота Сен-Поль на северо-востоке дорога шла из города к Железным воротам через эту же реку.

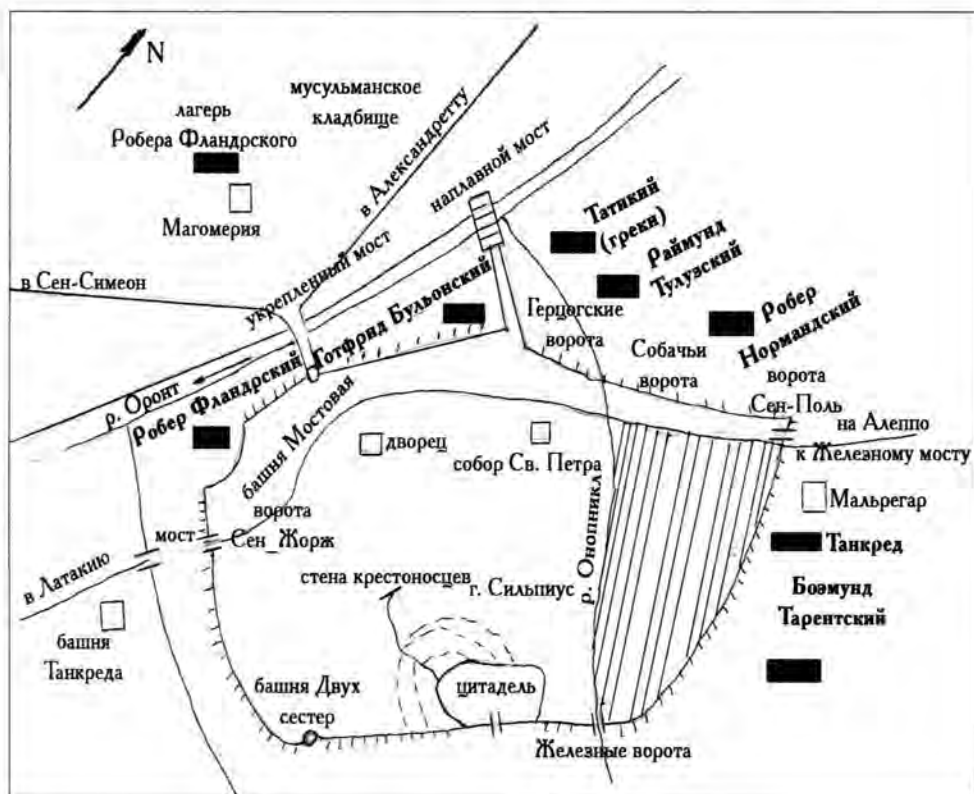

Схема 2. Осада Антиохии. 20 октября 1097 – 3 июня 1098 г.

Город был просторен, здесь могла расположиться большая армия, в нем было много воды, в черте городских стен располагались огороды и выпасы для скота.

Крестоносцы повели осаду города небрежно, отдыхая после двух лет непрерывных походов и боев. Некоторые историки считают, что они «не были знакомы с методами осадной войны». Это, конечно, не так: профессиональные солдаты хорошо знали осадное дело. Они не окружили город полностью, а охватили его только на четверть протяженности стен от Собачьих ворот до Железных. Лотарингцы встали против Герцогских ворот, южнофранцузы – против Собачьих, нормандцы Боэмунда – против ворот Сен-Поль. Остальная армия расположилась за лагерем Боэмунда. Укрепленный мост и ворота Сен-Жорж остались неприкрытыми. Под наблюдением Готфрида крестоносцы сразу же начали строить наплавной мост через Оронт у Герцогских ворот, чтобы установить связь с портами Александреттой и Сен-Симеоном.

Можно было попытаться, пользуясь первоначальным страхом мусульман, взять город немедленным штурмом, что и предлагал на военном совете Раймунд.

Однако восторжествовала точка зрения Боэмунда, который предложил начать осаду, чтобы войска смогли отдохнуть и дожждаться подкреплений из Александрии и Сен-Симеона: ожидали подхода Танкреда и Жинемера и, кроме того, надеялись на прибытие императора с осадными машинами и генуэзской эскадры. Главным же, хотя и невысказанным, было желание Боэмунда, по примеру Бодуэна, получить для себя город неразграбленным, что непременно произошло бы при удачном штурме. Кроме того, если бы город был взят общим штурмом, у него было бы много соперников, желающих получить город. Ненависть Раймунда к Боэмунду вследствие этого еще более усилилась.

Несмотря на то что Яги-Сиан собрал в городе значительные силы, их было недостаточно, чтобы занять весь периметр стен. Он очень боялся немедленного штурма и надеялся на скорое прибытие деблокирующих армий.

«Наши неприятели – турки, находившиеся в городе, так нас боялись, что в течение 15 дней ни один из них не осмеливался напасть на кого-нибудь из наших», – говорит Аноним. Однако, оправившись от страха, гарнизон начал делать вылазки из незаблокированных ворот Сен-Жорж на юге, из Железных ворот и из ворот цитадели. Фуражиры и мелкие группы солдат, вышедшие из лагеря, стали погибать или попадать в плен.

За дело взялись более серьезно. Нужно было решить три задачи: обезопасить себя от вражеских нападений, обеспечить регулярное снабжение продовольствием и лишить подвоза продовольствия турок. Против ворот Сен-Поль на господствующей высоте, холме Мальрегар, по предложению Боэмунда была построена башня со сменявшимся гарнизоном, контролировавшая дорогу на Алеппо и выход из цитадели и Железных ворот. Как раз в это время (17 ноября) в гавань Сен-Симеона вошли 13 генуэзских кораблей с подкреплением и продовольствием. Это была первая из трех эскадр итальянских городов, пошедших в Святую Землю по призыву папы Урбана двухлетней давности. Однако осажденные были спокойны: они были уверены, что к ним придут на помощь. Кемаль ад-Дин в хронике Алеппо рассказывает: «Франки (да проклянет их Господь!), став перед Антиохией, прорыли между своим лагерем и городом широкий ров, чтобы защищаться от нападений гарнизона ввиду его превосходства над ними, так как атакам осажденных почти всегда сопутствовала удача. Со своей стороны, Яги-Сиан искал помощи повсюду, как в ближних, так и в дальних землях».

Обе стороны, благодаря разрывам как в осаде, так и в обороне, были хорошо осведомлены о том, что творится во вражеском лагере. Беглецы и изгнанники из города, прибывшие в лагерь крестоносцев, быстро установили связь со своими родственниками в городе, в то время как христиане-сирийцы, предпочитавшие турецкое господство господству византийцев или латинцев, информировали Яги-Сиана о событиях в лагере крестоносцев.

Бозмунд с отрядом подошел к крепости Харим (франки звали ее Харенк), лежащей в 30 км к востоку от Антиохии. Он выманил гарнизон из города, заманил в засаду и взял в плен. Харим ему взять не удалось, и он пригнал пленников в лагерь перед Антиохией. Когда турки отказались выкупать пленных, на виду у осажденных перед городской стеной они были обезглавлены, а их головы металлическими машинами переброшены в город.

Затянувшаяся тяжелая война озлобила как христиан, так и мусульман, усилилась жестокость, начали убивать пленных и мирное население. Война с обеих сторон все более стала превращаться в «священную».

С наступлением зимы крестоносцев стал одолевать голод, усугубившийся морозами. Осенью, когда крестоносцы подошли к городу, у них было много продовольствия, да и в окружавших город деревнях был собран богатый урожай. Питались крестоносцы сытно, но запасов не сделали. К концу декабря в лагере все уже было съедено и в землях вокруг города уже ничего нельзя было достать. Начали серьезно беспокоить диверсионные отряды из Антиохии.

После Рождества на мусульманские земли, вверх по долине Оронта, была отправлена 20-тысячная армия под командой Бозмунда и Робера Фландрского, чтобы добыть продовольствие. Готфрид в это время серьезно заболел, и осаждавшая армия осталась под командой графа Раймунда и епископа Адемара.

Узнав от информаторов об уходе большей части армии и подождав, пока она скроется из виду, Яги-Сиан в ночь на 29 января через наплавной мост нанес удар по лагерю Раймунда, расположенному севернее Оронта, куда граф перешел из низины перед Собачьими воротами, спасаясь от зимней непогоды. Турки застали христиан врасплох. «Эти ужасные варвары появились ночью и свирепо набросились на нас. Они убили большое число наших рыцарей и пехотинцев, не успевших полностью вооружиться», – рассказывает Аноним, с неохотой повеествовавший о героизме соперников своего любимца Бозмунда. Положение спас Раймунд, собравший вокруг себя рыцарей и нанесший туркам внезапный удар. Он погнал их обратно в город через мост, и христиане были у ворот, прежде чем турки смогли их закрыть. Можно было бы попытаться захватить город, когда взбесившийся рыцарский конь сбросил всадника и опрокинулся на мосту на толпу рыцарей. В темноте было непонятно, что произошло, и христиан охватила паника. Они бросились назад на свою сторону, преследуемые турками, но были остановлены Раймундом, франки вновь погнали мусульман к городу. Мы будем иногда сталкиваться с этим феноменом – необъяснимой внезапной паникой как у христиан, так и у мусульман. В бою был убит сенешаль епископа Адемара, несший его знамя с изображением Божьей Матери города Ле-Пюи. Турки осквернили знамя и выставили его затем в насмешку на верху башни.

31 декабря продовольственная экспедиция франков у города Альбара внезапно столкнулась с объединенной армией эмира Дукака Дамасского, атабека Тог-

текина, арабского эмира Хомса Джаны ад-Даулы и сына Яги-Сиана Шамс ад-Дина, направлявшейся освобождать Антиохию. Шедшие впереди войска графа Робера понесли большие потери и были окружены. Бозмунд, выждав некоторое время, нанес стремительный удар. Дамасская армия была разгромлена, однако вследствие значительных потерь продовольственный поход пришлось прервать, и крестоносцы, ограбив пару деревень и спалив мечеть, кроме победной славы, не принесли в лагерь почти ничего.

Голод, зимние бури и проливные дожди вызвали болезни и смерть многих паломников. За продовольствием крестоносцы обратились к местным христианам, армянам и сирийцам, жившим к северу и западу от Антиохии. «Увидев, что наши вернулись почти с пустыми руками, они решили отправиться по горам и окрестностям, чтобы найти и купить зерна и провизии и привезти в лагерь, где царил голод. Они продавали нам груз одного осла за восемь безантов или за сто двадцать су (шесть ливров)! И тогда многие из наших умерли, не имея денег заплатить такую высокую цену». Впрочем, армянские и сирийские хронисты пишут, что крестоносцы вообще погибли бы, если бы местные христиане не отдавали им последний кусок.

Епископ Адемар завязал отношения с православным патриархом Иерусалимским Симеоном, который после смерти Артука и перехода Иерусалима к его сыновьям, усилившим гонения на христиан, бежал со своими высшими сановниками на Кипр. Несмотря на раскол церквей, Симеон согласился сотрудничать с крестоносцами. Он начал отправлять им продовольствие и вино. Вместе с епископом Адемаром, папским легатом, они обратились с посланием к христианам Запада об оказании неотложной помощи крестовому походу и рассказали об его успехах. Это послание сыграло большую мобилизационную роль.

Однако, несмотря на помощь, продовольствия не хватало. Началось дезертирство, бежали на Кипр, в Эдессу и домой в Европу.

«Мы испытывали крайнюю нужду: турки теснили нас со всех сторон, так что никто не осмеливался выйти из палаток, потому что, с одной стороны, они притесняли нас, а с другой – нас мучил голод; и не было нам ни помощи, ни поддержки. Неимущие и обездоленные бежали на Кипр, в Римскую землю, в горы; мы не осмеливались двинуться к морю, опасаясь ненавистных турок, у нас не оставалось никакого выхода... Бедность и нужда, посланные нам Господом за наши грехи, были таковы, что во всей армии не нашлось бы и тысячи рыцарей, у которых остались бы кони в добром состоянии» (Аноним).

Хронист Раймунд из Агийе пишет: «Чახлое малодушие вытекало из нашей армии». Среди бежавших были Петр Пустынный и ставший его другом Гийом Плотник, виконт де Мелен, не видевший смысла в продолжении не приносящего добычи похода. Оба они были задержаны Танкредом и возвращены в лагерь.

О бегстве Петра промолчали, однако Гийом, уже однажды бежавший из испанского похода, был вынужден позорно простоять всю ночь в центре лагеря, а утром при всем народе был обруган Танкредом.

К этому времени «Песнь об Антиохии», эпос, сложившийся в XII в., относит рассказ о 10-тысячной армии нищих и ее короле Тафуре – нормандском рыцаре, взявшем на себя командование «этой сволочью». Когда нечего стало есть, они якобы, по совету Петра Пустынника, стали потрошить, жарить и есть трупы турок. Посмотреть на их веселый пир пришли герцог Готфрид и князь Боэмунд. «Как поживаете?» – смеясь, спросили они. «Хорошо, но было бы еще лучше, если бы было вино», – ответил король. Готфрид налил ему в кружку своего вина: «Пейте вино, король Тафур». С ужасом смотрели на это со стен турки, и сам Ягиснан закричал Боэмунду: «Клянусь Мухаммедом, гнусно так посрамлять мертвых». Боэмунд ответил эмиру: «Это приказали не мы, мы в этом невиновны. Это все придумал король Тафур со своей дьявольской шайкой. Мы турок не едим. Нам очень жаль, что вас оскорбил вид турецкого мяса в качестве дичи». «Мясо турок вкуснее, чем павлин под соусом», – утверждает автор «Песни об Антиохии».

Этот рассказ связан с действительным существованием еретической секты эбионитов, широко распространившейся среди крестоносной бедноты. Их проповедники утверждали, что лишения и страдания приведут бедняков прямо в рай. Плохо вооруженные толпы этих полулюдей, полужверей первыми бросались в бой, сочетая в себе истовую веру в Бога со зверской жестокостью и канибализмом. Они держали в страхе не только врагов, но и крестоносцев, и своей непримиримостью влияли иногда на решения, принимаемые вождями.

По свидетельству Гибера из Нождана, «босой народ шел впереди и образовывал особые отряды тафуров [бродяг]... У него [короля тафуров] было заведено, что, когда народ, которым он предводительствовал, подходил к какому-нибудь мосту или узкому проходу, он спешил занять проход и здесь до нюточка обыскивал всех одного за другим». Найдя у кого-нибудь деньги или ценности стоимостью в два солида (солид то же, что и безант – 4,55 г золотом), король немедленно выгонял его из своих рядов, приказывал купить оружие и перейти к вооруженным воинам. «И невозможно сказать, сколь необходимы были они при перенесении припасов, оказании помощи, метании камней [машинами] во время осады городов, ибо при переноске грузов несли больше, чем ослы и вьючный скот, а также и тогда, когда ударами камней нужно было разрушить вражеские баллисты и орудия».

Нужно сказать, что два предводителя крестоносцев – Боэмунд и Раймунд де Сен-Жиль – твердо решили остаться в Антиохии и владеть ее благодатной землей. На стороне одного были ум и отвага, на стороне другого, кроме отваги, значительно большая армия и большие средства, взятые с собой.

Тем временем Боэмунд приводил в действие свой хитроумный план по овладению Антиохией после ее взятия. Нормандец заявил на военном совете, что твердо решил возвращаться домой: его люди и кони гибнут от голода, его средства закончились; вернувшись же домой, он немедленно соберет и пришлет на помощь новую армию. Понимая, что без ума, воли и энергии нормандца поход обречен на гибель, вожди стали уговаривать его остаться. Он согласился на это, но потребовал для себя Антиохию. Все выразили готовность выполнить его требование, за исключением графа Тулузского и представителя императора Татикия. Сам желая получить Антиохию, Раймунд напомнил о присяге, данной всеми императору, и о том, что город должен быть возвращен Византии, и Татикий, конечно же, его поддержал.

Теперь Боэмунду нужно было убрать с дороги золотоносого Татикия. Его, конечно, можно было убить, но нормандец придумал более остроумный план. Внезапно возникла и окрепла дружба Боэмунда с Татикием. И вот теперь он по дружбе рассказал крещеному турку, что вожди похода подозревают его в измене, в тайном сговоре с собратьями и замышляют заманить его в ловушку и убить, чего он, Боэмунд, его друг и верный вассал императора, не может допустить. Татикий поверил, испугался, поблагодарил Боэмунда и сбежал в феврале на Кипр, откуда он якобы собрался снабжать крестоносцев продовольствием и лошадьми. Более того, перед отъездом Татикий от имени императора пожаловал нормандцу Киликию. Это не помешало Боэмунду после отъезда Татикия обвинить в трусости и предательстве как его самого, так и василевса, намекая на то, что бегство Татикия освобождает крестоносцев от обязательств по отношению к императору и позволяет не отдавать ему Антиохию. Все это серьезно повлияет на дальнейшие взаимоотношения Византии и крестоносцев. Несмотря на периоды дружбы, империя будет стараться подчинить себе крестоносцев, а тех недоверие и ненависть приведут на стены Константинополя.

В феврале 1098 г. на мольбу о помощи Яги-Сиана откликнулся сельджукский эмир Алеппо Ридван. Он простил ему измену и, собрав большую армию, вместе с Артукидом Сокманом, правителем Иерусалима, и своим тестем, эмиром Хамы, двинулся на помощь Антиохии. Навстречу ему с конным отрядом в 700 всадников (столько здоровых коней осталось во всей армии крестоносцев) отправился Боэмунд. Безлошадные рыцари и пехота остались стеречь крепость. 8 февраля противники встретились у Железного моста через Оронт. Боэмунд выбрал для сражения идеальное место: обходных путей у мусульманской конницы не было.

Обычной тактикой мусульман было нападение волнами конных лучников, притворное бегство и затем общее нападение на потерявшего строй врага. Атака конных рыцарей обычно не приносила ощутимых результатов: легкая мусульманская конница буквально разбрызгивалась в разные стороны и ждала, когда христиане потеряют строй, чтобы накинуться на каждого из них со всех сторон.

На этот раз мусульманскую тактику применил Боэмунд. Он атаковал вступивших на мост мусульман и быстро отступил назад. Мусульмане бросились через мост за ним. Теперь им некуда было деться: пространство перед мостом с обеих сторон было ограничено озером и рекой. Перед сражением рыцари поклялись, что ни один из них не покинет строя по своей воле и не задержится для грабежа. Дважды в плотном конном строю крестоносцы атаковали перемешавшиеся толпы мусульман. Атаки рыцарей сначала смели лучников, затем пехоту и наконец мусульманскую конницу, скопившихся перед мостом. Сражение закончилось полной победой христиан. Были взяты большие трофеи, огромное количество захваченного продовольствия позволило положить конец голоду. Первым следствием победы стало то, что мусульманский гарнизон бежал из близлежащего Харенка и местные христиане передали город крестоносцам.

В отсутствие Боэмунда Яги-Сиан предпринял штурм лагеря крестоносцев. В послеобеденное время, когда исход сражения стал было решаться в пользу турок, вдали показалась приближавшаяся конница. Обе стороны замерли, стараясь понять, кто же подходит, кто победил. Разглядев крестоносцев, Яги-Сиан увел свои войска в город.

Раймунд де Сен-Жиль предложил построить укрепление на горе, где стояли две мечети, вблизи от укрепленного моста. Однако для строительства не хватало мастеров и строительных материалов. 4 марта крестоносцы получили известие о том, что в гавань Сен-Симеона вошли четыре корабля под командой изгнанника, потомка Альфреда Великого, англосакского принца на службе византийского императора Эдгара Этелинга, со взятыми на борт в Константинополе механиками и строительным материалом для создания осадных машин и башен.

Раймунд и Боэмунд, не доверявшие друг другу, отправились с отрядом в гавань, чтобы доставить груз и людей в лагерь. Все это стало известно в Антиохии. 6 марта из крепости вышли два отряда. Один отряд напал из засады на возвращавшихся из гавани. Не ожидавшие нападения франки бросились бежать, оставив груз туркам. Передовые беглецы достигли лагеря и рассказали Готфриду, что Боэмунд и Раймунд убиты. Готфрид немедленно отдал приказ выступить, чтобы отбить груз. В это время другой турецкий отряд напал на лагерь, но встретил готовых к бою людей. Когда бой был в разгаре, появились Боэмунд и Раймунд с остатками своих воинов. Объединившись, франки погнали напавших обратно в город. Загнав турок в город, крестоносцы выступили против первого отряда, сопровождавшего свою тяжелую добычу. Турки были окружены и полностью перебиты. Всего было убито, как говорили, полторы тысячи турок и среди них девять эмиров.

Ранним утром, когда христиане спали, турки вышли из города, чтобы похоронить убитых. Однако днем паломники разорили могилы, обобрали трупы и отрезали им головы.

Часть голов крестоносцы метательными машинами перебросили в осажденный город, а триста голов Боэмунд подарил послам визиря аль-Афдала при малолетнем халифе Египта аль-Мустали, прибывшим в это время в лагерь. Послы, возможно, направлялись первоначально, чтобы после предполагавшегося разгрома крестоносцев Ридваном Алеппским принять Антиохию под руку Фатимидов. Но теперь послы предложили паломникам, с учетом своего, продолжавшегося несколько десятилетий мира и союза с Византией, союз против сельджуков, с тем чтобы Сирия досталась франкам, а Палестина – Фатимидам. Египетские сарацины воспринимали крестоносцев как наемников Византии, и это подтверждала присяга франков императору Алексею. В необходимости союза с Фатимидами убеждал крестоносцев и василевс. О главной цели их похода – освобождении Иерусалима египтяне не догадывались, и паломники, видимо, не спешили им это объяснить. Крестоносцы щедро одарили послов подарками из добычи, взятой после разгрома Ридвана.

Вместе с послами аль-Афдала в Каир отправились на разведку посланцы крестоносцев. Теперь, когда положение крестоносцев упрочилось, можно было подумать об усилении блокады города. Оставались два не контролируемых крестоносцами выхода из Антиохии – через укрепленный мост на Оронте на северо-западе города и через ворота Сен-Жорж на западе.

С помощью полученного груза и механиков паломники перестроили одну из мечетей на горе в укрепление Ла Магомерия (мечеть по-старофранцузски). Строительство было закончено 19 марта. Ла Магомерия надежно закрыла доступ извне к укрепленному мосту. В гавань Сен-Симеона начали прибывать подкрепления крестоносцев – французы и итальянцы, купцы и пираты. Из Александрии пришел пират Жинемер.

Над дорогой, ведущей в Латакию, против ворот Сен-Жорж, на склоне горы Кассиус, возвышался монастырь. Его тоже решено было перестроить в башню, чтобы блокировать дорогу. За дело взялся Танкред. Аноним рассказывает: «Наши воины держали совет и единодушно сказали: “Выберем одного из нас, чтобы надежно охранять эту башню и преградить неприятелю путь к равнине или к горам, не позволяя ему войти или выйти из города”. Танкред первым выступил перед остальными и сказал: “Если бы я знал, какую выгоду мне это принесет, я бы занял эту башню своими людьми, а что касается дороги, по которой нас так часто атакуют враги, я встану там [со своими людьми] и прегражу ее”. Танкреду обещали четыреста марок. Он занял башню и надежно перекрыл дорогу. В тот же день значительное число армян и сирийцев, нисколько не опасаясь, подошли со стороны гор, принося туркам еду для пропитания города. Танкред выступил им навстречу, захватил их со всей провизией, зерном, вином, ячменем, маслом и другими припасами».

Тем временем, по приказу султана Баркиярока Кербога, атабек Мосула собрал в Месопотамии огромную армию, чтобы снять осаду с Антиохии. К ней присоединились Ридван и Дукак и сирийские эмиры. Кербога настолько был уверен в победе, что решил вначале овладеть Эдессой. Бодуэн, граф Эдесский, принявший к себе на службу много отставших, а также много голодных рыцарей из-под Антиохии, защищался упорно и мужественно. Осада Эдессы продолжалась три недели, с 4 по 25 мая 1098 г. Кербога потерял драгоценное время, но Эдессу не взял и направился к Антиохии. Это промедление спасло крестоносную армию.

Хитроумный Боэмунд тем временем завязал тайные сношения с офицером Яги-Сиана, армянином, принявшим мусульманство, по имени Фируз – комендантом трех башен на юге крепости. Тайно ненавидевший Яги-Сиана, тот согласился сдать крепость Боэмунду.

Известие о приближении армии Кербоги посеяло панику среди малодушных. Среди прочих бежал 2 июня один из руководителей похода, граф Стефан де Блуа. Сев на корабль, он отплыл в Александретту, а оттуда в Тарс. Еще недавно в письме к супруге он восторженно описывал победу в сражении 6 марта.

На закате солнца 2 июня Бодуэн послал герольда по лагерю с приказом, чтобы армия была готова ночью выйти навстречу Кербоге. Вечером на военном совете он предложил отдать ему Антиохию, в таком случае он обязуется овладеть городом до прихода Кербоги: «Время не терпит – завтра будет поздно». Крестоносцы понимали, что обречены на поражение, если останутся в поле между армией Кербоги и невзятым городом. Князья единодушно подтвердили, что он получит город, промолчал даже граф де Сен-Жиль. Была, правда, сделана оговорка, что «верховные права на Антиохию принадлежат императору, если он успеет на помощь».

Поздним вечером 2 июня Боэмунд увел войска по дороге к Железному мосту. Ночью они тихо вернулись и сосредоточились у башни Двух Сестер, где их ждал Фируз. Во главе с Фульком Шартрским (не путать со священником-хронистом Фульком из Шартра) 60 рыцарей по штурмовой лестнице поднялись на башню, вошли в крепость и открыли ворота армии. Крестоносцы ворвались в Антиохию. К ним присоединились армяне и греки. В эту ночь погибло несколько тысяч турок. К концу дня в городе не осталось ни одного живого турка. Аноним пишет: «Весь город был завален трупами, так что нельзя было находиться там из-за зловония. По улицам можно было пройти, лишь ступая по телам убитых». Дома горожан, вне зависимости от того, был ли хозяин мусульманином или христианином, были ограблены.

Яги-Сиан бежал из города через ворота Святого Павла, но в дороге упал с коня и был брошен спутниками. Когда он лежал без сил, его нашли армянские крестьяне. Один отрезал ему голову, другие забрали пояс и сабельные ножны.

Ил. 9. Зверства крестоносцев в Антиохии. Гравюра, XIX в.

Все это они принесли в Антиохию и передали за вознаграждение крестоносцам. За драгоценный пояс и ножны они получили по 60 безантов.

Сын Яги-Сиана Шамс ад-Дин пробился в цитадель и возглавил ее оборону с тремя тысячами мусульман. Боэмунд пробовал взять цитадель штурмом, но безуспешно.

Глава 9

Разгром Кербоги

Не прошло и трех дней, как к городу 5 июня 1098 г. подошла армия Кербоги, по меньшей мере в два раза превышавшая силы крестоносцев. Городские укрепления не пострадали. Можно было укрыть в городе обоз, небоеспособных женщин и детей, раненых и больных. Первым делом нужно было очистить город от трупов, чтобы не вызвать эпидемии. Священники и женщины вычистили оскверненный собор Святого Петра и церкви, чтобы возобновить в них христианское богослужение. Православный патриарх Иоанн был выпущен из тюрьмы и занял патриарший трон. Никто из крестоносцев, кроме Танкреда, против этого не возражал. Турки не раз во время осады выставляли патриарха в клетке на городской стене, его страдания за веру вызывали жалость и уважение.

Армия Кербоги обложила город со всех сторон. Аноним рассказывает: «На третий день после того, как мы вошли в город, турецкие разведчики появились у стен и их армия стала лагерем у Железного Моста. Они взяли штурмом одну башню [у моста] и убили всех, кто там находился, кроме их начальника, которого мы нашли после великой битвы закованным в цепи. На следующий день языческая армия отправилась в путь, подошла к городу и расположилась между двумя реками, где оставалась два дня». Крестоносцы были выбиты из всех наружных укреплений – из башни на холме Мальрегар, из башни Танкреда и из укрепления Ла Магомерия.

Кербога разделил армию на две части: меньшую оставил на южной стороне перед цитаделью, а с главными силами расположился на севере от города, направо (глядя из города) от укрепленного моста через Оронт, в бывшем лагере крестоносцев. Он сместил сына Яги-Сиана с должности командующего цитаделью и заменил его своим приближенным Ахметом ибн Мерваном.

Тактика осады Кербоги заключалась в следующем: он надежно блокировал со всех сторон крепость и выталкивал крестоносцев из города, постоянно атакуя их из цитадели; причем все время заменял в цитадели раненых и уставших воинов свежими.

«Турки, запертые в цитадели внутри города, не переставали днем и ночью нападать на нас, и лишь наше оружие держало их в отдалении. Наши, чувствуя, что не могут более терпеть эти страдания, ибо те, у кого был хлеб, не могли его

съесть, а те, у кого была вода, не могли ее выпить, возвели между турками и нами стену из камней, скрепленных известью... чтобы обеспечить нашу безопасность. Часть турок оставалась в цитадели, чтобы сражаться с нами, другая же часть расположилась в долине возле цитадели», – рассказывает Аноним.

Продовольствия в городе почти не было. Все, что можно было съесть, съели во время долгой осады. Штурм и грабеж продовольствия не прибавили: «Эти святотатцы и враги Господа так крепко заперли нас в Антиохии, что многие из наших воинов умерли от голода. Маленький хлебец стоил безант, что уж говорить о вине. Мы ели и продавали мясо лошадей и ослов; курица стоила пятнадцать су, один орех – денье. Все было так чрезмерно дорого, а голод так велик, что варили и ели листья смоковницы, винограда и репейника. Другие варили и ели сухие шкуры лошадей, верблюдов, быков и буйволов» (Аноним).

При этом приходилось непрерывно сражаться против свежих сил сытых турок из цитадели. Очевидец рассказывает, что можно было иногда видеть, как среди боя кто-нибудь из крестоносцев падал не раненый, а от истощения, и засыпал, и, если его не убивали спящим, проснувшись, снова кидался в сражение.

Не все, однако, были такими мужественными. Начались бегства из города. Обычно спускались ночью со стен на веревках и, рискуя быть убитыми или взятыми в плен, старались добраться до гавани Святого Симеона, чтобы сесть на корабль. В городе их называли «веревочными» беглецами. В ночь на 10 июня из города бежал отряд под командой Гиёма де Гранмениля и Ламбера де Клермона. Беглецы добрались до гавани Сен-Симеона, объявили, что крестоносцы обречены на гибель, и на кораблях добрались до Тарса. Там они встретили Этьена де Блау, который, узнав о взятии Антиохии, собирался вернуться, но передумал, напуганный их рассказом. Гиём был женат на сестре Боэмунда, и это придавало паническому сообщению особую достоверность.

Впрочем, вскоре в Сен-Симеон ворвались турки, они подожгли горящими стрелами несколько христианских кораблей, остальные убежали из гавани и принесли на Кипр и в Тарс вести о падении Антиохии.

Теперь единственная надежда у крестоносцев в Антиохии была на императора Алексея, который двигался с войсками на помощь крестоносцам. В середине июня в его лагере у Филомелии появились граф де Блау и Гиём де Гранмениль.

Граф Этьен сообщил о полном разгроме христиан, и василевс, шедший прибрать к рукам завоеванное крестоносцами, немедленно повернул назад. Правда, Анна Комнина пишет, что ее отец долго колебался. На военном совете за продолжение похода на помощь крестоносцам высказался один лишь нормандец на императорской службе, сводный брат Боэмунда Ги. Идти вперед значило поставить на карту судьбу своего государства, и Алексей не мог себе этого позволить. Известие об отступлении императора крайне обозлило паломников. По фео-

дальным законам, не оказав помощь вассалу, Алексей лишился прав суверена, и крестоносцы не раз напомнят ему об этом.

Внезапно по Антиохии пронесся слух, что все князья хотят бежать из города. В дикой панике толпы бросились к воротам, город мог пасть в тот же день. Положение спасли епископ Адемар и Боэмунд, они остановили и успокоили бушевавшие толпы.

В тот же день на военном совете князья назначили Боэмунда на 15 дней главным предводителем войска с неограниченными полномочиями. Это назначение спасло город и христиан. Победить или умереть – другого выбора нет, и лучше умереть на поле боя за Христа, чем в рабстве у неверных, доходчиво объяснил паломникам нормандец.

Твердой рукой он навел порядок: «Увидев, что нельзя было найти людей, чтобы сражаться ночью против цитадели, потому что, закрывшись в домах, одни дрожали от голода, а другие – от страха перед турками, он пришел в большой гнев и приказал поджечь город с той стороны, где находился дворец Яги-Сиана. При виде этого зрелища те, кто находился в городе, покинули свои дома и все свое имущество и обратились в бегство, одни бросились к цитадели, другие к воротам, охраняемым графом де Сен-Жилем, третьи – к воротам герцога Годфрида, каждый к своим войскам. В этот момент поднялась сильная буря с ветром, так что никто не мог устоять на ногах. Мудрый Боэмунд был этим весьма удручен, опасаясь за церкви Святого Петра, Девы Марии и за другие. Эта буря продолжалась с третьего часа [9 часов утра] до середины ночи. Церкви и дома числом до двух тысяч сгорели. Затем бушевавшее пламя угасло» (Аноним).

Голод и чувство обреченности способствовали усилению атмосферы религиозного возбуждения и экзальтации. Последовал ряд пророческих видений, снов и чудес, объяснявшихся как знаки Божьего расположения. В этой атмосфере в окружении графа Тулузского родилось хорошо подготовленное чудо «Святого копья». За всем этим стоял, видимо, хронист-капеллан графа Раймунда Тулузского Раймунд из Агийе.

10 июня к графу де Сен-Жилью пришел бедный провансалец по имени Пьер Бартелеми и попросил разрешения поговорить с ним и с епископом Адемаром. Он рассказал им, что ему были видения, в которых святой апостол Андрей открыл ему, где через пять дней найти величайшую реликвию христианства – копье, которым был пронзен Христос. Адемар не очень-то поверил рассказу. Он, возможно, уже видел в Константинополе такое копье и считал Пьера Бартелеми ненадежным и непорядочным малым, а его рассказ выдумкой. Напротив, благочестивый и доверчивый граф Раймунд воодушевился и пообещал через пять дней присутствовать при поиске копья. Рассказ о Пьере Бартелеми облетел весь город.

В этот же вечер священник из Баланса по имени Этьен заявил на военном совете, что ему во сне явился Христос, Который упрекал крестоносцев за их дурное поведение после взятия города, «за то, что они предались преступной любви с христианскими и языческими дурными женщинами, из-за чего злование мерзости поднялось до неба». Но благодаря заступничеству Девы Марии и святого Петра, покровителя Антиохии, Он простил их и сказал, что через пять дней пошлет им защиту. У священника была хорошая репутация, он поклялся на Библии, что говорит правду. Священник предложил баронам поклясться, что никто из них не покинет Антиохию. Бароны торжественно поклялись, что «они никогда не обратятся в бегство, чтобы спасти свою жизнь и избежать смерти». «Узнав об этой клятве, вся армия преисполнилась ликованием», – рассказывает Аноним.

Аноним далее рассказывает: «Провансальский паломник Пьер Бартелеми объявил, что святой Андрей приказал ему разрыть землю в базилике Святого Петра, где было закопано копье, которым на Голгофе пронзили бок Спасителя». Граф распорядился начать поиски: «Тринадцать человек копали с утра до вечера [14 июня 1098 г.], и он [Пьер Бартелеми] нашел копье [видимо, наконечник копья], как и указал... Великое ликование охватило весь лагерь». По словам хрониста, «все воинство возрадовалось, каждый побуждал другого к мужеству, и не могли наговориться о явившейся им Божьей подмоге». Большинство верило в чудо, сомневающиеся, а среди них был и епископ Адемар, помалкивали. Своеобразие времени заключалось в том, что Раймунд из Агиие, видимо, организовавший «чудо», сам искренне в него поверил.

Две причины, несомненно, лежали в основе появления этого чуда: первая – сплотить и придать мужества паломникам, вторая – желание графа де Сен-Жиля получить преимущество пред Боэмундом при решении вопроса, кому будет принадлежать Антиохия. Поэтому все громкие сомнения в подлинности копья и насмешки начались уже после победы крестоносцев и исходили в основном от скептиков-нормандцев в рамках развернувшейся борьбы князя Боэмунда с графом Раймундом за Антиохию. Стоит упомянуть, что участники Четвертого крестового похода, захватившие в 1204 г. Константинополь, среди прочих святынь нашли и другое копье, «которым был прободен Господь», а в XVIII в. кардинал Ламбертини, будущий папа Бенедикт XIV (1740–1758), официально отверг подлинность антиохийского святого копья.

Князя пришли к выводу, что единственный выход для христиан – это немедленное сражение. Так как Раймунд заболел, командовать сражением должен был Боэмунд, он же разработал его план. Перед сражением был объявлен трехдневный пост, крестоносцы провели крестный ход из одной церкви в другую, отслужили мессы и причастились. Оставшихся боевых коней заботливо покормили.

Накануне сражения было отправлено посольство к Кербогe, в котором участвовали Петр Пустынник и франк Эрлен, говоривший по-арабски и по-персидски. Целью посольства было усовестить неверных, с тем чтобы они сняли осаду и ушли прочь; малопонятное мероприятие, если исключить как цель – разведку. Гийом Тирский передает ответ Кербогe: «Скорее возвращайтесь и скажите вашим господам, что, если они желают стать турками, отринуть Бога, Которому поклоняются, и отказаться от своих законов, мы отдадим им эту землю, города и замки, и никто из ваших воинов больше не будет пешим, но все будут иметь коня, как и мы, и между нами будет согласие. Если же нет, пусть знают, что в наказание они будут преданы смерти или в оковах уведены в Хорасан в пожизненное рабство и что они будут нашими рабами и рабами наших детей на веки вечные».

Однако в самом лагере Кербогe не было единства. Братья Дукак Дамасский и Ридван Алеппский ненавидели друг друга, турки враждовали с арабами. Эмиры из Сирии и Месопотамии боялись честолюбия надменного и властного Кербогe и не очень-то желали его победы, которая положила бы конец их самостоятельности. Участилось дезертирство из армии атабека.

28 июня крестоносцы, разделенные на шесть отрядов, общей численностью примерно в 30 тысяч, из них 2 тысячи рыцарей, через укрепленный мост против Ла Магомерии вышли из Антиохии, чтобы сразиться с неверными. Отряды были построены еще в крепости. Первыми вышли французы с Гюгом де Вермандуа и фламандцы с Робером Фландрским, затем лотарингцы с Готфридом Бульонским, затем нормандцы с герцогом Робером, затем часть тулузцев с епископом Адемаром и с Раймундом из Агийе со святым копьем в руках и, наконец, два отряда нормандцев с Танкредом и Боэмундом. Святое копье должно было воодушевить идущих в бой крестоносцев. Священники вспоминали ветхозаветную историю, как израильтяне взяли с собой в решающее сражение против филистимлян Ковчег Господень* (1 Цар 4:3–6). У рыцарей было всего лишь 200 коней, многие из них, лишившиеся коней, шли пешком или ехали на вьючных животных. Двести тулузцев во главе с большим графом де Сен-Жилем на носилах остались в крепости отбивать атаки из цитадели. Общая численность противостоявшей мусульманской армии составляла не менее 60 тысяч.

Возможно, Кербогe нельзя было позволить переправиться через мост всей крестоносной армии, а следовало атаковать и сбросить в Оронт первые отряды, как ему советовал один из его военачальников. Однако он, видимо, был уверен в победе и пренебрег преимуществами положения. К тому же, учитывая настроение своих войск, он хотел покончить с крестоносцами одним ударом,

---

* Ковчег Господень – деревянный ларь котлообразной формы, в котором хранилась Тора – Пятикнижие Моисея.

Разгорелось ожесточенное сражение. Ряды мусульман дрогнули, эмиры начали уходить с поля боя. Арабский хронист Ибн аль-Атир сообщает: «Мусульмане немедленно обратились в бегство из-за пренебрежения и высокомерия, с которыми Кербога обращался с ними». Первым из дезертиров был Дукак Дамасский. Он давно решил для себя, что будет нужнее в своих владениях, которым угрожали Фатимиды, чем на поле боя под началом Кербоги.

Чтобы остановить франков, Кербога приказал поджечь сухую траву перед ними. Это было воспринято мусульманами как сигнал к отступлению, их войска охватила паника, и они побежали. Напрасно Кербога пытался их остановить и восстановить боевой порядок. Из его союзников дольше всех на поле боя оставались Артукид Сокман, господин Иерусалима, и эмир Хомса Джана ад-Даула. Хронист Ибн аль-Атир рассказывает: «Поражение было полным, и ни один не воспользовался своим мечом или копьем и не выпустил хотя бы одну стрелу... Только *гази* [борцы за веру] оказывали сопротивление из желания стать мучениками после смерти». Кербога спасся благодаря быстрому коню. С остатками конницы он добрался до Мосула, но уже никогда не смог восстановить свою силу и славу. Крестоносцы, не останавливаясь в лагере Кербоги, преследовали бежавших до Железных ворот. «Ни один из них [рыцарей] не бежал с поля боя, и, придя туда пешком, ни один не возвратился без коня» («Песнь об Антиохии»).

В своем письме папе в сентябре 1098 г. крестоносцы пишут: «Одержав победу, мы целый день преследовали неприятелей, убили многих вражеских воинов, а затем, радостные и торжествующие, двинулись к городу». Крестоносцам достался лагерь Кербоги, войска которого «побросали свои шатры, и золото, и серебро, и много драгоценностей, а также овец и коров, коней и мулов, верблюдов и ослов, хлеб и вино, муку и многое другое, в чем мы нуждались», – рассказывает хронист Рауль из нормандского города Казнь. По некоторым данным, в сражении пало 4 тысячи крестоносцев, потери мусульман были во много раз больше.

Турецкий комендант цитадели наблюдал с горы за ходом сражения и, когда стал ясен его результат, сдал ее, причем не графу де Сен-Жилю, находившемуся рядом, а специально вызванному Боэмунду, поднявшему над ней свое знамя. Желавшим принять христианство турецким воинам нормандец предложил остаться и перейти под его начало, не желавшим – гарантировал свободный выход с имуществом. Правда, на дорогах убежавших мусульман убивали и грабили местные христиане-армяне.

Рауль из Казни рассказывает, чтобы обосновать претензии графа Раймунда на Антиохию, он и его окружение утверждали, что именно ему, графу Тулузскому, «должна быть приписана слава этого триумфа – во время битвы копье несли впереди войска под клич тулузцев». Однако же, как повествует нормандский

хронист, князь Боэмунд подвел итог дискуссии о том, благодаря чему была одержана победа: «Пусть жадный граф приписывает ее своему копыю, пусть так же думает и глупый народ. Мы же победили и будем побеждать впредь именем Господа Бога нашего Иисуса Христа».

Теперь нужно было решить, кому – Боэмунду или Раймунду де Сен-Жилю – будет принадлежать Антиохия. «Нарбоннцы, оверньцы, гасконцы – все это племя примыкало к провансальцам; к апулийцам же [итальянским нормандцам] тяготела вся остальная [северная] Галлия», – говорит Рауль Каэнский.

Совещания вождей похода проходили в соборе Святого Петра. Большинство было за Боэмунда, тем более что позиция Раймунда была мало приемлемой для недалековидных князей и баронов, которые хотели самовластно владеть здешними землями. Тулузец требовал передать Антиохию византийскому императору, в соответствии со взятыми вассальными обязательствами. В Константинополе граф Раймунд отказывался принести вассальную присягу василевсу, а теперь требовал отдать город Алексею, чтобы он не достался Боэмунду. Возможно, позиция графа де Сен-Жиля оправдывалась не только корыстью и ревностью к Боэмунду, но и пониманием (несомненно, под влиянием епископа Адемара) того, что самостоятельно, без покровительства и поддержки императора, государства крестоносцев в подавляюще превосходящем по численности мусульманском окружении не смогут выжить; паломникам необходимы были не только линии снабжения, проходящие через Византию, но и действенная помощь империи военными силами и флотом.

До сих пор Византия ничем не помогла крестоносцам, к тому же они еще не знали, что император повернул назад от Филомелии. На всякий случай бароны отложили решение вопроса о том, кому будет принадлежать Антиохия, до встречи с ним. А теперь, в июле, к императору Алексею было послано посольство во главе с графами Гюгом де Вермандуа и Бодуэном Геннегауским, видимо, по инициативе легата Адемара и Раймунда. Чтобы получить Антиохию и Эдессу под свою верховную власть, василевс должен был явиться с войсками и принять участие в походе на Иерусалим. Для встречи с императором граф де Вермандуа отправился в Константинополь. По дороге на отряд графа Гюга напали турки. Отряд понес большие потери, в числе других исчез (был убит или взят в плен) граф Бодуэн Геннегауский. Из Константинополя, наскучив крестовым походом, граф Гюг двинулся не в Святую Землю, а домой, во Францию.

Крестоносцы не простили Этьену де Блуа побега. Его трусость стала известна в Европе. Когда он, неспешно путешествуя, добрался до Франции, его супруга Адель, дочь Вильгельма Завоевателя, отказала ему в супружеских правах и не успокоилась до тех пор, пока не отправила его обратно в Святую Землю искупать позор.

Историк XIX в. Б. Куглер пишет: «Прошли лето и осень 1098 года, но не было предпринято ничего для продолжения крестового похода». Почему крестоносцы потеряли столько времени? Почему они сразу не пошли освобождать Иерусалим? На этот вопрос вопрос отвечает Аноним: «На совете было решено, что мы не можем пока идти в землю язычников, так как в летнее время она слишком бесплодна и лишена воды; поэтому мы согласились задержаться до ноябрьских календ [до конца октября]... Сеньоры разошлись, и каждый отправился в свою землю, чтобы там ожидать установленного срока». Видимо, свеж был в памяти крестоносцев губительный переход через безводную фригийскую пустыню.

И Боэмунд, и Раймунд остались в Антиохии. В руках первого были цитадель и все ворота, кроме одних, в руках второго – дворец Яги-Сиана, ворота у укрепленного моста и укрепление Ла Магомерия. Оба соперника были готовы к войне между собой, никто не хотел уступать город другому.

В городе последние десять дней июля свирепствовала эпидемия, видимо, тифа. Ее жертвой 1 августа пал легат папы епископ Адемар. Это была огромная потеря для похода. Он спланировал баронов и примирял распри, был нравственным образцом и духовным наставником. Являясь подлинным духовным руководителем похода, он пользовался огромной любовью и уважением всей армии; был сведущ в военном деле, мог помочь умным советом в военных делах и, если нужно, сам выходил на поле боя, проявляя незаурядное мужество. Политика, проводимая им, была направлена на единение всех христианских сил, на сотрудничество и доброе согласие как с православной церковью, так и с сирийской и армянской церквями. После его смерти ни у кого не было такого авторитета. Граф де Сен-Жиль лишился его поддержки, столь необходимой ему. «И охватила великая скорбь воинство Христово, ибо палский легат был поддержкой бедным и советником богатым. Он говорил: "Ни один из вас не будет спасен, если он не почитает и не утешает бедных; без них вы не можете быть спасены, без вас они не могут жить... Поэтому заклинаю вас ради Бога любить их и помогать им, насколько это в ваших силах"», – напишет о нем Аноним. Легат был похоронен в соборе Святого Петра.

Спустя два дня после смерти Адемара с новым откровением выступил Пьер Бартелеми. Он не мог простить епископу его неверия в «святое копье». Ему явились святой Андрей и покойный Адемар. Адемар сообщил, что он наказан за неверие, душа его находится в преисподней и может быть спасена оттуда только молитвами его товарищей, и просил оставить его тело в соборе Святого Петра. Далее святой Андрей, в изложении Пьера Бартелеми, передал Раймунду свои советы: передав Антиохию человеку, претендующему на нее, и поставив в городе латинского патриарха, он должен идти на Иерусалим. Пьер Бартелеми выражал настроения массы тулузцев и провансальцев, непреклонно намеренных идти в Иерусалим и, конечно же, под командой графа Раймунда.

Раймунд верил в подлинность «святого копья» и в то, что победа над Кербюгой достигнута с его помощью, но Адемар был человеком, дружба с которым поддерживала и подкрепляла его авторитет, а новое откровение ставило под сомнение политику, проводимую ими. Поэтому он выразил недоверие к подлинности последнего видения Пьера Бартелеми.

Армия плохо восприняла новое откровение провансальца. В армии любили легата Адемара, и неверие епископа в подлинность копья воскресило старые сомнения. Нормандцы и северофранцузы, не переносившие тулузцев, начали защищать покойного и громко кричать, что копье не сыграло никакой роли в достижении победы и претензии Раймунда на Антиохию необоснованны. Боэмунд, несомненно, подогревал антитулузские страсти.

В эпидемии погибло несколько тысяч паломников. Князья и бароны вывели войска из Антиохии, чтобы уберечься от эпидемии и захватить близлежащие города и земли. Ввиду военных действий урожай в северной Сирии не был собран, и положение с продовольствием было плохо, так что походы франкских князей были непосредственно связаны также и с поисками продовольствия.

Герцог Готфрид отправился на северо-восток, в графство Эдессу, обосновался в Турбесселе и Раванделе и оттуда делал набеги на юго-восток, на мусульманские земли. Князь Боэмунд двинулся на север, в Киликию. Он усилил там гарнизоны, оставленные Танкредом, и принял от них вассальную присягу.

Робер Нормандский пошел на юг к побережью. Этгар Этелинг, оставив груз в в Сен-Симеоне, весной 1098 г. подошел к Латакии и от имени императора выгнал оттуда людей Жинемера, захватившего порт осенью 1097 г. Византийская Латакия была завоевана турками в 1084 г., однако позже турки были вытеснены оттуда арабом Мункидитом, эмиром Шайзара. Теперь, по призыву Этелинга, Робер занял этот важный порт, населенный в основном греками. Нормандец, обложивший Латакию тяжелыми податями, ушел из нее через несколько недель, оставив по себе не лучшие воспоминания, и город занял своими войсками греческий наместник Кипра.

Раймунд де Сен-Жиль двинулся на юг в мусульманские земли. Он овладел Рутей на Оронте и в октябре захватил город Альбара. Священник Петр из Нарбонна был назначен епископом Альбары. Раньше в городе не было епископства. Петр стал первым латинским епископом в Утрмере (Заморье). Рукоположил его православный патриарх Антиохии Иоанн.

В начале сентября князья и бароны временно прибыли в Антиохию, где эпидемия уже утихла, и 5 сентября написали папе письмо, в котором рассказали о смерти легата Адемара и призвали: «Прибуди к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобой». И тогда «весь мир станет повиноваться тебе». Антиохия – епископство, объясняли они, основанное святым Петром, и наместник святого

Петра должен прибыть туда, а также и в Святой Иерусалим. Они готовы ждать его, прежде чем двинуться в Палестину. Первым подписал письмо Боэмунд, возможно, письмо было написано его секретарем; в письме явно ощущается намерение князя (и не только его) сменить сюзерена. Затем вожди похода вновь разошлись по своим новым владениям.

В начале ноября князья и бароны вновь прибыли в Антиохию. 5 ноября они собрались в соборе Святого Петра. Прежде чем начать поход на Иерусалим, нужно было решить, кто будет владеть Антиохией. Вражда между Боэмундом и Раймундом обострилась до крайности. На совете Боэмунд повторил текст приглашения, заключенного им с князьями, и зачитал список расходов, которые он понес, чтобы захватить город. Раймунд в ответ напомнил о клятве, данной князьями императору по настоянию, кстати сказать, Боэмунда. Большинство князей были на стороне Боэмунда, но не хотели выступать открыто, чтобы не быть обвиненными в нарушении клятвы. Наконец, после ожесточенных споров, было принято решение о передаче Антиохии нормандцу. Графу Раймунду в конце концов пришлось согласиться с решением совета, однако тулузцы продолжали удерживать в городе занятые пункты, а Боэмунд, по требованию графа, поклялся участвовать в походе на Иерусалим. Так в Сирии возникло второе государство крестоносцев – княжество Антиохия.

Простой народ, возбуждаемый эбионитами и новыми видениями Пьера Бартеlemi, в которых святой Андрей требовал немедленного выступления, возмущался тем, что поход на Иерусалим все время откладывается из-за распрей вождей. Раймунд из Агии рассказывает: «Когда народ увидел, что поход задерживается, каждый стал открыто говорить своему товарищу и соседу, пока не возроптали все: "Поскольку вожди, то ли из-за страха, то ли из-за присяги императору, не желают вести нас в Иерусалим, давайте сами себе выберем храбреца из рыцарей, верно служа которому, мы и сами сможем быть в безопасности и, Божьим милосердием, под его водительством дойдем до Иерусалима"».

Народ ворвался на заседание совета в соборе Святого Петра и заявил баронам: «Пусть тот, кто хочет, владеет золотом императора, и тот, кто хочет, пусть получает доход от Антиохии. Мы же, идущие сражаться за Христа, двинемся дальше под его водительством... Если все это будет продолжаться, мы разрушим стены Антиохии... и тогда установится мир среди вождей, который сохранялся у них до взятия Антиохии».

Глава 10

По Сирии и Палестине

Под давлением народа бароны должны были выступить из города. Граф де Сен-Жиль первым вышел из Антиохии в конце ноября, прошел через город Ругья и подошел 27 ноября к крупному в то время, хорошо укрепленному большому городу Маарра (Мааррат-ан-Нуман), населенному арабами, на дороге из Антиохии и Алеппо в Дамаск. Немного позднее к нему присоединились и остальные бароны, в том числе и Бозмунд. Город упорно оборонялся, несколько штурмов были отбиты. Вокруг было много богатых цветущих городов, и бароны разошлись искать более легкой добычи. У Маарры остались только старые соперники, которые опять не хотели уступить город друг другу.

Верный своей практике одерживать победы при помощи дипломатии, Бозмунд снова завязал переговоры с осажденными, обещая им в случае сдачи жизнь и имущество. В соответствии с новым видением Пьера Бартелеми осадная башня, построенная Раймундом, была придвинута к стене, и хотя попытка взобраться на стену была отражена, однако, используя помост башни в качестве прикрытия, минеры крестоносцев подкопали и обрушили стену. Вечером франки ворвались в город и начали его грабить. Бозмунд через герольда предложил городской знати с семьями и имуществом укрыться во дворце недалеко от ворот, против которых стояли нормандцы.

Многие так и сделали, другие укрылись в домах, третьи продолжали сопротивление. На следующее утро провансальцы и нормандцы с разных сторон ворвались в город, убивая всех подряд, даже людей, доверившихся Бозмунду. Поняв, что город придется отдать Раймунду, нормандец поставил своей целью полное его ограбление. Население ждала страшная судьба жителей долго и упорно сопротивлявшегося города, почти обычная для того времени, особенно если речь шла об иноверцах.

Аноним рассказывает: «Затем наши воины проникли в город и забрали все, что посчитали ценным в домах или тайниках. С наступлением дня повсюду, где они обнаруживали кого-нибудь из сарацин, будь то мужчина или женщина, они убивали его. Не было ни одного уголка в городе, не покрытого телами сарацин, и едва можно было пройти по улицам города, не наступив на убитого. Бозмунд схватил тех, кому повелел укрыться во дворце, отобрал у них все, чем они владе-

ли, золото, серебро и прочие ценности, приказал одних убить, а других увести в Антиохию, чтобы там продать».

Ограбив свою часть города, Боэмунд возвратился в Антиохию. Граф Раймунд предложил баронам собраться на совет в Рутье. Там он предложил свою кандидатуру в руководители похода на Иерусалим, обещал в этом случае платить жалование князьям и баронам. Он предложил по десять тысяч су Готфриду и Роберу Нормандскому, шесть тысяч Роберу Фландрскому, тысяч пять Танкреду и меньшие суммы другим баронам, очевидно, исходя из численности их армий. Согласились на это только Танкред (возможно, с одобрения Боэмунда, который хотел держать графа под наблюдением) и Робер Нормандский. Граф также принес князьям жалобу на Боэмунда, ограбившего принадлежащую ему Маарру. В ответ Боэмунд отказался от всякого общения с графом до тех пор, пока тот не выведет свои отряды из Антиохии.

Между тем бедный народ и калеки со всей армии, собравшиеся в Маарре, голодали, доходило даже до случаев проявления каннибализма. Узнав о распрях среди господ, они потребовали скорейшего продолжения похода на Иерусалим. Аноним рассказывает: «Франки пребывали в этом городе один месяц и четыре дня, как раз в это время скончался епископ Оранжский. Среди наших были такие, кто не смог найти то, в чем испытывал нужду, так как возникли трудности с пропитанием, как из-за длительности остановки, так и потому, что вне города они ничего не могли отыскать. И они вспарывали тела [арабов], потому что находили в их внутренностях безанты, которые те там попрятали; а кое-кто сдирал с мертвецов кожу и варил, чтобы есть».

Раймунд из Агийе пишет: «Бедняки были возмущены, узнав, что граф намерен оставить в Маарре многих рыцарей и пеших воинов из своего войска для ее охраны. "Как, – раздавались речи, – был спор из-за Антиохии, а теперь спор из-за Маарры! И во всяком месте, которое нам отдал бы Бог, будет распря между предводителями. А войско Божье будет уменьшаться! Нет, пусть в этом городе окончательно прекратятся раздоры. Пойдем и разрушим его стены, и тогда установится мир между крестоносцами, и граф уже наверняка обретет уверенность, что не утратит город..." И поднялись калеки со своих лежанок и, упираясь на костыли, двинулись к стенам. И там ослабевший от голода человек легко выворачивал из стены и далеко откатывал такой камень, который едва ли могли тащить три или четыре пары быков... И едва ли был среди народа кто-нибудь чересчур слабый или больной, кто остался бы в стороне от разрушения стен». Стены были срыты, мечети и жилища сожжены и разрушены, Маарра уже никогда не смогла от этого оправиться.

При этом известии Раймунд поспешил обратно в город. Благочестивый граф увидел в этом Божье вмешательство. 13 января 1099 г. он как кающийся грешник, босой, во главе своих войск вышел из Маарры и направился к Иерусалиму, остатки города были подожжены.

Участь Антиохии, населенной в основном христианами, не привлекла внимания мусульман. Участь же арабского города Маарры вызвала ужас и возмущение и приблизила начало *джихада* – священной войны. Помимо этого, мусульманский мир был поражен железной стойкостью голодавших в Маарре христиан.

Крестоносцы двинулись на юг двумя армиями. Первая армия, состоявшая из войск графа Тулузского и присоединившихся к нему войск герцога Робера Нормандского и Танкреда, шла восточнее Ансарийских гор. Вторая армия, состоявшая из войск Готфрида Бульонского и Робера Фландрского, вышла, подталкиваемая нетерпением солдат, на месяц позднее и шла вдоль побережья.

Князь Антиохийский Боэмунд сопровождал ее до Латакии, а затем в нарушение клятвы вернулся в Антиохию. Он опасался нападения на нее византийцев, которые могли бы высадиться в Латакии. В свое оправдание он объяснил, что будет прикрывать паломников с тыла, когда те пойдут к Иерусалиму, и обещал выслать подкрепления. Оставленные графом Тулузским в Антиохии войска не удержались против Боэмунда и поспешили вдогонку за Раймундом.

Затем Боэмунду в союзе с киликийскими армянами пришлось дать отпор византийской армии, пришедшей подчинить императору Киликию (а затем, если удастся, и Антиохию). Византийские войска ушли из Киликии и заняли город Мараш. Далее Боэмунд взялся за Латакию. Овладеть Латакией для Боэмунда значило не только уменьшить угрозу нападения византийцев, но и приобрести необходимую для связи с Европой гавань, которая была больше и удобнее маленькой гавани Сен-Симеон.

Остался в Эдессе и Бодуэн. Он не явился на военный совет в Антиохии 5 ноября 1098 г. и не пошел освобождать Иерусалим. Вместо этого он продолжил расширять свои земли по обеим сторонам Евфрата на восток и на север.

Ко времени прихода франков на Ближний Восток местное христианство состояло из православных греков, небольшого количества православных сирийцев и армян, сирийцев-яковитов, армян апостольской церкви, небольшого количества несториан и небольшой общины маронитов в горах Ливана. Большая часть крестоносцев относилась к православным и к сирийцам-яковитам с недоверием и презрением. Гораздо лучше крестоносцы относились к армянам и маронитам, с первыми они вступали в многочисленные браки, а последние в конце XII в. даже объединились с латинской антиохийской патриархией. Городское население Сирии и Палестины составляли сирийцы, армяне, евреи и греки, население в деревнях осталось в основном мусульманским и частично христианским.

Настоящим правителем Египта при несовершеннолетнем халифе Фатимиде аль-Мустали был визирь аль-Афдал, преемник своего отца, принявшего ислам армянина Бадра аль-Джамали. Когда франкское посольство прибыло в Каир вместе с послан-

Ил. 10. Пехота крестоносцев. Миниатюра, XI–XII вв.

цами визиря, выяснилось, что оно не уполномочено вести переговоры и что целью похода франков является Иерусалим. Узнав о поражении Кербози под Антиохией, аль-Афдал решил отвоевать у турок Палестину вместе с Иерусалимом. Палестина находилась в руках сыновей Артука Сокмана и Ильгази под верховенством эмира Дукака Дамасского.

Когда армия аль-Афдала вторглась в Палестину, Сокман и Ильгази, бросив на произвол судьбы другие палестинские города, укрылись в Иерусалиме, полагаясь на крепость его стен и на помощь Дукака. Однако аль-Афдал подвел к Иерусалиму большое количество осадных машин, в том числе сорок камнеметательных, и принялся методически разрушать стены и башни. Дукак не помог, и после сорока дней осады осенью 1098 г. Артукиды были вынуждены сдаться, выговорив себе свободный выход с войсками в Дамаск. Оттуда они ушли к своим двоюродным братьям в Месопотамию. Той же осенью египтяне захватили Палестину до Собачьей реки у Бейрута и восстановили укрепления Иерусалима.

Хотя считалось, что франки воюют только с сельджуками, в северной Сирии не только арабские правители городов, такие как Мункидиты из Шайзара и Баню Амары из Триполи, были довольны поражением турок и не хотели воевать с франками, но даже и турки – тесть и отчим Ридвана Алеппского, эмиры Хамы и Хомса, храбро сражавшиеся с ними в армии Кербози, – не проявляли воинственности. Не прекращалась междоусобная война между братьями – сельджукскими эмирами Ридваном, сторонником Фатимидов, и Дукаком Дамасским. Правители городов старались поскорее спровадить их на юг, снабдив продовольствием,

деньгами, стадами и вьючными животными, с тем чтобы уберечь от них свои города, сады, виноградники и поля.

Армия графа де Сен-Жиля прошла без остановок к Кафартabu, туда прибыли посланцы эмира Шайзара, предложившие проводников и продовольствие по недорогой цене. Армия пересекла Оронт между Шайзаром и Хамой, получая дары эмиров и угоняя плохо спрятанные стада.

Здесь состоялось совещание Раймунда и его военачальников, решавшее, по какой дороге пойти дальше. Сам Раймунд не оставил мысли по дороге к Иерусалиму захватить богатые земли на побережье, чтобы создать, по примеру Бодуэна и Боэмунда, свое государство. Ему возражал Танкред, говоривший, что для осады прибрежных городов сил слишком мало (армия Раймунда насчитывала примерно 600 рыцарей и 6000 солдат) и что нужно идти прямо на Иерусалим, а после его падения и прибытия из Европы новых войск можно будет легко овладеть этими городами. Победила, конечно, точка зрения командующего. 22 января 1099 г. армия графа де Сен-Жиля подошла к городу Масьяф, правитель которого поспешил откупиться, на следующий день франки заняли покинутую жителями Рафанию. Далее франки двинулись на равнину Букайя, где в течение недели осаждали курдский замок Хосн аль-Акрад, контролировавший равнину, здесь позднее крестоносцы построят мощный замок Крак де Шевалье. Курды предприняли удачную вылазку и чуть было не взяли в плен графа Раймунда, но на следующий день, боясь возмездия, бежали из замка. Сретение Богоматери (2 февраля) франки отпраздновали в замке.

Сюда к Раймунду отправил посланцев правитель Триполи Джалал аль-Мульк из арабского шиитского рода Баню Амаров. Он был известен своей ученостью и сохранял независимость, сталкивая турок с Фатимидами. Теперь, после разгрома сельджуков, он предложил крестоносцам охранять их тылы как против турок, так и против Фатимидов, недавно отвоевавших Палестину. В Триполи были отправлены франкские посланцы, на которых богатство Триполи и окружающих земель произвело большое впечатление. По возвращении они предложили Раймунду захватить парочку принадлежавших Триполи городов и получить за них выкуп. Раймунд согласился, и отряд тулузцев под командой Раймунда Пиле без боя захватил Тортосу, большой порт между Латакией и Триполи, в то время как сам граф со всей армией вышел на побережье и осадил укрепленный город Арку.

Тем временем, пройдя мимо Латакии, где стоял греческий гарнизон, Готфрид и Робер Фландрский осадили Джабалу. Правитель Триполи Джалал аль-Мульк, чтобы снять осаду с Арки, распустил слухи о приближении на помощь ему огромной египетской армии. Своими силами взять Арку Раймунд не мог, а уйти от нее значило продемонстрировать бессилие, кроме того графа напугали слухи о подходе египтян. Он призвал на помощь Готфрида и Робера Фландрского, и те, сняв

осаду с Джабалы и заключив перемирие с ее эмиром, прибыли в начале марта под Арку. Они ограбили предместья Триполи, а затем совершили несколько набегов на равнину Букайя, угнав оттуда не только обнаруженный скот, но и верблюдов.

Раймунд вскоре пожалел о том, что призвал их к себе. Готфрид и Робер Фландрский не проявили никакого желания подчиниться ему. Вышли из-под контроля графа и Робер Нормандский и Танкред. Последний даже перебрался со своими войсками в лагерь Готфрида, обвиняя графа Раймунда в том, что тот заплатил ему меньше, чем было обещано. Раздоры между военачальниками перекинулись на войска, также отказавшиеся взаимодействовать.

Сюда, в лагерь под Аркой, в начале апреля 1099 г. прибыли письма от императора Алексея. Он сообщал, что решил отправиться в Сирию и прибудет к ним на Иоаннов день (24 июня). Если они подождут его, то вместе поведут войска в Палестину. Раймунд был склонен принять предложение императора, он надеялся, как верный союзник, при прибытии Алексея стать верховным командующим крестоносцев. Однако почти вся армия была против и требовала немедленного продолжения похода на Иерусалим. Князья тоже не хотели становиться ленниками императора. Алексей предвидел отрицательный ответ, и когда дружественные ему египтяне спросили его, являются ли франки его армией, он ответил, что они никакого отношения к нему не имеют. Эти письма позже попали в руки крестоносцев, и те обвинили его в вероломстве, забывая при этом о собственном нарушении клятвы.

Нужно сказать, что Палестина лежала вне интересов императора, и тот с полным основанием полагал, что православной церкви в Палестине будет лучше жить под веротерпимой властью Фатимидов, чем под властью крестоносцев-латинцев.

В это время под Арку возвратились вместе с египетскими послами посланцы, направленные из Антиохии в Каир. Они привезли последнее предложение Фатимидов: если франки не вторгнутся в Палестину, им будет разрешено небольшими безоружными группами посетить Святые места и оказана всяческая помощь, иначе они будут уничтожены. Предложение было немедленно отвергнуто: паломники отвечали, что с Божьей помощью они войдут в Иерусалим все вместе и с копьями в руках. Было решено снять осаду с Арки и идти к Иерусалиму. Однако Раймунд не хотел оставлять город невзятым.

И тут опять выступил вперед с новым видением Пьер Бартелеми. 5 апреля он объявил, что ему явились Христос, святой Андрей и святой Петр и поведали, что немедленный штурм Арки принесет успех. Армия крестоносцев раскололась на две части. Тулузцы приняли сторону Пьера Бартелеми, однако большей части армии его видения надоели. Представители северофранцузов заявили, что видения провансальца – дело рук графа Раймунда, а некоторые выразили

сомнения в подлинности «святого копья», в чем сомневался и покойный епископ Адемар. Насмешки вывели из себя Пьера Бартелеми. Очевидно, уверовав в Божье покровительство, он потребовал Божьего суда в виде испытания огнем. В Страстную пятницу 8 апреля в узком проходе были разложены два костра, и Пьер Бартелеми в одной рубашке, со «святым копьем» в руке прыгнул через них. Он получил сильные ожоги и через несколько дней умер. Северофранцузы сочли, что он не выдержал испытания, но тулузцы продолжали в него верить, утверждая, что он вышел из огня невредимым и назад в огонь его случайно отбросила восторженная толпа. Граф Раймунд поместил «святое копье» в свою походную капеллу.

Со слезами на глазах граф де Сен-Жиль согласился свернуть лагерь. Аноним рассказывает: «Правитель Триполи часто отправлял гонцов к сеньорам, чтобы договориться с ними и побудить их оставить это место. Зная об этом и видя, что подходит время нового урожая (ибо в середине марта мы ели свежие бобы, а в середине апреля у нас была пшеница), наши вожди – я говорю о герцоге Готфриде, графе Раймунде де Сен-Жиле, Робере Нормандском, графе Фландрском – держали совет и решили, что им нужно продолжить путь на Иерусалим... Итак, мы оставили это место и достигли Триполи в пятницу 13 мая; мы остановились там на три дня. Правитель Триполи Джалаал аль-Мульк заключил договор с сеньорами и немедленно отдал им более трех сотен паломников, томившихся у него в неволе; он дал им 15 тысяч безантов и 15 боевых коней, стоивших больших денег; также он дал нам в изобилии лошадей, ослов и различного продовольствия, что обогатило армию Христову. Он договорился с предводителями похода, что, если они выиграют войну, которую им готовит эмир Вавилона [визирь Египта], и возьмут Иерусалим, он примет христианство и получит от них землю [в качестве лена]».

Джалаал аль-Мульк дал крестоносцам проводников. Они вышли в путь 16 мая, прошли мимо городов, принадлежавших Триполи, – Ботруна и Джубейля и 19 мая пересекли Собачью реку – границу с Фатимидами. Теперь они проходили мимо городов, находившихся под верховенством Египта и поддерживавшихся с моря египетским флотом.

Армия паломников значительно сократилась. На юг от Триполи пошло не более 12 тысяч боеспособных солдат и 1200 рыцарей. Довольно значительные силы остались в Эдессе и Антиохии, остальные погибли в сражениях и от болезней. Армию сопровождало большое количество женщин, детей, стариков и калек.

Крестоносцы прошли мимо Бейрута, Сидона, Тира, Акры, Хайфы, Цезарии и достигли Яффы. Правители этих городов не отваживались на вооруженное сопротивление и снабжали паломников продовольствием и дарами. Окрест-

ности Сидона, жители которого отказались от выдачи дани и даже предприняли вылазку против крестоносцев, были жестоко опустошены. Под Тиром 23 мая к армии присоединился радостно встреченный отряд из Антиохии и Эдессы с Бодуэном дю Бургом. Гарнизон и жители Яффы бежали при приближении крестоносцев.

Из Яффы паломники двинулись на Рамлу. Рамла была чисто мусульманским городом. Ее гарнизон вместе с жителями бежал в Иерусалим. В Рамле крестоносцы пробыли три дня, позже здесь было основано епископство. На военном совете раздавались голоса, предлагавшие немедленно идти на Египет: «Если мы, милостью Божьей, одолеем царя египетского, то сможем взять не только Иерусалим, но и Александрию и Вавилон [Каир] и многие царства». Однако это мнение было отвергнуто. В Рамле был получен призыв о помощи христиан-сирийцев из Вифлеема, места рождения Христа. Туда отправился авангард под командованием Танкреда и Бодуэна дю Бурга. Танкред поднял свое знамя над церковью Рождества в Вифлееме, было основано епископство. Предводители поспорили было, кому из них должен принадлежать Вифлеем, но следовало торопиться в Иерусалим. Оставив в Рамле гарнизон для защиты коммуникаций, главная армия двинулась к Иерусалиму. Она шла весь день и всю ночь. Утром к ней присоединились сто рыцарей из отряда Танкреда и Бодуэна.

Глава 11

Взятие Иерусалима

Немного позже, этим же утром 7 июня 1099 г., крестоносцы подошли к Иерусалиму. С вершины горы, которую они называли Монжуа («Гора радости»), они увидели Иерусалим. Не могу отказать себе в удовольствии опять процитировать французского историка Ж.-Ф. Мишо: «Велик был их восторг, радостны были их слезы, когда наконец показались стены и башни того города, который вмещал в себя Голгофу! Всадники сошли с коней и пошли босые; стоны, вопли, преклонения, молитвы и тысячекратно переливающийся возглас «Иерусалим!» служили выражением трогательного и восторженного благоговения воинства Святого Креста».

Три года назад Готфрид Бульонский вышел из Лотарингии. Позади почти два года тяжелого похода и битв, и вот крестоносцы у своей цели, под стенами Иерусалима – священного города христианства.

С военной точки зрения Иерусалим был труднодоступной крепостью. Город, располагавшийся на возвышенном плато, окружали мощные стены. Сегодняшние стены, воздвигнутые султаном Сулейманом Великолепным в XVI в., повторяют расположение тех, которые увидели крестоносцы, построенных при римском императоре Адриане. Византийцы, Омейяды и Фатимиды приложили много усилий для их ремонта и укрепления.

Подход к Иерусалиму был открыт только с севера, с юга городские стены стояли над крутым оврагом Геенна, с юго-востока и востока – над оврагом долиной ветхозаветного царя Иудеи Иосафата, или долиной ручья Кедрон. Гарнизон значительно уступал по численности крестоносцам, но на выручку ему должна была вскоре прийти египетская армия визиря аль-Афдала. Оборонять город были мобилизованы местные жители и мусульмане, бежавшие из других городов от франков. Имамы (богослужители) ходили по улицам, ободряли защитников и призывали их к мужеству. Гарнизон города состоял из арабов и ту-роков, комендант, фатимидский наместник Ифтикар ад-Даула, принял все необходимые меры для обороны города: христиане, которых, несмотря на гонения, оставалось много, были выселены из города (евреям было разрешено остаться), городские водохранилища наполнены водой, колодцы вокруг города приведены в негодность, стены укреплены, стада отогнаны далеко в горы. Обычно в Иерусалиме жило несколько тысяч человек, но сейчас из-за множества беглецов в городе находилось не менее 20 тысяч.

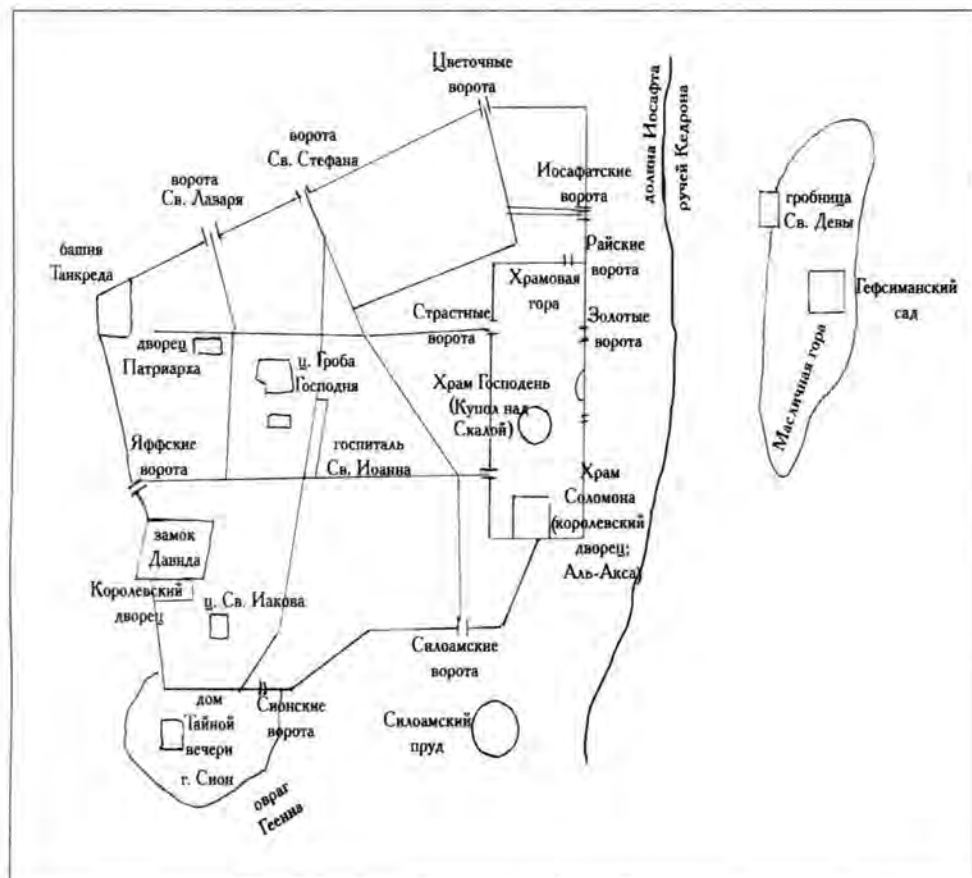

Схема 4. Осада Иерусалима. 7 июня – 13 июля 1199 г.

Несмотря на преимущество в численности воинов, крестоносцев было слишком мало, чтобы плотно окружить весь город, укрепления которого протянулись на четыре километра. Они расположились только в тех местах, где город был уязвим для штурма, где можно было подобраться к стенам вплотную. На севере, против Цветочных ворот, разбили лагерь войска Робера Нормандского; на северо-западе, против ворот Святого Стефана (сегодня Дамасские), – войска Робера Фландрского; далее, до Яффских ворот, – войска Готфрида Бульонского, к которому присоединился Танкред, пришедший из Вифлеема и пригнавший захваченные по дороге стада; далее, на юг, против цитадели (башни Давида), – войска Раймунда Тулузского. Через пару дней он перебрался южнее, на гору Сион, а Готфрид перевел свой лагерь на север и разместился восточнее лагеря Робера Фландрского. На восточной стороне города крестоносцев не было.

Единственным источником воды у крестоносцев был Силоамский пруд к югу от Иерусалима, но людей, шедших по воду, можно было обстреливать из города из камнеметательных машин. Раймунд из Агйе рассказывает: «Силоамский источник у подножья горы Сион тек только каждый третий день. Жажда заставляла многих бросаться к источнику. Много выючных животных и скота погибали в давке. В том месте, где вода вытекает из-под скалы, сильные толкались и бились [за воду] чуть ли не насмерть, в [высохшем] пруду валялись мертвые животные. Слабые лежали у источника, и их раскрытые рты онемели из-за высохших языков. Простирая руки, они умоляли о воде счастливых... Пяти серебряных монет не хватало, чтобы купить воды на день».

Впрочем, жажду испытывали не все: «У знати и у тех еще, кто имел для этого деньги, постоянно были в изобилии виноград и вино; у бедных, лишенных всех средств паломников, как им положено, даже в воде был большой недостаток» (Альберт из Аахена).

Зной, пыль, скудость продовольствия, недостаток воды и слухи о вышедшей на выручку Иерусалима египетской армии заставили крестоносцев понять, что на долгую осаду рассчитывать не приходится и нужно штурмовать город как можно скорее.

12 июня паломники предприняли крестный ход на Масличную гору. Там местный старик-христианин предложил им атаковать город на следующее утро, убедив их, что Бог дарует им победу, если они истинно веруют.

Первый штурм был неудачным. Аноним рассказывает: «В понедельник [13 июня 1099 г.] мы с таким рвением повели приступ, что, если бы были готовы лестницы, город пал бы под нашим натиском. Однако мы разрушили малую стену и приставили лестницу к главной стене; наши рыцари поднялись по ней и вступили врукопашную, поражая сарацин ударами мечей и копий. Там polegло много наших, но еще больше их воинов. Во время этой осады мы не могли достать хлеба в течение десяти дней, до появления гонца с наших кораблей, и мы страдали от такой нестерпимой жажды, что с большим страхом проходили до десяти миль, чтобы напиться и напоить наших коней и других животных. Силоамский источник, расположенный у подножия горы Сион, поддерживал нас, но среди наших воинов вода продавалась слишком дорого... Мы сшивали шкуры быков и буйволов и носили в них воду за пятнадцать километров. Вода, доставлявшаяся нами в этих бурдюках, была смрадной, и так же, как эта зловонная вода, и наш ячменный хлеб стал для нас предметом ежедневных забот и причиной мучений. Сарацины устраивали нам засады и загрязняли источники и колодцы; они убивали и рубили в куски всех, кого встречали, и прятали своих животных в [горных] пещерах».

Пришлось готовиться к штурму по-настоящему. В это время 17 июня в яффскую гавань вошли два генуэзских корабли и четыре английских с продоволь-

Ил. 11. Крестный ход вокруг Иерусалима. Гравюра, XIX в.

ствием, хлебом, вином и строительными материалами для осадных башен и метательных машин, что было необходимо и очень своевременно. Был послан гонец к осаждавшим. Тем временем в гавань вошла египетская эскадра. Франкские корабли выбросились на берег, сами корабли и весь их груз были перевезены к Иерусалиму, и вместе с людьми Раймунда моряки начали строить осадную башню. Танкред и Робер Фландрский добрались до лесов в Самарии (центральная Палестина) и добыли стволы сосен, пихт и кипарисов. В окрестностях Иерусалима людьми Готфрида были найдены тщательно укрытые балки и доски, оставшиеся с прошлого, 1098 г. от осадных машин египтян. Герцог начал строить другую осадную башню, были сооружены несколько камнеметательных машин и штурмовые лестницы. Чуть позже Робер Фландрский начал строительство третьей осадной башни.

«Спешно приступили к работе мастера, чтобы изготовить с помощью топоров и секир, а также буравов, машины, защитные [от камней и стрел] щиты и тараны. После четырех недель упорного труда в большой спешке вся работа – осадные машины, тараны и защитные щиты – была закончена. Затем подростки и старики, мальчишки, девочки и женщины были призваны пройти по долине Вифлеема и оттуда на мулах и ослах или на своих плечах притащить сюда кустарник и ветви. Машины полностью укрыли тройным плетением, чтобы защитить их от сарацинских снарядов. Все было покрыто кожей, чтобы машины могли быть менее легко подожжены вражеским огнем», – рассказывает Альберт из Аахена.

Большинство франков работало бесплатно: «Только мастера, которым платили общественные собрания, и люди графа Раймунда, получавшие плату из его казны, работали за деньги» (Раймунд из Агийе).

Осаждавшие и защитники города обстреливали друг друга из камнеметательных машин. Рассказывает Альберт из Аахена: «Теперь, когда жители города и солдаты короля Вавилона увидели, что... христиане все отважнее штурмуют город и что здесь и там их осадные машины успевают сделать очень много, они также соорудили четырнадцать больших метательных машин, которые непрерывно метали камни большого размера и веса в христианские машины, чтобы частой стрельбой воспрепятствовать их работе и разбить, и под их развалинами уничтожить их службу. Из этих четырнадцати метательных машин девять были установлены против осадной машины графа Раймунда, и обслуживались каждая несметной толпой воинов и горожан. И от их непрерывной и невыносимо сильной стрельбы в конце концов машина была тяжело повреждена и вся ее постройка распалась. Вся служба была жестоко напугана и полностью ошеломлена грозящей гибелью и еле-еле смогла убежать от смертельной опасности».

Оборонявшиеся применяли греческий огонь, однако крестоносцы нашли способ тушить его: «Они [сарацины] подтащили теперь много огромных и очень крепких древесных стволов и соединили их железными скобами и крюками в некое вместилище. И они натолкали [туда] кудели, смешав ее со смолой, воском и нефтью и всякими другими видами горючих веществ и залив жиром. И к этому подобию огромного деревянного ящика они привязали крепкую железную цепь, чтобы паломники не смогли схватить его железными крюками и оттащить в сторону...

Они и раньше... внезапно сбрасывали между стеной и машиной такую большую массу дерева, которая так сильно пылала, что никакой водой ее нельзя было потушить. Так что вскоре начинали гореть от страшного огня стойки и балки, из которых состояла машина, и вся постройка над службой обвалива-

лась... Однако от христианских жителей города паломники узнали, что этот огонь нельзя потушить водой, но можно только уксусом. И поэтому они теперь поставили в машине меха [из шкур животных] с приготовленным уксусом и тотчас залили горящий деревянный ящик. И таким образом погасили этот сильный текущий огонь, и он больше не мог причинить вред машине. Тогда сбежалось туда много паломников, они схватились за цепь, и началась борьба, одни снизу, другие сверху изо всех сил тянули цепь. Однако с Божьей помощью пересилили христиане, они вырвали цепь у сарацин, и она осталась в их руках» (Альберт из Аахена).

Армия крестоносцев представляла печальное зрелище. Она насчитывала не более 12–13 тысяч боеспособных воинов. «Да к тому же у нас имелась масса калек и бедняков. Рыцарей же в нашей войске было 1200 или 1300, не больше, как я полагаю», – пишет Раймунд из Агийе.

Между князьями дело дошло до новой ссоры. Танкред отказывался отдать Вифлеем, хотя священники и другие князья считали неправильным, что церковь Рождества попала в руки светского сеньора. Разгорелся спор о будущей судьбе Иерусалима. Предложение некоторых рыцарей выбрать короля было отвергнуто священниками и народной массой.

В начале июля подготовительные работы были почти закончены. В это время крестоносцы получили известие о вышедшей из Египта на помощь Иерусалиму армии. Им удалось перехватить двух гонцов из Египта. Альберт из Аахена рассказывает: «Один их двоих был проткнут копьем одним необузданным юношей и тотчас испустил дух. Другой, живой и невредимый, предстал перед христианскими князьями. Они угрозами и обещанием оставить его в живых смогли выпытать у него послание короля [визиря] [осажденным]. Человек, очень опасавшийся за свою жизнь, открыл им послание короля Вавилона [Каира]... что он решил прийти в Иерусалим через четырнадцать дней с большой армией... чтобы уничтожить франков. И после того как он раскрыл это и другое, этот человек был отдан солдатам. И те положили его со связанными руками и ногами на камнеметательную машину, чтобы перебросить его первым или вторым выстрелом через стену. Однако его чересчур большой вес слишком перегрузил [скрученные] ремни, так что она метнула свой снаряд не очень далеко. Он упал вблизи стены на твердую насыпь и мгновенно умер, разбив себе затылок и сломав ноги». Как видим, князья не сдержали рыцарское слово.

От лишений, нехватки воды и продовольствия сильно пал боевой дух. И опять помогло видение. Одному провансальскому священнику, Петру Диздеррию, во сне явился епископ Адемар и сказал, что паломники должны провести крестный ход вокруг Иерусалима. 8 июля был объявлен пост и устроен крестный ход. Босая, но хорошо вооруженная процессия двинулась вокруг Иеруса-

лима к Масличной горе, «чтобы очиститься от грехов и испросить милость Божью для завоевания святого города», осыпаемая со стен проклятиями и насмешками мусульман. На Масличной горе к воинам обратились священнослужители, в том числе Петр Пустынник и капелланы (военные священники) Раймунда и Робера Нормандского, Раймунд из Агийе и Арнульф де Ро. Их красноречие тронуло воинов, все поклялись сражаться за крест, обнялись даже Танкред и Раймунд.

8 июля башня Готфрида Бульонского была придвинута к северной стене города. Однако стена здесь была особенно крепка и высока, и башню решили передвинуть в другое место, восточнее: обнаружили, что там стена слабее. Башня графа Раймунда была закончена 13 июля. Башня Робера Фландрского должна была быть придвинута к стене на северо-западе, но, видимо, не была готова и в штурме не участвовала. Женщины и старики сшивали шкуры быков и верблюдов и прибивали их гвоздями к наружным частям башен, чтобы убедить их от огня.

«Наши сеньоры задумались, каким образом можно взять город, чтобы проникнуть туда и поклониться Гробу нашего Спасителя. Были построены две деревянные башни и немало других устройств. Герцог Готфрид построил свою башню, снабдив ее осадными устройствами, то же сделал и граф Раймунд. Они приказали принести дерево из отдаленных местностей. Сарацины, увидев, что наши воины строят эти орудия, всячески укрепляли город и ночью усиливали башни. Затем наши сеньоры определили самую слабую часть крепостной стены, приказали в ночь на субботу подвезти туда наши осадные орудия и одну деревянную башню: это было с восточной [на самом деле, с северной] стороны. Они установили их на рассвете, затем за воскресенье, понедельник и вторник [10–12 июля] подготовили и снарядили башню. В южной части граф де Сен-Жиль подготовил свою башню. Между башней и стеной был ров; бросили клич – если кто снесет в этот ров три камня, получит денье. Три дня и три ночи длилось заполнение рва. В то время мы так страдали от жары, что человек не мог за денье получить достаточно воды, чтобы утолить жажду...», – рассказывает Аноним.

Нужно было спешить. Повторялась антиохийская ситуация: по направлению к Иерусалиму из Египта с большой армией шел визирь аль-Афдал. Нужно было взять город до того, как он приблизится.

Штурм начался в четверг 14 июля на рассвете. Обе башни начали придвигать к стенам, с обеих сторон действовали метательные машины, дотла стрелы, осажденные пытались сжечь башни. Аноним рассказывает: «Когда наши придвинули орудия [башни и метательные машины] к стенам, оттуда стали не только бросать камни и пускать стрелы, но и сбрасывать стволы деревьев и за-

жженные пуки соломы; потом они начали кидать в наши орудия просмоленные, намазанные воском и серой куски дерева, обернутые в горящие тряпки... Они были со всех сторон еще утыканы гвоздями, чтобы, куда бы ни попали, цеплялись бы и воспламеняли бы [башни и осадные машины]. Деревья же и солому [они] кидали, чтобы хоть пламя остановило тех, кого не могли сдержать ни меч, ни высокие стены, ни глубокий ров». К вечеру 14 июля башня Раймунда была придвинута через ров к стене. Обороной на этом участке руководил сам наместник Ифтикар.

Утром 15 июля башня Готфрида была придвинута к стене. Ожесточенный штурм не принес успеха. Гийом Тирский рассказывает: «Рано утром в пятницу [15 июля] начался главный штурм, однако мы были не в состоянии что-нибудь сделать и отступили назад в великом смятении. Затем, с приближением того часа, когда Господь наш Иисус Христос кончил за нас Свои страдания на кресте [три часа пополудни], наши рыцари под командой герцога Готфрида и графа Эсташа повели яростную атаку с деревянной башни. Тогда один наш [фландрский] рыцарь по имени Летольд (и за ним Жильбер, оба из Турне) взобрался на стену. Как только он оказался наверху, защитники города оставили стены и побежали вниз в город, а наши воины преследовали их, убивая и разя мечом, до храма Соломона, где была такая бойня, что наши люди бродили по щиколотку в крови».

Танкред и его люди шли следом за лотарингцами. Спустившись со стен в город, воины Готфрида открыли ворота Святого Стефана, чтобы впустить в город основную массу войск. Тогда вошли в город со своими людьми герцог Нормандский и граф Фландрский. Тулузцы яростно атаковали южную стену и городскую цитадель, но безуспешно. Когда наместник города, находившийся в цитадели, увидел ворвавшихся в город крестоносцев, он сдался графу Тулузскому, выговорив себе жизнь, и приказал открыть Яффские ворота. Тулузцы ворвались в город и присоединились к грабежу и убийствам.

Мусульмане в мечети аль-Акса оказали упорное сопротивление франкам, и там произошла самая ужасная бойня. «Сарацины, укрывшиеся в храме Соломона [мечеть аль-Акса], вели с нашими жестокое сражение до конца дня, так что храм был весь залит их кровью. Наконец, поразив язычников, наши захватили в храме множество мужчин и женщин и убили или пощадили их по своему разумению. На кровле храма укрылось множество язычников обоего пола, которым Танкред и Гастон Беарнский отдали свои стяги в знак того, что берут их в плен», – рассказывает Аноним. Гийом Тирский пишет: «Вид такого количества трупов был невыносим, и убивавшие выглядели так же ужасно, как и их жертвы: они были в крови с головы до ног. Внутри храма было более десяти тысяч трупов, к этому числу следует добавить те, которые валялись на улицах

города. Пешие воины бегали по улицам и переулкам в поисках неприятеля и добычи...».

На Храмовой горе, наряду с мечетями Купол над Скалой и аль-Акса, находились комплекс зданий, который Альберт из Аахена называет королевским дворцом, и цистерна (крытое водохранилище), хронист именует ее источником:

«Перед воротами этого дворца находился королевский источник [цистерна], широкий и глубокий, как озеро, перекрытый сводом крыши на мраморных столбах. Многие из сарацин бежали к этому источнику по ступеням, которые вели вниз, туда, где черпали воду. Многие из сарацин утонули в водах источника, другие были убиты еще на ступенях при спуске преследовавшими их христианами. В слепом беге [бежавшие по крыше, края которой были вровень с землей] несколько христиан, как и сарадины в безрассудном бегстве, упали вниз через отверстия в своде крыши и утонули в водах источника или разбились и лежали на полу с разбитыми головами, поломанными конечностями или разорванными внутренностями...

Этот источник наполнялся дождевой водой, которая сливалась туда по желобам и лоткам с крыш [зданий] королевского дворца и храма Господа [мечеть Купол над Скалой] и с крыш многих других сооружений. И источник целый год давал постоянно и в изобилии здоровую и свежую воду для всех, кто жил в той области города.

После страшного и кровавого убийства сарацин, которых там было убито десять тысяч, победоносные христиане теперь возвратились от дворца в город и убили мечами там многие толпы язычников, которые в смертельном страхе рассеялись и блуждали по переулкам. Ни старость, ни пол язычников не получали пощады».

Массовые убийства продолжались всю вторую половину дня и всю ночь. Подверглись истреблению не только мусульмане, но и евреи. Их было много в Иерусалиме, они пользовались расположением Фатимидов и, очевидно, вместе с мусульманами обороняли город. Они собрались в синагоге и были заживо сожжены вместе с ней.

Раймунд из Агии рассказывает: «Когда наши уже овладели стенами и башнями, можно было видеть поразительные картины. Одним, что было легче, отрубали головы, других заставляли прыгать с башен под стрелами. Иных долгое время пытали и жгли огнем. Были видны кучи голов, рук и ног в домах и переулках. Люди и лошади повсюду ходили по трупам».

Кровавая вакханалия и грабеж затмили разгром Антиохии. «Они шли по улице с мечом в руке. Они убивали всех жителей, которых встречали на пути, не щадя ни женщин, ни детей, невзирая на крики и мольбы о пощаде. На земле

было столько трупов и отрубленных голов, что нельзя было пройти. Пешие воины были более других охвачены неистовством: они ходили по городу и взмахом топора или палицы убивали сарацин, попадавших под руку», – пишет Гийом Тирский.

Крестоносцы разбрелись по городу, каждый старался захватить себе дом или дворец со всем, что в нем находилось. В знак того, что это его собственность, на захваченных домах они оставляли стяги, щиты или шлемы. Утром франки поднялись на крышу храма Соломона и перебили всех мусульман, ранее взятых в плен Танкредом и виконтом Беарнским. Граф Тулузский сохранил рыцарскую честь: своих пленников он приказал отправить из башни Давида в Аскалон, за что некоторыми был обвинен в измене.

Затем паломники разошлись по домам, отоспались, помылись, переоделись в чистое и отправились «босиком, стеною и плача» ко Гробу Господню. Крестоносцы обошли в торжественном шествии опустевшие христианские кварталы и, встреченные местным духовенством и христианами (вошедшими в город вместе с ними), отслужили благодарственный молебен в церкви Гроба Господня и провели ночь в молитвах.

17 июля собрался совет, где было решено прекратить резню и выставить стражу на башнях, у ворот и водохранилищ. Пример антиохийской эпидемии был перед глазами, и поэтому было решено немедленно очистить город от трупов.

Рассказывает Аноним: «Было приказано выбросить из города всех убитых сарацин из-за ужасного запаха, так как весь город был завален трупами. Уцелевшие сарацины переносили мертвых за ворота и складывали их в кучи высотой с дом. Никто никогда не видел и не слышал о подобном избиении язычников. Вокруг города были сложены костры, и никто, кроме Бога, не ведал числа убитых. Наши на совете решили, что каждый раздаст милостыню и вознесет молитвы и Бог выберет того, кто Ему будет угоден, чтобы властвовать над другими и править городом».

Высказывается мысль, что крайняя жестокость крестоносцев объясняется отданным накануне негласным приказом: пленных не брать, – приближалась армия аль-Афдила, охранять пленников было некому, а будучи отпущены, они все присоединились бы к египетской армии.

В это время в Риме умирал папа Урбан II. Он скончался 29 июня 1099 г., через две недели после завоевания Иерусалима, так и не узнав о победе.

Через месяц несколько беглецов из Иерусалима добрались до Багдада. «В канцелярии халифа они сделали сообщение, которое довело всех до слез и взволновало сердца. В пятницу они вымаливали в Большой мечети Божье милосердие. Они были в слезах, и слушатели были в слезах, когда они описали

горе мусульман. Мужчины убиты, женщины и дети пленены, имущество разграблено...» (Ибн аль-Атир).

Евреям и мусульманам было запрещено в дальнейшем жить в Иерусалиме. На их место позднее были поселены мелькиты (православные христиане) с берегов Иордана. Однако тяжелая убыль населения не была этим восполнена. На том месте, где Готфрид Бульонский следом за двумя своими рыцарями ворвался в город, был установлен большой каменный крест, уничтоженный солдатами Салах ад-Дина в 1187 г. Позднее мусульманским купцам разрешили по делам торговли посещать Иерусалим и молиться на Храмовой горе. Евреи поселились у Яффских ворот, недалеко от цитадели, вне города, где занимались ремеслом крашения, монополизировав его.

Падение Иерусалима и жестокость, проявленная победителями, ввергли мусульманский мир в ужас. На площадях городов имамы стнали и призывали к отмщенью, поэт оплакал участь побежденных в скорбных словах: «Хребты верблюдов и утробы коршунов – вот единственное прибежище братьев наших, бывших до сих пор владыками Сирии». Мусульмане не забудут этой резни. Кровавый христианский фанатизм разжег фанатизм исламский. Воспоминания об этой резне станут непреодолимым препятствием при любой попытке позднейших более умных франков найти взаимопонимание и возможность для взаимодействия между христианами и мусульманами.

Глава 12

Защитник Гроба Господня. Сражение при Аскалоне

В конце совета 17 июля был поднят вопрос о выборе короля. Король был срочно необходим, чтобы отразить грозящее египетское нападение. Однако это вызвало возражения представителей церкви. Духовенство армии выступило с требованием отдать власть в городе патриарху. Причиной, говорили они, является то, что крестовый поход организован папой и Иерусалим должен быть столицей церковного государства, подчиненного папе. Поэтому правителем должен стать патриарх Иерусалимский, которого они в ближайшее время выберут на место недавно умершего православного патриарха Симеона. Предводителем и кандидатом этой «церковной оппозиции» был Арнульф де Ро, капеллан герцога Нормандского. Подумав, бароны отвергли предложение духовенства, тем более что моральные качества кандидата в патриархи не внушали уважения.

Кандидат, которого безусловно поддержала бы вся армия, – Адемар де Ле Пюи – умер, не дойдя до Иерусалима. Несколько солдат утверждали, что видели его во главе штурмующих город. Если бы был жив православный патриарх Симеон, никто не стал бы отвергать его правовых претензий. Все помнили, что Адемар признавал его и с ним сотрудничал и как много тот помогал франкам продовольствием при осаде Антиохии.

Главными претендентами на звание правителя были четверо: Робер Нормандский, Робер Фландрский, Раймунд де Сен-Жиль и Готфрид Бульонский. Кандидатура Боэмунда не рассматривалась, потому что он не прибыл к началу штурма. Танкред был слишком молод. Было известно, что граф Эсташ Булонский не претендует на высокий титул и собирается домой. Оба Робера, герцог и граф, также собирались домой, так что остались два реальных кандидата – Раймунд де Сен-Жиль и Готфрид Бульонский.

Была назначена, как сейчас сказали бы, избирательная комиссия из десяти уважаемых духовных и светских лиц, которая должна была выяснить мнение войск о каждом из кандидатов. Граф Тулузский, несмотря на порядочность, не нравился за надменность и богатство, а также за то, что неоднократно проявлял себя сторонником императора Алексея. К тому же тулузцы, любившие его, высказывались против его избрания, потому что хотели вернуться домой и боялись, что он задержит их в Святой Земле, если будет правителем. Одним словом, армия высказалась за герцога Готфрида.

Готфрид не обнаружил больших способностей на посту герцога, в общении с императором Алексеем проявил себя подозрительным, упрямым и не очень умным человеком, как полководец не одержал побед во время похода, хотя его храбрость и мужество не подвергались сомнению. Он был менее яркой личностью, чем Боэмунд или Раймунд, но показал себя человеком благочестивым, приятного обхождения и стоящим в стороне от княжеских раздоров.

Первому предложению было сделано Раймунду. Понимая, что проигрывает в соревновании за трон, он заявил, что не хочет носить золотой венец там, где Спаситель носил терновый, в надежде, что Готфрид по его примеру откажется от трона. Тогда обратились к Готфриду. И тут Готфрид со своими советниками полностью переиграл Раймунда. От герцога узнали, что два Робера, Нормандский и Фландрский, отказались от титула в его пользу. Готфрид отверг королевский титул, но не предложенную ему власть.

22 июля 1099 г. он принял титул «Защитника Гроба Господня». Титулом *avoué* (авуэ) – «защитник» (от латинского *advocatus* – «призванный для помощи») в северной Франции, Фландрии и Лотарингии обозначался светский феодал, вассал церкви, управлявший церковным владением. Другими словами, Готфрид оставил за папой решение вопроса о том, каким – церковным или светским – будет государство в Иерусалиме.

1 августа состоялись выборы патриарха. На права греческой церкви при избрании патриарха внимания не обратили. После того как правителем стал Готфрид, позиции южнофранцузского духовенства были ослаблены. Патриархом (точнее, главой церкви) был избран Арнульф де Ро. Напрасно Раймунд из Агиие и его товарищи говорили, что избрание Арнульфа нарушает церковное право,

Ил. 12. Готфрида Бульонского выбирают правителем. Миниатюра, XV в.

так как он не имеет даже низшей степени священства и нравственность его, мягко выражаясь, небезупречна – во время похода о нем на этот счет даже распевали издевательские куплеты. Арнульф, не получив епископского посвящения (что было для этого необходимо), был избран главой иерусалимской церкви с неопределенным правовым положением.

Готфрид согласился отдать патриарху во владение четверть Иерусалима и Яффы, но потребовал, чтобы Раймунд де Сен-Жиль освободил занятую им цитадель – башню Давида. С большой неохотой Раймунд передал цитадель епископу Альбары, но тот немедленно отдал ее Готфриду, объяснив графу, что не смог бы защититься от герцога. Раймунд увел свои войска на север, в долину Иордана. Первым шагом Арнульфа как патриарха было требование к Танкреду вернуть захваченные из мечети Купол над Скалой сокровища (и среди них огромные серебряные лампы), якобы принадлежавшие Гробу Господню. Но даже нормандцу тяжело вырвать захваченное из рук другого нормандца, и Арнульфу с трудом удалось получить лишь 700 марок серебром.

Исламские святыни в Иерусалиме не были разрушены. Мечеть Купол над Скалой (Куббат ас-Сахра), которую крестоносцы называли Храмом Господа (*Templum Domini*), стала монастырем светских паломников, а затем позднее – обычным монастырем каноников. В 1141 г. Храм Господа был освящен как церковь Святой Марии. Мечеть аль-Акса, называвшаяся отныне Храмом Соломона (*Templum Solomonis*), стала резиденцией Готфрида. Король Иерусалима Бодуэн II отдал часть Храма Соломона вновь образованному Ордену тамплиеров, откуда орден получил свое имя, позднее храм полностью перешел в его владение.

Арнульф, отказавшись от проводимой епископом Адемаром политики сотрудничества с православной церковью, поставил целью латинизировать патриархат. Он назначил двадцать каноников в церковь Гроба Господня и передал им колокола, чтобы созывать людей на молитву, при мусульманах звон колоколов был запрещен. Затем он запретил православным священникам проводить богослужения в церкви Гроба Господня, как это было раньше, и возвратившиеся после взятия города православные жители сразу же пожалели о свержении власти Фатимидов. Высланные из города египетским наместником до начала осады православные священники забрали с собой Святой Крест. Теперь Арнульф потребовал его возвращения, и когда священники отказались его вернуть, он подверг их пыткам и заставил признаться, где он спрятан. Святой Крест навсегда затмил первую реликвию франков «святое копьё». Еретические христианские церкви также испытали на себе тяжелую руку Арнульфа и тоже пожалели о смене хозяев. Робер Нормандский и Робер Фландрский с войсками отправились в Иерихон, где присоединились к Раймунду Тулузскому, а затем, нарезав пальмовых ветвей, все вместе двинулись к Иордану.

Танкред и Эсташ Булонский отправились в Наблус, чтобы по приглашению горожан-христиан принять город во владение. Тем временем в Иерусалим прибыли посланцы египетского визиря аль-Афдала. Они высказали неудовольствие по поводу нарушения франками надежд египтян и под угрозой полного уничтожения велели им очистить Палестину. Крестоносцы, конечно, отказались, но над Иерусалимом сгущались тучи. К Аскалону двигалась большая египетская армия. Готфрид послал людей к Танкреду и Эсташу с просьбой выдвинуться на юго-запад к побережью и добыть сведения о противнике. Южнее Рамлы их отряд перехватил нескольких разведчиков, и от них узнали, что в Аскалоне уже собралась египетская армия во главе с визирем аль-Афдалом. К его 20-тысячной армии присоединились многочисленные толпы арабов и турок. Нападать на Иерусалим он не собирался, пока флот не подвезет ему дополнительные силы. Танкред и Эсташ посоветовали Готфриду ударить первому, чтобы застать врага врасплох.

Готфрид собрал свою армию и обратился к союзникам с просьбой срочно прибыть в Иерусалим. Граф Тулузский медлил до последней возможности, но затем присоединился к соратникам. В последний раз 10 августа собрались вместе освободители Гроба Господня у деревни Ибелен и двинулись к Аскалону. На следующий день «вечером патриарх приказал огласить всем войскам, что назавтра рано утром все должны быть готовы к битве, и тот, кто попытается захватить добычу до окончания сражения, будет отлучен; но как только сражение будет закончено, все смогут с радостью взять то, что будет предназначено им Богом», – пишет Аноним.

С рассветом 12 августа крестоносцы подошли к лагерю аль-Афдала и построились для битвы: на левом фланге лотарингцы Готфрида, в центре фламандцы, нормандцы герцога Робера и войска Танкреда, на правом фланге тулузцы и провансальцы графа де Сен-Жиля. Армия насчитывала 1200 конных рыцарей и около 9 тысяч пехоты. Египетские силы на четверть состояли из конницы и по численности более чем в два раза превышали силы крестоносцев. «Язычники были готовы к битве. У каждого из них на шее висела фляга, позволявшая им пить, сражаясь с нами, но, слава Богу, у них не достало на это времени», – рассказывает Аноним. Франки опрокинули их могучим натиском. Одним из первых бежал по дороге в Газу аль-Афдал. Готфрид сломил окончательно последнее сопротивление: «Он косил мусульманские головы, как колосья в поле или как траву на лугах... Наши рубили им головы, как скоту на базаре». Те мусульмане, что бежали к морю, чтобы спастись на кораблях, стали добычей графа Раймунда: «Возле моря граф де Сен-Жиль убил их несчетное множество; одни бросались в море, другие разбегались в разные стороны». В лагере аль-Афдала была захвачена богатая добыча – золото и драгоценные камни, горы оружия и множество различных животных. Герцог Робер купил за двадцать марок серебром у одного нор-

Ил. 13. Сражение под Аскалоном между крестоносцами и фатимидской кавалерией в 1099 г.
Средневековая гравюра

мандца знамя аль-Афдала, которое тот захватил, и подарил его Арнульффу, другой князь купил за шестьдесят марок у другого солдата саблю визиря.

Ссора между Готфридом и графом Раймундом после битвы помешала франкам захватить готовый сдаться Аскалон. Жители города, намереваясь сдаться, обратились к графу Раймунду, единственному предводителю крестоносцев, слову которого они доверяли. Узнав об этом, Готфрид заявил, что Аскалон принадлежит ему как часть иерусалимских владений. Тогда Раймунд сообщил горожанам, что он, герцог Нормандский и граф Фландрский покидают Готфрида, а в одиночку тот ничего не сможет с ними сделать.

По дороге граф Раймунд подошел к укрепленному портовому городу Арсуф, жители которого также готовы были сдаться. И снова Готфрид отказался подтвердить права графа на город, и снова Раймунд ушел от города, сообщив горожанам, что Готфрид слишком слаб, чтобы его взять. Из-за этого дважды чуть не доходило до сражения лотарингцев с тулузцами и провансальцами. С трудом бароны примирили Готфрида и Раймунда и заставили обняться в присутствии войск. Готфрид возвратился в Иерусалим, где был встречен с шумной радостью и

пением гимнов. Знамя и сабля аль-Афдала, захваченные в сражении, были вывешены на колоннах церкви Гроба Господня.

Герцог Нормандский и граф Фландрский со своими войсками отправились в гавани северной Сирии, чтобы сесть на корабли, идущие в Константинополь, а затем в Западную Европу. Прощаясь, Готфрид напомнил им, как опасно положение оставшихся в Палестине, и просил приложить все усилия, чтобы побудить новых воинов из Европы отправиться на Восток. Рыцари, пришедшие штурмовать Иерусалим из Эдессы и Антиохии, в том числе Бодуэн дю Бург, тоже двинулись на север, в свои новые владения.

Раймунд сопровождал уходящих, ему не давал покоя приглянувшийся ему Триполи. Путешествие на север проходило без происшествий, мусульманские правители прибрежных городов спешили обеспечить проходящих продовольствием. В середине сентября армия прибыла в Тортосу, которую удерживали люди Раймунда, и затем двинулась в Джабалу. Здесь князья узнали, что византийскую Латакию осаждают войска Боэмунда совместно с пизанским флотом.

Герцог Нормандский, графы Фландрский и Тулузский, а также немного позднее Эсташ Булонский увели с собой большую часть армии. В третьем государстве крестоносцев, охватывавшем несколько городов Палестины – Иерусалим, Яффу, Наблус, Рамлу и Вифлеем, осталось, по оценке Гийома Тирского, только не более 300 рыцарей и 2000 пехотинцев, причем из них 80 рыцарей и около 500 пехотинцев составляли отряд Танкреда.

Осенью 1099 г. Готфрид отправился штурмовать Арсуф, а Танкред – в Тиверию на Генисаретском озере. Экспедиция Готфрида оказалась неудачной. У него не было флота, который блокировал бы крепость с моря. Арсуфцы выставили на стене связанным под стрелы и камни франков попавшего в их руки рыцаря Жерара д'Авена. Напрасно он обращался с просьбами к Готфриду прекратить обстрел, тот заявил, что если бы вместо Жерара на стене был его брат Эсташ, и это не остановило бы его. Когда Жерар упал раненый, крестоносцы в ярости бросились на штурм. Неподготовленный штурм был отбит. Греческим огнем арабы сожгли осадные машины франков. В конце концов Готфриду пришлось увести войска, так и не взяв город.

Хроники рассказывают, что во время осады Арсуфа к Готфриду прибыли арабские эмиры из Самарии (средняя Палестина). У Готфрида была слава воина, могущего в бою разрубить противника на две части. Эмиры просили Готфрида продемонстрировать искусство. Человека рубить он не стал, но к восторгу эмиров одним ударом меча отрубил голову огромному верблюду.

После победы крестоносцев над аль-Афдалом в руках фатимидских наместников все еще оставались прибрежные города, кроме Яффы, поддерживаемые египетским флотом. Власть Готфрида распространилась на нагорье Самарии и Иудеи (южная Палестина), заселенное крестьянами-христианами. Готфрид укрепил Хев-

рон (который крестоносцы называли Сент-Авраамом в честь похороненного там прародителя Авраама), ставший опорным пунктом от набегов с юга египтян и бедуинов.

Удачной была экспедиция Танкреда в Галилею (северная Палестина). Это была область, за которую в последнее время спорили Фатимиды и Дукак Дамасский. Танкред взял Тиверию, Назарет и Бейсан и после ряда разбойничьих набегов на мусульманские земли обложил данью окрестных эмиров и заключил перемирие с эмиром Дукаком Дамасским, занятым войной с братом Ридваном Алеппским. Он открыл для себя еще одну статью доходов – облагать податью проходящие караваны. По требованию Танкреда Готфрид возвел его в князья Галилеи как вассала Иерусалимского государства.

Получив известие о смерти епископа Адемара, Урбан II незадолго до смерти назначил новым легатом в Святой Земле Даимберта, епископа Пизы. До этого в течение года он был легатом в Испании, при дворе Альфонса VI Кастильского. Он проявил себя энергичным и ревностным в деле священной войны. К сожалению, папа не заметил его тщеславия, упрямства и того, что он нечист на руку. Назначение его легатом в Палестину было ошибкой папы. Даимберт окончательно разрушил политику взаимодействия с греческой церковью, проводимую папой Урбаном и Адемаром.

Вместе с пизанской эскадрой Даимберт отправился на Восток в конце 1098 г. Совместное путешествие было выгодно обеим сторонам: флотилия укрепляла положение Даимберта, а легат мог обеспечить Пизе получение в Заморье высоких торговых привилегий. Поход на Восток был откровенно пиратской экспедицией. По дороге пизанцы напали на острова Керкира, Лефкас, Кефалонию, Закинф и Самос, и император выслал наперехват флот под командой Татикия и итальянского моряка Ландольфа. У острова Родос после погони византийцы настигли пизанцев и в коротком бою захватили один корабль, но налетевший шторм дал Даимберту возможность улизнуть. Пизанцы попытались ограбить Кипр, но были отражены византийскими войсками, затем они направились к Сирии, в то время как византийский флот следом за ними подошел к Кипру.

Проводив своих товарищей в поход на Иерусалим, Боэмунд занялся укреплением своего государства. Турки не представляли для него большой угрозы, главную опасность он видел со стороны Византии. И здесь порт Латакия мог сыграть для византийцев роль плацдарма при нападении на него. Боэмунд осадил Латакию, но город был сильно укреплен и, кроме того, получал морем с Кипра подкрепления и продовольствие, так что у Боэмунда было мало надежды завоевать его. Как раз в это время к берегу Сирии подошла пизанская флотилия. Будучи врагами византийцев, Боэмунд и Даимберт объединились для осады Латакии. Положение Татикия было сложным: он получил приказ императора положить

конец грабежам пизанцев, но в то же время избегать открытой войны с государствами крестоносцев. Переговоры с Боэмундом не дали положительного результата, и Татикий с эскадрой отправился в Константинополь, чтобы получить дальнейшие инструкции императора, в то время как флот пизанцев захватил внешнюю укрепленную гавань Латакии.

В это время в Джабалу прибыли с войсками три князя-крестоносца. Осада Латакии вызвала не только гнев Раймунда, но даже и Роберы Нормандский и Фландрский были возмущены поведением Боэмунда, что усугублялось тем, что он не прибыл для участия в осаде и штурме. Ослабление крестоносной армии в Палестине настоятельно требовало поддержки ее Византией. Кроме того, действия нового легата на Востоке грозили вызвать войну с императором. Даимберт был вызван в Джабалу, разразился восторженными похвалами доблестным освободителям Гроба Господня, а после упреков Раймунда прикинулся дурачком: он принял, по рассказу Боэмунда, латакийцев за приспешников турок и врагов христианства, но теперь граф Раймунд убедил его в обратном и он приносит извинения. Флот пизанцев снял осаду; лишившись его поддержки и увидев, что товарищи им недовольны, Боэмунд увел войска в Антиохию. Наместник Кипра, извещенный о произошедшем, в благодарность предложил Роберам Нормандскому и Фландрскому бесплатное плавание в Константинополь, где их дружески встретил император. Отклонив его предложение остаться на его службе, оба князя поплыли в Европу. Тогда же отправился на родину, видимо, из Яффы, и старший брат Готфрида Эсташ Булонский. Раймунд вошел в Латакию, где вывел свое знамя рядом со знаменем императора. В начале 1100 г. граф отплыл в Константинополь, оставив жену с частью своей армии в Латакии.

Вместе с Боэмундом, ставшим ему другом, Даимберт отправился в Антиохию. Даимберт торопился в Иерусалим, и Боэмунд решил сопровождать его. Они были нужны друг другу. Даимберту требовалась помощь нормандца, чтобы стать патриархом Иерусалима; Боэмунд хотел поставить своего человека во главе государства, Готфрид в качестве светского главы государства его не устраивал.

Боэмунд еще не был в Иерусалиме и теперь наконец тоже хотел исполнить обет. К ним присоединился Бодуэн Эдесский. Ему тоже нужно было исполнить обет, и, кроме того, после отбытия в Европу Эсташа Булонского он был ближайшим родственником бездетного Готфрида. В начале ноября они двинулись в путь, с ними отправились все воины, которые могли покинуть земли, а также большое количество женщин. Хронист Фульк из Шартра насчитал в процессии 25 тысяч человек. Паломники двинулись по прибрежной дороге, сопровождаемые пизанским флотом. Путешествие было трудным и часто голодным, стояли холода и лили дожди, погибло много старых и больных людей, а также много вьючных животных. 21 декабря 1099 г. они вступили в Иерусалим.

Рождество паломники провели в Вифлееме. По окончании праздников Боэмунд выдвинул Даимберта в патриархи. Арнульф был нелюбим правителем, его покровитель Робер Нормандский был далеко, и, кроме того, Готфрид нуждался в пизанском флоте. Злые языки говорили о богатых подарках, сделанных Даимбертом Готфриду и Боэмунду из золота, добытого пизанцами в пиратских набегах. Арнульф был смещен на том основании, что его выбор был произведен с нарушением церковного права. Сразу после назначения Даимберта патриархом Готфрид и Боэмунд опустились перед ним на колени и получили в качестве лена церкви лотарингцев – Иерусалим, а нормандцев – Антиохию.

Признание Готфридом патриарха своим ленным сеньором основывалось на укоренившейся в общественном мнении точке зрения, что Святая Земля должна находиться под верховенством церкви. Арнульф не подходил для этой роли, он не был сильной личностью и к тому же был мало уважаем. Даимберт был папским легатом, его поддерживали прибывшие вместе с ним пизанский флот и Боэмунд. Кроме того, с его помощью Готфрид хотел обрести поддержку церкви своему правлению страной и укрепить моральную основу своей власти. Несмотря на свое упрямство, Готфрид был слабым человеком и к тому же не представлял себе тщеславия и честолюбия нового патриарха.

Боэмунд был гораздо умнее. Признание патриарха своим сеньором ни к чему его не обязывало: Антиохия находилась далеко от Иерусалима. Ленное подчинение латинскому патриарху Иерусалима позволяло ему укрепить свои права на Антиохию, которой он владел до сих пор в нарушение клятвы, данной императору, а также не обращать внимания на права греческого патриарха Антиохии, которого он подозревал в симпатиях к Византии. Будучи ленником латинской церкви в лице патриарха Иерусалима, он мог рассчитывать на поддержку всей католической Европы против греческого императора. Видимо, в связи с этим он принял ранее титул князя (*princeps*), очень редкий в Европе, но распространенный в южной Италии, где нормандцы не признавали над собой никаких сеньоров, кроме римского папы.

Танкред также принес ленную присягу Даимберту за княжество Галилейское, давая понять, что он тоже ставит под вопрос, является ли Готфрид его сеньором. Об этом, кстати, говорил и принятый им титул князя.

Патриарх был очень доволен этими принесенными ему присягами. Папа Урбан II, несомненно, хотел видеть Святую Землю государством, подчиненным католической церкви, но не собирался добиваться подчинения греческой церкви Риму. Он был намерен, насколько возможно, преодолеть раскол и тесно сотрудничать с нею и с Византийской империей. В отличие от него, Даимберт выдвинул претензию на полный и неограниченный религиозный и светский суверенитет своего патриархата на Востоке, а также на подчинение ему более старого и значительного Антиохийского патриархата, чего бы папа Урбан себе не позволил. Этому способ-

ствовало то, что к концу года было получено известие об избрании на место умершего Урбана II 13 августа 1099 г. папы Пасхалия II. Даимберт был лично знаком с новым папой: он сменил Пасхалия на посту папского легата в Испании и хорошо знал, что тот не будет ни в чем ему препятствовать, так как не обладает ни большим умом, ни твердым характером. Даимберт рукоположил двух прибывших в Иерусалим латинских архиепископов в Тарсе и Эдессе и двух латинских епископов в Мамистре и Артахе, чьи диоцезы (округа) входили в антиохийский патриархат.

Бодуэн Эдесский не стал приносить ленную клятву патриарху, отношения у них были не самыми лучшими. Он, видимо, не одобрил и ленного подчинения Готфрида патриарху.

Пробыв в Иерусалиме совсем недолго, Боэмунд и Бодуэн отправились в свои владения, встретив 6 января на Иордане праздник Богоявления (Крещения Господня). И у того и у другого было много дел в их новых владениях. Они добрались до Тиверии и двинулись дальше вдоль реки Литани по долине Бекаа. Между горами Ливана и Антиливана у развалин Баальбека на них напал с тыла Дукак Дамасский, но был отбит, и паломники беспрепятственно добрались до моря, а затем и до Антиохии. К концу февраля Бодуэн был в Эдессе.

Задачи, стоявшие перед Иерусалимским государством, были прежними: необходимо было расширить контролируемую береговую полосу, чтобы надежно принимать корабли из Европы, объединить отдельные захваченные куски в общую территорию и очистить дорогу от Яффы до Иерусалима от разбойничавших там бедуинских и сарацинских шаек, нападавших на паломников.

Получив подкрепление из оставленных Боэмундом и Бодуэном и вновь прибывших морем рыцарей, Готфрид предпринял ряд разбойничьих набегов на окрестности прибрежных городов, лишая горожан продовольствия. В Яффу начали прибывать корабли из Италии и южной Франции. Объединившись с пизанцами, они затевали сражения с египетскими кораблями, нападали на торговые суда мусульманских портовых городов, египетское господство на море заканчивалось. В середине марта Готфрид разбил у Арсуфа большой отряд, посланный аль-Афдалом. В конце марта в Иерусалим с покаянием прибыли посланцы из Арсуфа. Они привезли с собой выжившего Жерара д'Авена, вручили Готфриду ключи от города и согласились платить дань. Вскоре примеру Арсуфа последовали жители Аскалона, Цезареи и Акры. Они тоже привезли в Иерусалим дары и согласились стать данниками.

Затем Готфрид и Танкред перенесли устремления на заиорданские земли, принадлежавшие Дукаку Дамасскому. После ряда грабительских нападений Дукак предложил перемирие. Танкред послал в Дамаск шестерых рыцарей, объявивших Дукаку, что он должен либо принять христианство, либо уйти из Дамаска. Разгневанный Дукак в ответ объявил посланцам, что они должны либо принять ислам, либо умереть. Только один согласился отречься от Христа, пятеро

предпочли умереть. Готфрид и Танкред ответили двухнедельным опустошением заиорданских земель, приведшим мусульман в ужас. Дукак не осмелился выйти им навстречу.

Честолюбивый и энергичный патриарх быстро одержал верх над благочестивым и слабым, хотя и упрямым солдатом. Готфрид все более и более попадал в зависимость от патриарха. Большую роль в этом, видимо, играл пизанский флот, поддержки которого правитель боялся лишиться. Не довольствуясь одним кварталом в Иерусалиме, огороженным стеной из соображений безопасности христианского населения при Фатимидах и принадлежащим патриарху, он добился на Сретенье, 2 февраля, передачи ему от Готфрида цитадели в Иерусалиме и квартала в Яффе. Далее он потребовал передачи ему всего Иерусалима и всей Яффы. Готфрид снова уступил, но затем настоял на отсрочке, видимо, из-за возмущения своих рыцарей. Во время праздничных торжеств на Пасху 1 апреля он заявил, что города перейдут к патриарху после его, Готфрида, смерти или после завоевания им двух других больших городов. Можно поразиться глупости и недалекости патриарха, собравшегося удалить из Иерусалима и Яффы светскую власть – главную защиту государства.

В июне 1100 г. в Яффе к пизанскому флоту присоединился венецианский флот. Готфрид с радостью встретил его, видя в венецианцах, старых соперниках пизанцев, поддержку себе против патриарха. Он встретился в Яффе с командующим флотом и сопровождавшим его епископом. Готфрид был уже болен. Говорили, что его отравили накануне на ужине у эмира Цезареи, но на самом деле он, видимо, заболел тифом. Переговоры продолжились в Иерусалиме, куда отвезли больного Готфрида. Готфрид дал свое согласие на тяжелейшие условия, предложенные венецианцами, так, видимо, велико было его желание оказать противодействие патриарху. За свою помощь, которая должна была продлиться до 15 августа, венецианцы получили беспошлинную торговлю во всем государстве, право рыночной торговли, церкви во всех городах и треть всех городов, завоеванных с их помощью. Готфрид составил завещание, в котором, верный своему слову, передавал Иерусалим патриарху. Услышав о болезни Готфрида, в Иерусалим с войсками прибыл Танкред.

Было решено сначала напасть на Хайфу, однако главной целью была выбрана Акра. Танкред надеялся присоединить Хайфу к своему княжеству, Готфрид же обещал ее своему другу Жальмару Карпенелю. Командование войсками было поручено Варнеру Грайскому. Даимберт решил сопровождать армию, чтобы участвовать в разделе добычи: оставшегося в Иерусалиме больного Готфрида он не боялся. Уход из столицы оказался его роковой ошибкой. В Яффе заболел Варнер Грайский и был на конных носилках доставлен в Иерусалим. В этот же день, 18 июля 1100 г., умер Готфрид Бульонский, и хотя правителем он был откровенно слабым, его уважали за мужество, сдержанность и благочестие. Он был похоронен в церкви Гроба Господня. Слава его, освободителя и первого государя Иерусалима, осталась за ним на века.

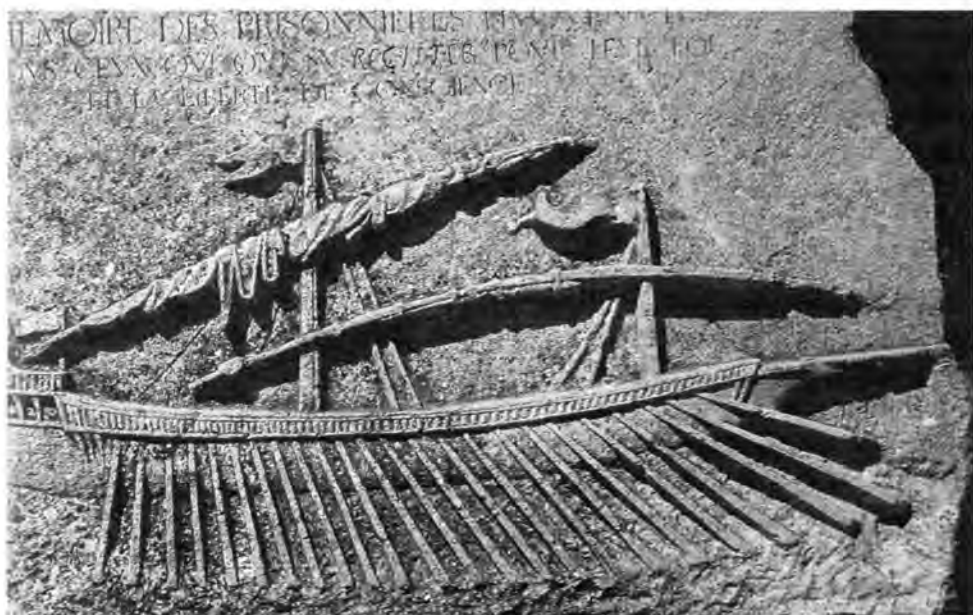
Глава 13

Королевство Иерусалим

Закончившаяся впоследствии смертью болезнь не помешала Варнеру Грайскому после короткого совета с приближенными Готфрида, а также с епископом Рамлы Робером и прежним главой церкви Арнульфом де Ро, с помощью личной охраны Готфрида овладеть цитаделью (Башней Давида). Епископ Робер с двумя рыцарями был тайно послан к Бодуэну сообщить ему о смерти брата и призвать его вступить в наследство. Письмо, видимо, было подготовлено заранее, так как его подписали также несколько рыцарей, находившихся в армии. Это была инициатива лотарингцев и северофранцузов, давних сподвижников Готфрида, не желавших отдавать власть итальянцам и нормандцам. Армия о смерти Готфрида не была извещена.

Армия ушла из Яффы на север, в то время как флот из-за сильного северного ветра оставался у города. В это время в Яффу прибыл гонец, посланный, видимо, сторонниками патриарха, с известием о смерти Готфрида. Венецианец, командующий флотом, немедленно направил три быстроходные галеры известить об этом армию. В армии любили Готфрида, и сообщение привело ее в замешательство. Даимберт не знал, что ему делать – отправиться в Иерусалим или оставаться при армии. Понадеявшись на то, что у лотарингцев нет руководителя, и на завещание Готфрида, патриарх выбрал второе. Танкред предложил не идти к Акре, а с помощью венецианского флота осадить Хайфу, и сам от имени Даимберта направил посланца в Иерусалим, чтобы подготовить цитадель к обороне.

Хайфа была окружена с суши иерусалимской армией, разбившей лагерь на отроге горы Кармель, с моря – венецианской эскадрой, зашедшей в бухту перед гаванью. Небольшой гарнизон и население, в основном еврейское, вооруженное мусульманами, оказало франкам ожесточенное сопротивление. Танкред, узнавший во время осады, что Хайфа обещана Карпенелю, отказался участвовать в боях. Даимберту с большим трудом удалось уговорить его продолжить осаду, пообещав, что «город достанется лучшему». 25 июля, после отчаянного штурма, крестоносцы захватили большую башню и проникли в город. За исключением немногих, сумевших ускользнуть из города, все мусульмане и евреи были перебиты.

Ил. 14. Венецианская галера. Надгробный барельеф

Город достался Танкреду, Жальмар Карпенель с лотарингцами был изгнан и отправился в Сент-Авраам (Хеврон), принадлежавший Жерару д'Авену. В это время в Хайфу прибыл посланец Танкреда, рассказавший, что лотарингцы заняли цитадель (Варнер Грайский умер 23 июля) и отказались передать ее людям патриарха. Даимберт и Танкред пришли к согласию, что нужно вызвать на помощь Боэмунда. Секретарь патриарха был послан с письмом в Антиохию.

В письме Даимберт призывал Боэмунда на помощь, как «Ваш отец приходил на помощь папе Григорию VII, когда германский император [Генрих IV] притеснял его». Боэмунд должен написать Бодуэну Эдесскому и запретить ему приезжать в Иерусалим без разрешения патриарха, а если тот не согласится, силой задержать его. Однако письмо не дошло до адресата.

Секретарь Даимберта с письмом добрался до Латакии и был задержан византийскими властями. Письмо Даимберта, обнаруженное у него, отдали для перевода людям Раймунда. Письмо так возмутило их, что они выдали секретаря византийцам, а письмо позже было передано Бодуэну.

Ситуация, которую застал в Антиохии Боэмунд, возвратившись из Иерусалима, была сложной. Византия с помощью флота отвоевывала Киликию. С юго-востока княжеству угрожали эмир Хомса и Ридван Алеппский, к счастью, не ладившие друг с другом. В будущем можно было ожидать и нападения войск императора с севера.

Бозмунд изгнал греческого патриарха Иоанна Оксита, которого подозревал в симпатиях к императору, тот отправился в Константинополь и там сложил с себя сан. Бозмунд назначил патриархом Антиохии латинца Бернара из Валанса, до этого бывшего епископом в Артахе. Греческие священники, изгнанные из города, избрали нового патриарха, теперь в Антиохии оказалось два патриархата. К желанию возвратить Антиохию у императора добавилось непреклонное стремление восстановить в должности в Антиохии греческого патриарха. Отношения Бозмунда с императором испортились окончательно.

Отразив нападение с востока Ридвана Алеппского, в начале лета Бозмунд дошел с войсками до стен Алеппо и опустошил его окрестности. Уладив дела на востоке и укрепив границу на юге, он обратился на север и осадил принадлежавший Византии Мараш. Город мог быть ценным приобретением, так как прикрывал проход через горы Антитавра из Анатолии на антиохийскую равнину, которым могла воспользоваться византийская армия. Город уже был готов сдаться, когда в начале августа Бозмунда попросил о помощи армянский правитель Мелитены Гавриил.

Уже три лета подряд на Мелитену нападал эмир Каппадокии Данишмендид Малик Гази Гюмюштекин. Ожидалось его нападение и в этом году. Гавриил предложил отдать город Бозмунду, если тому удастся разгромить эмира. Гавриил мог обратиться и к своему соседу Бодуэну Эдесскому, но после происшествия с его зятем Торосом предпочел не иметь с ним дела. Бозмунд же, напротив, пользовался у армян хорошей репутацией и имел среди них многочисленных друзей.

Бозмунд не мог упустить случай овладеть крепостью на анатолийском плато и, сняв осаду с Мараша, в середине лета 1100 г. помчался к Мелитене. Не желая оставлять Антиохию без защиты, он взял с собой только три сотни рыцарей, из которых часть была армянами, и отряд пехоты, своего двоюродного брата Ричарда де Принчипато (Салернского) и армянских епископов Антиохии и Мараша.

Беззаботно поднимаясь в горы, он подвергся внезапному нападению из засады турок Данишмендида Малик Гази. Его отряд был окружен и после ожесточенного боя полностью уничтожен, армянские епископы были убиты, сам Бозмунд вместе с Ричардом взят в плен. Это было неслыханно – в руки разбойничьей ватаги попал тот, кому крестоносцы были обязаны победами над полчищами турок! На другой день после победы Малик Гази подошел к Мелитене и продемонстрировал жителям срубленные головы франков и армян.

Перед тем как попасть в плен, Бозмунд успел послать гонца к Бодуэну со своим кольцом и прядью желтых волос. Собрав войска, Бодуэн пришел в Мелитену и прогнал Малик Гази, но тот уже переправил пленников чуть ли не к Черному морю, в горную крепость Никсар. Приняв присягу Гавриила на верность, Бодуэн вернулся в Эдессу, оставив в Мелитене 40 рыцарей, которые помогли Гавриилу отбиться от эмира Данишмендида.

Ил. 15. Крестоносцы попадают в засаду. XIX в.

Может быть, Бодуэн и присоединил бы Антиохию к своим эдесским владениям, но как раз в это время он получил более заманчивое предложение и поспешил в Иерусалим с двумястами всадниками и восемьюстами пехотинцами, оставив графство Эдессу своему родственнику, Бодуэну II дю Бургу. Антиохия же осталась без правителя. Франкам не удалось закрепиться на анатолийском плато. Сухопутная дорога по Анатолии европейским паломникам была перерезана турками.

Отправив из Антиохии морем в Яффу свою жену и придворных дам, чтобы не подвергать их риску сухопутного путешествия, Бодуэн Булонский двинулся в путь. В Латакии Бодуэн встретился с новым папским легатом Морицем, кардиналом-епископом Порто*, прибывшим вместе с сильным генуэзской флотилией (это была уже вторая флотилия, высланная республикой), и, получив его благословение, двинулся далее на юг. Вскоре к нему поступили сведения, что армия Дукака Дамасского собирается напасть на него по дороге. В Триполи, где новый эмир Факр аль-Мульк из шиитского арабского рода Баню Амаров враждовал с Дукаком, Бодуэн получил проволоствие и свежие сведения о дамасской армии.

* Кардинал-епископ – высшее звание в коллегии кардиналов; в XII в. было 7 кардиналов-епископов Римской области (Остии, Порто, Санта-Руфины, Альбано, Сабини, Тускулума (Тиволи) и Палестрины), 28 кардиналов-священников и 18 кардиналов-дьяконов.

Бодуэн двигался вперед с большой осторожностью и подошел к Собачьей реке, где дорога резко сужалась между горной грядой и морем. На другой стороне реки, севернее Бейрута, франки увидели армию Дукака Дамасского вместе с войсками эмира Хомса Джаны ад-Даулы, отчима и бывшего атабека Ридвана Алеппского, поссорившего со своим хозяином. По численности мусульмане более чем в десять раз превышали силы франков, в то время как у берега находилась арабская эскадра из Бейрута. Попытка Бодуэна с боем переправиться через реку не удалась. Эмир Хомса настоятельно советовал напасть на франков сразу, но Дукак, хотевший использовать в бою эскадру, решил дожидаться утра. Всю ночь лучники обстреливали лагерь Бодуэна. Утром Бодуэн отступил, причем лучше всего вооруженные рыцари находились в арьергарде. Началась погоня за франками. Километров через восемь, там, где дорога снова сужалась, Бодуэн прекратил отступление. Как и в сражении 8 февраля 1098 г. у Железного Моста у Антиохии, легкая мусульманская кавалерия и пехота не смогли выдержать удара бронированной рыцарской конницы на ограниченной с обеих сторон дороге. Рыцари опрокинули преследователей на идущие сзади войска и, истребляя, погнали всех к Собачьей реке. Арабская флотилия ничем не смогла помочь войскам, охваченным паникой. Избиение продолжалось до вечера. Остатки разгромленной армии бежали в Бейрут или скрылись в горах.

Далее поход проходил спокойно. Бодуэн прошел мимо Бейрута, Сидона и Тира. Египетский наместник Тира снабдил его продовольствием. В конце октября он добрался до Хайфы, принадлежавшей Танкреду. Сам Танкред находился в Иерусалиме, где вместе с Даимбертом пытался отнять у лотарингцев цитадель. Хайфа открыла ворота Бодуэну, но он не вошел в город, опасаясь ловушки. От Хайфы Бодуэн двинулся к Яффе. Танкред поспешил в Яффу, чтобы не дать войти туда Бодуэну, однако горожане не пустили его в город, и он ушел в Галилею. Жители Яффы торжественно встретили Бодуэна, но он, не задержавшись в городе, отправился в Иерусалим, куда вошел 9 ноября. Рыцари и народ радостно его приветствовали, а Даимберт из дворца патриарха перебрался в монастырь на горе Сион, где проводил время в молитвах. В день святого Мартина, 11 ноября 1100 г., при всеобщем ликовании Бодуэн принял титул короля Иерусалима.

Если Готфрида выбрали правителем его товарищи по походу и положению, то теперь бароны выбрали короля по праву кровного родства, признав наследником умершего правителя его ближайшего родственника. Позднее эти две правовые конструкции слились в общественной памяти в одну, и право выбора баронами королевства короля стали связывать с именем Готфрида.

Бодуэн ничем не ущемил Даимберта, оставив ему все права, и сразу же отправился в поход. Он разорил окрестности Аскалона, опустошил местность по западному и южному берегам Мертвого моря и вернулся в Иерусалим. Хронист

утверждает даже, что Бодуэн добрался до «Моисеева источника в Аравии» (гора Катерин на Синайском полуострове).

Даимберт не стал противодействовать Бодуэну и на Рождество 1100 г. возложил корону на его голову, но не в главной государственной церкви Гроба Господня, а в вифлеемской церкви Рождества Христова. Так был обойден вновь возникший спорный пункт: достойно ли короноваться королевской короной в городе, где Спаситель носил терновый венец.

Булонец и думать не желал о подчинении церкви и патриарху и титуловал себя: «Я, Бодуэн, король Иерусалимский по воле Божьей». Видимо, при коронации Бодуэн пообещал быть служителем Гроба Господня (но не патриарха) и править церковью и народом Иерусалима. Патриарх был ограничен в своей роли духовного сеньора государства и счел за лучшее подчиниться.

Лишенный наследства младший сын графа Булонского стал королем, обойдя всех своих соперников. Многие из них, такие как Робер Фландрский, Робер Нормандский, Гюг де Вермандуа, Этьен де Блуа и старший брат Бодуэна Эсташ Булонский, вернулись в свои владения в Европе. На Востоке главный из его соперников – Боэмунд – сидел в турецкой тюрьме, а Раймунд Тулузский жил на хлебах византийского императора в Константинополе.

После случившегося в Тарсе в сентябре 1097 г. Бодуэн и Танкред едва терпели друг друга. Дальнейшие события не добавили им взаимной любви. Танкред дважды отказывался явиться к Бодуэну, чтобы дать отчет о незаконном захвате Хайфы. Наконец он согласился встретиться с королем в Яффе. И тут нашлось хорошее решение. Оставшиеся без князя рыцари и жители Антиохии сразу же вспомнили о доблестном Танкреде и поняли, что только он один в отсутствие Боэмунда сможет защитить их. Танкред согласился принять Антиохию. Княжество Галилейское он поручил Гюгу де Сен-Омеру, оно было оставлено за Танкредом на три года и три месяца, после чего король мог распоряжаться им по своему усмотрению.

Взаимная ненависть византийцев и нормандцев мешала общей борьбе с неверными. Антиохия была постоянной целью агрессии со стороны Византии. Вот и теперь, оказавшись в Антиохии, Танкред начал войну не с эмирами Алеппо и Каппадокии, а с греческими гарнизонами, которые Алексей успел поставить в Киликии. Он прошел через Сирийские ворота в горах Аманус, взял Александретту и затем во время стремительного похода летом 1101 г. выгнал византийцев из Киликии; города Мамистра, Адана и Тарс признали его своим господином. Затем он осадил Латакию и после полутора лет осады весной 1103 г. взял ее.

В 1101 г. отправился на Запад не вписавшийся в официальные церковные структуры и никому не нужный в Святой Земле Петр Пустынник. Есть не вполне подтвержденные сведения, что в окрестностях Льежа он основал церковь Святого Гроба, жил при ней с несколькими паломниками в монашеской общине и умер в 1115 г.

Глава 14

Арьергардные экспедиции Первого крестового похода

В Европе не забывали паломников, ушедших в Святую Землю, их письма при великом стечении народа читались с амвонов церквей. Папа Урбан II постоянно побуждал к отправке по суше и по морю новые отряды. Не менее ревностным поборником продолжения священной войны был и его преемник Пасхалий II. Вести о взятии Иерусалима и о победе при Аскалоне вызвали в Европе настоящий восторг. А затем начали возвращаться прославленные воины и рассказывать в королевских дворцах, в замках, церквях и в кругу соседей о тяжелых походах, о страшных битвах, блестящих победах и богатой добыче.

Правда, судьба некоторых из них была печальна: их наследством владели уже другие. Герцог Робер Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, так и не получил трон отца. После смерти среднего брата – короля Вильгельма II – королем стал младший брат Генрих I, а проигравший войну за трон Робер, проведя 28 лет в английской тюрьме, так и умер там слепым узником.

Как отклик на победы, одержанные в Святой Земле, в Европе поднялась новая волна крестоносного движения. Ее энергично поддержал новый папа. Легаты папы созвали во Франции церковные соборы, сначала в Валансе, а затем в Пуатье. Последний собор открылся 18 ноября 1100 г., в день четырехлетия Клермонского собора, и сыграл очень важную роль в организации новых крестоносных экспедиций. В них приняли участие массы людей, главным образом из областей, мало затронутых крестоносным порывом 1096 г. По своей численности эти арьергардные экспедиции почти не уступали первым крестоносным армиям.

Первое ополчение собралось в Ломбардии. Во главе его стояли архиепископ Ансельм Миланский и граф Альберт Бьяндратский. В этой армии было не много профессиональных воинов, а основная масса состояла из нищенского сброда ломбардских городов, выброшенных на обочину жизни образованием цехов. Хотя, по словам хрониста Альберта Аахенского, в армии было 200 тысяч, на самом деле вооруженного народу в ней было примерно в десять раз меньше и столько же невооруженного – женщин, детей и священнослужителей.

Во главе армии из Бургундии и Шампани стояли герцог Эд Бургундский из Дижона, граф Этьен Бургундский* из Безансона, ленник германского императора, и молодой граф Гийом II Неверский. Церковь послала архиепископа Безансона и епископов Парижа, Суассона и Лана. В южной Франции возглавил большую армию герцог Гийом IX Аквитанский, знаменитый трубадур. К крестоносцам примкнули также покрытые всеобщим презрением дезертиры крестового похода графы Этьен де Блуа и Гюг де Вермандуа.

Тем временем в Германии собрал значительные силы герцог Вельф IV Баварский. Среди многих крупных феодалов, присоединившихся к нему, были архиепископ Тимо Зальцбургский, епископ Пассау и вдовая маркграфиня-мать Ида Австрийская, знаменитая красавица, пережившая свою весну. Отдельную небольшую армию возглавил Конрад, рейхсмаршал императора Генриха IV.

Сам император Генрих IV собирался пойти в крестовый поход, чтобы снять с себя церковное отлучение, и в Германии ради этого был даже провозглашен в 1103 г. первый общественный мир, однако походу помешали вновь разгоревшийся спор с папством об инвеституре и восстание против императора его сына.

Маршруты армий проходили по суше и примерно совпадали с маршрутами 1096–1097 гг. Прохождение через Венгрию, Сербию и Болгарию сопровождалось насилиями и грабежами. На территории Византии насилие и грабеж носили характер откровенно выраженной ненависти к грекам. Часто дело доходило до стычек и полномасштабных столкновений. При Адрианополе аквитанцы дали сражение печенежским войскам императора, в результате которого сгорела часть города.

Первыми – в марте 1101 г. – через Краину и Венгрию добрались до Константинополя ломбардцы. Они отказались переправляться на азиатский берег, на чем настаивал император Алексей, и начали уже штурмовать укрепленный монастырь Козьмы и Дамиана у ворот Константинополя. С большим трудом удалось архиепископу Ансельму и другим предводителям утихомирить их. Для ломбардцев император сумел подобрать опытного командующего, графа Раймунда Тулузского, освободителя Гроба Господня. Тот прибыл в Константинополь в июне 1100 г. и жил, пользуясь широким гостеприимством императора. В его лице Алексей нашел единомышленника: оба ненавидели Боэмунда. Между ним и императором был заключен союз, целью которого было изгнание нормандцев из Антиохии, а графу было обещано что-то вроде должности наместника императора на уже завоеванной крестоносцами территории и на той, которую еще предстоит завоевать. Ломбардцы с уважением встретили графа – прославленного воина, и ему удалось уговорить их в конце апреля переправиться через Босфор.

---

* Герцога и графа Бургундских в исторических работах часто путают и называют, объединяя, герцог Этьен Бургундский.

К войскам графов Этьена де Блуа и Этьена Бургундского и герцога Эда Бургундского, вышедшим позднее (весной 1101 г.), по дороге присоединились войска рейхсмаршала Конрада. Общее количество вооруженных паломников в этой объединенной армии составляло около 10 000 человек. Они прошли через Италию и переправились через Адриатическое море. Когда они добрались до Константинополя, император снова сумел заставить их принести ему присягу за обещание помочь добраться до Сирии. Они приняли предложение императора взять командующим Раймунда Тулузского. Ломбардцы также признали его командующим, но наотрез отказались идти по предложенному им маршруту через Дорилею и Иконий. Они видели свою цель в освобождении из турецкого плена своего кумира, знаменитого земляка – князя Боэмунда Антиохийского. Архиепископ Миланский и граф Бьяндратский поддерживали земляков. И граф, который не мог обойтись без многочисленного воинства итальянцев, вынужден был отклониться от маршрута, намеченного императором, и вести ломбардцев и примкнувшие к ним отряды французов и немцев к Никсару, чтобы освободить своего злейшего врага Боэмунда. Вместе с франками пошел полутысячный отряд императорских печенегов.

Однако если горы трупов простонародного сборища Петра Пустынника призвали первые армии крестоносцев к осторожности и соблюдению дисциплины, то эти арьергардные армии, может быть, под влиянием блестящих побед крестоносцев первой волны, отличались самоуверенностью, легкомыслием и полной неосторожностью, а при неудачах легко впадали в панику. Войска сопровождали толпы невооруженного народа, женщины, слуги и дети. Было бы чудом, если бы такие армии смогли пройти через Анатолию, и чуда не произошло.

В конце мая 1101 г. армия графа Тулузского вышла из Никомедии и в июне захватила штурмом Анкиру, принадлежавшую Кылыч Арслану. Город был отдан императору. Далее армия двинулась по тропе на северо-восток на Гангру, вдоль левого берега Галиса (Кызыл-Ирмак). У Гангры тропа вливалась в главную дорогу на Амасею и Никсар. Крестоносцы перешли реку у Османджика. Кылыч Арслан отступал перед ними, оставляя за собой «выжженную землю».

Наученные горьким опытом 1097 г., когда крестоносцы разбили их поодиночке, турецкие эмиры объединились. На помощь султану Кылыч Арслану Иконийскому и эмиру Каппадокии Данишмендиду Малик Гази привели свои войска месопотамские эмиры и даже эмир Ридван Алеппский.

В начале июля армия крестоносцев добралась до Гангры. Крепость была хорошо укреплена, взять ее не удалось. Когда было съедено все продовольствие, усталая и голодная армия по июльской жаре была вынуждена двинуться дальше. И тут ломбардцам было видение – какие-то святые дали им указание, что нужно идти на север, к Костамуни (Кастро Комнин) и далее к Черному морю. Этот но-

вый маршрут был принят графом Раймундом, который надеялся оправдать перед императором отклонение от маршрута освобождением родового гнезда Комнинов. Армия двигалась, со всех сторон окруженная турками, которые уничтожали хлеб на полях и нападали то спереди, то сзади. Вначале был разбит авангард, состоявший из ломбардцев, причем рыцари усаkali, а пехота была уничтожена. Граф Этьен Бургундский со своими рыцарями с трудом смог восстановить положение. На следующий день турки напали на аррьергард, которым командовал Раймунд, и ему пришлось двигаться вперед, непрерывно отбиваясь.

Когда добрались до Костамуни, стало ясно, что единственное спасение армии – идти на север к берегу Черного моря, принадлежавшему императору. Но ломбардцам опять был Голос, настоятельно советовавший им пойти на восток. И опять Раймунд вынужден был подчиниться, так как отряды князей были невелики и не смогли бы пробиться без ломбардцев. В середине июля армия переправилась через реку Галис и двинулась в землю Данишмендидов. У города Мерсиван, на полдороге между рекой и Амасеей, турки заманили в засаду рейхсмаршала Конрада, который потерял сто человек. Стало ясно, что сражение неизбежно, и Раймунд выстроил армию в боевой порядок. Турки начали сражение, применив свою излюбленную тактику – атакуя крестоносцев с разных направлений и осыпая их ливнем стрел. Ломбардцы во главе с графом Бьяндратским не выдержали и бросились бежать, бросив священников и женщин, доставшихся туркам. Глядя на них, отступили печенеги, оставив графа Раймунда с личной охраной из тулузцев на поле боя. Граф в течение нескольких часов отбивался на небольшом холме, пока не был спасен графами де Блау и Бургундским. Французы и немцы храбро сражались весь день, отступая шаг за шагом в лагерь.

Ночью граф Раймунд, которому все происходившее предельно надоело, бежал со своей личной охраной и византийским отрядом. Узнав об этом, бежали французы, немцы и итальянцы. Турки ворвались в лагерь и, перерезав всех, кого не захотели взять в плен, погнались за бежавшими. Конные ускользнули, а все пешие были настигнуты и изрублены. Десятки тысяч паломников погибли или попали в плен. Потери составили четыре пятых армии. Граф де Сен-Жиль добрался до маленького порта в устье Галиса и оттуда кораблем – до Константинополя. Другие уцелевшие, в том числе графы Этьен Бургундский и Этьен де Блау, рейхсмаршал Конрад и архиепископ Ансельм, вскоре умерший, с боем переправились через Галис и добрались до Синопа, а затем – до Константинополя. Герцог Эд Бургундский попал в плен и вскоре умер. Рынки рабов на Востоке наполнились тысячами христианских женщин и детей.

С почти нескрываемым презрением встретил Алексей графа де Сен-Жиля, он не мог простить Раймунду и его товарищам провал экспедиции. Императору нужно было, чтобы крестоносцы вновь расчистили ему проход в Сирию, и он ни в коем случае не хотел ссориться с эмиром Данишмендидом, который должен был за выкуп передать ему Боэмунда.

Через неделю после того, как последние французы и немцы перебрались в Азию через Босфор, в Константинополь вступила армия графа Гийома II Неверского. Она двигалась через Италию и пересекла Адриатику. Армия была невелика, несколько тысяч человек. По пути следования она показала себя на редкость дисциплинированной. Граф был торжественно принят императором.

По пятам за графом Неверским к Константинополю подошла третья франко-германская армия, под командой герцога Гийома IX Аквитанского, насчитывавшая, по словам хрониста, «пятьдесят тысяч» человек (на самом деле вооруженных было раз в десять меньше), к которой примкнул граф де Вермандуа. По дороге к графу присоединилась хорошо вооруженная армия в несколько тысяч человек немецких рыцарей и пехоты старого герцога Баварского Вельфа IV, которого сопровождали армии маркграфини-матери Иды Австрийской и архиепископа Тимо Зальцбургского. Эта армия была крайне недисциплинированной, и ее постоянные грабежи закончились в Адрианополе настоящим сражением с императорскими печенегам. После того как герцоги лично навели порядок и поклялись и далее его сохранять, армия была спешно переправлена через Босфор. Предводители похода также были с почетом приняты императором. Хронист Эккерхард Урахский и епископ Манассия из Швабии на корабле отправились из Константинополя прямо в Святую Землю.

Если Гийом Неверский торопился догнать своего сеньора и друга герцога Эда Бургундского и его армия после пересечения Босфора немедленно двинулась в путь, то герцог Аквитанский отнюдь не спешил встретиться со своим врагом, графом де Сен-Жилем, отнявшим у него графство Тулузское – наследие его жены Филиппы, дочери Гийома IV Тулузского, старшего брата Раймунда. Точно так же старый враг императора Генриха IV герцог Баварский не торопился увидаться со своим неприятелем – императорским маршалом Конрадом. Поэтому франко-германская армия простояла на Босфоре без движения пять недель.

Армия под командой графа Неверского пошла вначале по пути ломбардцев и добралась до Анкиры. Никто не знал, куда двинулись франки, и граф свернул на юг, к Иконию, и попытался овладеть им. Здесь на него напали турки, несколько дней назад разгромившие ломбардцев. Армия графа Гийома, преследуемая по пятам, добралась до Гераклеи, куда еще раньше прибыли войска султана Кылыч Арслана и эмира Данишмендида. Здесь армия крестоносцев попала в засаду, была окружена и окончательно разбита. Граф с несколькими рыцарями вырвался из окружения и долго блуждал в предгорьях Тавра. В византийской крепости Германикополь в Киликий, куда они наконец прибыли, им дали проводников-печенегов, ограбивших их по дороге. В самом жалком виде добрались они до Мараша, которым владели армяне, а затем до Антиохии.

Франко-германская армия из Никомедии через Дорилею дошла до Икония, гарнизон которого покинул город, предварительно забрав или уничтожив все

продовольствие из города и окрестностей. Крестовая армия, изнывая на страшной жаре от жажды и голода, дотащилась до Гераклеи и была окончательно разгромлена во второй половине августа, подвергшись нападению при переправе, там, где незадолго до нее были разбиты войска Гийома Неверского. Гийом Аквитанский, Вельф Баварский и Гюг де Вермандуа с горстью людей прорвали окружение и добрались до Тарса в армянской Киликии, где граф Гюг вскоре умер от ран, а первые два прибыли в Антиохию и были дружески встречены Танкредом.

Архиепископ Зальцбургский и маркграфиня-мать Ида были пленены или убиты. Романтическое, но недостоверное предание утверждает, что маркграфиня, попав в мусульманский гарем, стала матерью Имад ад-Дина Зенги, грозного врага христиан. Такое же недостоверное предание рассказывает, что архиепископ Тимо, попав в плен, починил говорящего механического мусульманского идола, который после починки разразился богохульственными словами по адресу ислама и пророка, и архиепископ был подвергнут жестокой казни.

Турки уничтожили три большие армии и вновь обрели потерянную в 1097–1098 гг. уверенность в себе. Дорога в Сирию через Анатолию была полностью закрыта. Это значительно ограничило христианские людские потоки в Святую Землю и имело самые губительные последствия для тамошних латинских государств. В то же время это помешало императору Алексею подчинить себе Антиохию. Нужно отметить, что, в отличие от месопотамских эмиров и Ридвана Алеппского, христианские владетели Антиохии и Эдессы, может быть, опасаясь в дальнейшем прихода императора, ничем не помогли арьергардным экспедициям крестоносцев. Эмир Данишмендид мог спокойно продолжать завоевания армянских земель в долине Евфрата. Отношения между императором и крестоносцами окончательно испортились. Крестоносцы видели в императоре главного виновника своего поражения. «Надменный император хвастается с презрением, что для него, когда франки воюют с сельджуками, это все равно, как собаки грызутся между собой», – говорили они. В свою очередь, византийцы были поражены глупостью и неблагодарностью крестоносцев.

Руководители разбитой франко-ломбардской армии, собравшиеся в Константинополе, решили продолжить крестовый поход. В начале 1102 г. на кораблях, предоставленных императором, графы де Блуа, Бургундский и Бьяндратский отправились в Антиохию, где были с почетом встречены Танкредом, а граф де Сен-Жиль отправился в Тарс, где, однако, уже стоял антиохийский гарнизон. Сойдя с корабля, граф Раймунд был арестован по обвинению в том, что предал христианство, бежав с поля боя при Мерсиване, и препровожден в тюрьму в Антиохию.

Глава 15

Антиохия и Эдесса

Пока Боэмунд находился в турецком плену, его место занимал его племянник Танкред. И Танкред, и король Бодуэн были рады избавиться от неприятного соседства друг друга. В случае, если бы Боэмунд вернулся из плена, у Танкреда было право в течение трех лет и трех месяцев возвратиться в княжество Галилея, но ни Танкред, ни король Бодуэн не делали никаких попыток освободить Боэмунда из плена.

Князем Танкред себя не провозглашал, оставаясь только регентом. Видимо, подобный поступок не был бы одобрен его латинскими ленниками. Надежный друг у Боэмунда был в лице латинского патриарха Антиохии Бернара из Валанса. Танкред продолжал вести антивизантийскую политику своего дяди, нападая на византийские владения и укрепляя латинскую церковь в княжестве, не пренебрегая, однако, набегам на мусульманских соседей. Главной угрозой для него было нападение Византии. Поэтому поражение арьергардного крестового похода 1101 г. было ему как бы на руку, так как турки закрыли дорогу императору по Анатолийскому полуострову. Как только Танкред узнал о поражении крестоносцев при Мерсиване летом 1101 г., он немедленно послал войска в Киликию и захватил Мамистру, Адану и Тарс, которые уже около полутора лет назад были отвоеваны византийцами. Завоеванию Латакии помешало наличие там крепкого гарнизона, усиленного тулузцами Раймунда и византийским флотом.

Пленение Раймунда давало возможность вернуться к мысли о завоевании Латакии. Однако франкские князья, прибывшие в это время в Антиохию, и патриарх Бернар были возмущены пленением Раймунда, знаменитого воина, освободителя Гроба Господня, и Танкреду пришлось освободить графа, предварительно взяв с него клятву не вмешиваться в северосирийские дела. Раймунд двинулся на юг, чтобы напасть на Тортосу. Проходя мимо Латакии, он, во исполнение договора с Танкредом, велел своим войскам и супруге присоединиться к нему. Знаменитый граф оказался почти что на положении рядового крестоносца.

В начале весны 1102 г. Танкред приступил к осаде Латакии. Город был сильно укреплен и поддерживался с моря византийской эскадрой. Осада продолжалась год. В начале 1103 г. Танкреду, нанявшему генуэзскую эскадру, удалось прервать связь Латакии с Кипром. Затем он сумел хитростью выманить из города боль-

шую часть гарнизона, окружить византийцев и уничтожить их или взять в плен, после чего весной 1103 г. Латакия сдалась. Это еще более подогрело ненависть Алексея к правителям Антиохии.

В начале 1102 г. в Константинополь прибыл возвращавшийся из Иерусалима в Европу швабский епископ Манассия. Он привез с собой письмо короля Бодуэна к императору. Узнав от крестоносцев, что крестовый поход 1101 г. потерпел поражение из-за «недостаточной помощи византийцев», Бодуэн обратился к императору с просьбой в дальнейшем оказывать большую помощь крестоносцам. Епископ, принятый императором, держался сочувственно и любезно. Император открыто изложил свое мнение о крестовых походах, отметил недостатки их организации, состава и дисциплины, указал на ту огромную помощь, которую он им оказал, и просил передать содержание их беседы папе. Манассия поддакивал и на прощанье получил богатые подарки. Затем он прибыл в Рим и так доложил папе о встрече с Алексеем, что папа вспылал сильным гневом к императору. Пасхалий был мелким и неумным человеком и, в отличие от Урбана II, не понимал, что победа над исламом возможна только при единении христианства. Пасхалий полностью принял общераспространенную франкскую точку зрения, что император – враг и предатель.

Честолюбие и давняя нелюбовь к Бодуэну толкали Танкреда на вмешательство в дела Иерусалима. Когда в 1101 г. король изгнал из королевства патриарха Даимберта, Танкред приютил его у себя в Антиохии и отдал ему церковь Святого Георгия. Когда в следующем году Бодуэн был разбит при Рамле, условием помощи Танкред поставил возвращение Даимберта на патриарший престол в Иерусалиме. Даимберт возвратился в Иерусалим, но вскоре был осужден собором и вновь изгнан. И опять Танкред принял его в Антиохии.

Подобное поведение Танкреда не могло понравиться королю Бодуэну, и он решил содействовать возвращению в Антиохию Боэмунда, для чего вместе с патриархом Бернаром начал переговоры с эмиром Данишмендидом о его выкупе.

Когда император Алексей узнал, что его враг Боэмунд попал в плен к туркам, он многократно обращался к эмиру Каппадокии Данишмендиду Малик Гази, требуя выдать его ему. Зная, что нормандец – заклятый враг императора, и опасаясь василевса лично, Малик Гази не торопился выполнять императорские требования и просьбы. Наконец Малик Гази согласился передать Боэмунда императору за значительный выкуп – источники называют сумму в 260 тысяч золотых безантов. Таких больших денег не смог сразу собрать даже император.

Узнав о готовившейся передаче Боэмунда императору, половину выкупа за князя потребовал у Малик Гази иконийский султан Кылыч Арслан как ленный глава всех турок на Анатолийском полуострове. Турецкие князья поссорились. И тут блестящим политиком и дипломатом проявил себя нормандский князь.

Красавец-князь был, благодаря личным связям в гареме эмира и подкупленной страже, в курсе его переговоров и объяснил Данишмендиду, что у императора, после того как он заполучит его, Боэмунда, развяжутся руки, и Алексей первым делом с помощью Кылыч Арслана расправится с ним. Со своей стороны, Боэмунд обещал за себя половину выкупа и военный союз против императора и иконийского султана. В заговор против императора был вовлечен также византийский вельможа, родственник василевса Григорий Таронит, который вел с Малик Гази переговоры о выкупе. После того как король Бодуэн, патриарх Бернар, армянский князь Ког Василий и сторонники Боэмунда в Италии собрали три четверти обещанной суммы, Данишмендид Малик Гази весной 1103 г. выпустил его на свободу. Почти сразу после освобождения нормандца разгорелась длительная война между обманутым Кылыч Арсланом и Данишмендидом, видимо, очень удивленным отсутствием военной помощи от своего «друга» Боэмунда, который предпочел, сидя на заборе, смотреть на драку в соседнем дворе.

Графство Эдесса постоянно находилось под угрозой нападения и не имело естественных границ в виде гор и рек. Поэтому оборона графства, с трех сторон окруженного врагами, строилась при помощи опорных пунктов – укрепленных городов и замков. Жизнь, постоянно проходившая в боевой тревоге, требовала, чтобы начальники гарнизонов были людьми, которым Бодуэн Эдесский мог полностью доверять, и, кроме того, их солдаты должны были быть людьми полуразбойничьего склада, кому требовалось короткое время на сборы и которых к тому же не слишком обременяла семья. Одновременно Бодуэну нужно было жить в мире с местными христианами, так как латинцев ему недоставало. Первым делом Бодуэн дю Бург, став графом Эдесским, женился на Морфии, младшей дочери армянского князя Гавриила, правителя Мелитены. Он покровительствовал армянской апостольской церкви, и армяне составляли значительную часть его армии. Он дружелюбно относился к сирийцам-яковитам, и с его помощью был даже преодолен раскол яковитской церкви.

Единственный порок, в котором упрекали его хронисты, была жадность, поскольку ему постоянно нужны были деньги. Его рыцари весело рассказывали анекдот о том, как Бодуэн обманул своего тестя Гавриила. Он заявил тестю, что должен своим людям 30 тысяч безантов, и поклялся сбрить бороду, если не достанет денег. Армяне, как и греки, считали бороду обязательной принадлежностью настоящего мужчины, и, представив зятя безбородым, Гавриил пришел в ужас, он дал Бодуэну искомую сумму, предварительно взяв с него клятву, что тот никогда не будет закладывать бороду.

Вскоре Бодуэн II Эдесский получил надежного помощника. Им был прибывший в Эдессу вместе с крестоносцами 1101 г. его двоюродный брат (по матерям-

сестрам), Жослен де Куртне, младший сын, лишенный наследства. Он получил в лен от Бодуэна II земли на запад от Евфрата с Турбесселем и другими замками. Необыкновенно сильный физически, храбрый и жестокий, он был к тому же еще умным и верным человеком. Он навел ужас на турок к северу от графства, Бодуэн II же совершал набеги на земли к востоку и югу от Эдессы.

В начале 1103 г. эмир Данишмендид Малик Гази напал на Мелитену. Бодуэн не смог или не захотел помочь своему тестю. Гавриил был нелюбим своими подданными за то, что перешел в православную веру. Мелитена была взята турками, а сам Гавриил попал в плен. Один из его замков в горах продолжал оказывать туркам сопротивление. Турки привезли Гавриила к замку, чтобы он приказал замку сдаться. Когда гарнизон отказался, турки зарубили его перед замком.

С самого начала правления Бодуэн Эдесский подвергся нападению Артукида Сокмана, эмира Мардина. Сокман напал на Сарудж, город, захваченный у мусульман еще Бодуэном I. В сражении был убит Фульк Шартрский, которому принадлежал город. Мусульмане овладели городом, но в цитадели франки удержались под командой Бенедикта, латинского архиепископа Эдессы, случайно оказавшегося в городе. Бодуэн Эдесский, набрав дополнительные войска в Антиохии, разбил Сокмана и прогнал его из города, захватив много пленных.

В мае 1103 г. в Мелитене Боэмунд был передан франкам. Прибыв в Антиохию, он взял власть в свои руки. И хотя он официально поблагодарил племянника за то, что тот управлял княжеством в его отсутствие, между ними с этих пор пробежала черная кошка. Князь не мог простить племяннику, что тот не принял никакого участия в его выкупе, а Танкред обиделся на Боэмунда за то, что тот отказался отдать ему во владение завоеванные в его отсутствие земли. Танкред мог вернуться в Галилею в качестве князя, но, видимо, не захотел менять дядю на короля Бодуэна в качестве сеньора.

Сразу после возвращения летом 1103 г. Боэмунд вместе с Жосленом де Куртне напал на Алеппо. Он захватил область севернее Алеппо и получил большую дань с ее обитателей. Деньги были возвращены королем Бодуэну и патриарху Бернару, принявшим участие в выкупе Боэмунда. Вместе с требованием к Боэмунду вернуть Византии киликийские города император послал туда летом 1103 г. войска во главе с Мануилом Вутумитом. Однако сил у него оказалось недостаточно, и он смог отстоять от франков только город Мараш, которым правил наместник императора армянин Татул (возможно, одно лицо с Тафнузом, отцом жены короля Бодуэна I Арды). После этого Вутумит был отозван в Константинополь, и весной 1104 г. Боэмунд и Жослен без боя захватили Мараш. Татула отпустили в Константинополь, город передали Жослену, а Боэмунд получил город Альбистан к северу от Мараша.

Теперь Боэмунд и Жослен обратились против мусульман. Их задача облегчалась тем, что в течение всего 1103 г. на мусульманском Востоке кипела гражданская война между старшим и вторым сыновьями Сельджукида Малик Шаха, султаном Баркияроком и Мухаммедом. В начале 1104 г. между ними был заключен мир. Баркиярок сохранил за собой нижнюю Месопотамию с Багдадом и западный Иран, Мухаммед получил среднюю и северную (Джазира) Месопотамию, северный Ирак и права на область Диярбакыра и Сирию, младший брат Санджар взял себе восточный и северный (Хорасан) Иран. Братья ненавидели друг друга и с нетерпением ждали, когда кто-нибудь из них хоть немного оступится.

Ил. 16. Князь Боэмунд I Антиохийский.
Гравюра, XIX в.

Не успела закончиться большая гражданская война, как вспыхнула малая в Джазире. В 1103 г. умер мосульский атабек Кербога, разбитый крестоносцами перед Антиохией, и началась война за Мосул между Артукидом Сокманом, эмиром Мардина и новым мосульским атабеком Джекермишем, назначенным султаном Сельджукидом Баркияроком.

Воспользовавшись раздорами мусульман в Джазире, в марте 1104 г. Боэмунд и Жослен вторглись с разных сторон в земли Алеппо, первый ударил с запада, захватив Базарфут, а второй – с востока, отрезав город от Евфрата. Тем временем войска Бодуэна Эдесского опустошали окрестности Харрана, крепости на севере Джазиры на восточном берегу реки Балык. Захват Харрана открыл бы большие возможности для удара на Мосул или на юг по долине реки Балык, окончательно отрезая Алеппо. В Харране в последнее время сменилось несколько правителей, свергавшихся горожанами или убивавших один другого.

Франкская угроза объединила врагов, Артукид Сокман, эмир Мардина и атабек Джекермиш Мосульский в начале мая 1104 г. собрали войска, чтобы двинуться на Эдессу, эмир привел значительную силу туркменской конницы, а атабек – турок, курдов и арабов. Общая численность мусульман составляла примерно 10 000 конницы и 2000 пехоты из гарнизона Харрана. Узнав об этом, Бодуэн, оставив в Эдессе небольшой гарнизон, вместе с архиепископом Эдесским Бенедиктом, с армией из франкской конницы и армянской пехоты, призвав

на помощь Боэмунда и Жослена, двинулся на Харран. Первым к городу прибыл Жослен, за ним – Бодуэн с Танкредом, патриархом Бернаром и бывшим патриархом Иерусалимским Даимбертом, и последним – Боэмунд. Собравшись, франки, перешли через реку Балык на восточную сторону и подошли к Харрану. Всего у города собрались 3000 конных и 9000 пехоты. Не считая ослабленных гарнизонов городов, это были все силы, которыми франки располагали в северной Сирии.

Харран можно было легко взять, но Боэмунд и Бодуэн Эдесский начали спор о том, кому будет принадлежать город. Не взяв город, франки приготовились встретить вражеские войска. Мусульмане обошли христианскую армию с юга и переправились через реку на западную сторону, чтобы перерезать линии связи франков. Армия франков на восточном берегу реки Балык севернее города разделилась на две части: ближе к Харрану – эдессцы, далее на север, на расстоянии полутора километров, – антиохийцы, готовые атаковать из засады в нужный момент. Мусульмане через реку атаковали войска Бодуэна и отступили, выманив франков в погоню за собой. Эдессцы, рассчитывая на легкую победу, переправились вслед за мусульманами, оторвавшись от Боэмунда, и попали в засаду, устроенную главными силами. Часть франков была уничтожена на месте, другие бросились назад, преследуемые врагом. Боэмунд, отбив незначительную атаку мусульман, двинулся к месту боя, но увидел вдалеке преследуемых эдессцев, бегущих через реку. Поняв, что дело проиграно, и успев спасти только небольшую часть эдессцев, Боэмунд отдал приказ отступать. Гарнизон Харрана, увидев, что сражение обернулось в пользу мусульман, вышел из городских стен и перебил эдессцев, отступавших к городу. Антиохийская армия ушла почти без потерь, эдесская же была почти полностью перебита или пленена. Арабский источник, сильно преувеличивая, говорит даже о 40-тысячных потерях христиан. Попавший в плен архиепископ Бенедикт был отпущен своим стражем, христианским ренегатом. Бодуэн и Жослен были взяты в плен вместе во время бегства на середине реки и отведены в шатер Сокмана.

Характерная деталь: за сражением при Харране со стороны следил сохранявший нейтралитет пришедший с конницей эмир Алеппо Ридван. (К слову, Харран – это Карры, где в 53 г. до н. э. парфянами были разгромлены римские легионы Красса, а сам он убит.)

Боэмунд и Танкред поспешили в Эдессу, понимая, что враги первым делом нападут на нее. Оставшиеся в городе рыцари попросили Танкреда принять регентство. Так же, как когда-то Бодуэн в Иерусалиме, Боэмунд с удовольствием согласился, вместе в Антиохии дяде и племяннику было тесно. Оставив Танкреду сколько мог солдат, Боэмунд возвратился в Антиохию – отбиваться от Ридвана Алеппского и от византийцев, ободренных поражением франков.

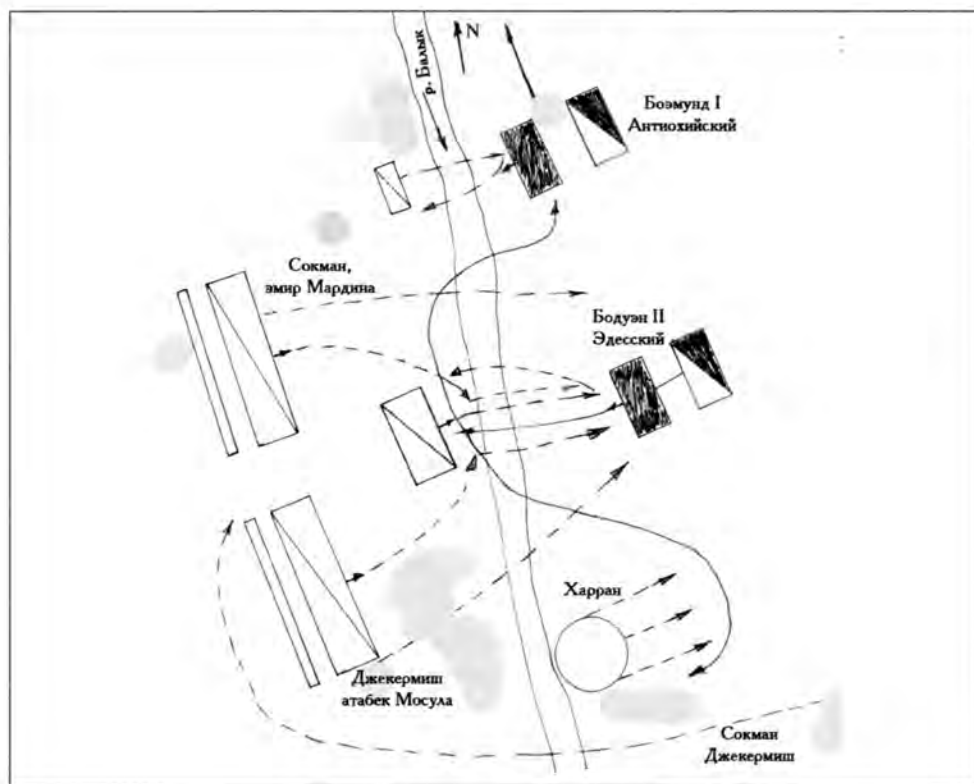

Схема 5. Сражение при Харране. Май 1104 г.

Спасло Эдессу и Антиохию то, что эмир Сокман и атабек Джекермиш перессорились между собой. Турки ворвались в шатер Сокмана и увели с собой Бодуэна, оставив эмиру Жослена, тот еле удержал своих туркмен от ответного удара. Затем Сокман, переодев их в доспехи франков, обманом взял несколько пограничных франкских замков, после чего ушел к себе в Мардин. Джекермиш тоже захватил несколько замков и только после этого в середине июня подошел к Эдессе. Промедление врага спасло Эдессу, так же как раньше Харран. Танкред успел привести в порядок городские укрепления и отбил первый штурм Джекермиша. Он понял, что второго штурма город не выдержит, и отправил гонца звать Боэмунда на помощь. Бросив все, Боэмунд поспешил к Эдессе, но непогода задержала его в пути. В отчаянии на рассвете накануне штурма Танкред напал на лагерь Джекермиша. В это время подоспел Боэмунд, вместе они наголову разбили атабека, который бежал, бросив лагерь.

Среди пленных, попавших в лагере в руки франков, была знатная сельджукская принцесса. Джекермиш сразу же предложил за нее Бодуэна или 15 тысяч

безантов на выбор. Узнавший об этом король Бодуэн потребовал освободить графа. Не нужно спрашивать, что выбрали нормандцы. Конечно же, они взяли деньги, а королю сказали, что если немного подождать, то атабек повысит цену. Ни Танкреду, ни Боэмунду не нужно было возвращение Бодуэна в Эдессу.

Танкред теперь мог спокойно оставаться в Эдессе, Боэмунд же в Антиохии летом 1104 г. подвергся нападению с двух сторон, с востока напал Ридван Алеппский, а в восточную Киликию вошла византийская армия под командой военачальника Монастра. Впрочем, Ридван успел только захватить несколько маленьких городов – Артах, Альбару, Маарру и Кафартаб, как смерть в конце июня 1104 г. Дукака Дамасского и начавшиеся распри за его наследие отвлекли внимание эмира Алеппского от франков.

Византийцы овладели городами Тарсом, Аданой и Мамистрой, а византийский флот под командой адмирала Кантакузина, прибывший в киликийские воды, преследуя пиратскую генуэзскую флотилию, захватил гавань Латакии и нижний город. Франкский гарнизон удержал цитадель. Ни король Бодуэн, ни Раймунд де Сен-Жиль не пришли к Боэмунду на помощь, оба они были в добром согласии с императором.

В сентябре Боэмунд собрал в Антиохии всех своих ленников, в том числе и Танкреда, указал им на опасности, угрожавшие Антиохии, и объявил, что единственное спасение княжества – получение подкреплений из Европы. Он сам отправится за ними во Францию. На предложение Танкреда поехать вместо него Боэмунд сказал, что у того для этого недостаточно авторитета. Поздней осенью, взяв с собой все золото и серебро и все драгоценности, а также копию италонормандской хроники о крестовом походе «*Gesta Francorum*» («Деяния франков»), в которую велел вписать абзац о том, что Алексей будто бы пообещал ему Антиохию, Боэмунд отправился из Сен-Симеона в Италию. Анна Комнина издевательски рассказывает веселый анекдот о том, как в пути при появлении греческих кораблей Боэмунд лег в гроб и притворился мертвым. На время отсутствия князя Танкред получил Антиохию, а Эдессу отдал своему родственнику Ричарду де Принчипато.

К началу нового года Боэмунд прибыл в Италию. Там он был встречен с торгом. Толпы людей собирались повсюду поглядеть на него, «словно хотели увидеть Самого Христа», по словам хрониста. До сентября он пробыл в Апулии в своих владениях, улаживая свои дела и собирая нормандские отряды для подкрепления своих сил на Востоке.

В Риме неумный и недалёковидный папа Пасхалий II, к тому же уже преубежденный епископом Манассией, вполне согласился с точкой зрения Боэмунда, что император Алексей является заклятым врагом латинцев на Востоке. Папа дал Боэмунду рекомендательные письма к королям французскому Филиппу I и гер-

манскому Генриху V и отправил с ним своего легата Бруно проповедовать священную войну против Византии. Впервые в Европе в полный голос зазвучала антигреческая пропаганда. Боэмунд доказывал, что для продолжения существования франкских государств в Святой Земле необходим разгром Византии. Захватническая нормандская политика, направленная против Византии, стала официальной политикой церкви, политикой крестовых походов. Это стало причиной того, что раскол между церквями стал непреодолимым, а также одним из факторов, приведших к падению Византийской империи.

Боэмунд был торжественно принят французским королем Филиппом I, который дал ему разрешение набирать войска повсюду во Франции. Боэмунд стал личным другом графини-матери Адели де Блуа, вдовы крестоносца графа Этьена. Она ввела его в окружение своего брата, английского короля Генриха I, с ним Боэмунд в Нормандии 25 марта 1106 г. отпраздновал Пасху, и тот обещал содействовать его походу. Графиня Адель просватала его к дочери Филиппа I Констанции, разведенной с графом Гюгом де Труа (Шампанским). Свадьба состоялась в конце весны 1106 г. Тогда же король согласился на брак с Танкредом другой своей дочери, Сесили, от непризнанного церковью брака с Бертрадой де Монфор, женой Фулька IV Анжуйского. В конце года 10-летняя Сесиль отправилась к мужу в Антиохию. Эти браки резко повысили престиж антиохийских нормандцев.

Весной 1107 г. в Южной Италии собралось многочисленное ополчение из Франции, Германии и Ломбардии. Генуя и Пиза прислали флот, было собрано около 230 кораблей. 9 октября Боэмунд высадился на территории нынешней Албании. План кампании Боэмунда повторял замысел его отца Робера Гискара в 1081 г.: захватить Диррахий и через Фессалоники двинуться на Константинополь. Однако Венеция осталась на стороне императора, и он успел заблаговременно подготовиться к отражению удара.

Диррахий оказался слишком хорошо укрепленным и подготовленным к обороне городом, чтобы взять его штурмом, оставлять же его невзятым в тылу было нельзя. Пришлось приступать к осаде, разбирать корабли, чтобы сделать из их дерева осадные башни, тараны, лестницы и метательные машины. Осажденные успешно оборонялись, используя греческий огонь. Император заключил мир с Кылыч Арсланом и набрал у него солдат. Нехватка флота у Боэмунда стала, как и раньше, причиной поражения. Объединенный греческий и венецианский флот блокировал армию Боэмунда с моря, лишив подвоза. Следующей весной армию Боэмунда окружили большие силы императора, в их числе были рум-сельджуки иконийского султана. Клету армия Боэмунда была до предела изнурена голодом, лишениями и болезнями, а император разжигал недовольство и распри внутри армии, распуская слухи и подбрасывая подложные письма.

Осенью 1108 г. Боэмунд вынужден был заключить унижительный для себя мир с императором. Это был величайший триумф императора. Боэмунд прибыл для подписания мира в его лагерь на берегу реки Деволь. Могучий богатырь, прославленный герой латинского христианства покорно склонился перед греческим императором.

Он объявлял себя ленником Алексея и его сына Иоанна, должен был помогать Византии против всех ее врагов, не важно, мусульмане это или христиане, и отказаться от Киликии и Латакии. Антиохия рассматривалась как пожизненный дар и после его смерти должна была перейти к императору. Антиохийский патриарх должен был назначаться императором из православных священнослужителей. Эдесса передавалась Боэмунду при условии вассального подчинения графства императору. Если Танкред не подчинится этому, Боэмунд должен воевать с ним заодно с императором. Боэмунд поклялся, что будет соблюдать клятву, на кресте, терновом венце, гвоздях и Христовом копье.

Армия Боэмунда разошлась, часть отправилась в Сирию, часть перешла на службу императору. Боэмунд никогда больше не появлялся в Сирии, очевидно, не желая создавать неудобств Танкреду. В марте 1111 г. он тихо умер в Апулии, там, где родился, маленьким итальянским князем, сведя тем самым на нет заключенный с императором договор, оставив после себя вдову с двумя сыновьями, одному из которых предстояло унаследовать княжество Антиохия. Так умер талантливый полководец, умный, смелый и сильный человек, тот, кому более всех, не считая, может быть, епископа Адемара, Первый крестовый поход был обязан своим успехом. Возможно, как стратег он был излишне самоуверен, но политиком он был чутким и дальновидным. Его войска были хорошо организованы, дисциплинированы и вооружены, он пользовался их полным доверием. Он был честолюбивым, бессовестным и хитрым, но, несмотря на это, в отличие от Танкреда, внушал к себе симпатию и расположение и был окружен сияющим ореолом славы.

Понимая, что лучшая защита — это нападение, весной 1105 г. Танкред, наняв на принудительные ссуды у антиохийских купцов солдат и собрав в кулак оставшихся рыцарей Антиохии и Эдессы, выступил, чтобы отвоевать город Артах. Ридван Алеппский с большой армией вышел ему навстречу. 20 апреля они встретились на равнине, усеянной скалами, недалеко от Артаха. Конница эмира атаковала франков, а затем обратилась в бегство, заманивая их за собой, но отступила слишком далеко, потеряв связь с пехотой, на которую набросились крестоносцы. Эмир попытался спасти пехоту, но неудачно, и турок охватила паника. Ридван с личной охраной и частью конницы бежал в Алеппо, пехота и часть конницы были перебиты или пленены.

Победа позволила Танкреду полностью восстановить положение. Турецкий гарнизон вместе с жителями, в свое время призвавшими турок и восставшими против франков, бежал из Артаха. Франки преследовали беглецов до стен Алеппо, попутно ограбив его окрестности. Ридван предложил мир, согласившись выплачивать дань. До конца года Танкред отвоевал на юге Альбару и Маарру.

Воспользовавшись убийством эмира Апамен и как бы помогая его сыну восстановить справедливость, Танкред осадил город. Никто из соседей-эмиров не пришел городу на помощь, и в середине сентября 1106 г. гарнизон сдался при условии сохранения жизни солдатам. В Апамене был поставлен франкский правитель, а сын убитого эмира получил лен вблизи города. Немного позднее Танкредом был занят город Кафартаб, его наместником был назначен рыцарь Теофил, ставший грозой соседей-мусульман.

Разобравшись с соседями на востоке и юге, Танкред принялся за главного врага, Византию. Летом 1107 г., ожидая высадки Боэмунда в Албании, Алексей был вынужден отозвать Монастра с войсками и Кантакузина с флотом с сирийской границы, чтобы защитить свои европейские провинции. Оставшимися войсками был поставлен командовать Ошин, армянский князь Ламтрона в горах Тавра. Этим немедленно воспользовался Танкред. Летом 1108 г., когда Боэмунд терпел поражения от императора, он вторгся в Киликию. Ошин оказался вялым и ленивым командующим. Войска Танкреда прошли через горы Аманус к Мамистре. Ошин ничем не помог городу, и тот пал почти сразу. Затем Танкред овладел Аданой и Тарсом, и Ошин вынужден был удалиться в свои горы. Воспользовавшись появлением в сирийских водах пизанской эскадры, Танкред овладел Латакией. Пизанцы получили улицу в Антиохии и торговый квартал в Латакии. В 1109 г. Танкред напал на земли Баню Амаров и захватил Джабалу, Балунияс и Маркаб, который под именем Маргат позднее стал одной из самых больших крепостей крестоносцев.

В то время когда князь Боэмунд покорился императору, а граф Бодуэн Эдесский находился в плену, Танкред достиг наибольшего своего могущества. Когда к нему прибыли послы императора, чтобы напомнить об договорных обязательствах Боэмунда, Танкред заявил им, отбросив ложную скромность, что он теперь Нин – основатель великого Ассирийского царства и перед ним никому не устоять, и прогнал их прочь.

Глава 16

Триполи

Граф де Сен-Жиль, отправившись в крестовый поход и решив остаться на Востоке, был одним из самых знатных и богатых и самым известным из князей-крестоносцев. Для него лично поход превратился в цепь неудач. Он не получил Антиохии, не стал королем Иерусалима, потерпел поражение во главе крестоносцев в Анатолии, и сейчас, выйдя из антиохийской тюрьмы, он был самым незначительным и наименее уважаемым из всех князей. Он был не более других корыстолюбивым и честолюбивым, погубили его тщеславие, прямолинейность и упрямство. Он хотел стать светским главой похода, но папа, не желая выпускать из рук крестоносное движение, никогда не подтверждал этого и другие князья-участники на это не соглашались. Его верность клятве, данной императору, расценивалась другими как хитрость и желание обойти их, хотя, наверное, включала в себя также и чувство чести и более правильное понимание политической обстановки на Востоке. В Анатолии же, став во главе похода, он не смог проявить необходимых волевых качеств и способностей. Антиохийская тюрьма стала его последним унижением. Однако присущее ему упрямство выручило его. Раймунд не изменил своей клятве остаться на Востоке и не возвращаться на родину.

Еще во время похода на Иерусалим графу понравились напомнившие Прованс земли Триполи, которые крестоносцы еще не прибрали к рукам. Туда он и отправился вместе с женой во главе горсти верных тулузцев и нанятых людей. Полоса небольших мусульманских эмиратов отделяла Антиохию и Эдессу от Иерусалима. Самым крупным из них был эмират кади Факра аль-Мулька Трипольского из арабского рода Баню Амаров. Военных сил у него было немного, но он был богат и чрезвычайно изворотлив. Он контролировал прибрежную дорогу от Джабалы до Бейрута, находившегося под защитой Фатимидов. Другая дорога из северной Сирии в Палестину проходила по долине Оронта через Шайзар, Хаму и Хомс и далее через долину Бекаа мимо Баальбека выходила в долину реки Литани. Шайзар принадлежал семье Мункидитов, Хама – Ридвану Алеппскому, Хомс – Джане ад-Даула и Баальбек – Дамаску. Раймунд захотел основать государство Ла Шамель (по франкскому названию его предполагаемой столицы Хомс), которое держало бы под контролем обе дороги. Но начать он решил с завоевания городов на прибрежной дороге, и помогать ему в этом должна была генуэз-

ская флотилия. После Рождества 1101 г. он вышел из Антиохии, его сопровождали направлявшиеся в Иерусалим уцелевшие князья арьергардного крестового похода Этьен де Блуа, Гийом Аквитанский, Этьен Бургундский, Вельф Баварский и рейхсмаршал Конрад.

Когда крестоносцы добрались до Тортосы, которую Факр аль-Мульк под шумок отобрал у крестоносцев в то время, когда они штурмовали Иерусалим, перед городом уже стояла генуэзская флотилия. Город оказал незначительное сопротивление, и в середине февраля франки вступили в него. Князья без спора отдали город графу Раймунду. Когда же он отказался сопровождать их в Иерусалим, они очень на него обиделись и говорили о нем, по словам Фулька из Шартра, в «богохульных выражениях». Князья двинулись на юг, а Раймунд остался в Тортосе.

Узнав о намерении графа Раймунда напасть на Триполи, Факр аль-Мульк отправил посланцев к эмиру Хомса и к Дукаку Дамасскому, с которым тем временем помирился. Войска, которые граф привел к Триполи, насчитывали чуть более 300 человек. Эмир Хомский Джана ад-Даула и Дукак Дамасский прислали по 2000 конных, к ним присоединилась триполийская армия численностью также в 2000 воинов. Противники встретились на равнине перед Триполи. Раймунда не испугало двадцатикратное превосходство мусульман. Он выставил сотню своих воинов против войск из Дамаска, сотню – против войск из Триполи, пятьдесят – против войск из Хомса и пятьдесят оставил при себе в качестве резерва. Первыми в атаку пошли войска из Хомса. Атака не удалась, и мусульмане в панике побежали, паника перекинулась на дамасские войска. Атака триполийцев была более успешной. Увидев, что другие враги бегут, Раймунд бросил все свои силы на них. Триполийцы не смогли устоять и тоже начали отступать. Франкская конница принялась рубить бегущих. Были уничтожены все, кто не успел убежать: «Мусульманские войска были разбиты многобожниками и потеряли множество людей; те, кто смогли спастись, вернулись в Дамаск и Хомс...» (Ибн аль-Каланиси).

Победа восстановила престиж Раймунда у франков, соседи-мусульмане не осмеливались больше нападать на него. Однако, чтобы осадить Триполи, у него было слишком мало сил. Получив у Факра аль-Мулька большой выкуп, граф вернулся в Тортосу.

Весной 1103 г. граф де Сен-Жиль двинулся на равнину Букайя и осадил большой замок Калат аль-Хосн, принадлежавший теперь эмиру Хомса. Этот замок (Хосн аль-Акрад) в 1099 г. люди графа захватили в течение недели. Джана ад-Даула собрал войска для спасения замка. Когда он вышел из мечети в Хомсе, где молился за победу, его убили три ассасина. В убийстве обвинили Ридвана, который не мог простить эмиру Хомса того, что тот напал на его владения, когда эмир Алеппский в феврале 1098 г. ушел освобождать Антиохию от осады крестонос-

цев. В городе начались беспорядки. И хотя вдова Джаны, мать Ридвана, послала гонцов к сыну в Алеппо, предлагая ему город, сунниты-советники ад-Даулы призывали Дукака Дамасского. Эмир Дамасский вошел в город с войсками и оставил в нем правителем своего атабека Тогтекина. Раймунд Тулузский, выдвинувшийся было на всякий случай поближе к Хомсу, вынужден был возвратиться в Тортосу.

Как раз в это время в Латакию прибыл большой генуэзский флот из нескольких десятков кораблей. Раймунд немедленно нанял его для нападения на Триполи. Нападение закончилось неудачно, и граф вместе с флотом двинулись на юг и захватили портовый город Джубейль, финикийский Библ, называемый франками Жибле. Ибн аль-Каланиси рассказывает: «Они подошли к нему, осадили и вошли внутрь, даровав горожанам жизнь. Но как только город оказался в их власти, они коварно не сдержали обещания не трогать город, которое дали раньше, и начали притеснять население, захватывать имущество, наносить обиды и чинить расправы». Третью города получили генуэзцы. Родившийся в 1102 г. у графа и его супруги сын, будущий граф Тулузский, был крещен в Иордане и получил имя Альфонс Жордан в честь деда-императора и по месту крещения.

Захватив Тортосу и Жибле, граф отрезал Триполи с севера и юга, теперь нужно было блокировать город с востока. В конце 1103 г. Раймунд разбил свой лагерь в городских предместьях и начал строить большой замок на холме Мон-Пелерен (Гора паломников), в нескольких километрах на восток от Триполи. Готовившийся к войне с нормандцами император Алексей, рассчитывая на поддержку Раймунда, оказывал другу действенную помощь. Рассказывает Анна Комнина: «Когда граф де Сен-Жиль приехал, он поднялся в горы и занял напротив Триполи вершину холма, который составлял часть Ливанской гряды, чтобы использовать его как укрепление и перекрыть реку, что текла по его склонам в Триполи. После этого он сообщил о своих деяниях василевсу и просил его возвести могучую цитадель, пока из Хорасана не пришли значительные силы, с которыми ему предстояло бы сразиться. Василевс поручил строительство цитадели дуке [наместнику] Кипра, велел ему без промедления отправить по морю все необходимые материалы, равно как и строителей, которым было приказано возвести крепость в том месте, где укажет граф де Сен-Жиль».

Весной 1104 г. строительство было почти закончено. Крепость стала называться Мон-Пелерен, арабы же называли его Калат Санджилъ – замок Сен-Жиля.

Теперь Триполи был окружен по суше с трех сторон, однако, чтобы сломить его сопротивление, Раймунду не доставало флота. Баню Амары в Триполи накопили значительные богатства, и у них был большой торговый флот; это позволило Факру аль-Мульку покупать продовольствие для города в Египте. В сентябре 1104 г. триполийцы сделали вылазку, застав франков врасплох, и частично разрушили и сожгли крепость Мон-Пелерен: «Из Триполи пришла весть, что Факр

Ил. 17. Осада Триполи

аль-Мульк ибн Аммар, властитель этого города, выступил с войсками и горожанами и двинулся на крепость, которую граф Тулузский построил, чтобы следить за ними; их нападение застало защитников крепости врасплох; они принялись убивать их, начали грабить крепость, повсюду сея разрушение и пожар, и, захватив великое множество оружия, денег, драгоценных тканей и серебра, вернулись в Триполи целыми и невредимыми...» (Ибн аль-Каланиси).

Раймунд был ранен при падении горячей кровли. В начале следующего, 1105 г. было заключено перемирие, по которому франки обязались пропускать в город путешественников и торговцев, а также продовольствие. Все это означало крупную, хотя и временную победу триполийцев. Подвоз сырья обеспечивал сохранение производства и поступление денежных средств на покупку продовольствия в Египте и на выплату жалования гарнизону. Раймунду не удалось оправиться после травм и ожогов, и 28 февраля 1105 г. он умер в крепости Мон-Пелерен. Своими подвигами под конец жизни он восстановил свою репутацию великого рыцаря христианства. Он не дожил до падения города, но сохранился документ 1103 г., в котором он называет себя графом Триполи, что ясно указывает на его намерения.

После его смерти его наследниками остались в Тулузе – 40-летний сын от первого брака Бертран, в Сирии – единственный оставшийся в живых 3-летний

сын от последнего брака с Эльвирой, внебрачной дочерью императора Кастилии и Леона, Альфонс Жордан. Войска Раймунда в Сирии выбрали своим предводителем – очевидно, с одобрения графа – его родственника Гийома Жордана, графа Серданского. Он только недавно прибыл на Восток, его бабушка с материнской стороны была теткой Раймунда. Он принял титул регента от имени своего маленького троюродного брата.

Гийом Жордан продолжал политику графа Раймунда, он вновь усилил блокаду Триполи и принес присягу прибывшему к нему послу наместника Кипра на верность императору, получив в ответ богатые подарки. Принесение присяги обеспечило ему обильное продовольственное снабжение с Кипра, в то время как защитники Триполи голодали. По суше город теперь не получал продовольствия, а редкие корабли из Египта и даже из Антиохии, прорывавшие морскую блокаду, не могли доставить достаточно припасов для населения большого города. В городе царили голод, нищета и болезни. Факр аль-Мульк старался облегчить положение солдат, покупая для них в городе продовольствие. Началось бегство видных горожан в христианский лагерь. Двое из них выдали тайные тропинки, по которым в город продолжало доставляться продовольствие. Факр аль-Мульк предлагал Гийому Жордану огромные деньги за выдачу предателей, когда граф отказался, он подослал убийц, зарезавших их прямо в христианском лагере.

Факр аль-Мульку требовалась помощь со стороны, однако она была бы обязательно обусловлена требованием присоединения Триполи. Его естественным союзником мог быть атабек Хомсский Тогтекин, ставший после смерти в июне 1104 г. Дукака Дамасского правителем Дамаска, тем более что тот затеял войну с Гийомом Жорданом, однако Факр аль-Мульк враждовал с ним. Самыми безопасными для города были отдаленные союзники. В 1105 г. на призыв Факр аль-Мулька о помощи откликнулся Артукид Сокман Мардинский. С большой армией он выступил в поход на Триполи, но по дороге внезапно умер в Пальмире (Тадмор), и его военачальники повернули армию домой, чтобы принять участие в борьбе за его наследие. Факр помирился с Тогтекином, но тот не рискнул отправиться в поход для деблокирования Триполи, а предпринимал только беспокоящие действия против Гийома Жордана.

В отчаянии шиит Факр аль-Мульк решил обратиться к главе ортодоксального ислама, халифу Багдадскому и султану Сельджукиду Мухаммеду, который унаследовал земли старшего брата Баркиярока, умершего в январе 1105 г. Он оставил власть в Триполи своему двоюродному брату Абулу Манакибу, приказал выдать солдатам жалование за полгода вперед и, взяв с собой личную охрану из 500 человек и получив разрешение на проход у Гийома Жордана, графа Серданского, в марте 1108 г. отправился в путь. Прибыв в Дамаск, он был торжественно принят атабеком Тогтекином и его эмирами и получил много подарков, но на

всякий случай разбил лагерь вне городских стен. Далее в Багдад его сопровождал сын Тогтекина Тадж аль-Мульк Бури. Встреча в Багдаде была сверхторжественной. Хотя он был только *кади* (судья), его принимали, как суверенного государя. Через Тигр он переправлялся в барке самого султана и возлежал на его подушках. Халиф и султан встретили его, как любимого брата, и восхваляли его, шиита, за слуги перед верой. Он вручил халифу и султану богатые подарки. Султан обещал послать большую армию, чтобы деблокировать Триполи, вот только, когда это произойдет, было неясно. После четырех месяцев пребывания в Багдаде Факр аль-Мульк понял, что на армию не стоит рассчитывать, и отправился назад. Еще в Багдаде он узнал, что Триполи больше ему не принадлежит.

Абул Манакиб и чиновники Триполи поняли быстрее, чем Факр аль-Мульк, что помощи от Багдада ждать нечего и что помочь может только Египет, располагавший флотом. Они обратились к визирю аль-Афдалу с просьбой прислать в город наместника. Наместник Шараф ад-Даула прибыл в город летом 1108 г. на кораблях, груженных хлебом для населения. «Как только он [Шараф ад-Даула] прибыл и обосновался в городе, он захватил всю семью и приближенных Факра аль-Мулька, все сокровища, его мебель и вещи и отправил их морем в Египет» (Ибн аль-Каланиси). Факр аль-Мульк узнал о перевороте, будучи еще в Дамаске, и направился в Джабалу, которая также принадлежала ему. Однако долго править Джабалой ему не пришлось, в мае 1109 г. к городу с войсками подошел Танкред. Он обещал Факр аль-Мульку жизнь и имущество в обмен на город, но выполнил обещание только наполовину. Не обремененный имуществом Факр аль-Мульк доживал свою жизнь нахлебником Тогтекина в Дамаске.

В графстве Тулузском после отъезда Раймунда де Сен-Жиля бароны, находившиеся под властью Бертрана, в 1108 г. восстали против него. При заключении мира было принято семейное соглашение, что Бертран и его сводный брат Альфонс Жордан обмениваются владениями. Графиня Эльвира, мать маленького мальчика, с удовольствием согласилась обменять ненадежный и губительный Восток на благодатный юг Франции. Летом 1108 г. Бертран отправился искать счастья в Сирию. Он взял с собой армию из 4000 конных и пехоты, флотилию в 40 галер и маленького сына Понса. В Генуе он заключил договор: за помощь флотом при осаде Триполи республика получит часть доходов и торговые льготы в завоеванном городе. Помощь генуэзского флота хотел получить и граф Серданский, но опоздал. Генуэзский флот численностью в 80 кораблей двинулся на Восток вместе с Бертраном.

Бертран по стопам отца решил зайти в Константинополь, чтобы заручиться поддержкой императора. Шторм загнал флот Бертрана в гавань на берегах Греции. На удивление, франки не стали грабить местное население. Слухи о необычных франках дошли до императора раньше, чем к нему прибыли они сами. Поэто-

му, когда Бертран появился в Константинополе, император принял его, как родного сына, осыпал богатыми дарами и заключил с ним такой же договор, какой у него был с его отцом, а тот принес Алексею клятву верности.

Из Константинополя Бертран и его союзники отправились в гавань Сен-Симеона. Танкред немедленно прибыл в гавань для встречи с Бертраном. Бертран, видимо, унаследовал от отца упрямство и тщеславие. Для начала он потребовал, чтобы Танкред вернул ему ту часть Антиохии, которая принадлежала его отцу, а также Латакию. Танкред ответил, что он подумает над этим, если Бертран поможет ему изгнать византийцев из Киликии. Вместо этого провансалец предложил нормандцу вместе завоевать Джабалу, где нашел приют Факр аль-Мульк. Однако Танкред настаивал на предварительном завоевании Киликии. Когда Бертран снова отказался, указав на договор, заключенный с императором, Танкред приказал ему покинуть гавань и запретил своим подданным продавать ему продовольствие.

Продолжив плавание, Бертран зашел в гавань Тортосы. В городе правил человек Гийома Жордана, видимо, один из старых вассалов графа де Сен-Жиля. Он немедленно впустил Бертрана в город и предоставил необходимое продовольствие. Из Тортосы Бертран отправил гонца к Гийому Жордану в Мон-Пелерен и потребовал передачи ему всех владений своего отца. Однако граф Серданский, только что одержавший несколько внушительных побед над мусульманами, отрицательно отнесся к предложению троюродного брата.

Когда египтяне захватили Триполи, верный человек Факра аль-Мулька, правивший городом Арка, обратился за помощью в Дамаск к Тогтекину. Тот отправился в путь, чтобы осмотреть новое владение. Проливные дожди застали его при переходе через долину Бекаа, и, захватив небольшой замок франков на границе, он остановился переждать непогоду. Здесь на него внезапно напали войска Гийома Жордана численностью в четыре сотни конных и две сотни пехоты. Войска Тогтекина в панике бежали в Хомс, франки вначале их преследовали, а затем свернули на север, чтобы ограбить область Шайзара. Правители Шайзара братья Мункидиты, Муршид и Султан, узнав о малочисленности франкской армии, решили уничтожить ее. Но франки оказались им не по зубам. Мусульмане не выдержали удара и побежали, преследуемые и уничтожаемые. Окрыленный успехом Гийом Жордан возвратился к Арке и захватил город после трех недель осады.

Так что Гийом Жордан наотрез отказался отдавать земли Бертрану, заявив, что он по праву владеет ими и будет их оборонять изо всех сил. Однако подавляющее превосходство Бертрана, на стороне которого была генуэзская эскадра, заставило его обратиться за помощью к Танкреду, которому он пообещал стать его ленником. Теперь уже ответные меры должен был принимать Бертран. Он отправил гонца в Иерусалим к королю Бодуэну, признав его своим ленным се-

ньором и обратившись к нему с просьбой о королевском суде. Бодуэн немедленно откликнулся на зов и отправился с армией в 500 конных и 500 человек пехоты на север. Тем временем Бертран двинулся на юг и осадил своими войсками Триполи и Мон-Пелерен. Гийом Жордан, покинув крепость, ушел на север и снова занял Тортосу, где к нему присоединился Танкред с 700 конных.

В июне 1109 г. в Мон-Пелерене перед Триполи состоялось большое княжеское собрание, на которое прибыли также с личной охраной освобожденные в 1108 г. Бодуэн дю Бург Эдесский и Жослен де Куртне. Танкред и Гийом Жордан увидели перед собой единый фронт из Бодуэна I, Бертрана, Бодуэна дю Бурга и Жослена де Куртне и были вынуждены уступить. Танкред отказался от претензий на Эдессу, получив взамен права на свои бывшие галилейские владения, если бы в Антиохию вернулся Боэмунд. Наследие Раймунда было разделено. Гийом Жордан получал Тортосу и свое завоевание, Арку, Бертран – Жибле (Джубейль), Мон-Пелерен и Триполи, который еще нужно было завоевать. Первый принес клятву верности Танкреду, второй – королю Бодуэну, в случае смерти одного из них другой получал его земли.

Объединенная армия франков приступила к осаде Триполи. Египетский наместник Шараф ад-Даула в отчаянии требовал помощи от Египта. Там, в портах дельты Нила, начали собирать огромный флот для перевозки армии и продовольствия. Однако сборы флота сильно затянулись из-за споров и интриг военачальников, к тому же постоянно дул северный ветер.

Вот как описывает аль-Каланиси осаду и падение Триполи: «Сын графа де Сен-Жиля пришел по морю из страны франков в сопровождении 60 кораблей, на борту которых были франки и генуэзцы, и встал у Триполи. Между ним и графом Серданским начались распри; Танкред, сеньор Антиохии, пришел на выручку и принял сторону графа Серданского; наконец прибыл король Бодуэн, сеньор Иерусалима, со своей армией и восстановил мир. Франки всем ополчением осадили Триполи и стали нападать и теснить горожан, придвинув свои башни к крепостным стенам. Когда жители города увидели, что они пошли на приступ, то пали духом и признали свое поражение неотвратимым; их силы слабели, уступая место отчаянию, ибо египетский флот, который должен был доставить провизию и подкрепления, запаздывал. Припасы, [ранее] привезенные им, истощались, а попутного ветра все не было, как пожелал того Всевышний, предрешающий исход всего происходящего. Франки... взяли город в тяжелой битве в понедельник 12 июля. Они разграбили все, что смогли найти, мужчин бросили в темницу, а женщин и детей увезли в рабство; они забрали всю мебель, еду, книги и все, что нашли в сокровищницах знатных людей... Правителю города и части воинов была сохранена жизнь, потому что до падения [города] они попросили пощады; как только город был взят, им даровали свободу, и несколько дней спустя они

прибыли в Дамаск. Что же до горожан, судьба их была печальна: победители захватили их имущество и извлекли из тайников их сокровища; этих людей ожидали большие несчастья и мучительные пытки. Франки и генуэзцы договорились, что одна треть города отойдет генуэзцам, а две другие – [Бертрану,] графу де Сен-Жилю; королю Бодуэну отдали все, что он пожелал взять». Была сожжена и уничтожена знаменитая библиотека Баню Аммаров, гордость мусульманского мира.

Египетский флот прибыл в Тир через восемь дней после падения Триполи. Флот раздал привезенное продовольствие городам Тиру, Сидону и Бейруту, которые жаловались на свое отчаянное положение, и, как только подул попутный ветер, ушел в Египет.

Как договорились на июньской конференции, Триполи достался Бертрону, получившему титул графа Триполи и подтвердившему свою ленную зависимость от короля Бодуэна. От обязательств по отношению к императору ему пришлось отказаться. Генуэзцы получили квартал в Триполи и две трети города Жибле, ставших владением генуэзского адмирала Гюга Эмбриако.

Спустя короткое время после завоевания Триполи Гийом Жордан Серданский был убит стрелой в стычке между оруженосцами. Обстоятельства убийства остались неизвестными. Подозрения пали на Бертрана, но его причастность не была доказана. Бертран немедленно взял себе земли графа Серданского, перешедшие в ленное подчинение к королю Иерусалима.

Бертран выполнил честолюбивое желание отца и основал графство Триполи. Правда, оно было меньше графства Ла Шамель, о котором тот мечтал, – земли Хомса, Шайзара и Хамы в него не вошли, и находилось в ленной зависимости от короля Иерусалима, но это было богатое и цветущее графство, и оно связывало земли франков Палестины и северной Сирии.

Глава 17

Король Бодуэн I

1. Войны с Египтом. Взятие Цезарей

Объединение князей перед Триполи в 1109 г. стало высшим пунктом в деятельности короля Бодуэна, он предстал для всех верховным властителем франкского Востока. Перед его решением смирился даже формально независимый Танкред Антиохийский. Бодуэн достиг этого положения благодаря энергичному и смелому труду по построению королевства. Но весной 1101 г. это все еще нужно было осуществить.

В начале весны 1101 г. Бодуэн узнал, что через Трансиорданию движется богатый арабский род. Он пересек с отрядом Иордан и ночью напал на лагерь арабов. Большинство мужчин были убиты, женщины и дети угнаны в плен, нападавшим досталось много денег и ценных вещей. Среди пленных была жена главы рода – шейха, вскоре она должна была родить. Узнав об этом, Бодуэн приказал освободить ее вместе с ее служанкой, двумя верблюдями и большим запасом еды и питья. Вскоре она благополучно родила на краю дороги, где и нашел ее муж. Он приехал к Бодуэну, поблагодарил его и сказал, что всю жизнь будет помнить его благодеяние.

Немного поправились и денежные дела: Дукак прислал 50 тысяч безантов – выкуп за пленных, взятых на Собачьей реке; напуганные города Арсуф, Цезаря, Тир и Акра прислали послов с богатыми подарками.

Бодуэна не оставляли мысли о завоевании Арсуфа и Цезарей: необходимо было овладеть непрерывной береговой полосой от Яффы до Хайфы. 15 апреля 1101 г. к берегам королевства подошел большой генуэзский флот, с которым прибыл новый папский легат Мориц, кардинал-епископ Порто.

Бодуэн с радостью встретил генуэзцев, старых соперников пизанцев, рассчитывая найти в них замену небольшому пизанскому флоту, сопровождавшему его недруга Даимберта. Он пригласил легата и начальников эскадры на Пасху (21 апреля) в Иерусалим и заключил с ними договор, по которому они на летний период поступали к нему на службу. Генуэзцы потребовали треть добычи и торговую улицу в завоеванных городах. Начали с Арсуфа. Когда город блокировали с суши и с моря, горожане капитулировали. Король Бодуэн разрешил им уйти в

Аскалон, взяв с собой то, что можно было унести, и даже приказал войскам сопровождать их, чтобы защитить от разнообразных банд.

В начале мая была осаждена Цезаря. Моряки построили на суше осадную башню и метательные машины. Рассказывает Гийом Тирский: «Наши возвели деревянный замок, возвышавшийся над стенами и башнями города. Осаждавшие, поднявшись на верх этого сооружения, могли стрелять из лука или арбалета по любой цели, находившейся внутри стен». После двух недель осады крестоносцы взобрались на стены и захватили город. Взятие города сопровождалось дикой жестокостью. «Нападающие спустились в город, затем открыли ворота королевской конницы, которая на всем скаку ворвалась в Цезарею. Паломники обшарили все части города, убивая мусульман, встречавшихся им на пути, не разбирая ни возраста, ни пола. Они вламывались в дома, убивая жителей и их семьи... Они ломали двери и перегородки, проверяли стены, чтобы найти замурованные в них сокровища; действительно, сокровищ было неисчислимое множество. Некоторые жители думали, что им удастся избежать гибели: чтобы спасти жалкие крохи богатства, они глотали золотые безанты и драгоценные камни. Когда христиане узнали об этой хитрости, они безжалостно убили всех мусульман, вспарывая им животы и вытаскивая сокровища из кишок» (Гийом Тирский).

Множество жителей собралось в главной городской мечети, устроенной в бывшем храме, возведенном Иродом, царем Иудеи, под верховенством Рима в честь основателя города, императора Октавиана Августа. Они надеялись, что в этом священном здании их пощадят: «Наши пехотинцы сломали двери и ворвались внутрь. Избиение прекратилось только тогда, когда не осталось ни одной [живой] жертвы. Крови было столько, что она доходила до колена. Под ногами, затрудняя проход, валялись трупы. Это зрелище было невыносимо даже для закаленных воинов. Были убиты все жители города. Пощадил только юных невинных девушек и маленьких детей. Король приказал вынести всю добычу на берег. Генуэзцы получили третью часть; король определил свою долю, но и простым солдатам и бедным паломникам тоже досталось много сокровищ. Оба городские балы [правители] были приведены к королю: первый отвечал за охрану города и ведение военных дел, мусульмане на своем языке называли его "эмиром", второй ведал административными делами, вершил суд и разрешал тяжбы, его звали "кади". Король потребовал за них большой выкуп, поэтому приказал заковать их в цепи и строго охранять» (Гийом Тирский). Жестокость была намеренной, Бодуэн показывал, что держит слово в отношении тех, кто покорился, но будет беспощаден к тем, кто оказывает сопротивление.

Из Аскалона вышли египетские войска, чтобы снять осаду с Цезареи. Однако они опоздали; когда они дошли до Рамлы, Цезаря пала, и им пришлось возвращаться назад. В Цезарею было учреждено латинское архиепископство. Тем вре-

менем в Аскалоне продолжали накапливаться египтяне. Король с войсками стал лагерем в Рамле, чтобы контролировать дороги на Яффу и Иерусалим. 4 сентября египетская армия, которой командовал мамлюк Саад ад-Даула аль-Каваси, подошла к Рамле. 5 сентября Бодуэн провел военный совет. Было решено не ждать нападения египтян, но самим напасть на них на рассвете. Войскам Бодуэна, состоявшим из 300 всадников и 900 человек пехоты, противостояла египетская армия, в которой насчитывалось 11 000 конных и 21 000 пехоты.

6 сентября 1101 г. перед сражением, перед Святым Крестом, Арнульф обратился к франкам с торжественной проповедью, затем, после покаяния, легат, кардинал-епископ Мориц, дал войскам абсолюцию (отпущение грехов). Король разделил войска на пять отрядов. Первым командовал рыцарь Бервольд, вторым – Жальмар Карпенель, сеньор Хайфы, третьим – Гюг де Сент-Омер, новый князь Галилеи, четвертым и пятым – сам король. Два первых отряда полностью погибли вместе со своими командирами. Командир третьего отряда Гюг де Сент-Омер с горстью людей прорубился через вражеские ряды и, преследуемый сарацинами, ускакал в Яффу.

Король перед Святым Крестом покался в грехах и обратился к воинам с короткой речью, известной нам по изложению Фулька из Шартра: «Если будете убиты, вас ждет венец мучеников, если победите – вечная слава. В бегстве спасения нет: Франция слишком далеко, а здесь, на Востоке, нет убежища для побежденных», после чего врзался во главе своих рыцарей в центр вражеской армии. Уже уверенные в своей победе сарацины были захвачены врасплох. Египетский центр дрогнул и побежал, паника охватила и правый фланг. Под страхом смертной казни Бодуэн запретил воинам останавливаться для грабежа. Египтян преследовали до стен Аскалона. В брошенном лагере была взята богатая добыча.

Гюг де Сент-Омер тем временем добрался до Яффы, где находились двор и королева, и объявил, что сражение проиграно. Короля посчитали убитым и немедленно послали гонца к Танкреду в Антиохию с просьбой о помощи. Когда на следующее утро увидели приближавшиеся к Яффе войска, их вначале приняли за сарацин, но затем по росту и обличию узнали короля. Срочно отправили в Антиохию второго гонца, чтобы сообщить Танкреду, приготовившемуся к походу на юг, что помощь не нужна.

Весной 1102 г. в Яффу прибыли пришедшие морем из Константинополя хронист Эккерхард Урахский и епископ Манассия, а в окрестности Бейрута – вышедшие из Антиохии князья, уцелевшие после арьергардного крестового похода 1101 г., герцог Гийом Аквитанский, графы Этьен де Блау, Этьен Бургундский, рейхсмаршал Конрад и другие. Король Бодуэн отправил им навстречу отряд, чтобы обезопасить их путь по вражеской территории. Отпраздновав 6 апреля Пасху в Иерусалиме и Вифлееме, они собрались домой. Гийом Аквитанский бла-

гополучно добрался в конце апреля до Сен-Симеона, а корабль, на котором находились Этьен де Блау, Этьен Бургундский и некоторые другие, штормом был выброшен на берег возле Яффы, и они задержались в Палестине, так как тем временем пришло известие о приближении новой армии из Египта.

В середине мая 1102 г. собравшаяся в Аскалоне египетская армия из 20 000 арабов и суданцев, которыми командовал Шараф аль-Маали, сын визиря, двинулась к Рамле. Бодуэн был готов сразиться с ней. Войска численностью в нескольких тысячах воинов были собраны в Яффе, галилейские и самарийские гарнизоны были предупреждены и были готовы послать отряды. Сам Бодуэн с отрядом в несколько сот рыцарей и оруженосцев находился в Иерусалиме. Подвели разведчики, они сообщили, что из Аскалона вышла не вся армия египтян, а только передовой отряд. И Бодуэн решил разгромить его сам, не вызывая подкреплений. Крестоносцы из Европы, графы Этьен де Блау и Этьен Бургундский, маршал Конрад и другие, находились в Иерусалиме и решили принять участие в сражении. Один только Этьен де Блау заметил, что разведка должна была бы быть более тщательной. Но все помнили об его трусости в Антиохии, и никто не обратил внимания на его замечание, а сам он на нем не настаивал.

17 мая с пятьюстами конных рыцарей и оруженосцев король весело, даже не соблюдая боевого порядка, поскакал из Иерусалима. И франки лицом к лицу столкнулись с огромной египетской армией. Отступать было поздно, так как легкая сарацинская конница уже помчалась отрезать путь отхода. Оставалось только, кое-как построившись, броситься на врага. Египтяне вначале подались под ударом, но потом, увидев, что франков немного, напали на них со всех сторон. Ряды христиан расстроились. Немногие во главе с Роже де Розуа прорубились через вражеские ряды и достигли Яффы. Многие, и среди них Жерар д'Авен, друг и камергер Готфрида Штаблон и другие старые лотанрингские рубаки, остались на поле боя. Сам король со своим окружением также пробился через вражеские толпы и добрался до Рамлы, где снова был окружен египтянами.

Наступившая ночь спасла христиан от немедленной атаки. Укрепления Рамлы были слабыми. Более или менее крепкой была недавно построенная франками башня, в которой все укрылись. Ночью к башне подошел человек и сказал, что ему нужно поговорить с королем. В нем узнали араба, с женой которого недавно так благородно поступил Бодуэн. Его привели к Бодуэну, которому он сказал, что утром начнется атака, и предложил проводить короля через вражеское окружение. Бодуэн понял, что от того, останется он жив или нет, зависит судьба королевства, и согласился. Вместе с оруженосцем и тремя товарищами, ведомый арабом, он проскользнул через окружение. В эту ночь удалось сбежать также виконту Яффы Литару де Камбре и Готману Брюссельскому. Выбираясь из окру-

жения, Готман был тяжело ранен, но доскакал до Иерусалима, сообщил, что считает короля живым, и призвал к сопротивлению. На следующее утро египтяне обложили башню вязанками хвороста и подожгли. Рыцари не стали дожидаться смерти в огне, под водительством рейхсмаршала Конрада они предприняли последнюю атаку. Все они были убиты или пленены. Рейхсмаршалу за его храбрость была сохранена жизнь, в числе сотни пленных его доставили в Египет. В последнем бою погибли графы Этьен Бургундский, Жофруа Жордан Вандомский и Этьен де Блау, искупивший героической смертью былую трусость. Гюг VI де Лузиньян Дьявол был ранен и попал в плен, но выжил.

Весть о поражении и возможной смерти Бодуэна Роже де Розуа и его товарищи привезли в Яффу, где находились королевский двор и королева. Двор и королева собрались бежать морем, но 20 мая 1102 г. египетский флот подошел к Яффе с юга, а египетская армия окружила город. В одной из голов, которые везли на копьях сарацины, признали голову короля, на самом деле это была голова похожего на Бодуэна рыцаря Жербо де Виктинка.

Бодуэн не смог добраться до окруженной Яффы, через два дня, 19 мая вечером, он прибыл в Арсуф. В тот же вечер туда же прибыли войска из Галилеи под командой Гюга де Сент-Омера. Утром Гюг с войсками отправился на юг, чтобы пробиться в Яффу, а короля согласился доставить туда на парусной лодке английский пират по имени Годриш. Король гордо поднял на мачте свое знамя. Благодаря сильному северному ветру и хорошей маневренности лодки королю удалось проскользнуть между малоповоротливыми кораблями египтян, осуществлявшими морскую блокаду. С огромной радостью встреченный в городе, Бодуэн там не задержался. Он выбрался из города, чтобы встретить войска Гюга де Сент-Омера, и одновременно послал гонца в Иерусалим с приказом всем боеспособным мужчинам выступить к Яффе. Был сформирован отряд из 200 рыцарей и оруженосцев, отправившийся в Яффу, взяв с собой частицу Святого Креста. Рыцари пробились в город, а оруженосцы, скакавшие за ними, были задержаны и отеснены в море. Бросив коней, они поплыли в гавань. Вскоре прибыли также войска из Самарии. Бодуэн написал письма Танкреду и Бодуэну Эдесскому с просьбой о помощи. По счастливой случайности, в это время, прорвав египетскую блокаду, в Яффу вошла большая флотилия кораблей, большей частью английских, с паломниками из Англии, Франции и Германии, почти все они были вооружены.

27 мая 1102 г. Бодуэн вывел армию из города. Египтяне атаковали, притворно отступили, но не смогли выманить крестоносцев за собой. Вторичная атака также разбилась о ряды франков, а последовавшая контратака сокрушила сарацин, и они в панике, бросив лагерь, бежали с поля боя в Аскалон. По словам Гийома Тирского, «после этого королевство жило в мире примерно семь месяцев».

Главной причиной спасения королевства была неумелая стратегия египтян и раздоры среди руководства, которые не мог унять сын визиря, не пользовавшийся авторитетом. Руководство египтян упустило возможность захватить слабо защищенный Иерусалим и вообще не проявляло никакой инициативы.

Получив письмо короля Бодуэна в начале осени 1102 г., к нему на помощь собрались пойти Танкред и Бодуэн Эдесский. К ним присоединился находившийся в Антиохии герцог Гийом Аквитанский. Они прошли долиной Оронта мимо Хомса и далее через долину Бекаа и вниз по Иордану и в середине сентября прибыли в Палестину. Учитывая их силу, мусульманские правители не предприняли никаких попыток остановить их. Объединенная армия подошла к Аскалону, но город штурмовать франки не решились.

2. Борьба с патриархом Даимбертом. Взятие Сидона и Акры

После того как на Рождество 1100 г. Даимберт короновал Бодуэна, оба они продолжали тихо ненавидеть друг друга. Бодуэн хотел подчинить церковь государству, чтобы овладеть ее богатствами, – именно иерусалимская церковь получала дары и имущество по завещанию от набожных дарителей Запада. Бодуэн подал несколько жалоб по поводу нарушения церковного права при избрании Даимберта патриархом. В конце концов папа Пасхалий вместе с генуэзской эскадрой послал уже упомянутого легата Морица разобраться в этом деле. В середине апреля эскадра вошла в Яффу. Когда к Пасхе (21 апреля) 1101 г. Мориц прибыл в Иерусалим, Бодуэн тут же выдвинул обвинения против Даимберта. Им было предъявлено письмо патриарха Бозмунду, написанное после смерти Готфрида, в котором он предлагал, если нужно, силой воспрепятствовать восхождению на трон Бодуэна. Кроме того, король сообщил легату, что Даимберт пытался убить его. Патриарх с гневом отверг последнее обвинение, но письмо Бозмунду было налицо, Мориц запретил Даимберту участвовать в пасхальных торжествах и сам провел пасхальное богослужение.

В это время произошел еще один скандал, сильно повредивший патриарху. Проводя политику латинизации патриархата, Даимберт выгнал из церквей и монастырей всех местных священников, как православных, так и еретиков. Вследствие этого в предпасхальную Страстную субботу в церкви Гроба Господня не произошло сошествия Благодатного Огня, проведение ритуала которого находилось ранее (как и сама церковь) в ведении православных, – чуда, ежегодно прославлявшего этот храм, – что вызвало в городе значительные волнения. Бодуэн потребовал, чтобы все местные священники были возвращены и даже ключи от церкви Гроба Господня были переданы православным священникам. После

этого Благодатный Огонь с опозданием все-таки сошел с неба, чтобы даровать франкам Божью Благодать.

Испугавшийся за будущее Даимберт, принеся подарки, в слезах бросился на колени перед Бодуэном и молил его о прощении, но тот был непреклонен, пока патриарх не намекнул, что может передать королю 300 безантов. Король пришел к легату и объявил, не сказав о деньгах и подарках, что прощает Даимберта. Мягкий, боявшийся раздоров Мориц был очень обрадован. Очень скоро Бодуэну опять понадобились деньги, и он снова потребовал их у патриарха. Даимберт дал 200 безантов и сказал, что больше денег в патриаршей казне нет. Однако у Бодуэна были свои осведомители из числа сторонников Арнульфа, теперь архидьякона Иерусалима, которые донесли, что казна патриарха очень богата.

Через несколько дней король ворвался на званый обед, который давал патриарх в честь легата, чтобы заручиться его дружбой. У закончившего духовную школу Бодуэна язык был хорошо подвешен, и он доходчиво объяснил церковным князьям, в чем заключаются обязанности церкви. Устыдившийся Мориц убедил патриарха взять на содержание конный отряд, тот пообещал, но не выполнил обещания.

Окончательно погубила патриарха жадность. Осенью 1101 г. Рожер Борса, герцог Апулийский, прислал в подарок патриарху тысячу безантов. Третью из них должна была получить церковь Гроба Господня, треть – госпиталь и треть – король для армии. Даимберт взял все деньги себе. Однако условия пожертвования стали известны королю. Бодуэн немедленно подал жалобу, и легат был вынужден лишить Даимберта достоинства патриарха. Весной 1102 г. тот отправился в Антиохию, где Танкред передал ему самую богатую в городе церковь Святого Георгия. Бодуэн приказал провести обыск в казне патриарха, где были обнаружены 20 тысяч безантов. Легат Мориц взял на себя обязанности патриарха, однако вскоре, весной 1102 г., умер.

И вот теперь, осенью 1102 г., когда Танкред пришел на помощь Бодуэну, он взял с собой Даимберта, поставив условием своей помощи восстановление его на патриаршем престоле в Иерусалиме, и Бодуэну пришлось согласиться. Однако в это время в Палестину прибыл новый папский легат, кардинал Робер Парижский. Было решено, несмотря на сопротивление Танкреда и Даимберта, рассмотреть это дело на заседании синода под председательством Робера, а пока, до проведения расследования, синод временно назначил патриархом Даимберта.

Синод был проведен в церкви Гроба Господня. Председательствовал легат-кардинал Робер, заседателями были прибывшие в Палестину епископы Лана и Пьяченцы. Присутствовали все епископы и аббаты Палестины, а из владений Танкреда только епископ Мамистры. Обвинителями Даимберта выступили архиепископ Цезареи и епископы Вифлеема и Рамлы из партии Арнульфа. Главны-

ми обвинениями были пиратские нападения на греков пизанской эскадры под руководством Даимберта в 1099 г., его попытка развязать гражданскую войну между Бодуэном и Боэмундом и то, что он забрал себе деньги герцога Рожера, предназначенные для госпиталя и армии. Палестинские прелаты обрушились на Даимберта. Голос епископа Мамистры в его защиту прозвучал слишком одиноко, чтобы быть услышанным. Легат-кардинал Робер был вынужден объявить Даимберта недостойным патриаршего престола и сместить его. Бодуэн выиграл игру по всем церковно-юридическим правилам. Танкред и Даимберт вернулись в Антиохию, где бывший патриарх опять получил церковь Святого Георгия.

Арнульф де Ро даже не пытался сам стать патриархом. Патриархом был избран Эвремар из Теруана, старый священник из графства Булонь. Он пришел в Иерусалим с Первым крестовым походом и был известен набожностью, кротостью и милосердием. Король и Арнульф верили, что никаких препятствий Эвремар им не создаст.

Даимберт не хотел смириться. Вместе с Боэмундом в 1105 г. он отправился в Рим искать правосудия у папы, зная его лично. Папа, очевидно, под влиянием Боэмунда, принял сторону Даимберта и велел Бодуэну выслать в Рим доверенных лиц, чтобы те в присутствии папы ответили на обвинения смещенного патриарха. Бодуэн оставил повеление папы без внимания. Тогда папа объявил смещение Даимберта недействительным. Даимберт собирался с торжеством вернуться в Иерусалим, но тяжело заболел и 15 июня 1107 г. умер в Мессине. Так закончилась жизнь не очень умного, тщеславного и корыстного старика. Как заметил С. Рансимен, «глупость папы была исправлена Богом».

Однако перипетии борьбы за патриарший престол в Иерусалиме еще не закончились. Бодуэн был недоволен никчемностью и внезапной строптивостью нового патриарха. Ему нужен был на этом месте деятельный союзник. Когда Эвремар узнал о восстановлении Даимберта в прежней должности, он отправился в Рим не только бороться за престол, но и с жалобами на короля, а когда в Палестине узнали о смерти Даимберта, уже с жалобой на Эвремара от имени короля к папе поехал Арнульф. Бедный папа совсем запутался. Он отправил в Иерусалим архиепископа Арля Жиблена из Забраны, человека преклонного возраста и опытного в церковных разбирательствах. Жиблен прибыл в Иерусалим весной 1108 г., Эвремар и Арнульф ждали его уже на месте. Жиблен сразу понял, что Эвремар – неподходящая фигура для патриаршего престола. Он объявил место патриарха незанятым и провел заседание синода, чтобы назначить преемника. К удивлению и радости Жиблена, Бодуэн предложил в патриархи его самого. Эвремар получил архиепископство Цезареи, в это время оставшееся без прелата.

При иерусалимском дворе говорили, что совет выбрать патриархом Жиблена подал королю Арнульф, учитывая преклонный возраст прелата. И действительно,

новый патриарх после избрания прожил только четыре года. После него патриарший престол в 1112 г., не встретив никаких возражений, занял Арнульф де Ро.

Он подходил для патриаршего престола больше всех остальных. Он был энергичным, дельным и преданным королю, хотя корыстным и безнравственным. Благодаря единой позиции, занятой королем и им, была окончательно отброшена порочная идея построения в Палестине государства, подчиненного церкви, где «Защитник Гроба Господня» должен был быть начальником вооруженных сил при патриархе, а само государство подчинялось бы напрямую папе, хотя идея эта имела много сторонников. Арнульф даже снял по этой причине с должности каноника церкви Гроба Господня, поставленного Готфридом. Арнульф изменил отношение к местным христианам. Бодуэн и Арнульф, в отличие от духовной власти Антиохии, установили с ними хорошие отношения, не исключая приверженцев еретических церквей. Православные паломники, приходившие в Палестину, и местные православные не имели никаких причин жаловаться на притеснения местных властей. Историограф Гийом Тирский обличал человеческие пороки Арнульфа, не понимая, как много он сделал для укрепления только что созданного, еще слабого государства.

После поражения 1102 г. визирь аль-Афдал был вынужден сделать передышку, чтобы набрать новую армию. Бодуэн воспользовался этим, чтобы укрепиться на морском берегу. На дорогах между Яффой и Хайфой и Яффой и Иерусалимом орудовали сарацинские и бедунские разбойничьи банды, на море на христианские корабли нападали арабские морские разбойники из Тира, Акры и Аскалона. Русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII в., пишет: «Поганые сарацины [арабы] были опасны, так как, скрываясь в горах и пещерах, нападали иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам паломников». Осенью 1102 г. корабли отправлявшихся домой паломников, которые помогли Бодуэну весной разбить египтян, были выброшены штормом на берег у Тира, Сидона и Аскалона. Все пассажиры были убиты или проданы в рабство. Король попытался весной 1103 г. осадить Акру, но осаду пришлось снять, когда на помощь городу пришли египетские корабли из Тира и Сидона, доставившие продовольствие и подкрепления.

Затем король предпринял попытку очистить от разбойников гору Кармель. Полностью это тоже ему не удалось, а в одной из стычек он получил тяжелое ранение, надолго приковавшее его к постели.

Летом 1103 г. визирь аль-Афдал опять послал армию и флот в Палестину, но из-за спора командующего армией с адмиралом-начальником флота эта экспедиция оказалась безрезультатной. Египетский флот подошел к Яффе, в то время как египетская армия отказалась выходить из Аскалона. Когда выздоровевший Бодуэн привел армию к Яффе, египетский флот ушел домой.

В начале мая 1104 г. в Яффу, чтобы завершить паломничество в Иерусалиме, прибыл большой генуэзский флот, помогавший Раймунду Тулузскому летом прошлого года при завоевании Жибле. Бодуэн немедленно заключил с ним договор о помощи при завоевании Акры. Цена помощи была обычной: треть добычи, торговые привилегии, торговая улица с церковью и право суда. Осада началась 6 мая. Гарнизон, которым командовал фатимидский мамлюк Бена Зар ад-Даула аль-Джююши, ожесточенно сопротивлялся, но после 20-дневной осады, не получив никакой помощи из Египта, был вынужден сдаться. Условия сдачи были такими же, как при сдаче Арсуфа: все горожане, кто хотел, могли покинуть город со своим движимым имуществом, остальные становились подданными короля, им даже была оставлена мечеть. Бодуэн придерживался условий договора, однако генуэзцы ограбили уходящих и многих убили. Бодуэн даже хотел напасть на итальянцев, с трудом патриарх Эвремар примирил его с ними.

Акра имела большую и защищенную при любой погоде гавань, оставлявшую далеко позади Хайфу с ее открытым рейдом. Хотя Акра находилась более чем в 160 км от Иерусалима, ей суждено было стать главным морским портом государства.

Захват Акры и стремление короля овладеть побережьем, через которое проходили торговые связи Дамаска с Западом, заставили его правителя вступить в союз с Египтом против франков. Такому союзу способствовали и перемены в правительстве Дамаска. В 1104 г. умер Дукак Дамасский, и городом стал фактически править его атабек Тогтекин. Сначала он посадил на трон годовалого сына Дукака Тутуша, но вскоре заменил его 12-летним братом Дукака Ирташем. С севера на Дамаск двинулся было Ридван, попытавшись завладеть наследством брата, но вскоре возвратился в Алеппо, поняв, что дамаскинцы не хотят его, а сил для завоевания города у него недостаточно. Ирташ, заподозривший угрозу со стороны Тогтекина, бежал в Хауран (область за Иорданом севернее реки Ярмук), где эмир Босры Айтекин предоставил ему убежище. Когда король Бодуэн пообещал Ирташу помощь, он перебрался в Иерусалим. В начале августа 1105 г. огромная египетская армия из арабской конницы и суданской пехоты под командой Сены аль-Мулька собралась в Аскалоне, и на соединение с ней, обогнув с юга Мертвое море, прибыли войска из Дамаска в количестве 1300 конных турецких лучников под командой военачальника Тогтекина Сабауа. Одновременно флот египтян подошел к Яффе.

Бодуэн ждал врага у Рамлы с главной армией из 500 конных и 2000 пехоты. К нему присоединились гарнизоны из Галилеи, Хайфы, Сент-Авраама. Из Иерусалима прибыл с полутора сотнями воинов и Святым Крестом патриарх Эвримар. При Бодуэне находился и юный претендент на Дамаск Ирташ. В Яффе Бодуэн оставил 300 человек под командой Литара де Камбре.

Египтяне сделали попытку внезапно овладеть Яффой, для чего из главных сил было выделено левое крыло. Главное сражение состоялось в воскресенье 27 августа 1105 г. На рассвете патриарх в полном облачении, со Святым Крестом дважды обскакал франкские линии, дав покаявшимся войскам абсолюцию и свое благословение. Атакующих франков контратаковала турецкая конница из Дамаска, но была с уроном отбита. Затем Бодуэн со знаменем в руках повел конницу в атаку против египтян. Египтяне дрались храбрее, чем прежде, но отделившееся к Яффе крыло не успело вовремя возвратиться к полю боя. К вечеру мусульмане были разбиты. Сабауа и его турки бежали в Дамаск, египтяне – в Аскалон, откуда Сена аль-Мульк возвратился в Египет. Египтяне понесли тяжелые потери, был убит правитель Аскалона, в плен попали бывшие командующие гарнизонами Акры и Арсуфа, позднее выкупленные за большие деньги. Потери франков также были большими. После занятия египетского лагеря Бодуэн не преследовал египтян. Египетский флот возвратился в Египет, потеряв в шторме несколько кораблей. Никакой помощи Ирташу по овладению Дамаском Бодуэн не оказал.

Война 1105 г. была последней серьезной попыткой египтян изгнать франков из Палестины. Однако мелкие вылазки, в основном из Аскалона, продолжались в течение десяти последующих лет. Малые отряды в ответ на нападения Бодуэна на мусульманскую территорию нападали на лагеря паломников, на христианских поселенцев на прибрежной равнине и в Негеве (юг Палестины), на Яффу, Рамлу, в 1110 г. они продвинулись даже до стен Иерусалима. Франки более или менее успешно противостояли этим набегам.

Главной целью Бодуэна теперь были прибрежные города Аскалон, Тир, Сидон и Бейрут. Аскалон и Тир были мощными крепостями с большими гарнизонами. Все эти города-порты поддерживались египетским флотом и Дамаском.

В 1106 г., воспользовавшись прибытием в Палестину больших вооруженных отрядов английских, фламандских и датских паломников, Бодуэн задумал напасть на Сидон. Сидон был разбойничьим гнездом, откуда египетские пираты нападали на корабли паломников и где нашли прибежище христианские ренегаты-дезертиры. Узнавший о готовившемся нападении наместник города на два года откупился от Бодуэна большой суммой денег. В августе 1108 г. Бодуэн вновь собрался напасть на Сидон, опираясь на поддержку эскадры пиратов из разных городов Италии. Наместник Сидона, пообещав 30 тысяч безантов, получил от Тогтекина большой турецкий конный отряд, а с юга к городу подошла египетская эскадра. Когда в начале осады войска короля совершили крестный ход вокруг стен города, неся впереди хоругвь Святого Креста, отрекшиеся от христианства ренегаты со стен обливали ее помоями и возводили хулу на Христа и Деву Марию. Египтяне в морском бою разбили итальянских пиратов, и Бодуэн увел войска от города. Однако жители Сидона отказались впустить турок в го-

род, справедливо опасаясь коварства Тогтекина, и не захотели даже заплатить им обещанные деньги. Турки пригрозили вызвать обратно Бодуэна и согласились уйти, только получив сумму в 9000 безантов, сниженную с учетом их неучастия в военных действиях.

Летом 1109 г. король Бодуэн вместе с другими франкскими князьями помогал Бертрану Тулузскому завоевать Триполи. В начале следующего года Бертран послал войска, чтобы помочь королю овладеть Бейрутом. Гавань Триполи оказалась очень удобной для базирования пизанских и генуэзских кораблей, блокировавших Бейрут с моря. Египетские корабли из Тира и Сидона напрасно пытались прорвать блокаду. Оказалась неудачной и отвлекающая попытка египетского диверсионного отряда из Аскалона врасплох овладеть Иерусалимом. Осада Бейрута продолжалась с февраля по середину мая, когда наместник, больше не надеясь на чью-либо помощь, улизнул на корабле через блокаду итальянских кораблей на Кипр и сдался византийскому наместнику. 13 мая 1110 г. Бейрут был взят штурмом. Итальянцы устроили в Бейруте резню, которую король с трудом смог остановить.

Летом этого же, 1110 г. в Акру вошел флот короля Сигурда, одного из трех королей-братьев, правивших Норвегией. Флот вышел из Бергена в 1107 г., перезимовал в Англии, оттуда отправился в Португалию, где норвежцы помогли графу Португальскому в борьбе против мавров и разграбили мусульманский Лиссабон, а затем, перезимовав в Сицилии у великого графа Рожера I, прибыли в Святую Землю. Это было первое прибытие в Палестину коронованного лица. Бодуэн торжественно принял Сигурда, лично сопровождал его в Иерусалим и подарил Сигурду частицу Святого Креста.

Сигурд согласился помочь при осаде Сидона. Осада началась 19 октября. Сидон ожесточенно сопротивлялся. На море действенную помощь норвежцам оказала подошедшая венецианская эскадра под командой дожа Орделаффо Фальери. Наместник Сидона планировал тайное убийство Бодуэна. Его должен был совершить за большие деньги слуга короля – мусульманский ренегат. Однако мусульманин-осведомитель из города, узнав о заговоре, запиской, привязанной к стреле, предупредил короля.

Вот что рассказывает о взятии Сидона аль-Каланиси: «Объявили, что некий франкский король пришел с моря, приведя более шестидесяти кораблей с воинами, чтобы завершить паломничество и начать войну с Исламом. Так как он направлялся к Иерусалиму, Бодуэн вышел ему навстречу и они решили вместе напасть на мусульманские страны... Они начали осаду прибрежной крепости Сидон 3-го Раби II 504 [1110] года и окружили его с суши и с моря. Египетский флот стоял на якоре возле Тира, но он не смог прийти на помощь Сидону. Франки построили башню и с ее помощью атаквали город; она была обвязана виноград-

ной лозой, покрыта коврами и свежими бычьими шкурами, защищавшими ее от камней и смолы; обеспечив таким образом ее защиту, они принялись с перерывами в несколько дней передвигать ее с помощью колес, на которых она стояла. Когда наступил день сражения и когда башню придвинули к крепостной стене, франки воспользовались ею, чтобы начать атаку; они поместили туда воду и уксус на случай пожара, как и все, необходимое для сражения. Когда жители Сидона увидели их приготовления, их решимость ослабла. Они отправили к франкам своего кади и старейшин города, чтобы те просили Бодуэна сохранить всем жизнь. Он внял их просьбам... Осада длилась сорок семь дней».

4 декабря 1110 г. Сидон сдался на тех же условиях, что и Акра. Жители города, кто хотел, ушли с движимым имуществом в Дамаск, остальные, в основном бедные, остались и стали подданными короля. Венецианцы получили улицу и церковь в Акре. Сидон достался Эсташу Гарнье, наместнику Цезареи, который в это время расчетливо женился на богатой племяннице Арнульфа. Вскоре после взятия Сидона король Сигурд отправился на родину через Константинополь. Весь его поход длился три года. Это настоящий поход викинга под знаком креста.

Теперь франки владели всем Сирийско-Палестинским побережьем, за исключением Аскалона и Тира. Помимо стычек с Фатимидами продолжались большие и мелкие столкновения с Тогтекином Дамасским.

После ухода Танкреда в Антиохию в 1101 г. Бодуэн отдал княжество Галилею фландрскому рыцарю Гюгу де Сент-Омеру. Тот построил на дороге из Тира в Банияс и Дамаск большой замок Торон и не раз совершал разбойничьи набеги за Иордан в Хауран, на которые Тогтекин неизменно отвечал своими. При возвращении из одного из таких набегов в 1105 г. Гюга настигла дамаская армия, он был убит, а его отряд рассеян.

Бодуэн передал Галилею французскому рыцарю Жерве де Базошу. Обоюдные набеги франков и дамасккинцев продолжались. В 1108 г. в сражении при Тиверии Тогтекину удалось взять в плен Жерве вместе с большинством его людей. Тогтекин потребовал у Бодуэна передать ему за них Тиверию, Акру и Хайфу. Когда король отказался от такого обмена, Жерве был казнен. Его голова с длинными светлыми волосами была отправлена королю. Несколько лет Галилея управлялась королем из Иерусалима. В 1113 г. Галилея была передана Жослену де Куртне.

Весной 1110 г. наместник Баальбека евнух аль-Тадж Гюмюштекин решил выйти из-под власти Дамаска и перейти под защиту короля. Однако Тогтекину своевременно доложили о заговоре, и он заменил аль-Таджа на посту наместника своим сыном Бури.

Похожая история случилась и в Аскалоне. Сразу после взятия Сидона в 1110 г. Бодуэн двинулся против Аскалона. Франки давно точили на него зубы. Крепость служила опорной базой для всех наступлений Фатимидов. Наместник

города Шамс аль-Килафа откупился от франков большой суммой денег, которые он потом пытался взыскать с жителей. Жители пожаловались египетскому визирю аль-Афдалу, и тот послал в город войска, чтобы сместить наместника. Шамс аль-Килафа отказался впустить войска в город и уволил со службы тех, кого считал приверженцами Египта. Вместо них он нанял на службу армян и предложил Бодуэну взять город под защиту. Бодуэн послал в город 300 солдат, которые расположились в цитадели. Однако летом 1111 г. жители восстали, убили наместника и перебили армян и франков. Бодуэн пробовал их выручить, но не успел.

Бодуэн пытался овладеть и Тиром. Его намерение стало известно наместнику Тира Иззу аль-Мульку. Осенью 1111 г. тот договорился с Тогтекином нанять у него отряд лучников в 500 человек за 20 тысяч безантов и перевезти в Дамаск в целях безопасности свое ценное имущество. Тяжело груженный караван с деньгами и ценностями вышел из Тира и должен был пересечь территорию, принадлежавшую франкам. Изз аль-Мульк подкупил французского рыцаря Ренфруа, который обязался провести караван через франкскую территорию, но немедленно сообщил об этом Бодуэну. Король напал на караван и захватил все, что он перевозил.

После этого король в конце ноября начал осаду Тира, мощной крепости на острове близ берега. Осада была обречена на неудачу, так как у Бодуэна не было флота. Византийцы, связанные долговременным договором с Фатимидами, потребовали за помощь флотом участие короля в войне с Антиохией за отвоевание захваченных ею Латакии и городов в Киликии. К этому не был готов Бодуэн, и византийцы ограничились поставкой королю продовольствия. Осада продолжалась до апреля следующего года. Изз аль-Мульк обратился за помощью к Тогтекину, тот привел армию и осадил франков в их лагере. Бодуэну пришлось с боем пробиваться в Акру.

Позже, в 1116 г., король построил замок в городе Сканделия южнее Тира, где прибрежная дорога к Тиру начинала подниматься в горы, и таким образом завершил полное окружение города по суше; с севера Тир уже был отрезан Сидоном, а с востока – замком Торон.

3. Третий брак короля. Продвижение на юг

Уладив дела франков на севере, Бодуэн смог обратиться к своей южной границе. С юга Палестина была открыта для нападений, и, кроме того, необходимо было отрезать Египет от Дамаска и остального мусульманского мира, овладев территорией между Мертвым морем и Акабским заливом Красного моря.

Свой первый поход в Идумейскую пустыню против дамасской армии Бодуэн совершил в 1107 г. Вблизи развалин Петры, древней столицы Набатейского цар-

ства, турки разбили лагерь. Поблизости находился греческий монастырь, монах которого по поручению короля под видом беглеца отправился к дамаскинцам и сообщил им о приходе огромной франкской армии. Турки в страхе бежали, а король наказал разбойников-бедуинов и, угнав их стада, возвратился домой.

В конце 1108 г. Бодуэн и Тогтекин заключили десятилетнее перемирие. Это было связано, во-первых, с тем, что их внимание было отвлечено в другую сторону, во-вторых, необходимо было восстановить разрушенную войнами торговлю, проходившую через их страны и приносящую большой доход. Перемирие не мешало им участвовать в локальных конфликтах друг с другом. Договор был прерван в 1113 г., когда король вторгся на дамасскую территорию.

В 1115 г. король опять пришел в Идумейскую пустыню. В оазисе Шабак среди пустыни, в 160 км от ближайшего франкского поселения, король построил большой замок Крак де Монреаль (Королевская гора), где оставил надежный гарнизон. В следующем году король во главе армии, сопровождаемой большим обозом, через Крак де Монреаль продвинулся дальше на юг и добрался до Акабского залива. Бодуэн овладел городом Айла и построил там цитадель. Затем он высадился на маленьком острове вблизи берега, который франки называли Иль де Грей, и построил там замок. Теперь в руках Бодуэна находился торговый путь из Египта в Дамаск.

Скандальными, обратившими на себя внимание всего мира были вторая и третья женитьбы короля. Вторым браком Бодуэн женился в Эдессе на армянке Арде. После того как ее отец бежал в страхе от своего зятя вместе с обещанным приданым, никаких чувств к супруге у Бодуэна не осталось, к тому же, по всей видимости, он был человеком нетрадиционной сексуальной ориентации. Перед 1108 г. он прогнал жену и заставил ее уйти в монастырь Святой Анны в Иерусалиме, неубедительно обвинив ее в сексуальных связях с мусульманами. Вскоре она получила разрешение навестить родителей в Константинополе. В монастырь она не возвратилась, а осталась в Константинополе и предалась всем радостям и удовольствиям жизни красивой свободной женщины, к тому же титулярной королевы, а король, со своей стороны, не очень по ней тосковал. Нужда в деньгах заставила его пойти на авантюру, которая на долгое время пагубно отразилась на судьбе королевства. В 1113 г. он женился на вдове великого графа Сицилийского Рожера Аделаиде, которая при достижении ее сыном Рожером II совершеннолетия отказалась от регентства. Короля к браку подтолкнули ее безмерно богатое вдовье наследство и сильные флот и армия Сицилии, на поддержку которых он рассчитывал; ей показался привлекательным титул королевы Святой Земли. Аделаида приняла предложение короля, но выдвинула свои условия. Король был бездетен, его дети от первого брака умерли, а брак с Ардой не принес потомства. Аделаида потребовала, чтобы корона Иерусалима, если ее брак с Бодуэном ока-

жется бездетным (королю было 43 года, а ей – 41), перешла к ее сыну Рожеру, и получила согласие.

В августе 1113 г. на трех триремах (судно с тремя рядами весел) и в сопровождении семи грузовых судов Аделаида прибыла в Акру. Такого роскошного прибытия невесты на Средиземном море не было видано 11 с половиной веков, с тех пор как Клеопатра прибыла с флотом в Тарс к Марку Антонию. На носу первой триремы, на золототканном ковре лежала в великолепных одеждах невеста, на двух других триремах в белых одеяниях стояли солдаты-арабы личной охраны Рожера II, на семи грузовых судах перевозилось ее приданое и личные сокровища. Бодуэн также встретил ее со всей роскошью, которую могло обеспечить его небогатое королевство.

Брак оказался неудачным, приданое быстро ушло в уплату просроченного жалования солдатам и на строительство крепостей, и король вернулся к прежнему образу жизни. Брак был двоеженством, потому что была жива вторая жена Бодуэна. На патриарха Арнульфа, заключившего брак, посыпались доносы в Рим его многочисленных врагов. В 1114 г. в Иерусалим с инспекцией прибыл папский легат Беренгарий, епископ Оранжский. Он быстро обнаружил справедливость обвинений Арнульфа в незаконности заключенного брака короля, а также в симонии (продаже церковных должностей). Среди других обвинений патриарха, дошедших до папы, было совершение им бракосочетания между христианином и мусульманкой. Легат собрал синод и объявил Арнульфа отстраненным от должности. Но победить Арнульфа было непросто. Зимой 1115 г. он поехал в Рим. Там его красноречие, а главное, богатые подарки произвели неизгладимое впечатление на папу и кардиналов. Пасхалий объявил решение своего легата недействительным. Со своей стороны, Арнульф пообещал, что добьется от короля, чтобы тот прогнал свою сицилийскую сожительницу. При этом условии папа вручил ему архиепископскую мантию, чем подтвердил законность его положения патриарха. Летом 1116 г. Арнульф с торжеством вернулся в Иерусалим.

Так как богатства королевы были растрочены, Бодуэн уже сожалел о своем браке с Аделаидой, но ему еще оставался нужным военный союз с Сицилией, к тому же королева не мешала ему жить, как хочется, и поэтому король не соглашался на развод. К тому же королева предпочитала удобства и роскошь своих дворцов на Сицилии и много времени проводила там.

Весной 1117 г. король серьезно заболел. Бароны, при заключении брака короля с трудом смирившиеся с наследованием королевства Рожером Сицилийским ради золота королевы, теперь ни в коем случае не хотели видеть его своим королем. Священнослужители объявили короля грешником, он должен прогнать Аделаиду и призвать прежнюю жену. Когда король выздоровел, открытый собор с участием патриарха и с одобрения папы объявил брак Бодуэна с Аделаидой

недействительным. Разгневанная Аделаида безо всех своих богатств и почти без свиты отплыла на родину. Это было первое крупное поражение короля и тяжелая политическая ошибка. Пройдет добрых 60 лет, пока королевство Сицилия простит нанесенную обиду. Помимо этого, династическое объединение с богатейшим и сильным великим графством, а затем королевством, могло коренным образом изменить судьбу королевства Иерусалим, не говоря уже о том, что сицилийцы в этом случае, возможно, оставили бы в покое Византию.

Однако если вассалы смогли принудить короля к расторжению брака, то они не могли заставить его согласиться ни на возвращение второй жены, ни на заключение нового брака. Король предпочел продолжить свой прежний образ жизни.

В 1118 г. Бодуэн осуществил давно задуманный поход на Египет. Он давно собирался добраться до Фатимидов. В 1113 г., когда он воевал с турками на севере, египтяне достигли стен Иерусалима, ограбив и опустошив окрестности, в 1115 г. им едва не удалось, напав врасплох, захватить Яффу. Предварительно договорившись с вождями бедуинских племен, в начале марта Бодуэн во главе отборной армии из 260 конных воинов и 400 человек пехоты, хорошо снабженной продовольствием, из Сент-Авраама через Синайский полуостров по берегу Средиземного моря двинулся к Нилу. Франкская армия добралась до аль-Ариша и захватила его, а затем 21 марта достигла города аль-Фарама на восточном рукаве Нила близи устья и без боя овладела им. Франки с восторгом глядели на прославленную в Библии реку. Здесь Бодуэн почувствовал первые признаки болезни. Он умер от лихорадки на обратном пути в аль-Арише 2 апреля 1118 г., на руках епископа Рамлы. Король был доставлен в Иерусалим и похоронен в Вербное воскресенье, 7 апреля, в церкви Гроба Господня, возле своего брата.

У первого правителя Иерусалима Готфрида почти не было времени на строительство государства. Подлинным основателем государства был Бодуэн. Он

Ил. 18. Бодуэн I умирает в кругу приближенных. Картина, XIX в.

завоевал побережье, остановил египетские и турецкие наступления, установил отношения с Дамаском и расширил влияние государства на юг. Он стал верховным правителем всех христианских государств крестоносцев и пользовался уважением своих мусульманских соседей.

В последние годы правления он содействовал переселению христиан, как православных, так и из еретических сект, из мусульманских областей в Иудею. Он взял в жены армянку и содействовал заключению браков между франками и местными христианами. Среди поселенцев и простых солдат это стало обычным явлением. Для того чтобы можно было жениться на мусульманке, она должна была перейти в христианство. Он дружественно относился к мусульманам и евреям, находившимся в его подданстве, им было разрешено иметь несколько мечетей и синагог. Перед судом мусульмане должны были клясться на Коране, евреи – на Торе (Пятикнижии Моисея), нехристиане могли рассчитывать на справедливый суд.

Бодуэн понимал, если франки хотят удержаться на Востоке, они должны стать его частью. Фульк из Шартра находил превосходным то, что восточные и западные народы прорастают друг в друга. Немного позднее он писал: «Мы были жителями Запада, теперь стали жителями Востока; тот, кто был румеем [византийцем] или франком, в этой стране стал галилеянином или палестинцем; тот, кто жил в Реймсе или Шартре, стал тирцем или антиохийцем. Уже мы забыли места своего рождения; большинству из нас они уже – незнакомые или никогда не слышанные названия. Уже владеет один из нас собственным домом и слугами, которые принадлежат ему по наследственному праву, другой женился, но не только на землячке, но даже на сирийке или армянке, а порою и на крещеной сарацинке; у третьего живут с ним его зять или его невестка, или его тесть, или его пасынок; он окружен племянниками своими или даже внучатыми; один возделывает виноградники, другой – поля; они говорят на разных языках, однако им всем уже удается понимать друг друга. Различные наречия стали теперь общими, и вера сближает самые отдаленные расы. Тот, кто был чужаком, теперь – словно местный уроженец... Ежедневно следуют за нами наши родственники и знакомые, ничего не имея, оставив все достояние. Потому что того, кто там был неимущим, Бог здесь сделает богатым; у кого было немного денег, владеет здесь несметным множеством безантов, у кого не было деревни, тому принадлежит здесь милостью Бога целый город. Почему нужно, стало быть, возвращаться на Запад, тому, кто нашел здесь такой Восток?». Как мы видим, здесь священник не говорит ни слова о священной войне.

Умные франкские государственные деятели придерживались традиции Бодуэна, принимая местные обычаи и нравы, заключая с местными дружбу и союзы, в то время как вновь прибывшие были заражены идеями «священной» войны и превосходства католицизма и жаждали добычи.

Глава 18

Войны на севере

1. Войны между мусульманами и между франками

В мусульманском мире царили раздоры. Победа при Харране вывела на переднее место в северной Сирии и Джазире Джекермиша, атабека Мосула, несмотря на последовавшее затем его поражение. Артукид Сокман Мардинский умер в начале 1105 г., спеша на помощь осажденному франками Триполи. Его брат Ильгази и сын Ибрахим вступили в спор за наследство, причем первому помогал Ридван Алеппский, полагая, что служивший у него Ильгази сохранит и в дальнейшем ему верность, но этого не произошло. Сам Ридван с трудом отбивался от антиохийских франков.

Эмир Данишмендид Малик Гази I Гююштекин умер в 1106 г. Его каппадокийские земли в Анатолии отошли к его старшему сыну Гази II, а земли в северной Сирии и Мелитена – к младшему сыну Сангуру. Провозгласивший себя султаном Кылыч Арслан заключил мир с Византией, напал на Мелитену и завоевал ее осенью 1106 г.

После того как султан Сельджукид Баркиярок проиграл войну своему брату Мухаммеду, он вынужден был в 1104 г. передать ему Джазиру* и Мосул. Атабек Джекермиш пытался сохранить свою независимость, заявив, что он верен одному Баркияроку, и дал отпор войскам султана Мухаммеда. Однако, когда в январе 1105 г. султан Баркиярок умер и его наследство перешло к Мухаммеду, Джекермиш понял, что дни его сочтены. Он поспешил подчиниться султану, а тот, решив пока что не вступать в открытую войну за Мосул, выказал дружбу по отношению к атабеку и приказал ему в союзе с Ридваном Алеппским, Артукидом Ильгази и своим собственным зятем Альбу ибн Арсланом Ташем Синджарским идти в поход против франков. В своих сегодняшних союзниках Джекермиш увидел тех, кто завтра будет делить его земли. По дороге на Эдессу тайным агентам атабека удалось разжечь ссору между Ридваном и Ильгази, и Ридван на пиру под стенами Нисибина по-предательски велел схватить Ильгази и заковать его в цепи. Войска Артукидов напали на Ридвана, и он вынужден был отступить в Алеппо и выпустить Ильгази. Потеряв, на свое

* Джазира – город в одноименной области в северной Месопотамии.

счастье, союзников, Джекермиш напал на Эдессу, однако после небольшой стычки с Ричардом де Принчипато возвратился домой.

Тем временем Кылыч Арслан, захватив Мелитену, двинулся на Эдессу, но, получив отпор, прошел дальше на Харран, который Джекермиш немедленно уступил ему. Султан Мухаммед понял, что Кылыч Арслан намерен расширить свои земли за его счет и что Джекермиш вступил с ним в союз. Зимой 1106 г. он отнял у Джекермиша Мосул и отдал его вместе с властью над Джазирой турецкому наемнику-авантюристу Джауали Сакауа. Армию Джауали у Мосула встретили войска Джекермиша. Джекермиш был разбит и попал в плен. Жители Мосула, где тот был популярен, немедленно призвали в атабеки его сына Зенки и вызвали на помощь Кылыч Арслана. Когда Кылыч Арслан приблизился к Мосулу, Джауали счел лучшим отступить. Джекермиш умер в плену, а Мосул открыл ворота Кылыч Арслану, который обещал уважать права и свободы города.

Оттесненный в долину Евфрата Джауали вступил в союз с Ридваном Алеппским. Они вместе сначала заставили отступить Кылыч Арслана, а затем без особого успеха напали на Антиохию. Летом 1107 г. они с 4-тысячной армией осадили Мосул. Мосульцы опять позвали на помощь Кылыч Арслана. Тот находился в Мелитене и с небольшими силами поспешил на зов. Союзники встретили его у реки Хабур. В сражении, несмотря на проявленную храбрость, Кылыч Арслан был разбит и погиб, как Чапаев в кинофильме, переправляясь через реку во время бегства.

Его гибель отразилась на судьбе всего Востока. Она спасла Византию от угрозы с востока в то время, когда с запада ей угрожал Боэмунд. Кылыч Арслан был тем, кто мог объединить мусульманскую Сирию как против государств крестоносцев, так и против сельджукского султаната в Иране, его смерть дала возможность этому султанату продержаться еще добрых сто лет. Произошло окончательное отделение анатолийских турок-сельджуков от своих братьев на востоке.

Джауали вступил в Мосул, где его вскоре возненавидели за жестокость. Не был доволен им и султан Мухаммед: он был таким же непокорным, как и Джекермиш. После года правления Мосулом султан решил его сместить и послал для этого армию под командой мамлюка Маудуда.

Все это время Бодуэн Эдесский, взятый в плен при Харране, провел в Мосуле, перейдя из рук Джекермиша в руки Джауали. Его двоюродный брат Жослен де Куртне после смерти Сокмана был передан его брату Ильгази, старавшемуся вытеснить своего племянника Ибрахима из Мардина. Ильгази были нужны деньги и союзники, и он согласился освободить Жослена за 20 тысяч динаров и обещание помощи. Подданные Жослена и его друзья-армяне собрали деньги, и в 1107 г. Жослен был освобожден. Благодаря его деньгам и помощи, Ильгази смог завоевать Мардин.

Теперь Жослен обратился к Джауали с предложением освободить Бодуэна. Как раз в это время Джауали срочно нужна была помощь против приближавшейся армии Маудуда. Джауали потребовал за Бодуэна 60 тысяч динаров, освобождения мусульманских пленных, находившихся в Эдессе, и заключения военного союза. Пока шли переговоры, Маудуд изгнал Джауали из Мосула, жители которого открыли ему ворота. Джауали, захватив с собой Бодуэна, перебрался на юг, в Джазиру.

Жослен собрал 30 тысяч динаров, привез их в замок Калат Джабар на Евфрате, где обосновался Джауали, и предложил себя в качестве заложника, с тем чтобы Бодуэн был освобожден и сам добыл бы вторую половину выкупа. Джауали выпустил Бодуэна, взяв Жослена заложником, и через несколько месяцев, ответив благородством на благородство Жослена, отпустил и его, взяв слово, что деньги будут выплачены, и не обманулся.

Танкред правил в Антиохии, а в Эдессе правил от его имени его ленник и свояк Ричард де Принчипато. Его жестокое правление вызывало резкое недовольство населения, особенно армян. Когда Бодуэн прибыл в Эдессу, Танкред согласился дать необходимые 30 тысяч динаров, но отказался возвращать Эдессу, разве только Бодуэн станет его ленником. Бодуэн отказался, так как был уже ленником короля Бодуэна. Он отправился в Турбессель к Жослену, затем они вместе попросили помощи у Джауали, освободив и отправив к нему в виде подарка 160 пленных мусульман. Затем, заручившись военной помощью армянского князя Ког Василия, недавно вернувшегося из греческой православной церкви обратно в армянскую апостольскую, и византийского наместника Киликии армянина Ошина, приславшего 300 солдат-печенегов, Бодуэн прибыл в Турбессель. Не желая полномасштабной войны и склонившись на уговоры патриарха Бернара, Танкред отозвал Ричарда де Принчипато из Эдессы, где с радостью был принят Бодуэн.

Однако перемирие между христианскими князьями было ненадежным. Бодуэн продолжал дружить с Джауали, и этот союз привел в тревогу Ридвана Алеппского, землям которого они угрожали. Ридван напал на караван, который вез из Турбесселя Джауали товары и часть выкупа за Бодуэна. В ответ в сентябре 1108 г. Джауали захватил город Балис на Евфрате в 70 км от Алеппо и казнил там видных сторонников Ридвана. Тот немедленно попросил помощи у Танкреда. В начале октября Бодуэн и Жослен вместе с Джауали сошлись в сражении с Танкредом и Ридваном. Сражение, в котором христиане и мусульмане сражались против христиан и мусульман, было ожесточенным. Сначала одерживали верх войска Бодуэна и Джауали, но затем, после бегства бедуинов Джауали, победили Танкред и Ридван. Джауали отступил, а Бодуэн и Жослен спаслись, с трудом избежав плена. Общие христианские потери составили чуть ли не 2000 человек. Несколькими месяцами позднее Джауали был прощен султаном Мухаммедом и отправлен командующим войсками в Иран.

Возвратившись в Эдессу, Бодуэн обнаружил в городе волнения и заподозрил армян в измене. Многие армяне были им казнены, некоторые – ослеплены, армянский епископ избежал ослепления, выплатив тяжелый штраф. Армяне бежали из города. До этого между Бодуэном и армянами всегда была дружба.

Больше войн с Эдессой Танкред не затевал. Следующей весной он впутался в ссору между Гийомом Жорданом и Бертраном Тулузским. Король Бодуэн провел раздел наследия графа Раймунда и заставил Танкреда примириться с Бодуэном Эдесским и Жосленом. Признав полномочия короля в качестве третейского судьи, Танкред тем самым признал его своим верховным сеньором. В ответ ему был возвращен титул князя Галилейского с обещанием, что он сможет получить лен, если в Антиохию вернется Боэмунд. После смерти Гийома Жордана его земли перешли к Бертрану, леннику короля Бодуэна, а Танкред захватил Джабалу, последнее владение Баню Амаров, и придвинул свою границу вплотную к границе владений Бертрана Триполийского.

Главной угрозой для султана Мухаммеда в Исфахане были теперь, после смерти Кылыч Арслана, франкские государства в северной Сирии, их близость к местопребыванию халифа – Багдаду. В апреле 1110 г. атабек Маудуд Мосульский по приказу султана вместе с Артукидом Ильгази и эмиром Майяфаракина Сокманом аль-Кутби двинулся на Эдессу и осадил ее. Бодуэн отправил Жослена к королю просить его о срочной помощи. Король осаждал Бейрут, тем не менее он немедленно выступил к Эдессе. В Антиохию он не зашел как из осторожности, так и чтобы не терять времени. По дороге к нему присоединились войска Ког Василия и других армянских князей. Маудуд уже два месяца осаждал Эдессу. При виде армии Бодуэна он отступил. Встретившись с Бодуэном Эдесским и выслушав его жалобы на Танкреда, король послал гонцов в Антиохию с требованием к тому немедленно прийти с войсками. Танкред колебался, но его Коронный совет настоял на том, чтобы он подчинился. При общей встрече король заявил, что как избранный король он является руководителем восточного христианства, и потребовал, чтобы Танкред примирился с Бодуэном и прекратил связи с турками, иначе его не будут признавать христианским князем и будут рассматривать как врага. Собравшиеся рыцари поддержали короля, и Танкред вынужден был подчиниться.

Армия короля начала преследовать Маудуда, который отступал к Харрану, чтобы выманить христиан за собой. Король был осторожен и остановился, осадив замок Шина к северу от Харрана. В это время были получены известия о нападении Ридвана Алеппского на антиохийские земли и о продвижении египтян к Иерусалиму. Поход был прекращен, Бодуэн возвратился в Палестину, а Танкред – в Антиохию.

Поскольку на левобережье Евфрата не было естественной границы, перед уходом король посоветовал Бодуэну оставить гарнизоны в Эдессе, Сарудже и еще в нескольких замках и эвакуировать на правый берег реки левобережное, в

основном армянское, крестьянство. Бодуэн принял совет, и крестьянство, послушавшись его, собрав имущество, медленно двинулось на запад. Эвакуация была организована плохо. О том, что произошло дальше, рассказывает Ибн аль-Каланиси: «Как только масульмане узнали об этом, они бросились им вдогонку, и несколько передовых отрядов конницы настигли их в тот момент, когда часть людей уже переправилась на другой берег реки. Мусульмане разграбили их личные вещи и имущество, убили, взяли в плен или утопили большое количество людей, которые не успели переправиться; они взяли огромную добычу: вещи, пленников и выючных животных, но не переходили реку, чтобы добраться до франков, ибо были заняты осадой Эдессы... В течение нескольких дней войска ислама оставались на берегу Евфрата, лицом к лицу с франками, а затем ушли осаждать Эдессу». Уничтожение армянского крестьянства, издавна заселявшего эти земли, народа работающего и процветающего, нанесло провинции удар, от которого она полностью уже никогда не смогла оправиться.

Через несколько недель Маудуд вынужден был увести войска к себе, в северную Месопотамию, так как разоренная земля не могла их прокормить.

Бодуэн Эдесский в ответ безжалостно разорил земли мусульманских соседей в широкой полосе к востоку от Эдессы. Танкред же напал на владения Ридвана Алеппского, взял штурмом пограничный замок Накира и осадил город Атареб в 30 км от Алеппо. Город сдался в декабре 1110 г. Ридван Алеппский откупился от Танкреда 20 тысячами динаров и десятью арабскими конями, а князь двинулся дальше на Шайзар и Хомс, их эмиры, заплатив один 4 тысячи динаров и лучшего коня, другой – 2 тысячи динаров, также на время откупились от Танкреда. Танкред «вновь вернулся в Атареб во время сбора урожая. Сила Алеппо была значительно ослаблена взятием этого города... Положение жителей Алеппо было столь критическим, что многие укрылись в Багаде...» (Кемаль ад-Дин). В это время франки из Триполи разоряли земли Хомса вплоть до его стен, а король вывез урожай из принадлежавшей Дамаску долины Бекаа.

Танкред Антиохийский находился в гораздо лучшем положении, чем Бодуэн Эдесский. Его главный враг император Алексей, хотя и занял несколько пограничных крепостей, был связан по рукам участвовавшими набегами турок в связи с анархией, возникшей на землях рум-сельджуков после смерти Кылыч Арслана. Старший сын султана Малик Шах попал в плен на реке Хабур и находился у султана Мухаммеда. Вдова Кылыч Арслана завладела Мелитеной и восточными областями и передала их второму сыну, Тогрулу; третий сын, Масуд, жил у эмира Данишмендида, а четвертый сын, Араб, находился в Иконии. Султан Мухаммед, опасавшийся, что Тогрул или Масуд завладеют наследием отца, заручившись обещанием Малик Шаха быть ему верным вассалом, в 1110 г. освободил его. Тот обосновался в Иконии и, забыв об обещании, провозгласил себя султаном.

Между тремя братьями начались раздоры, доходившие до военных столкновений. Стесненное положение императора пошло на пользу также и Ког Василию, ставшему самым сильным из армянских князей.

Другим фактором, благоприятным для Танкреда и губительным для контр наступления мусульман на франков, было появление в северной Сирии измаилитской секты ассасинов.

Около 1090 г. перс Хасан ас-Саба организовал религиозную общину исмаилитов (Исмаил – потомок Али в седьмом колене), покровителями которой были фатимидские халифы, также шииты. После отстранения от власти в 1094 г. старшего сына халифа аль-Мустансира – Низара община Хасана, назвав себя низаритами, отвергла это беззаконие, ушла в горы Хорасана (северный Иран) и обосновалась в крепости Аламут (Орлиное гнездо). Община была преобразована в религиозный орден и получила известность под именем ассасинов. Им вменялось в обязанность (с использованием наркотиков) беспрекословное повиновение. Хасан направил их на борьбу против аббасидских халифов и их сельджукских хозяев. Излюбленным политическим оружием ассасинов был кинжал, а тактикой – внедрение в окружение будущей жертвы. Убийство из-за угла, уже применявшееся ранее еретическими сектами, в руках Хасана стало чрезвычайно эффективным, так как слепо преданные ему ученики по его приказу были готовы ехать в отдаленнейшие области и рисковать собственной жизнью. В европейские языки навсегда вошло слово «ассасин» (от арабского «гашиш») со значением «убийца».

В 1092 г. ассасины, еще не уйдя из Египта, совершили свое первое политическое убийство из-за угла, убив великого визиря султана Больших сельджуков Малик Шаха – Низама аль-Мулька. Сельджукиды-сунниты, управлявшие Ираном, постоянно преследовали сторонников новой секты и старались ее уничтожить. Однако все их попытки взять Аламут были безуспешными. В начале XII в. отделения секты были основаны также в горах Ирака и Сирии.

Ридван Алеппский, постоянно находившийся в плохих отношениях со своими сельджукскими двоюродными братьями и в союзнических с Фатимидами и будучи под сильным влиянием шиизма, предоставил им покровительство. Предводитель ассасинов в Сирии ювелир перс Абу Тахир был его приятелем. Готовность Ридвана примириться с Танкредом могла исходить из его ненависти к соседям-мусульманам и тяготения к шиизму, по понятиям которого суннит ничуть не лучше христианина. Пользуясь покровительством Ридвана, ассасины построили в Сирии, в Ансарийских горах между Тортосой и Апамеей, а затем и в Ливанских горах, много замков и образовали там закрытое сообщество – разновидность государства. Их первой акцией в Сирии было убийство в 1103 г. эмира Хомса Джаны ад-Даула, в 1106 г. они убили эмира Апомей Калафа ибн Мулаиба.

2. Равновесие сил

В начале 1111 г. в Багдад прибыла делегация жителей Алеппо, потерявших терпение и обозленных неспособностью Ридвана отстоять городские земли от франков и его еретичностью. Они пришли к халифу аль-Мустазхиру с требованием священной войны с неверными.

Получив от него пустые обещания, они обратились к жителям Багдада. Рассказывает Ибн аль-Атир: «Несколько жителей отправились в Багдад, чтобы просить помощи в борьбе против франков. С их появлением к ним присоединилось большое число законников и других людей. В следующую пятницу все пришли в мечеть султана Малик Шаха [главная мечеть в Багдаде] и призвали народ прийти на помощь мусульманскому миру. Они помешали совершить общую молитву и сломали *минбар* [кафедру] проповедника. Тогда султан пообещал выставить армию, чтобы начать священную войну. В то же время из дворца халифа был принесен новый *минбар*. Но в следующую пятницу жители Алеппо явились в дворцовую мечеть, в самом дворце халифа. К ним примкнуло множество жителей города. Напрасно охрана ворот пыталась их остановить. Они силой расчистили себе дорогу, ворвались внутрь мечети, разбили решетку, закрывшую вход в *максуру* (служебное отделение), и снова сломали *минбар*. В тот день невозможно было предаться молитве».

В это время к халифу аль-Мустазхиру прибыло посольство императора Алексея. У Византии и султана Мухаммеда был общий враг – рум-сельджуки, кроме того, император был не против совместных с султаном действий против Танкреда. Это позволило багдадским мятежникам заявить, что халиф – худший мусульманин, чем христианский император.

Беспорядки в Багдаде помешали торжествам по случаю прибытия из Исфаха на супруги халифа, дочери султана Мухаммеда, у которого она гостила. Халиф был растерян и разгневан. Рассказывает Ибн аль-Каланиси: «Халиф, владыка правоверных, был рассержен произошедшим и приказал разыскать зачинщиков, чтобы предать их позорному наказанию; но султан помешал ему, простив людей, совершивших этот поступок, и приказал эмирам и полководцам вернуться в свои провинции, чтобы подготовиться к священной войне против неверных, врагов Аллаха». Здесь со стороны мусульман впервые появилась тень джихада – священной войны, именно тень, потому что ни султан в Исфахане, ни халиф в Багдаде и не думали даже об освобождении третьего священного города мусульман – Иерусалима. Стремления султана не шли дальше изгнания франков из Сирии, где они непосредственно угрожали Багдаду, а халиф не занимался ничем более серьезным, чем сочинение любовных стихов.

Султан Мухаммед приказал атабеку Маудуду Мосульскому организовать новый поход против франков, руководить которым формально должен был сын

султана Масуд. Маудуд привлек к союзу Сокмана аль-Кутби Майяфаракинского, сына Артукида Ильгази Айяза, курда Ахмед-Иля из Мараги и войска из Ирана под общим руководством курда Бурсука ибн Бурсука Хамаданского. Армия Маудуда прошла через Джазиру и в июле 1111 г. осадила крепость Жослена Турбессель. Жослен завязал тайные отношения с Ахмед-Илем, и когда от Ридвана пришла лукавая просьба оказать ему помощь против Танкреда, Маудуд по совету Ахмед-Иля снял осаду, рассчитывая под шумок овладеть Алеппо.

Однако, когда армия Маудуда подошла к Алеппо, Ридван закрыл перед ней ворота и взял в заложники видных горожан, чтобы избежать мятежа. Он не без основания полагал, что впустить армию Маудуда в город будет гораздо легче, чем заставить уйти. Маудуд опустошил окрестности Алеппо и пошел на юг к Шайзару, который осаждал Танкред. Здесь к Маудуду присоединился Тогтекин Дамасский, предложивший союзнику отвоевать Триполи. Танкред отступил к Апамее и призвал на помощь короля. Бодуэн пришел вместе с патриархом Жибленом и своими главными ленниками Готье Сент-Авраамским и Эсташем Гарнье Сидонским. Из Триполи с армией пришел Бертран, с севера – Бодуэн Эдесский со своими главными ленниками Жосленом Турбессельским и Паганом Саруджским. Из Антиохии прибыли войска Танкреда, послали войска армяне Ког Василий и Рубениды. Несколько десятков человек прислал даже византийский наместник Ошин, очевидно, чтобы быть в курсе событий. Всего собралась армия в 18 000 человек. Этим немедленно воспользовался Сельджукид Тогрул Арслан Мелитенский и напал на Киликию. Маудуд укрылся за стенами Шайзара. Его армия таяла. Ушел в Дамаск Тогтекин, получив отказ Маудуда распространить войну на юг, что тому показалось опасным. Внезапно умер Сокман, и его войска ушли с его телом в Майяфаракин. Бурсук ибн Бурсук заболел и стал отпрашиваться домой, без спросу ушел Ахмед-Иль. Айяз остался, но его отец Ильгази напал на процессию с телом Сокмана в надежде поживиться его добычей. Осенью Маудуду пришлось отступить в Мосул.

В конце апреля 1112 г. Маудуд внезапно напал на Эдессу, внутри города у него были сообщники. С помощью изменников-армян он занял башню, важную в системе обороны города, затем турки овладели еще двумя. Рассказывает Матфей Эдесский: «Изменники явились к Маудуду и сказали: "Пощади нас, и мы сегодня же передадим наш город в твои руки". Эти люди сильно страдали от голода и, пребывая в отчаянии, сами не ведали, что творили. Ночью они впустили Маудуда и пятерых его воинов в многолюдный город Эдессу, сначала они передали им башню, возвышавшуюся над городом на востоке, а затем те захватили и две другие башни. Жослен атаковал их столь яростно и столь отважно, что вытеснил неверных за стены; в тот день Эдесса была освобождена от турок благодаря храбрости Жослена и воинов города. Князь [Бодуэн Эдесский], разгневанный и

раздраженный изменами, пролил немало невинной крови жителей, приказав их убивать, сжигать или предавать жестоким мучениям».

Тем не менее, несмотря на заслуги Жослена, в конце года граф Бодуэн вызвал его в Эдессу под предлогом обсуждения вопросов наследования в связи со своей болезнью. Когда ничего не подозревавший Жослен прибыл, он обвинил его в измене и бросил в тюрьму. Только когда Жослен отказался от своего лена, он был освобожден Бодуэном и под новый год отправился в Иерусалим, где король Бодуэн пожаловал его леном Галилея. По всей видимости, никакой измены не было, а просто Бодуэн – владелец разоренных эдесских земель позавидовал Жослену – владельцу богатого турбессельского лена.

Зимой 1112 г. умер Бертран Триполийский, а весной этого же года – Ричард де Принчипато, муж сестры Танкреда, правивший Эдессой, когда Бодуэн был в плену. Бертрану наследовал его 16-летний сын Понс, который был оруженосцем Танкреда после того, как владельцы Триполи и Антиохии помирились.

Когда 12 октября 1112 г. умер Ког Василий Кайсунский, его вдова спешно прислала богатые подарки Танкреду, и в том числе собственную диадему княгине Сесили, с тем чтобы тот поддержал при наследовании ее приемного сына Василия Дга. Танкред подарки принял, но рассчитывал сам пожить этим наследием. Он уже готовился к походу на Кайсун, когда внезапно заболел. Ходили слухи, что его отравили, но, видимо, он умер от тифа. Когда ему стало ясно, что он не выздоровеет, он назначил своим наследником двоюродного племянника, сына Ричарда де Принчипато – Рожера, заставив его, однако, дать клятву, что он уступит власть сыну Боэмунда, если тот прибудет на Восток. Одновременно он предложил Понсу Триполийскому жениться на своей 15-летней вдове Сесили Французской. Он умер 12 декабря 1112 г., немного не дожив до 36-летия.

Это был талантливый и энергичный человек, выдающийся полководец и искусный дипломат, в то же время жесткий, бесцеремонный и бессовестный, недобросовестный по отношению к Боэмунду и вероломный по отношению к Бодуэну дю Бургу. Только король Бодуэн, такой же, как он, нищий искатель приключений, смог добиться схожей, если не большей удачи в результате крестового похода. Танкред укрепил основанное Боэмундом княжество, и оно продержалось почти до конца существования других государств крестоносцев. Однако, несмотря на столь выдающиеся таланты, он не был любим не только соседями, но и подданными, его боялись и ему не доверяли, и один только Матфей Эдесский сказал о нем доброе слово.

Рожер де Принчипато, несмотря на признание прав сына Боэмунда, принял княжеский титул. Вступление его на трон Антиохии принесло мир и согласие франкским государствам. Он был женат на сестре Бодуэна Эдесского Сесили и находился с ним в доброй дружбе, его сестра Мария была второй супругой Жос-

лена де Куртне, женившийся на вдове Танкреда Сесили Понс Триполийский был другом им обоим. Все они признавали верховенство короля Бодуэна.

Король Бодуэн продолжал опустошать земли Дамаска, городу не хватало продовольствия. Наконец Маудуд откликнулся на слезные просьбы Тогтекина о помощи и привел войска ему в подмогу. С Маудудом пришел и Артукид Айяз. Возле Генисаретского озера в конце весны 1113 г. армия Бодуэна внезапно столкнулась с войсками мусульманских союзников. Ибн аль-Каланиси пишет: «Между турками и франками завязалась яростная битва... Она началась, когда никто не был готов к этой встрече, нашими не были поставлены палатки, не был разбит лагерь, и конница не атаковала в первых рядах. Два войска столкнулись грудь с грудью, и Аллах – да будет благословенно Его имя! – после трех атак даровал масульманам победу над многобожниками. Две тысячи франков нашли в этом месте смерть – это были знатные люди, благородные рыцари, храбрецы. Масульмане завладели их палатками, которые те поставили, и знаменитой походной церковью. Бодуэн, которого схватили, оставил оружие в руках неприятеля и бежал. Мусульмане захватили выючных животных и все снаряжение пехоты; многие из них [франков] утонули в озере, кровь смешалась с водой, и в течение нескольких дней те, кто жил на берегу, не могли ее пить, пока она не стала опять чистой и прозрачной. Те из франков, кому удалось спастись, а большинство из них было ранено, укрылись в Тиверии. После того как сражение закончилось, на поле боя прибыла остальная франкская армия, то есть воины [умершего] Танкреда и сына [внука] графа де Сен-Жиля». Прибытие на поле боя войск Рожера и Понса, вызванных заранее, позволило разбитой армии Бодуэна выйти из окружения в Тиверии. После нескольких недель противостояния мусульмане отступили в Дамаск.

Там, в Дамаске, 26 сентября, в последнюю пятницу месяца, как только Тогтекин и Маудуд после службы вышли из большой мечети Омейядов, последний был заколот ассасином. Убийца нанес Маудуду два удара кинжалом в живот прежде, чем сам был зарублен Тогтекином. Общественное мнение приписало заказ на убийство Тогтекину или Ридвану. И у того и у другого были причины бояться и ненавидеть атабека Мосульского.

Убийство Маудуда заставило Дамаск искать союза с франками. Ибн аль-Каланиси рассказывает: «Тогтекин вступил в переписку с Бодуэном, королем франков, с целью заключить перемирие и установить дружеские и мирные отношения, которые обеспечили бы восстановление разоренных земель и защиту на дорогах от разбойников и грабителей. Так и было решено, и каждый из них торжественно пообещал другому неукоснительно соблюдать условия договора и поступать, как верный друг. На дорогах и в поселениях воцарилось спокойствие, положение улучшилось, и урожаи стали изобильными».

10 декабря 1113 г. умер Ридван Алеппский. Его враждебное отношение к своим мусульманским соседям, расположение к шиитам Фатимидам и покровительство ассасинам помогли франкам утвердиться в Сирии. Его наследником стал его сын Альп Арслан, жестокий, испорченный и слабохарактерный 16-летний юнец, за которого правил его любимый евнух Бадр ад-Дин Лулу. Посланец султана вынудил Альп Арслана отдать приказ о казни Абу Тахира, руководителя ассасинов. Население Алеппо, ненавидевшее ассасинов, накинулось на них, все, за исключением немногих, сумевших убежать, были убиты. Ассасины пытались овладеть цитаделью Шайзара, но безуспешно. Им удалось захватить крепость Калайя на дороге из Алеппо в Багдад. Из земель Алеппо они бежали, одни – в Ливанские горы, другие – под защиту франков. Альп Арслан прибыл с визитом в Дамаск, где был торжественно встречен Тогтекином. В сентябре 1114 г. Лулу, почувствовавший угрозу себе, приказал убить спящего Альп Арслана и посадил на его место его 6-летнего брата Султаншаха. При отсутствии сильного князя и сильной армии единственной защитой Алеппо были городские стены. Несмотря на убийство и изгнание ассасинов, Алеппо пользовался у соседей дурной репутацией города, склонного к шиизму. Все это заставляло Лулу искать дружбы с франками.

После смерти Маудуда султан Мухаммед передал Мосул другому турецкому авантюристу, Аксонкору иль-Бурсуки, который до этого был его представителем при дворе халифа, и приказал ему идти войной на сирийских франков. В мае 1114 г. армия иль-Бурсуки в 15 000 человек выдвинулась против Эдессы. С атабеком Мосульским были сын султана Масуд, эмир Темирбек Синджарский и Имад ад-Дин Зенги (это имя мы еще не раз увидим на наших страницах), молодой турок, сын Аксонкора, наместника Алеппо перед крестовым походом, при султанине Малик Шахе. Артукид Ильгази Мардинский не прислал войска, и поэтому армия свернула к Мардину. Ильгази был вынужден послать против франков своего сына Айяза с туркменами. Два месяца мусульмане безуспешно осаждали Эдессу. Земли вокруг города были разорены, и голод заставил аль-Бурсуки через два месяца снять осаду. Он собирался вернуться в Мосул, когда армянский князь Василий Дга Кайсунский, которому надоела бесцеремонность франков по отношению к нему и его землям, сообщил ему, что хочет выйти из союза с франками и покориться султану. Аль-Бурсуки послал к нему своего военачальника. Однако в это время аль-Бурсуки поссорился с Артукидом Айязом и арестовал его. Узнав об этом, его отец Ильгази двинулся против аль-Бурсуки, разбил его и, освободив сына, заставил уйти в Мосул. Поход против франков провалился.

Бодуэн Эдесский двинулся на земли Василия Дга и осадил его крепость Рабан. Рубенид Торос пригласил Василия Дга, искавшего с ним союза, к себе, чтобы обговорить брак с ним своей дочери, схватил его и продал Бодуэну. Тот освободил Василия Дга и позволил ему убраться в Константинополь после того, как тот

передал ему Кайсун и Рабан. Затем Бодуэн в течение двух лет захватил все мелкие независимые армянские княжества в долине Евфрата. Он прогнал из Биреджика Абул Хариба и отдал город своему двоюродному брату Валерану дю Пуизе, женившемуся на дочери этого армянского князя. Он прогнал из маленького города Корос западнее Евфрата Баграта, брата Ког Василия, когда-то бывшего другом Бодуэна I, а князя Константина выгнал из Гаргара. Константин погиб в тюрьме Самосаты при землетрясении. Рубенид Торос остался единственным независимым армянским князем.

Отсутствие удачи в войне с франками лишило Аксонкора иль-Бурсуки милости султана Мухаммеда. Вместо него эмиром Мосула был назначен сын султана Масуд, а командующим султанской армией – наместник Хамадана Бурсук ибн Бурсук. Кроме священной войны с франками, в задачи нового атабека входило подчинить султану атабека Дамаска и эмиров Алеппо и Мардина, в последнем правил своевольный Артукид Ильгази.

В феврале 1115 г. большая армия под командой Бурсука ибн Бурсука выступила против франков, с ним были прежний наместник Мосула Джуюш-бек и Темирк, эмир Синджара.

Мусульманские эмиры Сирии были обеспокоены походом не меньше, чем франки. Ильгази Мардинский заключил союз с Тогтекином и объединил свои войска с его армией. Лулу, правитель Алеппо, обещал сначала поддержку обеим сторонам, но затем испугался армии султана и встал на сторону Тогтекина и Ильгази. Единственными верными вассалами султана в Сирии были Мункидиты, эмиры Шайзара и Ибн Караджа, эмир Хомса.

Рожер Антиохийский заключил союз с Тогтекином и его союзниками и объединил свои силы с их армиями у Апамен, принадлежавшей ему. Оттуда союзники могли своевременно отреагировать на любое направление движения султанской армии. Франков было около 2000 конных и пехоты, их мусульманских союзников – около 5000.

Бурсук хотел разбить свою штаб-квартиру в Алеппо, но, когда узнал, что Лулу, Ильгази и Тогтекин объединились с франками против него, напал на Хому, принадлежавшую Тогтекину. Он захватил город и отдал его на полное разграбление. Это было его ошибкой, окончательно оттолкнувшей от него местных мусульман. Рожер предложил атаковать войска Бурсука. Однако его союзники-мусульмане не хотели этого, объясняя нежелание недостатком сил. Хронист Кемаль ад-Дин пишет: «Атабек [Тогтекин] помешал франкам выступить на врага, потому что боялся, что если они победят, то вся Сирия перейдет к ним, а если проиграют, то армия султана завладеет Дамаском». Бурсук подошел к Шайзару и разбил возле него лагерь. Противников разделяло несколько километров. Численный перевес был на стороне Бурсука, но в это время к Апамее подошли войска короля Бодуэна

и Понса Триполийского, вызванные Рожером. Армия короля насчитывала 500 конных и 1000 человек пехоты, армия Понса – 200 конных и 2000 пехоты. Бурсук отступил в Джазиру. Его хитрость удалась. Союзники подумали, что опасность миновала, и разошлись.

Однако Бурсук вернулся и двинулся против франкской крепости Кафартаб. Он завоевал ее и передал Мункидитам. Лулу Алеппский написал Бурсуку, прося простить его и прислать войска для занятия Алеппо. Бурсук отправил в Алеппо Джуюш-бека с его войсками. На помощь к Рожеру успел подойти только Бодуэн Эдесский с конницей. Патриарх Антиохии Бернар благословил войска крестоносцев и дал им с собой частицу Святого Креста. 12 сентября франки вышли из Антиохии и двинулись на юг, к замку Шатель Руж, в то время как Бурсук пошел на север, к Антиохии. Обе армии двигались навстречу параллельными курсами, не зная друг о друге. На следующий день рыцарь Тео де Бернвиль, находясь в разведывательном поиске, увидел мусульманскую армию и прискакал с сообщением. 14 сентября франкская армия, скрытно обойдя турок, напала на них сзади. Турки не ожидали удара. Рассказывает Кемаль ад-Дин: «Впереди турецкой армии шли обозы и выючные животные, за которыми следовали войска... не ожидавшие, что на них нападут. До разбитого накануне лагеря они еще не дошли: поставленные палатки были заняты только слугами». Тяжелая конница франков смяла один за другим корпуса атабека, сражение, не начавшись, превратилось в резню. Сопротивление оказал только атабек со своей личной охраной, отступивший к возвышенности Тель-Данит. Арабский хронист Ибн аль-Атир пишет: «Напрасно его склоняли спасти свою жизнь бегством. Он желал погибнуть там за Аллаха. В конце концов его удалось убедить, и он скрылся». Бурсук вернулся в Хамадан, где вскоре умер от горя. Это сражение, вошедшее в историю под названием «день Тель-Данита», положило конец попыткам султана Мухаммеда завоевать Сирию.

Таким образом, можно сказать, что на первом этапе ислам потерпел поражение. И арабы Фатимиды, и турки были разбиты и в ближайшее время не должны были беспокоить государства франков. Правители Дамаска и Алеппо были серьезно обеспокоены. Тогтекин заключил союз с визирем Египта аль-Афдалом и Артукидом Ильгази, ему удалось также заключить мир с султаном, хотя тот никакой помощи ему больше не оказывал. Лулу, правитель Алеппо, пытался заключить союз с Тогтекином. Всеми ненавидимый и презираемый, он был убит в мае 1117 г. несколькими турками из своего гарнизона. В течение двух лет в Алеппо сменилось несколько правителей. Все они искали помощи у мусульманских соседей и у франков, расплачиваясь с ними малыми городами и крепостями. Рожер присвоил себе крепость Азас к северу от Алеппо и около этого времени завоевал недалеко от города Балунияса замок Маркаб на вершине горы, над морем. Замок был рас-

ширен, укреплен и получил название Маргат. На короткое время Алеппо попал в руки Киркана Хомского. Но в союзе с Тогтекином, двинувшимся на Хомс, Ильгази летом 1118 г. прогнал Киркана и овладел Алеппо.

В конце 1118 г. в северной Сирии установилось равновесие сил. Франки стали неотъемлемой составной частью страны. По численности они значительно уступали мусульманам, но были лучше вооружены, строили крепости, и между ними царили мир и согласие. Мусульманские князья, превосходя христиан по численности, постоянно ссорились между собой, и только союз Тогтекина Дамасского и Артукида Ильгази поддерживал равновесие. Никакая посторонняя сила не могла нарушить это равновесие: королю Бодуэну египетская угроза с юга не давала возможности часто и надолго вмешиваться в дела севера. Сельджукский султан Ирана Мухаммед после поражения при Тель-Данитом отказался от попыток изгнать франков из северной Сирии и установить там свое господство. Византийскому императору выступить против Антиохии мешали укрепившиеся в центре Анатолии Рум-Сельджуки и Данишмендида.

Внутри христианского мира в северной Сирии единственное оставшееся независимым армянское государство – княжество Рубенидов в горах Тавра – действовало заодно с франками. Армянские подданные Антиохии и Эдессы были разочарованы во франках и склонны к измене. Яковитскую церковь на несколько лет поразил раскол, спровоцированный латинским патриархом Бернаром Антиохийским. И хотя часть яковитов после этого перешла в латинский обряд, в массе своей яковиты также были склонны к предательским интригам с мусульманами. Православные христиане хотя и не заигрывали с мусульманами, однако мечтали о приходе в Сирию императора Алексея, вражда по отношению к ним армян и яковитов не давала им поднять голову.

Когда у папы Пасхалия в 1111 г. резко обострились отношения с императором Генрихом V в споре за инвеституру, закончившиеся его месячным пленением, ему пришлось пожалеть о неразумной поддержке Боэмунда против византийского императора, и хотя Алексей не простил папу, он провел с ним в 1111–1112 гг. ряд переговоров. Алексей обещал уладить спорные вопросы между римской и греческой церквями, а папа в обмен на византийскую поддержку против Генриха V предложил Алексею или его сыну западную императорскую корону, для чего Алексей должен был прибыть в Рим. Войны с турками и плохое здоровье помешали путешествию Алексея. Архиепископ Миланский Петр Хрисолан в 1112 г. прибыл в Константинополь, но его ученый спор с епископом Никейским Евстратием не привел к примирению церквей. Впрочем, Алексей, видимо, никогда не принимал всерьез мысль о западной императорской короне, союз с папой был ему необходим для лучшего противостояния агрессивным устремлениям ита-

льянских нормандцев, а также для поднятия авторитета у правителей франкского Востока.

Алексей не оставлял мысли об отвоевании или хотя бы о ленном подчинении Антиохии. Девольский договор с Боэмундом остался пустым клочком пергамента. Танкред не только не обратил на него внимания, но и захватил города в Киликии и Латакию. Надежды императора на графа Триполийского также не оправдались, а после смерти Бертрана его сын Понс действовал заодно с Антиохией. Единственно, чего удалось добиться от Понса, так это такой же клятвы о ненанесении вреда Византии, какую в 1097 г. дал императору Алексею его дед Раймунд. После смерти Данишмендида Малик Гази Гюмюштекина в 1106 г. и Сельджукида Кылыч Арслана в 1107 г. у Алексея не осталось в Анатолии крупных противников. Он успешно противостоял в почти ежегодных войнах мелким турецким эмирам и постепенно восстанавливал свою власть в восточных землях и вдоль морского берега. В 1110 г. султан Мухаммед освободил старшего сына Кылыч Арслана Малик Шаха, тот поселился в Иконии и вскоре сосредоточил в своих руках большую часть своего наследства. Почувствовав себя достаточно сильным, но помня судьбу отца и не решаясь ввязываться в захватнические войны на востоке, он начал отвоевывать у императора земли, потерянные его отцом во время Первого крестового похода. В течение четырех лет с переменным успехом он нападал на города и земли императора, пока наконец в 1116 г. не был разбит при Филомелии византийской армией под руководством уже неизлечимо больного императора, командовавшего армией, лежа на носилках. Малик Шах был вынужден подписать мирный договор, в котором обещал уважать границы империи. Империя теперь обладала всем берегом от Трапезунда до Селевкии и внутренними землями на запад от Анкиры. Несколько месяцев спустя Малик Шах был свергнут с трона и убит своим братом Масудом, вступившим в союз с Данишмендидами. Тем не менее в центральной части Анатолии восточнее Анкиры турки сильно укрепились, и это не давало возможности Алексею начать активную войну с Антиохией.

1118 год стал годом смерти многих действующих лиц нашей книги. Открыл мученичество папа Пасхалий, умерший в Риме 21 января; 2 апреля скончался король Бодуэн I Иерусалимский; 5 апреля в Иране – султан Мухаммед; на следующий день в Багдаде – халиф аль-Мустазхир; 15 апреля в Константинополе после тяжелой и продолжительной болезни – император Алексей; на следующий день на Сицилии отправилась в мир иной обманутая и обобранная бывшая королева Иерусалимская Аделанда, а 28 апреля – ее фальшивый друг Арнульф, патриарх Иерусалимский.

Глава 19

Король Бодуэн II

1. Войны на Севере. «Кровавое поле»

Король Бодуэн I умер, не оставив наследника. Спешно был собран *Haute Cour* (От Кур) – Высокий суд, он же Коронный совет. Мнения о преемнике разделились. Одни считали, что наследником должен стать старший брат Готфрида и Бодуэна I, граф Эсташ III Булонский, другие – что родственник короля Бодуэн дю Бург, граф Эдесский. Победила первая точка зрения. В Булонь была отправлена официальная миссия, чтобы предложить корону графу Эсташу. Помимо своего графства, у Эсташа были огромные владения в Англии, которые его отец Эсташ II, активно помогавший Вильгельму Завоевателю завоевать остров, получил от английского короля. С трудом, указав на долг перед Богом, посланцы уговорили Эсташа сменить спокойную жизнь в богатом графстве на опасности и тревоги Востока, и граф отправился в Иерусалим.

Тем временем в Иерусалиме, в отсутствие главных сторонников Эсташа, отправившихся во Францию, победила точка зрения, что королем должен стать Бодуэн Эдесский. Он был родственником покойного короля и единственным из оставшихся в живых руководителей крестового похода, человеком опытным, способным и мужественным. Помимо того, это позволило бы избежать длительного промежуточного правления на то время, пока Эсташ добирался бы до Палестины. Решающую роль в этой ситуации сыграл Жослен де Куртне, князь Галилейский. Во вновь собранном Высоком суде он заявил, что у него нет никаких причин для расположения к Бодуэну, который ложно обвинил его в измене и изгнал из его земель в графстве, но лучшей кандидатуры в короли, чем Бодуэн, он не видит. Его поддержал больной патриарх Арнульф. Как раз в день королевских похорон 7 апреля в Иерусалиме появился Бодуэн Эдесский. Возможно, услышав в прошлом году о болезни Бодуэна I, он решил отправиться в пасхальное паломничество в Иерусалим. Его радостно приветствовали и единогласно избрали в короли. На Пасху, 14 апреля 1118 г., он был помазан в короли патриархом Арнульфом, умершим через две недели, но не коронован. Его коронация состоялась через год и 8 месяцев на Рождество, 25 декабря 1119 г., в Вифлееме.

Бодуэн II, подобно своему предшественнику, был энергичным, смелым и властолюбивым человеком, хотя и не таким богатырем, как умерший король. Его лицо украшала замечательная светлая борода. Он был более расчетливым и хитрым, более выдержанным, менее расположенным к риску и к действиям наудачу. Он мог поразить окружающих широким жестом, хотя скорее был скуповат и мелочен. В отличие от предшественника, личная жизнь его была безупречной и полной семейного счастья с женой-армянкой Морфией. Он был по-настоящему благочестив, от многих часов молитв на коленях у него были мозоли. Благочестие, однако, не мешало ему быть коварным и корыстолюбивым.

В Апулии миссия, возвращавшаяся в Иерусалим вместе с графом Эташем, встретила с новыми посланцами, сообщившими, что новый король уже избран. Члены миссии были так обозлены, что требовали от Эташа продолжения путешествия и борьбы за корону. Однако и до сих пор не горевший энтузиазмом Эташ не захотел начинать гражданскую войну и возвратился в Булонь. Хотя некоторые сомнения в законности избрания королем Бодуэна II остались (об этом говорит историограф Гийом Тирский), после этого в королевстве утвердилась точка зрения, что, если присутствующий на Востоке родственник имеет претензию на наследие, она должна быть подтверждена его избранием баронами в Высоком суде.

Жослен был пожалован графством Эдесса в качестве королевского лена. Бодуэн II, как и его предшественник, был признан верховным сеньором также и мужем сестры, Рожером Антиохийским, и Понсом Триполийским.

Умерший патриарх Арнульф, дельный, энергичный и красноречивый, был замешан во многих скандалах, как коррупционных, так и в отношении нравственности, и не пользовался уважением как священнослужитель. На его место был избран, с одобрения Бодуэна, фландрский священник – Гормон из Пикиньи. Он был дельным, как Арнульф, и, кроме того, был известен своей добродетелью и пользовался всеобщим почтением.

Ил. 19. Бодуэн II, король Иерусалима.
Картина, XIX в.

Не успел Бодуэн взойти на трон, как против него выступил союз Египта и Дамаска. Миссия, направленная Бодуэном в Дамаск с целью оторвать Тогтекина от Египта, не принесла успеха. В начале лета 1118 г. у Аскалона собралась большая объединенная армия египтян и дамаскинцев под общим командованием Тогтекина. Бодуэн призвал на помощь войска из Антиохии и Триполи. Две армии стояли друг против друга в течение трех месяцев и затем разошлись. «Все более хотели жить, чем умирать», – с усмешкой заметит по этому поводу Фульк из Шартра.

Жослен не торопился отправляться в Эдессу. Он более нужен был в Галилее, постоянно тревожимой из Дамаска. Эдесса находилась под руководством Валерана дю Пуизе. После того как закончилась египетско-дамасская угроза осенью 1118 г., Бодуэн вместе с Жосленом, перейдя Иордан, напали на житницу Дамаска Хауран. Сын Тогтекина Бури выступил с войсками им навстречу, но попал в ловушку и был разбит. Тогтекин заключил перемирие с королем.

Весной 1119 г. Жослен с отрядом в 120 конных опять отправился в грабительский набег за Иордан, на реку Ярмак. Там, на лугах Хаурана, пасли свои стада бедуины. Жослен разделил отряд на две части. Передовой отряд во главе с братьями Бюрами, Жофруа и Гийомом попал в засаду, устроенную предупрежденными бедуинами. Жофруа де Бюр был убит, большинство его людей взято в плен, Жослен вынужден был бежать. Он вызвал на помощь короля Бодуэна, прибывшего с армией. Франки опустошили Хауран, освободили пленных и взяли дань с бедуинов.

После победы при Тель-Даните грабительские набеги Рожера Антиохийского доходили до самых ворот Алеппо. В начале 1119 г. он захватил крепость Биззу к востоку от Алеппо, отрезав таким образом город от Евфрата и Джазиры и окружив его с трех сторон. Он обложил Алеппо податью, забрал себе право взимать пошлыны с караванов, проходивших через город. При желании он мог, наоборот, взять город, но пренебрег открывшейся возможностью.

Это было более того, что завладевший Алеппо Ильгази мог стерпеть. До сих пор он и его союзник Тогтекин не рисковали начинать большую войну с франками, так как с востока им постоянно угрожал сельджукский султан Мухаммед, которого они ненавидели не меньше, чем франков. Но в 1118 г. султан умер. Сразу подняли голову все его наместники и вассалы, начавшие добиваться независимости. Сын и наследник Мухаммеда Махмуд не смог удержать в руках верховную власть и вынужден был передать ее в августе 1119 г. своему дяде Санджару, властителю Хорасана. Султан Махмуд, предаваясь удовольствиям охоты и гарема, почти не занимался сирийскими делами. Султан Санджар также никогда не вмешивался в сирийские проблемы, поскольку угрозы его государству исходили с востока, где возникло огромное агрессивное Хорезмское государство. Столь же

мало занимали сирийские дела Рум-Сельджукидов и Данишмендидов Анатолии, занятых войной друг с другом и с Византией.

Настал час Артукида Ильгази. Весной 1119 г. тот отправил гонцов в туркменские и курдские племена, чтобы собрать из них армию, заключил союз с Тогтекином и Мункидитами Шайзара. Он даже обратился за помощью к султану Махмуду, но тот ему не ответил. В конце мая армия Ильгази, насчитывавшая, видимо, по сильно преувеличенному сообщению, 40 000 (реально 8–10 тысяч), преимущественно туркмен и курдов, а также бедуинов, выступила из Мардина на Антиохию. Патриарх Бернар настоял на том, чтобы обратиться за помощью к королю и Понсу Триполйскому. Король находился в Тиверии, куда он вернулся после похода на реку Ярмек в Трансиордании, когда в середине июня 1119 г. получил просьбу о помощи из Антиохии. Он сообщил, что прибудет в Антиохию как сможет быстро и приведет с собой войска из Триполи, и предложил ждать его и ограничиться обороной. Король вызвал армию из Иерусалима, архиепископу Цезарейскому Эвмару, сопровождавшему армию, был доверен Святой Крест.

Армия Ильгази прошла мимо Эдессы, переправилась у Балиса через Евфрат, дожидаясь Тогтекина, стала лагерем у Киннастрина, в 24 км на юг от Алеппо. В это время Мункидиты Шайзара напали на Апамею. Князь Рожер 20 июня 1119 г. с армией в 700 конных и 4000 человек пехоты двинулся против Ильгази, отвергнув советы дожидаться помощи от короля и графа Триполи. Рожер перешел Железный мост, хотел двинуться к Апамее, но передумал и встал лагерем на восточном краю равнины Дарб Сармеда, между Антиохией и Алеппо, где ряд холмов на равнине позволял организовать оборону. Здесь Рожер намеревался дожидаться войск из Иерусалима и Триполи.

Лазутчики, под видом купцов побывавшие в лагере Рожера, донесли Ильгази точные сведения о количестве франков в лагере. Хотя армия Артукида Ильгази значительно превышала франкскую по численности, он не хотел рисковать и думал дожидаться Тогтекина. Однако эмиры туркмен и курдов не хотели делиться добычей с дамаскинцами и настояли на атаке. Взяв с них клятву не уходить живыми с поля боя, Ильгази отдал приказ к наступлению. Утром 28 июня Рожеру донесли, что лагерь со всех сторон окружен. Продовольствия и воды было мало, и не оставалось ничего другого, как идти в бой – прорвать окружение или погибнуть. Петр, архиепископ Апамен, ранее первый франкский епископ на Востоке, в Альбаре, прочел короткую проповедь, солдаты исповедались и получили абсолюцию. Рожер построил свою армию в четыре отряда, пятый отряд был резервным, и бросил в бой. Однако перевес сил противника был слишком велик. Христианская пехота была прижата к коннице и мешала ей. Ветер внезапно изменил направление и бросил в лицо франкам тучу пыли. Засыпаемая стрелами конница увязла в массе туркмен и курдов и была уничтожена. Рожер, окруженный близкими

рыцарями, погиб у подножья своего креста, украшенного драгоценными камнями. Лишь два барона с горстью рыцарей смогли пробиться через вражеское окружение. Немногие попали в плен, однако их участь была еще более страшной, чем у погибших. Часть их была забита до смерти на месте, избиевание других оставил Ильгази, чтобы в пытках могли принять участие жители Алеппо. Франки назвали поле боя «Кровавым полем».

Ильгази проводил время в Алеппо в пирах и торжественных богослужениях. Он послал письма ко всем правителям мусульманского мира, сообщая о своей великой победе. В ответ халиф прислал ему титул «Звезда веры» и почетные одежды. Впервые понятие «джихад» приняло явные очертания. Можно было легко захватить Антиохию, но туркмены и курды, нагруженные добычей, посчитали войну законченной и начали разбегаться по домам. Патриарх Бернар в Антиохии взял власть в свои руки. Опасаясь измены, он разоружил местных христиан и запретил им выходить из домов, затем вооружил латинское духовенство и купцов и поставил их охранять стены. Добравшаяся наконец до стен Антиохии разведка сообщила Ильгази, что город защищает сильный гарнизон.

В начале августа 1119 г. в Антиохию вместе с Понсом Триполитским прибыл король Бодуэн II. Он был торжественно встречен сестрой, овдовевшей княгиней Сесилью, патриархом Бернаром и народом. В кафедральном соборе Святого Петра состоялось благодарственное богослужение. Было решено, что Бодуэн возьмет на себя управление городом до совершеннолетия 10-летнего Боэмунда, проживавшего в Италии со своей матерью Констанцией Французской. По прибытии в Антиохию тот должен будет жениться на одной из дочерей короля. После этого Бодуэн произвел перераспределение ленов в Антиохии, выдав замуж вдов погибших сеньоров за рыцарей из своей армии или прибывших с Запада. Жослен был провозглашен графом Эдессы. Затем, после торжественного крестного хода босиком вокруг собора, король вывел армию из семи сотен конницы и тысячи пехотинцев из города и повел ее на врага.

В это время к Ильгази присоединился Тогтекин. Мусульманами были завоеваны крепости восточнее Оронта – Атареб, Зердана, Биреджик – и несколько малых замков. Сражение произошло недалеко от Тель-Данита, где в 1115 г. Рожер разбил султанскую армию. Ильгази напал на рассвете 14 августа, однако король был готов к бою. Архиепископ Цезареи произнес короткое напутствие, дал войнам абсолюцию и благославил их Святым Крестом. Понс Триполитский атаковал Тогтекина на правом франкском фланге, был отбит, но отступил, не потеряв строя. Робер Прокаженный с отрядом из Зерданы пробился через ряды туркмен, повернул назад и снова бросился в бой, но был сбит с коня и взят в плен. Король Бодуэн отбил вражеские атаки в центре и на левом фланге, перешел в наступление и в решающий момент бросил в бой резерв. Туркмены ударились в бегство,

однако главные силы мусульман отступили, сохранив порядок. Бодуэн, ввиду значительных потерь, не преследовал отступавших. Ильгази и Тогтекин возвратились в Алеппо, привели с собой пленных и объявили о победе. Опять пленные были растерзаны толпой, а Робера Прокаженного убил собственноручно атабек Тогтекин. Первыми до Антиохии добрались бежавшие солдаты Понса, они принесли весть о поражении. Однако вскоре прибыл гонец короля, привезший в качестве доказательства победы кольцо с руки Бодуэна.

Туркмены Ильгази не хотели больше воевать, не помогли и его дисциплинарные меры: он велел побрить и оскопить нескольких бунтовщиков и дезертиров. «Необходимо знать, что Ильгази ибн Артук никогда не вел долгих кампаний против франков; туркмен под его знамена влекла только алчность. Они приходили с мешками, в которых была мука и нарезанная полосками вяленая баранина. Все время, пока шла кампания, Ильгази был вынужден буквально считать часы до ее окончания и возвращался обратно как мог скорее. Если кампания затягивалась и у него не было денег, чтобы платить, туркмены разбегались», – рассказывает хронист Ибн аль-Атир.

Бодуэн двинулся на юг, отбив несколько потерянных замков, и затем вернулся с триумфом в Антиохию. Святой Крест был отправлен на юг, чтобы ко дню Крестовоздвижения (14 сентября) быть в Иерусалиме. Осень король провел в Антиохии и в начале декабря отправился в Иерусалим, взяв с собой жену и маленьких дочерей. На Рождество Морфия была коронована. Править в Антиохии остался патриарх Бернар, а в Эдессе – Жослен. Княжество Галилейское было передано как королевский лен Гийому де Бюру, который позднее стал коннетаблем королевства.

Поражение на «Кровавом поле» нанесло франкам, и так уступавшим мусульманам по численности, значительные людские потери. Король Бодуэн спас положение своим своевременным вмешательством и был всем франкским Востоком безоговорочно признан верховным сеньором. Всем было ясно, что франки всегда должны выступать сообща и непоколебимо сохранять единство.

2. Собор в Наблусе. Возникновение рыцарских орденов

В январе 1120 г. в Наблусе состоялся собор, который одновременно был Коронным советом, где присутствовали все самые значительные духовные и светские бароны. Собор принял 25 постановлений, на части которых, видимо, настаивал папа и которые были уступкой короля церкви за ее поддержку. Первые три постановления давали церкви право на церковную десятину, в чем ей до сих пор было отказано, и предоставляли патриарху право на инвеституру (назначение на церковную должность), хотя и теперь инвеститура должна была произво-

даться с одобрения короля. Другие постановления были задним числом направлены против грехов прежних короля и патриарха. Постановлениями Наблуса устанавливалась кара за двоеженство и гомосексуализм, в чем был грешен король Бодуэн I, а также кара за сексуальные контакты с мусульманами, в чем обвинялась его вторая жена, и кара за нарушение брачных законов христианства, в чем обвинялся прежний патриарх, давший разрешение на брак христианина с мусульманкой. Другие постановления устанавливали наказания за супружескую измену, воровство, определяли права Высокого суда и расширяли права самообороны. Латинские купцы получили право повсюду в Иерусалиме заниматься торговлей, а местным христианам и даже мусульманам было разрешено бесплатно ввозить в город овощи и зерно.

Видимо, на этом соборе в Наблусе Гюг де Пайен (Hugo de Payens), рыцарь из Шампани, с восемью товарищами принесли патриарху Гормону, кроме трех обычных монашеских обетов – личной бедности, целомудрия и послушания, и четвертый обет – оказания защиты и помощи паломникам на все еще опасной дороге из Яффы в Иерусалим, положив таким образом начало Ордену тамплиеров.

Возможно, создание духовно-рыцарских орденов следовало примеру мусульманского *рибета*, военной службы, которую мусульмане выполняли в течение определенного времени в качестве религиозного долга в пограничных крепостях. Однако, в отличие от *рибета*, в христианских рыцарских орденах служба была постоянной.

Основание духовно-рыцарских орденов явилось значительным внутривосточным событием правления Бодуэна II и всей истории Святой Земли. Король Бодуэн в 1118 г. разрешил тамплиерам, или храмовникам, поселиться в одном крыле королевского дворца на Храмовой горе, в так называемом Храме Соломона – *Templum Solomonis* (бывшей мечети аль-Акса), откуда сообщество и получило название. Когда при Фульке в Иерусалиме был построен королевский дворец, примыкавший к Башне Давида, и король переселился в него, он отдал тамплиерам весь Тампль (Храм).

Тамплиеры вначале следовали орденскому уставу бенедиктинцев и одевались, как миряне, пока им не удалось обратить на себя внимание Бернара, могущественного аббата Клерво, будущего святого, который на соборе в Труа в 1128 г. дал им возможность принять собственный орденский устав, позднее несколько раз переделанный. Они получили по образцу цистерцианцев в качестве собственной одежды белую мантию, к которой папой Евгением III был добавлен для отличия красный крест – «белый цвет как эмблема целомудрия, красный – мученичества» (Жак из Витри, епископ Акры). В ордене было три различных класса: рыцари, все, без исключения, из дворян; служители недворянского происхожде-

ния, носившие оружие, и клирики – капелланы, выполнявшие невоенные обязанности. Рыцари носили красный крест на белом плаще, служители – на черном. Название их двухцветного (baussant – босан, по-старофранцузски) знамени (белое с широкой черной полосой по верхнему краю) сначала утратило смысл, а затем под пером знаменитого романиста XIX в. превратилось в непонятное и таинственное слово-заклинание – le Beausseant (ле Босеан).

В 1132 г. Бернар Клервоский разослал вербовочное письмо «С похвалой новому воинству», в котором восхвалял как идеал служащих Богу орденских рыцарей по сравнению с мирскими рыцарями-разбойниками, что обеспечило тамплиерам значительный приток людей. Гюг де Пайен большую часть времени проводил в Европе, вербуй в орден новых членов. Папа Иннокентий II в 1139 г. в своей булле еще раз определил цели и задачи ордена. Одновременно папа награждал тамплиеров рядом привилегий, как, например, *экземпцией* (освобождением от юрисдикции местной церкви с непосредственным подчинением папе). Первые два магистра, Гюг де Пайен и Робер де Краон, много сделали для становления и укрепления ордена. Они успешно рекрутировали в Европе рыцарей и солдат для службы в Святой Земле, добивались для ордена милостей и привилегий у пап и привлекали щедрые дары князей и дворянства Запада. Они руководили орденом один за другим более 30 лет.

Ил. 20. Тамплиеры сопровождают паломников в Иерусалим. Гравюра на дереве, XIX в.

Ил. 21. Раймунд дю Пюи в облачении
Ордена госпитальеров

Примеру тамплиеров последовали госпитальеры, или иоанниты. Из общины, занимавшейся уходом за больными и оказанием помощи паломникам, они превратились в больничный и одновременно военный орден. Около 1080 г. несколько горожан итальянского города Амальфи основали в Иерусалиме госпиталь в честь Святого Иоанна Милостивого (Милостынника), патриарха Александрийского, знаменитого в начале VII в. щедрой раздачей милостыни. Госпиталь находился при бенедиктинском монастыре Святой Марии Латинской, расположенном в долине Иосафата у стен Иерусалима. В госпитале работали в основном жители Амальфи, дававшие обычные монастырские обеты под руководством *мастера*, который подчинялся настоятелю бенедиктинского монастыря. Ко времени завоевания Иерусалима крестоносцами мастером был некий Жерар Блаженный, вероятно, из Амальфи. Перед началом осады он вместе со своими товарища-

ми был изгнан из Иерусалима фатимидским наместником, и его знание ситуации внутри города сослужило хорошую службу крестоносцам. После взятия города франкское правительство предоставило помещение его госпиталю. Вскоре госпиталь, куда поступили помощниками многие из паломников, вышел из подчинения бенедиктинцам и стал самостоятельным, что признал папа в 1113 г. После смерти в 1120 г. Жерара *мастером* стал Раймунд дю Пюи, руководивший орденом около 40 лет. Он считал, что *госпитальеры* должны не только заниматься уходом за больными и обслуживанием паломников, но и сражаться, защищая мирных паломников от нападений. Превращению госпиталя в орден помог подъем Ордена тамплиеров. Возросший ранг общины потребовал замены в качестве ее святого покровителя малоизвестного Иоанна Милостивого святым Иоанном Иерусалимским*. Отличительным знаком ордена госпитальеров был белый восьмиконечный крест** на черном плаще (с 1259 г. – на красном плаще).

* Многие исследователи старательно обходят вопрос, кто же конкретно этот самый Иоанн. И хотя большинство из оставшихся считает, что это – Иоанн Креститель, некоторые, в том числе С. Рансимен, полагают, что это – Иоанн Евангелист (Богослов).

** Восьмиконечный (мальтийский) крест ордена повторяет рисунок креста на гербе города Амальфи.

В 1130 г. был принят первый устав ордена госпитальеров, измененный в 1182 г. В Иерусалиме, близ церкви Гроба Господня, было построено большое здание Госпиталя Святого Иоанна — главная резиденция ордена. (Возможно, была перестроена мечеть Омара.) Тяжелее всего ордену было высвободиться из-под опеки иерусалимского патриарха, так как церковь Гроба Господня и Госпиталь Святого Иоанна получали из Европы общие пожертвования и дары, разделение которых при самостоятельности ордена было невыгодно патриарху. Экземпцию, то есть прямое подчинение папе, орден получил в 1143 г. при Иннокентии II.

Ил. 22. Госпитальеры в одеянии Ордена

Король Бодуэн оказывал всяческую поддержку духовно-рыцарским орденам. Ордены получали богатые земельные владения, от них не требовалось ничего, кроме как сражаться в королевской армии. В светских ленах внезапная смерть господина и переход его наследия к женщине или ребенку прерывали формирование войск и доставляли королю постоянную головную боль. Погибших ленников нужно было срочно заменять женившимися на вдовах холостяками, имевшимися в наличии или прибывшими из Европы. Главной задачей рыцарских орденов с их блестящей военной славой и престижем было формирование боевых частей, воины которых не отвлекались вопросами личного честолюбия или выгоды. Во второй половине XII в. Ордены тамплиеров и госпитальеров могли выставить на поле боя примерно по 300 рыцарей и по столько же туркополов (легкой конницы). Другой задачей рыцарских орденов была оборона укрепленных пунктов. Из-за нехватки людей оборона в Сирии и Палестине строилась с опорой на замки и крепости. Правители и знать, которым не доставало людей и средств, дарили или продавали крепости орденам. Ордены также строили новые крепости, ремонтировали и расширяли старые, гарнизоны замков составляли орденские служители во главе с рыцарями.

Вскоре не только в Святой Земле, но и во всей Европе возникли орденские дома (отделения), во главе которых стояли командоры, обычно назначавшиеся

сверху. Когда количество орденских братьев и домов возросло, дома одного региона стали объединять в провинции, или приории, во главе с приорами, также назначавшимися сверху. По всей Европе им щедро завещали земли и дары, особенно возвратившиеся крестоносцы или те, кто лично не мог принять участия в крестовом походе. Ордены, и в первую очередь тамплиеры, постепенно начали действовать как банкиры и кредиторы. Теперь барону, ушедшему в крестовый поход, можно было не брать с собой всех своих денег, а сдать их в отделение ордена на родине и получить по прибытии в Святую Землю.

Главной задачей орденских домов в Европе было рекрутирование новых членов и отправка их и полученных ценностей в Святую Землю. Строительство и содержание замков пожирало огромные суммы. Несмотря на щедрые дары и пожертвования, ордены в Европе не были встроены в местную феодальную систему, так как им было запрещено брать что-либо от кого-либо в качестве лена.

Из других меньших орденов, к тому же и позднее возникших, следует отметить Орден святого Лазаря (лазаритов) и Немецкий (Тевтонский) орден.

Орден лазаритов возник из Братства лепрозория перед воротами Иерусалима, впервые упомянутого в 1140 г. Братство посвятило себя с самого начала не только уходу за прокаженными, но и борьбе с язычниками, больные проказой занимали значительные посты в братстве, а затем и в ордене. Постепенно, как и госпитальеры, община лазаритов, выполнявшая вначале только госпитальные задачи, превратилась в рыцарский орден с уставом тамплиеров. Главой ордена всегда должен был быть больной проказой; тамплиеры, больные проказой, должны были вступать в Орден святого Лазаря в Иерусалиме. Когда в середине XIII в. не нашлось ни одного больного, который мог бы взять на себя управление орденом, потому что все больные братья погибли в бою, папа позволил ордену изменить статут: впредь орден мог возглавлять и здоровый магистр. Как и другие рыцарские ордены, лазариты развернули в Европе большую сеть орденских домов, строительству которых содействовали возвратившиеся крестоносцы и родственники заболевших. Ордену лазаритов, кажется, никогда не удалось освободиться от юрисдикции патриарха и епископов.

Из братства, возникшего для ухода за ранеными и больными под стенами осажденной Акры в 1189–1190 гг., решением папы Иннокентия III в 1198 г. был создан Немецкий (Тевтонский) орден. В этот орден поступали прежде всего братья из германоязычных областей. Форменным отличием орденских братьев стали белые плащи с черным крестом. Позднее, около 1230 г., орден перебравшись в восточную Прибалтику и в 30-е гг. XIII в. слился с существовавшими там другими немецкими рыцарскими орденами, учрежденными для оказания помощи миссионерам и для их защиты, – Орденом меченосцев и Прусским орденом.

3. Король в плену. Завоевание Тира

В 1120 г. Ильгази напал на Эдессу, а его племянник и наместник в Атаребе Балак – на антиохийскую территорию. Патриарх Бернар послал гонцов в Иерусалим с просьбой о помощи. Король отправился на север, взяв с собой патриарха Гормона и Святой Крест. Узнав о приближении Бодуэна, Ильгази вызвал на помощь атабека Тогтекина. Расположившись друг против друга, армии начали перемещаться то в северном, то в южном направлении на параллельных курсах, причем король не поддавался на турецкие демонстрации мнимого бегства. Мусульманам надоело первым, Ильгази заключил перемирие с Бодуэном, и Тогтекин ушел в Дамаск. Оттуда он предпринял нападение на Галилею. При появлении Бодуэна Тогтекин убрался домой. В отместку летом 1121 г. Бодуэн перешел Иордан и опустошил область Джаулан, к юго-востоку от Генисаретского озера. Тогда же Жослен совершил разбойничий набег в Джазиру.

В 1122 г. возглавивший Грузию царь Давид IV Строитель из династии Багратионов южнее Аракса нанес поражение Сельджукиду Тогрулу, наместнику Аррана в Восточном Азербайджане. Тогрул призвал на помощь против неверных *Звезду Веры* – Ильгази. В августе 1122 г. объединенные турецкие армии попали в ловушку и были полностью уничтожены армией царя Давида, в которую входил отряд наемников-франков. Ильгази, с трудом избежав смерти, добрался до Мардина, а грузинский царь освободил Тифлис.

Прямой связи между православным грузинским царством и государствами крестоносцев в северной Сирии, видимо, не было, однако Бодуэн II сумел воспользоваться счастливой возможностью, предоставленной ему разгромом Ильгази.

Старший сын Ильгази Сулейман, назначенный отцом наместником Алеппо, после поражения отца в войне с Давидом объявил себя независимым. Этим немедленно воспользовался король Бодуэн, напав на него и опустошив его земли. Мир, заключенный Сулейманом с франками, обошелся ему передачей им крепостей Атареб и Зердана. Ильгази, вошедший в Алеппо, чтобы привести в покорность сына-изменника, не стал затевать войны с франками из-за их потери и подтвердил договор сына с королем.

В 1122 г. внезапно против верховной власти короля взбунтовался граф Понс Триполийский, объявив себя главой независимого государства. Собрав армию в Акре, король Бодуэн немедленно двинулся на север на мятежника. При приближении короля Понс покорился и был прощен.

Мятеж закончился вовремя, так как как раз в это время, нарушив договор о мире, Ильгази вместе с Тогтекином осадил антиохийскую Зердану. Бодуэн немедленно пришел на помощь, Ильгази отступил, и вновь начались перемещения

армий на параллельных курсах. Опять-таки первым это надоело туркам, в конце августа они отступили, и Бодуэн прибыл в Антиохию. Здесь им были получены плохие вести: в плен попал Жослен Эдесский.

Решив перехватить по дороге возвращавшегося из-под Зерданы через эдесские земли Артукида Балака, Жослен сам 13 сентября попал в засаду. Рассказывает Матфей Эдесский: «Балак с восемью сотнями всадников ожидал его в защищенном месте, где текла река, окруженном со всех сторон болотами. Словно одержимые, франки бросились на турок, но не смогли преодолеть топи, защищавшие их. Неверные ранили стрелами лошадей, которые рухнули наземь. Они разбили христиан и взяли в плен Жослена и Валерана [Биреджикского]. Оба графа, закованные в цепи, были уведены в [крепость] Карпурт и брошены в темницу». Вместе с Жосленом и Валераном в плен попали 60 их товарищей.

Балак предложил немедленно отпустить их всех на свободу, если они в обмен на это сдадут Эдессу. Последовал мужественный ответ Жослена: «Мы, как верблюды, нагруженные поклажей, когда один из них гибнет, его груз перекаладывают на другого, так и с нами, то, чем мы владели, уже перешло в другие руки» (Кемаль ад-Дин).

В Эдессу незамедлительно прибыл король Бодуэн. Он поставил во главе графства Жофруа Монаха Марашского, и в октябре эдесские франки предприняли налет на мусульманские земли.

3 ноября 1122 г. в Майяфаракине умер Ильгази, и его владения были разделены между детьми и племянниками: старший сын Сулейман получил Майяфаракин, младший Тимурташ – Мардин, племяннику Бадр ад-Дауле Сулейману достался Алеппо, а другому племяннику Балаку – земли от Карпурта на севере до Харрана на юге.

В апреле 1123 г. прибывший на север король Бодуэн окончательно отобрал у Бадра ад-Даулы недавно потерянный Атарерб, затем у Балака – Биреджик и прибыл в Эдессу. Оттуда он с небольшими силами двинулся на север, может быть, для того, чтобы выяснить местонахождение Жослена. 18 апреля, когда король разбил свой лагерь у Евфрата, недалеко от Гаргара, и собирался на соколиную охоту, на лагерь внезапно напал Балак, который перебил большую часть отряда, а короля захватил в плен. С королем обращались уважительно, его отвезли в Карпурт, где он встретился в плену со своим кузеном Жосленом и его двоюродным братом Валераном. Престиж Балака, пленившего сначала Жослена, а затем короля Бодуэна II, поднялся среди мусульман на небывалую высоту.

Франкские государства разом потеряли всех правителей: князь Антиохии был убит, король Иерусалима (он же регент Антиохии) и граф Эдессы попали в плен, действующим правителем оставался лишь граф Триполи Понс. Однако ничего страшного не произошло, что свидетельствует о административных способно-

стях Бодуэна, в Эдессе продолжал править Жофруа Монах, в Антиохии – патриарх Бернар. В Акре патриарх Гормон собрал Коронный совет, выбравший Эсташа Гарнье, сеньора Цезареи и Сидона, коннетаблем и правителем королевства до освобождения короля.

Балак посчитал, что теперь можно будет легко покончить с государствами крестоносцев, но сначала он решил объединить государство своего дяди Ильгази и начал с Алеппо. Это оказалось тяжелее, чем он предполагал: в городе его не любили. Только в июне ему удалось подчинить город. В августе он начал войну с франками, завоевал Альбару и осадил Кафартаб. И тут ошеломляющие вести из Карпурта отвлекли его от войны.

У Жослена всегда были хорошие отношения с армянами, которые не прерывались и после смерти его первой жены-армянки, сестры Рубенида Тороса. Крепость Карпурт лежала в землях армян, и Жослену не составило большого труда передать послание своим армянским друзьям. Несколько этих друзей под видом монахов и купцов, желавших принести жалобу наместнику, были впущены в город, достали спрятанные мечи, перебили охрану у ворот и впустили остальных общей численностью в 50 человек. После короткого боя гарнизон крепости был уничтожен. На созванном совете было решено, что Жослен с тремя армянскими солдатами покинет крепость, чтобы добыть помощь, а Бодуэн попытается на это время удержать ее. Прячась днями и шагая ночами, беглецам удалось проскользнуть мимо приближавшихся к крепости турецких войск и достичь Евфрата. Отсюда Жослен послал одного из армян назад, чтобы передать успокоительную весть Бодуэну. Жослен не умел плавать, но с помощью армянских друзей и двух надутых бурдюков, в которых ранее была вода, ночью переправился через Евфрат. И опять, двигаясь по ночам, беглецы преодолели опасную территорию и вышли в земли, свободные от турецких войск. С помощью армянских крестьян Жослен добрался до Турбесселя, где был встречен женой и друзьями. Не останавливаясь, он поскакал дальше в Антиохию. Но патриарх Бернар не рискнул выступить на помощь с теми силами, что были у него, и Жослен поскакал дальше, в Иерусалим. В Иерусалиме он первым делом принес свои цепи в церковь над Голгофой (как ни тяжелы они были, он вынес их с собой) и созвал Коронный совет. Патриархом Гормоном и коннетаблем Эсташем Гарнье были собраны войска, которые, взяв Святой Крест, Жослен повел на север. Прибыв в Турбессель, они узнали, что опоздали.

Узнав о событиях в Карпурте, эмир Балак с необыкновенной быстротой помчался к крепости. Он предложил Бодуэну свободный выход и доставку на родину при условии сдачи крепости. Возможно, король не хотел бросить товарищей, возможно, не доверял Артукиду и отверг предложение. Оборона продержалась недолго, минеры (копатели) Балака обрушили стену, и его армия ворвалась в

крепость. Все 65 человек франков и армян, не убитых в бою, были казнены, за исключением короля, Валерана и его племянника, которые были переведены в цитадель Харрана. Гарем эмира находился в крепости и во время мятежа полностью перешел на сторону христиан. Все жены и наложницы эмира в количестве 80 человек были в мешках сброшены с крепостной стены.

Жослен не рискнул вести армию на Харран. Осенью он опустошил окрестности Алеппо, отпустил армию домой и вернулся в Турбессель. Балак прибыл в Алеппо, чтобы организовать поход против франков, и в отместку Жослену превратил церкви Алеппо в мечети. Однако в начале 1124 г. против него поднял восстание мусульманин-наместник Менбиджа. Балак послал двоюродного брата Тимурташа подавить восстание. Тот захватил город, но брат наместника удержал цитадель и вызвал на помощь христиан из Эдессы. 5 мая Балак перехватил на дороге эдесскую армию и разбил ее, в бою был убит Жофруа Монах. Ночь Балак провел в молитвах, а утром приказал казнить пленных. Затем он подошел к Менбиджу, чтобы покончить с цитаделью. Он получил послание из осажденного Тира и собирался идти к нему на помощь. Балак не надел кольчугу, и случайная стрела из цитадели ранила его в пах. Выдернув стрелу, он сказал: «Этот удар несет смерть всем мусульманам». Франки были согласны с ним и говорили: «Дракон, так тяжело утравивший Божий народ, теперь умерщвлен». Он умер 6 мая 1124 г., передав свое государство Тимурташу, сыну Ильгази. Подобно ему, от случайной стрелы через 75 лет погибнет Ричард Львиное Сердце.

Узнав, что королевство осталось без короля, в мае 1123 г. большая египетская армия вышла из Аскалона и двинулась к Яффе. Коннетабль Эсташ Гарнье, взяв с собой Святой Крест, копьё Христово и чудотворный сосуд с молоком Богоматери, вывел армию из Иерусалима ей навстречу. В самом Иерусалиме население босиком совершило крестный ход от церкви к церкви. 29 мая при Ибелене обе армии сошлись в сражении. Несмотря на громадное численное превосходство, египтяне не выдержали удара бронированной рыцарской конницы и пустились в бегство, оставив франкам свой лагерь. Это сражение было последним для Эсташа Гарнье, он умер 15 июня. По решению Коронного совета коннетаблем стал Гийом де Бюр. Богатая вдова Эсташа Эмма, племянница патриарха Арнульфа – женщина в возрасте, вышла замуж за молодого Гюга дю Пюизе, графа Яффы, и ее земли получили нового сеньора.

Еще в 1119 г., после поражения на «Кровавом поле», король Бодуэн оправил послания итальянским торговым республикам с просьбой о помощи, обещая им торговые привилегии. Король хотел избавиться от мешавшего торговле господства на море египетского флота, кроме того, необходимо было завоевать остав-

шиеся в руках мусульман порты-крепости Аскалон и Тир. Папа поддержал просьбу. Пизе и Генуе, однако, было не до Святой Земли, они начали войну между собой. Венеция согласилась помочь, и дож Доменико Микеле начал формировать флот. Однако прошло почти три года, пока 8 августа 1122 г. этот флот из более чем ста больших военных кораблей вышел в море. Он вез с собой войска, лошадей и строительные материалы для осадных машин. Однако прямо в Палестину флот не пошел.

Уже давно у республики Венеция начали портиться отношения с Византией. Империя заключила в 1111 г. торговый договор с Пизой, ликвидировавший венецианскую торговую монополию в отношениях с ней, которой венецианцы обладали с 1082 г. Договор Византии с Пизой был аналогичен договору с Венецией, хотя и предусматривал меньшие торговые привилегии. Отношения обострились, когда император Иоанн II, думая, что из-за начавшихся в нормандской Апулии раздоров Венеция больше не нужна ему как союзник, решил разорвать договор отца с ней. Поэтому венецианский флот остановился по дороге, чтобы напасть на византийский остров Корфу. Венецианцы, полностью разграбив остров, полгода с ноября 1122 г. осаждали город Корфу, но не смогли его взять. Иоанну пришлось начать переговоры с Венецией, закончившиеся после четырех лет войны в 1126 г. восстановлением договора 1082 г.

В конце апреля 1123 г. на острове Корфу дож получил известие из Палестины о пленении короля. Скрепя сердце, дож снял осаду и пошел в Палестину, остановившись по дороге только для того, чтобы напасть на византийский корабль. В конце мая флот прибыл в Акру, и дож узнал, что египетский флот находится перед Аскалоном. Дождь разделил флот на две части и послал вперед быстроходный корабль, чтобы заманить египтян в ловушку. Погнавшийся за приманкой египетский флот оказался между двух венецианских эскадр и был полностью уничтожен. На обратном пути в Акру в руки венецианцев попали еще десять тяжело нагруженных египетских торговых судов. От этого страшного разгрома, который можно назвать предвестником Лепанто, египетский флот долго не мог оправиться. Египтяне потеряли господство на море. Дождь был торжественно принят в Иерусалиме.

Венецианцы были готовы помочь при завоевании какого-нибудь одного порта из двух возможных. С участием дожа в Иерусалиме был собран Коронный совет, где решался вопрос, какой город лучше осадить, Аскалон или Тир. Мнения на совете разделились, дворяне Иудеи отстаивали необходимость взятия Аскалона, а дворяне Галилеи – Тира, и не было короля, чтобы разрешить спор. Было решено бросить жребий. На алтарь в церкви Гроба Господня были положены два одинаковых листка пергамента, на одном было написано *Тир*, на другом – *Аскалон*. Жребий пал на Тир. Переговоры об условиях помощи продолжались всю

осень. На Рождество венецианцы участвовали в богослужениях в Иерусалиме и Вифлееме. После Нового года в Акре представителями республики и патриархом Гормоном, коннетаблем Гийомом де Бюром и канцлером Паганом от имени короля был подписан договор. По договору венецианцы получали в каждом городе королевства улицу с церковью, банями и пекарней и, кроме того, дома в Акре, треть Тира и 300 безантов из доходов короля в Акре. Им было разрешено пользоваться своими мерами и весами, и они освобождались от всех налогов и таможенных сборов. Однако от подати на паломников (треть денег, взятых за проезд) они не освобождались. Патриарх поклялся на Библии, что король при освобождении подтвердит договор, что и произошло через два года. Осада Тира с суши и с моря началась 15 февраля 1124 г.

С 1112 г. город Тир подчинялся двум властям: светской – эмиру Масуду, посланному с отрядом солдат из Дамаска Тогтекином, и духовной – каирскому халифу аль-Амиру. Город признавал верховенство Египта, и в мечетях молитва начиналась провозглашением имени шиитского халифа Фатимида. За это Египет посылал морем в город хлеб и помогал в войнах флотом. Визирь аль-Афдал мирился с этим положением, так как ему необходима была помощь Тогтекина против франков. Но в декабре 1121 г. аль-Афдал был убит ассасином на улице Каира, и получивший власть халиф аль-Амир решил покончить с двойственностью власти в Тире. В 1122 г. в Тир был послан флот. Адмирал, командующий флотом, пригласил Масуда к себе на корабль, и, когда ничего не подозревавший турок прибыл, его задержали и отправили в Египет. В Каире Масуда с почестями принял халиф и отправил его в Дамаск к Тогтекину. Тогтекин, как раньше аль-Афдал, смирился с потерей светской власти в городе.

Однако теперь, когда египетский флот был уничтожен и франки были готовы начать осаду Тира, халиф понял, что ничем не может помочь городу, и вынужден был просить Тогтекина о принятии на себя управление городом и его оборону. Тогтекин послал в город 700 турок и запасы продовольствия.

Город Тир находился на острове, расположенном вблизи от берега, и соединялся с ним узкой дамбой, построенной еще Александром Македонским в 322 г. до н. э., когда тот сам осаждал город. Со стороны моря Тир был почти неприступен, а подход со стороны дамбы защищался могучими тройными стенами и башнями. В обороне города был только один недостаток – недостаток воды. Она поступала в город с гор по акведуку, собственных источников в городе не было. В первый же день осады франки прекратили доступ воды. Зимние дожди наполнили городские цистерны, но этого количества не могло хватить на продолжительное время. Франки разбили лагерь в садах, в том месте, где дамба соединялась с берегом. Венецианский флот стал на якорь у берега возле лагеря и блокировал морские пути к Тиру. Армией франков командовал патриарх Гормон, авторитет

которого был выше, чем у молодого коннетабля. К королевской армии вскоре присоединились войска Понса Триполийского.

Осада продолжалась более четырех месяцев. Из строительного материала, привезенного венецианцами, были построены осадные машины, дни напролет обстреливавшие городские стены на дамбе. Осажденные сражались мужественно, они отвечали стрельбой из камнеметательных машин и применяли «греческий огонь». Однако силы их таяли, остро ощущался недостаток воды и продовольствия. Из города тайно направлялись гонцы в Египет и Дамаск. Египтяне пару раз посылали армию в окрестности Иерусалима, но штурмовать Иерусалим она не решилась и только опустошала его окрестности. Тогтекин в начале осады подошел к Баниясу на Иордане и ждал там вестей о прибытии египетского флота, чтобы совершить совместное нападение на лагерь франков, но египтяне так и не смогли сформировать флот. Против Тогтекина была направлена часть армии под командой коннетабля Гийома де Бюра и Понса Триполийского, и атабек, не решившись вступить в сражение, отступил в Дамаск. Последняя надежда горожан – эмир Артукид Балак был убит в мае, не успев прийти на помощь.

К концу июня положение города было отчаянным, не хватало воды и продовольствия, не было сил защищаться. Тогтекин был извещен о невозможности продолжения борьбы и послал парламентаря к франкам, предложив сдачу города на обычных условиях: все желающие могут беспрепятственно уйти из города, взяв с собой движимое имущество, желающие остаться должны сохранить свое имущество и гражданские права. Франкское и венецианское руководство приняло условия сдачи, но солдаты и матросы, лишившиеся возможности пограбить, чуть не взбунтовались. 7 июля 1124 г. Тир сдался, над главными воротами были подняты знамена – королевское знамя в центре и знамена венецианского дожа и Понса Триполийского по бокам. В город вошли франки, а из него вышли вереницы жителей, не желавших остаться, и гарнизон, грабежей почти не было. Теперь на Палестино-Сирийском побережье только один Аскалон остался в руках мусульман. Как пошутил С. Рансимен, «вырезав свой фунт мяса, венецианцы отплыли домой».

Архиепископство Тир, к которому относились епископства Бейрут, Сидон и Акра, с давних пор входило в состав Антиохийского патриархата, так же как и епископства графства Триполи – Триполи, Тортоса и Жибле (Джубейль). Урбан II на Клермонском соборе решил, что церковные границы должны соответствовать политическим, как всегда было принято в Западной Европе. Поэтому епископства в Акре, Бейруте и Сидоне, входивших в королевство Иерусалим, были отнесены к Иерусалимскому патриархату, что вызвало резкие протесты патриарха Антиохийского. Папа Пасхалий сначала придерживался решения Урбана, но затем, после 1110 г., изменил точку зрения и вернулся к старым границам

патриархатов и окончательно запутал положение. Поэтому взятие Тира обострило спор между патриархатами Иерусалимским и Антиохийским о том, кому должен принадлежать Тир. В конце концов архиепископ Тира стал назначаться из Иерусалима, так же как и епископы Бейрута, Сидона и Акры, патриарх же Антиохийский продолжал назначать епископов в Тортосу, Жибле и Триполи, входившие в независимое от Антиохии графство Триполи. Первым архиепископом Тира был назначенный Иерусалимом англичанин Гийом (не путать с историографом).

В это время в Палестину ненадолго прибыл паломником с любовью встреченный старыми соратниками отца молодой Гийом Клитон, сын герцога Нормандского Робера, сидевшего в тюрьме у своего младшего брата, короля Англии. Он произвел два разбойничьих набега за Иордан на караваны, сначала на идущий из Аравии в Дамаск, а затем – из Дамаска в Египет, и получил богатую добычу, в первом случае – богатую арабскую княгиню со всем ее добром и 4000 верблюдов, во втором – все товары большого купеческого каравана, причем оставшиеся в живых караванщики были затем перерезаны бедуинами.

После смерти Балака король Бодуэн был передан сыну Ильгази Тимурташу, правившему из Алеппо государством, унаследованным от двоюродного брата. Тимурташу были нужны деньги и не нужна была ответственность за знатного пленника. Он попросил Мункидита Султана, эмира Шайзара, начать переговоры с франками о выкупе короля. Королева Морфия приехала на север, чтобы вместе с Жосленом лично участвовать в переговорах. Договорились выкупить короля за 80 тысяч динаров, передачу Алеппо городов Атареба, Зерданы, Азаза, Кафартаба и Джасра и помощь франков против эмира бедуинов Дюбайса ибн Садаки в Джазире, который отказывался признавать верховенство сельджукского султана Махмуда.

20 тысяч динаров были заплачены немедленно, а за остальную часть выкупа в Шайзаре были оставлены заложники, в том числе 4-летняя принцесса Ивета, 11-летний сын и наследник Жослена и несколько других знатных детей. Мункидит Султан отправил несколько членов своей семьи заложниками в Алеппо, а оттуда в Шайзар на своем коне, возвращенном Тимурташем, прибыл Бодуэн. Он был дружески принят Султаном, так как эмир чувствовал себя должником: пять лет назад король освободил его от выплаты денег Антиохии. Король встретился с дочерью и другими заложниками и прибыл в Антиохию в конце августа.

В Антиохии Бодуэн и патриарх Бернар нашли хороший повод не полностью выполнить обещания короля. С большими извинениями Бодуэн сообщил Тимурташу, что патриарх запретил ему отдавать не принадлежащие ему города, так как он только сеньор и регент Антиохии, а княжество принадлежит молодому Бозмунду II. Для Тимурташа деньги были гораздо важнее земель, и он простил нарушение договора. Тогда Бодуэн пошел дальше и, вместо того, чтобы воевать с

бедуинами Дюбайса, заключил с ним договор против Алеппо. Армии Антиохии, Эдессы и бедуины Дюбайса вскоре окружили Алеппо. К ним примкнул Султаншах, сын Ридвана Алеппского, претендовавший на город. Тимурташ сидел в Мардине и не пытался защитить город. Он отказался прийти на помощь городу, когда к нему прибыли посланцы жителей Алеппо, и те отправились просить ее к атабеку Мосула Аксонкору иль-Бурсуки, возглавлявшему неудачный поход против франков в 1114 г. Иль-Бурсуки ненавидел Артукидов и поэтому немедленно выдвинулся против Алеппо, где к нему присоединились войска эмира Киркана Хомского и атабека Тогтекина Дамасского. Дюбайс со своим людьми, испугавшись, ушел в Джазиру, а франки отступили к крепости Атареб. В конце января иль-Бурсуки вступил в Алеппо.

В апреле 1125 г. Бодуэн вернулся в Иерусалим, где отсутствовал два года, но вскоре должен был снова возвратиться на север. Аксонкор иль-Бурсуки, будучи представителем султана Махмуда и хозяином Мосула и Алеппо, вместе с армией Тогтекина и эмира Хомса, присоединившимися к нему, стал главной мусульманской силой в северной Сирии. В марте он прибыл в Шайзар и забрал у эмира Султана всех франкских детей-заложников. В мае он штурмом овладел Кафартабом и осадил Зердану. Бодуэн выступил ему навстречу с армиями Антиохии, Эдессы и Триполи, общей численностью в 1100 конных и 2000 пехоты. Вблизи Азаза в конце мая произошло одно из самых кровопролитных сражений в истории крестовых походов. Понадеявшись на значительное численное превосходство, мусульмане столкнулись с франками во встречном бою и не выдержали удара. Франки сокрушили врага и обратили в бегство, понеся при этом, правда, большие потери. Богатая добыча, попавшая в руки франков, позволила Бодуэну выплатить оставшиеся деньги за заложников, причем каждый рыцарь вносил долю из своей добычи на освобождение королевской дочери и других детей. Деньги получил, однако, не Тимурташ, а Аксонкор иль-Бурсуки. Одновременно в Шайзаре были выкуплены из доставшейся добычи и находившиеся там христианские пленники.

По заключенному перемирию, продлившемуся полтора года, мусульмане сохранили за собой Кафартаб, переданный эмиру Хомса. Аксонкор иль-Бурсуки ушел в Мосул, оставив гарнизон в Алеппо.

Бодуэн возвратился на юг и осенью 1125 г. совершил грабительский налет на дамасские земли. Оставшиеся месяцы года он готовился к серьезной войне с Дамаском и в январе 1126 г. вторгся в Хауран. Тогтекин с армией ждал его в 30 км к юго-западу от Дамаска, у Тель ас-Сакаба. Сражение было ожесточенным, туркмены Тогтекина даже проникли в королевский лагерь, однако в конце концов победил Бодуэн. Километров пятнадцать он преследовал бегущих мусульман, но затем повернул назад из-за больших потерь.

В марте 1126 г. Понс Триполийский напал на крепость Рафания, построенную двадцать лет назад Тогтекином, она защищала с севера долину Бекаа и контролировала дорогу из Иерусалима в Антиохию. Это был важный стратегический пункт, и обе стороны придавали крепости большое значение. Комендант Рафании вызвал на помощь Тогтекина и иль-Бурсуки, но заранее предупрежденный Бодуэн подошел раньше, и крепость пала после непродолжительной осады еще до прихода дамасской армии.

К осени 1126 г. египтяне закончили строительство и оснащение нового флота, и он вышел из портов дельты Нила, чтобы блокировать морские пути и напасть на прибрежные города королевства. Узнав о выходе флота, Аксонкор иль-Бурсуки напал на Атарерб. Бодуэн двинулся на его защиту. Вместе с Жосленом он присоединился к Понсу и вынудил иль-Бурсуки к отступлению. Египетский флот неудачно атаковал Бейрут и в связи с начавшимися штормами ушел домой. С иль-Бурсуки опять было заключено перемирие. Он оставил сына Изз ад-Дина Масуда наместником Алеппо, а сам вернулся в Мосул. В день своего возвращения он был заколот ассасином. Его сын Изз ад-Дин Масуд унаследовал Алеппо и Мосул. «Когда власть его стала прочной, сила возросла, а влияние усилилось, он возгордился, грудь его распирало от юношеского пыла, и он задумал напасть на сирийские [дамасские] земли, а затем начать священную войну против франков» (Ибн аль-Каланиси). Через несколько месяцев Масуд умер, вероятно, отравленный по указанию Тогтекина, и за этим в Алеппо последовала чехарда наместников и связанная с ней анархия.

В это время Боэмунду II, сыну основателя княжества Антиохия, исполнилось 18 лет. Он передал своему двоюродному дяде, великому графу Сицилийскому Рожеру II, свои владения в Италии и в сентябре 1126 г. с некоторым количеством воинов и лошадей на 24 кораблях прибыл в Сен-Симеон. В Антиохии его торжественно встречал Бодуэн. Боэмунд был таким же богатырем и светловолосым красавцем, как отец, и получил хорошее воспитание и образование у матери, Констанции Французской. С королем Бодуэном II в Антиохию прибыла его вторая, 16-летняя дочь Алиса, и, согласно заключенному договору, молодые вступили в брак. Теперь Бодуэн мог уделить больше внимания своему королевству. Молодой муж сразу же отправился воевать. Он отвоевал у эмира Хомса Кафартаб и проявил отвагу в столкновениях с войсками эмира Шайзара.

В начале 1128 г. умер верный друг и помощник короля патриарх Гормон. Его преемником стал знатный француз и родственник короля, аббат из Шартра Этьен де Ла Ферте. Он не оправдал надежды короля Бодуэна на дружеское и родственное сотрудничество. Этьен немедленно напомнил королю о договоре между Готфридом и Даимбертом, по которому Яффа должна быть передана патриарху, так же как и Иерусалим после завоевания Аскалона. Король не стал

даже разговаривать с ним об этом, и их отношения сразу испортились. Их отношения продолжали ухудшаться, однако патриарх был слишком крупной фигурой, и король не знал, как выйти из этого положения. На счастье короля, патриарх после короткой болезни умер в начале 1130 г. Его сторонники подозревали отравление. Когда король пришел к патриарху, чтобы справиться о здоровье, тот ответил: «Со мной все так, как Вы того желаете». Его преемником был выбран приор церкви Гроба Господня Гийом из Мессины, человек добрый, благочестивый, простодушный и необразованный. Он во всем и всегда был согласен с королем и был им любим и почитаем.

4. Выбор Фулька как наследника

Одной из главных задач, стоявших перед королем, было определиться с престолонаследием. У Бодуэна II не было сыновей, только четыре дочери – Мелизанда, Алиса, Годиерна и Ивета. Наследницей трона в браке с подходящим мужем назначили старшую дочь Мелизанду. Это означало замену мужского порядка наследования (*агнат*), при котором наследниками мужчин являются их кровные родственники мужчины, смешанным порядком наследования (*когнат*), при котором наследуют все кровные родственники, включая дочерей. Эта замена явилась прецедентом, которому впоследствии часто следовали. Теперь нужно было найти мужа для Мелизанды, который выполнял бы королевские воинские обязанности, вместе с ней правил и позаботился о наследнике трона.

Осенью 1127 г., утвердив решение на Коронном совете, Бодуэн послал Гийома де Бюра, князя Галилеи и коннетабля королевства, и Ги Брисбара, сеньора Бейрута, во Францию просить короля Людовика VI порекомендовать подходящего человека из французской знати в мужья принцессе. Людовик VI рекомендовал овдовевшего графа Фулька V Анжуйского. Фульк был главой одного из самых богатейших и сильнейших графств во Франции и на протяжении многих лет союзником короля Франции в его борьбе с государством Генриха I, сына Вильгельма Завоевателя, объединившего королевство Англию с герцогством Нормандия. Граф требовал у Генриха I передачи ему для сына графства Мэн, на которое он получил право, женившись на его наследнице, теперь уже покойной.

Чтобы лишить Францию могущественного союзника, Генрих I предложил графу женить его сына и наследника Жофруа на своей дочери и наследнице, бездетной вдове германского императора Генриха V Матильде. После того как в январе 1127 г. Матильда была официально провозглашена наследницей Англии и Нормандии, оба графа – отец и сын – дали согласие, несмотря на то что невеста была на 11 лет старше 14-летнего жениха: приданое того стоило. Граф Фульк отошел от военного союза с Людовиком VI, но остался его другом. Теперь граф

решил оставить наследственные земли своему сыну и отправиться на Восток. Фульк уже был в 1120 г. паломником в Святой Земле и познакомился с Бодуэном и, возможно, с Мелизандой. С кандидатурой Фулька в качестве наследника престола согласились и Бодуэн, и папа Гонорий II.

Чтобы сделать для графа женитьбу более привлекательной, с Фульком подписали договор, что он станет королем, а не принцем-консортом (супругом), и вместе с женой будет править государством. Освоивший во время подготовки бракосочетания сына брачно-юридические тонкости Фульк выдвинул два дополнительных условия: во-первых, папа должен официально подтвердить законность избрания Бодуэна II королем; во-вторых, Иерусалим должен официально провозгласить Мелизанду наследницей. Оба условия были выполнены, и Фульк дал свое согласие на брак. Бодуэн и сам не менее графа был заинтересован в том, чтобы никто не сомневался в законности престолонаследия его самого, его дочери и Фулька.

В мае 1128 г. Фульк, сопровождаемый Гийомом де Бюром и Ги Брисбаром, прибыл в Акру, а затем в Иерусалим. В конце месяца была сыграна пышная свадьба Фулька с Мелизандой. 36-летний граф души не чаял в своей красавице жене, которая была на 11 лет моложе его, и, напротив, жена была совсем не в восторге от своего рыжего коренастого супруга, навязанного ей политическими соображениями, на что у нее были причины. Свадьба Жофруа и Матильды состоялась уже в отсутствие Фулька в июне 1128 г.

12 февраля 1128 г. в Дамаске умер атабек Тогтекин. В течение многих лет он был неограниченным хозяином города и самым могущественным властителем юго-западной Сирии. Узнав о смерти Тогтекина, Бодуэн приступил к исполнению главного замысла всего своего правления – к завоеванию Дамаска, города апостола Павла. Он немедленно послал в Европу Гюга де Пайена, магистра Ордена тамплиеров, набирать войска с точным указанием цели нападения – Дамаск. Летом и осенью в Заморье прибывали люди из Европы.

Около 1120 г. из Ирана в Алеппо бежал предводитель ассасинов, перс по имени Бахрам, он стал главой ассасинов в северной Сирии. Секта пользовалась поддержкой Ильгази, однако жители Алеппо ее ненавидели, и Бахрам был вынужден убраться из города. С рекомендацией Ильгази он прибыл в Дамаск, и Тогтекин его милостиво принял. Он поселился в Дамаске, собрал вокруг себя последователей и приобрел поддержку визиря Тогтекина – аль-Маздагани. Секта расширилась и приобрела силу, что опять-таки возбудило ненависть к ней суннитского населения города. Бахрам обратился к аль-Маздагани с просьбой о защите, и тот убедил Тогтекина передать секте в ноябре 1126 г. пограничную крепость Банияс, находившуюся под постоянной угрозой нападения франков, что позволило бы удалить ассасинов из города и использовать в борьбе с крестоносцами. Бах-

рам усилил укрепления крепости и собрал в ней своих сторонников. Мягко выражаясь, ассасины были не лучшими соседями для окружающих, и на Тогтекина обрушился поток жалоб на них. Он уже был готов уничтожить их и искал подходящий случай, хотя внешне все еще казался их покровителем. Через несколько месяцев Бахрама подстерегли и убили арабы, шейха (главу рода) которых ранее он убил сам, и предводителем ассасинов стал другой перс, по имени Исмаил.

Наследником Тогтекина в качестве атабека Дамаска стал его сын Тадж аль-Мульк Бури, и он решил сделать то, что не успел отец: покончить с ассасинами. Начал он с их покровителя, визиря аль-Маздагани. Визиря убили в Розовом павильоне дворца атабека во время совета. Тотчас в городе начались заранее подготовленные беспорядки: народ начал убивать ассасинов. Известия из Дамаска вызвали глубокую тревогу Исмаила, чтобы спасти своих людей, он начал переговоры с франками.

Это был тот самый счастливый случай, которого долго ждал Бодуэн. Когда прибыли посланцы Исмаила, король был уже готов к действиям. Армия вместе с прибывшими из Европы собралась и выдвинулась к Баниясу. В январе 1129 г. Бодуэн, сопровождаемый Фульком, занял Банияс. Исмаила и ассасинов было решено расселить в королевстве. Однако вскоре Исмаил умер от дизентерии, а его люди разбежались. Затем король двинулся дальше к Дамаску и разбил лагерь у Деревянного моста, в 10 км к юго-западу от Дамаска. Бури с армией преградил ему путь к Дамаску. Несколько дней армии стояли друг против друга.

Бодуэн выслал отряд в несколько сот конных, в основном из вновь прибывших, под командой Гийома де Бюра за продовольствием и фуражом. Европейская рыцарская вольница плохо слушалась де Бюра и интересовалась более добычей, чем сбором продовольствия. Бури отправил против этих сборщиков туркменскую конницу. Одним ранним утром в конце января она напала на расположение франков в 30 км к югу от лагеря короля. Разбуженные нападением франки храбро сражались, однако только 45 человек смог привести де Бюр в королевский лагерь, чтобы доложить о понесенных потерях.

Король решил немедленно атаковать мусульман, пока те празднуют победу. Однако, как раз когда армия, построившись, двинулась вперед, «разверзлись хляби небесные», хлынул проливной продолжительный дождь, поля покрылись непроходимой грязью, а дороги перерезали потоки. Наступать было невозможно, как невозможно было и вести осаду. Армия отступила от Дамаска в безупречном порядке.

Была упущена счастливая возможность и на севере. Вместо того чтобы сообща ударить по Алеппо, где после смерти иль-Бурсуки и его сына Изз ад-Дина Масуда царили хаос и неразбериха, молодой Боэмунд и старый Жослен осенью 1127 г. поодиночке грабили его земли и бешено ссорились друг с другом. При-

чиной ссоры были взаимные земельные претензии: Жослен не хотел возвращать приобретенные по договору с иль-Бурсуки земли, ранее принадлежавшие Антиохии, а Боэмунд не желал передавать Эдессе город Азас, обещанный князем Рожером Жослену в качестве приданого своей сестры. Боэмунд считал, что Рожер был только регентом и не имел права дарить принадлежавшие ему, Боэмунду, земли. Жослен вместе с наемными турецкими солдатами ограбил антиохийские земли недалеко от границы, за что Бернар, патриарх Антиохии, отлучил от церкви его и все графство Эдесса. Ссора грозила перерасти в войну. Разгневанный Бодуэн в 1128 г. прибыл на север и заставил князя и графа примириться. Жослен внезапно тяжело заболел и увидел в этом наказание Божье, он возвратил награбленную добычу и отказался от претензий на Азас. Однако было уже поздно: летом 1128 г. в Алеппо обосновался сильный правитель.

5. Зенги – атабек Мосула и Алеппо

Сменив в 1118 г. в Багдаде халифа-лирика аль-Мустазхира, более амбициозный халиф Мустарджид в 1126 г., воспользовавшись семейной распрей сельджукских султанов, решил избавиться от их власти. Чтобы утихомирить бунтовщика, султан Махмуд послал армию и во главе ее поставил молодого, но уже прославившего свое имя в войнах с франками турка Имад ад-Дина Зенги. Халиф был фигурой, редко меняемой. Зенги обратил в бегство его войска и вынудил к повиновению, но действовал на редкость тактично и учтиво, и когда после смерти иль-Бурсуки султан поинтересовался мнением халифа, кого назначить новым атабеком Мосула при своем сыне-подростке Альп Арслане, правителе Мосула, тот назвал понравившегося ему Зенги, и Махмуд согласился.

Зиму 1127–1128 гг. Зенги провел в Мосуле, а весной 1128 г. двинулся к Алеппо. Он потребовал, чтобы город признал его своим хозяином, поскольку он назначен султаном атабеком Мосула на место иль-Бурсуки, владевшего также и Алеппо. Жители города, которым надоели чехарда правителей и связанный с ней хаос, открыли ему ворота и устроили торжественный прием. Едва он овладел Алеппо, как получил известие, что султан хочет заменить его другим. Зенги немедленно прибыл в Исфахан, вручил Махмуду 100 тысяч динаров и получил подтверждение своего назначения. Помимо выплаты денег, Зенги пообещал султану начать священную войну с франками и изгнать их из Месопотамии и Сирии.

Положение франков между тем было прочным. Мусульманский хронист Ибн аль-Атир пишет об этом времени: «Счастливые звезды ислама опустились за горизонт, и солнце его благоденствия скрылось за тучами. Над землями мусульман развевались знамена многобожников, и неверные побеждали правоверных. Государство франков простиралось от Мардина в Месопотамии до аль-Ариша на

границе Египта; во всей Сирии только Алеппо, Хомс, Хама и Дамаск оставались свободными от их господства. Из их числа Алеппо платил им дань, а Дамаск должен был выдать им своих христианских рабов. В Месопотамии их войска доходили до самого Диярбакыра, до Амида и Нисибина, и мусульмане Ракки и Харрана не находили защиты от их жестокости».

Идею священной войны и изгнания крестоносцев Зенги использовал и для укрепления и расширения своей власти в Сирии, однако первым делом заключил перемирие на два года с Жосленом. Эмиры Шайзара и Хомса признали его главенство. Занятый войной с франками Бури Дамасский согласился присоединиться к Зенги в священной борьбе против христиан и послал к нему с войсками сына, правившего Хамой. Зенги арестовал сына Бури и подошел с армией к Хаме. Город сдался без боя. Бури вынужден был смириться с наглым захватом Хамы.

Эмир Киркан Хомсский предложил атабеку Мосула выкупить у него Хаму, Зенги взял деньги и бросил эмира в темницу. Затем он, прихватив с собой Киркана, подошел с армией к Хомсу. Чтобы принудить Хомс к сдаче, он велел бичевать эмира перед его стенами на глазах семьи и солдат, но завладеть городом ему не удалось. В течение двух лет Зенги стал хозяином северо-восточной Сирии.

В 1130 г. погиб молодой князь Боэмунд II, что явилось для франков тяжелым несчастьем: на него возлагали большие надежды. Полный честолюбия и энергии, он собирался отвоевать все наследие отца и даже значительно расширить его. Он начал с Киликии. Тарс, Адана и Мамистра находились в его руках, но Аназарб захватил Рубенид Торос, столицей которого стал расположенный неподалеку на севере Сис. Когда в 1129 г. умер Торос, а через несколько месяцев после его смерти был убит его сын Константин и на княжеский престол сел в результате переворота брат Тороса Лев I, Боэмунд счел момент подходящим, чтобы овладеть Аназарбом. В феврале 1130 г. с небольшими силами он двинулся к городу. Армянский князь позвал на помощь эмира Данишмендида Гази II, земли которого граничили теперь с землями князя Льва. Когда Боэмунд без особых предосторожностей двигался на север, вверх по берегу реки Джихан, преодолевая легкое сопротивление армян, на него внезапно напали турки-данишмендиды и перебили всю армию. Боэмунда узнали только после того, как убили, иначе его, конечно, оставили бы в живых, чтобы получить выкуп. Его голову Данишмендид Гази переслал халифу в виде подарка.

Начавшаяся война с Византией помешала Данишмендиду воспользоваться победой. После смерти Боэмунда II осталась 2-летняя наследница-дочь Констанция. Вдова Боэмунда, дочь короля Бодуэна Алиса, не дожидаясь, пока король назначит регента, сама провозгласила себя регентшей. Вскоре распространились слухи, что она не хочет ограничиваться регентством, но собирается стать самодержавной княгиней. Что касается Констанции, говорили, что она или не выйдет

из монастыря, или будет выдана замуж за недворянина, что лишит ее прав на княжескую корону. Может быть, жители Антиохии-армяне и хотели бы видеть княгиней Алису, имея в виду ее армянское по матери происхождение, однако латинское дворянство, духовенство и купечество считало, что в эти тяжелые времена во главе государства должен стоять мужчина – воин и полководец, к тому же и поведение княгини говорило о том, что она очень быстро забыла погибшего мужа. К Бодуэну были посланы гонцы с просьбой ускорить прибытие.

Узнав, что король направляется в Антиохию, Алиса решилась на отчаянный поступок: она послала гонца вместе с превосходным конем в виде подарка к атабеку Зенги с обещанием присягнуть ему на верность, если он обеспечит ей владение Антиохией.

Войска Бодуэна и Фулька, приблизившиеся к Антиохии, перехватили гонца Алисы, который по приказу короля был немедленно повешен. Алиса непустила короля в город, и он разбил лагерь перед Антиохией. Из Эдессы королем был вызван Жослен. Внутри города Алиса раздавала деньги и подарки, чтобы заручиться верностью войск и населения. Однако через несколько дней нормандский рыцарь Гийом д'Аверса и монах Петр Латинец впустили Фулька в ворота Сен-Поль, а Жослена в Герцогские ворота. Затем в город вошел король. Алиса закрылась в цитадели и вышла, только когда представители дворянства и духовенства города поручились за ее жизнь. После неприятного разговора с отцом, в ходе которого Алиса упала перед ним на колени и расплакалась, король простил ее и изгнал из города в Джабалу и Латакию, выделенные ей Бозмундом II в качестве «утреннего дара» – вдовьего надела. Король принял на себя регенство над городом, велел всем ленникам Антиохии принести клятву верности ему и его внучке Констанции, поручил Жослену опеку над городом и ребенком-княгиней и затем летом 1130 г. возвратился в Иерусалим.

Больше он из Иерусалима не выезжал. Здоровье его ухудшилось. В августе 1131 г. стало ясно, что он при смерти. Он попросил, чтобы его перенесли из королевского дворца в резиденцию патриарха, расположенную недалеко от Голгофы, чтобы умереть как можно ближе к тому месту, где принял смерть Христос. В пятницу, 21 августа 1131 г. он призвал к себе Фулька, Мелизанду, их годовалого сына, названного в честь деда Бодуэном, и всех баронов государства. Король благословил Фулька, Мелизанду и внука и призвал всех присутствующих признать их троих его наследниками и соправителями. Затем он надел монашеское платье и был принят в капитул церкви Гроба Господня. Прием еще не успел закончиться, как король Бодуэн II умер и был похоронен со всеми почестями в этой церкви. 14 сентября 1131 г. Фульк, Мелизанда и маленький Бодуэн были коронованы, уже не в Вифлееме, а в Иерусалиме, в церкви Гроба Господня. При Фульке началось строительство новой большой церкви Гроба Господня, объеди-

нившей в одном здании ранее существовавший комплекс из нескольких построек; новая церковь была освящена 15 июля 1149 г., уже после смерти Фулька.

Двоюродный брат и верный товарищ короля в течение 30 лет, граф Жослен Эдесский умер вскоре после него. В то время, когда умирал Бодуэн, он отправился осаждать небольшой замок вблизи от Алеппо и был тяжело ранен: под ним обрушился вырытый его людьми подкоп (мина). Он лежал в Эдессе при смерти, когда пришло известие, что Данишмендид Гази осадил большую крепость Кайсун. Жослен приказал сыну выступить с армией, чтобы спасти ее. Тот отказался, говоря, что армия Эдессы слишком мала для этого. Полный гнева и презрения, старый рубака велел нести себя на носилках во главе армии, повторив тем самым в значительно более сложных условиях поступок императора Алексея I. Узнав о приближении Жослена, которого считали мертвым, обьятый страхом Гази снял осаду с Кайсуна и отступил. Получив известие об этом, Жослен приказал спустить себя с носилок, чтобы поблагодарить Бога. Исчерпавший все силы старый граф умер здесь же, при дороге.

Со смертью короля Бодуэна и Жослена ушло первое поколение крестоносцев – основателей и становителей христианских государств в Святой Земле.

Глава 20

Король Фульк

1. Мятежи в Заморье

Со смертью Бодуэна нарушились и так уже сомнительные, с точки зрения ленников, вертикальные связи между королем и князьями на севере. Ослепленные желанием независимости, не видевшие дальше своего носа, они немедленно взбунтовались против верховной власти нового короля.

Вновь предъявила претензию на регенство в Антиохии княгиня-мать Алиса. И в Европе, и в Византии матери часто становились регентшами при малолетних детях. Смерть Жослена I Эдесского, назначенного опекуном княгини Констанции, дочери Алисы, и нежелание дворянства Антиохии признать новым опекуном его сына, Жослена II, придали этой претензии видимость законности. Более того, Алиса заговорила о независимости Антиохии, так как и Боэмунд I, и Танкред были самодержавными князьями, а Рожер и Боэмунд II признали верховенство короля только в силу своей слабости и сложившихся неблагоприятных обстоятельств. Жослен II, Понс Триполитский и некоторые антиохийские землевладельцы поддержали претензии Алисы.

Жослен II и сам добивался независимости на том основании, что получил графство Эдесса как наследие от отца, а не как лен от короля. Понс Триполитский уже провозглашал независимость своего графства при короле Бодуэне II, и ему тогда только не хватило сил отстоять ее. Теперь он опять хотел стать независимым. Получив вместе с женой Сесилью ее вдовий надел, он был крупным антиохийским бароном.

Положение осложнялось еще и тем, что император Византии выдвигал права на Антиохию и Эдессу в соответствии с договором, заключенным между Алексеем и князьями во время Первого крестового похода, и Девольским договором с Боэмундом I, а также на Триполи в соответствии с вассальной присягой, принесенной тому же Алексею отцом Понса графом Бертраном.

Однако большинство антиохийских дворян не хотели в это опасное для княжества время видеть женщину вообще, и Алису в частности, правительницей Антиохии и послали гонца к королю Фульку. Сразу после коронации Фульк вышел с армией из Иерусалима. Когда он подошел к графству Триполи, дорогу ему преградил Понс. Напрасно Фульк надеялся на поддержку графини Триполи Се-

сили, своей сводной сестры по матери. От Бейрута до Сен-Симеона армия короля вынуждена была добираться морем на кораблях. Высадившись на берег и присоединив к себе оставшихся верными ему антиохийских дворян, король двинулся на юг и разбил при Шатель Руж войска Понса и антиохийских мятежников. Нерешительный и ненадежный Жослен II не поддержал своих союзников и так и не выступил из Эдессы против короля. У Фулька не было достаточно сил и времени, чтобы закрепить победу. Понс принес извинения и был прощен. Были прощены Алиса, оставшаяся в Латакии, а также антиохийские мятежники и Жослен. Фульк сохранил регенство над Антиохией и назначил правителем коннетабля княжества Рено Мазуара, правителя Маргата, сохранившего верность королю. Понс и Жослен II так и не признали верховенства Фулька. Скандал при дворе и мятеж срочно призвали короля на юг.

Черeda мятежей в королевстве Иерусалим началась еще при короле Бодуэне II мятежом Романа дю Пюи, владельца большого королевского лена Трансиордания. Мятеж был подавлен еще при жизни Бодуэна, а лен передан мундшенку (кравчему) королевского двора Пагану. Роман дю Пюи не смирился с потерей и позже примкнул к мятежу Гюга дю Пюизе.

Гюг дю Пюизе был сыном Гюга I дю Пюизе, предводителя феодальной войны баронов против короля Людовика VI в королевском домене во Франции. Мятежники вступили в союз с врагами французского короля, графом Блуа-Шампанским Тибо и английским королем Генрихом I. Война велась с перерывами чуть ли не три десятка лет с самого начала правления Людовика. После того как французский король в 1118 г. разрушил родовое гнездо Гюга I – замок Пюизе и отнял лен, он с женой и мальчиком-сыном подался на Восток к своему двоюродному брату, королю Бодуэну II. Еще раньше туда отправились два его родных брата, аббат Жилуан и Валеран (Биреджикский). По дороге, в Апулии, маленький Гюг заболел и был оставлен родителями у двоюродного брата матери – Боэмунда II. По прибытии в Палестину Гюг I получил от короля Бодуэна в лен графство Яффу. Когда подросток Гюг прибыл из Италии в Иерусалим, его родители уже умерли. Король Бодуэн II пригласил юношу ко двору и, по достижении им совершеннолетия в 1123 г., передал ему отцовский лен – графство Яффу. Принцесса Мелизанда и красивый рослый юноша – троюродный брат, на два года моложе ее – полюбили друг друга. Но на принцессе, наследнице престола, должен был жениться более знатный человек, чем Гюг дю Пюизе, и его женили на богатой невесте зрелых лет, племяннице патриарха Арнульфа Эмме, вдове Эсташа I Гарнье, имевшей двух взрослых сыновей, почти его ровесников. Тем временем Мелизанда вышла замуж за Фулька, но и после этого в отсутствие Фулька они с Гюгом продолжили свою запретную любовь, вызвавшую толки и сплетни при дворе и бешеную ярость Фулька. Все дворянство королевства разделилось на две партии – короля Фулька и графа Яффы, причем

королева, конечно же, была на стороне Гюга. Самыми видными людьми в партии короля были дети Эммы – близнецы, Эсташ II – сеньор Сидона и Готье – сеньор Цезареи, ненавидевшие своего молодого отчима. Дело дошло до небольшой гражданской войны, в которой деятельное участие на стороне Гюга принял Роман дю Пюи, пытавшийся вернуть себе свой лен – Трансиорданию.

В конце лета 1133 г., когда открытые стычки закончились перемирием и дворянство королевства собралось на празднике во дворце короля в Иерусалиме, поднялся Готье Гарнье, громогласно обвинил отчима в измене королю Фульку и в заговоре на его жизнь и вызвал его на поединок Божьего суда. Гюг отверг обвинение и принял вызов. Высокий суд назначил день дуэли, и Гюг отправился в Яффу, а Готье – в Цезарею, готовиться к поединку.

В назначенный день на поединок прибыл один только Готье, Гюг не явился. Может быть, его упростила не выходить на поединок жена из боязни потерять мужа или сына; может быть, королева; возможно, он сам испугался Божьего суда, чувствуя вину. Так или иначе, как говорят японцы, он потерял лицо. Его сторонники от него отвернулись. Высокий суд из-за неявки объявил его виновным. Он бежал в Яффу и призвал к себе на помощь египетский отряд из Аскалона. Так как теперь его измена была очевидна, его вассалы выступили против него во главе с его главным ленником Балианом, коннетаблем Яффы. Последний прибыл в Святую Землю из Франции еще ребенком в 1115 г., вместе со своим отцом Балианом Старым, младшим сыном дворянина из графства Блуа. Когда королевская армия приблизилась к городу, союзники Гюга египтяне бежали, а люди Балиана открыли ей ворота. Приговор Гюгу не был суровым, за него вступились королева и иерусалимский патриарх Гийом из Мессины. Гюг всенародно признал свою вину и был выслан из страны на три года. Ожидая корабля в Италию, Гюг прибыл в Иерусалим, чтобы проститься с друзьями. Вечером, когда он на улице смотрел на игру в кости, к нему подошел один бретонский рыцарь-паломник и ударил его кинжалом в голову и в спину. Подозрение в организации покушения пало на короля, однако он полностью снял с себя обвинение. Рыцарь предстал перед Высоким судом, признался, что действовал по собственной инициативе в надежде заслужить милость короля, и был приговорен к смертной казни. На эшафоте, после того как ему отрубили руки и ноги и перед тем как отрубили голову, он повторил признание. Королева была вне себя от гнева, и Фульк даже опасался за свою жизнь. После мятежа Гюга король во всем покорился королеве, уступал ей и советовался с ней по малейшему поводу, а королева, после того как ее любовь была разбита, перенесла свою энергию на дела власти и благочестия. Гюг выжил и уехал в Италию, где получил от своего родственника короля Сицилии Рожера II владение Гаргано, однако вскоре умер.

Обеспечив мир в Палестине, Фульк снова должен был заняться севером. Вовлеченный в междоусобные войны в Ираке, Зенги оставил наместником Алеппо военачальника Савара. Зенги не мог передать ему большого количества войск и посоветовал набирать на службу туркменские племена. С ними Савар собрался весной 1133 г. напасть на христианские государства севера. Король Фульк снова срочно был вызван на север. По дороге в Антиохию он освободил Понса Триполитского, осажденного в замке Монферран туркменами. Это восстановило хорошие отношения между ними. Вскоре сын и наследник Понса Раймунд женился на сестре королевы Годьерне, а дочь графа Триполи Агнеса вышла замуж за сына антиохийского коннетабля Рено Мазуара.

Не успев дойти до Антиохии, Фульк вынужден был прийти на помощь Жослену II Эдесскому, на которого напал Савар. Фульк скрытно выдвинулся против полевого лагеря Савара и ночью внезапно напал на него. Туркмены бежали, не понеся, однако, больших потерь. Ленивый, нерешительный, ненадежный, хитрый, но не очень умный Жослен II не смог заменить отца в качестве графа Эдесского, владельца передового бастиона крепости латинского христианства на Востоке. Даже внешний облик его не внушал симпатии: он был малого роста, темнокожий и черноволосый, с огромным носом на небольшом побитом оспой лице.

Торжественно встреченный Фульк вошел в Антиохию, но стоило ему через несколько месяцев возвратиться в Палестину, как Савар снова начал совершать нападения на северные земли франков.

Между тем империя Сельджукидов в Иране, Ираке и Месопотамии сотрясаясь от раздоров и войн. Султан Махмуд умер в 1131 г. и оставил свои владения в Ираке и южном Иране сыну Дауду. Султан Санджар, глава семьи Сельджукидов, распорядился, однако, передать их брату Махмуда, Тутрилу Казвинскому (северный Иран). После этого на наследие брата Махмуда предъявили претензии Масуд Фарсский (южный Иран) и Сельджукшах Азербайджанский. Дауду, никем не поддержанный, ушел из Багдада. За Багдад начали борьбу Тутрил и Масуд, и с помощью Санджара столица Ирака осталась за Тутрилом. Однако султан Санджар быстро потерял интерес к Багдаду, и Сельджукшах с помощью халифа Мустарджида выгнал Тутрила из Багдада. Масуд обратился за помощью к атабеку Зенги, и тот двинулся к Багдаду, но при Тикрите потерпел жестокое поражение от войск халифа и Сельджукшаха. От смерти или плена Зенги спас (запомним это имя) курд Наджм ад-Дин Айюб ибн Шади, наместник Тикрита. Санджар встревожился: халиф вновь мог обрести могущество – и в 1132 г. по приказу султана Зенги вторично напал на Багдад, на этот раз вместе с бедуинами Дюбайса. В сражении, в котором халиф участвовал собственной персоной, Зенги снова был разбит и отступил в Мосул. Следующей весной Мустарджид привел большую армию к Мосулу. Зенги бежал

Ил. 23. Мусульманские воины в карауле. Рис., XI в.

из города и начал партизанскую войну с халифом: нападал на его лагерь, на фуражиров и на пути снабжения. Через три месяца халиф вынужден был отступить в Багдад. Теперь самым сильным оказался Масуд. В течение следующего, 1134 г. он оттеснил всех соперников в борьбе за султанат Ирака. В 1135 г. в сражении при Даймарге армия халифа была разбита, а сам халиф попал в плен. Его отправили в изгнание в Азербайджан, и там он, видимо, по указанию Масуда, был убит ассасином. Новый халиф ар-Рашид, сын предыдущего, попробовал

обратиться за помощью против Масуда к Даудуду и Зенги, но Масуд действовал быстрее, и ар-Рашид был свергнут со своего трона. Преемнику ар-Рашида халифу аль-Моктафи и Масуду удалось переманить Зенги от Даудуда, междоусобица утихла, и теперь атабек смог снова заняться войной с франками.

Волнения трясали и мусульманские государства, граничившие с королевством, и мешали их противодействию франкам.

Фатимидский халиф Египта аль-Хафиз, ставший халифом после убийства своего двоюродного брата аль-Амира в 1129 г., попытался в 1135 г. ограничить власть визирей, назначив визирем своего сына Хасана. Тот оказался жестоким безумцем. После того как по вздорному обвинению были обезглавлены сорок эмиров, в Египте начались беспорядки. Сын-визирь мог стать причиной свержения отца, мог и сам попытаться его свергнуть. Чтобы спастись, халиф вынужден был его отравить и выдать его труп мятежникам. Теперь халиф назначил визирем принявшего ислам армянина Вахрама, но тот войне с франками предпочел обогащение, как личное, так и многочисленных родственников и друзей.

После смерти Бури, сына Тогтекина, в 1132 г. в Дамаске также началась правительственная чехарда. Преемником Бури в качестве атабека стал его сын Исмаил. Он отвоевал у франков Банияс, а у соперников-мусульман Баальбек и Хаму. Однако его крайняя жестокость и тяжкое повышение налогов вызвали заговор с целью убить его. Он жестоко подавил заговор, а своего брата Савинджа, который как будто должен был сменить его на посту атабека, приказал живо замуровать в стене. Однако, когда он задумал уничтожить Юсуфа ибн Фируза, ближайшего советника своего отца, в заговор против него вступила его мать Зумурруд. Она спокойно перенесла смерть сына Савинджа, но захотела

спасти Юсуфа, своего любовника. Исмаил почувствовал грозившую ему опасность и обратился к Зенги, другу отца, с предложением стать его вассалом, если тот сохранит ему власть; если же тот откажется, он передаст Дамаск франкам. Несмотря на то что борьба с халифом Мустарджидом продолжалась и Зенги не должен был покидать Мосул, он бросился к нему на помощь, но опоздал. В середине февраля 1135 г. Зенги был под стенами Дамаска, однако за две недели до этого Исмаил был убит, и Зумурруд передала престол младшему сыну, Шихаб ад-Дину Махмуду. Новый атабек вежливо отказался открыть ворота мосульцам. Попытка овладеть городом штурмом была неудачной. В лагере Зенги стал ощущаться недостаток продовольствия, в связи с чем некоторые его отряды исчезли. В этот момент к Зенги прибыла миссия халифа Мустарджида и запретила ему посягать на независимость Дамаска. Это было то, что требовалось Зенги, теперь он мог отступить от Дамаска без урона чести. Зенги и Шихаб ад-Дин Махмуд заключили мир, Зенги посетил Дамаск с дружественным визитом, но Махмуд не рискнул прибыть в лагерь Зенги с ответным визитом, и вместо него туда отправился его младший брат.

После того как был разбит и попал в плен халиф Мустарджид, Зенги, перешедший на сторону Сельджукида Масуда, снова начал войну с франками и нанес удар по землям Антиохии с юго-востока. Зенги стремительным ударом овладел крепостями Кафартаб, Маарра, Зердана и Атареб, в то время как Савар отвлекал на себя силы графства Эдессы, угрожая Турбесселю, Азазу и Айнтабу.

2. Раймунд де Пуатье – князь Антиохии

Фульк поспешил с армией на север. Ситуация еще более ухудшилась из-за смерти в начале лета 1135 г. патриарха Бернара, центральной фигуры в княжестве на протяжении многих лет. Антиохия потеряла способного, энергичного и мужественного государственного деятеля, правда, нетерпимого к местным христианам. На его место латинцы Антиохии без надлежащего церковного выбора призвали латинского епископа Мамистры, нормандца Рауля из Донфрона. Рауль больше походил на барона, чем на прелата, он был любителем широко пожить и светских развлечений, общительным, щедрым, умевшим хорошо и убедительно говорить, хотя и не очень образованным. Однако за обликом доброго малого скрывался корыстный и тщеславный человек. С самого начала он решил взять власть в Антиохии в свои руки и не подчиняться королю. С этой целью он начал переговоры с княгиней-матерью Алисой и предложил ей помочь вернуться из Латакии, где она теперь находилась, в Антиохию. Это полностью отвечало желаниям самой Алисы, и она обратилась за помощью к сестре-королеве Мелизанде. Прибывший в августе в Антиохию Фульк не был в состоянии воспротивиться ни занятию Раулем

патриаршего престола, ни, тем более, жене, требовавшей возвращения в город Алисы. Антиохийские дворяне, недовольные прибытием Алисы, настоятельно просили Фулька подыскать для княгини Констанции подходящего мужа. После возвращения на юг оставшегося номинальным регентом Фулька власть в городе разделили Алиса и патриарх Рауль, сразу же начавшие яростно ссориться между собой. Помимо того, патриархом было недовольно местное духовенство.

Положение Алисы также не было устойчивым, она пользовалась поддержкой только местных христиан, прежде всего армян. Алиса и франки взаимно не доверяли друг другу. Это подтолкнуло Алису к новому замыслу: в конце 1135 г. она отправила посланца к императору Иоанну, чтобы предложить его младшему сыну Мануилу жениться на Констанции, до совершеннолетия которых она, Алиса, будет регентшей Антиохии. Этот план привел в ужас франков и Рауля, который видел уже себя замещенным православным патриархом.

Однако, если разобраться трезво и отвлечься от национальных и религиозных предрассудков, этот план был лучшим из того, что тогда можно было придумать. Союз греческого князя и франкской княгини сплотил бы греков и франков в общей борьбе, и только опираясь на помощь Византии, Антиохия могла бы успешно бороться с наступавшим исламом.

Франкские бароны Антиохии немедленно тайно послали к Фульку гонца с требованием срочно найти мужа для Констанции. Еще раньше Фульк остановил свой выбор на графе Раймунде де Пуатье, младшем сыне известного нам крестоносца, герцога Гийома IX Аквитанского, и тот дал согласие. Теперь к нему в Англию, где он находился, был отправлен рыцарь-госпитальер Жерар Жебар, чтобы привести его в Антиохию. Дело велось в обстановке строгой секретности, и, чтобы сохранить его в тайне от Алисы, Фульк не сообщил о нем даже королеве.

Как младшему сыну графу Раймунду предназначалось наследие его матери Филиппы Тулузской – графство Тулуза, которым завладел после смерти ее отца ее дядя, хорошо знакомый нам граф Раймунд IV де Сен-Жиль. Попытки герцогов Аквитанских силой присоединить графство Тулузу оказались неудачными. Так как Аквитания должна была отойти к сыну Гийома X, граф Раймунд уехал в Англию, ко двору короля Генриха I. Хотя сын Гийома X умер в малолетстве, Раймунд не считал возможным для себя возвращаться в Аквитанию, так как его старший брат, герцог Гийом X, был достаточно молод, чтобы еще иметь наследника. Поэтому Раймунд де Пуатье принял предложение короля Иерусалима. Кстати сказать, 38-летний Гийом X внезапно умер через год после того, как Раймунд уехал на Восток, и герцогиней Аквитанской стала старшая дочь герцога, 15-летняя Алиенора.

Но Раймунду нужно было еще добраться до Антиохии. На дороге к княжеству лежало королевство Сицилия, где правил ставший в 1130 г. королем Рожер II, сын обобранной и обманутой Аделаиды.

Несмотря на то что папа подтвердил законность избрания Бодуэна II, Рожер продолжал претендовать на королевство Иерусалим в соответствии с брачным договором Аделаиды с королем Бодуэном I. Кроме того, будучи двоюродным братом Боэмунда I и старшим из оставшихся в живых мужских представителей семьи Отвилей, Рожер претендовал на княжеский престол в Антиохии или хотя бы на право опеки над малолетней княгиней, то есть на право выдачи ее замуж. Это открыло бы новые перспективы для короля Сицилии в проводимой им политике экспансии в восточном Средиземноморье.

Для Раймунда ситуация осложнялась тем, что Рожер знал о его предстоящем путешествии: нормандцы в Англии, поддерживавшие постоянную связь с нормандцами на Сицилии, сообщили королю Рожеру о его намерениях. Раймунд мог добраться до Антиохии, только сев на корабль в одном из южноитальянских портов, и Рожер решил перехватить его. В свою очередь, получив известие о том, что его хотят задержать, Раймунд разбил сопровождавшую его свиту на несколько малых групп и сам путешествовал, переодевшись то слугой, то купцом. В апреле 1136 г. он прибыл в Антиохию.

Алиса, конечно же, узнала о прибытии Раймунда. Однако патриарх Рауль, постоянно ссорившийся с княгиней-матерью, вызвался помочь Раймунду избавиться от Алисы на определенных условиях: аквитанец должен был принести патриарху присягу на верность и во всем ему подчиниться. Раймунд согласился, и патриарх сообщил Алисе, что красавец-богатырь, франкский граф, прибыл, чтобы жениться на ней. Алиса поверила, может быть, еще и потому, что Раймунд по возрасту в качестве мужа больше подходил ей, нежели ее дочери: графу было 28 лет, Алисе – 26, а Констанции – 7. Пока Алиса ожидала прибытия к ней Раймунда, Констанция была уведена из дворца и обвенчана с ним патриархом в кафедральном соборе. Обманутой княгине-матери пришлось возвращаться в Латакию.

Раймунд был, по словам Гийома Тирского, «красавцем, сильным, как Геракл, пылким и безупречного поведения, при этом приверженным азартной игре и галантным к дамам». Он получил полную поддержку дворян Антиохии. С патриархом, продолжавшим ссориться со своим духовенством, он обращался почти-тельно, но отнял у него фактическую власть.

Положение княжества было очень тяжелым. На юге франков теснили турки и поселившиеся в горах Носайри ассасины. На севере на франков нападали армяне. Армянский князь Рубенид Торос отнял у франков Сис и Аназарб. Его брат Лев, заключивший союз с эмиром Данишмендидом, в 1131 г. после смерти Боэмунда II захватил киликийские города Мамистру, Тарс и Адану, а в 1135 г. отнял у эдесского ленника Бодуэна Марашского город Сарвентикар в горах Аманус.

Не лучше было и положение Эдессы. На востоке большой кусок территории захватил Артукид Тимурташ. На севере на земли Жослена нападали турки и

армяне. Военачальник Зенги Савар в 1135 г. опустошил окрестности Турбесселя, а в 1136 г. его конница совершила рейд вокруг княжества и графства, сначала на Латакию, а затем на север мимо Антиохии и Мараша и далее на Кайсун, уничтожая все на пути.

Фульк и Раймунд понравились другу и близко сошлись. Они одинаково понимали обстановку и сообща наметили план действий. Прежде чем начинать войну с Зенги, Раймунд должен был обезопасить себя с севера, отвоевать у армянского князя Льва Киликию. Вместе с Бодуэном Марашским Раймунд двинулся на север. Однако Жослен II, племянник Льва, к союзу не примкнул, несмотря на приказ Фулька. Напротив, он пришел на помощь дяде. Вместе они отразили антиохийскую армию. Это не способствовало дружескому расположению князя Раймунда к Жослену.

Во время переговоров Льва с Бодуэном Марашским последний приказал схватить армянского князя, и тот был доставлен в Антиохию. В его отсутствие его сыновья перессорились между собой, и двое из них схватили и ослепили третьего. Лев вышел на свободу, заплатив большой выкуп. Кроме того, он обещал возвратить Раймунду города в Киликии, но передумал и начал новую войну. Воспользовавшись этим, эмир Данишмендид Мухаммед II ибн Гази опустошил армянские и франкские земли. В начале 1137 г. с помощью Жослена между франками и армянами было заключено перемирие.

Дамаск находился в мире с Иерусалимом, пока рядом с молодым атабеком Шихаб ад-Дином Махмудом находился его советник Юсуф, любовник его матери. Однако одним весенним вечером 1136 г., когда атабек с Юсуфом и начальником мамлюков по имени Базаваш прогуливались по городскому *майдану*, Базаваш убил Юсуфа ударом кинжала и бежал к своему отряду в Баальбек. Оттуда он сообщил атабеку, что двинется на Дамаск и свергнет его, если тот не согласится сделать его своим помощником. Атабек согласился, Базаваш прибыл в город, и сразу же политика Дамаска в отношении франков стала агрессивной. В начале следующего года Базаваш напал на графство Триполи. Понс с небольшой армией выступил навстречу. Местные христиане, не испытывавшие большой любви к франкам, показали дамаскинцам тайные тропинки через горы. Армия Понса была окружена, захвачена врасплох и полностью уничтожена. Понс бежал в горы, но был выдан мусульманам местным христианином и убит. Епископ Жерар был взят в плен, принят за простого человека и вскоре обменен. Захватив пару пограничных крепостей и большую добычу, Базаваш возвратился в Дамаск.

Понс был разумным человеком, хотя во все время своего 25-летнего правления стремился добиться независимости от Иерусалима, на что ему всегда не хватало сил. Ему наследовал 17-летний сын Раймунд II, пылкий юноша, недавно женившийся на 19-летней сестре королевы Годьерне, горячо любивший и беше-

но ревновавший свою бойкую супругу. Его первым действием была месть по отношению к предателям, христианам Ливана. Он двинулся против деревень, которые подозревались в оказании помощи врагу, убивал мужчин и угонял женщин и детей, чтобы продать их в рабство.

Зенги не понравилась активность Дамаска, и он в конце июня 1137 г. двинулся против Хомса, принадлежавшего Дамаску. После двух недель осады Зенги получил известие о приближении армии из Триполи. Зенги снял осаду и выступил против франков. Раймунд отступил, и атабек осадил большой замок Монферран (называемый мусульманами Барен), охранявший с севера вход в долину Бекаа. Раймунд послал гонцов к королю с просьбой о помощи. Фульк, который уже был готов двигаться на север на помощь Антиохии, со всеми силами, которые смог собрать, выступил к Триполи. Объединенная армия короля и графа Триполи двинулась быстрым маршем предгорьями Носайри к Монферрану. Марш был очень тяжел, и армия потеряла много сил. Когда франки вышли с гор на равнину недалеко от Монферрана, их со всех сторон атаковали войска Зенги. Франки храбро сражались, но были разбиты. Большинство осталось на поле боя, другие, в том числе и Раймунд II, были взяты в плен, король Фульк с личной охраной пробился через вражеские ряды и укрылся в замке.

Прежде чем Зенги осадил замок, король послал гонцов в Иерусалим, к патриарху, в Эдессу и в Антиохию с просьбой о немедленной помощи. Патриарх Гийом собрал все, что осталось в Палестине, и со Святым Крестом пошел на север. Армии Жослена и Раймунда Антиохийского объединились в Антиохии и двинулись на юг. Хотя и Эдесса, и Антиохия находились в крайне тяжелом положении, все понимали, что гибель короля и его рыцарей означает гибель всего королевства. В городах и замках государств крестоносцев, по сути дела, не осталось ни одного боеспособного мужчины.

К счастью для Палестины, ее соседи не предприняли никаких обширных наступательных действий. В Египте в это время, летом 1137 г., произошел переворот: визирь-армянин Вахрам был свергнут неким Ридваном ибн Валакши, яростным ненавистником христиан, и тот был занят тем, что вырезал друзей и родственников предшественника. Базаваш опустошил было Иудею, но сообразил, что полная победа над франками оставит Дамаск один на один с Зенги, и быстро убрался домой.

В конце июля 1137 г. франки собрались в долине Бекаа. Тем временем король Фульк был полностью отрезан в Монферране от внешнего мира. Запасы подходили к концу, а десять камнеметательных машин день и ночь разрушали стены замка. Король отправил герольда к Зенги узнать об условиях сдачи. Условия оказались на редкость мягкими: Зенги предоставлял свободный выход королю и его людям из Монферрана за передачу ему замка. Более того, Зенги обещал освобо-

дять без выкупа всех попавших в плен в сражении, в том числе и графа Триполи. Король принял условия, и Зенги сдержал слово. Король и его рыцари прошли перед Зенги, и тот оказал им воинские почести, а королю подарил дорогое одеяние. Они встретились с освобожденными пленниками и все вместе двинулись в долину Бекаа настречу франкской армии. Самые самонадеянные сожалели, что не продержались еще немного, однако более умные понимали, что сдача крепости была наилучшим решением.

Историки поражают снисходительность и великодушие Зенги, обычно ему, коварному и жестокому, не свойственные. Однако Зенги не продешевил. Замок Монферран был очень важным стратегическим пунктом, контролировавшим проход в долины Бекаа и верхнего Оронта, а также дороги в города Хама и Хомс. Возможное поражение от франкской деблокирующей армии или даже победа с большими потерями отдавали Зенги в руки Базаваша из Дамаска. И самое главное, в это время с большой армией к Антиохии приближался самый могущественный государь Передней Азии, византийский император Иоанн II.

Глава 21

Поход императора Иоанна

Император Алексей не простил франкам нарушения присяги и невыполнения условий Девольского договора, однако карательный поход на Восток все время откладывал: мешали внеочередные проблемы. Заботы и тревоги не оставляли и сына и наследника Алексея, императора Иоанна.

Восхождению Иоанна на трон препятствовала интрига со стороны императорской дочери Анны. Она была самой старшей из детей Алексея и уже ребенком обручена с сыном императора Константина Дуки, молодым соправителем Алексея Константином Дукой, которого император обещал сделать престолонаследником. Ранняя смерть жениха после рождения брата Анны была страшным ударом для честолюбивой девушки. Она вышла замуж за кесаря Никифора Вриенния, сына провозгласившего себя императором в 1077 г. Никифора Вриенния. Вместе со своей матерью она теперь постоянно пыталась убедить отца передать трон ее мужу. Когда император Алексей лежал на смертном ложе, дочь и жена не отходили от него ни на шаг и требовали лишить Иоанна престола. Однако Алексей твердо решил сделать наследником сына. Когда Иоанн пришел попрощаться с отцом перед смертью, тот незаметно передал ему кольцо с императорской печатью. Спешно выйдя из покоя, где умирал отец, Иоанн быстро овладел обстановкой. Он велел не выпускать из дворца сестру и мать, армия и сенат провозгласили его правящим императором, и патриарх в церкви Святой Софии немедленно короновал его императорской короной. Вскоре Анна организовала заговор, чтобы устранить Иоанна и посадить на трон своего мужа Вриенния. Однако заговор был выдан императору, весьма вероятно, самим Никифором, у которого не было никакого желания садиться на трон. Заговорщики понесли легкие наказания: Анна на время лишилась части своих имений, были конфискованы (но затем возвращены) имения у ее сторонников, мать императора, видимо, даже не участвовавшая в заговоре, ушла в монастырь, Никифор Вриенний вообще не пострадал. Анна провела дальнейшую жизнь в уединении, выбрав профессию историографа, и, видимо, в этой роли больше запомнилась и пришла к душе миру, чем если бы стала императрицей.

Новому императору был 31 год. Маленького роста, темнолицый и черноволосый, он был прежде всего солдатом и предпочитал походы дворцовым покоем.

Он был умным и справедливым администратором, скупым по отношению к самому себе и щедрым по отношению к друзьям и бедным. Он получил от подданных прозвище Калоян – Добрый. Его лучшим другом был его великий domestik, крещенный турок Аксух, взятый в плен мальчиком при завоевании Никеи в 1097 г. Иоанн получил от отца хорошо организованную и вооруженную армию, сильный флот и достаточно полную казну и поставил себе целью не только возродить империю в ее прежних границах, но и осуществить притязания отца в северной Сирии.

Война не покидала границ Византии. Через 30 лет после разгрома опять подняли голову печенеги. В 1122 г. они перешли нижний Дунай и вторглись на византийскую территорию. Император Иоанн нанес им жестокое поражение. Больше печенеги не появлялись на исторической сцене. Сербия при Алексее в первый раз освободилась от власти Византии, но затем вследствие внутренних раздоров молодое королевство опять распалось, и Иоанн снова подчинил себе большую его часть. Венгрия, к неудовольствию Византии, расширялась в сторону Хорватии, Боснии и Далмации и поддерживала Сербию в ее борьбе за освобождение от Византии. Несмотря на то что Иоанн был женат на венгерской принцессе, в 1128 г. дело дошло до открытой войны; венгры на Балканском полуострове продвинулись вплоть до Софии, однако были разбиты и отогнаны. Поход 1129 г. окончательно покорил сербов.

Итальянские города периодически затевали войну с Византией, чтобы, по примеру Венеции, получить торговые привилегии. В 1111 г. благоприятный договор удалось получить Пизе, позднее некоторые привилегии были предоставлены Генуе. В 1122 г. Иоанн попробовал отказаться от уступок, сделанных его отцом Венеции в 1082 г. за помощь в войне с нормандцами Робера Гискара. Венеция выслала флот, нападавший на византийские острова в Адриатическом и Эгейском морях, и после четырехлетней войны вернула себе свои права. В 1126 г. Иоанн вынудил пизанцев разорвать договор с итальянскими нормандцами, и теперь все три итальянские республики находились в добром согласии с империей.

Нормандцы Италии тем временем полностью оправились после поражения, понесенного Боэмундом под Диррахием. Рожер II Сицилийский в 1127 г. овладел Апулией, на Рождество 1130 г. в Палермо был коронован королевской короной и превратился в одного из самых могущественных и богатых государей Европы. Новый король питал неизменную и неутихавшую семейную ненависть к Византии. Помимо прочего, византийский император сохранял притязания на южноитальянские земли и мечтал об их возвращении. Признание за Рожером королевского титула означало отречение Византии от всех прав на итальянские земли, которыми она так недавно владела. Одним словом, войны

было не избежать. К счастью для Византии, усиление Рожера несло угрозу и для германского императора, имевшего важные интересы в Италии. Ввиду общей опасности между Иоанном и германским императором Лотарем Саксонским, а затем его преемником Конрадом III Штауфеном был заключен союз, обращенный против южноитальянских нормандцев. В 1135 г. Иоанн отправил в Германию ко двору императора Лотаря большую миссию, которая предложила императору значительную денежную субсидию, если он нападет на Рожера Сицилийского. После нескольких месяцев переговоров Лотарь пообещал напасть на Рожера весной 1137 г. Даже если Иоанну не удалось нанести удар по могуществу Рожера, то он смог воспрепятствовать его планам нападения на Византию.

Не было мира и в Анатолии. Первый крестовый поход помог Алексею утвердиться в западной трети Анатолийского полуострова и на его северном, западном и южном берегах. Ко времени смерти императора Алексея в 1118 г. турецкая часть Анатолии была разделена между рум-сельджукским султаном Масудом, правившим из Икония землями от реки Сангари (Сакарья) на севере до Тавра на юге, и эмиром Данишмендидом Гази II, которому принадлежала территория от реки Галис (Кызыл-Ирмак) до Евфрата. В Мелитене правил младший брат Масуда Тогрул Арслан под присмотром своей матери и ее второго мужа Артукида Балака.

Несмотря на византийскую победу при Филомелии в 1116 г., в течение следующих двух лет рум-сельджуки вторглись в долину Меандра (Мендерес), захватили Лаодикею Фригийскую и перерезали дорогу на Атталию. В это же время данишмендиды на севере, переправившись через реку Галис, вторглись в Пафлагонию. Болезнь, а затем смерть в 1118 г. помешали Алексею нанести ответный удар.

Свой первый поход против турок Иоанн совершил весной 1119 г. Он отвоевал у Рум-Сельджуков Лаодикею Фригийскую и открыл сухопутную дорогу в провинцию Памфилия к Атталии. Одновременно он натравил на Данишмендидов мелких независимых греческих и турецких князьков, а затем и Тогрула Арслана, рум-сельджукского эмира Мелитены, чтобы лишить возможности эмира Данишмендида оказать помощь зятю, рум-сельджукскому султану Масуду.

В течение нескольких следующих лет эмир Данишмендид значительно усилился. После того как в 1124 г. погиб отчим Тогрула Арслана Мелитенского Артукид Балак, эмир Данишмендид Гази II захватил Мелитену. Затем он отнял у Византии Анкиру, Кастамуни и Гангру и продвинулся в Пафлагонии до Черного моря. Когда в 1129 г. умер князь Рубенид Торос, эмир Гази II обратился на юг и вместе с армянами убил Боэмунда II Антиохийского на берегу реки Жи-

хан. Опасаясь того, что Данишмендид нападет на Антиохию и завоюет ее, Иоанн напал на него сам и отвоевал часть Пафлагонии. Семейные раздоры Рум-Сельджукидов помешали им оказать помощь Данишмендиду. В 1125 г. в результате переворота к власти в Иконии пришел Рум-Сельджукид Араб, а его свергнутый брат Масуд бежал в Константинополь, где был с почетом принят императором. Оттуда он перебрался к своему тестю Данишмендиду Гази II и с его помощью после четырехлетней борьбы отвоевал трон. Теперь в Константинополь бежал Араб, где и умер.

Ежегодно, с 1130 по 1135 г., Иоанн совершал по большей части успешные походы на Данишмендидов. Смерть Гази II в сентябре 1134 г. облегчила задачу императора, и в этом году он отвоевал потерянные земли, за исключением Гангры, которую он взял в следующем году. Начавшиеся раздоры в семье помешали сыну и наследнику Данишмендидов Гази II, Мухаммеду II, дать отпор византийцам и оказать помощь Рум-Сельджукскому султану Масуду, также подвергнувшемуся натиску греков, и последний вынужден был заключить мир с Иоанном.

Теперь у императора были развязаны руки для того, чтобы заняться восточными проблемами. Весной 1137 г. собравшаяся в Атталии огромная армия во главе с императором и его сыновьями выступила на восток. По морю параллельно армии шел флот. Появление императора стало неожиданностью для армян и франков. Рубенид Лев, владевший восточной Киликией, отступал перед императором. Тарс, Адана и Мамистра без сопротивления открыли ему свои ворота. Город-крепость Аназарб в предгорье Тавра, на левом фланге императорской армии, сопротивлялся 37 дней и сдался, когда византийские камнеметательные машины полностью разрушили его стены. Лев отступил в горы Тавра, и император не стал его преследовать. Пройдя мимо Александретты, Алексей через Сирийские ворота пересек горы Аманус и вышел на антиохийскую равнину. 29 августа он разбил лагерь под Антиохией, на северном берегу Оронта.

Раймунда в Антиохии не было. Вместе с Жосленом Эдесским он ушел выручать короля Фулька из Монферрана. Добравшись до долины Бекаа, они нашли короля на свободе. Сначала Фульк хотел сам встретиться с императором, но передумал и возвратился в Иерусалим. Раймунд вернулся в Антиохию и успел проскользнуть со своими войсками через Железные ворота в город, несмотря на начавшуюся осаду.

Через несколько дней, в течение которых византийские камнеметательные машины непрерывно обстреливали стены и башни Антиохии, Раймунд отправил Иоанну послание, предлагая признать его верховным сеньором, если император сохранит за ним его земли. К этому Раймунда вынудило то, что он не мог

ждать помощи извне и не был уверен, что население его поддержит. Император ответил требованием безоговорочной сдачи. Раймунд заявил, что должен испросить мнение короля Фулька, своего ленного сеньора, и в Иерусалим в большой спешке было отправлено послание. Ответ Фулька не облегчил положение князя: «Мы все знаем, и наши предки учили нас с давних пор, что Антиохия была частью константинопольской империи, пока ее не вырвали у императора турки, которые владели ею четырнадцать лет, и что претензии императора законны по причине заключенных нашими предшественниками договоров. Должны ли мы, таким образом, отрицать правду и противиться тому, что справедливо?».

Почему король Фульк дал такой ответ? Очевидно, потому что у латинских государств не было сил сопротивляться армии императора, потому что этим государствам в этот момент угрожали Зенги и Базаваш и помощь против них они могли найти только у Византии. К этому нужно добавить, несомненно, то, что ответ короля представлял мнение добросовестных крестоносцев, полагавших, что договор, заключенный между Алексеем и их отцами, является все еще действительным и что признание ими этого договора налагает на императора обязанность оказания помощи франкам.

Получив ответ Фулька, Раймунд решил прекратить сопротивление, ничего другого ему не оставалось. Пошел на уступки и император. Его требования теперь были таковы: Раймунд должен прибыть к нему, принести клятву верности и открыть императору доступ в город и цитадель. Он должен помогать императору в войне с мусульманами. После того как они совместно завоюют Алеппо, Шайзар, Хаму и Хомс, князь должен возвратить Антиохию императору, а сам взамен получить княжество, состоящее из этих городов. Раймунд согласился, он прибыл в императорский лагерь и, опустившись перед императором на колени, принес присягу на верность. Иоанн не настаивал больше на вступлении в Антиохию, но его знамя было вывешено над цитаделью. Император брал за основу в своих отношениях с Раймундом не константинопольскую присягу Алексею, а заключенный последним с Бозмундом Девольский договор: княжество Антиохия должно было быть отнято у непокорного вассала, но могло продолжить существование как государство покорного вассала, вместе с другими вассальными государствами на границах империи в качестве защитного буфера оно должно было отражать вражеские нападения.

Войну с Зенги в этом году начинать было уже поздно, и император возвратился в Киликию, чтобы завершить ее завоевание. Замок Вака в горах Тавра – место пребывания семьи князя Рубенида Льва – продержался несколько недель. После падения замка Лев и его старшие сыновья Рубен и Торос были взяты в плен и отправлены в тюрьму в Константинополь. Малая (Киликийская) Армения была

присоединена к Византии. Рубен вскоре умер, а Льву и Торосу было разрешено жить под стражей при дворе. Лев умер через четыре года, а Торос сбежал и вернулся в Киликию.

Иоанн расположился на зимних квартирах в Киликии. К Зенги была послана миссия с предложением мира и дружбы, чтобы создать у него впечатление, что император не собирается нападать на него.

В феврале 1138 г. по приказу императора в Антиохии были арестованы купцы и приезжие из Алеппо и других соседних мусульманских городов, чтобы они не смогли сообщить о военных приготовлениях. В конце марта императорская армия подошла к Антиохии, где к ней присоединились войска Раймунда и Жослена и отряд тамплиеров. 1 апреля был занят Балат, затем, после пятидневного сопротивления, пала Бизза. Зенги осаждал дамаский город Хаму, когда лазутчики донесли ему о вторжении христиан. Он спешно отправил войска под командой Савара в Алеппо, чтобы усилить гарнизон. Может быть, Иоанну нужно было сразу, не теряя времени, идти к Алеппо, потому что, подойдя к нему 20 апреля, он увидел, что город хорошо укреплен и защищается большим гарнизоном. Иоанн не решился предпринимать осаду и повернул на юг. В течение шести дней, с 22 по 27 апреля, он занял Атарерб, Маарру и Кафартаб и 28 апреля подошел к Шайзару.

Шайзаром владел эмир Мункидит Абул Азакир Султан, упорно отстаивавший в борьбе с Зенги свою независимость. Может быть, поэтому император думал, что Зенги не станет помогать городу. Город занимал стратегически очень выгодное положение на среднем Оронте и был бы мощным препятствием на пути вторжения Зенги в Сирию. Нижний город был быстро захвачен, но эмир укрепился в цитадели. Большие камнеметательные машины обстреливали цитадель, расположенную на крутом утесе над городом. Император в золотом шлеме лично руководил осадой. Франки же почти не участвовали в войне. У Раймунда и Жослена не было причин любить императора, к тому же князь боялся, что Алексей высылит его из Антиохии в захваченный Шайзар, а Жослен, втайне ненавидевший Раймунда, никоим образом не хотел, чтобы последний получил от императора Шайзар, а затем, может быть, и Алеппо. Он наветываниями укреплял Раймунда в его подозрениях против императора. Пока Иоанн все время проводил перед цитаделью, руководя осадой, франкские князья день-деньской не вылезали из шатров, играя в кости. Упреки тихо возмездием их императора почти не достигали цели. Горько придется пожалеть о своем поведении сначала Жослену, а затем и Раймунду!

Тем временем Зенги снял осаду с Хамы и двинулся к Шайзару. Он обратился в Багдад к султану Масуду за помощью. Тот сначала уклонился, но народное возмущение, требовавшее священной войны, заставило его отправить армию

на помощь Зенги. Обещал помочь из Джазиры Артукид Даудуд армией из 15 000 туркмен. Были отправлены послания к эмиру Данишмендиду Мухаммеду II с требованием произвести отвлекающее нападение в Анатолии. Агенты влияния Зенги в армии христиан разжигали злобу франкских князей к императору.

Зенги расположился со своей армией недалеко от Шайзара. Выступить против атабека Иоанн не решился, опасаясь, что в его отсутствие защитники Шайзара уничтожат осадные машины, тем более что он не доверял франкам, боялся их измены в ответственный момент. Выход из создавшегося положения нашел эмир Шайзара. 20 мая он послал парламентариев к императору и предложил ему богатый выкуп, признание императора своим сеньором, выплату ежегодной дани и, кроме того, в подарок великолепных коней, шелковые одеяния и две дорогие вещи – украшенный драгоценными камнями стол и отделанный рубинами крест, захваченный в 1071 г. у императора Романа Диогена при Манцикерте. Полный досады и отвращения к своим франкским союзникам, 21 мая 1138 г. Иоанн принял условия и снял осаду. Императорская армия в строгом порядке двинулась к Антиохии, и Зенги не мешал ее отступлению.

Иоанн потребовал торжественного въезда в город. Император въехал в Антиохию на коне, а князь Раймунд и граф Жослен шли рядом с ним пешком, как оруженосцы. Латинский патриарх Рауль и духовенство вышли навстречу к городским воротам и сопровождали императора по празднично украшенным улицам города на торжественную обедню в кафедральный собор, а оттуда в княжеский дворец, который Алексей сделал своей резиденцией. Император призвал к себе Раймунда, выразил неудовольствие тем, как тот недавно выполнял свои обязанности вассала, и потребовал, чтобы его армию пропустили в город и чтобы ему была передана цитадель. В предстоящих походах на мусульман, заявил император, Антиохия будет использоваться как база, и поэтому цитадель нужна ему, чтобы хранить там казну и снаряжение. Франки пришли в ужас. Раймунд попросил время, чтобы обдумать требование, в это время Жослен выскользнул из дворца и приказал своим солдатам объявить среди латинцев, что император требует немедленной передачи ему города, за которым следует их выселение. Тем самым он подтолкнул горожан-франков к погрому греческого населения. Подтолкнуть чернь к погрому во все времена было несложно, в нем приняли участие и солдаты Жослена. Когда начались волнения и на улицах стали убивать мирных греков, Жослен ворвался во дворец, крича, что он, рискуя жизнью, прибежал предупредить императора о грозящей ему опасности.

Хитрость Жослена была очевидна и понятна Иоанну. Однако на Востоке до сих пор нельзя предугадать, чем закончится то или иное волнение, и это было хорошо известно императору. Фактически он был отрезан от своей армии,

расположившейся на северном берегу Оронта. Находившийся в плохо защищенном дворце, охранявшийся только своей личной гвардией и со всех сторон окруженный франками, он, кроме того, хотел прекратить избиение в городе греков. Поэтому он велел Раймунду и Жослену прийти к нему и сообщил им, что пока он хочет, чтобы они вновь принесли ему ленные клятвы, а сам думает возвратиться в Константинополь. Он отправился к своей армии, и князь и граф сразу же прекратили беспорядки. Когда император воссоединился с армией, у него было сильное искушение немедленно начать войну с франками, но тут он узнал, что рум-сельджуки по наущению Зенги напали на Киликию. Войну с франками он решил отложить и сначала восстановить коммуникации. Раймунд не был уверен в своей победе и в том, что император не начнет войны, и поэтому предложил Алексею оставить в городе своих чиновников, но тот, как и предполагал князь, отказался, и они расстались внешне дружелюбно, однако затаив друг к другу душевную грубость.

В марте 1138 г., откликаясь на призыв о помощи из княжества, папа Иннокентий II опубликовал постановление, в котором осуждал войну Византии с христианской страной и запрещал любому католику оставаться в византийской армии, если та будет воевать с латинской Антиохией. Хотя, согласно Девольскому договору, в Антиохии должен был быть восстановлен греческий патриархат, Иоанн терпел присутствие латинского патриарха и за все время переговоров с Раймундом ни слова не сказал о замене в княжестве латинского патриарха греческим, видимо, оставляя решение этого вопроса на то время, когда в его руки перейдет политическая власть в городе.

По дороге домой в Константинополь Иоанн наказал Рум-Сельджукида Масуда за нападение на Киликию и получил от него богатый выкуп. В 1139–1140 гг. Иоанн вел войну с эмиром Данишмендидом Мухаммедом II, более опасным врагом, который, пока император пребывал в Сирии, захватил всю Вифинию до реки Сангари. Летом 1139 г. Иоанн изгнал Данишмендида из Вифинии и Пафлагонии, осенью двинулся на восток, вдоль берега Черного моря, и целый год осаждал Никсар, неприступную крепость Данишмендидов в горах. Армия понесла значительные потери, в довершение бед изменил племянник императора Иоанн, сын его брата Исаака. Он принял ислам и женился на дочери Рум-Сельджукида Масуда. Османские султаны впоследствии заявляли, что будто бы ведут свое происхождение от него. Родным братом ренегата Иоанна был будущий император Андроник I. Осенью 1140 г. Иоанн увел армию домой, намереваясь вернуться на следующий год. Однако в следующем году умер эмир Данишмендид Мухаммед II и началась война между его наследниками, что позволило императору заняться другими делами.

Тем временем в Сирии Зенги за 1137 г. отбил у Раймунда все, что им было отдано императору, весной он отвоевал Кафартаб, а осенью – Маарру, Биззу и Атарерб. В следующие четыре года Зенги был полностью занят войной с Дамаском, которая, однако, не привела к падению города. Франки вели себя пассивно и не воспользовались представившейся ситуацией. Раймунд и наместник Зенги в Алеппо Савар обменивались набегами на вражескую территорию, но до решительного сражения дело у них не доходило. Жослен бездельничал в Эдессе, раздоры мусульманских правителей возле его границ после смерти Данишмендида Мухаммеда предоставили ему такую возможность. Иоанн внимательно следил за положением дел в Сирии и укреплялся в мысли овладеть Антиохией и подчинить Эдессу.

Одна из причин пассивности Раймунда заключалась в нехватке людских сил, другая – в раздорах с патриархом Раулем. Отношения у них расстроились окончательно. Раймунд и не думал, конечно, выполнять свою клятву подчиниться патриарху, его раздражали его тщеславие и самонадеянность. Неприятный характер Рауля обеспечил князю союзников против него в лице подчиненных патриарха, и среди них членов капитула кафедрального собора – архидиакона Ламбера и каноника Арнульфа из Калабрии. При поддержке Раймунда они отправились в Рим принести жалобу папе на неправильные выборы Рауля. По дороге в Рим Арнульф, по рождению подданный короля Рожера II, нажаловался тому на то, что Рауль передал Раймунду антиохийский трон, предназначенный сицилийцу. Раулю ничего не оставалось как самому ехать в Рим, чтобы оправдаться перед папой. В Южной Италии он был арестован Рожером, однако, благодаря своему красноречию и привлекательным манерам, сумел оправдаться и был отпущен в Рим. В Риме его красноречие и подарки одержали вторую победу. Он сложил свою мантию архиепископа на алтарь собора Святого Петра и получил ее от папы обратно, то есть понтифик подтвердил его право на патриарший престол. На обратном пути его с почетом встретил король Рожер. Однако по прибытии в Антиохию духовенство, побуждаемое Раймундом, отказалось принести ему обычные почести – выйти навстречу к городским воротам. Разгневанный и обиженный Рауль удалился в монастырь Святого Симеона. Вскоре Жослен, никогда не упускавший возможности досадить Раймунду, пригласил его в Эдессу с официальным визитом и торжественно принял его как духовного главу. Теперь Раймунд считал для себя более безопасным пригласить его обратно в Антиохию, где ему была оказана почетная встреча.

Однако тихая война князя и патриарха на этом не закончилась. По новым жалобам Раймунда и недовольного духовенства против Рауля в Риме было

предпринято новое расследование. После смерти в Акре весной 1139 г. по дороге в Антиохию после посещения Святых мест первого проверяющего, престарелого легата-архиепископа Петра из Лиона, из Рима был послан второй легат – Альбер, кардинал-епископ Остии. По его прибытии осенью 1139 г. в Антиохии в кафедральном соборе Святого Петра был созван синод, на который съехались все прелаты латинского Востока, включая патриарха Иерусалима. Почти весь синод оказался на стороне князя и недовольного патриархом духовенства. Рауль отказался прибыть на заседания. Единственный его сторонник, архиепископ Серлон Апамейский, был исключен из состава синода. Когда после трех официальных вызовов Рауль отказался явиться, чтобы ответить на выдвинутые обвинения, он был объявлен смещенным. На место патриарха был выбран старшина капитула Амори (Аймар) из Лиможа, человек энергичный, хотя и малограмотный, недруг Рауля и приятель князя. Рауль бежал из тюрьмы, куда был посажен Раймундом, прибыл в Рим и вновь добился благосклонности папы и кардиналов, однако умер в 1142 г., возможно, как говорили, отравленный, так и не дождавшись своего восстановления в должности. Раймунд обеспечил себе, таким образом, полную поддержку антиохийской церкви.

К началу 1142 г. Иоанн принял решение о походе в Сирию. Весной этого года вместе с четырьмя сыновьями он повел войска через Анатолию в Атталию. Поход был хорошо подготовлен и с дипломатической, и с военной точки зрения. Еще в 1136 г. Иоанн заключил союз с наследником императора Лотаря Конрадом III против Рожера Сицилийского. Его послы прибыли в Германию, чтобы заключить мир и укрепить его при помощи брака между родственниками обоих императоров. Уезжая назад в 1142 г., послы забрали с собой сестру жены императора Конрада Берту Зульцбахскую, которая должна была под именем Ирины стать женой младшего сына императора Иоанна, Мануила. Отношения Византии с итальянскими торговыми морскими городами были хорошими. Данишмендиды воевали между собой и не угрожали империи.

Остановившись в Атталии, император повел войну с рум-сельджуками, они были отброшены, византийские пограничные крепости укреплены. Пока император ждал в Киликии окончания войны с рум-сельджуками, заболел и умер его старший сын и наследник Алексей. Иоанн поручил своему второму и третьему сыновьям, Андронику и Исааку, перевести морем тело старшего брата в Константинополь, и по пути умер второй сын императора, Андроник. Горе не остановило императора. Армия из Киликии двинулась через горы Аманус и в середине сентября 1142 г. неожиданно вышла к Турбесселю. Жослен спешно прибыл к императору, принес ему клятву верности и оставил заложницей свою дочь. Иоанн повернул назад и 25 сентября прибыл в замок тамплиеров Гастен, прикрывавший Антиохию с севера и контролировавший проход к городу из

Киликии через Сирийские ворота в горах Аманус. Из Гастена он отправил посланцев к Раймунду и повторил старое требование: передать ему Антиохию и стать главой нового княжества, составленного из завоеванных у мусульман городов. Не уверенный в поддержке местного населения Раймунд прибег к единственному способу сопротивления, который у него оставался, – стал тянуть время. Как и в 1137 г., он заявил, что должен испросить мнение, но теперь уже не короля, а своих ленников.

Проведенный в Антиохии в присутствии патриарха Амори княжеский Коронный совет объявил, конечно, с согласия князя, что Раймунд правит в городе только как муж наследницы княжества и поэтому не имеет права распоряжаться судьбой государства, даже вместе князь и княгиня не могут передать княжество в чужие руки без согласия вассалов, а они на это никогда не согласятся и отстранят их от трона, если те попробуют это сделать. Передавший ответ княжеского совета императору епископ Джабалы напомнил также Иоанну решение папы 1138 г., осуждавшее войну императора с христианской страной, но предложил императору торжественный въезд в город. Этот ответ противоречил всем ранним обещаниям Раймунда, и у императора не оставалось иного выбора, кроме войны. Однако в этом году воевать было уже поздно, и император решил стать на зимние квартиры в Киликии, а весной вернуться и покорить Антиохию.

Из Киликии он отправил миссию к королю Фульку в Иерусалим, чтобы сообщить ему о своем желании посетить Святые места и выработать вместе с королем общий план борьбы с мусульманами. Приход в Палестину большой византийской армии неизбежно означал бы признание королем верховенства императора. Может быть, для христианской Палестины это было бы лучшим выходом, однако король и его латинские бароны не хотели этого. К императору была послана ответная миссия из епископа Ансельма Вифлеемского, коменданта цитадели (Башни Давида) Роара и аббата Храма Господня Жофруа, владевшего греческим языком. Они объяснили Иоанну, что Палестина маленькая и бедная страна, и ее запасов может не хватить для большой императорской армии, и что король рад приветствовать императора, пусть только он придет с меньшими силами. До поры до времени император не стал настаивать на своем предложении.

Подготовка к вторжению императорской армии в княжество шла полным ходом, однако в марте 1143 г., перед выступлением в поход, император решил поохотиться в горах Тавра на кабанов. На охоте Иоанн оцарапал руку стрелой. Он не придавал этому значения, но рана воспалилась, и дело закончилось заражением крови. Иоанн умирал по-солдатски мужественно. Он назначил наследником младшего, четвертого сына – Мануила, человека блестящих способностей,

в обход третьего – Исаака, находившегося в Константинополе, по мнению отца, не годившегося в императоры по причине неустойчивого, неуравновешенного характера. Иоанн склонил своего друга доместика Аксуха поддержать притязания Мануила. Перед смертью он надел корону на голову Мануила, заставил своих военачальников присягнуть ему как императору и умер 8 апреля 1143 г.

Аксух поспешил в Константинополь, чтобы известить двор и страну о смерти императора и воспрепятствовать возможной попытке Исаака захватить трон. Мануил с армией двинулся следом за ним. Пока он не утвердился на троне, он не мог позволить себе никаких наступательных предприятий.

Смерть Иоанна спасла франкскую Антиохию. Обезопасив себя военными союзами с запада, Иоанн в течение всего своего правления боролся с турками и отвоевывал потерянные ранее территории на востоке. Иоанн передал наследнику государство более сильным и обширным, чем то, которое он получил от своего отца.

Книга вторая

**Второй и третий
крестовые
походы**

Глава 22

Смерть короля Фулька

Известие о смерти императора Иоанна 8 апреля 1143 г. вызвало радость и облегчение среди франков. Эти чувства разделил с ними и атабек Мосула и Алеппо Имад ад-Дин Зенги. Последние два года он находился под постоянным давлением султана Сельджукида Масуда ибн Мухаммеда, хотевшего заменить его своим братом. Только передав султану большую сумму денег, отправив к нему сына в качестве заложника и выразив полную покорность, Зенги удалось избавиться от нашествия его армии. Масуд лично повелел ему овладеть Эдессой. Теперь, не опасаясь более умершего императора, Зенги мог снова начать большую войну с франками и атабеком Дамаска.

Еще после того как в 1138 г. император Иоанн снял осаду с Шайзара и поссорился франками, Зенги с большой армией окружил Хомс и потребовал у Дамаска руки княгини-матери Зумурруд и Хомс в качестве приданого. Атабеку Дамаска Шихаб ад-Дину Махмуду, сыну Бури, не осталось ничего, как согласиться. В июне 1138 г. Зумурруд вышла замуж за Зенги, и Хомс перешел в его руки. Наместник Хомса мамлюк Муин ад-Дин Унур возвратился в Дамаск, и когда в ночь на 28 июня молодого атабека Шихаб ад-Дина Махмуда убили три его любимца-пажа, он немедленно взял власть в свои руки. Подозревали, что заказчик убийства – Зенги, однако овладеть Дамаском ему не удалось. Муин ад-Дин Унур приказал распять убийц и вызвал из Баальбека его наместника и сводного брата (по отцу) убитого атабека, Мухаммеда. Последний стал атабеком Дамаска, в награду выдал свою мать за Унура и передал ему Баальбек. Унур, однако, остался в Дамаске, продолжая в качестве регента управлять городом.

Подстрекаемый Зумурруд и ее сыном Бахрамшахом, врагом Муин ад-Дина Унура, Зенги начал войну с Дамаском. Но прежде чем идти на Дамаск, осенью 1139 г. он двинулся к Баальбеку. После непродолжительной осады 10 октября город сдался, но цитадель, построенная на развалинах большого храма финикийского бога Баала, продолжала сопротивление. 21 октября, после того как Зенги поклялся на Коране, что сохранит жизнь защитникам, цитадель сдалась. Однако Зенги не сдержал слова: все взятые в плен защитники цитадели были казнены, а их семьи проданы в рабство. Зенги, таким образом, хотел запугать дамаскинцев и

принудить к быстрой сдаче, но добился обратного, укрепив в них дух сопротивления: никто не хотел сдаваться нарушителю слова и веры.

Перед новым, 1140 г. Зенги осадил Дамаск и предложил атабеку Мухаммеду обменять Дамаск на Баальбек или Хомс. Унур не согласился на это, и город продолжал стойко держаться. 29 марта внезапно умер Мухаммед, и Унур, сохраняя верность Буридам, посадил на престол его малолетнего сына Муджир ад-Дина. Одновременно он счел возможным в борьбе против такого бесчестного врага обратиться за помощью к франкам. К королю Фульку была послана миссия во главе с Мункидитом Усамой. Он уже ездил в Иерусалим в 1138 г. с предложением Унура о военном союзе. Усама был принят тогда с большим почетом, но франки отклонили это предложение. Теперь у крестоносцев были более верные представления о могуществе и опасности Зенги, и Коронный совет принял предложение Унура. Рассказывает Ибн аль-Каланиси: «Франки потребовали выплатить им взамен определенную сумму, чтобы помочь им и поддержать их силы при осуществлении их планов, а также дать им заложников, чтобы обеспечить верность. Ответ был положительным; им отдали деньги и заложников из семей военачальников; франки начали готовиться к выступлению, чтобы оказать осажденным помощь, принести спасение и поддержку. Они посланиями созвали воинов из всех крепостей и городов, чтобы отеснить атабека [Зенги] и помешать ему достичь поставленной цели в Дамаске, пока его власть и сила не возросли и не осложнили бы положение...».

В апреле 1140 г. армия крестоносцев разбила полевой лагерь у Тиверии, а затем, в конце мая, получив подкрепления, двинулась к Дамаску. Не желая попасть в положение меж молотом и наковальней, между франками и дамаскинцами, Зенги увел армию к Баальбеку, а затем в Алеппо. В начале июля у озера Гуле армии Фулька и Унура встретились. Так окончательно сформировался союз между франками и Дамаском. Было решено общими силами осадить Банияс, захваченный Зенги. Осаду города облегчило то, что шедший на соединение с Фульком Раймунд Антиохийский по дороге разгромил отряд турок, вышедший из Банияса в грабительский набег в окрестности Тира. После непродолжительной осады армиями Фулька, Раймунда и Унура Банияс сдался. Унур уступил город франкам. В городе был оставлен его прежний сеньор Рене де Брю и назначен новый епископ – архидьякон Адам из Акры. Вскоре после этого Унур в сопровождении Усамы нанес королю визит в Акру, где был принят с большим уважением и почетом, затем в Хайфу и Иерусалим, после чего вернулся в Дамаск. Союз Иерусалима, Антиохии и Дамаска остановил экспансию Зенги на юг, и Фульк получил возможность укрепить южную границу с Египтом.

Вокруг Аскалона в 1136–1142 гг. были построены три больших замка – Ибелен, Бланшгард и Бейт Джибрен, чтобы защищать страну от египтян и од-

новременно опустошать окрестности города. Ибелен, на развилке дороги из Аскалона на Яффу и Рамлу, был построен на развалинах римского города. Сеньором Ибелена стал Балиан I, коннетабль графства Яффа. После того как во время мятежа Гюга дю Пюизе Яффского он принял сторону короля, Фульк передал ему Ибелен как коронный лен. Женившись на Эльви, наследнице Рамлы и Лидды, он стал основателем известнейшей на Востоке франкской фамилии. Сеньором замка Бланшгард на холме на дороге из Аскалона в Иерусалим был Арнульф, один из самых могущественных баронов Палестины. Третий замок, Бейт Джибрен, на дороге из Аскалона в Сент-Авраам, принадлежал Ордену госпитальеров.

Многokrатно уступая мусульманам в живой силе, государства крестоносцев вынуждены были строить свою оборону, опираясь на замки. При наступлении враг не мог оставить замки у себя в тылу, так как они стояли на его коммуникациях, и вынужден был осаждать их, тем временем франки получали возможность собрать армию и выступить навстречу. Тактика крестоносцев заключалась в том, чтобы, не вступая в бой, дожидаться, когда вражеская армия из-за нехватки продовольствия начнет разбегаться, и тогда враг вынужден был отступить.

При короле Фульке была значительно укреплена южная граница королевства. После того как из-за мятежа лен Трансиордания с замком Монреаль был отнят у Романа дю Пюи, его получил мундшенк (кравчий) королевского двора Паган. Он оказался храбрым воином и хорошим администратором. Чтобы держать под контролем как южную, так и северную оконечности Мертвого моря, он перенес свою штаб-квартиру из Монреаля в Идумее (земля южнее Мертвого моря) на север, в землю Моав, где в 1142 г. построил с согласия короля большую крепость Керак на холме, звавшемся Петра Дизерти (Камень Пустыни). Эта крепость позволяла контролировать не только брод через нижний Иордан у впадения его в Мертвое море, но и единственную дорогу из Египта и Аравии в Сирию. Крепость позволяла держать под защитой сельское хозяйство на прилегающей равнине и добычу соли из Мертвого моря и брать дань с бедуинских племен.

Чтобы защитить от египтян и разбойников дорогу из Яффы в Иерусалим, в 1133 г. вблизи Бейт Нубы был построен замок Шатель Арно. Далее на север, у Иордана, на южном берегу Генисаретского озера, в 1140 г. был построен большой замок Бельвуар, контролировавший мост через Иордан и дорогу по долине реки. Еще далее на север замок Сафед, построенный в 1101 г., контролировал дорогу из Акры в Дамаск и брод Иакова на Иордане, а замки Торон (1105) и Субейба (ок. 1130) – дорогу из Тира в Дамаск. Севернее, у реки Литани, в 1139 г. был построен замок Бофор, державший под контролем дорогу к Сидону по ее долине.

Могучая крепость госпитальеров Крак де Шевалье (1144) контролировала проход в горах с северо-востока к Триполи, а крепость Сайун (ок. 1130) – пробитую в скалах над пропастью дорогу с подъемным мостом, защищенным укрепленной башней, из Латакии к Оронту и оттуда к Антиохии и Алеппо.

Нехватка людских сил и недостаток средств заставляли правителей латинских государств отдавать построенные крепости рыцарским Орденам тамплиеров и госпитальеров, которые, окрепнув, стали проводить свою собственную политику, не всегда совпадавшую с интересами франкских правителей.

В последние годы своего правления король Фульк пользовался полной и верной поддержкой своих баронов. Патриарх Иерусалима Гийом из Мессины был его преданным и надежным другом. В 1138 г. сражаться за крест в течение лета в Палестину прибыл во главе сравнительно большой армией Тьерри Лотарингский, граф Фландрский, женатый на Сибилле, дочери Фулька от первого брака. (Первым мужем Сибиллы был Гийом Клитон, граф Фландрский, погибший в борьбе с Тьерри за графство.) Это было первое из четырех путешествий Тьерри в Святую Землю.

Пока Фульк строил замки, королева Мелизанда, потеряв возлюбленного Гюга дю Пюизе и став старше, обратилась к делам благочестия. Она жертвовала значительные суммы и земли церковным учреждениям и была основательницей новых. Церковь Гроба Господня и Храм Господа пользовались ее особым расположением. Благодаря ей улучшились отношения с яковитской, армянской и православной церквями. Заслуживает внимания ее преданность сестрам. Алиса стала княгиней Антиохии, Годиерна – графиней Триполи. Младшую, 18-летнюю Ивету, выбравшую духовный путь, она сделала аббатисой монастыря Святого Лазаря и его сестер Марфы и Марии в Вифании, у Масличной горы. Со стороны деревни Вифания, согласно Новому Завету, верхом на осле въехал в Иерусалим в Пальмовое (Вербное) воскресенье Иисус Христос. Мелизанда подарила этому монастырю город Иерихон и построила возле него укрепленную башню.

В отношениях с итальянскими и южнофранцузскими торговыми городами Фульк придерживался политики Бодуэна II. Он добросовестно выполнял взятые обязательства, но никому не предоставлял торговую монополию.

Осенью 1144 г. королевский двор находился в Акре. 7 ноября королевская семья со свитой выехала за город на прогулку. Кавалькада вспугнула зайца, король погнался за ним, конь споткнулся, и Фульк вылетел из седла. Конь упал на него и седлом разбил королю голову. Фульк умер через три дня. Ему было 52 года. Он был разумным человеком и хорошим королем. Союз Фулька, Раймунда Антиохийского и Унура Дамасского надежно защищал христианскую и мусульманскую Сирию от агрессии Зенги, атабека Мосула и Алеппо.

После смерти короля Бодуэна II официально считалось, что королевством правят три соправителя – Фульк, Мелизанда и их сын Бодуэн III. Теперь, после смерти короля, королева Мелизанда взяла власть в свои руки. Из детей, которых она родила Фульку, в живых остались только два сына – 14-летний Бодуэн и 7-летний Амори. На Рождество 1144 г. Мелизанда вместе с сыном Бодуэном были вновь коронованы Гийомом, патриархом Иерусалима. Коронация ни у кого не вызвала сомнений и была подтверждена Коронным советом.

В качестве главного советника королевы выдвинулся Манассия Ержский (de Hierges), ее двоюродный брат и фаворит, ставший коннетаблем после смерти Гийома де Бюра. Сын сестры Бодуэна II, он прибыл в Палестину молодым в 1140 г., и близость к королевскому дому обеспечила ему карьеру. После смерти Балиана I д'Ибелена он женился в 1152 г. на его вдове Эльви, наследнице Рамлы, которая вместе со своими сыновьями владела всей равниной к югу от Яффы и Рамлы до границы с Египтом. Объединившиеся Мелизанда и Манассия имели явную склонность к единовластию, но палестинские бароны до поры до времени не оказывали им сопротивления.

Глава 23

Внутреннее устройство государств крестоносцев

У Готфрида Бульонского не было времени для строительства государства. Первым занялся внутренним обустройством государства Бодуэн I. Это дело продолжили короли Бодуэн II и Фульк. На территории Сирии и Палестины в результате крестового похода образовалось четыре государства: королевство Иерусалимское, а также вассальные по отношению к королю графства Эдесское и Триполитанское и княжество Антиохия. Все эти государства обычно объединяются под одним названием – Латино-Иерусалимское королевство. На территории королевства было четыре больших коронных лена: княжество Галилея с центром в Тиверии, графство Яффы и Аскалона (последний был взят франками в 1153 г.), сеньория Трансиордания с крепостями Керак де Моав и Монреаль (Шаубак) и сеньория Сидон и Цезарея. Были еще у короля менее значительные ленники – владельцы Арсуфа, Ибелена, Сент-Авраама (Хеврона), Иерихона и др. Иерусалим, Тир, Наблус и Акра составляли королевский домен.

Власть во всех владениях Латино-Иерусалимского королевства передавалась по наследству. Бароны имели право лишь подтверждать королевский титул ближайшего родственника умершего короля.

Наряду с поместьями или вместо разоренных мусульманами поместий короли стали жаловать вассалов феодами в виде статей дохода. Это могли быть таможенные пошлины, рыночные сборы и платежи, право собирать налоги, владение мельницами, давяльными прессами. Такие феоды назывались «денежными феодами», или «феодами безанта».

Рыцари были вассалами баронов или короля, и все владения были феодами. Военная служба своему сюзерену была главной обязанностью вассала, тем более что государства крестоносцев находились в состоянии непрекращавшейся войны с соседями. Вассал обязан был по призыву сеньора являться к нему на службу вооруженным и на коне и приводить с собой своих вооруженных людей. Вассал не имел права надолго оставлять свой феодал. Оставивший свой феодал и не вернувшийся в течение одного года и одного дня терял его.

Наряду с дворянством и духовенством, создавался путем непрерывной продолжительной иммиграции еще один свободный франкский класс – *bourgeois* (буржуа – горожане). Франкский горожанин был социально выше сирийского

горожанина или землевладельца. Разделительная граница проходила не столько между дворянином и недворянином, сколько между франком и нефранком. Франки – римско-католические христиане – образовывали государственный народ, участвовавший в политической жизни и в принятии политических решений. Король официально титуловался как «*per Die gratiam in sancta civitate Jerusalem Latinorum rex*» («К славе Божьей в святом Иерусалиме король Латинцев»).

Однако возможность горожан принимать участие в политической жизни была в основном чисто формальной; они участвовали только в определенных актах, например при решении вопросов престолонаследия и при коронации, после которой горожане Иерусалима прислуживали при коронационной трапезе. В основном горожане жили в городах – Иерусалиме, Акре, Тире, Антиохии и Триполи и других, однако некоторая часть их жила в поселениях вне городов.

Общая численность франков в королевстве Иерусалим – дворяне, духовенство и горожане – составляла в 1187 г. 120 тысяч человек (в том числе 20 тысяч дворян), из них 30 тысяч в Иерусалиме, 40 тысяч в Акре и 25–30 тысяч в Тире. К высшему франкскому классу относились также священники. Их количество можно оценить в несколько сот человек.

У короля Иерусалима не было специального административного аппарата. Он управлял страной при помощи *Haute Cour* (*От Кур*) – «Высокого Суда».

У *От Кур* было два назначения: Высокий (Рыцарский) суд и Коронный совет. Высокий суд был высшим и единственным органом правосудия для высшего класса, а также сеньюральным судом для коронных владений. Он занимался законодательством, проводил политические директивы, выбирал короля и регента, разбирая правовые претензии по происхождению нескольких претендентов. В *От Кур* заседали не только дворянство, но и с 1120 г. представители духовенства, с 1148 г. – чужеземные крестоносцы высшего ранга и магистры больших рыцарских орденов, когда увеличилось их могущество.

От Кур управлял всей политической, экономической, законодательной и юридической властью в королевстве. Все вассалы короля могли участвовать в заседаниях, но главную роль там играли знатные сеньоры, а окончательные решения принимал король. Судебные заседания Высокого суда назывались *ассизами*.

Вначале государства крестоносцев не имели никаких писаных законов и суд руководствовался обычным феодальным правом, феодальными *кутюмами* (обычаями). Кутюмы вначале не записывались, а передавались от поколения к поколению устно. Впервые кутюмы были записаны в 1120-х и 1130-х гг. при Бодуэне II и Фульке и сведены в общий сборник. Он состоял из 24 статей, определявших положение Высокого суда. В конце XII–начале XIII в. кутюмы, применявшиеся в ассизах королевства, были собраны и записаны. Этот

сборник получил название «Иерусалимские Ассизы», новые законодательные установления также были названы «Ассизы».

Сборник состоял из двух частей, в соответствии с существованием двух судов. *Рыцарские ассизы*, основанные на феодальном праве, содержали обычаи *От Кур* – Высокого (Рыцарского) суда. *Ассизы горожан*, применявшиеся в *Кур де Буржуа* (судах горожан), имевшихся к концу XII в. в каждом городе, были основаны на обычаях, которыми руководствовались суды провансальских городов по торговым делам. В XIII в. этот сборник был признан обязательным. Им руководствовались также в Антиохии, в Кипрском королевстве, в Латинской империи и даже, вероятно, в королевстве Малая Армения.

Долгое время считалось, что этот сборник – воспроизведение более древних законов, который был составлен якобы по приказу Готфрида Бульонского. Он будто бы хранился в иерусалимской церкви Гроба Господня и потому назывался *Lettres de Sepulcre* («Письмами Святого Гроба»). Полагали, что эти «Письма» погибли при взятии Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г. Однако это была лишь легенда, придуманная позже, чтобы поднять авторитет «Ассиз».

На суде было обязательным присутствие адвокатов, и суд, несмотря на очень сложное и запутанное процессуальное право, предоставлял ответчику некоторые правовые гарантии, вплоть до допустимого для всех франков судебного поединка.

Законодательство поощряло рыцарей к тому, чтобы они переселялись из Европы или оставались на Востоке, прибыв сюда паломниками. В отличие от Европы, для воинских ленов здесь имело место наследственное право дочерей и боковых родственников. Если рыцарь пал в бою, его владения оставались в его семье. Даже если он не имел прямых наследников, их получало оставшееся в Европе семейное сообщество, которое теперь могло послать на Восток нового человека.

Законодательство также шло навстречу паломникам из низших слоев; паломникам и бедным людям разрешалось не приводить в суд свидетелей, так как вновь прибывшие с трудом могли их найти.

Вначале короли крепко держали власть в своих руках. Королю принадлежало исключительное право заключать договоры с итальянскими морскими республиками и с Византией, право чеканки монеты и таможенной пошлины. До конца XII в. король назначал патриарха, выбирая его из двух кандидатов, представленных канониками церкви Гроба Господня, но мог отвергнуть и обе кандидатуры. В точно определенных 12 случаях король имел право казнить, в том числе за фальшивомонетничество, самовольную чеканку монеты, нарушение государственных портовых и дорожных прав, разбой, государственную измену

и вероотступничество. Постепенно, начиная с 1130–1160-х гг., короли начали терять власть в пользу высшей знати. Появился высший слой дворянства из примерно двенадцати семей, которые объединили в своих руках по нескольку ленов. Случались мятежи знати. В барониях сформировались собственные суды, и в XIII в. насчитывалось 22 лена, имевших собственную юрисдикцию и право на обладание свинцовой печатью. С конца XII в. некоторые баронии (Тир, Сидон, Бейрут и, возможно, Яффа) захватили даже королевское право чеканки монеты.

Управлять страной королю помогали коронные чиновники. Важнейшим из них в стране, постоянно ведущей войну, был коннетабль, который командовал армией, платил солдатам и был главой военного суда. Его заместителем был маршал, ему подчинялись солдаты, и он отвечал за ремонт (пополнение убыли) армейских лошадей. По сравнению с ними на второй план отходил сенешаль, такой важный в Европе. Он был заместителем короля в Высоком суде, управлял королевскими крепостями и председательствовал в королевском «Секрете». Есть предположение, что «Секрет» выделился из канцелярии, видимо, он вел кадастровый (перечень земель для взыскания налогов) учет и контроль. Камергер, которому полагался особый камер-лен, вместе с мундшенком (кравчим) управлял королевским хозяйством. Королевские виконты (наместники), необязательно дворяне, управляли владениями в королевском домене и председательствовали в Кур де Буржуа. У баронов были собственные виконты, осуществлявшие местное управление и председательствовавшие в их судах.

В княжестве Антиохия институты были похожими, с той разницей, что княжество с самого начала по нормандскому обычаю было наследственным и выборы в Высоком суде ограничивались назначением регента или бальи (управляющего). В Антиохии в управлении сохранились византийские элементы, и поэтому назначавшиеся князем для управления Антиохией, Джабалой и Латакией виконты назывались, на византийский манер, дуками (*duces*).

Рыцарская армия королевства основывалась на лене, прежде всего на денежном лене, каждый лен приносил в год одному рыцарю примерно 400–500 безантов дохода. По состоянию примерно на 1180 г., больших и малых коронных ленов было на 675 рыцарей. Граф Яффы и Аскалона, сеньор Сидона и Цезареи, князь Галилеи должны были выставить по сто вооруженных рыцарей, сеньор Трансиордании – шестьдесят. Примерно столько же, сколько в королевстве, в общей сложности было рыцарей в княжестве Антиохия и в графствах Эдесса и Триполи. В рыцарскую конницу входили также оруженосцы, их было немного больше, чем рыцарей.

К этому количеству нужно добавить войска рыцарских Орденов тамплиеров и госпитальеров, выводившие в поле во второй половине XII в., во время

расцвета орденов (до падения Иерусалима), по 300 рыцарей и по столько же *туркополов*. (В походе 1168 г. в Египет участвовало до 500 рыцарей-госпитальеров, при этом, однако, значительное количество их было заранее вызвано из Европы.)

Духовенство и горожане поставляли пеших солдат (*сержантов*): патриарх, церковь Гроба Господня, города Иерусалим и Акра – по 500 человек, архиепископы Назарета и Тира, епископ Акры и аббат горы Сион – по 150, город Тир – 100 и т. д., всего 5025 человек. Помимо сержантов, пехотой были также «*соде-ры*» – солдаты на жаловании.

В королевской армии, как и в орденах, состояли упомянутые выше *туркополы* – легкая конница, созданная по византийскому образцу, набиравшаяся из местных христиан, мусульман, принявших христианство, и детей от смешанных браков с крещеными мусульманками. В тяжелые времена объявлялась всеобщая мобилизация, когда в армию призывались все боеспособные франкские мужчины. Большую помощь оказывали крестоносцы, прибывавшие каждый год, с весны до осени, сражаться за крест.

Целью войны было не полное уничтожение вражеской армии (для этого не хватало сил), а почти всегда твердо определенная задача в локальном конфликте. Постепенно, вместе с усилением мусульманских армий, франки перешли к оборонительной пограничной войне, стратегия которой избегала открытого сражения с рискованным исходом и имела целью связать действия врага до тех пор, пока разнородная мусульманская армия не начинала разбегаться. Обязательная служба вассалов на Востоке была значительно продолжительнее, чем в Европе (там, в основном, она длилась 40 дней в году). Вначале службу несли вообще неограниченно по времени, но для вассалов это было экономически разорительным. Позже перед выходом в поход король объявлял его срок, который не должен был быть дольше года. По истечении срока призыва в случае необходимости вассалы, правда, могли быть задержаны, но в этом случае король обязывался платить им дополнительно. О службе в походе на вражескую территорию королю нужно было вести предварительные переговоры с вассалами и также платить им отдельно. Хотя война всегда была государственной необходимостью, она одновременно являлась и личным заработком.

Основой военной тактики была необходимость в сплоченном боевом порядке, воин, потерявший строй, быстро становился жертвой более подвижной и маневренной мусульманской кавалерии. Уставы рыцарских орденов предполагали строгое наказание нарушившему строй. Пехота поддерживала и прикрывала тяжеловооруженных рыцарей на марше и в бою, пока рыцарям не представлялся удобный момент атаковать врага сомкнутым строем. Такой атаки мусульмане, как правило, не выдерживали.

Нехватка людских сил заставляла франков в большом количестве строить в оборонительных целях замки, особенно на юго-западе у Аскалона и на юго-востоке вблизи Мертвого моря. Замки должны были контролировать дороги и переправы. Иногда замки располагались на месте византийских крепостей, часто строились на новом месте, при этом замки отличались мощью и крепостью каменных стен, строительство по технике не отличалось от европейского. Замки строились на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было общаться с соседями при помощи световых сигналов. Иногда строительство замков носило наступательный характер, например при осаде Триполи и Тира. Оборонительно-наступательную роль играл замковый пояс из Ибелена, Бланшгарда и Бейт Джибрена, возведенный Фульком в 1136–1142 гг. вокруг фатимидского Аскалона.

Вокруг замков возникали поселения с церковью и в дальнейшем деревни. Налоги, получаемые с крестьян, позволяли коменданту замка содержать замок и платить солдатам жалование. С другой стороны, замок обеспечивал безопасность поселенцам, и даже в случае большого мусульманского набега мог дать надежное убежище местному латинскому населению. Водоснабжение замка обеспечивалось из источников или цистерн внутри замковых стен. Зерно, доставленное в замок, молотось на замковых ветряных или на вращавшихся животными мельницах, и хлеб выпекался в замковых печах. Возле некоторых замков имелись водяные мельницы.

Доходы короля складывались из нескольких источников. Ежеквартально виконты вносили доходы от коронных владений в «Секрет», который вел им учет. Эти доходы складывались из феодальных налогов и налогов на доход от продуктов сельского хозяйства и городской продукции. Кроме того, королю в его доменах принадлежали финансовые права на производство определенной продукции (производство сахара, выделка кож, крашение, производство шелка). Сбор налогов с этой продукции отдавался в аренду за определенную часть генеральным арендаторам. Тяжелые налоги платили христиане-сирийцы, в то время как с мусульман брали умеренный налог с головы, а с племен бедуинов – дань.

Большой доход король получал от таможенных и портовых сборов из Акры и Тира. Импорт, предназначенный для потребления в собственной стране, облагался тяжелым (до 25 %) налогом; транзитный импорт с Востока, предназначенный для продажи в Европе, облагался налогом в несколько раз меньшим (в XIII в. – от 4 до 11 %), с целью защиты своих портов от конкуренции египетских. Чужие корабли должны были вносить *якорные деньги* от одной серебряной марки и треть от взимаемой с пассажиров стоимости проезда, это был очень важный для короля налог. Вначале паломники платили налог на приве-

женное с собой имущество, который отменил Бодуэн II в 1130 г. В 1120 г. им же был отменен налог на ввозимые в Иерусалим хлеб и овощи.

Приносило доход королю и право чеканки монеты. Производилась также и перчеканка *сарацинских безантов* (мусульманских золотых динаров). При перчеканке содержание золота в них постепенно уменьшалось. Чеканились также, видимо, для продажи в качестве сувениров паломникам, золотые прямоугольные жетоны с латинскими именами иерусалимских королей.

Налогом облагалось вступление в наследство (в Антиохии этот налог составлял девятую часть годового дохода).

Королям всегда не хватало денег, поэтому они постоянно вводили временные налоги. Во время острых политических кризисов, грозивших государству падением, все население облагалось чрезвычайным налогом.

После того как провалилась попытка патриарха Даимберта превратить Иерусалим в церковное государство, палестинская церковь подчинилась королю, находясь в прочном союзе с Римской церковью. Папа осуществлял контроль, делегируя легатов. Во главе церкви в Святой Земле стояли патриархи* Иерусалимский и Антиохийский. Иерусалимский патриархат оттеснил на второе место более древний и заслуженный Антиохийский. Иерусалимскому патриарху подчинялись постепенно основанные архиепископства Цезареи, Тира, Назарета и Раббата Моавского и епископства Рамлы-Лидды, Вифлеема, Себасты, Тиверии, Бейрута, Акры, Сидона, Банияса и Сент-Авраама, а также девять аббатов в ранге епископа и пять приоров. Некоторые определенные аббатства, а также Ордены тамплиеров и гоститальеров подчинялись непосредственно папе.

Латинский патриархат Антиохии состоял из архиепископств Тарса и Эдессы и епископств Мамистры, Аданы, Триполи, Тортосы и Жибле (Джубейля).

Патриарху в Иерусалиме принадлежал квартал, не подвластный государству, в котором он пользовался правом отправления правосудия. В Иерусалимском патриархате были три «монастырских епископства», епископства без епископов в Хайфе, Яффе и Наблусе, управлявшиеся архиепископом Цезареи и приорами церкви Гроба Господня и Храма Господня – монастыря, устроенного крестоносцами на Храмовой горе в бывшей мечети Куббат ас-Сахра («Купол над Скалой»). Епископской церковью патриарха была церковь Гроба Господня, главная церковь страны, обладавшая обширными владениями в Святой Земле, а также и в Европе: там ей принадлежали в 1128 г. 60 церквей в 18 европейских диоцезах (епископских округах). При церкви Гроба Господня действовал августинский мужской монастырь под руководством своего приора,

* Сан патриарха в латинской церковной иерархии был идентичен сану архиепископа. Патриарх был как бы старшим архиепископом.

превращенный патриархом Арнульфом в 1114 г. в обычный мужской монастырь. У Иерусалима на Масличной горе, на том месте, где Иисус вознесся на небо, находились церковь и монастырь Вознесения; на горе Сион – аббатство Успения Богоматери; в долине Иосафата – аббатство Святой Марии, на Храмовой горе у Храма Соломона – принадлежавшая тамплиерам церковь Святой Марии Латеранской (названной в честь Латерана – тогдашней папской резиденции в Риме), и на холме Монжуа у могилы пророка Самуила – небольшой монастырь премонстрантов. На горе Тавор (Фавор) у Геннисаретского озера находился бенедиктинский клюнийский монастырь, а другой – Палмерия – с 1170 г. у Тиверии; цистерцианцы поселились в графстве Триполи и в княжестве Антиохия. Отшельники нашли пристанище в Черных горах на севере у Антиохии, в Иудейской пустыне и в самом Иерусалиме. В XIII в. на горе Кармель из отшельников образовался Орден кармелитов. Вскоре после того как в первой трети XIII в. папа принял устав нищенствующих орденов, они поселились в Святой Земле, прежде всего доминиканцы, из которых во второй половине XIII в. вышло много епископов.

Религиозная жизнь была расписана по Святым местам. Рождество (25 декабря) праздновалось в Вифлееме, Богоявление – Крещение (2 февраля) – на Иордане, Сретенье (25 марта) – в Храме Господнем на Храмовой горе, Вознесение – на Масличной горе, Троица – на горе Сион. Успение Марии (15 августа) поминали в долине Иосафата, Страстную пятницу – в церквях на Голгофе и у Гроба Господня, а затем в большой общей церкви Гроба Господня. В Страстную (предпасхальную) субботу там с неба сходил Благодатный Огонь – знаменитое «огненное чудо», запрещенное ввиду пожароопасности папой Григорием IX после пожара в 1238 г.; там же праздновали Пасху и Крестовоздвижение (14 сентября). К традиционным праздникам добавился новый – 15 июля – день взятия Иерусалима и освящения церкви Гроба Господня. На том месте, где участники Первого крестового похода ворвались в город, был установлен большой каменный крест, уничтоженный мусульманами в 1187 г.

Работало несколько школ, в том числе при церкви Гроба Господня, в которых обучалось подрастающее поколение священников. Самые способные ехали учиться в Италию и Францию, как, например, Гийом Тирский, проучившийся в Европе около 20 лет.

У духовенства была собственная юрисдикция (подсудность), и не только над собой, но и над светским населением, по вопросам ереси или отступничества, колдовства, завещаний и брака, а также по сексуальным проступкам и преступлениям.

В отличие от Европы, где церковную десятину платил безземельный крестьянин, в Святой Земле ее должны были платить землевладельцы, включая

короля, а также и церковные организации, если они не были освобождены от этого папой или епископатом. Десятина выплачивалась не отдельным приходским церквям, а центральному кафедральному собору по раскладке на приходы. Это обеспечивало латинской церкви получение налогов от большого круга нелатинских христиан, а также от мусульман, так как десятина выплачивалась из доходов латинских землевладельцев, а также через латинских владельцев от таких групп горожан (православные, христиане-еретики, евреи), от которых в Европе не могли бы взимать десятину в пользу церкви. Как мы уже говорили, рыцарские ордены, к неудовольствию епископов, освобождались папами от уплаты десятины от непосредственно управляемого ими имущества. Часть десятины тратилась на содержание приходов. Это положение не побуждало епископов покрывать страну густой сетью приходов. В городах имелась только одна приходская церковь, которая при пребывании в городе епископа являлась кафедральным собором. В Иерусалиме, где в середине XII в. было не менее 27 церквей, была единственная приходская церковь – Гроба Господня. В самом большом городе королевства Акре с 38 церквями было несколько приходских церквей, в том числе итальянские в итальянских кварталах города. Так как землевладельцы-латинцы не жили в деревнях и вообще франки вне городов и замков селились только в немногих защищенных селах, лишь в этих селах на всю страну имелось несколько латинских сельских церковных приходов.

Чтобы предотвратить перемещение недвижимого имущества в пользу церкви с целью сохранения воинских ленов, запрещалась продажа ленов церкви. Однако короли нуждались не только в моральной поддержке церкви, но и в ее финансовых возможностях, и поэтому часто обращались к церковному имуществу. Короли щедро наделяли церковь землями, завоеванными у мусульман, это уменьшало количество рыцарей, но, возможно, увеличивало денежные поступления от церкви.

С другой стороны, церковь активно влияла на государственную политику. Хотя Бодуэн I поддерживал папство в споре за инвеституру и после пленения папы Пасхалия II в 1111 г. в Риме германским императором Генрихом V патриарх Иерусалима Жиблен от имени королевства первым отлучил его от церкви, у себя в стране король Бодуэн I осуществлял строгий контроль за десятиной – главным источником дохода церкви, из-за чего он уже в 1101 г. вступил в ожесточенный спор с Даимбертом, патриархом Иерусалима. Только в 1120 г. в Наблусе его преемник Бодуэн II, в качестве платы за поддержку на выборах, торжественно возвратил церкви контроль за десятиной. После этого папство безуспешно пыталось устранить королевское влияние на выборы епископов и патриарха. Только папе Целестину III в конце XII в. удалось несколько ослабить право короля на их утверждение.

У латинской церкви самые напряженные отношения из всех христианских церквей были с православными греками. Они оставались только в церкви Гроба Господня, где иногда вели службу. Однако большинство православных монастырей сохранилось, уцелело также аббатство – архиепископство на Синайском полуострове, все они признавали сохранившийся теневой Иерусалимский патриархат в Византии. С яковитами латинская церковь почти всегда была в хороших отношениях. Королева Мелизанда одаривала их, а также армян и православных. Церковь маронитов в 1181 г. даже объединилась с латинской церковью. С течением времени уменьшалась власть короля и все более увеличивались властные права баронов, а затем также и патриарха.

Менее всего сохранилось сведений о положении церковных дел в Эдессе. Достоверно известно, что там латинский архиепископат с несколькими подчиненными епископатами в городах графства мирно сосуществовал с армянским и яковитским епископатами.

Среди франков наряду с дворянством образовался другой свободный класс – буржуа (горожане). Этому способствовало, во-первых, то, что, местные горожане – христиане были издавна организованы в религиозные и этнические группы, и, во-вторых, сословная юрисдикция, отделявшая франков-дворян от франков-горожан. Горожанами были жители небольших новых поселков, образовавшихся внутри страны и на границах вокруг и внутри замков, и ремесленники, купцы и солдаты в Иерусалиме и прибрежных городах. Итальянские и южнофранцузские купцы были объединены в собственные общины, отделенные от франкских общин горожан.

Суды и органы самоуправления горожан-франков *Кур де Буржуа*, соответствующие *От Кур* дворянства, образовались, судя по сохранившимся документам, в Иерусалиме с 1125 г., в Акре с 1135 г. и с середины XII в. присутствуют по всей стране. Двенадцать присяжных, все франки, под председательством виконта как заместителя городского сеньора вершили правосудие по гражданским и уголовным делам над франкскими горожанами без возможности пересмотра приговора, тогда как *От Кур* мог потребовать еще судебного поединка, который, если заканчивался в течение одного дня победой осужденного, давал ему возможность избежать виселицы, вопреки судебному приговору. Кур де Буржуа были подсудны убийства среди нефранков, и он служил также нотариальным учреждением для торговых и гражданских дел. В этом суде могли обжаловаться дела *Cour de la Fonde* (Торговый суд) – суда по торговым делам и коммерческому транзиту и *Cour de la Chaine* (Кур де ла Шэн) – суда Цепи заграждения гавани, занимавшегося вопросами морского права и судоходства. Если спорящими сторонами были франки и христиане-нефранки, суд назначался смешанным и состоял из двух франков и четырех христиан-сирийцев.

Этот же суд разбирал торговые дела греков, мусульман и евреев. *Кур де ла Шэн* был чисто франкским. При цене спора более одной марки серебра (240 г) дела отправлялись в *Кур де Буржуа*. Оба суда служили также для взимания таможенных и торговых пошлин. Судебный поединок для этих специальных судов исключался.

Хотя ремесленники одной специальности с целью присмотра и сбора налогов располагались на одной улице, цехов в городах крестоносцев не было, так как никогда ремесленники-франки не стали бы объединяться в один цех с сирийскими, греческими и еврейскими ремесленниками. Образование цехов стало невозможным еще и потому, что одной из главных целей цеха было регулирование рынка со стороны предложения, а новым ремесленникам-франкам нельзя было отказать в просьбе на въезд в страну. Видимо, только врачи сформировали коллегия, которая под председательством епископа проводила экзамены и выдачу лицензий чужеземным врачам.

Государства франков зависели от итальянских морских городов, так как не имели собственного военного флота, а также нуждались в итальянском экспорте и импорте. Венецианцы и генуэзцы владели несколькими улицами в Иерусалиме. Венецианцы занимали треть Тира, там же поселились и барселонцы; генуэзцы и пизанцы расположились в Акре, генуэзцы владели Жибле, меньшие колонии во франкских городах были у выходцев из Марселя, Монпелье и Амальфи.

Купцы жили и торговали в собственном городском квартале, с собственными церковью, складами, баней, пекарней, бойней, мельницей и прочим, благодаря чему, а также и своей обособленности, уклонялись от налогов, которые должны были бы платить за пользование городскими товарами и продуктами. Кварталом управлял присланный из Европы губернатор. Собственный суд разбирал малые дела, прежде всего по торговым сделкам; по делам с кровопролитием итальянцы и южнофранцузы отвечали перед *Кур де Буржуа*. По мере ослабления королевской власти купцы получали большую свободу торговли, освобождение от налогов, сборов, пошлин и право не пользоваться королевскими мерами и весами.

В XIII в. в латинских государствах Востока начали образовываться городские самоуправления (коммуны). Тогда же итальянские коммуны стали вмешиваться с оружием в руках во внутренние столкновения в прибрежных городах.

До крестовых походов европейские купцы не очень часто посещали Сирию и Палестину, там можно было найти только купцов из Амальфи и Генуи, и последняя предпочитала торговать с Египтом. Торговля Средиземноморского востока с Европой до крестовых походов велась сирийцами, евреями и греками. Генуя продолжала торговать с Египтом и после возникновения на Востоке

латинских государств. Из сохранившихся нотариальных реестров одного генуэзского нотариуса за 1156–1164 гг. видно, что объем капиталов, вложенных в египетскую и сирийскую торговлю, примерно одинаков – около 10 тысяч генуэзских фунтов в каждую, но при этом нужно учесть, что в реестрах торговли с Египтом не показаны кораблестроительные материалы: дерево, железо и смола, главные импортные товары Египта, продажа которых мусульманам была запрещена папой и консулами и производилась контрабандой.

В XII в. инвестор, отправлявший корабль, и торговец, принимавший корабль, делили прибыль пополам, в то время как второй вкладывал в дело только треть капитала, то есть нес только треть возможного убытка. В XIII в. схема изменилась: все деньги вкладывал инвестор, а торговец получал только 25 % прибыли, ничем не рискуя. Была еще одна схема, так называемая морская ссуда, против которой боролась церковь, запрещавшая ссудные проценты: торговец полностью оплачивал корабль с грузом, занимая чужой капитал с твердой процентной ставкой в 35 %; при этом предполагалось, что прибыль составит не менее 50 %, чтобы сделка была выгодной.

Из этих же сохранившихся генуэзских нотариальных реестров видно, что 80 % капитала, вложенного в сирийскую торговлю, поступало от 7 инвесторов, а остальные 20 % – от 20 других, в то время как в египетской торговле участвовало около 100 инвесторов. Из 7 ведущих инвесторов сирийской торговли двое, еврей и сириец, находились в Сирии, а пятеро были генуэзцами, родственниками и приближенными к роду Висконти, ведущей политической группы, ежегодно ставившей в городе консулов. Таким образом, малая группа генуэзцев монополизировала всю сирийскую торговлю и контролировала ее на месте при помощи своих доверенных лиц. Центром генуэзской торговли в XII в. стал Жибле.

В XII–XIII вв., как и прежде, Египту принадлежала большая часть транзитной торговли с Индией, Китаем и Аравией. Однако часть торговли с этими странами перешла к Акре и Тиру, как и вся иранская, сирийская и месопотамская торговля. В Европу отправлялись корабли с транзитными товарами: парфюмерия и фармацевтика (духи, ладан, имбирь, алоэ, мирра, камфара, мускус), пряности (перец, корица, гвоздика, кардамон, мускат), ткани (шелк, лен, дамасс, муслин), красящие средства для европейского текстиля, сандаловое дерево, слоновая кость, дамасские стальные изделия, жемчуга, драгоценные камни. В Европу поставляли местные продукты и товары: оливковое масло, вино, сахар, апельсины, миндаль, хлопок, шелковые ткани из Триполи и еврейские стеклянные изделия из Тиры. В Египет везли засоленную рыбу, фрукты – лимоны, апельсины, финики, оливковое и кунжутное масло, из Египта – хлеб, соль, кур и гончарные изделия. Из Европы приходили как для транзитной торговли

с Востоком, так и для внутреннего потребления текстиль и шерсть из Фландрии, Англии и Франции, металлы (железо, медь, ртуть, свинец), дерево и смола, седла и для франков засоленная свинина. Дальнейший импорт на Восток находился в основном в руках мусульманских купцов, хотя в XIII в. венецианцы бывали в Дамаске, а сиенцы – в Алеппо. Нужно упомянуть также торговлю рабами. Постепенно развивалась возможность депозитного вложения средств людьми, отправлявшимися в паломничество или в крестовый поход в Венеции и в европейских отделениях рыцарских орденов.

Движение масс на Восток времен Первого крестового похода (*commotio*) сменилось в XII–XIII вв. упорядоченным *переездом* (*passagium*), когда в Святую Землю перевозились европейские переселенцы, рыцари-крестоносцы, люди, давшие крестовый обет на короткое время, а также рыцари орденов. В XIII в. количество двух первых категорий сократилось в связи с появлением более благоприятной для поселения Латинской империи. *Переезды* осуществлялись итальянскими морскими городами. Ежегодно было два *переезда*: большой пасхальный – в марте–апреле и осенний – в августе–сентябре. При возвращении в XIII в. Венеция придерживалась следующих сроков отплытия: 8 мая для пасхального *переезда* и 8 октября для осеннего. Таким образом, рыцари и паломники, прибывшие в Святую Землю на время, могли оставаться там по полгода или по году. Пасхальный *переезд* был более популярным и дешевым. Плавание из Венеции в Святую Землю продолжалось в среднем полтора месяца, в обратном направлении – доходило до трех. Сильные торговые города добились для себя исключительного права перевозки паломников; в Италии *переезды* отправлялись из Венеции, Пизы и Генуи, во Франции – из Марселя.

Крестьяне в Палестине и Сирии были частью христиане-сирийцы, частью мусульмане-феллахи, небольшую часть составляли мусульмане-рабы. За исключением рабов, положение политически бесправных крестьян материально было неплохим. К приходу крестоносцев на Востоке из-за создания больших латифундий, принадлежавших государству, помещикам и мечетям, осталось мало свободных крестьян-мусульман, так что франкское завоевание почти не затронуло крестьян. Положение крестьян-мусульман у помещиков-христиан было гораздо лучшим, чем рядом – у помещиков-мусульман. Это объясняется очень просто: в случае недовольства крестьяне легко могли сменить хозяина – уйти на мусульманскую территорию, благо идти было недалеко. Чтобы этого не происходило и потому что крестьян всегда не хватало, франки не могли себе позволить сильно их притеснять.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на мусульманского путешественника с Пиренейского полуострова Ибн Джубайра, побывавшего в королевстве Иерусалим в 1184 г.: «Из Тибнина [Торона] двинулись мы на рассвете дальше.

Наша дорога долго шла через возделанные земли и пребывавшие в порядке селения, все жители которых были мусульманами и спокойно жили с чужаками. Храни нас Бог от таких соблазнов! Они отдавали во время уборки урожая половину своего урожая франкам и платили, кроме этого, подушную подать в один динар [в динаре – десять киратов] и пять киратов на человека. Помимо этого они [франки] не вмешивались в их дела, кроме небольшого налога на фрукты с деревьев. Их дома и все их имущество остаются в их полном владении. Все прибрежные города, принадлежащие франкам, управлялись таким же образом; и их сельские районы, деревни и дворы принадлежали мусульманам. Их сердца были совращены, так как они наблюдали, насколько тяжелее живется их братьям в мусульманских областях под властью их собственного губернатора. Это – несчастье для мусульман! Мусульманская община жалуется на несправедливость помещика одной с ними веры и одобряет справедливые поведение и обычаи своего соседа и врага, франкского помещика».

Крестьяне пользовались религиозной свободой. У сирийцев был собственный суд *Cour des Syriens* (суд Сирийцев), у мусульман – *Cour du Rais* (суд Раиса). Раисы – старосты – были городскими и деревенскими. Раис обычно стоял во главе мусульманской деревни, на него возлагались обязанности судьи, он отвечал за сбор налогов и представлял деревню перед сеньором, но могло быть так, что одному раису подчинялись несколько деревень или одна деревня имела трех раисов.

Рабы могли освободиться, крестившись, и тогда они становились арендаторами, но землевладельцы препятствовали этому, даже чинили помехи посещать церковь мусульманам, перешедшим в христианство. В 30-х гг. XIII в. в пользу обратившихся мусульман ходатайствовал папа Григорий IX, хотя и заверил землевладельцев, что принявшие христианство рабы будут оставаться несвободными.

Деревни были разных размеров, их угодья колебались от 11 до 64 гектаров. Единицей площади была *carruca* размером около 2 гектаров. Считалось, что каррука должна обеспечить содержание одной семьи. Вскоре, однако, каррука стала фискальной единицей площади. Пашня была поделена на карруки, и это деление отразилось в реестрах королевского Секрета. К пашням причислялись поля сахарного тростника, оливковые рощи, виноградники и пастбища. Население деревень колебалось от 3 до 36 семей. Земледелие велось по двупольному севообороту с двухгодичным циклом. По этой системе земледелия озимые зерновые культуры сменялись овощеводством, яровыми культурами и полями под пар. При поливном земледелии тщательно регулировалась и контролировалась поливная норма (количество подаваемой на поля воды).

Как уже говорилось, подать сирийских и мусульманских крестьян землевладельцам состояла из процентной (как правило, половинной) ставки на урожай

и небольшой подушной подати, помимо них крестьянин не платил ничего – ни подати за пользование землей, ни духовной десятины. В отличие от Европы, в Сирии и Палестине крестьяне не работали на помещичьей земле. Возможно, это было связано с тем, что до прихода крестоносцев здесь не сложилось подобной практики и, стало быть, традиции; возможно, с тем, что жившие в городах землевладельцы не могли контролировать ведение хозяйства. Крестьяне не были лично знакомы помещику, между землевладельцем и крестьянином не было патриархальных отношений, как на Западе. Бывало так, что несколько помещиков делили одну деревню, и тогда они владели не определенными крестьянами, а делили процентную ставку на урожай, собранный деревней.

Рыцари в королевстве почти все были французами, как и все бароны. В образовавшихся латинских государствах Святой Земли крестоносцы расселились по этническому принципу: лотарингцы и северофранцузы – в королевстве Иерусалим и в графстве Эдесса, провансальцы – в графстве Триполи, нормандцы – в княжестве Антиохия, которое позднее также стало французским. В Иерусалиме и Эдессе, соответственно, говорили по-французски, в Триполи – по провансальски, в Антиохии, после того как князем стал Раймунд де Пуатье, – по-французски и по-провансальски. Местное население – христиане-сирийцы, мусульмане-сирийцы и арабы – говорили главным образом по-арабски; старый сирийский язык исчез в XIII в.; в Антиохии и Эдессе жили армяне. В XIII в. франки, рыцари и купцы, стали селиться также в королевстве Малая Армения. В прибрежных сирийских и палестинских городах жили армяне, греки и евреи, некоторое количество евреев жило также в сельской местности, прежде всего в северной Галилее. Евреев было немного, они предпочитали жить в мусульманских владениях, где отношение к ним было более предсказуемым. В одном Дамаске жило больше евреев, чем во всех государствах крестоносцев.

Культурно франки жили обособленно, полностью завися от Европы, не развивая в культуре ничего собственного, изолированно от арабского влияния, которое так благотворно воздействовало на культуру европейцев в Испании и на Сицилии. Количество франков в верхнем слое общества, знавших арабский язык, было ничтожно мало.

Франки строили много и с любовью. Большинство их построек исчезло, но те, что дошли до нас, поражают красотой и величием. В первую очередь это церкви и замки. Грандиозная церковь Гроба Господня, дожившая до пожара 1808 г.; церковь Святой Анны в Иерусалиме, романского стиля; готический собор Святого Иоанна в Рамле (ныне Большая Мечеть); церковь Святого Иоанна в деревне Абу-Гош в 10 километрах от Иерусалима; необычайно красивая церковь Сен-Андре в Акре (сохранилась ее гравюра XVII в.); кафедральный собор в Тортосе; первая из построенных крестоносцами, церковь Святого

Павла в Тарсе, где похоронен Гюг де Вермандуа; церковь Святой Марии в Тире – все они строились с непременным участием западноевропейских или византийских мастеров.

Франкские государства на Востоке просуществовали без малого 200 лет, благодаря системе обороны, основанной с опорой на замки и крепости. Наиболее известные из них – Сафед, Монфор, Субейба, Керак де Моав, Крак де Шевалье, Маргат, Сайун.

Франки построили первые на Востоке ветряные мельницы, славились работы франкских златокузнецов и ювелиров. До нашего времени дошли несколько икон, написанных крестоносцами в византийской манере, сохранились остатки фресковой живописи франков из Вифании, на Масличной горе, из Маргата и Крака де Шевалье, больших успехов добились мастера книжной графики.

Литературными сочинениями франки Заморья прославились мало. Безымянный итало-нормандский священник или рыцарь написал сочинение о Первом крестовом походе на латыни «*Gesta Francorum*» («Деяния франков»), воспевавшее Боэмунда I. Несколько исторических трудов написал архиепископ Гийом Тирский; его знаменитая Хроника – история крестовых походов – на латыни, оставшаяся незаконченной, дошла до нас, в отличие от утерянной Хроники исламских государств со времен Мухаммеда. Перед 1149 г. при княжеском дворе в Антиохии была создана героическая «*Chanson des Chetifs*» («Песнь о пленных») на старофранцузском языке, воспевавшая события арьергардного крестового похода 1101 г., в котором участвовал отец князя Раймунда, герцог Гийом IX Аквитанский. Епископ Акры Жак из Витри описал страны Восточного Средиземноморья в своей «Восточной истории».

Глава 24

Падение Эдессы

Правление в королевстве женщины и ребенка окончательно вывели Антиохию и Эдессу из-под контроля и влияния Иерусалима, которые и при Фульке были недостаточно надежными. Теперь никто не мог прекратить раздоры между северными государствами.

Попытка Раймунда Антиохийского после смерти императора Иоанна овладеть Киликией закончилась неудачно. Посланные императором Мануилом войска и флот прогнали Раймунда из Киликии, сухопутная армия Византии преследовала князя до ворот Антиохии. Заключив перемирие с Византией, Раймунд вместе с Жосленом II Эдесским начал войну против подчиненного Зенги наместника Алеппо Савара. Однако Жослен внезапно заключил перемирие с Саваром. Отношения между Антиохией и Эдессой, и без того не очень хорошие из-за вмешательства Жослена в спор между Раймундом и патриархом Раулем Антиохийским на стороне патриарха, после этого резко ухудшились, дело дошло чуть ли не до разрыва.

Смерть императора Иоанна убрала с дороги Зенги самого сильного врага. Кончина короля Фулька означала для него, что Иерусалим не готов теперь к полномасштабным выступлениям на помощь северным франкским государствам. Такой удобный случай Зенги не мог пропустить.

Осенью 1144 г. Зенги с армией двинулся на Диарбакыр, принадлежавший Артукиду Кара Арслану. Кара Арслан и Жослен были связаны союзническим договором, однако, надеясь, что между Зенги и Артукидами разгорится длительная война, вместо того чтобы спешить на помощь союзнику, граф Эдесский вывел армию из Эдессы и переправился через Евфрат, чтобы под шумок оторвать сколько возможно от алеппских владений. Жители Харрая немедленно сообщили Зенги о том, что эдесская армия прошла на юг мимо города. Зенги срочно заключил перемирие с Кара Арсланом. Возможно, война с Артукидом вообще была выдумана Зенги, чтобы выманить Жослена из Эдессы. Атабек приказал своему наместнику Яги-Сиани из Хамы срочно идти с войсками к Эдессе и сам двинулся туда с армией, призвав на помощь курдов и туркмен. 28 ноября 1144 г. началась осада Эдессы.

Рассказывает Ибн аль-Атир: «Зенги знал, что при первом же известии о его выступлении франкские воины кинутся к Эдессе, чтобы защитить ее, и что он не сможет захватить ее, настолько сильны ее укрепления. Поэтому он сделал вид, что отправляется отстаивать свои интересы в [земле] Диарбакыр. На самом деле, когда франки поверили, что между ним и Артукидами или же другими князьями Диарбакыра вот-вот вспыхнет война, тревога их развеялась, и Жослен, покинув Эдессу, перешел Евфрат, чтобы укрепиться в своих владениях к западу от реки».

Осада города продолжалась четыре недели. Обороной руководил латинский архиепископ Антиохии Гюг, армяне и яковиты во главе с епископами Иоанном и Василием активно помогали в обороне. Яковит Василий предложил было переговоры о перемирии, но жители Эдессы отвергли его инициативу. Они надеялись на помощь Жослена и на крепость городских стен. Однако воинов в Эдессе осталось мало, почти всех Жослен увел с собой. Сам он со своей армией возвратился в Турбессель. Хотя историограф-архиепископ Гийом Тирский позднее упрекал его в трусости и лени, армия его была недостаточно велика, чтобы двинуться на выручку столице. Он немедленно призвал на помощь Антиохию и Иерусалим и, рассчитывая на крепость эдесских стен, ждал помощи соседей.

Раймунд Антиохийский позволил своей злости по отношению к Жослену взять верх над долгом христианского князя и здравым смыслом и не оказал ему никакой помощи. Королева Мелизанда созвала Коронный совет, который мобилизовал армию. Со значительным промедлением армия, руководимая коннетаблем Манассией, сеньором Наблуса Филиппом де Милли и князем Галилеи Элигаром де Бюром, двинулась на помощь Эдессе.

Рассказывает историограф Михаил Сириец: «Они [армия Зенги] стали лагерьм возле Церковных ворот, рядом с церковью Исповедников. Он воззвал к жителям города: "Сдавайтесь, чтобы не погибнуть, ибо вам нет спасения!". Командующим был архиепископ франков. Они отвечали: "Мы не сдадимся". Франки рассчитывали на гонцов, отправленных в Антиохию и Иерусалим с просьбой их правителям поспешить и освободить [от осады] прекрасный город. 1 декабря Зенги отдал приказ начать наступление всеми возможными способами. Семь баллист метали камни, а стрелы, выпускаемые воинами, были подобны дождю. Горожане, стар и млад, мужчины, женщины и даже монахи с гор стояли на стенах и сражались. Когда Зенги увидел, что обреченный народ героически оказывает сопротивление, он приказал подкопать землю под стеной. Они вырыли глубокую яму и дошли до стены. Со своей стороны осажденные тоже стали подкапывать стену изнутри, добрались до осаждающих и напали на них. Поскольку это им не помогло, они принялись изнутри возводить

стену напротив подкопанного места. Осаждавшие подкопали две башни и поставили под ними подпорки, равно как и под стеной, идущей от одной башни к другой. Атабек воззвал к осажденным: «Мы вышлем двоих людей, которые войдут внутрь, отправьте [с ними] двоих ваших и посмотрите на подкопанную стену, а затем оставьте город, пока вас не предали мечу. Я не желаю, чтобы вы погибли». Но они, полагаясь на возведенную стену и рассчитывая на помощь франков, не поддались уговорам...».

В канун Рождества мусульмане подожгли в подкопе сухой хворост и подпорки. «Когда дерево сторело, стена и обе башни рухнули и стала видна новая внутренняя стена. Турки замерли в оцепенении, пока не заметили брешь между новой и старой стенами. Войска приготовились проникнуть в город; но жители города встали грудью, чтобы помешать их вхождению. Брешь была завалена горой трупов как осажденных, так и осаждавших. Поскольку горожане кинулись защищать брешь и на стенах никого не оставалось, турки приставили лестницы и поднялись наверх. Какой-то курд поднялся первым, издал крик и начал забрасывать жителей камнями. Когда они увидели это, мужество изменило им, они повернулись и кинулись бежать к цитадели».

Однако ворота цитадели по приказу архиепископа были закрыты. Архиепископ, оставшийся в городе, пытался навести порядок. Тысячи людей, прибежавших к цитадели, были затоптаны в толпе у ворот, тысячи убиты турками, преследовавшими их по пятам. «Сгрудившиеся тела возвышались над воротами. Когда подъехал архиепископ, ворота открыли. Но он не мог попасть внутрь из-за груды трупов, загрозивших проход. Он упал прямо на тела, и один турок ударил его и убил» (Михаил Сириец).

Подъехавший Зенги приказал прекратить резню. Он увидел старика – яковитского епископа Василия, с обритой головой, обнаженного, его тащили на веревке, и, узнав, кто это такой, спросил его, можно ли будет ему доверять. Василий ответил: «Мы не нарушили клятв, данных франкам, сохраним верность и тебе, коль Господь допустил, что мы стали твоими рабами». Зенги велел дать ему плащ и отвести в свой шатер.

Все франки были согнаны в одно место и убиты, а их женщины и дети проданы в рабство. Местные христиане – армяне, греки и сирийцы – были пощажены. Мы видим, что Зенги делал различие между пришельцами-франками и местными христианами, в дальнейшем его примеру будут следовать все полководцы джихада.

Яковитский священник Бар Саума, командовавший цитаделью, сдался через два дня, получив обещание сохранить жизнь защитникам. Вышедшие из цитадели франки, однако, были перебиты, местные христиане пощажены.

Зенги оставил наместником города Кучука Али Арбийского. Латинские церкви в городе были разрушены, однако церкви местных христиан оставлены нетронутыми. Им было даже предложено вызвать своих единоверцев, чтобы снова заселить город.

Из Эдессы Зенги двинулся на Сарудж – вторую по величине крепость франков на левобережье Евфрата, она пала в январе. Затем он осадил Биреджик – крепость, контролировавшую главный брод через Евфрат. Биреджик упорно сопротивлялся, Жослен был совсем недалеко, и армия королевы вскоре должна была объединиться с ним. В это время до Зенги дошли слухи о беспорядках в Мосуле, он снял осаду и поспешил туда. В Мосуле выяснилось, что наместник Мосула Альп Арслан, сын умершего султана Махмуда ибн Мухаммеда и племянник нынешнего султана Масуда, поссорившись, убил военачальника Зенги Шакара. Зенги как атабек Мосула был подчинен Альп Арслану. Но времена переменились, завоеватель Эдессы, находившийся на вершине своей славы в исламском мире, не хотел теперь подчиняться султанскому племяннику, проводившему время не в походах, а на мягких подушках в покоях дворца. Альп Арслан был свергнут и выдворен из города, его советники казнены.

Багдадский халиф аль-Моктафи прислал к Зенги посольство с богатыми подарками и пожаловал ему высочайшие титулы, поставившие его в один ряд с сыном-наследником султана: он был теперь «Зайн аль-Ислам» (Украшение ислама), «аль-Малик аль-Мансур» (Принц-победитель) и «Насир Эмир аль-Муминин» (Опора повелителя правоверных, то есть халифа).

Жослен II попытался удержаться в остатках своего графства на правобережье Евфрата. Он не мог простить Раймунду Антиохийскому то, что тот не оказал ему помощи и не хотел объединяться с ним для совместных действий. Жослен хорошо понимал, что Зенги скоро придет по его душу на правый берег Евфрата. Хотя Раймунд тоже ясно видел нависшую над ним угрозу, он окончательно сбросил со счетов фигуру Жослена как союзника. Мало надеялся он и на действительную помощь королевы Мелизанды. У него оставался еще только один сильный христианский сосед – Византия. В 1145 г., отразив нападение на свои земли туркменских разбойничьих ватаг, Раймунд отправился в Константинополь просить помощи у императора.

Император Мануил отказался принять прибывшего к нему Раймунда. Только после того как князь на коленях, униженно попросил прощения у императора Иоанна перед его надгробным памятником, Мануил согласился дать ему аудиенцию. Он милостиво принял Раймунда и одарил его подарками. Военной помощи император оказать теперь Раймунду не мог, так как сам воевал с турками, но обещал оказать денежную поддержку немедленно и предпринять военный поход позднее.

Эта поездка, такая унижительная для князя и его баронов, принесла пользу. Раймунд широко оповестил подданных об обещанной помощи, и это известие быстро дошло до Зенги и заставило его отложить наступление на северных франков.

Весной 1146 г. Зенги начал готовить поход на Дамаск. В мае Зенги с армией двинулся из Мосула в Алеппо. Проходя через Эдессу, он узнал о только что подавленном Кучук Али заговоре армян с целью вернуть в Эдессу Жослена. Заговорщики были казнены, часть армянского населения выселена из города. На их место Зенги поселил триста еврейских семей: евреи были известны готовностью с оружием в руках поддерживать мусульман против христиан.

Летом Зенги двинулся с армией на Дамаск. По дороге он осадил крупную крепость на Евфрате Калат Джабар, принадлежавшую мелкому арабскому князю. К стратегической важности обладания крепостью присоединялась и экономическая, так как она находилась недалеко от торгового города Балис, где сухопутная караванная дорога пересекалась с водной по Евфрату. Во время осады города в ночь на 14 сентября 1146 г., когда атабек заснул пьяным, он был убит одним из своих евнухов франкского происхождения, который его тайно ненавидел из-за неоднократно нанесенных обид и побоев. После смерти Зенги его армия рассеялась и его имущество и сокровищница были разграблены. Он был без савана похоронен возле крепости и позднее перезахоронен в мавзолее возле города Ракка.

Зенги считается одним из первых поборников *джихада* и объединения обособленных и часто враждебных друг другу мусульманских государств для борьбы с франками. Фактически, однако, священная война с франками только служила ему аргументом для того, чтобы добиться от сельджукского султана согласия на овладение Мосулом, а также на верховную номинальную власть над Сирией. Как его предшественники в Мосуле и сам сельджукский султан, Зенги использовал идею *джихада* для укрепления и расширения своей власти. До 1137 г. он не только не призывал к *джихаду*, но и мало интересовался франкскими государствами. Пропагандой *джихада* и изгнания франков из Иерусалима и Сирии активно займется его сын и наследник Нур ад-Дин.

При известии о смерти Зенги его сыновья разделили его государство, а враги захотели вернуть утраченные земли. В Мосуле взял власть старший сын атабека, Саиф ад-Дин Гази. Второй сын, Нур ад-Дин Махмуд, сорвав с пальца умершего отца кольцо – символ власти, велел курду-военачальнику Ширкуху объявить себя правителем Алеппо. Ширкух, имя которого будет часто встречаться нам далее, был братом Айюба, спасшего жизнь Зенги в 1132 г., после поражения в сражении с войсками халифа при Тикрите.

Воспользовавшись смертью Зенги, Артукиды из Диарбакура отвоевали ранее потерянные города, племянник султана Альп Арслан попытался, хотя и неудачно, овладеть Мосулом, а Унур, правитель Дамаска, вновь занял Баальбек. Наместники Зенги в Хомсе и Хаме признали верховенство Унура и заключили с ним мирный договор. В связи с этим Унур выдал Нур ад-Дину убийцу Зенги, бежавшего в Дамаск.

Жослен II предпринял попытку отвоевать Эдессу. Его посланники тайно вступили в связь с армянами, а затем и с яковитами в городе. Жослен с небольшим отрядом двинулся к Эдессе, к нему присоединился Бодуэн Марашский и Кайсунский. Раймунд участвовать отказался, на этот раз оправданно, так как плохо подготовленный поход был настоящей авантюрой. Он предпринял только отвлекающее нападение на земли Алеппо. 7 октября 1146 г. с помощью местных жителей Жослен прорвался в город, однако гарнизон цитадели был готов к бою. У Жослена было слишком мало войск, чтобы штурмовать цитадель, и он не знал, что делать дальше. Под рукой у Нур ад-Дина была готовая к бою армия, отражавшая нападение Раймунда. Он вывел армию из боя, двинулся на Эдессу и 2 ноября был под ее стенами. У Жослена остался только один выход – бегство. Ночью со своими людьми и большим количеством местных жителей он выскользнул из города. У Евфрата Нур ад-Дин его догнал. Франки упорно сражались, пока Жослен не приказал контратаковать, после чего они были смяты превосходящими силами турок. Многие из франков погибли, в том числе и Бодуэн Марашский. Жослен, раненный в шею, с частью войск бежал в Самосату, там к нему присоединился также ускользнувший от турок яковитский епископ Василий, не оправдавший доверия Зенги. Армянский епископ Иоанн был схвачен и отведен в Эдессу. Все христиане, брошенные на произвол судьбы, были перебиты, а их женщины и дети проданы в рабство. Христиане, остававшиеся в Эдессе, были выгнаны из города. Богатый и многолюдный торговый город Эдесса, славившийся самой древней христианской общиной, опустел, жизнь в нем заглохла на восемь веков.

Союз Иерусалима с Дамаском, который ревностно поддерживал король Фульк, вскоре был нарушен из-за глупости и жадности франков. Началось все с того, что в начале 1147 г. один из военачальников Муин ад-Дина Унура Алтан Таш, армянин, перешедший в ислам, наместник Босры в Джаулане и Салькада в Хауране*, выступил против хозяина, объявил о своей независимости и прибыл в Иерусалим просить поддержки. Он предложил передать Босру и Салькад христианам, если они поставят его правителем в Хауране под верховенством Иерусалима.

* Джаулан и Хауран – смежные, разделенные рекой Ярмук, земли к востоку от среднего Иордана и Генисаретского озера.

Королева Мелизанда собрала Коронный совет, чтобы обсудить предложение. Оно было заманчивым: Хауран был житницей Дамаска и заселен в основном православными мелькитами*. Овладев Хаураном, можно было бы диктовать свою волю Дамаску. Однако это означало разрыв союза с Унуром.

Коронный совет решил собрать армию в Тиверии и одновременно послать миссию к Муин ад-Дину Унуру с требованием оставить наместником Алтан Таша. Унур боялся Нур ад-Дина и не хотел рвать союз с франками. Он ответил королеве, что, согласно франкскому феодальному праву, государь не может поддерживать мятежного вассала против дружественного ему государя, просил распустить армию и обещал покрыть расходы, связанные с ее сбором. Юноша-король согласился с доводами Унура, и Коронный совет собрался снова и отменил поход. Однако подстрекатели, недовольные отменой разбойничьего похода, сулившего добычу, возбудили армию и настояли на походе. Король и бароны поддались общему настроению.

В мае 1147 г. франкская армия во главе с королем переправилась через Иордан, вторглась в Джаулан и с большим трудом двинулась на восток, вверх по долине Ярмака. Туркменские и арабские войска Унура непрерывно беспокоили франков нападениями со всех сторон. Унур отправил миссию к Нур ад-Дину просить о помощи. Был заключен союз: Нур ад-Дин получил в жены дочь Унура – Исмат ад-Дин Катун, к нему возвращалась Хама, он обязался не посягать на независимость Дамаска и немедленно с войсками поспешил на помощь. Унур с войсками подошел к Салькаду, и гарнизон Алтан Таша выпросил у него перемирие. Не успели усталые и почти лишенные воды франки подойти к Босре, как жена Алтан Таша уже передала ее Унуру, подошедшему к городу вместе с присоединившейся к нему армией Нур ад-Дина. Узнав об этом, франкская армия повернула назад. Отступление было тяжелым, воды и продовольствия почти не было. Враг шел по пятам, нападал на арьергард, убивал отставших. Юноша-король проявил мужество, отказался покинуть армию и поскакать вперед с личной охраной. Его поведение вселило мужество в армию, и она сохранила порядок и дисциплину при отступлении. К тому же и Муин ад-Дин Унур вовсе не желал разгрома франкской армии: это оставило бы его один на один с Нур ад-Дином. Он прекратил нападения на франков и даже втайне от алеппского атабека предложил снабжать франков продовольствием, хотя король гордо отказался от помощи. Армия крестоносцев, соблюдая порядок, подошла к Иордану и переправилась через него. Франки были храбрыми воинами, но безрассудными и алчными политиками и плохими стратегами.

* Мелькиты – люди императора (прозвище православных).

В итоге франки не получили ничего, Унур отвоевал Хауран, а Нур ад-Дин Махмуд стал признанным главой мусульман в северной Сирии. Алтан Таш, пришедший к Унуру с повинной головой, был ослеплен и брошен в тюрьму, его друзья подверглись гонениям. Унур в страхе перед Нур ад-Дином постарался восстановить свой союз с франками. «Атабек Дамаска Муин ад-Дин вел политику опасного равновесия. Он выполнял условия договора, заключенного с королем Иерусалима, угрожая вторжением Нур ад-Дина в случае, если франки нарушат перемирие. С другой стороны, он угрожал мусульманам обратиться за помощью к франкам, если давление со стороны Алеппо слишком сильно возрастет» (Ибн аль-Каланиси).

Нур ад-Дин, строго придерживаясь договора с Унуром, начал войну с Антиохией и к концу 1147 г. захватил все земли восточнее Оронта с крепостями Кафартаб, Балат, Базарфут и Артах. Государство Нур ад-Дина было меньше и беднее государства его отца Зенги, так как земли северного Ирака с Мосулом унаследовал его старший брат Саиф ад-Дин Гази. Однако Саиф ад-Дин также унаследовал от отца трудные отношения с Данишмендидами, халифом и султаном Сельджукидом и развязал младшему брату руки для борьбы с христианами и Дамаском. Сыновья Зенги придерживались семейного договора, и старший безотказно и безвозмездно помогал младшему войсками и средствами в случае необходимости. Их третий брат, Наср ад-Дин, владел Харраном в качестве вассала Нур ад-Дина, а самый младший, Кутб ад-Дин, рос при дворе старшего брата в Мосуле.

Глава 25

Второй крестовый поход

1. Европа собирается в поход

После падения Эдессы правительство королевы Мелизанды, посоветовавшись с Раймундом Антиохийским, отправило посла в Рим, чтобы сообщить печальное известие папе и просить его об организации нового крестового похода. В качестве посла был выбран епископ Джабалы Гюг, чье успешное противостояние императору Иоанну получило высокую оценку у латинских христиан. Несмотря на неотложность миссии, она только осенью 1145 г. прибыла ко двору лишь недавно, в феврале, избранного папы Евгения III, в маленький городок Витербо неподалеку от Рима. Следом за ней прибыла делегация армянских епископов из Киликии с просьбой о поддержке против язычников и Византии. Проинформировав папу, епископ Гюг двинулся дальше, ко дворам Франции и Германии, а папа решил призвать к крестовому походу. В своем теперешнем состоянии папа не мог, подобно Урбану II, сам организовать крестовый поход: Рим был в руках враждебной папе коммуны, и он из-за своего неустойчивого положения не хотел пойти на риск и попытаться перебраться во Францию через Альпы. К счастью, папа был в хороших отношениях с обоими главными государями Европы, германским и французским королями.

После смерти императора Лотаря при поддержке церкви на досрочном неполном съезде своих сторонников в марте 1138 г. был избран германским королем и коронован папским легатом Конрад III Штауфен. Если бы съезд князей-избирателей проходил законным путем и в положенное время, королем был бы избран зять императора Лотаря, герцог Генрих Гордый Вельф, избрание которого представляло бы угрозу для папства.

Во Франции Гийом X, герцог Аквитанский, умирая в 1137 г. и не желая возможного раздробления своего огромного герцогства, предложил руку дочери-наследницы Алиеноры и свои владения наследнику короля Людовика VI, принцу Людовику. Король принял предложение. Владения герцога превышали по размерам небольшой королевский домен. Ставший королем после смерти отца благочестивый Людовик VII был любимцем папства.

Папа решил обратиться к королю Франции за помощью восточному христианству. Участия германского короля в походе в Святую Землю папа не желал:

германский король нужен был папе в Италии для того, чтобы покорить римлян и оградить его, папу, от агрессивных устремлений короля Рожера II Сицилийского. 1 декабря 1145 г. папа издал свою буллу о крестовом походе, обращенную к королю Людовику и ко всем князьям и верующим Франции, с призывом поспешить на помощь христианству Востока и обещал охрану их имущества и отпущение грехов.

Весть о падении Эдессы потрясла Европу, и Людовик VII с воодушевлением откликнулся на призыв папы. У него были и свои причины для того, чтобы отправиться в поход. Одной из них стал прискорбный случай, когда в 1143 г., во время войны с Тибо, графом Блуа-Шампанским, солдаты короля сожгли церковь в городе Витри, а в ней более тысячи подданных графа. «Христианнейший» король покаялся, но счел покаяние недостаточным. Другой причиной было требование королевы Алиеноры помочь ее дяде Раймунду, князю Антиохии. Горестный рассказ епископа Джабалы и послание Раймунда Антиохийского с просьбой о помощи, сопровождавшееся подарками, ускорили королевское решение.

На Рождественском дворе 1145 г. в Бурже король объявил баронам, что отправляется в паломничество на Восток. Епископ Жофруа Лангрский обратился к баронам с просьбой поддержать короля. Речь в Бурже шла не о крестовом походе, а о вооруженном паломничестве, так как прерогатива объявления Первого крестового похода принадлежала папе. Однако бароны не обнаружили никакого воодушевления, а главный советник короля Сугерий, аббат Сен-Дени, высказался против продолжительного отсутствия короля в королевстве. Королю не оставалось ничего другого как отложить решение на три месяца и созвать новое собрание в Везле, в Бургундии, на Пасху (31 марта) 1146 г. Бернар Клервоский посоветовал королю обратиться к папе. Позиция Бернара объяснялась тем, что он хотел, чтобы инициатива похода исходила от церкви. Это отдавало поход под контроль церкви и усиливало ее престиж.

Будущий святой Бернар, аббат Клерво, обладавший пылким красноречием и энергией, знаменитый безупречностью жизни, «прославившийся знаменами и чудесами и чтимый народом в Галлии и Германии равным апостолам и пророкам», пользовался огромным влиянием в духовной и политической жизни Западной Европы. Новый Орден цистерцианцев, требовавший строгого соблюдения устава бенедиктинцев, был обязан ему своим возвышением; он лично принимал участие в составлении устава Ордена тамплиеров и неутомимо и чуть ли не в одиночку боролся за ликвидацию церковного раскола 1130 г. антипапы Анаклета II.

Весной 1146 г. между королем и папой шли переговоры. 1 марта папа издал свою вторую буллу о крестовом походе, которая незначительно изменяла ре-

дакцию первой буллы. Эта булла стала образцом для всех последующих папских посланий о крестовых походах. Булла состояла из трех частей: *рассказа, призыва и привилегий*. В отличие от короля, задумавшего вооруженное паломничество, папа, в соответствии с советом аббата Клерво, говорил о крестовом походе. В *рассказе* папа говорил о призыве папы Урбана II, о Первом крестовом походе и о потере Эдессы вследствие большой греховности христиан. Так появилась формула, впредь объяснявшая поражения христиан их грехами. В *призыве* он призвал князей, баронов и дворян защищать, как хорошие сыновья, то, что добыли их отважные отцы, храбро и с христианским достоинством во искупление грехов бороться за восточную церковь. Завершал буллу перечень *привилегий*. На первом месте следовало отпущение грехов, такое же, какое получили участники Первого крестового похода, была провозглашена защита церковью женщин и детей крестоносцев и их владений, наложен запрет на взимание процентов с ссуд крестоносцам и обговорен порядок заклада их имущества церкви для облегчения финансирования. Проповедь крестового похода папа и король Франции поручили Бернару Клервоскому.

К середине XII в. фронт борьбы христиан с мусульманами простирался через все Средиземное море, и Святая Земля была его левым флангом.

В Испании объединение Кастилии и Арагона в результате брака королевы Урраки Кастильской и Альфонса I Арагонского распалось при расторжении брака и закончилось войной между ними, что приостановило здесь наступление христиан. Однако сын и наследник Урраки от первого, бургундского брака Альфонс VII Кастильский повел в 1132 г. успешную войну с мусульманами и в 1147 г. дошел до ворот Кордовы. В 1134 г. он, подобно деду, Альфонсу VI, провозгласил себя императором. Племянница Альфонса I Арагонского королева Петронила в 1137 г. вышла замуж за графа Раймунда Беренгария Барселонского, Арагон и Каталония объединились и завершили отвоевание северо-восточной Испании. Однако на христианскую Испанию надвигалась гроза. Альморавиды, правившие в Марокко, Западном Алжире и в исламской Испании, пришли в полный упадок. В 1146 г. власть в Марокко перешла в руки берберийской мусульманской секты Альмохадов. Ее основатель, берберийский пророк Ибн Тумарт, объявил себя Махди (Спасителем). Его наследник Абд аль-Мумин в 1146 г. завершил завоевание Марокко, объявил себя халифом и приготовился вторгнуться в Испанию. Ожидая его нападения, христианские государства Испании ничем не могли помочь Святой Земле.

В центре фронта борьбы с исламом находились принадлежавшие норманцам Сицилия и южная Италия. Рожер II Сицилийский объединил все нормандские владения в Италии и в 1130 г. провозгласил себя королем Сицилии. Рожер понимал, что для господства над Средиземным морем ему необходимо утвер-

даться на африканском берегу напротив Сицилии. Такую возможность давали постоянные распри мусульманских династий Северной Африки и зависимость ее от ввоза сицилийского хлеба. К 1128 г. ему удалось получить во владение остров Мальту, а в 1146 г. захватить на время Триполи (в Ливии), ставший центром нормандских владений в Африке. Он мог бы участвовать в крестовом походе, однако, претендуя на Иерусалимский и Антиохийский престолы и унаследовав семейную вражду к Византии, считал для себя более правильным вместо помощи Святой Земле начать войну с восточным императором. Он был ненадежным и опасным соседом для пап и германских императоров, и только войны, раздоры и мятежи в Южной Италии до поры до времени не давали возможности развернуться его агрессивным устремлениям.

При известии, что будет проповедовать Бернар Клервоский, люди стеклись в Везле со всей Франции. Собор не смог вместить всех желающих его послушать, и поэтому за городом в чистом поле соорудили помост. Бернар начал свою проповедь на Пасху, 31 марта 1146 г., прочитав перед этим мартовскую папскую буллу. Он обещал всем будущим крестоносцам абсолюцию (отпущение грехов) и затем стал рьяно доказывать необходимость и выгоду участия в крестовом походе. Собравшиеся начали требовать кресты. Когда закончилась приготовленная материя, Бернар отдал для изготовления крестов свои верхние одежды. Под влиянием его красноречия король и множество представителей высшей знати взяли крест и решили начать поход через год. Среди них были брат короля граф Робер I де Дре, сыновья крестоносцев, графы Альфонс Жордан Тулузский и Гийом III Неверский, граф Тьерри Фландрский, Анри, наследник Шампани, дядя короля граф Амадей Савойский, Аршамбо де Бурбон и епископы Лангра, Арраса и Лизье.

Король повел переговоры со странами, через которые должны были пройти его войска, – с Германией и Византией. «Doctor mellifluus» (источающий мед доктор) Бернар Клервоский непрерывно вел проповеди. По его примеру ревностными проповедниками крестовых походов стали цистерцианцы. В те места, куда сам Бернар не мог приехать, он посылал вербовочные послания. Мы приводили (см. главу 5) большой отрывок из такого послания. Он рассматривал крестовый поход как труды индивидуального покаяния, и отпущение грехов у него из средства стало самоцелью. По мнению Бернара, нужно было освободить не только Восток от язычников, но и души крестоносцев от грехов.

Его агитация имела огромный успех. В середине апреля Бернар Клервоский смог написать папе: «Вы повелели, я послушался; и Ваша власть сделала плодотворным мое повиновение. Я отверз уста; я говорил; и вскоре количество крестоносцев умножилось бесконечно. Деревни и города стоят покинутыми.

Едва ли найдется на семь женщин один мужчина. Повсюду видят вдов, мужья которых теперь еще – среди живущих».

Король вынужден был прибегнуть к новым налогам и займам. Главный аббат Ключи Петр Достопочтенный посоветовал королю заставить евреев принять участие в расходах на дело спасения христианства, и король последовал его совету, обложив их тяжелой податью.

Проповедуя крестовый поход, Бернар объехал Бургундию, Лотарингию и Фландрию. Во Фландрии он получил послание архиепископа Кельна с просьбой немедленно прибыть в прирейнские земли. Бернар Клервоский первоначально, в соответствии с планом папы, не собирался включать Германию в число участников крестового похода. Однако под влиянием французских событий в Германии также началась агитация народных проповедников за крестовый поход, причем религиозное возбуждение опять обратилось против евреев. Цистерцианский монах Рудольф, проповедуя крестовый поход в прирейнских городах Кельне, Майнце, Вормсе и Шпейере, яростно призывал к их массовой резне. Архиепископы Кельна и Майнца пытались как могли спасти жертвы, обращение к Бернару и было вызвано желанием унять ретивого монаха. Бернар прибыл в Германию и приказал Рудольфу вернуться в свой монастырь. Аппетит приходит во время еды, и, воодушевленный успехом своих проповедей во Франции, Бернар решил подключить к крестоносному движению и Германию.

Немцы до сих пор почти не принимали участия в крестовых походах. Их рвение в делах христианства ограничивалось принудительным обращением в христианство язычников-славян на северо-восточных границах. Их миссионерство было связано с заселением немцами славянских земель, и поэтому германские феодалы предпочитали борьбу за расширение христианства на своих границах войне с исламом. Для успеха крестоносного движения в Германии Бернару нужна была поддержка короля. Главным же для Конрада III было желание получить из рук папы в Риме императорскую корону, поэтому он обещал папе помощь против мятежных римлян и Рожера II Сицилийского. К тому же и его положение в Германии из-за вражды Вельфов было ненадежным, несмотря на победу над ними и захват их родового замка Вейнберг в 1140 г.

Призыв Бернара на рейхстаге во Франкфурте-на-Майне в ноябре 1146 г. не принес успеха. Король прибег к отговоркам, но согласился встретиться с Бернаром вновь на Рождественском дворе в Шпейере. Первая проповедь опять не оказала воздействия, но через два дня в новой проповеди Бернар прямо обратился к Конраду, как бы Христос, вопрошающий короля в день Страшного суда: «О человек, что я должен еще для тебя сделать, чего я уже не сделал?». Король не смог устоять перед подобной риторикой и дал согласие. Множество

немецких дворян во главе с племянником короля, герцогом Фридрихом Швабским (Барбароссой), также приняли крест. Крест принял даже старый противник короля, брат умершего Генриха Гордого Вельф VI, герцог Сполето. Сыграло роль и то, что Бернару удалось прекратить междоусобную войну меж графом Намюрским и архиепископом Трира. Германия начала готовиться к крестовому походу.

В феврале на рейхстаге в Регенсбурге приняли крест еще большое количество баронов и дворян, и среди них Отто, епископ Фрейзингский, ставший историографом похода. Папа Евгений был очень недоволен присоединением Германии к крестовому походу, но ничего не мог поделать. То, что Германия приняла участие в крестовом походе, вместо того чтобы поставить преграду агрессии Рожера, затеявшего войну с Византией, как мы увидим, стало одной из главных причин поражения крестового похода.

Весной папа прибыл во Францию и встретил Пасху 20 апреля в Сен-Дени с королем. В Италию папа возвратился лишь летом, после того как провел собор в Париже и многочисленные совещания с аббатом Сугерием, который должен был управлять Францией в отсутствие короля Людовика.

Пока короли Франции и Германии собирались в поход, вооруженные паломники из Англии, Фландрии и Фрисландии, воодушевленные посланцами Бернара Клервоского, не дожидаясь их, весной 1147 г. морем отправились в Палестину. В начале июня шторм загнал их в устье Дуэро. Там их встретил епископ Оporto (Порту), представитель Альфонса Генриха, графа Португальского. Граф теснил Альморавидов, в марте 1147 г. вышел на берег Тахо (Тежу), завоевал Сантарен и теперь вел переговоры с папой о признании его королем. Епископ передал крестоносцам предложение графа – завоевать Лиссабон, столицу местного эмира, заявив, что им незачем отправляться так далеко, чтобы сражаться с неверными, когда и здесь, на месте, можно добыть заслугу перед Богом и богатые земли. Паломники согласились, их флот вошел в Тахо, и после четырехмесячной осады Лиссабон пал. Несмотря на то что гарнизону была обещана жизнь, не обошлось без резни. Только немногие из крестоносцев продолжили путешествие на Восток, большинство осталось в своих новых владениях. Таким образом, крестовый поход лишился такого нужного для него флота.

На рейхстаге во Франкфурте в марте 1147 г. саксонские князья заявили, что вместо похода в Святую Землю они хотели бы предпринять крестовый поход против славян за восточной границей государства, за нижней Эльбой. Бернар и папа дали согласие на это предложение, причем если папа в своей булле, направленной участникам похода против славян, говорил только об их обращении в христианство, то Бернар, в числе других указаний, выдвинул формулу «обращение или смерть». Эта альтернатива получила широкое распростра-

нение и обрела много ревностных сторонников, хотя и противоречила христианскому учению о мирном распространении христианства, и была немедленно перенесена на крестовый поход в Святую Землю. Папа предоставил немецким крестоносцам право ношения креста и такие же привилегии, как и уходящим на Восток, что еще ранее пообещал им Бернар.

Князь славян-ободритов Никлот в 1147 г. опередил крестоносцев и напал на них первым. Против него двинулась большая армия под руководством герцогов Генриха Льва Саксонского и Конрада Цэрингенского и Альбрехта Медведя, маркграфа Бранденбургского. Поход на славян закончился неудачей, и их обращение затянулось. Разрешение сражаться с язычниками не только в Святой Земле сказалось на событиях в последней отрицательно, лишив крестоносцев значительной поддержки.

Король Рожер Сицилийский предложил германскому и французскому королям перевезти их войска морским путем. Конрад, давнишний враг Рожера, сразу отказался, и Людовик, хотя и числил Сицилийца в друзьях, подумав, тоже отверг это предложение. Тому было несколько причин: сицилийский флот, видимо, не смог бы перевезти французскую армию за один раз, а делить свою армию на две части Людовик не хотел, зная вероломство Рожера. По этой же причине Людовик боялся, что его войска могут быть использованы Рожером в войне сицилийцев с Византией. К тому же Сицилиец был врагом Раймунда, дяди королевы, отнявшим у него, как он считал, княжество Антиохию.

Германская армия вышла в поход в конце мая из Регенсбурга. Король выбрал сухопутный маршрут, старую дорогу крестоносцев. Значительные успехи императора в борьбе с рум-сельджуками обещали благополучный переход через Анатолию. В армии было около 50 тысяч вооруженных и паломников, хотя хронисты насчитали в ней вместе с французской армией 900 тысяч. Командовать войсками 54-летний король поручил племяннику, герцогу Фридриху Швабскому (Барбароссе). В свите короля следовали герцог Владислав Богемский и король Болеслав Польский. К армии примкнули лотарингцы, возглавляемые епископами Меца и Туля. Армия благополучно прошла через Венгрию. Там короля встретило византийское посольство и предложило ему принести клятву о ненападении на владения и интересы императора. Такую клятву в свое время принес Раймунд Тулузский императору Алексею. Клятва была составлена так хитро, что при отказе принести ее король оказывался врагом императора. Конрад принес клятву, и послы обещали ему всяческую помощь и поддержку. Византийские корабли помогли переправить армию Конрада через Дунай. В Нише короля встретил наместник Болгарии Михаил Врана и снабдил его армию продовольствием. В Софии Конрада приветствовал от имени импе-

ратора наместник Фессалоник Михаил Палеолог. Однако после Софии мир был нарушен. Немцы принялись грабить население, отказывались платить за взятое, сжигали жилища. Предместья Филиппополя (Пловдив) были разграблены и сожжены, и только крепкие стены спасли город от разграбления. Возле Адрианополя несколькими византийскими разбойниками был убит отставший немецкий барон. В отместку Фридрих Швабский сжег близлежащий монастырь и перебил его обитателей, которых подозревали в укрывательстве или даже в том, что они сами были разбойниками. Мануил потребовал, чтобы германская армия переправилась на азиатский берег через Геллеспонт (Дарданеллы), не заходя в Константинополь, но Конрад отказался. Постоянные грабежи и стычки немцев с византийцами довели дело до того, что Мануил хотел силой воспрепятствовать немцам приблизиться к Константинополю, но в последний момент отменил приказ. Разбившую лагерь на равнине у Селимбрии (Силиври) армию застигло внезапное наводнение, вызванное ливнями. Потоки с гор переполнили реку, хлынувшая вода срывала палатки и уносила с собой людей, скот и имущество. 10 сентября немцы подошли к Константинополю.

До крестового похода Конрад и Мануил находились в хороших отношениях. Ненависть и страх по отношению к Рожеру Сицилийскому объединяли их, как и брак незадолго до крестового похода Мануила с сестрой жены Конрада Бертой Зульцбахской. Поведение германской армии на землях Византии и отказ Конрада переправиться через Геллеспонт, на чем настаивал Мануил ввиду близости французской армии, испортили их отношения. Конраду был предоставлен для размещения дворец Филопатион в поле перед городскими стенами, и германская армия разбила лагерь вокруг него. В течение нескольких дней немцы так разграбили и запаковали дворец, что он стал непригоден для жилья, и Конрад перебрался по мосту через Золотой Рог во дворец Пикридион в Галате против Фанарских ворот. Опять начались грабежи местного населения и стычки с византийскими войсками, посланными на его защиту. Когда Мануил потребовал возмещения убытков, Конрад отказался и пригрозил, что вернется в Германию, в следующем году возвратится и возьмет Константинополь штурмом. Императрице, свояченице Конрада, по-видимому, удалось восстановить мир между королем и императором. Соединения двух франкских армий императору удалось избежать, приближение французов заставило германскую армию, не желавшую делить с ними добычу, согласиться на переправу через Босфор. Получив богатые подарки, король со своей армией переправился на азиатский берег и разместился в императорском лагере в Халкидоне. Оттуда германская армия двинулась в Никею.

8 июня 1147 г. король Людовик отправился в поход из Сен-Дени, после того как папа Евгений III лично вручил ему котомку и посох – символы паломниче-

ства. Через несколько дней в Меце король встретился со своей армией, которая по численности была немного меньше германской. К королевской армии присоединился будущий магистр тамплиеров Эввар де Бар с отрядом, набранным в Европе. В поход вместе с королем отправилась королева Алиенора, а также графини Сибилла Фландрская (дочь короля Фулька) и большое количество знатных дам, жен крестоносцев, взявшие с собой своих камеристок и слуганок. Хронист-августинец шотландец Уильям из Ньюбарэ с возмущением говорит, что «в христианском лагере, где должна была царить непорочность, бесились толпы женщин. Это в особенности позорило нашу армию».

Командовавший армией король был молод, нерешителен, несведущ в военном деле, не очень умен и упрям. Он не готовился к занятию трона, получил духовное образование и стал наследником, а затем королем после смерти старшего брата. Армия переправилась через Рейн и двинулась через Баварию. Когда она 29 июня прибыла в Регенсбург, там ее ждал посол Мануила Димитрий Врана, до этого уже участвовавший в переговорах с Конрадом в Венгрии. Помимо клятвы о ненападении вреда, он, видимо, потребовал обещания, что король будет вести себя на территории империи как друг и возвратит императору все его прежние владения, которые завоюет. Людовик ответил, что он придет как друг, но никаких обещаний относительно будущих завоеваний давать не будет, так как это требование кажется ему неясным. Французы шли по дороге германской армии с отставанием примерно в месяц, 15 дней они двигались по Венгрии, в конце августа подошли к византийской границе, переправились через Дунай и далее пошли по главной дороге через Балканы. Продовольствие по дороге было уже съедено немцами, но французская армия была более дисциплинирована, чем германская, и до серьезных столкновений дело не доходило. Передовые французские отряды в поисках продовольствия уходили далеко вперед и вступали в соприкосновение с отставшими отрядами немцев и лотарингцев. Столкновения с немцами франкоговорящих лотарингцев и их жалобы на них усилили вражду между французской и германской армиями. Нужно отметить, что обе армии были настроены одинаково плохо по отношению к грекам.

4 октября 1147 г. французская армия прибыла к Константинополю. Знатнейшие придворные встретили короля у городских ворот, король был принят императором. Короля поселили в Филопатионе, отремонтированном и почищенном после пребывания немцев. Последовали приглашения на банкеты и празднества, которые король принимал с неохотой, с большим удовольствием Людовик в сопровождении императора посещал святые места и среди них великолепный собор Святой Софии. Византийцы воспрепятствовали, однако, объединению французской армии с лотарингской, которую французы застали у города. Тогда же французы с возмущением узнали о том, что император за-

ключил перемирие с иконийским султаном. Помимо этого, брат короля Робер и королева были недовольны тем, что Мануил унизил князя Антиохийского и заставил его признать свое верховенство. Когда же горячий епископ Лангрский Жофруа узнал, что, будто бы по настоянию византийцев, папа заменил его в качестве легата никчемным кардиналом Гвидо Флорентийским, он, обозлившись, предложил Людовику напасть на Византию вместе с Рожером Сицилийским. Однако добросовестный Людовик напомнил всем, что он прибыл сюда, чтобы посетить Гроб Господень, и что смыть свои грехи можно только кровью язычников.

В результате беспорядков на константинопольском базаре, начавшихся после того как фламандский паломник с мечом в руках накинулся на продавца, когда ему показалось, что тот его обсчитал, император прекратил снабжение продовольствием французов. И хотя король распорядился повесить зачинщика, Мануил возобновил снабжение только когда Людовик поклялся, что передаст империи все потерянные ею владения, которые он завоюет. Чтобы ускорить переправу французов, среди них были распространены слухи о военных успехах и богатой добыче немцев, якобы взявших Иконий. Французская армия была переправлена через Босфор и размещена в Халкидоне. Здесь до нее дошли слухи о поражении немцев.

Постоянной угрозой Византии были толпы турецких грабителей, чуть ли не ежегодно нападавших на азиатские провинции империи. Деревенские жители земель, подвергавшихся нападениям, бежали в города или на побережье. Постоянной заботой императора Мануила было создание и укрепление пограничной линии крепостей, способных помешать турецким набегам.

После смерти в 1141 г. эмира Данишмендида Мухаммеда ибн Гази I, сильнейшего из турецких властителей в Анатолии, началась война за его наследство между его сыновьями и братьями. К концу 1142 г. эмират раскололся на три части. Сын Мухаммеда, Дхул Нун, получил Кесарию-Мазаху в Каппадокии, а его дядя, Якуб Арслан ибн Гази и Айн ад-Даулат ибн Гази, соответственно — Сивас и Мелитену. Рум-сельджукский султан Масуд Иконийский воспользовался случаем, чтобы захватить главенствующее положение среди анатолийских турок. Он напал на Данишмендидов и захватил их земли вплоть до Евфрата. Данишмендиды Якуб Арслан и Айн ад-Даулат, чтобы спастись, заключили в 1143 г. союзный договор с Византией и стали вассалами императора. Мануил начал войну с Масудом, чьи разбойничьи отряды уже перерезали дорогу из Никей в Дорилею. Он отогнал турок, но вынужден был из-за болезни возвратиться в Константинополь. В 1145 г. Масуд опять напал на империю, захватил крепость Прасана на пути в Сирию и по долине Меандра продвинулся почти до моря. В 1146 г. император начал ответную войну. С большой армией

он двинулся через Дорилею на Филомелию. Там турки пытались его остановить, но были обращены в бегство. Император осадил столицу султана Иконий. Масуд усилил гарнизон, но не рискнул остаться внутри города. Мануил несколько месяцев осаждал город, но внезапно отступил и возвратился на свою территорию. Возможно, причиной этому были известия о готовившемся нападении нормандцев Рожера Сицилийского. Угроза предстоящего крестового похода и нападения сицилийцев заставила Мануила принять перемирие вместе с возвращением последних завоеваний, предложенное весной 1147 г. Масудом. Император согласился и стал в глазах крестоносцев предателем христианства.

Осенью 1147 г. Рожер Сицилийский, «островной дракон, желавший изрыгать пламя гнева выше кратеров Этны», захватил остров Корфу (Керкира), затем его флот вошел в Коринфский залив, опустошил его берега, совершил налет на города Коринф и Фивы и, по некоторым данным, даже на Афины, как раз в то время, когда Жофруа, епископ Лангрский, уговаривал короля Людовика напасть на Константинополь. Не довольствуясь захватом больших богатств, нормандцы из Фив, знаменитых производством шелка, «увезли в Сицилию, среди прочих многочисленных пленных, наиболее искусных шелководов и ткачих». Забегая вперед, отметим, что в 1148 г., отразив нападение на Византию половцев, заключив союзный договор с Венецией и получив в помощь ее флот, Мануил высадился на острове Корфу и овладел островной крепостью после двухлетней осады. Император, как всегда, лично принимал участие в боях и в одном из штурмов был ранен камнем из катапульты.

2. Франки в Анатолии

По прибытии в Халкидон германской армии император, по просьбе короля Конрада, предоставил ему проводников во главе с варягом Стефаном и посоветовал идти не через полуостров, а вдоль побережья, принадлежавшего империи, и отправить домой всех небоеспособных. Однако немцы пошли кратчайшим путем на Никею. Правда, в Никее Конрад отделил часть армии, среди которой были небоеспособные, и отправил ее во главе с епископом Отто Фрейзингским, своим сводным братом и историографом, и графом Бернхардом Каринтийским по византийской территории через Брусу к западному побережью и далее по прибрежной дороге на Атталию. Однако армейская группа епископа до побережья не дошла и двинулась от Брусы на юг через Эсерон (Балькесир), Филадельфию к Лаодикее Лидийской, где стоял византийский гарнизон. У города немцев атаковали турки. В бою погиб граф Бернхард, однако епископу удалось с большими потерями прорваться через горы Кадам (Баба Даг) в Атталию. С остатками войск епископ Отто морем переправился в Сирию.

Армия Конрада покинула Никею 15 октября, в течение восьми дней шла по территории, принадлежавшей императору, и не испытывала недостатка в продовольствии. Однако на турецкой территории почти не сделавшая запасов армия столкнулась с нехваткой продовольствия, а главное – воды. При Дорилее, недалеко от того места, где пятьдесят лет назад крестоносцы разбили турок, на германскую армию напали сельджуки. Немцы потерпели поражение и начали отступать, король был дважды ранен стрелами. Отступление, сначала организованное, вскоре после смерти храброго начальника арьергарда графа Бернхарда фон Плещке превратилось в паническое бегство, и в Никею вернулись лишь остатки той могучей армии, про которую хронист говорил, что «реки недостаточно длинны и поля недостаточно просторны, чтобы она могла свободно передвигаться».

Французская армия добралась до Никеи в начале ноября. Там окончательно подтвердились слухи о немецком поражении. Из уцелевших немцев большая часть вернулась в Константинополь и затем на родину. Только небольшой отряд во главе с Конрадом решил продолжить поход. Во французский лагерь прибыл Фридрих Швабский и передал Людовику просьбу Конрада встретиться. Французский король поспешил в германский лагерь, где оба короля провели совещание. Было решено вместе идти к морю и далее по прибрежной дороге, то есть держаться внутри византийской территории.

Обе армии двинулись на юго-запад и вышли к морю у Адрамиттии (Эдремит) и далее по побережью через Пергам и Смирну в Эфес. Французы, шедшие впереди, насмешливо кричали усталым немцам: «Поспеши, Германия!». В Эфесе остался серьезно заболевший Конрад. Узнав об этом, Мануил послал за Конрадом корабли, приветливо встретил его в Константинополе, разместил во дворце и принял личное участие в его лечении. Конрад поправился, и они с императором договорились о брачном союзе между сводным братом короля Генрихом Бабенбергом, герцогом Баварским и маркграфом Австрийским, прозванным Язомиргот по его привычному присловью «Да, это так же верно, как то, что мне помогает Бог» (Ja, so [wahr] mir Gott [helfe]), и племянницей Мануила Феодорой. В начале марта 1148 г. король Конрад и его окружение были кораблями перевезены в Палестину.

Если отношения Мануила с Конрадом улучшились, то с Людовиком они окончательно испортились. Еще в Эфесе Людовик получил послание Мануила, советовавшего ему избегать столкновений с приготовившимися к войне и мобилизовавшими силы турками и передвигаться как можно дальше по территории, защищенной византийскими крепостями. Письмо преследовало две цели: во-первых, Мануил боялся, что король потерпит поражение, в котором Западная Европа обвинит его, императора, во-вторых, не хотел быть каким-

либо образом втянутым в войну с турками, так как вел в это время тяжелую войну с нормандцами. Людовик не ответил императору. Не ответил король и на второе послание Мануила, вызванное многочисленными жалобами населения на грабежи французов, в котором император писал, что византийские власти не могут воспрепятствовать грекам мстить крестоносцам за причиненный ущерб.

В Эфесе французы изменили намеченный маршрут и двинулись не по побережью, а в глубь страны, вверх по Меандру. На Рождество появились турки, и начались стычки с ними. 1 января 1148 г. крестоносцы с боем овладели мостом через Меандр, а отступившие турки спрятались от них в византийском городе Антиохии Фригийской, на другом берегу реки. Это был еще один пример измены греков делу христианства, правда, император был слишком далеко, чтобы можно было его обвинить в соучастии. Через три дня французы вошли в византийскую Лаодикею Лидийскую, которая была брошена жителями, унесшими с собой в горы все продовольственные припасы. Из Лаодикеи крестоносцы направились по пути епископа Фрейзингского через труднопроходимые горы Кады в приморскую Атталию. Январские бури, турецкие конные лучники, отсутствие продовольствия делали движение еще более тяжелым. По всей дороге лежали трупы германских паломников епископа Отто, погибших пару месяцев назад. В один из дней, когда наиболее боеспособный авангард под командой дяди короля, графа Амадея, и аквитанского барона Жофруа де Ранкона оторвался от главных сил, турки атаковали армию короля. Крестоносцы понесли тяжелые потери, только храбрость сохранивших дисциплину тамплиеров и личной охраны короля уберегла французов от полного поражения, а наступившая темнота, прекратившая сражение, спасла жизнь королю. На другой день, когда армия соединилась с авангардом, король защитил своего друга де Ранкона от обвинения в измене (дядю короля почему-то в этом не обвинили), заменив, однако, начальников авангарда другими. Армия вышла на равнину, и турки не решились спуститься с гор вслед за ней. В начале февраля 1148 г. французы добрались до Атталии.

Паломники разбили лагерь у города. Продовольствия было мало, зимние запасы горожан подошли к концу, и войска и паломники епископа Отто уже подобрали все, что можно. Кроме того, перешедшие горы полураздетые люди страдали от холодных дождей. Король Людовик договорился с заместителем Атталии итальянцем Ландольфом, что тот соберет флотилию, чтобы перевезти паломников в Антиохию. Кораблей, однако, было мало. Король приказал погрузить на них своих придворных и рыцарей с конями. Во главе оставшихся он поставил графа Тьерри Фландрского и Аршамбо де Бурбона. Для содержания оставшихся король передал Ландольфу 500 серебряных марок. На следующий день после

отплытия короля турки спустились с гор и атаковали лагерь крестоносцев. Без конных рыцарей, уплывших с королем, прогнать турок в горы было невозможно. Ландольф разрешил оставшимся войти в город. Когда корабли возвратились из Антиохии, на них погрузились граф Тьерри и Аршамбо де Бурбон со своими людьми и оставшимися конными. Брошенные своими предводителями французы и остатки пехоты короля Конрада отправились сушей на восток. Ибн аль-Каланиси рассказывает: «Правители соседних мусульманских провинций и пограничных областей, расположенных поблизости от пути франков, начали готовиться к обороне и призвали жителей к оружию, чтобы начать священную войну; они заняли проходы, через которые франки могли проникнуть на земли Ислама, и беспрестанно совершали нападения на их отряды. Количество убийств и нападений на франков множилось, так что часть из них погибла, кроме того, из-за недостатка продовольствия и фуража или их высокой цены, если им удавалось их разыскать, они терпели сильную нужду, сильно сократившую их численность, так как многие умерли от голода и болезней». В конце весны 1148 г. они пробились в Антиохию, потеряв больше половины людей в боях с турками, которых они считали союзниками византийцев.

Император Мануил не желал крестового похода, не просил помощи и не приглашал к себе крестоносцев. Он привык сам управляться с анатолийскими турками, сталкивая турецких князей и натравливая их одного на другого. Крестовый поход объединил их в сплоченный союз. Императору Мануилу удалось подчинить себе Антиохию, необходимую для осуществления задач византийской антитурецкой стратегии. Теперь императору следовало ожидать, что поддержанный французскими королем и королевой, своей племянницей, Раймунд попытается сбросить вассальное подчинение. Крестоносцы никогда не простили императору его союз с сельджукским султаном, не принимая во внимание то, что к этому Мануила вынудило нападение на его земли христианского короля Рожера Сицилийского. Если судить здраво, король Рожер был не меньшим предателем дела христианства, чем Мануил. Для успеха крестового похода было бы лучше, если бы Германия вместо участия в походе связала войной короля Сицилии, и тогда, видимо, император смог бы более активно содействовать крестоносцам. Взаимное непонимание, нежелание сотрудничать и вражда между христианским Западом и Византией в конце концов привели к падению и государств крестоносцев, и Византии.

3. Франки в Заморье

Людвик VII прибыл в гавань Сен-Симеон 19 марта 1148 г. Получив известие об этом, князь Раймунд прискакал туда из Антиохии со всеми придворны-

ми. Он встречал не только короля Франции, но и его супругу, королеву Алиенору, герцогиню Аквитанскую, свою племянницу. Французы были приняты с большим почетом, и следующие дни прошли в пирах и празднествах. Раймунд много ждал от крестового похода, положение его и графа Жослена было угрожающим. Осенью 1147 г. Нур ад-Дин, атабек Алеппо, захватил несколько антиохийских крепостей восточнее Оронта, а Жослен II с трудом удерживал Турбессель. Раймунд склонял короля Людовика к нападению на Шайзар и Алеппо, столицу Нур ад-Дина, которого князь совершенно справедливо считал главным врагом франков. Был даже произведен разведывательный конный поиск, в котором вместе с Раймундом и его рыцарями приняли участие и французские рыцари. Поиск добрался до стен Алеппо и привел в ужас его жителей.

Ситуация в северной Сирии была благоприятной. Объединившись, франки могли разбить самого опасного своего врага – Нур ад-Дина. Ни Унур Дамасский, ни малые эмиры долины Оронта, боявшиеся Нур ад-Дина, не пришли бы к нему на помощь. Не помог бы ему и его брат Саиф ад-Дин Мосульский, связанный междоусобицей в Ираке.

Однако нерешительный Людовик, потерявший большую часть пехоты в Анатолии, не хотел и боялся войны. Раймунд пытался воздействовать на короля через королеву, свою племянницу. Будучи умнее мужа, Алиенора ясно видела мусульманскую угрозу и полностью разделяла взгляды и планы Раймунда. Однако поддержка королевы, длительные и сердечные беседы ее с князем на провансальском языке, которого не понимали французы, возбудили ревность Людовика. Свитские доброхоты с удовольствием поддерживали сомнения короля, так, один из приближенных короля, некий Тьерри Галеран, ненавидевший королеву*, заявил, что «измена часто таится под покровом родства», и предостерегал короля от дальнейшего пребывания в Антиохии.

Воспользовавшись прибытием во второй половине апреля в Антиохию патриарха Фулька Иерусалимского, уполномоченного Высоким судом королевства просить короля о помощи и сообщившего о прибытии в Святую Землю короля Конрада, Людовик заявил о немедленном отъезде и повторил свой константинопольский довод, что он должен выполнить в Иерусалиме обет паломника. Королеву, посчитавшую поведение короля изменой себе и Аквитанскому дому и заявившую, что она вместе с аквитанскими рыцарями остается в Антиохии, чтобы помочь князю, а затем будет добиваться развода, король приказал силой вытащить из дворца Раймунда и со всей армией отправился в Иерусалим. Он отбыл из Антиохии, не попрощавшись и не поблагодарив хозяина.

---

* Издеваясь над Тьерри, Алиенора говорила, что он стал тамплиером и принял обет безбрачия ввиду мужской несостоятельности.

Король Конрад в середине апреля высадился в Акре, объединился с епископом Фрейзингским и был с большим почетом принят в Иерусалиме королевой Мелизандой и ее сыном.

Через несколько дней после короля Конрада в Акре высадился граф Альфонс Жордан Тулузский, прибывший морем из Константинополя с большим отрядом, женой и внебрачными детьми, сыном Бертраном и маленькой дочерью. Он родился в замке Мон-Пелерен во время осады Триполи и напомнил сходством старикам-франкам своего отца, графа Раймунда де Сен-Жиля. Вскоре граф Альфонс Жордан умер в страшных мучениях от неизвестной болезни, возможно, от аппендицита, в Цезарее, по дороге из Акры в Иерусалим. Однако все заподозрили отравление, в котором обвиняли королеву Мелизанду и ее сестру Годиерну, графиню Триполи. Сын Альфонса Жордана Бертран прямо обвинил в этом своего двоюродного племянника Раймунда II, графа Триполи. Возможно, Бертран с помощью войск отца хотел отнять у Раймунда его графство.

На деньги, полученные от императора Мануила, Конрад нанял новых солдат из паломников, продолжавших прибывать в Палестину, а Людовик, ставший десять лет назад ленным сеньором графства Тулуза, усилил армию провансальцами умершего Альфонса Жордана.

После того как высокие гости посетили Святые места, королева Мелизанда и король Бодуэн собрали их 24 июня 1148 г. на Коронный совет в Акре. Среди принимавших были патриарх Иерусалима Фульк из Ангулема, архиепископы Цезареи Бодуэн и Назарета Робер, епископы Сидона, Акры, Бейрута, Банияса, Вифлеема, магистры Орденов тамплиеров и госпитальеров Робер де Краон и Раймунд дю Пюи, а также коннетабль Манассия Ержский и сеньоры Тиверии, Наблуса, Сидона, Цезареи, Трансиордании, Торона и Бейрута. На Коронный совет не прибыли, однако, бароны северной Сирии – разгневанный поведением короля Франции Раймунд Антиохийский, отражавший постоянные нападения мусульман Жослен II Эдесский и озлобленный обвинением в убийстве графа Альфонса Жордана Раймунд II Триполийский. Помимо папского легата кардинала-епископа Порто и короля Конрада III, германо-итальянская сторона была представлена епископами Фрейзинга, епископами-дотарингцами Меца и Туля, герцогом Вельфом VI, герцогами Швабии и Баварии, легатом кардиналом Гвидо Флорентийским и маркизами Вероны и Монферрата. С французской стороны, помимо короля Людовика VII, приняли участие епископы Лангра и Лизье, графы Дре, Фландрии, Перша, Труа (Шампани) и Суассона и внебрачный сын умершего графа Тулузского Бертран.

Поскольку значительную часть армии крестоносцев составляли паломники из Западной Европы, прибывшие в Палестину до осени и затем собиравшиеся вернуться домой, никто не хотел отвоевывать Эдессу или нападать на Алеппо

вследствие их отдаленности. Отсутствие на Коронном совете сирийских баронов, кровно заинтересованных в войне с Нур ад-Дином, не дало им возможности высказать свое мнение о предстоящем походе.

Объектом нападения на Коронном совете был выбран Дамаск. Более глупого решения нельзя было придумать. Союз с правителем Дамаска Унуром был жизненно важен для Иерусалима. Из всех исламских государств один Дамаск видел главного врага в Нур ад-Дине и стремился сохранить союз с франками. Заключенный в 1140 г. союз между королем Фульком, Унуром и Раймундом Антиохийским поддерживал равновесие в северной Сирии. Нападение на Дамаск, как показали события прошлого года, было кратчайшим путем для того, чтобы отдать Дамаск в руки Нур ад-Дина. Однако, в отличие от неизвестного европейским рыцарям Алеппо, Дамаск был священным городом апостола Павла, здесь Савл обратился в Христову веру и стал называться Павлом. Захват Дамаска принес бы славу рыцарям с Запада, иерусалимские бароны мечтали об его плодородных землях, а молодой король Бодуэн жаждал мести за свое прошлогоднее унижение и надеялся, что успешный поход освободит его от тяжелой руки королевы-матери.

В середине июля 1148 г. христианская армия вышла из Акры, пересекла Иордан и через Банияс двинулась к Дамаску. Ибн аль-Калиниси определяет общую численность армии франков в 50 тысяч человек. По всей видимости, однако, число вооруженных воинов не превышало 20–25 тысяч. Правитель Дамаска Муин ад-Дин Унур знал о тяжелых потерях крестоносцев в Анатолии и никоим образом не ожидал нападения. Он спешно послал гонцов за помощью к своим наместникам, а также к Нур ад-Дину, а тот, в свою очередь, к своему брату Саиф ад-Дину Мосульскому. Армия крестоносцев приблизилась к городу с юго-запада и разбила лагерь на краю садов, окружавших Дамаск. Сады отделялись друг от друга земляными стенами, вдоль которых вились узкие тропинки, и были заняты дамаскинцами. Затем христиане передвинулись в небольшую деревню на юг от Дамаска, лучше обеспеченную водой, и столкнулись с дамаскской армией. После сражения, в котором король Конрад разрубил мусульманского воина на две части, дамаскинцы вынуждены были отступить в город. Армия Конрада продвинулась с юга непосредственно к городским стенам и расположилась на берегах реки Баррада. Тем временем иерусалимская армия выгнала дамаскинцев из садов и соорудила из срубленных фруктовых деревьев палисад, защищавший христиан от вылазок из города. В отчаянии жители Дамаска строили баррикады и готовились к уличным боям. Боевой дух дамаскинцев не мог укрепить даже Коран третьего халифа Османа, выставленный в главной городской мечети.

Однако вскоре в Дамаск через северные ворота, оставшиеся не заблокированными франками, начали прибывать подкрепления, вызванные Унуром, а

также несколько тысяч нанятых туркмен и курдов. Унур предпринял конную атаку, отбросившую христиан от стен города. Такие же атаки он предпринимал и в последующие два дня. Между тем сады опять наполнились дамасской пехотой, которая стала совершать налеты на христианский лагерь. Три короля в ходе совещания решили перевести лагерь на открытое место против восточных ворот. Это было гибельное решение, так как на новом месте не было воды, и теперь никто не мешал дамаскинцам накапливаться в садах. С перенесением лагеря у христиан пропала всякая надежда овладеть городом. Постоянно получавший подкрепления Унур непрерывно атаковал христиан, из осаждавших они превратились в осажденных. В христианском лагере все громче стали раздаваться разговоры о предательстве палестинских баронов, посоветовавших королям перенести лагерь.

Тем временем предводители похода вступили в спор о том, кто будет владеть городом. Иерусалимские бароны, поддержанные королевой Мелизандой и коннетаблем Манассией, считали, что Дамаск должен быть присоединен к королевству как коронный лен, и уже выбрали его будущим владельцем Ги Брисбара Бейрутского. Однако все три короля выбрали правителем Тьерри Фландрского, который хотел получить Дамаск как полунезависимый лен, наподобие Триполи. По своим владениям в Европе Тьерри был ленником французского и германского королей, его жена была сводной сестрой по отцу молодого короля Бодуэна. Теперь, когда иерусалимские бароны узнали, что короли поддерживают кандидатуру Тьерри, идея мира с Дамаском приобрела еще больше сторонников.

Тем временем дошли слухи о приближении войск Нур ад-Дина. Эта весть не доставила удовольствия ни христианам, ни Унуру. Нур ад-Дин был уже в Хомсе и вел переговоры с Унуром об условиях оказания помощи. Иерусалимские бароны вместе с придворными короля Бодуэна, возможно, вступили в тайные переговоры с Унуром. Говорили об огромных суммах, переданных Унуром Элинару де Бюру, князю Галилейскому; правда, деньги, как оказалось, были очень плохой пробы. Нур ад-Дин, со своей стороны, требовал, чтобы его армию впустили в Дамаск, на что Унур не мог пойти. Он передал франкам, что откажется от союза с Нур ад-Дином, если те немедленно уйдут от Дамаска.

Теперь, когда христианская армия могла быть зажата между городом и армией атабека Алеппо, все иерусалимские бароны стали сторонниками мира с Дамаском. Они выступили против германского и французского королей, хотевших продолжать войну. Европейцы не могли понять тонких хитросплетений восточной политики и обвинили местных франков в вероломстве и измене делу христианства. Однако они понимали, что без помощи местных христиан не могут рассчитывать на успех. Проклиная ненадежных союзников, короли отдали приказ к отступлению.

28 июля 1148 г., на пятый день пребывания у Дамаска, христианская армия ушла от него. Отступление не прошло мирно. Туркменская и курдская конница нападала с тыла и флангов и засыпала отступавших стрелами. Путь отступления был усеян трупами людей и лошадей. В начале августа армия вступила в Палестину и затем разошлась по домам. Так закончился неудачей поход самой большой армии, которая до сих пор выходила в поле в Палестине. Престиж христианских войск подвергся тяжелейшему удару. «С этого времени положение дел латинцев на Востоке значительно ухудшилось», — напишет Гийом Тирский.

8 сентября 1148 г. Конрад III, полный горечи и негодования на вероломных союзников, погрузился на корабль в Акре и высадился в Фессалониках. Он получил приглашение Мануила провести Рождество в Константинополе, при императорском дворе. Доброе согласие между королем и императором снова было восстановлено, хотя молодой племянник короля Фридрих Швабский продолжал считать Мануила предателем, из-за которого потерпел поражение поход через Анатолию. Была отпразднована пышная свадьба сводного брата короля герцога Баварского и маркграфа (в будущем герцога) Австрийского Генриха Язомиргота с племянницей императора Феодорой. Покоренный личным обаянием и роскошью гостеприимства императора, Конрад III заключил с Мануилом союз, направленный против Рожера Сицилийского. Союзники договорились разделить между собой его земли в южной Италии. В мае 1149 г. Конрад возвратился в Германию, где он должен был на деньги императора и с помощью византийских войск начать войну с Рожером.

Однако Рожер нанес удар первым. Ему, в союзе с Вельфом VI, удалось спровоцировать в 1148 г. большое восстание князей в Германии против сына короля Генриха. Возвращение короля не восстановило порядка, Генрих Лев, сын Генриха Гордого, с оружием в руках потребовал возвращения Баварии. Король Конрад умер в феврале 1152 г., так и не организовав поход в Италию.

Пока Конрад предавался празднествам и пирам в обществе императора, Людовик в нерешительности оставался в Святой Земле: Жофруа, епископ Лангра, настоятельно просил его совершить какой-нибудь подвиг во имя Бога. Окончательно испортились отношения короля с женой Алиенорой, во Франции его ждал развод. Аббат Сугерий в своих посланиях не устал призывать его к возвращению домой. Пасху Людовик провел в Иерусалиме. Бесхарактерный, но упрямый король во всех неудачах похода винил не себя, но почему-то византийского императора, и чем дальше, тем сильнее. Разрыв с Раймундом Антиохийским (и королевой) открыл дорогу к его союзу с главным ненавистником Византии Рожером Сицилийским. Домой король и королева возвращались на разных сицилийских кораблях. Между тем война Сицилии с Византией была в

полном рагаре. Король, подняв на корабле французский флаг, благополучно добрался в конце июля до Калабрии, а корабль, на котором плыла Алиенора, был захвачен византийцами, однако вскоре отбит сицилийцами. Король Людовик и королева Алиенора в июле 1149 г. были с почетом приняты королем Рожером, который немедленно предложил французам организовать совместный поход против Византии в рамках нового крестового похода. Не успели еще Людовик VII и Алиенора добраться до Италии, как в бою при Инабе с турками Нур ад-Дина погиб князь Раймунд Антиохийский.

В октябре 1149 г. Людовик и Алиенора были приняты в Тускулуме (Тиволи) папой Евгением III, временно их примирившим. Их развод состоялся в марте 1152 г. Менее чем через два месяца Алиенора вышла замуж за Генриха Плантагенета, графа Анжуйского, герцога Нормандского, внука Фулька, короля Иерусалима, принесся ему в качестве приданого свое огромное герцогство. В 1154 г. Генрих Плантагенет получил еще и корону Англии.

Летом 1149 г., по инициативе франков, между Иерусалимом и Дамаском было заключено перемирие на два года. Перемирие продолжалось и после смерти Унура в августе 1149 г.

Молодой Бертран, внебрачный сын Альфонса Жордана Тулузского, не мог смириться с мыслью, что графство Триполи останется в руках его двоюродного племянника Раймунда II, которого он подозревал в отравлении своего отца. После отъезда из Палестины короля Людовика он с сестрой отправился со своим отрядом на север. Оказавшись в долине Бекаа, он повернул к морю и захватил принадлежавший Триполи замок Араима, контролировавший дорогу из Триполи в Тортосу и в долину Бекаа. Замок лежал высоко в горах и считался неприступным. Христианские князья-соседи Раймунда не выразили желания помочь ему, и поэтому он обратился за помощью к Унуру Дамасскому. Тот согласился, зная, что получит одобрение королевы Мелизанды, свояченицы графа Раймунда. Чтобы продемонстрировать свою готовность к совместным действиям против христиан, Унур пригласил принять участие в походе Нур ад-Дина. Они вместе напали на замок, не устоявший перед объединенной армией мусульман, сровняли его с землей и увели в плен Бертрана и его сестру. Пленники были отданы Нур ад-Дину, Бертран провел у него в плену в Алеппо двенадцать лет, а его сестра попала в гарем атабека.

Бернар Клервоский видел в Византии главного виновника провала своего великого похода и теперь призывал против нее Божье возмездие. Однако папа Евгений отнесся прохладно к идее Людовика и Бернара наказать Византию за ее коварство. Чтобы такой поход состоялся, необходимо было участие в нем короля Конрада, так как понесшее большие потери французское рыцарство не могло и не хотело идти на Восток в одиночку. Однако король Конрад, ясно рас-

познавший в зачинщике германских беспорядков короля Рожера, решительно отказался разрушать свой союз с Мануилом, что привело бы к усилению Сицилийца, и принимать какое-либо участие в новой крестовой авантюре. Напрасно молил его и грозил ему Бернар Клервоский. Папа, боявшийся подпасть под господство сицилийцев, отказался примкнуть к коалиции против Конрада и Мануила. Месть Византии «за измену христианству» была отложена на столетия.

Второй «крестовый поход был погублен своими предводителями, их упрямством, невежеством, неспособностью и глупостью» (С. Рансимен). Представляет интерес то, как Европа откликнулась на поражение крестового похода. Спектр мнений был самым разнообразным: от рациональных объяснений причин поражения (враждебность турок и греков, трудности пути, отсутствие надлежащей организованности и дисциплины) до метафизических (человеческие грехи, нежелание следовать Божьей воле) цистерцианца Отто Фрейзингского и Бернара Клервоского.

Самой резкой критике подвергся вдохновитель и организатор крестового похода Бернар Клервоский. Именно он расширил понятие крестового похода и увеличил количество его участников. Расширение понятия крестового похода превратило его в самоцель, в средство спасения души. Увеличение количества участников (привлечение к походу Германии), на которое Бернар пошел из-за собственного тщеславия и под давлением обстоятельств, также не было полезно для его исхода. Бернар возбудил надежды, самым жестоким образом разбитые при поражении крестового похода, и тем самым дискредитировал самую его идею. Он горько переживал критику, но не готов был признать свои ошибки. Бернар оправдывался тем, что, проповедуя поход, он выполнял папское поручение. Более того, он представил себя в виде щита, защищавшего Бога от отравленных стрел Божьих хулителей: он навлек стрелы на себя, чтобы они не попали в Бога. Такое поведение не слишком украсило облик будущего святого.

Глава 26

Конец политического равновесия в Сирии

1. Молодые годы Бодуэна III

Ближайшей задачей Нур ад-Дина было объединить под своей властью Сирию. Для этого нужно было присоединить Дамаск, оградить свое государство от рум-сельджукского султана Икония Масуда и завоевать земли франков. Кроме того, он был ревностным суннитом, энергично боровшимся с шиитами.

В то время когда франкская армия собиралась напасть на Дамаск, войска Нур ад-Дина напали на княжество Антиохия и остатки графства Эдесса. Жослен лично, под флагом парламентаря, отправился в лагерь Нур ад-Дина, но все, чего ему удалось добиться, было временное перемирие.

Тем временем на принадлежавший Антиохии Мараш нацелился заключивший с императором мир султан Икония Рум-Сельджукид Масуд. Он предложил Нур ад-Дину нанести отвлекающий удар по Антиохии, тот согласился. Армия Нур ад-Дина в ноябре 1148 г. выдвинулась на равнину севернее Антиохии, вблизи крепости Гостен. Здесь ее внезапно атаковал Раймунд в союзе с главой ассасинов, курдом Али ибн Вафа, пришедшим на помощь князю с большим отрядом своих людей. Перед сражением два алеппских военачальника, курд Ширкух и эмир Ибн ад-Дая, поссорились между собой, и первый отказался участвовать в сражении. В результате столкновение с франками и ассасинами закончилось стремительным бегством алеппцев. Разгневанный Нур ад-Дин чуть было не казнил курда. Весной следующего года почти на том же месте состоялось новое сражение Нур ад-Дина с князем Раймундом. На этот раз победил Нур ад-Дин, и князь спасся бегством в Антиохию.

Летом 1149 г. Нур ад-Дин двинулся на юг и осадил Инаб, одну из последних антиохийских крепостей, оставшихся восточнее Оронта. Раймунд вместе с союзниками-ассасинами во главе с Али ибн Вафой поспешил на выручку. Всего у Раймунда было 4000 конницы и 1000 человек пехоты против 6000 конных у Нур ад-Дина. Последний сначала отступил, и князь еще больше ослабил армию, отделив часть ее для усиления гарнизона крепости. Ночью 28 июня 1149 г., когда франкская армия находилась в лагере недалеко от крепости, ее окружили войска Нур ад-Дина. Оставалось одно – сражаться. В течение двух-трех часов все было

кончено. Только немногие смогли пробиться из окружения, ассасин Али ибн Вафа и Рено Марашский пали на поле боя. Раймунд был убит лично Ширкухом, после чего последнему была возвращена милость атабека.

Рассказывает Ибн аль-Каланиси: «Прибыв в место, называемое Инаб, Нур ад-Дин во главе своей армии пошел на врага, и Аллах даровал ему победу! Когда противники встретились лицом к лицу, неверные начали свою знаменитую атаку, а мусульмане с разных сторон разделились на множество отрядов; затем они тоже пошли в атаку, и схватка в поднявшихся клубах пыли стала всеобщей. Верх одержали сабли ислама; затем пыль осела, и вот Аллах – хвала и слава Ему за это! – даровал мусульманам победу над неверными, чьи покрытые пылью тела устлали землю, Бог отвернулся от них в сражении, так что лишь немногие смогли уцелеть. Небольшое число тех, кого на этот раз судьба хранила и кому страх придал крылья, смогли донести весть о поражении... Проклятый князь, их предводитель, был найден распростертым среди охраны и храбрых рыцарей; когда его опознали, ему отрубили голову и принесли ее Нур ад-Дину, щедро наградившему гонца. Этот проклятый человек был одним из храбрейших франков, он прославился своей отвагой, хитростью, необыкновенной силой и высоким ростом; к тому же все знали о его властности, стремительности действий и склонности творить зло».

Череп князя в серебряном ларце был послан халифу Багдадскому аль-Моктафи. Нур ад-Дин захватил крепости Арзхан, Харим и Артах, прошел мимо Антиохии к Сен-Симеону. Там он искупался в Средиземном море на глазах своей армии, заявив, таким образом, претензию на берег этого моря.

Победа при Инабе заложила основу престижа Нур ад-Дина в исламском мире. Именно после этой победы Нур ад-Дин стал ощущать себя передовым борцом ислама, исполнителем исторической миссии объединения мусульманских сил против франков и уничтожения их государств в Сирии и Палестине. Из второстепенной идеи джихад – священная война мусульман – при Нур ад-Дине стал движущей силой исламской политики. Священная война предполагала укрепление единства веры. Поэтому Нур ад-Дин был ревнителем ортодоксального суннизма и энергичным противником шиитов. Он способствовал всему, что могло служить усилению ортодоксальной веры, основывал школы и мечети, поддерживал проповедников и поэтов, воспевавших джихад. Понятие джихада использовалось не только в борьбе с франками, но и для вассального присоединения к Алеппо независимых сирийских эмиров. Массированной пропагандистской атаке подвергся скандальный союз дамаскинцев с франками, разрыв которого был необходим для осуществления задачи присоединения Дамаска к Алеппо.

Жослен II ничем не помог Раймунду Антиохийскому, но после его гибели двинулся на Мараш, желая получить его как наследство после смерти Рено, мужа

дочери Агнесы. При приближении рум-сельджукского султана Масуда он покинул город. Оставленный им гарнизон сдался, получив обещание сохранить жизнь христианам, но был изрублен вместе со священниками, когда они вышли из города. Масуд преследовал Жослена до стен Турбесселя, но вынужден был отступить, получив от него большую дань и мусульманских пленников, когда к городу приблизились войска Нур ад-Дина. Зимой 1149 г. Нур ад-Дин разорвал перемирие с Жосленом и напал на его земли, но франкские крепости устояли. В апреле 1150 г., когда Жослен по дороге в Антиохию отделился от своего сопровождения, он был схвачен несколькими турецкими грабителями. Те были уже готовы освободить его за большой выкуп, но, узнав об этом, Нур ад-Дин выслал конный отряд, отнявший Жослена у грабителей. Жослен II был ослеплен и брошен в тюрьму, там он и умер спустя девять лет.

После смерти князя Раймунда руководство обороной Антиохии принял на себя патриарх Амори из Лиможа. Он спешно отправил гонца к королю Бодуэну с просьбой о помощи. Заключив временное перемирие, которое должно было закончиться сдачей Антиохии, если король не придет на помощь, Нур ад-Дин отступил от города и завоевал Апамею, последнюю крепость франков в долине Оронта. Княжество Антиохия, кроме самого города, состояло теперь из прибрежной полосы от Александретты до Латакии. Король пришел на север с небольшой армией, основу которой составляли тамплиеры.

Прибытие короля в Антиохию воспрепятствовало нападению рум-сельджукского султана Масуда. Тем временем Нур ад-Дин напал на Турбессель. Оборону города возглавила жена Жослена, графиня Беатриса, и атабеку пришлось отступить. Графство Эдесса включало в себя теперь семь крепостей, все, кроме Биреджика, на правом берегу Евфрата. Было ясно, что удержать эти крепости не удастся. В это время к графине прибыло посольство Мануила, предложившее ей продать императору все, что осталось от графства. Графиня обратилась за разрешением к своему сеньору, королю, находившемуся в Антиохии. Был созван совет из баронов Антиохии и Эдессы. На совете было решено согласиться на продажу: уж если христианству суждено потерять эти крепости, так пусть виновен в этом будет император.

Византийский наместник Киликии Фома привез графине мешок золота, и она передала ему шесть крепостей – Турбессель, Самосату, Равендель, Дулук, Аинтаб и Биреджик. Крепость Рум Каалат близ Самосаты графиня передала армянскому католикосу, она служила местопребыванием католикосов еще полтора года. Франки и армяне, не желавшие оставаться под византийской властью, под защитой армии короля покинули крепости. «Было весьма печально видеть, как местные христиане забирали с собой женщин, девушек и детей; они покидали свои земли и дома, в которых увидели свет. Эти люди оставляли свою страну, не

надеясь вернуться и не зная, где им придется жить. Исход сопровождался великим плачем и стенаниями. Это зрелище было столь тягостным, что у воинов, видевших этот исход, глаза были полны слез» (Гийом Тирский). Графиня Беатриса с сыном Жосленом (III) и дочерью Агнесой отправилась жить в Иерусалим, эти дети сыграют роковую роль, ускорив крушение королевства.

Византийцы удерживали крепости менее года. Сразу после пленения Жослена II между Нур ад-Дином и Рум-Сельджукидом Масудом Иконийским был заключен союз, скрепленный браком первого с дочерью второго. Вместе с Артукидами весной 1151 г. они захватили крепости, переданные византийцам; Айн-таб и Дулук вместе с армянским Кайсуном достались Масуду, Самосата и Биреджик – Артукиду Тимурташу Мардинскому, а Равендель и Турбессель – Нур ад-Дину, последняя крепость пала после четырехмесячной осады. Возникает вопрос, для чего император покупал крепости? Вряд ли он, как полагали франки, в своей гордости надеялся их удержать. Скорее всего, император трезво думал о своем будущем походе и избавлялся от франков как от соперников в отношении этих крепостей. Первое государство, созданное крестоносцами, первым и пало.

После смерти Раймунда Антиохийского 20-летняя княгиня Констанция осталась с четырьмя малолетними детьми, из которых старшему, Боэмунду III, было 5 лет. До его совершеннолетия княжеством должен был править регент-мужчина. И хотя в минуту опасности патриарх Амори с честью выдержал испытание правлением, антиохийские бароны считали, что регенство должно быть светским. Другими словами, княгиня-мать должна была вновь выйти замуж.

При известии о смерти князя 19-летний молодой король как ленный сеньор и ближайший мужской родственник вдовы (двоюродный брат) поспешил в Антиохию. Он понравился всем своей рассудительностью, и его права ленного сеньора были признаны. В 1150 г. он опять прибыл в Антиохию, чтобы разрешить графине Беатрисе продажу земель.

Тогда же на собрании в Триполи баронов Иерусалима, Антиохии и Триполи, в присутствии короля и королевы-матери, княгине-матери Констанции были предложены в мужья кандидатуры трех дворян: Ива, графа Суассонского, богатого французского паломника, прибывшего в Заморье после Второго крестового похода, Готье Фалькенберга из семьи Сент-Омеров и Рауля де Мерля, триполитского барона. Констанция всех их отвергла. Существует, однако, мнение, что дело было вовсе не в Констанции, а в том, что Бодуэн III и Мелизанда не могли сойтись ни на одной из кандидатур. Бодуэн вынужден был вернуться в Иерусалим, передав дела управления Антиохией правительству княгини-матери Констанции.

Рассерженная перипетиями поиска мужа Констанция, по примеру своей матери, отправила посольство в Константинополь просить императора как своего

ленного сеньора назначить ей мужа. Император немедленно откликнулся на просьбу Констанции, ему было очень важно посадить на трон Антиохии своего человека. Положение на юго-восточной границе империи вызывало тревогу. Вновь подняли голову армяне. Около 1143 г. из константинопольского плена бежал армянский князь Рубенид Торос. Он нашел убежище у своего двоюродного брата Жослена II и затем, собрав отряд земляков, отвоевал для себя владение в горах восточного Тавра. Когда в 1151 г. Нур ад-Дин напал на Турбессель, Торос спустился на киликийскую равнину, убил перед воротами Мамистры византийского наместника и овладел провинцией. Мануил отправил своего двоюродного брата Андроника Комнина с армией отбить у Тороса потерянные земли. Блестящий и талантливый Андроник, однако, проявил поспешность и опрометчивость. В горах при подходе к Мамистре он подвергся внезапному нападению, понес потери и вместе с армией бежал в Константинополь.

Как раз в это время в Константинополь прибыло посольство Констанции. Император выбрал ей в мужья нормандца на византийской службе, кесаря Иоанна Рожера, вдовевшего после смерти жены Марии, сестры Мануила. При вступлении Мануила на трон он затеял заговор, чтобы добыть себе корону. Заговор закончился провалом, но теперь Иоанн Рожер был надежным другом императора. К сожалению, Иоанн Рожер был уже немолод, и Констанция, вдова красавца-богатыря Раймунда, отвергла его кандидатуру. Современники шутили, что было бы лучше, если бы Мануил предложил Констанции в мужья Андроника, а с армией против армян послал Иоанна Рожера.

Еще одну головную боль королю Бодуэну и королеве Мелизанде доставило графство Триполи. Семейная жизнь графа Раймунда II Триполийского и Годиерны Иерусалимской сложилась неблагополучно. Подобно своим старшим сестрам, королеве Мелизанде и княгине Алисе, Годиерна была упрямой, вздорной и неукротимой в любовных увлечениях. Злые языки высказывали сомнение по поводу законности рождения ее дочери Мелизанды. Пылавший любовью и ревностью граф Раймунд пытался по восточному обычаю запереть графиню в ее покоях. Их отношения стали настолько плохими, что королева-мать Мелизанда вместе с королем Бодуэном в начале 1152 г. прибыла в Триполи, чтобы их примирить. В Триполи была вызвана вдова, княгиня Антиохийская, и обе тетки, не блиставшие успехами в собственных браках, безуспешно пытались склонить Констанцию к новому супружеству. Более успешной оказалась попытка примирения графа Раймунда с Годиерной. Однако, несмотря на примирение, было решено отвезти Годиерну на некоторое время в Иерусалим для отдыха и смены обстановки.

Король Бодуэн и граф должны были остаться в Триполи, так как ожидалось нападение Нур ад-Дина. Граф с небольшой свитой поехал проводить супругу и

королеву-мать. Когда он возвращался назад, у городских ворот на него напала шайка ассасинов. Графа закололи кинжалами, были убиты Рауль де Мерль и еще один рыцарь, сопровождавшие графа, и ассасинам удалось скрыться. Заказчик убийства остался неизвестным. В городе была объявлена тревога, на улицах убивали каждого встреченного мусульманина. Немедленно были посланы гонцы вернуть королеву-мать и графиню. Годиерна возглавила правительство от имени своего 12-летнего сына Раймунда III. Король Бодуэн принял регентство как ближайший мужской родственник молодого графа. Тем временем Нур ад-Дин напал на Тортосу. Король отправился на выручку, и мусульмане отступили. Тем не менее с согласия Годиерны король Бодуэн передал Тортосу Ордену тамплиеров.

Весной 1152 г. король Бодуэн и королева Мелизанда возвратились в Иерусалим. Несмотря на то что молодой король давно уже достиг совершеннолетия, королева Мелизанда ни в коем случае не хотела отдавать ему власть. Начиная с 1149 г. отношения между ними стали более чем прохладными. У королевы-матери было много союзников, и прежде всего церковь во главе с иерусалимским патриархом Фульком из Ангулема. Высокие должности при дворе были заняты ее сторонниками, коннетаблем королевства был ее любовник Манассия Ержский. Ее поддерживали Иудея и Иерусалим, где виконтом (комендантом цитадели) был ее сторонник Роар Старый. На ее стороне был Филипп де Милли в Наблусе, будущий магистр тамплиеров, и Элинар де Бюр, князь Галилеи; также она могла рассчитывать на поддержку родственников Элинара, братьев Ибеленов, владевших равниной от Яффы до Газы, городом и замком Ибелен и наследием матери – городами Рамла и Лидда и замком Мирабель.

Король постепенно стал выстраивать свои властные позиции на севере королевства вокруг Акры и Тира, его поддерживали Онфруа де Торон и Гийом де Бюр Галилейский, брат Элинара. Канцелярия королевства разделилась на две соперничавшие части – короля и королевы-матери. Наряду с королевским хозяйством Мелизанда устроила свое собственное хозяйство со своими работниками. Таким образом, она нарушила принципы совместной власти, предложенные Бодуэном II, по которым государство было нераздельно целым. Хотя вскоре князь Галилеи Элинар перешел на сторону короля, положение Бодуэна было непрочным. Король показал себя умелым дипломатом в переговорах с византийцами, однако распря между ним и королевой-матерью, возможно, помешала выбору мужа для Констанции Антиохийской.

Потеряв свое влияние в Галилее, Мелизанда сумела возвести в 1151 г. своего младшего сына Амори в графы Яффы. Однако брак ее фаворита, коннетабля Манассии, с Эльви, вдовой Балиана I д'Ибелена, в конце 1150 г. был ошибкой королевы. Трем сыновьям Балиана было мало отцовского наследства, а наследием матери, по крайней мере замком Мирабель, овладел Манассия. Кроме

того, Ибелены принадлежали к «старым семьям», в то время как коннетабль лишь недавно прибыл в Палестину. Так что переход Ибеленов в лагерь короля усилил его позиции и ослабил положение королевы. Помимо прочего, бароны королевства были недовольны «высокомерной властью» Манассии, как пишет Гийом Тирский.

К весне 1152 г. положение короля Бодуэна III было достаточно прочным, чтобы он мог начать борьбу с матерью за власть. Королю было теперь 22 года, и он решил короноваться вторично, что послужило бы подтверждением его власти. Королева также захотела вторично короноваться, чтобы закрепить совместную с сыном власть, и договорилась об этом с патриархом Фульком. Коронация должна была состояться на Пасху, 30 марта 1152 г., но король велел отложить церемонию. Затем, в пасхальный вторник, он с группой рыцарей вошел в церковь Гроба Господня и заставил патриарха короновать его одного, хотя Фульк не хотел этого. Это было открытым разрывом с королевой. На Коронном совете король предъявил свои претензии. Коронный совет, где сильно было влияние духовенства, заставил короля принять компромисс. Королевство было разделено, король, выбиравший первым, получил большую часть Самарии и Галилею, Мелизанда – Наблус, Иерусалим и Яффу, которой владел брат короля Амори. Манассии пришлось уступить должность коннетабля стороннику короля, Онфруа II де Торону, важнейшей фигуре в государстве в течение последующих 25 лет.

Перемирие продолжалось три недели, затем король, внезапно напав, захватил замок Мирабель и пленил Манассию. Ему сохранили жизнь за обещание покинуть Святую Землю и никогда сюда не возвращаться. После этого король захватил Наблус, и королева-мать Мелизанда, покинутая светскими дворянами, но поддерживаемая патриархом, была вынуждена укрыться в цитадели Иерусалима. Однако горожане, возможно, по негласному приказу короля, поднялись против Мелизанды и заставили ее передать город Бодуэну. Королева-мать получила в качестве надела вдовы город Наблус, где, согласно Библии, царь Ирод приговорил Иоанна Крестителя к усекновению главы. За ней также остались права патрона церкви, но из светской политики она вынуждена была уйти. Младший брат короля Амори, до конца хранивший верность матери, был лишен своего лена, Яффы. Бодуэн стал теперь полновластным и неоспоримым государем.

Прослышав о раздорах между королем и королевой-матерью, эмир Мардина Артукид Тимурташ осенью 1152 г. решил внезапным набегом овладеть Иерусалимом. Он собрал армию из туркменских племен, прошел по краю пустыни, переправился через Иордан и разбил лагерь на Масличной горе. Муджир ад-Дин Дамасский снабдил его продовольствием, хотя и высказался против похода. Гарнизон Иерусалима, известив короля, находившегося в Наблусе, о нападении,

внезапно атаковал лагерь Тимурташа. Туркмены бежали к Иордану, не приняв боя. Там, на берегу реки, на них напала королевская армия и разгромила их.

Бодуэн был рослым молодым человеком (на троне он так и не успел состариться), со светлыми волосами и бородой. Он получил хорошее образование и воспитание, был известен вежливостью и хорошими манерами, хорошо владел оружием и вопросами права, любил читать исторические сочинения и участвовать в серьезных дискуссиях. Он был в меру набожен, хотя до женитьбы, по словам Гийома Тирского, был склонен к азартной игре и имел любовные связи.

Раздоры в государствах крестоносцев были на руку Нур ад-Дину, главной задачей которого в это время было завоевание Дамаска.

Тем временем Фатимидский халифат шаг за шагом приближался к своему полному развалу. Халиф аль-Хафиз с трудом мог удержаться на троне до самой своей смерти в 1149 г., после чего халифом стал его сын аз-Зафир. Его правление началось открытой войной двух военачальников за пост визиря; выигравший войну Амир ибн Саллах стал визирем, но был убит при участии халифа через три года. Эта череда мятежей, войн и убийств в Египте способствовала планам франков по завоеванию Аскалона, последней крепости Фатимидов на Палестинском побережье.

В 1150 г. Бодуэн III построил на развалинах античной Газы крепость, отрезавшую Аскалон от фатимидского Египта, завершив, таким образом, его окружение, начатое королем Фульком. Новая крепость была отдана тамплиерам. Встревоженный визирь Амир ибн Саллах послал уехавшего в Египет после смерти Унура Дамасского Мункидита Усаму к Нур ад-Дину, осаждавшему в это время Дамаск, но последний не откликнулся на призыв о помощи. После того как Амир ибн Саллах с помощью халифа был убит аль-Аббасом, ставшим новым визирем (сын аль-Аббаса был фаворитом халифа), король Бодуэн начал в конце января 1153 г. осаду Аскалона, «Невесты Сирии»^{*}.

Для осады Аскалона король собрал все силы, имевшиеся в его распоряжении. В армии короля были тамплиеры и госпитальеры со своими магистрами, светские бароны королевства, иерусалимский патриарх Фульк из Ангулема со Святым Крестом, архиепископы Цезареи, Тира и Назарета, епископы Акры и Вифлеема. Аскалон, возвышавшийся полукругом над морем, был мощной крепостью, его укрепления были в отличном состоянии. Четыре раза в год из Египта приходили флотилии, снабжавшие Аскалон продовольствием, оружием и пополнениями. Король окружил Аскалон со всех сторон, с моря франков поддерживала флотилия из пятнадцати кораблей под командой Жерара Гарнье Сидонского. Чтобы избежать внезапного ночного нападения, аскалонцы повесили на зубцах

^{*} Палестину часто называли Палестинской Сирией или просто Сирией.

стен и башен стеклянные фонари, в которых всю ночь горели факелы. За три месяца осады франки не добились никаких ощутимых успехов.

К Пасхе, 19 апреля 1153 г., в Яффу и Акру прибыли корабли с вооруженными паломниками, присоединившимися к осаждавшим, пять кораблей пополнили франкскую эскадру у Аскалона. Египтяне не рискнули попытаться деблокировать город по суше, но послали эскадру из семидесяти кораблей, нагруженную войсками и продовольствием, которую Жерар Гарнье не осмелился атаковать. Защитники ободрились, но корабли, разгрузившись, ушли в Египет. Осаждавшие построили большую башню, приблизили ее к стене и обстреливали с нее город камнями и вязанками горящего хвороста. Ночью в конце июля несколько человек прокрались из города и подожгли башню. Она горела день и ночь, ветер бросил пламя на городскую стену, которая искрошилась и разрушилась. На рассвете 16 августа здесь была пробита брешь, в которую устремились находившиеся на этом участке осады тамплиеры. Чтобы добыча и слава не достались другим, они выставили у брешки охрану, не пускавшую в город никого, кроме тамплиеров. Солдаты гарнизона уже хотели сдаваться, когда увидели, что ворвавшихся в город и в основном занятых грабежом немного. Тамплиеры были окружены и перебиты, погиб и их магистр Бернар де Тремеле. Брешь была закрыта балками, а убитые тамплиеры вывешены на стене.

В своем шатре у Святого Креста король провел Коронный совет. Многие из баронов были за то, чтобы снять осаду, но патриарх Фульк и магистр Ордена госпитальеров, старик Раймунд дю Пюи, настояли на продолжении осады. Воодушевленные победой над тамплиерами, на другой день после этого аскалонцы отважились большими силами выйти в поле, но были разбиты. Гарнизон потерял мужество, и 19 августа после долгого обстрела решил сдаться на условиях свободного выхода с движимым имуществом. Бодуэн выполнил условия и выпустил мусульман морем и по суше в Египет. Франки торжественной процессией вошли в город. В цитадели они нашли большие запасы ценностей и оружия. Вместе с Яффой Аскалон отошел к получившему прощение брату короля Амори. Яффа и Аскалон были объединены в одно графство, разделявшееся соответственно на два виконтства; оно стало самым большим королевским леном. Главная городская шиитская мечеть стала собором Святого Павла. В городе было учреждено епископство, которое позднее по распоряжению Рима было подчинено епископству Вифлеема.

Овладение Аскалоном было значительной победой. Пал последний опорный пункт Фатимидов в Палестине, и отныне весь берег был в руках франков. Со времен короля Фулька Аскалон уже не представлял серьезной угрозы для королевства, взятие города привлекло внимание христиан к богатому Египту, не имевшему крепостей на границе и сильно укрепленных городов, и соблаз-

нило к опасным авантюрам на юге. Отвлечение сил государства, необходимых для борьбы с Нур ад-Дином, было стратегической ошибкой франков, и это прекрасно понял властитель Алеппо и Мосула, не предпринявший практически никаких мер по оказанию помощи Аскалону и видевший свою главную задачу в захвате Дамаска.

2. Подъем Нур ад-Дина

После неудачи Второго крестового похода наместник Дамаска Муин ад-Дин Унур некоторое время продолжал нерешительные военные действия против христиан. Смертельно страшась Нур ад-Дина, Унур с готовностью согласился на перемирие с франками. В мае 1149 г. с франками было заключено перемирие на два года. После смерти Муин ад-Дина Унура в августе 1149 г. к власти в Дамаске пришел юноша, сын Мухаммеда, внук Бури – атабек Муджир ад-Дин Абак, от имени которого правил наместник.

Нур ад-Дин не сразу выступил против Дамаска, у него были другие заботы. В ноябре 1149 г. умер его старший брат Саиф ад-Дин, Мосулом стал править младший брат Кутб ад-Дин, и Нур ад-Дин добился от него признания своей верховной власти. Только в марте следующего года Нур ад-Дин выступил в поход против Дамаска, однако проливные дожди замедлили его движение, и франки успели прийти на помощь городу. Нур ад-Дин отступил от города, получив обещание, что впредь на городских монетах будут чеканить его имя, а в пятничных молитвах в мечетях называть имя халифа Багдадского и султана Исфаханского, то есть он получил еще довольно неопределенные права на верховенство.

В мае 1151 г. Нур ад-Дин опять подошел к Дамаску, но через месяц, так как франки снова пришли на помощь городу, вынужден был отступить к Баальбеку, которым управлял его военачальник Наджм ад-Дин Айюб, брат Ширкуха. Франкам было разрешено посетить городские базары Дамаска, а Муджир ад-Дин Абак прибыл к королю в лагерь христиан. В конце июля Нур ад-Дин и Дамаск вторично заключили перемирие, а осенью Дамаск во второй раз признал его верховенство.

Весной 1153 г. Нур ад-Дин выступил в поход против королевства Иерусалим, чтобы снять с Аскалона франкскую осаду, и заставил дамаскинцев присоединиться к нему. Перед Баниясом союзники рассорились, и поход провалился. Якобы именно тогда, по утверждению хрониста Ибн аль-Атира, Нур ад-Дин принял окончательное решение захватить Дамаск.

Тем временем жадность и недалекость франков толкали их на военное давление и грабительские набеги на территорию Дамаска. Муджир ад-Дин выплачивал им ежегодную дань, Дамаск стал как бы протекторатом Иерусалима.

Наглость христиан стала невыносимой для простых жителей Дамаска, в отличие от поведения Муджир ад-Дина и его советников. Со своей стороны, Нур ад-Дин через своих агентов возбуждал злобу населения против Муджир ад-Дина: он предал ислам, отказался выполнять священный долг джихада и покорился многобожникам. Еще более опасным для Муджир ад-Дина стало то, что Нур ад-Дин перехватывал караваны с севера, которые везли хлеб, в городе быстро обнаружился недостаток продовольствия и сильно возросли цены. Таким образом, большинство населения города перешло на сторону Нур ад-Дина, а тот к тому же доверительно сообщил Муджир ад-Дину о готовившемся против него заговоре, вследствие чего последний перестал доверять кому бы то ни было.

18 апреля 1154 г. Нур ад-Дин подошел к Дамаску с большой армией. Призыв к франкам о помощи запоздал. После недели осады жители впустили войска Нур ад-Дина в город. «Войска Дамаска и жители не оказали сопротивления из-за той симпатии, с которой они относились к Нур ад-Дину, его справедливости и доброму имени. Какой-то воин подбежал к воротам и разбил замок, так что ворота открылись; солдаты проникли в город и прошли по крупным улицам, так никого и не встретив на своем пути; ворота Фомы также были открыты и пропустили войска. Затем в сопровождении свиты в город въехал Нур ад-Дин, его появление сопровождалось ликованием всех – воинов и наемников, одержимых страхом голода и повышением цен, как и опасением, что их будут осаждать неверные франки» (Ибн аль-Каланиси). Муджир ад-Дин укрылся в цитадели, однако сдался через несколько часов. Нур ад-Дин предложил ему стать эмиром Хомса. Через несколько недель он был обвинен в заговоре и выгнан из Хомса, после чего поселился в Багдаде. Нур ад-Дин запретил своим войскам грабить Дамаск, отменил налоги на овощи и фрукты и поставил наместником города курда Айюба.

Таким образом, произошло объединение Алеппо, Дамаска и Мосула в одно государство под властью Нур ад-Дина. На всем протяжении границы франкских государств, на пространстве от Мосула до Трансиордании, осталось только несколько малых эмиратов, таких как Шайзар, сохранивших независимость. Это явилось первым шагом на пути крушения франкских государств в Святой Земле.

Объединение Сирии и Мосула в одно государство привело к увеличению воинских сил Нур ад-Дина. Теперь основная сила его постоянной армии – конница – составляла, по мнению исследователей, порядка 6 тысяч всадников, из которых 2 тысячи были личными войсками атабека, в это число входили и рабы-мамлюки, а остальные подчинялись военачальникам, содержавшим их за счет выделенных им земельных ленов (по-арабски *икта*). Для походов и осад дополнительно нанимались вспомогательная конница из курдов, туркмен и бедуинов и пехота, также игравшая вспомогательную роль. Следует отметить значительное увеличение количества курдов, как собственно в постоянной армии, так и среди офицер-

ского состава, где они серьезно конкурировали с турками. Для сирийцев и сирийских арабов это была чужеземная армия.

Однако сразу войны с франками Нур ад-Дин не начал, так как вначале хотел отразить экспансию анатолийских рум-сельджуков и отнять у них их часть бывшего графства Эдесса. Поэтому он подтвердил союз Дамаска с Иерусалимом и в 1156 г. продлил перемирие еще на два года и даже выплатил франкам дань Дамаска в 8 тысяч динаров.

После смерти в 1155 г. султана Икония Рум-Сельджукида Масуда началась война между его сыновьями Кылыч Арсланом II и Шахиншахом. Первого поддерживали эмиры-Данишмендиды Дул Нун Кесарийский и Дул Карнайн Мелитенский, второго – Данишмендид Яги-Сиан, правитель Сиваса. Когда победа стала клониться на сторону Кылыч Арслана, Яги-Сиан позвал на помощь Нур ад-Дина. Тот, охотно откликнувшись на зов, захватил у Кылыч Арслана бывшие эдесские крепости Айн-таб и Дулук и присоединил их к своим владениям. Хотя Кылыч Арслан одержал победу над братом, он вынужден был смириться с потерей этих крепостей.

Перемирие между франками и Нур ад-Дином изредка нарушалось небольшими столкновениями. Нур ад-Дин, видевший главного врага в Кылыч Арслане, не хотел начинать войны с королевством. Перемирие было нарушено франками. Постоянно обремененный долгами Бодуэн не смог устоять перед искушением легкой добычи. Доверяя перемирию, туркмены выгнали большие стада овец и табуны лошадей, принадлежавшие жителям Дамаска, на луга у подножья горы Хермон, у границы с франками близ Банияса. В феврале 1157 г. король Бодуэн перешел Иордан и захватил табуны, стада, пастухов и охрану. Все захваченное было доставлено в Палестину. Такой добычи франки не видели несколько десятилетий, особенно кстати были лошади, в которых армия испытывала большую нужду. Такое бесстыдное нарушение перемирия побудило Нур ад-Дина к мести. Он решил напасть на Банияс, контролировавший дорогу к Дамаску. Нападение на франков выглядело как возобновление священной войны. В Дамаске были проведены обширные пропагандистские мероприятия: торжественные службы в мечетях, выставки оружия и осадной техники на площадях и в цитадели.

Для франков было очевидным, что мусульмане нападут на пограничный город Банияс. Было решено привлечь к обороне города госпитальеров. Им отдали половину города и городскую цитадель, расположенную над городом на вершине горы. Орден направил в Банияс большой отряд для обороны города. Этот отряд был перехвачен у города братом Нур ад-Дина Наср ад-Дином, разбит и обращен в бегство. В мае сам Нур ад-Дин вышел из Дамаска, чтобы осадить Банияс. Обороной города командовал коннетабль Онфруа де Торон. Нижний город был быстро взят, но цитадель под командой Онфруа держалась. Он уже со-

бирался сдать, когда было получено известие о приближении короля. Нур ад-Дин сжег нижний город и отступил. Король вошел в город и приказал восстановить стены. Думая, что Нур ад-Дин увел свою армию в Дамаск, король, оставив часть войск в Баниясе, решил возвратиться за Иордан. Армия Нур ад-Дина ждала его в засаде у Брода Иакова через Иордан, где, согласно Ветхому Завету, патриарх Иаков боролся с Богом. 18 июня 1157 г. после жестокого сражения франки были разбиты, король, однако, успел переправиться через Иордан и добраться до Сафеда. Бегство короля прикрывал магистр Бертран де Бланшфор, попавший в плен с восьмьюдесятью восьмью рыцарями-тамплиерами.

Пленные франки были доставлены в Дамаск и 24 июня 1157 г. в торжественном шествии проведены по его улицам. Нур ад-Дин снова осадил Банияс, но вынужден был снять осаду, узнав, что король собрал новую армию, мобилизовав ополчение и призвав на помощь войска из Антиохии и Триполи, и что Кылыч Арслан готовит на него нападение.

Весной 1156 г. два сильных землетрясения в Сирии произвели большие разрушения в Триполи и в прибрежных землях Антиохии, но гораздо сильнее пострадали мусульманские Алеппо, Хама и Апамя. В ноябре и декабре землетрясения повторились и разрушили Шайзар. В августе 1157 г. от новых землетрясений сильно пострадали Хомс, Алеппо и в особенности Хама, во всех этих городах погибло много людей. Тогда же в цитадели Шайзара погибла под ее обломками вся семья Мункидитов, собравшаяся на семейное торжество по поводу обряда обрезания юного князя, уцелел лишь Усама, выполнявший дипломатическую миссию.

В октябре 1157 г., через два месяца после возвращения из-под Банияса, Нур ад-Дин тяжело заболел. Думая, что умирает, он приказал доставить себя в Алеппо и там объявил своим наследником в государстве склонявшегося к шиизму брата Наср ад-Дина, под верховенством которого в Дамаске должен был править Ширкух. Прибывший в Алеппо, чтобы вступить в наследство, Наср ад-Дин встретил в городе сопротивление наместника Ибн ад-Дая, не хотевшего отдавать власть. В городе, где большинство населения были шиитами, начались беспорядки, возбужденные Наср ад-Дином. Их удалось прекратить, только когда нескольких видных горожан привели к постели Нур ад-Дина, чтобы они убедились, что он не умер. Нур ад-дин начал медленно выздоравливать, однако после выздоровления уже не был таким предприимчивым и энергичным, как прежде.

3. Новый князь Антиохии

Весной 1153 г., когда король Бодуэн осаждал Аскалон, к нему в полевой лагерь прибыл Рено де Шатийон с посланием от Констанции Антиохийской. Двадцатичетырехлетняя княгиня-мать просила у короля как регента Антиохии и верхов-

ного сеньора Рено разрешения выйти за него замуж. Рено был младшим сыном Жофруа, графа Жьена и сеньора Шатийона (Колиньи) на реке Луен во французском королевском домене. Не имея на родине никаких видов на будущее, Рено ушел с королем Людовиком в крестовый поход и остался в Палестине, поступив на службу к королю Бодуэну. Рено сопровождал короля в 1150 г. в Антиохию и там остался, получив маленький лен.

Рено был рослым, красивым и безрассудно храбрым и жестоким воином и отчаянным авантюристом. Назвать его недалеким было бы слишком слабо, он был лишен способности задумываться над результатами и последствиями своих поступков. Жажда добычи была главной движущей силой его натуры. Зная Рено как храброго воина и надеясь на его верность, король дал разрешение на брак, так как этот брак снимал с него ответственность за Антиохию. Брак был мезальянсом, фигура Рено была настолько ничтожной, что до получения разрешения короля Констанции пришлось скрывать свое намерение от вассалов. Сразу после возвращения Рено состоялась свадьба, и он был провозглашен князем. Свадьба не вызвала воодушевления знати и подданных Антиохии.

Ослепленная новой любовью, Констанция не догадалась или не захотела попросить разрешения на брак у второго своего сеньора, императора Мануила, воспринявшего это как оскорбление. Однако в это время император вел войну с рум-сельджуками, и ему было не до разбирательств. Император отправил в Антиохию послов, заявив, что он признает нового князя и окажет помощь деньгами, если тот предпримет поход против другого его врага, армянского князя Тороса. Рено охотно согласился, союз с императором укреплял его авторитет, и, кроме того, армяне беспокоили нападениями Александретту, которой овладели франки. Рено повел армию на север, в коротком бою у Александретты разбил армян, выгнал их в Киликию и отдал завоеванную землю тамплиерам. Они расширили и укрепили замок Гастен, охранявший Сирийские ворота. Именно тогда завязалась роковая для королевства дружба Рено с тамплиерами.

Когда Рено потребовал от Мануила обещанную денежную субсидию, император отказал, говоря, что тот еще не выполнил всей работы. Рено обиделся и, подстрекаемый тамплиерами, заключил мир с армянами. В то время как последние нападали на оставшиеся византийские крепости в Киликии, Рено вместе с Торосом стал готовить разбойничье нападение на византийский Кипр. Для нападения необходимы были деньги, они были у антиохийского патриарха Амори, но тот отказался предоставить их новоиспеченному князю. Помимо этого, он с нескрываемым неодобрением отзывался о браке Констанции. Патриарх пользовался общим уважением за мужество, проявленное в тяжелое время после смерти князя Раймунда, что, однако, не остановило Рено. По его приказу патриарх был брошен в тюрьму, затем ему обмазали голову медом и оставили целый день си-

деть в цепях на крыше цитадели, где он стал добычей тучи крылатых насекомых. К вечеру патриарх не выдержал пытки и выплатил требуемые деньги, но из тюрьмы не был освобожден. Полный ужаса и гнева Бодуэн немедленно послал в Антиохию своего канцлера Рауля и епископа Акры Фридриха, которые добились освобождения Амори. Тот, однако, не рискнул далее оставаться в Антиохии и со своими приближенными и рыцарями перебрался в Иерусалим, где был с почетом встречен королем, иерусалимским патриархом Фульком и Мелизандой. Возвращаться в Антиохию он не стал.

Кипр – богатый и процветающий остров, мирно живший более столетия, находился под управлением византийского наместника Иоанна Комнина, племянника императора. Полстолетия назад Кипр помог продовольствием крестоносцам, когда те голодали под Антиохией, и всегда сохранял с ними хорошие отношения. Узнав, что Рено готовит нападение на Кипр, король Бодуэн немедленно известил об этом наместника, но было уже поздно, подкрепление из Константинополя прибыть не успело. Весной 1156 г. Рено и Торос с войсками высадились на острове. Греческий военачальник на острове Михаил Врана кинулся в бой, но был разбит превосходящими силами и попал в плен. Затем был разбит и тоже попал в плен подошедший позднее с другой частью войск наместник Иоанн Комнин. В течение трех недель франки и армяне обшарили весь остров, последовала вакханалия убийств, насилий и грабежа, сжигались церкви, монастыри, деревни и города, уничтожались посевы на полях. Население и скот были согнаны в одно место, детей и стариков, которые не могли быстро передвигаться, убивали. Когда были получены известия о приближении греческого флота, наместник Иоанн, Врана, видные представители духовенства и землевладельцы с семьями, а также скот были погружены на корабли и вывезены в Антиохию, где находились в тюрьмах, пока за них не был получен выкуп. Некоторые, за которых не ожидали большого выкупа, были искалечены и отправлены на корабле в Константинополь. Преступление было тем более ужасно, что его совершили единоверцы, остров никогда не смог полностью оправиться от этого опустошения.

В Антиохии в 1156 г. произошло сближение латинской и яковитской церквей на почве общей вражды к православной, а также благодаря тому, что у гроба яковитского святого Бар Саумы произошло чудо избавления от хромоты франкского ребенка. В этом году с разрешения Рено и Констанции яковитскому патриарху и историографу Михаилу Сирийцу было разрешено строительство нового кафедрального собора, на освящении которого присутствовали Констанция и армянский князь Торос.

Осенью 1157 г., воспользовавшись болезнью Нур ад-Дина и прибытием в Палестину в третий раз графа Тьерри Фландрского с большим воинским сопровождением, король Бодуэн решил вновь овладеть опорными пунктами на сред-

нем Оронте и пострадавшим от землетрясения Шайзаром. К походу привлекли Рено Антиохийского. После землетрясения августа 1157 г. Шайзар захватили ассасины. В конце года франкская армия подошла к городу. Нижний город был захвачен очень быстро. Разрушенная цитадель вряд ли оказала бы серьезное сопротивление, если бы не спор среди христиан. Король обещал отдать Шайзар мужу своей тетки, графу Тьерри Фландрскому, как коронный княжеский лен. Однако, поскольку Мункидиты платили дань Антиохии, Рено потребовал, чтобы Тьерри принес ленную присягу ему, а не королю. Графу Фландрскому, потомку Карла Великого, показалась абсурдной мысль принести ленную присягу человеку такого незначительного происхождения, как Рено де Шатийон. Чтобы спор не дошел до драки, Бодуэн снял осаду и увел армию на север, занял развалины Аппамеи, а затем осадил Харенк. Крепость сдалась в феврале 1158 г. и была передана во владение одному из людей Тьерри – Рено де Сен-Валери как лен от княжества Антиохия.

Столкновение Бодуэна с Рено Антиохийским из-за Шайзара заставило короля изменить политический курс. Понимая, что император обладает самой большой и боеспособной армией на Ближнем Востоке, король решил заключить с Византией прочный мир. Летом 1157 г. Бодуэн отправил в Константинополь посольство просить себе жену из семьи императора. Посольство возглавляли архиепископ Ашар Назаретский, умерший в дороге, и коннетабль Онфруа де Торон. Император согласился и предложил королю в жены свою племянницу, 12-летнюю красавицу Феодору, с богатейшим приданым, состоявшим из 100 тысяч безантов и, дополнительно, подарков на 30 тысяч и 10 тысяч на свадебные расходы. В качестве вдовьего надела в случае смерти мужа Феодора должна была получить город Акру. В ходе переговоров император дал согласие на совместный поход против Нур ад-Дина, а король согласился на выдачу головой Рено Антиохийского. Бодуэн подтвердил условия договора, и принцесса морем отправилась к жениху. В сентябре 1158 г. она прибыла в Акру и оттуда в Иерусалим, где была встречена с большим почетом и пышностью и обвенчана с королем патриархом Амори Антиохийским, так как новый патриарх Иерусалима Амори из Неля не был еще утвержден папой. Король был в восхищении от своей юной жены.

Патриарх Фульк умер в 1157 г., и королева-мать Мелизанда добилась, чтобы на его место был поставлен ее хороший приятель, простой священник Амори из Неля, образованный, но совершенно оторванный от жизни человек. Видные иерархи королевства архиепископ Эрн (Hernes) Цезарейский и епископ Рауль Вифлеемский были против его назначения, но Амори и Мелизанда отправили в Рим Фридриха, епископа Акры. Там его красноречие и богатые подарки сыграли решающую роль при утверждении нового патриарха.

Думая, что Нур ад-Дин лежит при смерти в Алеппо, Бодуэн вместе с графом Тьерри Фландрским предпринял в конце марта 1158 г. нападение на Дамаск и 1 апреля осадил замок Дарей вблизи города. Получив известие о нападении франков, начавший выздоравливать Нур ад-Дин двинулся с армией к Дамаску. 7 апреля он вступил в Дамаск и был с радостью встречен жителями. Бодуэн отступил. Нур ад-Дин предпринял контрнаступление. В то время как Ширкух двинулся к Сидону, сам Нур ад-Дин осадил замок Хабис Джалдак, построенный франками передовой опорный пункт на реке Ярмек, к востоку от Генисаретского озера. Гарнизон дал знать королю, что ввиду полного превосходства неприятельских сил сдастся, если через десять дней не получит помощь. Король вместе с Тьерри, графом Фландрским, двинулся на помощь, но не прямо к замку, а переправился через Иордан севернее озера и перерезал пути снабжения армии Нур ад-Дина из Дамаска. Атабек снял осаду с замка и пошел на север навстречу франкам. Сражение состоялось 15 июля 1158 г. к востоку от озера. Ряды мусульман дрогнули под ударом бронированной франкской конницы, и Нур ад-Дин, еще полностью не пришедший в себя после болезни, позволил уговорить себя покинуть поле боя. После ухода атабека его армия в беспорядке бросилась бежать. Франкская победа, а также известие о скором прибытии византийского императора с большой армией заставили Нур ад-Дина предложить перемирие, принятое королем.

Глава 27

Возвращение Византии

Верный союзник Мануила король Конрад III внезапно умер в 1152 г., накануне своего похода вместе с императором против Рожера II Сицилийского. Его племянник и наследник Фридрих I Барбаросса относился к союзу с Византией гораздо более прохладно. Вступивший на сицилийский престол после смерти Рожера в 1154 г. его сын и наследник король Вильгельм I Злой поставил своей задачей расторжение союзов между Византией и Германией и между Византией и Венецией. Венеция, не желавшая утверждения Византии в Италии и получившая торговые привилегии в королевстве Сицилия, заключила союз с Вильгельмом I.

Высадившиеся в Южной Италии византийские войска вначале имели успех и захватили Анкону и Бари. Однако Вильгельм нанес византийцам жестокое поражение при Бриндизи, сразу сведшее на нет все их успехи. Византийцы были выброшены из Италии. Отошел от союза с Византией и Фридрих Барбаросса, также не желавший делить с ней Италию. В 1158 г. между Мануилом и Вильгельмом Сицилийским был заключен мир, положивший конец притязаниям Византии на Южную Италию.

Мануил получил возможность заняться проблемами, угрожавшими империи на Востоке. Осенью 1158 г. император Мануил с большой армией выступил в поход. Он вошел в Киликию во главе отряда отборных воинов из пятисот человек, оставив армию позади. Для армянского князя Тороса, сидевшего в Тарсе, это было полной неожиданностью. В спешке, забрав семью и казну, он бежал в горы. В течение двух недель все города Киликии были под властью императора. Торос скрывался в заброшенной развалившейся башне в горах, и только двое верных слуг знали, где он находится.

Рено Антиохийский, узнав об огромных силах императора, решил, по совету епископа Жерара Латакийского, сдаться без сопротивления. Рено отправил посланца к императору и предложил передать ему цитадель Антиохии. Посланцу сказали, что этого недостаточно для искупления вины. Тогда Рено в одежде кающегося грешника сам прибыл в лагерь императора у Мамистры. Там уже собрались, чтобы приветствовать императора, послы от всех соседствующих князей – от Данишмендидов, от Нур ад-Дина, от царя Грузии Григория III и даже от

халифа. Как раз в это время Мануил получил послание от изгнанного антиохийского патриарха Амори, в котором тот описывал свои страдания и советовал заковать Рено в цепи и низложить. Однако другого такого дикого зверя найти было трудно, и в качестве покорного раба Рено как нельзя лучше устраивал императора. Рено заставили долго ждать. Затем, на торжественном собрании, когда император сидел на троне в своем шатре в окружении придворных, иноземных послов и личной гвардии, Рено и его свита, босые, с непокрытыми головами, прошли по городу и вошли в императорский лагерь. Там Рено бросился в пыль перед подестой (начальником полиции), а его люди на коленях умоляюще воздели руки. Долго лежал Рено в пыли перед шатром императора, пока тот наконец соизволил обратить на него внимание. Ему было даровано прощение с тремя условиями: он должен был передать грекам цитадель, принять в Антиохию греческого патриарха вместо латинского и явиться по первому требованию к императору с контингентом войск. Рено поклялся выполнить эти условия и был отпущен в Антиохию.

Узнав о приближении Мануила, король Бодуэн с братом Амори и патриархом Амори Антиохийским отправились ему навстречу. В Антиохии король встретил Рено, вернувшегося от Мамистры, и с разочарованием узнал, что тот прощен императором. Из Антиохии Бодуэн отправил императору послание с просьбой об аудиенции. Взяв с собой видных горожан Антиохии, просивших примирить их с императором, Бодуэн поспешил к нему. Вначале Мануил думал, что король и патриарх будут просить о низложении Рено и присоединении княжества к королевству, и откладывал встречу, но Бодуэн настаивал, и император вынужден был согласиться. При встрече император был очарован молодым королем, тот пробыл в гостях у Мануила десять дней. Бодуэну удалось примирить императора с Торосом, который подвергся такой же унижительной процедуре прощения, как и Рено, и добиться молчаливого отказа Мануила от назначения в Антиохию православного патриарха. Амори был возвращен его патриарший трон, и он был примирен с Рено. Получив от Мануила богатые подарки, Бодуэн возвратился в Антиохию, оставив брата у императора.

На Пасху 12 апреля 1159 г. состоялся торжественный въезд императора в Антиохию. Местные власти пытались удержать его от этого, заявив, что в городе существует заговор с целью его убийства, но императора запугать не удалось. Горожане должны были дать заложников, а латинские князья, желавшие принять участие в церемонии, — быть безоружными, сам император под одеждой был одет в кольчугу. Над цитаделью было поднято императорское знамя, и торжественная процессия прошла через укрепленный мост в город. Впереди шла валяжская гвардия императора, затем сам император верхом на коне с украшенной жемчугом короной на голове. Пеший Рено вел под узцы императорского коня, рядом с ним шли несколько антиохийских баронов. Позади императора ехал

верхом Бодуэн, без оружия и без короны, далее следовали императорские вельможи. В городе, сразу за воротами, шествие встречал патриарх Антиохии Амори в торжественном облачении вместе со всем духовенством. Процессия украшенными улицами, по коврам, двинулась в собор и оттуда во дворец.

Восемь дней продолжались торжества в Антиохии, пиры сменялись торжественными службами, василевс раздавал подарки вельможам и простому населению. Был даже организован турнир на западноевропейский манер, в котором сам император на коне с копьем в руках показал свои ловкость и бесстрашие.

Затем императорская армия двинулась на восток, к границе с Алеппо. На границе императора встретили послы Нур ад-Дина. К возмущению франков, ожидавших, что император вместе с ними обрушится на Алеппо, император начал переговоры. Когда Нур ад-Дин, смертельно боявшийся нападения, предложил освободить до 10 тысяч христианских пленных (в основном участников Второго крестового похода), принять участие в войне с рум-сельджуками и передал императору роскошные подарки, Мануил отменил поход. Среди вернувшихся из плена было много немцев, магистр тамплиеров Бертран де Бланшфор и претендент на Триполи Бертран, сын графа Тулузского, умерший вскоре после освобождения. После заключения перемирия с Нур ад-Дином византийская армия в полном порядке в конце лета возвратилась в Константинополь.

Вероятно, император и не собирался воевать с Нур ад-Дином. Ходили слухи о том, что еще до похода в Сирию император отправил к Нур ад-Дину посольство с богатыми подарками и предложением дружбы, впрочем, это могло быть просто намерением ввести турка в заблуждение. Если для франков победа над Нур ад-Дином была жизненно важна, то для Мануила Сирия была самой отдаленной из многих пограничных провинций. Он не мог позволить себе тяжелую и длительную войну с правителем Алеппо, Мосула и Дамаска, когда его растянутым и беззащитным коммуникациям угрожал враг — рум-сельджуки. Он по опыту знал, что он нужен антиохийским франкам только до тех пор, пока им угрожает опасность, и они немедленно будут добиваться независимости, как только он разобьет Нур ад-Дина. Главным врагом василевса были анатолийские турки, и в борьбе с ними Мануилу была нужна поддержка Нур ад-Дина. Возможно, император смог бы добиться лучших условий договора, если бы не торопился: он получил известия о заговоре в Константинополе и угрозах на Балканах.

Почти на 18 лет (до 1176 г.) Мануил восстановил политическое равновесие в северной Сирии, опиравшееся на византийское военное превосходство. Франки не начали большую войну с Нур ад-Дином, когда тот предпринял поход против рум-сельджуков, и в то же время василевс не позволял атабеку Алеппо, Мосула и Дамаска совершать большие нападения на франков, угрожая ему войной. И все же перемирие с Нур ад-Дином было ошибкой императора, франки еще раз разо-

чаровались в нем, и количество друзей среди них у него не увеличилось, у атабека не были отняты Алеппо и Дамаск, он не был оттеснен в Мосул. В дальнейшем ему удалось завоевать Египет, что послужило началом конца государств крестоносцев.

Через три месяца Мануил снова двинулся в поход, теперь уже на румсельджуков. Поход был тщательно подготовлен дипломатически, хорошо стратегически задуман и тактически выполнен. На султана Кылыч Арслана II с юго-востока и северо-востока напали Нур ад-Дин и Данишмендид Якуб Арслан и прогнали его с земель западнее реки Джейхан и с гор Антитавра. Помимо договора с императором, войну Нур ад-Дина с султаном Икония можно объяснить также тем, что к тому бежал мятежный честолюбивый брат атабека Наср ад-Дин, проявивший нелояльность во время его болезни.

Оставленный василевсом в Киликии с печенегами полководец Иоанн Контостефан с присоединившимися к нему войсками Рено Антиохийского и Тороса двинулись через Киликийские ворота в горах Тавра на Гераклею и Иконий. В то же время император с главными силами, присоединив к себе войска князя Сербии и франкских паломников, нанятых на острове Родос, двинулся в долину Меандра. Оказавшись между двух огней, Кылыч Арслан вынужден был разделить силы. Контостефан разгромил посланные против него войска, и тогда султан запросил у императора мира. Он предложил Мануилу возвратить захваченные города, прекратить разбойничьи набеги и предоставлять в распоряжение василевса отряды, когда они тому понадобятся. Мануил принял предложение. В Константинополь был направлен канцлер Рум-Сельджукида христианин Кристоф, чтобы подписать договор и подготовить визит Кылыч Арслана.

Война закончилась летом 1161 г., а весной следующего Кылыч Арслан прибыл в Константинополь. Он был принят торжественно и одарен богатыми подарками, но с ним обращались, как с вассальным князем.

Победа над Кылыч Арсланом на полтора десятка лет открыла для паломников Запада сухопутную дорогу в Святую Землю через Анатолию. Однако их количество увеличилось незначительно. Паломничеству мешали войны Капетингов с Плантагенетами во Франции и Штауфенов с папством в Германии и Италии.

В ноябре 1160 г., когда пастухи-турки выгнали большие массы скота, лошадей и верблюдов с лугов в предгорьях Антитавра в долину Евфрата на зимние пастбища, Рено Антиохийский предпринял на них разбойничий набег. На него, медленно возвращавшегося домой, отягощенного добычей, напал из засады наместник Алеппо Маджад ад-Дин, молочный брат Нур ад-Дина. Рено храбро сражался, но был разбит, попал в плен и отправлен в кандалах в тюрьму в Алеппо, где провел 16 лет. О нем никто не пожалел и не проявил желания выкупить из плена. В плену он встретил молодого Жослена III де Куртне, титулярного графа

Эдессы, попавшего в плен несколькими месяцами ранее, также при разбойничьем набеге.

Пленение Рено снова создало проблему с наследованием власти в Антиохии. Констанция захотела вернуть власть себе, однако встретила противодействие со стороны баронов и населения княжества. Общественное мнение требовало возведения на княжеский трон ее сына от первого брака Боэмунда Заики, которому исполнилось 15 лет. Хотя признанным верховным сеньором Антиохии был император Мануил, но он был далеко и его права в глазах антиохийцев, привыкших к независимости княжества, были несколько сомнительными. В Антиохию был вызван для решения вопроса король Иерусалима как ближайший мужской родственник молодого князя. Бодуэн провозгласил Боэмунда III князем Антиохии и назначил регентом до его совершеннолетия патриарха Амори. Это решение не понравилось Констанции, и она немедленно принесла жалобу императору.

Своеволие короля и антиохийцев пришлось Мануилу не по вкусу. В конце 1159 г. умерла императрица Ирина (Берта Зульцбахская), оставив дочь Марию. Сорокаоднолетнему императору нужен был сын-наследник. В 1160 г. в Иерусалим прибыло посольство императора во главе с Иоанном Контостефаном и главным переводчиком двора итальянцем Феофилактом просить короля назвать одну из принцесс королевства в качестве новой жены Мануила. Как в Константинополе, так и в Иерусалиме были известны две кандидатки для этого, две ровесницы, две 15-летние красавицы: одна – Мария, дочь Раймунда Антиохийского и Констанции, другая – Мелизанда, дочь Раймунда II Триполлийского и Годиерны, двоюродная племянница и двоюродная сестра короля. Король, подумав, назвал Мелизанду Триполлийскую: он не хотел слишком тесного объединения Константинополя и Антиохии. Посольство прибыло в Триполи, чтобы сообщить об этом принцессе. Все поздравляли ее, присылали подарки, со всех сторон в Триполи спешили рыцари, чтобы получить приглашение на свадьбу. Преисполненный гордости граф Раймунд III собрал огромные суммы на приданое своей сестре. Однако Константинополь молчал.

Посольство представило императору восторженное описание внешности Мелизанды, а также слухи о возможном ее рождении от внебрачной любовной связи ее матери Годиерны. Окончательное решение взять в жены принцессу Марию Антиохийскую император принял, узнав, что Бодуэн провозгласил князем Антиохии молодого Боэмунда III, и получив жалобу Констанции.

Летом 1161 г. Раймунд III не выдержал императорского молчания и послал рыцаря Отто Ризбергского в Константинополь узнать, почему нет подтверждения свадьбы. В августе тот возвратился с сообщением, что император отказался от брака с сестрой графа. Бедная Мелизанда увяла от горя и унижения, а взбешенный граф потребовал у императора возратить ему деньги, потраченные на

приданое. Когда император отказался, Раймунд вооружил 12 галер, предназначавшихся для торжественного прибытия невесты, и предпринял разбойничье нападение на Кипр.

Имя Мелизанды Триполийской исчезло из истории (возможно, она ушла в монастырь), но не из людской памяти. Жан Нострадам, Людовиг Уланд, Генрих Гейне, Эдмон Ростан и многие другие воспели ее, связав, правда, ее чувства не с императором, а, с легкой руки брата знаменитого предсказателя, с провансальским трубадуром Жофруа Рюделем, участником Второго крестового похода.

В это время к Бодуэну прибыли императорские послы, пригласившие его в Антиохию. Там король стал блестящее посольство императора во главе с Алексеем Вриеннием, сыном Анны Комнины, и Иоанном

Каматиром, префектом Константинополя, прибывшее сватать за Мануила принцессу Марию. Договор был подписан, король вынужден был также утвердить Констанцию правительницей княжества. В сентябре 1161 г. счастливая красавица Мария, не ведая своего страшного конца, отправилась морем из Сен-Симеона в Константинополь. В декабре она была обвенчана с императором Мануилом в соборе Святой Софии тремя патриархами – Лукой Константинопольским, Софронием Александрийским и титулярным патриархом Антиохийским Афанасием.

В сентябре 1161 г., когда король находился в Антиохии, умерла после долгой болезни королева-мать Мелизанда. Она была похоронена в долине Иосафата, у гробницы Богородицы Марии. Ее место в семье и церковном патронате заняла ее падчерица, дочь короля Фулька от первого брака Сибилла Фландрская, отказавшаяся вернуться в 1158 г. в Европу со своим мужем Тьерри и ставшая монахиней в Вифании, в аббатстве, основанном Мелизандой (см. главу 22).

В ноябре 1161 г. Нур ад-Дин, чтобы поддержать свою славу Украшения ислама, которая несколько поблекла после заключения перемирия с неверными,

Ил. 24. Император Мануил I и его жена Мария Антиохийская

вместе с военачальником Ширкухом отправился в паломничество в Мекку. В Хиджазе, провинции со священными городами Мекка и Медина, он финансировал большие благотворительные работы: реставрацию памятников, ремонт оборонительных сооружений, приведение в порядок системы водоснабжения, строительство большого количества новых колодцев и обустройство старых, а также передал в подарок наместнику много денег и продовольствия.

В 1162 г. в Триполи, на пути из Антиохии, король Бодуэн заболел. Раймунд, граф Триполи, отправил ухаживать за ним своего личного врача сирийца Барака. Видя, что его состояние ухудшается, король приказал везти себя в Бейрут, чтобы умереть в своем государстве. Он умер в Бейруте 10 февраля 1163 г. После восьмидневного траурного шествия из Бейрута в Иерусалим, когда даже мусульмане оплакивали мертвого короля, он был похоронен возле своих предков в храме Гроба Господня. Он умер на тридцать третьем году жизни, оставив 16-летнюю вдову, в их браке не было детей. Он правил 20 лет, отважно сражаясь на поле боя с превосходящими силами врагов-мусульман и оберегая государство дипломатическим мастерством от слишком тесных объятий могущественного византийского друга. Он был умен, энергичен и обладал неотразимым обаянием. «Проживи подольше, он мог бы, возможно, стать великим королем» (С. Рансимен).

Некоторые из советников Нур ад-Дина, только что вернувшегося из паломничества, уговаривали его напасть на христиан, воспользовавшись смертью короля, но он отверг это предложение, сказав: «Не нужно мешать народу оплакивать своего великого князя»

Глава 28

Египет

1. Король Амори I. Дорога в Египет

Трон Бодуэна III унаследовал его 26-летний брат Амори, граф Яффы и Аскалона. Однако его восхождение на трон встретило серьезные сомнения у духовенства. За четыре года до этого он женился на Агнесе де Куртне, дочери Жослена II Эдесского, вопреки сильным возражениям церкви. Мало того, что она была его родственницей в третьей степени кровного родства (общий предок в третьем поколении), а церковь разрешала брак, только если вступающие в него были в родстве выше четвертой степени. К тому же, будучи на три года старше Амори, она короткое время была замужем за Рено Марашским, погибшим в сражении при Инабе в 1149 г. вместе с Раймундом Антиохийским, и во вдовстве ее поведение не отличалось высокой нравственностью. Выйдя в 1158 г. замуж за Гюга д'Ибелена, она вскоре не упустила возможности перейти от законного мужа в жены к Амори. На троне теперь, как и в случае с двоеженцем Бодуэном I, могла оказаться двоемужняя королева.

Церковь и наследник пришли к компромиссу: супруги разводятся по причине недопустимо близкого кровного родства, дети Амори и Агнесы, Сибилла и Бодуэн, считаются законными и могут унаследовать трон, Агнеса возвращается к Гюгу. Чтобы избежать большого скопления народа и ввиду скандальности отсутствия на коронации Агнесы, Амори был «внезапно», как пишет Гийом Тирский, помазан и коронован Амори, патриархом Иерусалима, через восемь дней после смерти брата, 18 февраля 1163 г., вопреки обычаю, в понедельник, который не был праздником.

У Амори, как и у брата, были нос с горбинкой и светлая борода, он был ниже ростом и склонен к полноте, хотя умерен в еде и питье. Он был менее образованным, чем его брат, менее разговорчивым и общительным. Как и тот, был сведущ в вопросах права и любил историческое чтение. Именно он побудил Гийома Тирского к составлению его знаменитой хроники и утерянной истории исламских государств, для которой доставал тому арабские исторические работы. Играть в кости Амори не любил, но был расположен к любовным приключениям. Гийом Тирский указывает на его корыстолюбие, от которого стра-

Ил. 25. Печать Амори I Иерусалимского

дали церкви. Король цинично объяснял историографу, что собственность подданного может быть гарантирована ему только тогда, когда правитель в ней не нуждается. Он обратил получение денег в главную цель политики государства, что в конце концов пагубно на нем отразилось. Амори редко пропускал мессы, хотя вряд ли был очень набожным; Гийом Тирский с сожалением указывает, что он скетически относился к вопросу воскресения плоти и требовал конкретных доказательств.

Во внутренней политике Амори I был тверд и решителен и проявил себя как активный законодатель. Через несколько месяцев после его восхождения на трон Жерар Гарнье Сидонский без уважительных причин отобрал часть земель у своего вассала, и тот обратился к королю с жалобой. Амори передал жалобу на рассмотрение Высокого суда. Затем король разработал законодательное установление, *Assise sur la ligese* (Ассизу о сообществе), по которому вассалы

получили право обращаться в Высокий суд с жалобой на своих ленных сеньоров. Амори рассчитывал, что эта ассиза будет служить королю в борьбе против баронов. Так оно и было, пока королевская власть была достаточно сильна. Однако с ее ослаблением и поскольку Высокий суд в основном состоял из тех же баронов, эта ассиза стала в дальнейшем использоваться последними против короля.

Во внешних делах Амори прежде всего пришлось заняться делами на севере. В конце 1163 г. в Киликии армянский князь Торос напал на византийские города. Поводом к войне послужило убийство брата Тороса Стефана, когда тот ехал на званый обед к византийскому наместнику Андронику Комнину. У самого Тороса имелись причины убить мятежного брата, но он, обвинив в этом наместника, внезапно напал на города Мамистру и Аназарб и перебил греческие гарнизоны. Амори предложил помощь императору. Новый византийский наместник Константин Коломан вместе с войсками, посланными королем, прогнал Тороса назад в горы.

Тем временем Боэмунду исполнилось 18 лет, и его окружение стало добиваться передачи ему власти. Мать князя Констанция обратилась к Коломану с требованием помочь ей удержать власть, что вызвало народное восстание в Антиохии. Восставшие свергли Констанцию и провозгласили князем Боэмунда III. Констанция была изгнана из города в выделенный ей вдовый надел и вскоре умерла. Амори согласился с провозглашением Боэмунда князем и поручился перед императором, что императорское верховенство в Антиохии будет сохранено, так что Мануил также не возражал против смены власти. Не довольствуясь, однако, браком с сестрой князя Марией, Мануил, призвал в Константинополь его брата Бодуэна и Агнесу, дочь Констанции от брака с Рено де Шатийоном, сделав их как бы заложниками провизантийской политики Боэмунда III. Несмотря на то что Амори никогда не перечил императору, он написал письмо его злейшему врагу, Людовику VII Французскому, в котором спрашивал, когда же Франция наконец придет на помощь Святой Земле.

В дальнейшем вся внешняя политика Амори представляла наступление на Египет, она должна была компенсировать неудачи на севере и обеспечить денежными средствами постоянно нуждавшееся в них королевство. Наступление на Египет замышлял еще король Бодуэн III. В 1156 г. он заключил договор с Пизой о запрещении ввоза в Египет материалов для строительства кораблей и осадных машин (дерева, железа и смолы). Однако, несмотря на угрозу смертной казни по иерусалимским законам и повторявшиеся папские запреты, контрабанда этих материалов в Египет процветала. Для итальянских торговых городов их экспорт представлял важнейшую статью доходов, вырученные средства позволяли закупать товары Востока. Известно, что при заключении

брака короля Иерусалима с Феодорой в 1157 г. Бодуэн и Мануил договаривались о совместном завоевании Египта. В 1160 г. армия Бодуэна III под командой Амори напала на Египет, захватила большую добычу, но быстро ушла из него, получив обещание ежегодной дани в 160 тысяч динаров, которую Иерусалим так никогда и не получил. Египет искал помощи у Нур ад-Дина, они обменялись даже несколькими посольствами, но после заключения в 1159 г. перемирия с византийцами атабек больше не откликался на призывы египтян.

Будучи до восшествия на престол графом Яффы и Аскалона, графства, расположенного на египетской границе, Амори хорошо представлял себе богатства Египта. Наряду с высоко развитым сельским хозяйством, большой доход Египту приносили текстильная промышленность, для которой добывались красящие вещества (индиго и квасцы), рыболовство, добыча золота в шахтах; другими товарами были мыло, масла и слоновая кость. Значительную прибыль приносили торговля с племенами Судана и транзитная торговля с Индией и Западной Европой. Постоянным источником получения золота и драгоценностей было государственное ограбление древних гробниц фараонов.

Со времени падения Аскалона Фатимидский халифат в Египте быстро катился к своей гибели. Халифы пребывали под полным контролем визирей, бюрократия была чрезвычайно развитой, а финансы находились в руках коптов, христиан-монофиситов, кроме них, никто с финансами не мог управиться, при том что визири считали их мошенниками, а египтяне-мусульмане – кровопийцами. Визирь аль-Аббас только на год пережил падение Аскалона. О том, что случилось, сохранился подробный рассказ арабского эмира Мункидита Усамы, писателя и дипломата, служившего Унуру и Зенги, после смерти последнего перебравшегося в Египет. Он, подобно многим мемуаристам, возможно, преувеличил свою роль в произошедших событиях.

По его рассказу, сын визиря аль-Аббаса Наср ад-Дин был фаворитом молодого халифа аз-Зафира. С помощью сына халиф задумал убить его отца, визиря. Однако Усама, узнав об этом, примирил сына с отцом, своим покровителем, и тот убедил Наср ад-Дина убить халифа вместо него. Наср ад-Дин позвал халифа в свой дом на ночной ужин и заколол кинжалом.

Аль-Аббас обвинил в убийстве халифа его братьев, велел их убить и посадил на трон 5-летнего сына аз-Зафира – аль-Фаиза. Мальчик, видевший смерть дядьев, с той поры страдал судорогами. Принцессы дома халифа, однако, заподозрили истину и призвали в Каир наместника Верхнего Египта Ибн Руззика, армянина, исповедовавшего ислам. Когда он подошел к столице, гарнизон перешел на его сторону, а аль-Аббас и Наср ад-Дин, прихватив с собой свои богатства и Усаму, 29 мая 1154 г. бежали на восток, надеясь добраться до Дамаска. По выходе из пустыни они были перехвачены отрядом тамплиеров из Монреа-

ля. Аль-Аббас был убит, Наср ад-Дин захвачен в плен, а Усаме удалось улизнуть в Дамаск, где он был приветливо принят Нур ад-Дином, чуть больше месяца назад овладевшим городом. Нур ад-Дин даже подарил Усаме пленного тамплиера, которого тот обменял на брата, бежавшего вместе с ним из Египта и попавшего в плен вместе с Наср ад-Дином.

В плену у тамплиеров Наср ад-Дин немедленно выразил желание перейти в христианство и начал, по словам Гийома Тирского, «получать наставления в главных догматах христианской веры». Его религиозное обучение продолжалось четыре дня, затем тамплиеры передали его посланцам нового визиря, которого, видимо, сами же с самого начала известили о пленнике, и получили за него 60 тысяч динаров. В Каире Наср ад-Дин был отдан в гарем убитого халифа, жены и наложницы которого подвергли его истязаниям, затем он был повешен, и его изувеченный труп два года висел у восточных городских ворот.

В 1160 г. умер халиф, мальчик аль-Фаиз, и его наследником стал его двоюродный брат аль-Адид, которого ставший визирем Ибн Руззик женил на своей дочери. Принцесса-тетка халифа, сестра аз-Зафира, устроила заговор с целью убийства визиря. Однако Ибн Руззик, прежде чем умереть в сентябре 1161 г., успел собственноручно убить принцессу. Его сын аль-Адил стал его наследником на посту визиря и правил чуть больше года, пока сам не был убит Шаваром, наместником Верхнего Египта. Ставший визирем Шавар через восемь месяцев, в августе 1163 г., был свергнут своим камергером Диргамом, который приказал перебить всех высших офицеров – сторонников свергнутого визиря, а также тех из перешедших на его сторону, кто внушал ему подозрения, – всего несколько десятков, так что египетская армия осталась почти без старших офицеров. Современный арабский историк Амин Маалуф, имея в виду визиря Шавара, не избежавшего в дальнейшем общей судьбы, рассказывает: «Из пятидесяти его предшественников остался в живых только один. Все другие были повешены, обезглавлены, заколоты кинжалом, распяты, отравлены или растерзаны толпой. Один был убит своим приемным сыном, другой – своим собственным отцом».

Внимательно наблюдавший за событиями на юге Амори, обвинив визиря в невыплате обещанной дани, в сентябре 1163 г. внезапно напал на Египет. Он пересек Синайскую пустыню и осадил Пелусий. Однако начался разлив Нила, вызванный летними дождями в Эфиопии, и Диргам, разрушив защитную плотину, затопил местность водами Нила и принудил франков к отступлению.

Воспользовавшись отсутствием Амори, Нур ад-Дин напал на Триполи. Захватив его, он разорвал бы непрерывную прибрежную цепь христианских государств и получил выход к морю, о чем постоянно мечтал, если вспомнить его купание летом 1149 г. в Средиземном море у антиохийских берегов. Он осадил

замок Крак де Шевалье, контролировавший выход к морю из долины Бекаа. Как раз в это время в Триполи находились возвращавшиеся из паломничества в Иерусалим Гюг VIII де Лузиньян и Жофруа, брат графа Ангулемского, со своими свитами. Помимо них граф Раймунд III Триполийский срочно призвал на помощь Бозмунда Антиохийского и византийского наместника Киликии Константина Коломана, прибывшего морем. Объединенная армия быстрым маршем двинулась к осажденному замку. Рассказывает Михаил Сириец: «...около полудня, когда турки отдыхали в палатках, вблизи внезапно возникли кресты [на знаменах] франков, и турок охватило смятение. Рассказывают, что, когда Нур ад-Дин увидел франкские знамена, он кинулся прочь из шатра в одной рубашке без плаща и вскочил на коня, по обыкновению привязанного рядом. Какой-то курд перерезал поводья, и Нур ад-Дин сумел скрыться и спастись. Франки схватили этого курда и убили, множество турок было предано мечу, других заковали в цепи и увели в Триполи».

Вскоре после этого в Дамаск прибыл изгнанный из Египта Шавар. Он обещал Нур ад-Дину, если тот пошлет армию в Египет и восстановит его на посту визиря, оплатить поход, признать верховенство атабека и платить ежегодную дань в размере трети доходов страны. Нур ад-Дин долго не соглашался отправить армию в Египет, так как поход должен был проходить по пустыне, контролировавшейся франками. Только в апреле 1164 г., после благоприятного гадания на случайно открытой странице Корана, Нур ад-Дин решил отправить в Египет вместе с Шаваром большую армию под командой опытного военачальника, курда Асад ад-Дина Ширкуха, и в то же время совершить отвлекающее нападение на Банияс под собственным руководством. Вместе с Ширкухом в поход с неохотой ушел его 26-летний племянник Юсуф, получивший позднее почетный титул Салах ад-Дин (Благочестие Веры), под которым вошел в историю.

Узнав о походе, Диргам обратился к Амори с просьбой о помощи, но тот не успел перехватить войска стремительно перешедшего пустыню Ширкуха. Брат Диргама с небольшой армией, которую второпях успел собрать, выступил навстречу Ширкуху, но был разбит вблизи от Бильбейса. В конце мая 1164 г. Ширкух и Шавар вступили в Каир, и Диргам был убит. «Полностью захваченному врасплох визирю Диргаму не осталось времени организовать оборону. Всеми покинутый, он был убит при попытке бежать, и его труп был брошен собакам на растерзание», — пишет арабский историк Амин Маалуф.

Шавар вскоре поссорился с Ширкухом, с полным основанием заподозрив, что тот не хочет уходить из Египта. Он запросил помощи у Амори, пообещав ему 27 тысяч динаров (по тысяче за каждый лень перехода в Египет), ежегодную дань и освобождение христианских пленников, а получив согласие, отказал-

ся выплачивать дань Нур ад-Дину и передать сирийским военачальникам обещанные в виде лена земли и предложил Ширкуху покинуть Египет. В ответ Салах ад-Дин по приказу Ширкуха захватил Бильбейс и обложил провинцию налогами. В июле король с армией покинул Аскалон и в начале августа подошел к Факусу на Ниле. Там к нему присоединились египетские войска под командой Шавара, и вместе они осадили Ширкуха в Бильбейсе. Осада продолжалась около трех месяцев, и город уже должен был пасть, когда Амори получил известие о разгроме христиан в Сирии и прекратил осаду при условии, что Ширкух и он одновременно покинут Египет. Ширкух, не зная о поражении христиан, согласился, и обе армии, франкская и сирийская, в октябре 1164 г. покинули Египет, первая – вдоль берега, вторая – через пустыню. В итоге в выигрыше пока оказался Шавар. Губительное сочетание богатства и слабости Египта, однако, глубоко запали в душу и Амори, и Ширкуха, и оба твердо решили вернуться. Как мы увидим позднее в случае падения Ордена тамплиеров, богатство и слабость одновременно – самые побудительные причины нападения.

Ширкух уходил последним, позади своей армии. На вопрос рыцаря-паломника из Европы: «Вы не боитесь уходить последним? Ведь мы можем атаковать вас, и тогда Вы наверняка погибнете», Ширкух ответил: «Не боюсь, потому что вся моя армия вернется, чтобы отомстить за меня», на что рыцарь сказал, что теперь понимает, почему его так высоко почитают франки.

Когда Нур ад-Дин узнал, что Амори двинулся на Египет, он, присоединив войска брата из Мосула и князей Артукидов из Мардина и Диарбакыра к своим, осадил крепость Харенк. Владелец крепости Рено де Сен-Валери призвал на помощь князя Боэмунда III Антиохийского, Раймунда III Триполитского, Тороса и Константина Коломана. При приближении христианской армии Нур ад-Дин снял осаду с Харенка и отступил. Обладавший самым большим контингентом войск, молодой и горячий Боэмунд Антиохийский настоял на преследовании, несмотря на возражения Рено де Сен-Валери и других, указывавших на значительный перевес сил противника. Сражение состоялось 10 августа при Артахе. Боэмунд немедленно приказал атаковать мусульман, обратившихся в притворное бегство, христиане потеряли строй и были окружены армией атабека. Христианская армия была частично перебита, частично взята в плен. Среди пленных были Боэмунд, Раймунд, Коломан и Гюг VIII де Лузиньян. Торосу и его брату Млеху удалось бежать. Пленных, скованных цепями, отвели в Алеппо. Харенк сдался через два дня после поражения христиан.

Нур ад-Дин отказался напасть на беззащитную Антиохию, несмотря на советы эмиров. Он заявил, что христиане смогут удержаться в цитадели до прихода императорской армии и что лучше иметь соседями слабых франков, чем могущественную империю. Чтобы не ссориться с Византией, атабек немедлен-

но освободил Константина Коломана за умеренный выкуп (стоимость ста пятидесяти шелковых одежд). В октябре 1164 г. Нур ад-Дин осадил Банияс, владетель которого Онфруа II де Торон находился в армии Амори, и быстро овладел им, возможно, в результате измены. Разгневанный король позднее приказал повесить двенадцать тамплиеров, которых обвинил в сдаче цитадели, не смотря на то что папа освободил орден от светской юрисдикции.

Амори, ушедший из Египта, с армией быстрым маршем двинулся на север, по дороге к нему присоединился граф Тьерри Фландрский, в четвертый раз прибывший в Палестину. Прибыв в Антиохию, Амори вступил в переговоры с Нур ад-Дином. Тот согласился за большой выкуп освободить Бозмунда III Антиохийского, вассала императора, но отказался освобождать Раймунда III Триполитского, вассала короля. Граф Раймунда, образованный человек, воспользовался пленом, чтобы научиться говорить и читать по-арабски. В освобождении ранее плененного Рено де Шатийона королем также было отказано.

Чтобы укрепить дружбу с императором в это тревожное время, в конце 1164 г. король Амори отправил в Константинополь посольство из архиепископа Цезареи и придворного мундшенка (кравчего) Одо де Сент-Амана (будущего магистра тамплиеров) просить у императора в жены королю одну из византийских принцесс. Посольство выполнило свое дело, хотя положительного ответа пришлось ждать два года.

Освободившись из плена, Бозмунд отправился в Константинополь. Там его зять император снабдил князя деньгами, чтобы он смог выплатить часть выкупа, которую остался должен Нур ад-Дину, и отправил вместе с ним в Антиохию православного патриарха Афанасия II. Латинский патриарх Амори был смещен и отправился в изгнание в замок Косайр. В течение следующих пяти лет церковь в Антиохии возглавлял православный, греки заняли вакантные епископства, однако латинские епископы не были удалены; никаких перемен не последовало и в подчиненной Антиохийскому патриархату латинской церкви Триполи. Водворение в Антиохии православного патриарха окончательно сблизило латинскую и яковитскую церкви, враждебно настроенные по отношению к православной. Яковитский патриарх Антиохии, историограф Михаил Сириец, навещал патриарха Амори в Косайре и отказался приехать в Константинополь для участия в религиозном диспуте, куда был приглашен.

2. Новая встреча в Египте

Ширкух не мог забыть Египет. Стать правителем Египта под властью Нур ад-Дина, а еще лучше – независимым правителем, было его мечтой. Он подробно описывал атабеку богатства страны, ее слабость, предательство визиря

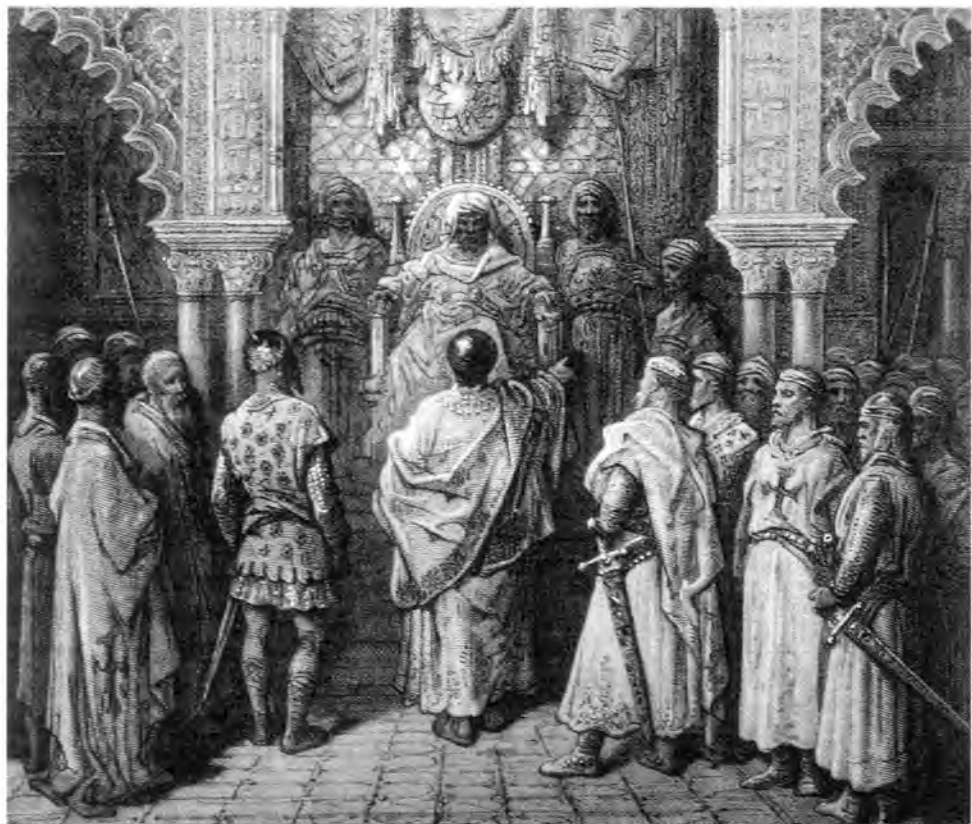
Шавара, вступившего в союз с неверными, но Нур ад-Дин не проявлял интереса к Египту. Он продолжал подчинять себе остававшихся полунезависимыми мусульманских эмиров в Сирии и совершал нападения на земли франков.

Тогда Ширкух предпринял ловкий шаг: он осведомил халифа Багдадского, что мог бы легко низложить его главного соперника, шиитского халифа Фатимида, и привести Египет к истинной вере – суннизму. Под давлением халифа в конце 1166 г. Нур ад-Дин наконец согласился послать Ширкуха в новый поход на Египет. Армия Ширкуха состояла в основном из курдов и туркмен, к ней примкнули толпы бедуинов. Нур ад-Дин дополнительно присоединил к армии двести конных и нескольких эмиров из своих войск, возможно, опасаясь измены своего полководца. Всего армия насчитывала несколько тысяч человек. Ширкуха по-прежнему сопровождал его племянник Салах ад-Дин. Узнав о предстоявшем походе сирийцев, Шавар призвал Амори на помощь.

В Наблусе собрался Коронный совет. Когда король указал на опасность, грозящую королевству, если Сирия завоюет Египет, Коронный совет выразил согласие на большой поход. Для финансирования похода Амори разрешили ввести особый 10-процентный налог на движимое имущество церкви и не пошедших в поход с королем вассалов.

Армия Ширкуха шла кружным путем через пустыню, обходя линию франкских крепостей в Трансиордании. Дойдя до Суэцкого перешейка в начале февраля 1167 г. и узнав, что франки выступили в поход 30 января, Ширкух повернул на юго-запад и вышел к Нилу у Итфиха, в 80 километрах к югу от Каира. Там он переправился через Нил, двинулся на север и разбил лагерь у Гизы против Каира.

Армия короля Амори пошла по берегу моря через аль-Ариш и через 27 дней добралась до Бильбейса, а оттуда – до Каира. Шавар выехал из города навстречу франкской армии и показал ей место для лагеря в Фустате, старом предместье Каира, не защищенном стенами, бывшим до прихода Фатимидов столицей Египта. Между Амори и Ширкухом был заключен договор, по которому последний должен был заплатить франкам 400 тысяч золотых динаров (вначале половину), а король – поклясться, что не покинет Египет, не изгнав Ширкуха. Договор должен был утвердить халиф, и король послал в Каир Гюга Гарнье, сеньора Цезареи, и Жофруа Фуше, командора и казначея Ордена тамплиеров, оба они знали арабский язык. Халиф аль-Адид принял их в своем дворце. Франков провели через первый дворец, затем через сад, мимо бассейнов, выложенных мрамором, где из золотых и серебряных труб били фонтаны, мимо клеток, где «имелись четвероногие удивительного разнообразия, каких может представить только рука художника, только поэзия могла бы их описать, или фантазия спящего могла бы их придумать в своем ночном сне, одним словом, в то

Ил. 26. Крестоносцы у каирского халифа. Гравюра, XIX в.

время, как в Европе никогда ничего подобного не видели, их находят в действительности в странах Востока или Юга», – с восторгом рассказывает хронист Гийом Тирский. Далее франки попали во второй дворец, еще более роскошный, чем первый, «его богатства и украшения не подлежат исчислению».

Затем «удивительно быстро раздвинулся златотканый занавес, украшенный множеством драгоценных камней, висевший посреди зала, скрывая трон; и тогда появился халиф, представляя свое лицо всем устремленным на него взорам; он воссел на золотой трон в одежде более великолепной, чем королевская, в окружении небольшого числа домашних слуг и близких евнухов...». Это был «очень красивый смуглый юноша, ростом выше среднего человека, у которого начала пробиваться борода... Тогда визирь смиренно, с величайшим почтением подошел к государю, поцеловал ему ногу, уселся у его ног и изложил причины приезда послов, рассказав о содержании заключенных договоров...». Халиф «благородно и с просветленным лицом» утвердил договор.

Однако Гюгу Гарнье этого показалось мало. Он потребовал, чтобы халиф скрепил договор по западному обычаю рукопожатием. «Халиф протянул свою руку, покрытую куском шелка, но Гюг не принял ее: “Сир, если вы не захотите снять покров со своей руки, мы, простые люди... будем сильно подозревать, как бы в этом деле не было какого-нибудь обмана”. Халиф очень рассердился, но, скрывая гнев, заулыбался, как если бы почел безумием то, что говорил посол. Он протянул свою целиком обнаженную руку и, вложив ее в руку Гюга Цезарейского, поклялся в соблюдении договора, слово в слово, как тот продиктовал». Нагруженные богатствами Фатимидов послы вернулись в лагерь.

В течение месяца разделенные рекой армии находились друг против друга. Затем Амори, использовав остров в дельте к северу от Каира, переправился на западный берег и разбил один из отрядов Ширкуха. Ширкух двинулся на юг по берегу Нила, Амори и Шавар – за ним, оставив в Каире сильный гарнизон под командой сына Шавара Камила и Гюга д’Ибелена. У Эль-Миньи в Среднем Египте франко-египетская армия догнала сирийскую. Ширкух отступил дальше вверх по Нилу. Хотя объединенная армия Амори и Шавара значительно превышала по численности сирийскую, но большая часть последней была конницей и меньшая часть – пехотой, в то время как первая состояла из нескольких сот конных рыцарей и египетской пехоты. Сражение состоялось у Ашмунейна. Ширкух не хотел сражения, на военном совете он предложил отступить, перейти на восточный берег и уйти в Сирию. С ним все согласились, кроме старого мамлюка Баргаша, верного раба Нур ад-Дина. Он заявил: «Те, кто боится смерти, не созданы для того, чтобы саблех служить владыкам, пусть они станут крестьянами и сидят дома со своими женами. Если вы вернетесь к малику [молодому властителю] Нур ад-Дину, убежав от сражения, он лишит вас всех владений и заставит вернуть все, что вам было даровано» (Ибн аль-Атир). Баргаша поддержал Салах ад-Дин, и было решено принять сражение.

Амори тоже колебался, но ночью ему было видение: святой Бернар Клервский явился ему и сказал, что он не достоин частицы Святого Креста, которую носит в ладанке на шее, и должен стать лучшим христианином. На следующее утро, 18 марта 1167 г., состоялось сражение. Ибн аль-Атир рассказывает: «Салах ад-Дин получил приказ [стать] в центре, и его дядя сказал ему: “Можно предположить, что враг будет думать, что я в центре, и двинется в эту сторону. Тебе следует оказать слабое сопротивление и бежать перед ним; когда он перестанет тебя преследовать, возвращайся назад по тому же пути”. Ширкух выбрал из своих солдат лучших, тех, в отваге и хладнокровии которых он был уверен, и выстроился с ними на правом крыле. Когда началось сражение, франки, как он и предполагал, атаковали центр. Салах ад-Дин оказал лишь слабое сопротивление и, преследуемый врагами, начал отступать. Тогда Ширкух бросился на

франко-египетские войска левого фланга, стоявшие перед ним, прорвал фронт и учинил им кровавое побоище. Когда христиане возвратились назад, они нашли своих товарищей мертвыми или беспорядочно бежавшими и побежали сами. Ширкух использовал не более двух тысяч конных, чтобы победить франков и египтян». Многие рыцари были убиты, а другие, в том числе и Гюг Гарнье Цезарейский, попали в плен, большие потери были и у сирийцев. Говорили, что короля спасла его святая реликвия. Король и Шавар бежали с остатками армии и отступили к Каиру, где соединились с войсками гарнизона.

Ширкух с армией направился в Александрию, куда его призвал ее наместник, ненавидевший Шавара. В Каире Амори и Шавар пополнили армию, к тому же к франкам подошло подкрепление из Палестины. Франко-египетская армия окружила Александрию, в то время как порт был захвачен подошедшей пизанской эскадрой. После месяца осады, в мае, из-за начинающегося голода и нехватки фуража Ширкух, оставив в городе Салах ад-Дина с тысячью человек, ночью выскользнул из города и ушел в Верхний Египет, грабя по дороге. Амори хотел его преследовать, но Шавар отговорил его, указав, что важнее захватить Александрию. К концу июня, когда положение Салах ад-Дина ухудшилось до предела – город голодал, а лишившиеся доходов при прекращении морской торговли горожане были готовы на предательство, Салах ад-Дину удалось подать известие дяде, который приблизился к Александрии. Ширкух предложил заключить мир на условии, что сирийцы и франки покидают Египет, а Шавар не станет преследовать египтян, перешедших на сторону врага, и все пленные должны быть разменены. Предложение мира было принято: Амори получал плохие вести из королевства: на Трансиорданию, Бейрут и графство Триполи напал Нур ад-Дин, а Шавар больше всего на свете хотел избавиться от пришельцев, к тому же из-за прекращения морской торговли ему нечем было платить своим войскам.

4 августа 1167 г. Салах ад-Дин с воинскими почестями покинул Александрию, а франки и египтяне вошли в нее. Кроме взятой добычи, Ширкух получил еще 50 тысяч динаров. Войдя в город, чиновники Шавара начали арестовывать изменников-горожан, и Салах ад-Дин просил Амори защитить их. Король сам предложил перевезти раненых сирийцев на кораблях в Акру, чтобы избавить их от перехода через пустыню. Во время переговоров Салах ад-Дин провел несколько дней в лагере франков и сблизился со многими из них, говорили, что коннетабль королевства Онфруа II де Торон, подружившийся с ним, посвятил его в рыцари. (Салах ад-Дин навсегда сохранит дружеское расположение к Онфруа и его семье.) 10 августа Ширкух и Салах ад-Дин покинули Египет и в сентябре прибыли в Дамаск. Амори сжег осадные машины у стен Александрии и перешел в Каир. Там Шавар подписал договор, по которому обязался платить

франкам ежегодную дань в 100 тысяч динаров и держать в Каире небольшой франкский гарнизон для охраны городских ворот, это нужно было для того, чтобы обеспечить выплату дани, а также в качестве гарантии помощи на случай повторного нападения сирийцев. Получив в счет дани 50 тысяч динаров, король возвратился в Палестину и 20 августа прибыл в Аскалон.

Во время пребывания Амори в Палестине Нур ад-Дин нападал на Бейрут, на Триполи и на Трансиорданию, но без особых успехов. Ему нужен был собственный выход к морю, чтобы избежать высоких таможенных пошлин, которыми франки облагали дамасских купцов. Бейрут был главным портовым городом для Дамаска, куда стекались товары со всего мусульманского Востока, а также из Китая и Индии. Значение торговли усилилось, и торговые отношения не прерывались теперь даже во время войн.

Королевству не хватало мужчин, годных для службы в армии, и средств для содержания замков. Амори вынужден был теперь передать рыцарским орденам большое количество замков. Тамплиеры уже владели Газой; Тортоса и замки на севере Триполи также перешли в их руки, отошел к ним и замок Сафед в Галилее, контролировавший Брод Иакова через Иордан. Госпитальеры получили замок Крак в графстве Триполи, который стал называться «Рыцарским замком» (Крак де Шевалье), и Бельвуар, контролировавший броды через Иордан южнее Генисаретского озера. В Антиохии Боэмунд III также передал тамплиерам земли вокруг замка Гастен, которым они владели и который контролировал Сирийские ворота в горах Аманус. На юге княжества госпитальерам были переданы утерянные земли, которыми те должны были овладеть. Делу обороны мешала самостоятельная политика, которую, окрепнув, стали проводить орден, их безответственность и жесткое соперничество между собой.

Сразу после возвращения из Египта Амори получил известие о прибытии в Тир из Константинополя его посольства и невесты, назначенной ему Мануилом, юной прекрасной Марии Комнины, внучатой племянницы императора. В ее свите были двоюродные братья императора Георгий Палеолог и Мануил Комнин, посланные обсудить вопросы военного союза. Амори с патриархом поспешили в Тир, где король 28 августа 1167 г. был обвенчан с Марией в кафедральном соборе патриархом Амори. В качестве «утреннего дара» — вдовьего надела королева получила город Наблус.

Установившимся хорошим отношениям Мануила и Амори немного помешал скандал, случившийся с Андроником, другим двоюродным братом императора. В 1152 г., будучи наместником Киликии, он был разбит армянским князем Торосом и отозван в Константинополь. Он участвовал в заговоре против императора, бежал из тюрьмы, в 1165 г. нашел убежище у русского князя Ярослава Галицкого, затем был прощен императором, опасавшимся его уча-

ствия в войне с Византией на стороне венгров, и возвратился в Константинополь. В 1166 г. он снова был назначен наместником Киликии, сменив на этом посту Алексея Аксуша, ставшего наместником после пленения Коломана. Аксуш попал в немилость, потому что не смог ни победить армян, ни заключить с ними устойчивый мир. Однако Андроник скучным делам войны и мира предпочел любовные приключения. Блестящий красавец, хотя и на три года перешагнувший четвертый десяток, он, пренебрегая делами наместничества, отправился в Антиохию и сооблазнил там молодую принцессу Филиппу, сестру князя Боэмунда. Князь пожаловался своему свояку императору, и тот отозвал Андроника, заменив его Коломаном. Андроник послушался приказа и, прихватив с собой доходы императора из Киликии, отправился, бросив возлюбленную, в королевство, где поступил на службу Амори. Брошенная принцесса была выдана замуж за пожилого вдовца, коннетабля королевства Онфруа II де Торона.

Король Амори был полностью очарован отвагой, воинскими способностями и обаянием Андроника, он передал ему в лен Бейрут, лишившийся сеньора. В Акре, принадлежавшей королеве Феодоре, вдове короля Бодуэна III, Андроник встретился с ней, своей племянницей. Двадцатидвухлетняя вдова была в расцвете красоты. Любовь была мгновенной и обоюдной. Родство было слишком близким, чтобы можно было рассчитывать на брак. Королева приехала в Бейрут, где стала возлюбленной Андроника, и осталась там жить. Император был страшно разгневан, его послы потребовали выдачи Андроника. Это стало известно Андронику и Феодоре. Не сомневаясь в том, что искавший поддержки императора Амори выдаст Андроника (возможно, его предупредил об этом сам король), возлюбленные решили бежать в Дамаск. Нур ад-Дин встретил их приветливо. Они путешествовали по мусульманскому миру, жили в Багдаде, а потом турецкий эмир подарил Андронику замок вблизи Черного моря, и он довольно долго жил там «вольным рыцарем» с Феодорой и родившимися сыном и дочерью.

Амори, поняв, что у него одного не хватит сил овладеть Египтом и одновременно противостоять Нур ад-Дину, предложил императору совместно его завоевать. Император согласился, но, видимо, выставил слишком тяжелые условия по разделу добычи и усилению своих властных прав в королевстве и в Антиохии, куда князь Боэмунд снова самовольно пригласил латинского патриарха. Король послал в Константинополь добиваться смягчения условий ученого архидьякона, историографа Гийома (Тирского). Тому это удалось, договор был заключен, и в конце октября 1168 г. он вернулся в королевство.

Однако королевская армия, не дождавшись его возвращения и подхода византийских армии и флота, 20 октября 1168 г. уже вышла из Аскалона в новый

поход в Египет. Как стало известно франкам, в Каире возникло сразу несколько заговоров: недовольного договором с Амори халифа против Шавара, про-франкской партии против халифа и визиря, а также сына Шавара аль-Камила, предложившего Салах ад-Дину жениться каждому на сестре другого, против отца. Жадные иерусалимские бароны требовали у короля нового похода в Египет, указывая на ненадежность Шавара и задержки с выплатой дани. Их под-держали пизанцы, прибывший из Европы с большим отрядом граф Гийом IV де Невер и магистр госпитальеров Жильбер д'Эссаи. Госпитальеры бешено завидовали тамплиерам, завязавшим тесные экономические отношения с Египтом, и решили обосноваться в Пелусии, древней крепости при впадении восточного рукава Нила в море, видевшей еще Александра Македонского. За-ранее вызвав из Европы и мобилизовав почти всех местных, они собрали для похода до 500 рыцарей. (Обычно орденывыводили в большой поход до 300 ры-царей каждый.)

Был созван Коронный совет. Король согласился предпринять поход, но предложил дожидаться помощи императора. Однако большинство, как обычно, не желавшее делиться добычей, настояло на своем. Тамплиеры участвовать в походе отказались. Перед походом Амори распространил слухи, что цель по-хода – Хомс, где наместником был Ширкух. Нур ад-Дин, осаждавший в это время стратегически важную крепость Калат Джабар, контролировавшую пе-реправу через Евфрат и принадлежавшую арабскому князю, не хотел войны с франками.

1 ноября крестоносцы осадили Бильбейс. Возмущенный обманом франков Шавар решил сопротивляться. Обороной Бильбейса руководил сын визиря Тайу. После трехдневной осады город пал. В течение недели франки убивали, грабили и жгли, не отличая мусульман от христиан-коптов. Эти зверства, в ко-торых особенно отличились люди умершего от лихорадки еще до похода графа Гийома де Невера, заставили египтян ожесточенно оборонять Каир, до кото-рого крестоносцы, потеряв время в Бильбейсе, добрались только 13 ноября. Шавар приказал сжечь предместья, и в том числе Фустат, которые не смог бы оборонить, и передал королю, что сожжет Каир со всеми его богатствами, что-бы он не достался франкам. Шавар теперь призывал к джихаду против франков и прославлялся муллами и поэтами как борец за веру.

Осада продолжалась неделю. Флот франков, захвативший и разграбивший город Таннис в дельте, не смог преодолеть заграждения из брошенных в воду деревьев и подойти к Каиру. Король по совету сенешаля Мило де Планси пред-ложил Шавару откупиться. Шавар передал королю 100 тысяч динаров как вы-куп за сына Тайу и обещал в дальнейшем в несколько раз больше. Король снял осаду и увел войска немного на север; франки разбили лагерь на том месте, где

под смоковницей отдыхала Дева Мария при своем бегстве с Младенцем Иисусом в Египет от Ирода, царя Иудейского.

По настоянию аль-Камила, к Нур ад-Дину обратился халиф. «Аль-Аид, халиф Египта, отрезал косы своих жен и дочерей и отправил их Нур ад-Дину: "Мои женщины, – сказал он, – со слезами умоляют тебя прийти на помощь"» (Михаил Сириец). Халиф обещал Нур ад-Дину треть доходов Египта и своих личных владений. Молодой Фатимид понимал опасность призвания суннитов, но положение было безвыходным.

Получив просьбу халифа, Нур ад-Дин больше не колебался; крепость Калат Джабар пала в конце октября, и он был готов начать войну с франками. Теперь уже Нур ад-Дин в Алеппо торопил выступление Ширкуха, а тот боялся ловушки, не хотел похода и как мог его оттягивал. Нур ад-Дин предоставил ему 8 тысяч конницы, включая нанятых курдов и туркмен, 200 тысяч динаров, чтобы нанять в Дамаске дополнительные войска, и приказал Салах ад-Дину сопровождать его. Салах ад-Дин также отказывался идти в поход, объясняя, что должен отдохнуть после голода и мучений прошлогодней осады и что у него нет денег. Нур ад-Дин закрыл вопрос, подарив ему великолепное снаряжение.

Несколько эмиров-мамлюков были посланы Нур ад-Дином следить за тем, чтобы Ширкух оставался верным. В декабре 1168 г. армия Ширкуха вышла из Дамаска. Шавар, не знавший, чью сторону принять, предупредил Амори о приближении сирийцев в надежде, что тот столкнется с ними. Перешедшему с армией из-под Каира в Бильбейс Амори попытка перехватить армию Ширкуха не удалась, тот прошел южнее и через несколько дней подошел к Каиру. Амори приказал флоту возвращаться в Акру и 2 января начал отступление из Бильбейса. Добыча короля была огромной, франки увели с собой несколько тысяч пленных обоюбого пола. Однако Египет был потерян навсегда. Жадность и невежество франков толкнули шиитов в объятия их злейших врагов – суннитов.

8 января 1169 г. Ширкух вошел в Каир. В своем дворце его принял халиф, вручивший ему богатые подарки. Шавар встретил его с большим почетом, однако дни его были сочтены.

«Ширкух пришел в Каир и сразу же явился к халифу аль-Аиду, который принял его с большими почестями. Но поскольку вся власть находилась в руках визиря Шавара, последний поддерживал Ширкуха лишь на словах, а на деле не давал ему ничего для обеспечения его собственных потребностей, ни потребностей тех, кто его сопровождал. Он предлагал дать пир в честь наместника Нур ад-Дина и обманом захватить и его самого, и его племянника. Салах ад-Дин со своей стороны хотел убить Шавара, но его дядя Ширкух не соглашался. Однажды [18 января] Шавар как обычно явился к Ширкуху, но не застал его, потому что тот отправился творить молитву к гробнице одного из религиоз-

ных деятелей ислама. Салах ад-Дин и Шавар сели на коней, и во время беседы Салах ад-Дин выбил визиря из седла и связал, потому что не мог убить без разрешения дяди. Когда он сказал Ширкуху об этом, тот ответил: "Без позволения халифа мы ничего не можем сделать". Тогда они известили халифа аль-Адида, призвавшего их убить визиря, потому что тот не оставлял халифу места подле себя. Так был убит Шавар, его дом был разграблен, а Ширкух занял освободившееся место визиря» (Михаил Сириец).

На следующий день после убийства халиф назначил Ширкуха новым визирем и командующим египетскими войсками. Аль-Адид пожаловал ему титул аль-Малик аль-Мансур Амир аль-Диуш (принц-победитель, командующий армией). Ширкух назначил своих эмиров правителями провинций, его солдаты получили в качестве военных ленов (*икта*) земельные наделы из конфискованных земель. Провинциальные наместники без сопротивления подчинились ему.

Новый визирь Ширкух прожил недолго. 23 марта 1169 г. он умер от передания. Он был одним из первых мусульман, кто понял, что главным условием победы над франками должно стать завоевание Египта, что позволило окружить государства крестоносцев и предоставило в распоряжение джихада огромные богатства. Его слава полководца оказалась в тени славы его повелителя Нур ад-Дина и племянника Салах ад-Дина. Гийом Тирский рисует его маленьким и тучным, с красным лицом и слепым на один глаз. Он без жалоб переносил любые тяготы, голод и жажду, был талантливым полководцем, очень щедрым и любимым войсками.

3. Падение Фатмидов

Губительное для франков значение захвата Нур ад-Дином Египта было ими хорошо понято. Начались разбирательства. Вину возложили на сенешаля Мило де Планси, который из-за жадности уговорил короля взять деньги, вместо того чтобы сражаться, и на магистра госпитальеров Жильбера д'Эссайи, настоявшего на походе, во-первых, на дружественное государство, а во-вторых, не дожидаясь помощи императора. Д'Эссайи был вынужден покинуть Святую Землю и отправиться в Европу.

Весной 1169 г. в Европу было отправлено посольство под руководством архиепископа Фридриха Тирского, епископа Иоанна Баниясского и Жильбера*, прецептора (заместителя магистра) Ордена госпитальеров просить европейских государей о скорейшем крестовом походе.

* Возможно, Жильбер – это Жубер Сирийский, с 1172 г. магистр Ордена госпитальеров.

Тем временем во Франции и Англии произошли значительные события. Алиенора Аквитанская, разведясь с французским королем, вышла замуж за Генриха, графа Анжуйского, вскоре ставшего английским королем. Английский король Генрих II, помимо Англии, владел еще и половиной Франции, своими и жены наследственными землями. В браке с Генрихом Алиенора родила пяти-рых сыновей и трех дочерей. Генрих был гораздо сильнее и богаче своего ленного сеньора по материковым владениям – французского короля. Постоянная напряженность, существовавшая между королями, время от времени перерастала в войны.

В июле 1169 г. послы королевства Иерусалим прибыли в Рим. Папа Александр III снабдил их рекомендательными письмами к высоким церковным деятелям в разных странах. В Париже, куда посольство привезло ключи от Иерусалима, указывая на возможность признания французского короля верховным сеньором, Людовик VII плакал, слушая их рассказ о горестях Святой Земли, и рассказывал им о бедствиях, которые он терпит от английского короля. Они пробыли во Франции несколько месяцев, похоронили епископа Банияса и, ничего не добившись, переехали в Англию. Король Генрих II, племянник короля Амори I, выслушал их рассказ с глубоким сочувствием и поведал им о мучениях, доставляемых ему французским королем. В Германию, где император Фридрих находился в постоянном раздоре с папой, они вообще не поехали. После трех лет жизни на грани нищеты они ни с чем возвратились домой.

Король Амори отправил посольство и в Константинополь. Это посольство было более успешным. Мануил хорошо понимал, что захват Нур ад-Дином Египта нарушил равновесие сил на Востоке. Пока сирийцы не утвердились в Египте, нужно было попытаться его отвоевать. Император предложил помочь королю большим флотом в его следующем походе на Египет.

Тем временем в Египте после смерти Ширкуха перед халифом встал вопрос, кого из его эмиров назначить визирем и главнокомандующим. Из пяти главных помощников Ширкуха (четыре курдов и турка) халиф выбрал самого молодого и, как ему показалось, самого слабого и неопытного – его племянника Салах ад-Дина, рассчитывая в дальнейшем изгнать сирийцев и взять власть в Египте в свои руки. Ему был пожалован титул «аль-Малик ан-Назир» – принц-опора (халифа). Никто из главных сирийских эмиров не присягнул молодому правителю. Однако вскоре Салах ад-Дину удалось перессорить их друг с другом, и они один за другим перешли под его начало. Два эмира отказались ему присягнуть и ушли со своими войсками в Сирию.

О ранних годах Салах ад-Дина известно немного. Баха ад-Дин рассказывает:

«Как мы узнали из уст надежных авторитетов, проводивших исследования и на их основе составивших по правилам астрологии его гороскоп, его рождение имело место в крепости города Такрит [Тикрит]. Его отец Айюб ибн Шади, да будет милостив к нему Аллах, занимал там пост губернатора; он был благородный, щедрый человек, добродушный и превосходного нрава. Он был рожден в Двине [Большая Армения]. Позднее он был переведен из Такрита в город Мосул, куда за ним последовал его сын, который там оставался, пока рос. Его брат Асад ад-Дин Ширкух, как и сам он [Айюб], был военачальником на службе атабека Занки [Зенги], но находился в опале.

Его отец в конце концов был переведен в Сирию, да хранит его Бог, и получил там наместничество над Баальбеком, где оставался некоторое время. Его сын прошел с ним в Баальбек и поступил там к нему на службу; он получил под его руководством образование и усвоил высоконравственное поведение и учтивые манеры, что в дальнейшем отличало его от других, и приобрел хорошие навыки командования и управления. Аль-Малик аль-Адил Нур ад-Дин Махмуд ибн Занки, да будет милостив к нему Аллах, поощрял его, ценил его и надеялся на него и сделал его своим близким доверенным. Это проявлялось в том, что он, повышая его в должности, каждый раз давал понять ему, что он достигнет еще более высокого положения».

Курд Салах ад-Дин родился в 1138 г. (Быть курдом среди турок и арабов было непрестижно, и, по утверждениям его потомков, он был курдом будто бы только с материнской стороны, а по отцу – арабом.) Он рос в Баальбеке, где его отец был наместником, а первые должности на службе у Нур ад-Дина занимал в Дамаске и Алеппо. Братья Наджм ад-Дин Айюб (имя ветхозаветного праведника Иова узнается с трудом), отец Салах ад-Дина, и Асад ад-Дин Ширкух были наемниками, искателями приключений, они вышли из Большой Армении и искали счастья сначала в Ираке, а затем в Сирии. Они служили не всегда сообща, нередко меняли господ, иногда при этом им изменяя, и в конце концов оказались на службе у Нур ад-Дина – Айюб в качестве наместника Дамаска (Салах ад-Дин был у отца начальником полиции), а Ширкух в качестве полевого командира.

Салах ад-Дин быстро укрепил свое положение в Египте. Вначале у него не было контроля над фатимидскими войсками, превышавшими по численности его собственные. Он начал формировать новые войска, ядром которых явилась его собственная гвардия. Одновременно он ослаблял фатимидские войска, отнимая у их начальников предоставленные им халифом земли и раздавая их затем как земельные лены преданным новым войскам. На доходы от лена его владелец должен был выставлять войска и поддерживать исправность системы

орошения. Кроме земельных ленов, в Египте были и «денежные», так, позднее отец Салах ад-Дина в качестве военного лена получал доходы от таможенных податей в Александрии и Дамьете.

Несмотря на господство в Египте Фатимидов, шиитов исмаилитского толка, среди населения страны было много суннитов, ими были также турецкие и курдские войска на службе египетского халифа и сирийские войска Салах ад-Дина. Нужно добавить, что еще до конца XII в. христиане-копты составляли половину всего населения Египта. Если учесть, что значительной по численности была и еврейская община, то мусульмане в это время составляли менее половины населения.

Первое столкновение с потерявшими свои командные должности египтянами произошло у Салах ад-Дина в середине августа 1169 г., когда он случайно узнал о готовившемся против него заговоре. Заговорщики установили связь с королем Иерусалима, замыслившим вместе с византийцами новое нападение на Египет. Одному из охранников Салах ад-Дина бросилась в глаза странная форма сандалий придворного гонца. Их разрезали и нашли письмо главы заговорщиков, главного евнуха и тайного советника халифа, черного нубийца аль-Мутамена, в Иерусалим, обещавшего помощь франкам при их нападении на Египет. Во дворце халифа нубиец был в полной безопасности, поэтому, несмотря на многочисленные предупреждения о предстоящем походе франков, Салах ад-Дину пришлось выждать, прежде чем нанести решающий удар. 20 августа курдская конница перехватила кортеж аль-Мутамена, когда он ехал в загородное поместье; евнух был обезглавлен, охрана и персонал дворца, верные халифу, были заменены людьми Салах ад-Дина. Убийство евнуха, покровителя нубийцев, привело к поощренному халифом восстанию многочисленных нубийских войск, к которому примкнула армянская гвардия. Нубийские рабы, как и армяне, были христианами, принявшими ислам. Факр ад-Дин, брат Салах ад-Дина, напал на них, но был отбит. Тогда Салах ад-Дин приказал зажечь казармы, где жили жены и дети нубийцев, те бросились их спасать и были перебиты. Погибло чуть ли не 50 тысяч нубийцев. Были разбиты и перебиты армяне, и даже те из них, кто не принимал участия в восстании, были сожжены в своих казармах. Халиф выразил после этого полную преданность визирю.

Став визирем в 31 год, Салах ад-Дин озабочился изменением образа жизни, до сих пор не особенно примерного. «Он [Салах ад-Дин] отверг вино, отказался от праздности и стал носить одежды серьезности и благочестивого исполнения долга», — пишет Баха ад-Дин ибн Шаддад. До конца жизни он оставался верен новой линии поведения, что способствовало возникновению его славы справедливого и богобоязненного монарха и за что он получил свое но-

вое имя (Благочестие Веры). Тогда же он, видимо, официально женился, его сын аль-Афдал Али родился в июне 1170 г., а затем на протяжении чуть более года родились еще трое сыновей от трех других женщин.

Тем временем, в июле 1169 г., император выслал в Палестину флот во главе с Андроником Контостефаном; большая эскадра и пехота остались на Кипре, а малая эскадра привезла в Акру денежные средства для найма солдат. Однако король не был готов к походу. Армия, в особенности госпитальеры, еще не оправилась от потерь, тамплиеры снова отказались участвовать в походе, и вообще, кажется, король хотел подождать с походом до ноября – конца разлива Нила, чтобы не повторить ошибку 1163 г.

Только в середине октября 1169 г. армия и флот двинулись на Египет. Византийский флот был снабжен продовольствием только на три месяца, и оно почти закончилось, ни на Кипре, еще не оправившемся от разорения, ни в Акре пополнить запасы не удалось. Андроник Контостефан всеми силами пытался ускорить экспедицию, он предложил перевезти армию короля в Египет морем, но Амори отказался, и армия двинулась по суше, по берегу моря. 25 октября она пересекла египетскую границу у аль-Фарама. Салах ад-Дин приготовился оборонять Бильбейс, но Амори был переправлен византийскими кораблями через рукава Нила и осадил Дамьетту, рассчитывая превратить ее в опорный пункт завоевания всей дельты Нила.

Салах ад-Дин не решился оставить Каир, боясь восстания сторонников Фатимидов, и казнил несколько знатных египтян: «Если я сам отправлюсь в Дамьетту, Каир во время моего отсутствия восстанет; позади меня вспыхнут мятежи, а передо мной будут стоять франки» (Ибн аль-Атир). Он послал подкрепления в Дамьетту и постоянно требовал и умолял Нур ад-Дина о присылке подкреплений.

Гарнизон Дамьетты положил через судоходный форватер рукава Нила тяжелую цепь к укрепленной башне, построенной на острове, и греческие корабли не смогли подняться вверх по Нилу и отрезать город от подхода египетских кораблей с войсками и продовольствием. Амори не решился на немедленный штурм, которого требовал Контостефан, и начал строить осадные машины. Греки на кораблях и на берегу голодали, а франки отказывались делиться с ними продовольствием. Может быть, успеху осады помешало то, что византийские флот и армия были слишком велики и франки боялись, что они могут присвоить себе крепость. Тем временем подошли подкрепления из Дамаска и стало известно, что следом за ними двинется большая армия Нур ад-Дина. Амори решительно отвергал требования Контостефана о штурме, говоря, что риск слишком велик. В декабре преждевременно хлынули дожди, и стало ясно, что

дальнейшая осада невозможна. Амори начал переговоры с представителями Салах ад-Дина, пятидесятидневная осада закончилась перемирием, и мусульмане, по-видимому, выплатили франкам какой-то выкуп. 13 декабря 1169 г. франки сожгли свои осадные машины и ушли домой, 24 декабря армия прибыла в Аскалон. Византийский флот, возвращаясь, попал в сильный шторм, в котором погибло много кораблей. Андроник Контостефан добрался до Киликии и оттуда сушей отправился в Константинополь, туда же в начале года пришли остатки флота.

Жалкий результат похода охладил отношения между королевством и империей и вызвал взаимные упреки, однако обе стороны понимали, что союз должен быть продолжен, кроме того, франки надеялись на конфликт между Салах ад-Дином и его повелителем.

Нур ад-Дин на первых порах доверял Салах ад-Дину, хотя и не стал выводить из Египта после окончания осады Дамьетты верные себе сирийские войска. В апреле 1170 г. он послал к нему его отца, которого перед воротами Каира лично приветствовал халиф; в феврале 1171 г. в Египет прибыли родные и двоюродные братья визиря. Отец стал важнейшим советником Салах ад-Дина и казначеем Египта.

Нубийцы, уцелевшие в каирском восстании, бежали к себе на родину и подняли восстание там. Летом 1171 г. толпы нубийцев ворвались в Верхний Египет. Салах ад-Дин послал против них войска во главе со своим старшим братом Тураншахом; тот выбил их из верхнего Египта и захватил Нубию.

Причиной постоянного недовольства Нур ад-Дина египетским визирем было то, что он не торопился устранять религиозный раскол, убирать шиитско-исмаилитскую династию Фатимидов, а также не спешил начинать совместную с сирийским атабеком священную войну-джихад против франков. Вначале Салах ад-Дин, видимо, рассматривал возможность опоры на фатимидского халифа в своей борьбе за независимость от Нур ад-Дина, но затем переориентировался и отказался от этого плана. Своего первого сына, родившегося в июне 1170 г., он назвал Али в честь четвертого халифа, от которого вели род Фатимиды, второго же сына, родившегося в 1171 г., он назвал уже именем Османа, халифа, особо ненавидимого шиитами. Он ничего не имел против войны с франками, но военные действия совместно с Нур ад-Дином могли свести их лицом к лицу, чего Салах ад-Дин не хотел, опасаясь своего смещения. В ответ на требования своего повелителя он изъявлял свою полную покорность, указывая, однако, на ненадежность своего положения и угрозу восстания.

Понемногу Салах ад-Дин начал укреплять суннизм в Египте. Он основал по одной теолого-юридической школе (медресе) суннитского направления в Каире и Фустате, верховного судью-шиита в марте 1171 г. он заменил курдом-

суннитом. Тогда же шефом его канцелярии стал бывший шиит, ставший суннитом, горбатый поэт из Аскалона аль-Кади аль-Фадил.

В конце концов Нур ад-Дин в августе 1171 г. пригрозил, что сам явится в Египет, чтобы сместить халифа. Это подтолкнуло Салах ад-Дина к действиям. Он арестовал опасных египетских эмиров и принял необходимые полицейские меры, однако никто не решался сделать первый шаг. Наконец на это отважился недавно прибывший из Мосула перс. В первую пятницу нового, 567 г. по исламскому исчислению (10 сентября 1171 г.) он поднялся на *минбар* главной мечети в Каире и произнес в молитве имя багдадского халифа аль-Мустади. Никто не протестовал. После этого во всех египетских мечетях в пятничных молитвах стало произносится имя халифа Аббасида. На следующий день Салах ад-Дин провел большой военный парад с целью запугать шиитов.

Переход к другому религиозному направлению прошел в атмосфере полного безразличия. Фатимидский халиф аль-Аид в это время лежал при смерти в своем дворце. Салах ад-Дин запретил слугам сообщать ему о произошедшей перемене: «Если он поправится, он узнает о ней в свое время, если же он должен умереть, пусть умрет в мире». Халиф умер, ничего не узнав, с ним погибла династия Фатимидов, правившая в Каире 202 года. Оставшиеся фатимидские принцы и принцессы после разделения полов, чтобы они не смогли произвести потомство, были взяты под стражу и жили без забот и соприкосновения с внешним миром. Не сберег Салах ад-Дин и знаменитую каирскую библиотеку, содержащую многочисленные книги еретического содержания, ее тома в течение нескольких лет были раздарены или распроданы за бесценок.

По понятиям шиизма, шиитам было разрешено и даже рекомендовалось под властью суннитов скрывать свою настоящую веру и наружно жить суннитами среди суннитов. Чтобы выявить скрывавшихся шиитов, Салах ад-Дин, имевший опыт полицейской работы в Дамаске, использовал для выявления активных шиитов существовавшую должность *мухтасиба* (рыночного судьи), образованного юриста, которому вместе с многочисленными сыщиками вменялось в обязанность следить за поведением людей на базарах.

При известии о свержении фатимидского халифата аббасидский халиф аль-Мустади утвердил за Нур ад-Дином власть над Сирией и Египтом и прислал ему почетное одеяние из шелка. Нур ад-Дин возглавил военный парад и проехал по улицам Дамаска под черным знаменем Аббасидов. Почетное одеяние багдадский халиф прислал и Салах ад-Дину, и тот тоже в марте 1172 г. проехал в нем верхом по улицам Каира.

Вскоре после падения фатимидского халифата Салах ад-Дин отменил внутренние пошлыны, считавшиеся по исламскому праву недопустимыми. Это было демонстрацией возвращения к истинному направлению и послужило

укреплению торговли. Чтобы возместить потери от отмены внутренних пошлин и одновременно создать себе образ социального благодетеля, Салах ад-Дин ввел централизованный сбор милостыни для нищих. До сих пор каждый мусульманин решал сам, какое по величине должно поступить от него благочестивое подаяние. Часть этого сбора Салах ад-Дин тратил на нужды государства.

Чтобы продемонстрировать свою силу франкам, Салах ад-Дин быстрыми набегами осадил пограничную крепость франков Дарон, разграбил и перебил население в нижнем городе Газы (цитадель он даже не пытался осаждать) и захватил, напав с суши и с моря, небольшую франкскую крепость Айла в Акабском заливе на Красном море. Последнее нападение имело большое значение как в плане безопасности торговых караванных путей между Сирией и Египтом, так и для обеспечения беспошлинного доступа паломников из Египта и Магриба (северо-западная Африка) в Мекку и Медину.

Глава 29

Смерть Нур ад-Дина и короля Амори

В конце июня 1170 г. Сирию поразило жестокое землетрясение, разрушившее много крепостей как у мусульман (Алеппо, Шайзар, Хаму и Хомс), так и у франков (Крак де Шевалье, Триполи и Жибле), так что и те и другие были заняты их восстановлением и не вели войн. Антиохия подверглась особенно сильным разрушениям, кафедральный собор Святого Петра обрушился во время богослужения и погреб под развалинами православного патриарха Афанасия и его духовенство. Франки увидели в этом Божий приговор, и латинец Амори окончательно утвердился на антиохийском патриаршем престоле.

Император Мануил не мог этому помешать, так как в это время началась война в Киликии. Войну начал Млех, брат армянского князя Тороса. Сам Торос умер в 1169 г. и оставил 4-летнего наследника Рубена II. Регентом у него стал его двоюродный брат Тома. Млех не замедлил оспорить наследование. Он был яркой личностью в то время, столь богатое авантюристами. Он дал обет тамплиера, но затем, поссорившись с Торосом и неудачно попытавшись его убить, бежал к Нур ад-Дину и принял ислам. В конце 1169 г. Нур ад-Дин дал ему войска, и он с их помощью сверг и убил регента Тома, а затем и Рубена II, захватил у византийцев Мамистру, Адану и Тарс в Киликии и затем напал на своих бывших братьев-тамплиеров в Гастене. Выполняя долг сеньора по призыву Боэмунда III и долг союзника императора, Амори с армией пришел на север и отбил у Млеха Киликию. В ответ Мануилу пришлось простить водворение в Антиохии латинского патриарха. Впрочем, стоило Амори с армией уйти на юг, как Млех снова захватил Киликию и взял в плен Константина Коломана.

Нур ад-Дин в течение нескольких лет был занят раздорами на севере и востоке. В 1168 г. умер эмир Артукид Кара Арслан Диарбакырский, и споры вокруг его наследия привели Нур ад-Дина к ссоре со своим братом Кутб ад-Дином Мосульским. Затем внимание Нур ад-Дина от франков и Салах ад-Дина было отвлечено летом 1170 г. смертью Кутб ад-Дина и войной его сыновей Имад ад-Дина и Саиф ад-Дина за его наследие. Нур ад-Дин поддержал младшего, Саиф ад-Дина. В январе 1171 г. он вошел в Мосул, поставил там свой гарнизон, ввел Саиф ад-Дина во владение городом в качестве наместника и женил на своей дочери. В течение нескольких лет там в пятничной молитве стали произносить имя Нур ад-Дина. Имад ад-Дин стал наместником Синджара.

Предложение Нур ад-Дина рум-сельджукскому султану Кылыч Арслану II, брату жены, вместе напасть на Антиохию тем было отвергнуто, так как султан не захотел рисковать из-за этого войной с императором. Летом 1173 г. Нур ад-Дин напал на Кылыч Арслана, добился некоторых успехов и заставил того просить мира. При заключении мира Кылыч Арслан вынужден был дать обещание вместе с Нур ад-Дином вести войну против Византии.

10 марта 1171 г. Амори с большой свитой из Акры отплыл в Константинополь, чтобы восстановить добрые отношения с императором и заключить с ним новый военный договор. Отказавшийся от своего поста магистра тамплиеров Филипп де Милли отправился вперед послом короля. Король был принят с большим почетом, торжества и празднества продолжались во все время пребывания короля. Был заключен договор, положения которого неизвестны. Видимо, король в какой-то форме признал верховенство императора, а тот обещал помощь флотом, армией и деньгами, против Млеха было решено начать совместную войну. В середине июля король отплыл домой.

Тем временем в королевской семье узнали о постигшем ее несчастье. Случайно в игре с ровесниками, когда дети испытывали свою стойкость, сжимая друг другу пальцы, выяснилось, что 9-летний сын и наследник Амори Бодуэн не испытывает боли, потому что болен проказой. Хотя молодая жена еще могла бы родить королю сына, однако, на всякий случай, нужно было подумать о другом наследнике, который заменил бы больного ребенка. Фридрих, архиепископ Тирский, все еще ездивший из Франции в Англию с призывами к крестовому походу, получил в конце 1170 г. распоряжение Амори предложить Этьену, графу Сансеррскому, одному из сыновей Тибо, графа Блау-Шампанского, приехать в Иерусалим и жениться на дочери короля Сибилле; его кандидатура, видимо, была рекомендована Амори королем Людовиком VII.

Этьен прибыл в Палестину летом 1171 г., за несколько дней до прибытия из Константинополя короля Амори. Однако то ли графу Этьену не понравилось королевство, то ли он увидел проблематичность своего наследования при молодых короле и королеве, но он нарушил брачное соглашение, отказавшись от свадьбы, и, посетив Святые места, двинулся со своей свитой на север, в Константинополь. В Киликии на него напал и ограбил армянский князь Млех.

В 1172 г. во главе огромной рыцарской свиты, настоящей армии, через Константинополь в Палестину прибыл Генрих Лев, герцог Саксонский и Баварский, зять английского короля Генриха II. Он был с большим почетом принят в обеих восточных столицах, но задерживаться в Палестине и сражаться за крест не стал; поклонившись святыням, он быстро уехал домой, где у него были серьезные проблемы в отношениях с императором Фридрихом Барбароссой.

Осенью 1171 г., вскоре после падения фатимидского халифата, Салах ад-Дин осадил сильную франкскую крепость Монреаль, которая вместе с расположен-

ной севернее крепостью Керак контролировала дорогу из Каира в Дамаск. Монреаль был уже готов пасть, защитники попросили десять дней, чтобы затем сдаться, если не придет помощь, когда Салах ад-Дин узнал, что к Кераку подходят войска во главе с Нур ад-Дином. Обе крепости разделяли два дня перехода. Салах ад-Дин, чтобы уклониться от личной встречи, немедленно снял осаду с Монреаля и возвратился в Египет под предлогом, что необходимо срочно помочь брату, воюющему в Верхнем Египте. Нур ад-Дин воспринял его уход как предательство и решил наказать его в полную силу. Узнав об этом, Салах ад-Дин собрал семью и важнейших эмиров на совет. Племянник визиря и несколько молодых эмиров посоветовали дать отпор Нур ад-Дину. Однако выступил отец Салах ад-Дина Айюб, он сказал, что будет хранить верность сирийскому атабеку: «Даже если бы он приказал отрубить тебе голову, мы [сам отец Салах ад-Дина и его дядя по матери] сделали бы это без малейших колебаний. И даже если бы Нур ад-Дин один предстал перед нами, никто не осмелился остаться в седле, все упали бы ниц». После совета Айюб упрекнул сына за то, что тот открыто высказывал свои мысли: «Если правитель узнает, что ты хочешь помешать ему войти в Египет, он немедленно пойдет на тебя войной. Если придет Нур ад-Дин, у тебя не останется никого из армии, и эмиры выдадут ему тебя» (Ибн аль-Атир). Салах ад-Дин внял мудрому совету отца, послал Нур ад-Дину покорнейшие извинения, и тот пока что решил не доводить дело до войны.

Ил. 27. Развалины крепости Монреаль в Трансиордании

В 1172 г. Нур ад-Дин наконец согласился освободить за 80 тысяч динаров Раймунда III Триполийского, деньги на освобождение собрали король и тамплиеры. Нур ад-Дин получил 50 тысяч и отпустил Раймунда, оставшиеся деньги тот так никогда и не отдал.

В 1173 г. Амори, выполняя договор с императором и желая отомстить за ограбление Этьена Сансеррского, начал войну с Млехом Армянским. Поход против Млеха закончился безрезультатно, но, воспользовавшись отсутствием короля в Палестине, Нур ад-Дин решил напасть на Трансиорданию и призвал Салах ад-Дина к совместному походу. По совету отца, Салах ад-Дин собрал армию и осадил Керак. Узнав, что к Кераку движется с армией Нур ад-Дин, Салах ад-Дин снял осаду и возвратился в Египет, чтобы вновь избежать личной встречи со своим господином. Он объяснил свое отступление болезнью отца, что соответствовало истине. Керак принадлежал Стефании (Этьенете) де Милли. Ее отец Филипп, овдовев, стал тамплиером и был выбран магистром ордена, но затем отказался от должности. Ее первый муж, Онфруа III де Торон, умер несколько лет назад, ее второй муж, сенешаль королевства Мило де Планси, находился на севере вместе с королем. Свекор Стефании, старый коннетабль Онфруа II де Торон, собрав всех, кто остался в королевстве, поспешил на помощь. Узнав о его приближении, Нур ад-Дин снял осаду и отступил. Он был в ярости и поклялся следующей весной прийти в Египет и покончить с Салах ад-Дином.

Летом 1173 г., когда Салах ад-Дин осаждал Керак, его отец Айюб упал с коня во время прогулки, разбился и умер через девять дней. Со смертью верного слуги недоверие Нур ад-Дина к Салах ад-Дину еще более возросло.

Еще более недовольство Нур ад-Дина усиливалось незначительностью сумм, посылаемых из Египта Салах ад-Дином. Несмотря на то что Египет считался страной сокровищ, он до сих пор не расплатился за три предпринятых Ширкухом похода. В оправдание Салах ад-Дина нужно сказать, что фатимидские богатства растаяли от далекого от экономии ведения хозяйства Фатимидами, значительных выплат Шавара франкам и его собственных дорогостоящих реорганизационных мероприятий, вначале одобренных Нур ад-Дином. К тому же прекратилась добыча золота из золотых шахт и уменьшилось количество золотых находок в гробницах фараонов.

Салах ад-Дин ясно понимал угрозу, исходившую от Нур ад-Дина. Он считал, что было бы неплохо, на случай поражения, завоевать какую-нибудь страну, чтобы обеспечить себе убежище. К тому же нужно было платить армии, которую Салах ад-Дин ни в коем случае не хотел распускать. Нубия не годилась в качестве убежища из-за своей бедности. Салах ад-Дин послал своего племянника Таки ад-Дина, и тот завоевал провинцию в Северной Африке с городом Триполи (современная Ливия) вплоть до Ифрикии (современный Тунис), которой недавно

овладели Альмохады. Далее, в феврале 1174 г., Салах ад-Дин послал своего брата Тураншаха на завоевание Йемена. В течение короткого времени тот завоевал эту провинцию. Возможно, Салах ад-Дин боялся честолюбия Тураншаха, возможно, тот сам хотел создать себе собственное государство. Йемен был подходящим убежищем в случае поражения. Таким образом, господство над этими провинциями, достигнутое при Фатимидах, было восстановлено, и в пятничной молитве в них стали произносить имя аббасидского халифа.

Тем временем в Египте был раскрыт новый заговор против Салах ад-Дина. Заговорщики хотели восстановить династию Фатимидов и были связаны с франками, готовившими новый удар по Дамьетте с использованием сицилийского флота короля Вильгельма II. Известие о заговоре принесли Салах ад-Дину шпионы, посланные в королевство. Участвовавшие в заговоре Фатимиды были убиты, а заговорщики — распяты. Нападение франков на Египет не состоялось, так как флот задержался, а король в связи с новыми обстоятельствами напал на Банияс.

Новым союзником франков стали ассасины. В 1169 г. их новый глава Рашид ад-Дин Синан из Басры, которого франки звали Старец Горы, перевел свою штаб-квартиру из Аламута в Иране в горы Носайри, к северо-востоку от Тортосы. Шииты-ассасины ненавидели суннитов и не могли простить Нур ад-Дину и Салах ад-Дину свержение Фатимидов. Нур ад-Дин остерегался применять против ассасинов решительные меры, так как однажды нашел на своей подушке их кинжал.

В 1172 г. Синан отправил посланцев к королю Амори и предложил ему союз против Нур ад-Дина, намекнув, что ассасины могут перейти в христианство. Взамен он потребовал, чтобы король отменил дань, которую ассасинские деревни платили тамплиерам в Тортосе. Вряд ли Амори поверил обещанию Синана перейти в христианство, но предложение союза принял с радостью и даже объявил, что из своей казны компенсирует ордену убытки. Когда посланцы возвращались к шейху с посланием короля и подарками, на них с ведома и согласия магистра Одо де Сент-Амана напал тамплиер Гарнье дю Мений и всех их перерезал. Честь короля была замарана, король принес извинения Старцу Горы и потребовал у магистра выдачи виновного. Одо де Сент-Аман отказался и предложил отправить виновного для вынесения приговора к папе, юрисдикции которого одного подчинялся орден. Рассвирепевший Амори с войсками осадил Сидон, где находились магистр, капитул и виновный, и добился выдачи последнего, которого приказал казнить. Король пообещал магистру вообще разогнать его орден, которому, помимо нападения на послов, не мог простить неучастия в египетских походах, однако смерть помешала ему довести дело до конца. Ассасины приняли извинения короля.

Напряженные отношения тамплиеров и госпитальеров, завидовавших друг другу, закончились открытым разрывом. Однако магистры обоих орденов, Одо

де Сент-Аман и Роже де Мулен, быстро поняли опасность подобного положения и пришли к соглашению, по которому разногласия между орденами прежде всего должны были быть рассмотрены рыцарями орденов, по три с каждой стороны, выбранными командорами (руководителями Домов), и если к согласию прийти не удалось – магистрами. «И если какой-нибудь брат – от чего сохрани Бог – нарушит это соглашение и этот мир, знайте, что он нарушит приказы ордена и капитула [общего собрания] и сможет принести повинную, только явившись перед магистром и капитулом в Иерусалиме». В 1179 г. папа Александр III ратифицировал этот договор.

Летом 1173 г. Нур ад-Дин получил от багдадского халифа документ, в котором подтверждалось владение им, кроме Сирии и Египта, северной Месопотамией, Малой Арменией и южной Анатолией, что указывало на агрессивные устремления не только в отношении Малой Армении, но и против Кылыч Арслана Иконийского.

Весной 1174 г. Нур ад-Дин с армией перешел из Алеппо в Дамаск, готовясь к нападению на Египет. Однако дни Нур ад-Дина были сочтены. 15 мая 1174 г. он умер от нарывов в горле.

Нур ад-Дин был человеком высокого роста, темнокожим, с плохо растущими усами и бородой, с редкой улыбкой и печальными глазами. Он вел простую жизнь и использовал свои огромные доходы на благотворительные цели. После своей болезни в течение последних 19 лет жизни он стал менее энергичным и все более предавался религиозным занятиям. Он был заботливым и чутким администратором, много способствуя хозяйственному развитию Сирии после столетия господства сельджуков-кочевников. Его самым большим достижением было религиозно-политическое обновление ислама, пропаганда идеи *джихада* против франков и освобождения Иерусалима. Он велел прославлять себя в стихах и прозе как борца за мусульман в джихаде против франков. По его приказу в Алеппо был изготовлен *минбар* (кафедра) для установки в мечети аль-Акса в Иерусалиме.

Со смертью Нур ад-Дина его государство распалось на куски. Наследником Нур ад-Дина стал его 11-летний сын Малик ас-Салих Исмаил, бывший при нем в Дамаске. Эмир Ибн аль-Мукаддам при поддержке матери мальчика провозгласил себя регентом, эмиры Дамаска принесли ребенку клятву верности. Евнух Гюмюштекин, наместник Алеппо, столицы Нур ад-Дина, объявил регентом себя. Племянник Нур ад-Дина Саиф ад-Дин провозгласил независимость Мосула и захватил Насибин и Джазиру. Салах ад-Дин признал главенство мальчика ас-Салиха Исмаила, сообщил, что в Египте в пятничных молитвах произносят его имя, прислал в Дамаск египетские динары с его именем и объявил, что, как наместник самой богатой провинции государства, он сам должен стать регентом. Однако в этот момент у него не было сил для осуществления этой претензии.

Через год после смерти Нур ад-Дина армянский князь-ренегат Млех был свергнут и убит своим племянником Рубеном III, немедленно заключившим союз с франками.

Развал государства Нур ад-Дина был на руку королю Амори. В июне 1174 г. он двинулся на Банияс. Ибн аль-Мукаддам выступил с армией против него из Дамаска, однако немедленно предложил королю большой выкуп, освобождение пленных христиан и военный союз против Салах ад-Дина. Заболевший дизентерией Амори согласился. Салах ад-Дин не преминул высказать свое возмущение предательской политикой Дамаска: «Я получил известие о том, что между франками и Дамаском был заключен мир, но другие мусульманские земли не присоединяются к этому договору и выступают решительно против него. Для всех франки остаются общими врагами. Деньги из казны Дамаска, предназначенные для ведения *джихада*, были растрочены в результате этого преступного шага, который должен навлечь на себя кару Аллаха. Кроме этого, по особым условиям договора франкам вернули грозных рыцарей Тиверии, заключенных в темницах Дамаска» (Имад ад-Дин).

Заключив договор, Амори в конном паланкине возвратился в Иерусалим. Лежившим его греческим и сирийским врачам король дал указание пустить ему кровь и дать слабительное. Врачи отказались это делать ввиду слабости короля. Собственный врач короля – франк, не колеблясь, выполнил королевское указание, и через два дня, 11 июля 1174 г., Амори умер в возрасте 38 лет.

Это был энергичный и предприимчивый король. Он наделал ошибок, поспешив начать египетский поход 1168 г. и промедлив в походе 1169 г., он предпочитал войне получение денежных даров, что в конце концов нанесло ущерб его государству. Однако он был последним королем Иерусалима, правившим сильной рукой, и если бы он правил дольше, возможно, не случилось бы катастрофы 1187 г.

Глава 30

Возвышение Салах ад-Дина

Смерть Амори спасла Египет от совместного вторжения франков и сицилийцев. Распри франкских баронов после смерти короля Амори не позволили им организовать поход на Египет. Высланный королем Вильгельмом II Сицилийским под командой его двоюродного брата графа Танкреда де Лечче флот из 284 кораблей с войсками и припасами 25 июля 1174 г. появился перед Александрией. Заранее извещенный о прибытии флота шпионами из королевства, Салах ад-Дин значительно укрепил гарнизон. Не сумев застать город врасплох, не найдя под Александрией франкской армии и узнав к тому же, что к городу приблизился Салах ад-Дин с армией, сицилийцы после нескольких дней ожесточенных боев вынуждены были вернуться на корабли, и 1 августа сицилийский флот отправился домой.

В письме к несовершеннолетнему сыну Амори Бодуэну IV, поздравляя его со вступлением на престол, Салах ад-Дин среди прочего пишет, что он «должен знать, чем являемся мы для него, чем мы были для его отца: чистая дружба, полная доверенность и расположение, сплетение которых крепко как в жизни, так и в смерти». Однако в письме к племяннику Фарукшаху, написанном аль-Кади аль-Фадилом, сообщая о смерти Амори, Салах ад-Дин призывает на умершего вечное проклятие. Подобное лицемерие, конечно, не к лицу Благодетелю Веры, но вполне объяснимо: с одной стороны, нужно было попытаться сохранить франков как возможных союзников против Зенгидов, с другой – приходилось постоянно опасаться их вторжения в Египет. Можно сказать, что политика Салах ад-Дина в 1173–1174 гг. ничем не отличалась от политики визиря Шавара. Смерть Амори позволила Салах ад-Дину обратиться к сирийским делам.

В страхе перед нападением Салах ад-Дина Ибн аль-Мукаддам, регент и наместник Дамаска, обратился за помощью к франкам и к Саиф ад-Дину Мосульскому. И те и другой на призыв не откликнулись, и сын Нур ад-Дина ас-Салих Исмаил вместе с матерью бежал из Дамаска в Алеппо под защиту наместника-евнуха Гюмюштекина.

Оставив своего брата аль-Адила наместником в Каире, Салах ад-Дин с семьей сотнями конницы двинулся через Трансиорданию на Дамаск. Франки не пытались задержать его, и по дороге к нему присоединилось много эмиров. Население

Дамаска открыло ему ворота, и 26 ноября он вступил в город. Ночь он провел в старом доме своего отца, на следующее утро Ибн аль-Мукаддам сдал ему цитадель. Салах ад-Дин немедленно отменил противоречившие исламскому праву налоги, введенные после смерти Нур ад-Дина, раздал дамаскинцам щедрые подарки из городской казны и, получив подкрепление из Египта, двинулся на Алеппо, оставив наместником Дамаска от имени ас-Салиха своего брата Тогтекина.

Через четыре дня после смерти Амори патриарх короновал его 13-летнего прокаженного сына Бодуэна IV. Помимо сына, король Амори от первого брака оставил после себя 14-летнюю дочь Сибиллу и от второго брака – двухлетнюю дочь Изабеллу. Регент назначен не был. Делами королевства управлял любимец покойного короля сенешаль Мило де Планси, женатый на владелице большого королевского лена Трансиордании Стефании де Милли. Недавно прибывший в Палестину из южной Италии Мило был нелюбим местными дворянами. Ближайший мужской родственник короля Раймунд III Триполитский, женившийся в 1174 г. на Эшиве, княгине Галилеи, вдове Готье Фалькенберга, и ставший, таким образом, самым большим ленником короля Иерусалимского, потребовал регентства. (Раймунд III был внуком короля Бодуэна II, а следующий ближайший мужской родственник короля Боэмунд III Антиохийский был правнуком этого же короля.) Его поддержали местные бароны: старый коннетабль Онфруа II де Торон, Рено Гарнье Сидонский и семья Ибеленов, а также Гийом Тирский, ставший в 1174 г. канцлером королевства, а в 1175 г. – архиепископом Тира. В ноябре 1174 г. Раймунд III стал регентом до совершеннолетия Бодуэна IV, а тяжело воспринявший свое падение Мило де Планси в конце года был убит ночью на улице Акры. Молва приписала это убийство Раймунду III Триполитскому. Как мы помним, ранее злые языки обвиняли его отца, видимо, также безосновательно, в отравлении графа Альфонса Жордана Тулузского.

Тридцатичетырехлетний граф Раймунд III был человеком высокого роста, худощавым, смуглым и черноволосым, он был хорошо образован, в плену основательно выучил арабский язык и изучил образ жизни и историю мусульман. Человек сдержанный и холодный, он всеми силами старался сохранить франкские государства, проводил политику обороны и мирных соглашений с мусульманами.

Он возглавил при дворе партию баронов «старых семей», или «пуленов (жеребят)» – так их насмешливо называли европейцы, к которой примкнули госпитальеры. Другая партия состояла из вновь и недавно прибывших, стремившихся увеличить свои владения. Эту партию возглавили выпущенные из алеппской тюрьмы Жослен III де Куртне, титулярный граф Эдессы, и Рено де Шатийон, к ней примкнули тамплиеры. Эта партия была настроена агрессивно и не желала мира с мусульманами.

Первой задачей регента Раймунда было помешать Салах ад-Дину захватить Алеппо. Выдвинувшийся из Дамаска Салах ад-Дин 9 декабря 1174 г. захватил Хомс, однако городская цитадель устояла. Затем, оставив войска осаждать цитадель Хомса, Салах ад-Дин захватил Хаму, двинулся на Алеппо и 30 декабря начал его осаду. Юный ас-Салих обратился к горожанам с просьбой защитить его от узурпатора, желающего захватить его наследие. Гюмюштекин обратился за помощью к франкам и к ассасинам. Несколько ассасинов были обнаружены в шатре Салах ад-Дина и после отчаянного сопротивления перебиты. Раймунд с армией двинулся к Хомсу и вместе с гарнизоном цитадели 1 февраля освободил нижний город. Салах ад-дин снял осаду с Алеппо и пошел к Хомсу, Раймунд отступил, и городская цитадель Хомса пала после трехмесячной осады.

Однако Алеппо остался независимым, и Гюмюштекин в знак благодарности франкам освободил из плена всех христианских пленных, в том числе Рено де Шатийона и Жослена III де Куртне.

Встревоженный успехами Салах ад-Дина Саиф ад-Дин Мосульский, племянник Нур ад-Дина, послал своего брата Изз ад-Дина с армией на помощь Гюмюштекину. Объединенная армия Алеппо и Мосула выступила против Салах ад-Дина, и он предложил закончить дело миром и возвратить Хаму и Хомс Гюмюштекину. Предложение было отклонено. 13 апреля 1175 г. армия Салах ад-Дина напала врасплох на алеппско-мосульскую армию в горах севернее Хамы и разгромила ее. Чувствуя себя, однако, недостаточно сильным, Салах ад-Дин не стал развивать успех и заключил перемирие.

Теперь Салах ад-Дин сбросил маску подчиненности ас-Салиху: он сделал все, чтобы верно служить сыну Нур ад-Дина, но тот отверг его услуги и предпочел других советников. Алеппо остался под властью ас-Салиха, но тот должен был дать обязательство не вступать больше в союз с франками и вместе с Салах ад-Дином бороться против них. Теперь в Каире и Дамаске в пятничных молитвах начали произносить имя не ас-Салиха, а Салах ад-Дина, и на египетских монетах чеканить имя последнего. Багдадский халиф аль-Мустади подтвердил его верховную власть над Египтом и Сирией, за исключением Алеппо, прислал ему в Хаму почетное одеяние и признал султаном. Халиф призвал Салах ад-Дина защищать Египет от европейских франков и отвоевать Иерусалим, однако отказал ему в просьбе передать ему во владение все государство Нур ад-Дина.

После освобождения из плена Рено де Шатийон возглавил партию вновь прибывших, получившую в исторической литературе на более позднем этапе название «партии придворных». Он не мог возвратиться в Антиохию, где правил Боэмунд III, однако ловко женился через несколько месяцев после освобождения на Стефании, вдове Мило де Планси, владелице Трансиордании, считавшей

Раймунда III Триполійского убийцей мужа. Рено удалось добиться у короля выделения ему из королевских владений в лен города Сент-Авраам, это, во-первых, нарушило существовавшее правило, по которому сеньор Трансиордании не мог владеть никакими другими ленами, а во-вторых, оскорбило Онфруа II де Торона, который был 18 лет кастеляном (королевским управляющим) Сент-Авраама и поэтому именно ему должен был отойти город, если бы стал леном.

Жены короля Амори, Агнеса де Куртне и Мария Комнина, терпеть не могли друг друга. Брак Агнесы с Амори был признан недействительным. Ее второй муж Гюг д'Ибелен умер, и она в 1171 г. в четвертый раз вышла замуж, за Рено Гарнье Сидонского, но тот быстро ее возненавидел и добился аннулирования брака по причине близкого родства. Она, конечно, примкнула к «партии придворных», куда входил ее брат Жослен. Хронист говорит о ней: «Она была жадна к деньгам и чересчур любила власть», прославилась она также своим любвеобилием. Она была отстранена от воспитания детей, Бодуэна IV воспитывал Гийом Тирский, а Сибиллу – ее двоюродная бабушка, принцесса-аббатиса Ивета. Влияние Агнесы на больного короля и дочь-принцессу усилилось, когда в 1177 г. вдова короля Амори Мария Комнина вышла замуж за Балиана, младшего из братьев Ибеленов, и потеряла титул королевы. Мария принесла Балиану свой вдовый надел – Наблус. Вместе с мужем она вошла в партию «старых семей».

Ссора графа Раймунда III с тамплиерами выросла из личной обиды одного из них. В 1173 г. в Триполи прибыл фламандский рыцарь Жерар де Ридфор, поступивший на службу к графу. Он привлек внимание графа, тот назначил его маршалом Иерусалима и обещал ему руку богатой наследницы в своем графстве. Однако, когда через несколько месяцев умер владетель Ботруна, оставивший земли дочери Люси, граф предпочел отдать ее руку не де Ридфору, а богатому пизанцу Пливану, который предложил графу за согласие на брак золотые монеты по весу девушки. Разневанный де Ридфор («Французы никогда не считали итальянцев дворянами, какими бы богатыми они не были», – пишет хронист) поклялся отомстить графу. Он ушел в Орден тамплиеров, где вскоре, пользуясь покровительством магистра Одо де Сент-Амана, стал сенешалем.

Больной проказой король, способный и развитой юноша, больше всего боялся отстранения от власти, так как это означало бы для него смерть забвения: он был бы всеми заброшен и покинут. Вначале он пытался сохранять равновесие между партиями, но затем все более стал склоняться на сторону родственников Куртне. В 1176 г. он назначил своего дядю Жослена сенешалем, а Агнеса, вернувшаяся ко двору, полностью подчинила своему влиянию дочь Сибиллу. В 1175 г. Агнеса добилась выбора своего любовника Эракля в архиепископы Цезареи. В 1176 г. были отстранены от дел без смещения с должности Гийом Тирский, кан-

цдер королевства, и архиепископ Тира и старый коннетабль Онфруа II де Торон. Командование армией перешло в руки Рено де Шатийона. В 1177 г., когда король стал 16-летним, был отставлен с должности регента граф Раймунд III.

Болезнь Бодуэна IV не оставляла надежд на выздоровление и не позволяла жениться и иметь наследника. Обеспечить престолонаследие должен был брак принцессы Сибиллы. Еще во время регенства графа Раймунда король Бодуэн IV, вероятно, по рекомендации короля Людовика VII, попросил приехать в Палестину Вильгельма Длинный Меч, старшего из четырех сыновей Вильгельма, маркиза Монферратского, чтобы жениться на Сибилле. Маркиз-отец, участник Второго крестового похода, был в близком родстве с Капетингами, Штауфенами и австрийскими Бабенбергами. Привлекательный и представительный жених понравился жизнерадостной 15-летней невесте, хотя и был как минимум на 20 лет старше ее. Через несколько дней после прибытия жениха, в октябре 1176 г., была сыграна свадьба, муж принцессы получил в лен графство Яффы и Аскалона и стал считаться наследником трона. Однако вскоре его жизнь оборвалась. Он заболел малярией и, проболев несколько месяцев, в июне 1177 г. умер. В августе вдова родила сына, названного Бодуэном. Королевство получило наследника, которому снова был необходим регент. Посланцы короля поехали в Европу искать нового жениха Сибилле и, конечно, союзников против Салах ад-Дина.

Перемирие Салах ад-Дина с Зенгидами продолжалось недолго. Весной 1176 г. армия Саиф ад-Дина Мосульского объединилась у Алеппо с армией Гюмюштекина. Салах ад-Дин, получивший подкрепления из Египта, двинулся им навстречу. 22 апреля Саиф ад-Дин застал врасплох кавалеристов Салах ад-Дина, когда они купали коней в реке в сорока километрах к югу от Алеппо, но не решился их атаковать. Сражение началось на следующее утро. Салах ад-Дин переломил ход сражения, атаковав Зенгидов во главе резерва. В руки Салах ад-Дина попали вражеский лагерь и много пленных. Он не стал преследовать бегущие неприятельские войска и велел вскоре освободить захваченных в плен. Ценности, найденные в лагере Зенгидов, он раздал как награду своим войскам. Роскошный лагерь Саиф ад-Дина он назвал «борделем», так как тот и его эмиры в походе не отказывались ни от вина, ни от женщин.

Обложив Алеппо, Салах ад-Дин захватил три крепости к северу от Алеппо – Биззу, Менбидж и Аزاز. При осаде Азаза он чуть не был убит ассасином в своем шатре, его спасла кольчужная шапка под тюрбаном. В конце июня 1176 г. был подписан мирный договор с ас-Салихом Алеппским. После подписания мира ас-Салих Исмаил вместе с маленькой сестрой посетил султана в его лагере. На вопрос Салах ад-Дина, что бы она хотела получить от него в подарок, девочка сказала: «Аزاز», и султан великодушно возвратил крепость ас-Салиху.

Затем султан осадил главную крепость ассасинов Масьяф в горах Носайри. Отсутствовавший в лагере глава ассасинов шейх Синан каким-то чудесным образом, минуя все сторожевые заставы, возвратился в крепость. Салах ад-Дин во время осады мучился головными болями, его одолевали страшные сны. Когда же, проснувшись однажды ночью, он нашел на своей подушке кинжал ассасинов и стих с угрозами, его нервы не выдержали. Он послал гонца к шейху, попросил у него прощения и обещал впредь не трогать ассасинов; между ними был заключен мир.

В начале сентября 1176 г., после возвращения из похода, Салах ад-Дин женился на вдове Нур ад-Дина Исмаат ад-Дин Катун, дочери атабека Унура, прежнего дамасского правителя, которая была несколькими годами старше его. Она вовсе не была матерью ас-Салиха, и браком с ней Салах ад-Дин хотел подчеркнуть законность своего владения Дамаском в качестве наследника Унура. Он глубоко уважал мудрую женщину и тяжело переживал в январе 1186 г. ее смерть. Какой-то современный ему, мало сведущий латинский поэт назвал его фальшивым Иосифом (имя Салах ад-Дина – Юсуф), соблазнившим жену Нур ад-Дина и захватившим власть, женившись на ней после его смерти.

Глава 31

Беды Византии

Смерть Нур ад-Дина лишила Византию важного союзника. Не стало постоянной угрозы для рум-сельджукского султана Кылыч Арслана II, и он вначале отобрал Анкиру у своего брата Шахиншаха, куда того поставил Мануил, к концу 1174 г. – Кесарию Мазаху Каппадокийскую и Сивас у Данишмендида Дхул Нула (оба они бежали в Константинополь) и затем начал набеги на земли императора. Кылыч Арслан говорил своему ближайшему окружению, что чем больший вред он причиняет империи, тем более богатые подарки получает от императора. Мануил решил раз и навсегда положить этому конец и летом 1176 г. отправился в большой поход против рум-сельджуков.

Одна армия, под командой племянника императора Андроника Ватаца, через Пафлагонию двинулась на Сивас, чтобы восстановить Дхул Нула в его владениях. Главная армия, под командой самого императора, пошла на Иконий, столицу Рум-Сельджукида. Узнав о походе, Кылыч Арслан послал парламентариев просить императора о мире, но Мануил ему не поверил и не снизошел к его просьбе.

В начале сентября 1176 г. у Никсара армия Ватаца была наголову разгромлена, и его голова послана султану в качестве трофея. Пройдя долиной Меандра мимо недавно построенной крепости Сублея и обогнув с севера озеро Эгридир, главная армия вышла в предгорья горного массива Султандаг. Далее путь должен был проходить через узкое ущелье, на выходе из которого находилась разрушенная крепость Мириокефалон. Там, на горном склоне, собралась турецкая армия, по численности не уступавшая византийской, но легче и хуже вооруженная. Мануилу не советовали вести армию с тяжелым вооружением и большим обозом этим труднопроходимым ущельем, однако молодые принцы, жаждавшие славы, склонили его к тому, чтобы идти кратчайшим путем. 17 сентября авангард пробился через ущелье и разбил лагерь у крепости. Турки отступили перед ним и ушли в горы. Затем через ущелье двинулась главная армия. Когда она с трудом протискивалась тесным ущельем, ее атаковали турки. Они осыпали византийцев градом стрел, и их конница обрушилась на греков сверху. Блестящий красавец, брат императрицы Бодуэн Антиохийский с конным отрядом контратаковал турок вверх по склону, но его отряд был разгромлен, а сам он

убит. Воины императора были стеснены на дне ущелья, турки показывали Мануила голову Батаца на копье, и мужество изменило императору. Со своей личной гвардией он прорубился через толпы своей армии и телеги обоза ко входу в ущелье, армия бросилась за ним, турки истребляли греков до наступления глубокой темноты.

Когда император на равнине перед ущельем собрал остатки своей армии, Кылыч Арслан отправил к нему парламентаря и предложил мир на чрезвычайно легких условиях: Мануил должен немедленно отступить и снести две недавно построенные крепости – Дорилея и Сублея. Император дал согласие, и через ущелье к нему возвратился оставшийся невредимым авангард. Мануил повел остатки армии домой. Византийский историк Никита Хониат пишет: «Зрелище было поистине достойно слез, или, вернее сказать, зло было так велико, что его невозможно было оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов... Никто без слез и стонов не проходил мимо, все рыдали и по именам называли погибших друзей и родственников».

Кылыч Арслан не понял значения своей победы, это произошло потому, что главные интересы его султаната лежали на востоке. Зато значение своего поражения хорошо понял император Мануил. Это была катастрофа не меньшая, чем у Манцикерта сто лет назад. Византия фактически осталась без армии. Чтобы ее восстановить, нужны были долгие годы, и она так никогда и не была восстановлена. Оставшихся сил хватало только на то, чтобы кое-как охранять границу. Поражение при Мириокефалоне окончательно лишило Византию надежды вытеснить турок из Анатолии. Император лишился возможности прохода в Сирию и навсегда потерял свое влияние в Антиохии.

Современник-хронист так описывает состояние Мануила после Мириокефалона: «Поражение так крепко запечателось в его памяти, что хотя [ранее] обычно настроение его было веселым, он никогда больше не проявлял ни малейшей радости, несмотря на все усилия придворных, и до самой смерти не обрел своей физической силы, ранее такой большой. Он был настолько раздавлен постоянной пыткой, которую ему причиняли мысли об этом поражении, что не мог ни успокоить ум, ни обрести обычное спокойствие духа».

И на Западе политика Мануила, которой он отдавал так много сил и средств, потерпела крах. Он отошел от осторожной и осмотрительной политики деда и отца. Честолюбие толкало его к несбыточной мечте восстановить прежнее могущество и владения империи на Западе. Обострились отношения Византии со Священной Римской империей. Заключив мир с Вильгельмом I Сицилийским в 1158 г., Мануил в лице Фридриха Барбароссы получил заклятого врага, не обретя в лице нормандца друга.

Разрыв между императором Фридрихом и папой в 1158 г. позволил Мануилу сблизиться с папой, которому он обещал в дальнейшем пойти на церковную унию между Восточной и Западной церквями. Император поднял против Барбароссы его врагов, поддерживал Ломбардскую лигу, давал деньги на борьбу с Фридрихом североитальянским городам.

В 1176 г. император Фридрих потерпел поражение при Леньяно и вынужден был пойти на уступки. Венецианский конгресс 1177 г., примиривший германского императора с папой и ломбардскими городами, поставил Византию перед лицом единой враждебной Европы. Русский историк Ф. Успенский писал: «Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей Иконийским султаном при Мириокефалоне». Западная Европа объединилась против Византии. Следующим ее шагом будет завоевание Константинополя в 1204 г.

Поражение при Мириокифалоне стало катастрофой и для латинских государств в Сирии и Палестине, что они, правда, не сразу поняли. Могучая империя, несмотря на взаимное недоверие и размолвки, была прочной гарантией безопасности латинцев перед лицом наступавшего ислама.

Попытка Мануила поправить дела совместным с франками нападением на Египет закончилась ничем. В сентябре 1177 г. император выслал в Палестину, согласно обещанию, денежные средства для найма войск и флот из семидесяти кораблей. Тогда же в Палестину прибыл граф Филипп Фландрский, сын графа Тьерри и Сибиллы Анжуйской, с большим сопровождавшим отрядом. Чтя память его родителей, заболевший малярией король Бодуэн IV предложил графу, своему троюродному брату, регентство, если он возглавит поход на Египет.

Одному из самых богатых вассалов короля Франции, графу Филиппу, регентство не было нужно, и в поход он также не рискнул ввязываться, посчитав его авантюрой. Он повел себя не лучшим образом, сначала заявив, что целью его приезда было только паломничество и что он не может взять на себя ответственность командования таким серьезным походом, а под конец презрительно отказался от совместного с де Шатийоном командования войсками, припомнив, видимо, столкновение своего отца с Рено из-за Шайзара двадцать лет назад. Когда на Коронном совете графа попросили дать окончательный ответ, потому что императорский флот ждет в полной готовности, Филипп сказал, что прибыл сюда не для того, чтобы делать одолжения грекам, но чтобы выдать замуж своих троюродных сестер Сибиллу и Изабеллу за сыновей своего вассала Робера де Бетюна (в этом случае тот завещал бы графу свои владения). В ответ на это Бодуэн д'Ибелен презрительно заметил: «Так вот зачем ты приехал, а мы думали, что ты прибыл сражаться за крест!». В гневе и смущении граф Фландрский в конце октября отправился в Триполи, а командующий им-

ператорским флотом, подождав еще немного и поняв, что похода не будет, увел корабли домой.

В Триполи в конце октября граф Фландрский, видимо, мучимый стыдом за свое поведение в Палестине, вместе с Раймундом Триполийским принял участие в неудачной осаде Хамы, а затем вместе с Боэмундом Антриохийским и армянским князем Рубеном осадил Харим. Город принадлежал Гюмюштекину и восстал, когда ас-Салих, поссорившись с евнухом, казнил его. Осажденный город покорился ас-Салиху, и тот, усилив его гарнизон, отправил к франкам посланца, передавшего, что заклятый враг Антиохии и Алеппо Салах ад-Дин готовит нападение на Сирию и им нужно действовать сообща. Франки сняли осаду с Харима, и граф Фландрский морем через Константинополь отправился домой, так и не стяжав себе славы борца за веру.

Гийом, ставший архиепископом Тирским в 1175 г., в 1179 г. отправился в Рим на 3-й Латеранский собор. На обратном пути, в последние дни года, он посетил Константинополь, был принят императором Мануилом и присутствовал на двойной императорской свадьбе. Император выдавал свою 28-летнюю дочь Марию за третьего из четырех братьев, сыновей маркиза Монферратского – Райнера и женил своего 10-летнего сына Алексея II на 9-летней принцессе Агнесе Французской.

Император Мануил умер в Константинополе 24 сентября 1180 г. Это был блестящий, но не великий император. Он отошел от осторожной и осмотрительной политики деда и отца. Честолюбие толкало его к несбыточной мечте восстановить прежнее могущество империи. Его симпатии и интересы лежали на западе, хотя империи необходимо было укреплять оборону с востока и севера. Он посылал войска в Италию и Венгрию, вместо того чтобы использовать их на Балканах и в Анатолии. Его доброе отношение к латинцам и предоставление им ответственных мест в правительстве вызывало сильное негодование его подданных, а огромные расходы, которых требовали войны, дипломатия и пристрастие к роскоши, вместе с торговыми льготами итальянским городам подорвали экономику империи. Греческий писатель конца XII в. Евстафий Фессалоникийский пишет: «По Божьему определению, со смертью василевса Мануила Комнина погибло все, что еще оставалось целым у ромеев, и всю нашу землю окутал мрак, как при затмении солнца».

Умиравший император верил в свое выздоровление и в то, что проживет еще 14 лет, как ему предсказали, и поэтому не оставил никаких распоряжений относительно регентства, в котором нуждался его сын. Его сыну и приемнику Алексею II, соправителю императора с двухлетнего возраста, было всего 11 лет. Регентшей при малолетнем сыне стала его мать Мария Антиохийская, вдова Мануила, главным советником при ней стал племянник Мануила,

протосеваст Алексей, ее любовник. Оба они опирались на франкских колонистов в Константинополе, в особенности на итальянское купечество. Латинцев в столице не любили. Греки хорошо помнили грабежи и буйства крестоносцев, разорение Кипра, грабительские набеги нормандцев. Уже императору Мануилу ставили в вину расположение к латинцам. Заговор против регентши возглавили дочь Мануила Мария и ее муж Райнер Монферратский. Заговор был подавлен, руководители заговора арестованы в алтаре собора Святой Софии, что неприятно поразило народ. Общее недовольство заставило императрицу помиловать заговорщиков.

Недовольные правлением регентши вспомнили теперь о двоюродном брате Мануила Андронике, который после всех своих приключений, добившись прощения императора, уединенно жил на берегу Черного моря. Туда к нему прибыли представители недовольных и его друзья и стали звать его на царство. Давно стремившийся к императорскому трону, он быстро дал себя уговорить и в августе 1182 г. двинулся на Константинополь в роли защитника слабого, окруженного дурными советниками императора Алексея II и интересов народа. Часть императорских войск, встретившаяся ему на дороге, присоединилась к нему, другая была им разбита. Мария и протосеваст собрали войска и приняли на службу много латинцев. Однако, когда Андроник приблизился к Босфору, в городе поднялось восстание. Народ набросился на богатые итальянские кварталы, франков убивали, жгли и грабили, не жалея ни женщин, ни детей, ни священников. Часть латинцев спаслась на кораблях и отомстила грекам опустошением их берегов. Призывы к мести коварному Константинополю наполнили Европу. Андроник без труда овладел столицей.

Первым делом Андроник расправился с соперниками. Протосеваст Алексей был брошен в тюрьму и ослеплен. Порфирородная (рожденная от правящего императора) Мария и ее муж Райнер были тайно убиты. Затем была задушена императрица, и ее 13-летний сын должен был подписать приказ о ее казни. Через два месяца был убит он сам, а 60-летний Андроник женился на его 12-летней вдове Агнесе Французской.

Андроник, хорошо зная глубокие недостатки управления империей, продажность чиновников и оскудение подданных, принялся за реформы. Он повысил жалование чиновникам и выгнал наиболее отъявленных взяточников, старался сделать правосудие более честным и менее подкупным, облегчил подати бедным, заставил платить налоги богатых и убрал наиболее корыстных сборщиков. Однако проведение реформ оказалось ему не под силу. Представители гонимой землевладельческой аристократии ждали только удобного момента, чтобы с ним расправиться. Видя повсюду измену и заговоры, Андроник встал на путь террора, нанося удары по правым и виноватым, что создало во-

круг него обстановку ненависти и отвращения. Народ, только что встречавший его с восторгом, отвернулся от него: «В любом городе толпа лишена разума и подчиняется своим неорганизованным устремлениям. Толпа же в Константинополе особенно шумна, яростна и непостоянна, потому что состоит из разных народов... Безразличие к императорам является их прирожденным недостатком. С тем, кого они сегодня поднимают на трон, завтра они обращаются, как с преступником» (Никита Хониат).

Угрожающим было и внешнее положение страны. Андроник всеми силами пытался примириться с Западом, который был оттолкнут от Византии кровавым погромом 1182 г. Андроник заключил договор с Венецией и даже обещал ей возместить понесенный ущерб, побудил европейских купцов к возвращению, построил в столице церковь латинского обряда. Однако на Западе объединились два его врага, ранее враждебные друг другу. В 1184 г. состоялся брак сына и наследника Фридриха Барбароссы Генриха с теткой и наследницей Вильгельма II Сицилийского Констанцией. Этот брак должен был присоединить к Германии южную Италию и Сицилию.

Чтобы обезопасить себя с востока при ожидаемом нападении сицилийских нормандцев, Андроник вынужден был заключить мирный договор с Салах ад-Дином. За военный союз с султаном против рум-сельджуков, который позволил бы Византии овладеть территориями в Анатолии, Малой Армении и Антиохией, Андроник разрешил Салах ад-Дину захватить у франков все их земли, за исключением Иерусалима и Аскалона. Однако договор не вступил в силу в связи с низложением Андроника.

Неудачная война с венграми закончилась для Византии в 1185 г. потерей Далмации. Однако приведший к гибели Андроника удар был нанесен ему итальянскими нормандцами. Весной 1185 г. экспедиция, организованная королем Вильгельмом II, высадился у Диррахия, и крепость, почти не оказав сопротивления, пала. Оттуда нормандцы по суше, по дороге Виа-Эгнация, и по морю двинулись на Фессалоники. Через несколько недель осады, в августе 1185 г., второй после Константинополя город империи был взят штурмом. Мстя за погром 1182 г., нормандцы учинили в нем страшную резню и грабеж и затем двинулись на Константинополь.

Узнав о падении Фессалоник и о приближении нормандцев, население Константинополя подняло восстание, возведшее на трон Исаака Ангела. О мучительной смерти Андроника рассказывает византийский историк Никита Хониат. Он был приведен ко дворцу в цепях на шее и в колодках на ногах. Его били по щекам, пинали. Ему выбили зубы и вырвали бороду – каждый старался причинить ему боль. Наиболее ожесточенными были женщины, чьи мужья были загублены Андроником. Ему отрубили руку, после чего отправили в темницу, где в

течение нескольких дней не давали ни есть, ни пить. Потом выкололи глаз и, усадив на ободранного верблюда, провезли по улицам города. Народ всячески издевался над ним: его забрасывали камнями и навозом, избивали дубинками и поливали мочой. У ипподрома его привязали к двум колоннам и добили.

Так закончилась эпоха византийских Комнинов.

Исааку выпала трудная задача отразить нормандцев. Это удалось ему, благодаря подготовительным мерам, принятым его предшественником. В сражении у Амфиполя 7 ноября 1185 г. способный полководец Алексей Врана разбил нормандцев, увлеченных грабежом захваченных земель. Они вынуждены были сдать Фессалоники и Диррахий и покинуть греческие земли.

Исаак II был полностью лишен государственных талантов. Тяжесть налогов и произвол чиновников, роскошь двора и безграничная расточительность были пагубны для страны, армия и флот пришли в полный упадок. К франкам Исаак относился дружески, ища в них опору против восстаний и вражеских нападений.

Глава 32

Прокаженный король

Узнав, что граф Фландрский ушел на север и увел с собой часть королевских войск, Салах ад-Дин 18 ноября 1177 г. вторгся из Египта по берегу моря в Палестину с армией примерно из 20 тысяч человек. Он прошел, не останавливаясь, мимо Газы, обороняемой тамплиерами, на Аскалон. Старый Онфруа II де Торон был тяжело болен. Едва оправившийся от болезни король Бодуэн IV собрал всех, кого мог, в общей сложности 500 рыцарей, и с епископом Вифлеема, взявшим с собой Святой Крест, успел войти в Аскалон, прежде чем к нему приблизился Салах ад-Дин. Оставив у Аскалона небольшой отряд, чтобы удерживать короля в городе, Салах ад-Дин двинулся на Иерусалим. Почти без сопротивления захватив по дороге Рамлу и Лидду и перехватив и уничтожив подкрепления из Иерусалима, вызванные в Аскалон королем, Салах ад-Дин подумал, что легко завоюет страну. Он распустил свои отряды легкой конницы, которые грабили и сжигали окрестные деревни. Бодуэн приказал 80 рыцарям-тамплиерам из Газы присоединиться к нему. Вместе с ними он бросился в погоню за султаном. 25 ноября, недалеко от Рамлы, у замка Монжизар, франкские рыцари внезапно обрушились на мусульман.

«Проказа начала овладевать молодым королем, который слабел на глазах... Он спустился с коня, простерся ниц перед крестом и вознес молитву, сопровождаемую плачем и жалобными восклицаниями. При виде этого сердца всех воинов дрогнули. Они возложили руку на крест и поклялись, что не покинут поле боя, а если турки [скорее мусульмане] одержат победу, тот, кто попытается скрыться и не погибнет, будет считаться изменником. Сев в седла, они двинулись вперед и оказались перед турками, которые уже праздновали победу, ибо полагали, что уничтожат всех франков. Завидев турок, чьи войска были подобны морю, рыцари снова спешились, отрезали свои волосы и обняли в знак мира и попросили друг у друга в последний раз прощения. Затем они ринулись в бой. В ту же минуту Господь поднял жестокую бурю, которая погнала пыль со стороны франков на турок. Тогда франки поняли, что Господь принял их покаяние; они возликовали и воспряли духом. Турки, напротив, развернулись и обратились в бегство. Франки преследовали их и отняли у них

Ил. 28. Прокаженный король Бодуэн IV одерживает победу над Салах ад-Дином под Монжизаром

верблюдов и все имущество. Так как турецкие войска рассеялись по пустыне, франкам понадобилось пять дней, чтобы разыскать их. Они находили отдельные отряды: одни были уже мертвы, другие при смерти. Они добивали последних и забирали их оружие и вещи. Некоторые, добравшись вместе с Салах ад-Дином до Египта, оделись во все черное и пребывали в трауре» (Михаил Сириец). Король держался в первых рядах атакующих, в сражении отличились Бодуэн и Балиан Ибелены и пасынки Раймунда Триполитского Гюг и Гийом Галилейские.

Салах ад-Дин спасся только благодаря личной гвардии из мамлюков. Султан остался без обоза, то есть без теплой одежды и продовольствия. На границе с Египтом Салах ад-Дин послал гонцов на верблюдах в Каир за помощью. Аль-Кади аль-Фадил с войсками двинулся навстречу султану через пустыню и спас его от необыкновенного холода, непрерывных дождей и разбойников-бедуинов.

Будь у Бодуэна больше сил, он мог бы, воспользовавшись победой, напасть на Египет или на Дамаск, но сил хватило только на захват, по предложению тамплиеров, строившейся дамаскинцами крепости между озерами Гуле и Генисаретом, которая должна была контролировать Брод Иакова через Иордан. Крепость, получившая название Агара, была передана ордену. Салах ад-Дин предложил франкам ее срыть, обещая за это 100 тысяч динаров, но получил

отказ. Коннетабль Онфруа II де Торон в это время построил замок Шато-Неф (Новый замок) на холме Хунин на дороге из Банияса в Торон.

Весной 1178 г. Салах ад-Дин перебрался из Египта в любимый Дамаск. В письме к аль-Кади аль-Фадилу, к крайнему возмущению последнего, он писал, что Египет для него не более, чем потаскуха, напрасно старающаяся разлучить его с Сирией, его всегдашней верной женой.

В 1178 г. из-за сильной засухи столкновений между Салах ад-Дином и франками почти не было. Весной 1179 г. король Бодуэн IV вышел в разбойничий набег на стада, двигавшиеся в горы на летние пастбища. 10 апреля войска племянника Салах ад-Дина Фарук-шаха настигли короля при возвращении. Франки были захвачены врасплох, король чуть было не попал в плен и был спасен коннетаблем Онфруа II де Тороном, который вместе со своей личной охраной прикрывал отступление. В бою коннетабль был смертельно ранен, он умер 22 апреля в своем новом замке Шато-Неф. Его смерть была большой потерей для королевства, лишившегося опытного и мужественного защитника.

Воспользовавшись победой, Салах ад-Дин сам отправился в грабительский поход. Он разбил лагерь перед Баниясом и оттуда посылал отряды в набеги на Галилею и Триполи. Король Бодуэн с войсками двинулся на север к Торону, где к нему присоединились войска Раймунда Триполийского. Объединенная армия последовала в Мардж Оун (Долину Источников) между рекой Литани и верхним Иорданом, чтобы перехватить возвращавшиеся с добычей войска Фарук-шаха. Преследуя Фарук-шаха, 10 июня 1179 г. армия короля в долине Мардж Оун, у переправы через Иордан, столкнулась с армией султана. Тамплиеры во главе с магистром Одо де Сент-Аманом устремились в атаку, но с большими потерями были отбиты. Армия короля недолго могла выдержать натиск мусульман и обратилась в бегство. Король и Раймунд Триполийский с частью людей смогли переправиться через Литани и спастись в замке Бофор. Все оставшиеся на восточном берегу были перебиты или взяты в плен. Среди попавших в плен было 270 рыцарей, в том числе магистр де Сент-Аман, Бодуэн д'Ибелен, Гюг Галилейский и много тамплиеров. Рыцари позднее были освобождены за большой выкуп и в обмен на мусульманских пленников. Гюга выкупила мать, княгиня Галилеи, графиня Триполи. Бодуэн д'Ибелен был освобожден, дав обещание выплатить выкуп в 150 тысяч динаров.

Магистр Одо де Сент-Аман, про которого говорили, что он «скверный человек, надменный и дерзкий, дышавший злобой, не боявшийся Бога и не уважавший людей», был гордым и мужественным рыцарем. Считая себя виновником поражения, он не захотел выкупаться, бросив своих людей. Он заявил: «Тамплиер может предложить в виде выкупа только свой пояс и кинжал».

Спустя год он умер в плену. Магистром тамплиеров был выбран престарелый Арно де Ла Тур Руж. Замена одного старика другим на посту магистра вызвала большое недовольство среди орденских братьев, где теперь преобладали молодые; недовольные стали группироваться вокруг сенешаля Жерара де Ридфора.

Салах ад-Дин не рискнул воспользоваться плодами победы и напасть на королевство, так как в это время в Палестину прибыло большое количество паломников из Франции, в том числе зять короля Людовика VII Анри I Шампанский, брат короля Пьер I де Куртне и молодой племянник короля Филипп де Дре, епископ Бове. Султан напал на крепость тамплиеров Атара у Брода Иакова. Мусульмане торопились завершить осаду до подхода франкской армии. 30 августа 1179 г. крепость пала после пятидневной осады. Обрушилась подкопанная саперами стена, и мусульмане ворвались в крепость. Тамплиеры погибли в последнем отчаянном бою, комендант предпочел броситься в огонь, чем попасть в плен. Атара была скрыта, мусульманский хронист пишет: «Салах ад-Дин стер крепость, как мы стираем буквы на пергаменте». Паломники из Франции отказались присоединиться к королю, чтобы выручить Атару, и вскоре отправились домой.

Восстановленный Салах ад-Дином египетский флот в октябре 1179 г. на два дня захватил гавань Акры и уничтожил стоявшие там христианские корабли, застигнутые врасплох. В самом начале нового года дамасские войска совершили удачный набег на Галилею. Король вынужден был послать парламентаров к султану просить о перемирии. Жестокая засуха в Сирии зимой и весной 1180 г., грозившая голодом населению и лишившая смысла взаимные разбойничьи набеги и планы завоевания Алеппо, которое султан считал своей первоочередной задачей, склонили Салах ад-Дина к тому, чтобы заключить с франками в мае 1180 г. перемирие на два года.

Кроме Зенгидов, владевших Алеппо и Мосулом, еще одним врагом Салах ад-Дина на севере был султан Кылыч Арслан II Иконийский. Помощь против него попросил у Салах ад-Дина Артукид Нур ад-Дин Мухаммед, эмир Хисн Каифы, у которого рум-сельджукский султан потребовал назад области, полученные эмиром в качестве приданого дочери Кылыч Арслана, которой тот пренебрег ради какой-то певички. Братья Артукиды, Нур ад-Дин Мухаммед и Абу Бекр Мардинский, были вассалами Зенгидов, и Салах ад-Дин был бы рад, если бы они стали его союзниками. Он привел на север большую армию, что произвело сильное впечатление на Кылыч Арслана и склонило его к миру. 2 октября 1180 г. недалеко от Самосаты Салах ад-Дином, Артукидами, Рубеном III Армянским, а также посланцами Кылыч Арслана II и Зенгидом Саиф ад-Дином Мосульским был заключен мир на два года.

В королевстве продолжала оставаться неотложной проблема выдачи замуж Сибиллы Иерусалимской. Нужно отметить, что значение Иерусалима в европейской политике сильно упало, и в соответствии с этим сильно понизился ранг женихов иерусалимской принцессы. Здесь можно вспомнить предложение графа Фландрского выдать замуж иерусалимских принцесс за сыновей его никому не известного вассала Робера де Бетюна. Давший было согласие стать ее мужем Гюг III Бургундский отказался от брака, так как, кроме развода с первой женой, ему нужно было лишиться своего герцогства. Тем временем Сибилла влюбилась в 43-летнего вдового Бодуэна д'Ибелена, среднего из трех братьев Ибеленов, привлекательного и мужественного воина. Семья Ибеленов, незнатного дворянского происхождения, выдвинулась в первые ряды дворянства королевства. Крепость Ибелен была передана госпитальерам, однако в руки Ибеленов – сначала Гюга, а после его смерти Бодуэна – перешла Рамла. Младший брат, Балиан, был мужем Марии Комнины и хозяином ее вдовьего надела – Набуса. Брак Бодуэна с Сибиллой вскоре должен был состояться при всеобщем его одобрении. Однако Бодуэн попал в плен при Мардж Оун. Сибилла писала ему в плен письма, заверяя в своей любви. Салах ад-Дин, зная об этом, выпустил его под честное слово, потребовав, правда, за него выкуп в 150 тысяч динаров, как за короля. Но когда Бодуэн прибыл к Сибилле, она сказала, что не сможет выйти за него, пока он не выплатит выкуп; суждение холодное, хотя и справедливое – достойное будущей королевы, но не любящей женщины. Бодуэн отправился в Константинополь, и Мануил, также видевший в нем будущего короля, щедро выплатил всю сумму выкупа. Однако, когда в начале весны 1180 г. Бодуэн вернулся в королевство, он узнал, что Сибилла уже обручена с другим.

В 1174 г. в Святую Землю прибыл Амори де Лузиньян, пятый из восьми сыновей крестоносца Гюга VIII де Лузиньяна. Мятельный род Лузиньянов постоянно поднимал восстания в Пуату (Аквитания) против своих герцогов, сначала против Генриха II Английского (он же – герцог), затем против его сына, Ричарда (Львиное Сердце). После подавления очередного восстания Амори и появился в Палестине. Он проявил себя хорошим солдатом, стал любовником матери короля Агнесы де Куртне, после смерти Онфруа II де Торона был назначен коннетаблем и женился на Эшиве, дочери Бодуэна д'Ибелена. При полном одобрении и поддержке Агнесы, которая терпеть не могла своих бывших родственников Ибеленов, как и они ее (ее муж Гюг д'Ибелен умер около десяти лет назад), он начал рассказывать Сибилле о своем младшем брате Ги, оставшемся в Пуату, о его молодости, красоте и силе, убеждая принцессу, что лучшего мужа ей не найти. Сибилла наконец попросила его привезти брата

в Палестину. Пока Бодуэн д'Ибелен был сначала в плену, а затем в Константинополе, Амори съездил во Францию и привез Ги. Сибилла нашла Ги более молодым и более красивым, чем Бодуэн д'Ибелен, как ей о том и говорили, и выразила желание выйти замуж за него.

Король Бодуэн больше всего боялся своего смещения и персонально – регента, графа Раймунда III. Поэтому он предпочел видеть мужем Сибиллы Ги де Лузиньяна, а не Бодуэна д'Ибелена, друга графа Триполитского. Под давлением сестры и матери он дал согласие на брак Сибиллы с Ги, хотя было видно, что этот слабовольный и взбалмошный молодой человек незнатного происхождения никоим образом не годится в короли. Несмотря на протест баронов, на Пасху, 20 апреля 1180 г., Ги был обвенчан с Сибиллой и возведен в графы Яффы и Аскалона. Чтобы как-то примирить Ибеленов и Куртне, которых поддерживал Рено де Шатийон, король в октябре 1180 г. обручил свою сводную сестру Изабеллу, падчерицу Балиана д'Ибелена, с сыном Стефании Трансиорданской от первого брака, Онфруа IV де Торон, теперешним пасынком Рено. Онфруа был внуком и наследником покойного коннетабля и наследником своей матери, владевшей Трансиорданией. Невесте было всего 8 лет, а жениху – примерно 14, и поэтому бракосочетание было отложено на три года. Онфруа, живший у своего отчима Рено, должен был оставить отцовское наследство Торон, который был передан Агнесе де Куртне.

Через несколько дней состоялись выборы патриарха взамен умершего 6 октября патриарха Амори. 16 октября капитул Иерусалима выставил на утверждение короля две кандидатуры: Гийома Тирского и, под давлением Агнесы де Куртне, Эракла Цезарейского, ее бывшего любовника. Король по требованию матери утвердил второго. Новой любовницей патриарха была жена купца из Наблуса, которую прозвали *мадам патриархеса*.

Теперь власть окончательно перешла в руки Жослена и Агнесы Куртне, Лузиньянов и их союзников, патриарха Эракла и Рено де Шатийона. Помимо того что возможным наследником престола стал Ги де Лузиньян, а его брат был коннетаблем, на стороне придворной партии был патриархат и она контролировала, вместе с коронными владениями, также графство Яффы и Аскалона, Трансиорданию, Сент-Авраам (владение де Шатийона) и Торон. Партия старых семей, к которой относились Раймунд III Триполитский и Ибелены, сохранила за собой в королевстве только Галилею, а также Рамлу и Наблус.

Гийом Тирский, влияния которого на короля боялись, так как он был его воспитателем, был удален из политики. В 1180 г. в Константинополь был послан не он, а Жослен, весной 1183 г. патриарх Эракл под каким-то предлогом

отправил его в церковное изгнание. Он отправился в Рим, чтобы принести жалобу папе, и умер там в 1186 г.

Следующий удар был нанесен по Раймунду III Триполлийскому. Когда он в начале 1182 г. хотел проехать из своего графства в Галилею, наследие своей жены, королевские чиновники запретили ему въезд, так как мать и дядя внушили королю, что он намеревается завладеть короной. Только после протеста баронов король отменил свое решение, принял Раймунда, и тот убедил его в своей невиновности.

Болезнь короля обострялась. У него начался паралич, он терял зрение. В 21 год он представлял живой труп. В 1182 г. он предложил свое отречение, выдвинув при этом неисполнимые условия: либо английский, либо французский король должен был при этом заместить его на иерусалимском троне. Король не доверял и Ги де Лузиньяну (будущему правителю или регенту при Бодуэне V после его смерти) и заставил его присягнуть, что при его жизни тот не будет требовать короны.

Глава 33

Объединение ислама

Упадок Византии привел в движение народы на подконтрольных ей территориях. Восстание против империи подняли во главе с двумя братьями, Петром и Асе-нем, болгары, валахи (румыны) и половцы (куманы). В ходе восстания после многих переменчивых сражений братья добились независимости и основали в 1186 г. Второе болгарское царство со столицей в Тырнове. Петр принял царский титул.

Одновременно с болгарским восстанием восстали сербы, окончательно отделившиеся от империи. Их предводитель – великий жупан Стефан Неманя – отделил от Византии Герцеговину, Черногорию и часть Сербии, основал сербское государство и объединился с болгарами и валахами в борьбе против греков. Вся область между Дунаем и Балканами была потеряна для империи.

Обрадовавшиеся упадку Византии Антиохия и армянские князья немедленно перессорились между собой. Женившийся в 1175 г. на внучатой племяннице императора Феодоре Боэмунд III развелся с ней сразу после смерти Мануила, взяв в жены беспутную женщину Сибиллу из Антиохии, о которой ходили слухи, что она платная шпионка Салах ад-Дина. Антиохийский патриарх Амори отлучил Боэмунда от церкви за нарушение брака, многие антиохийские дворяне, ненавидевшие Сибиллу, бежали к Рубену.

В конце 1182 г. восстание против Андроника поднял Исаак Комнин, внучатый племянник императора Мануила, византийский наместник Киликии. По указанию императора Андроника на него напал армянский князь Рубен III. Исаак Комнин, ища помощи у Боэмунда III, передал ему Тарс, но последний отдал Тарс вместе с Исааком Рубену. Это не спасло Боэмунда от войны с Рубеном. Тамплиеры выкупили Исаака у Рубена в надежде, что киприоты, симпатизировавшие наместнику Киликии, вернут им деньги. Исаак в 1185 г. отправился на остров, используя подложные документы, провозгласил себя сначала наместником, а затем императором Кипра, но долга тамплиерам, конечно, не вернул. Не имея хорошего флота, император Андроник не мог покончить с узурпатором. Потеря Кипра была серьезным ударом для Византии, так как остров был важным стратегическим пунктом и приносил большие доходы благодаря торговле с франкскими государствами. Боэмунд обманом арестовал Рубена, и тот передал ему за свое освобождение Мамистру и Адану. Освободившись, Рубен III вместе

со своим братом Львом напал на Антиохию, отобрал у Боэмунда III эти города и сделался хозяином всей Киликии.

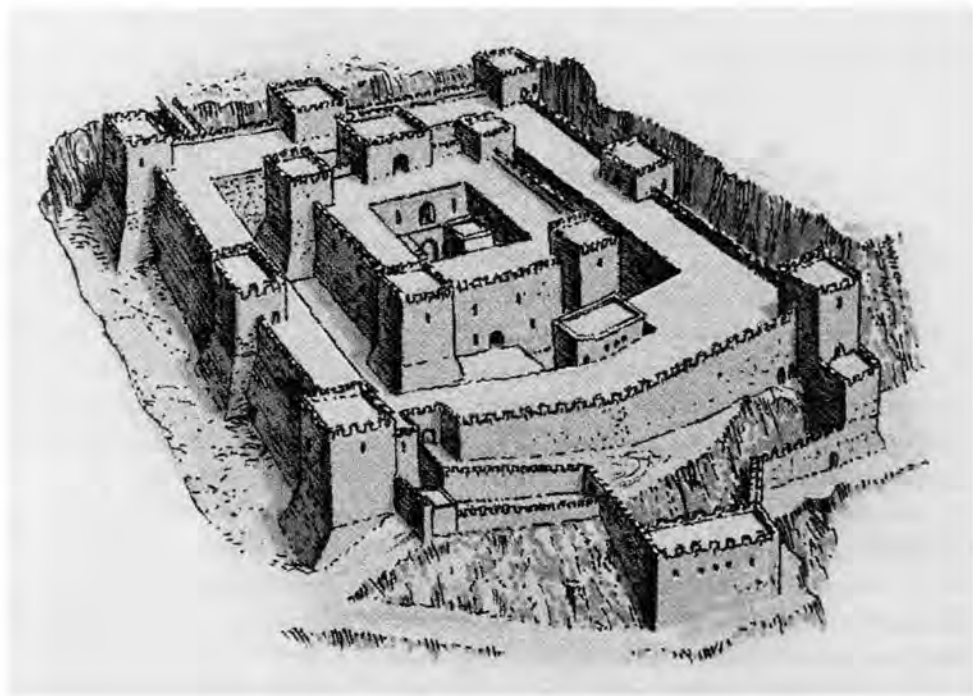
Упадок Византии и раздоры между армянскими князьями и Антиохией были на руку Салах ад-Дину, так как позволили ему беспрепятственно заняться королевством. Иерусалиму теперь необходимо было соблюдать перемирие 1180 г. и ожидать крестового похода, который мог бы коренным образом улучшить положение франков. Казалось, мир должен был вполне устраивать Рено де Шатийона, теперешнего сеньора Трансиордании, так как через его земли проходили караванные торговые пути, по которым везли товары из Сирии в Египет, а также индийские товары через Йемен в Египет и во франкские прибрежные города. Тут же пролегали пути паломников-мусульман в священные города ислама Мекку и Медину. Однако жадному и неосмотрительному разбойнику Рено его доходов от дорожных и складских пошлин, делавших его богатейшим сеньором королевства, было мало. Летом 1181 г. он с отрядом двинулся на юг, в Аравию, добрался до дороги из Дамаска и ограбил богатый караван, шедший в Медину. Его добыча составила колоссальную сумму в 200 тысяч золотых безантов. Кажется, он хотел пойти еще дальше и ограбить Медину, однако нападение на Трансиорданию войск наместника Салах ад-Дина в Дамаске, его племянника Фарук-шаха, заставило Рено вернуться обратно.

Для сохранения мира Салах ад-Дин потребовал от короля Бодуэна возмещения ущерба. Бодуэн признал требование справедливым, но не смог заставить разбойника подчиниться. Латинский хронист пишет: «Король дал знать Салах ад-Дину, что не смог ничего добиться, хотя высказал недовольство своему вассалу и требовал вернуть добычу. Однако владетель Керака ничего не желал слушать...». Через несколько месяцев полторы тысячи паломников, плывших на франкских кораблях, были вынуждены из-за шторма высадиться близ Дамьетты в Египте. Салах ад-Дин приказал заковать их в цепи и сообщил королю, что освободит их, если Рено возвратит захваченную добычу. Рено снова отказался.

Рено уговорил короля сосредоточить армию в Трансиордании, которой якобы угрожал удар из Египта. Напрасно этому противились Раймунд Триполлийский и Ибелены, говоря, что Палестина будет открыта ударам из Дамаска. И действительно в мае 1182 г. Фарукшах совершил грабительский набег на Галилею, пригнав в Дамаск 20 тысяч голов скота и тысячу пленных.

Тогда же, в мае 1182 г., Салах ад-Дин навсегда покинул Египет. Проведя в Дамаске три недели, он снова вместе с Фарук-шахом вторгся в Палестину. Осознавший свою ошибку и вернувшийся с армией в Палестину король встретил армию султана у крепости госпитальеров Бельвуар. Ожесточенное сражение закончилось вничью, обе стороны в конце дня отступили, и каждая объявила о своей победе.

В августе 1182 г. Салах ад-Дин совершил комбинированное, с суши и с моря с помощью египетской эскадры, нападение на Бейрут. Одновременность нападе-

Ил. 29. Замок Бельвуар в Галилее. Реконструкция

ния была достигнута с помощью голубиной почты между Дамаском и Каиром. Если бы султану удалось захватить крепость, королевство оказалось бы разрезанным на две части и, кроме того, Дамаск получил бы жизненно необходимый ему выход к морю. Мусульмане несколько раз штурмовали город, но Бейрут, обороной которого руководил епископ Одо, устоял. Нужно отметить, что у Салах ад-Дина, совершившего марш через Ливанские горы, не было с собой тяжелых осадных машин. При приближении королевской армии султан ушел в Дамаск.

Желание присоединить к своему государству земли Зенгидов в Сирии и Месопотамии заставило Салах ад-Дина предпочесть поход на север ведению джихада с франками.

В конце июня 1180 г. в Мосуле умер Зенгид Саиф ад-Дин, оставив маленького сына. Его наследником в соответствии с его волей стал его брат Изз ад-Дин. Через полтора года, в декабре 1181 г., в Алеппо умер 18-летний ас-Салих, единственный сын и наследник Нур ад-Дина, способный юноша, подававший большие надежды. Подозревали отравление. После смерти ас-Салиха власть в Алеппо взял Изз ад-Дин. Он женился на матери ас-Салиха и перевез его казну в Мосул. Салах ад-Дин, находившийся в Египте, хотя и пытался, не смог этому помешать.

Тем временем при поддержке командующего армией Алеппо Кукбури наместник Синджара Имад ад-Дин начал добиваться у своего брата Изз ад-Дина передачи ему Алеппо. Весной 1182 г. между ними был заключен договор, по которому Имад ад-Дин стал наместником Алеппо под верховенством брата, Изз ад-Дин возвратился в Мосул и в виде вознаграждения получил Синджар, а Кукбури стал наместником Харрана.

Салах ад-Дин обратился с посланием к новому халифу ан-Насиру, в котором утверждал, что предыдущим халифом аль-Мустади Алеппо был ему передан во владение, и обвинил Изз ад-Дина Мосульского в поддержании с франками и ас-сасинами союзнических отношений, переслав халифу в качестве доказательства несколько перехваченных писем. 19 сентября он прибыл с армией под Алеппо, но осаждать его не стал. В конце сентября закончилось двухлетнее перемирие между мусульманскими князьями. Откликаясь на приглашение Кукбури, наместника Харрана, Салах ад-Дин объявил, что правители тех областей, которые поддерживают его в борьбе против неверных, останутся на своих местах. Сразу по окончании перемирия он пересек Евфрат, захватил Сарудж, Эдессу и Насибин и подошел к Мосулу. 10 ноября 1182 г. началась осада Мосула.

Изз ад-Дин, в свою очередь, обратился к халифу с жалобой на Салах ад-Дина, обвиняя его в узурпации власти Зенгидов, и халиф попытался начать мирные переговоры между сторонами. Изз ад-Дин не бежал из Мосула, как предполагал Салах ад-Дин, а оказал энергичное сопротивление. Желание оказать помощь Мосулу выразили сельджуковский правитель Ирана и Артукид, эмир Мардина; в тылу у султана, в Алеппо, военную активность проявлял Имад ад-Дин. После четырехнедельной осады Мосула Салах ад-дин отступил к Синджару, который взял после двухнедельной осады в январе 1183 г. Гарнизону было разрешено свободно выйти из крепости. Таким образом, султан получил важный опорный пункт для борьбы с Мосулом. В конце февраля Салах ад-Дин распустил свои войска. Он продолжал забрасывать халифа своими посланиями, в которых обвинял Изз ад-Дина в союзе с франками и указывал, что для успешной борьбы с ними ему нужны войска Мосула.

В апреле 1183 г. Салах ад-Дин снова выступил в поход. Армия из Мосула, Алеппо и Мардина встретила с ним у Мардина, но, вместо того чтобы вступить в бой, Зенгиды предложили перемирие, и когда султан отверг предложение, их армия разбежалась. Салах ад-Дин не стал их преследовать, двинулся на север и после двухнедельной осады завоевал большую крепость Диарбакыр, которую передал принявшему его сторону Артукиду Нур ад-Дину из Хисн Каифы. После этого Артукиды из Мардина и Майяфаракина перешли от Зенгидов на его сторону.

Имад ад-Дин и Изз ад-Дин просили помощи у франков против Садах ад-Дина, и те пытались им помочь. Осенью 1182 г., когда Салах ад-Дин воевал в Джазире, внезапно умер его племянник Фарук-шах, наместник Дамаска. Воспользовав-

шись этим, король Бодуэн дважды – в ноябре, а затем в декабре – предпринимал нападения на Дамаск, в декабре он даже разбил лагерь в предместье Дамаска Даре, знаменитой своей мечетью. Франки не тронули мечеть, потому что в их лагерь явились христиане из Дамаска, предупредившие, что если что-нибудь случится с мечетью, пострадают все церкви в городе. Еще один поход на Дамаск король планировал совершить весной, но в начале года чуть не умер от лихорадки. За недостатком сил Боэмунд Антиохийский с Салах ад-Дином не воевал, он заключил с ним перемирие на четыре года.

В новых посланиях халифу ан-Насиру Салах ад-Дин расширил круг своих возможных завоеваний в случае, если бы халиф передал ему во владение Мосул. Теперь, помимо Иерусалима, он обещал завоевать Константинополь, Грузию и Магриб (северо-западная Африка, «Магриб» по-арабски – Запад).

21 мая 1183 г. Салах ад-Дин осадил Алеппо. Личная гвардия Нур ад-Дина неустрашимо обороняла город. Однако Имад ад-Дин предпочел договориться с султаном. 11 июня был заключен договор. Имад ад-Дин получил в лен от Салах ад-Дина ранее принадлежавший ему город Синджар, а также Насибин, Ракку и Сарудж, обязавшись поддерживать его войсками против франков. На следующий день над цитаделью, к удивлению жителей, взвились желтые знамена Салах ад-Дина. 17 июня Имад ад-Дин с личной охраной уехал в Синджар под насмешки толпы, недовольной легкостью, с которой тот отрекся от города. На следующий день Салах ад-Дин торжественно въехал в город. Он, как обычно, отменил все незаконные налоги на мусульман и ласково обошелся с личными гвардейцами Нур ад-Дина, в службе которых был заинтересован. Теперь вся Сирия, за исключением франкских государств, подчинялась ему.

В следующие несколько месяцев от Изз ад-Дина перешли под власть Салах ад-Дина несколько эмиров в Месопотамии. В июле или августе 1183 г. ан-Насир велел Салах ад-Дину подчинить непокорные власти халифа области и города в Месопотамии. Вместо этого султан поддержал эмиров этих городов против Изз ад-Дина. Таким образом, под власть Салах ад-Дина перешли города Хадита на Евфрате, Ирбиль на восток от Мосула и Джазира и Тикрит на Тигре, соответственно, на север и на юг.

После двух неудавшихся нападений, в 1183 и 1184 гг., на мощную крепость франков Керак в Трансиордании Салах ад-Дин заключил весной 1185 г. по инициативе Раймунда Триполитского перемирие с королевством на четыре года и получил свободу действий в отношении Мосула. В мае 1185 г. султан с армией пересек Евфрат и вскоре осадил Мосул, не обращая внимания на угрозы Кылыч Арслана II Иконийского и сельджукского султана Большой Армении. Летняя жара заставила его прекратить осаду и двинуться на север. Здесь он занялся покорением принадлежавших Мосулу земель. Чтобы усилить давление на верных

Изз ад-Дину эмиров, Салах ад-Дин передавал их воинские лены своим эмирам. Затем он завоевал Диарбакыр и Майяфаракин, которыми завладел рум-сельджукский султан, и в ноябре возвратился к Мосулу. Здесь в начале декабря он тяжело заболел лихорадкой. Он был доставлен в Харран к своему другу Кукбури, его брат аль-Адил, наместник Алеппо, прибыл туда с лучшими врачами. Думая, что умрет, Салах ад-Дин приказал своим эмирам принести клятву верности своим сыновьям. В конце февраля он начал поправляться.

4 марта 1186 г. Изз ад-Дин Мосульский покорился ему. Он отказался от власти над городами, изменившими ему – Хадитой, Джазирой, Тикритом и Ирбилем, в пользу Салах ад-Дина, признал его верховную власть над Мосулом и обязался помогать войсками в войне с франками за освобождение Иерусалима. Салах ад-Дин в это время находился в Хомсе, где эмиром был его двоюродный брат и зять Наср ад-Дин, сын Ширкуха. Во время болезни Салах ад-Дина он предпринял шаги, заставлявшие подозревать его в намерении стать султаном Сирии. На утро 5 марта, после церемонии празднования победы, Наср ад-Дин был найден мертвым в своей постели. Его 12-летний сын Ширкух II стал эмиром Хомса.

Теперь подвластная территория Салах ад-Дина включала в себя Сирию, Египет и Месопотамию и была такой же большой, как и у Нур ад-Дина, с той разницей, что Египет со всеми своими богатствами подчинялся ему. Багдадский халиф его поддерживал, рум-сельджукский султан Икония клялся быть верным другом и союзником. Сельджукские князья Востока из-за своей слабости не представляли угрозы. Византия была слишком немощна, чтобы обращать на нее внимание.

Глава 34

Король Ги де Лузиньян

Хотя король Бодуэн не умер от лихорадки, было ясно, что далее управлять страной он не может. Ноги его начали сохнуть, он почти полностью ослеп. Мать, сестра и патриарх Эраклъ в конце концов уговорили его в начале 1183 г. передать регентство Ги де Лузиньяну. За собой король оставил Иерусалим и 10 тысяч безантов годового дохода. Однако вскоре он начал подозревать в намерении сместить его также и Ги.

Тем временем Рено де Шатийон, сеньор Трансиордании, осуществил давно вынашиваемый план. Теперь ввиду непредсказуемости и агрессивности нового сеньора, отличавших его от его предшественников, Онфруа III де Торона и Мило де Планси, маршрут караванов передвинулся в пустыню и доходы от транзитных пошлин резко уменьшились.

Воспользовавшись тем, что осенью 1182 г. Салах ад-Дин повел армию на север против Зенгидов, Рено перевез на верблюдах к заливу Акаба части заранее построенных галер и там собрал их. Крепость Айла, захваченная в 1170 г. мусульманами, сдалась ему, но замок на острове Иль де Грей близ берега устоял. Рено с двумя галерами остался у острова, чтобы лишить защитников замка привозимой с берега воды. Вот как описывает намерения франков мусульманский хронист Имад ад-Дин: они хотели «проникнуть как можно дальше в [Красное] море и высадить отряд, который должен был перекрыть паломникам дорогу в Мекку. Франки собирались захватить побережье [у гор] Хиджаза и овладеть Землей Священных городов».

Утверждение арабского хрониста, что Рено хотел захватить Мекку и Медину, скорее всего, преувеличение. По всей видимости, он просто намеревался продемонстрировать, как велики его возможности, и тем самым заставить отступившие в глубь пустыни торговые и паломнические караваны вернуться на старые маршруты, где с них снова можно было бы собирать пошлины.

Несколько галер Рено под парусами двинулись к африканскому берегу, затем пошли по морю на юг, грабя по дороге малые прибрежные города, и захватили Айдхаб, большой верхнеегипетский порт. В порту они нашли торговые корабли с богатым грузом из Индии и Адена, а высаженный на берег отряд ограбил большой караван, шедший в Айдхаб из нижнего Египта. Затем они перебрались по морю к

аравийскому берегу, ограбили и сожгли торговые корабли в Рабиге, порту Медины, и, повернув на север, проделали то же самое с кораблями в Янбу и аль-Хауре, потом перехватили, ограбили и потопили большой корабль с паломниками, шедший в Джидду, порт Мекки. Весь мусульманский мир пришел в ужас и возмутился, даже Зенгиды в Алеппо и Мосуле, находившиеся в союзе с франками. Наместник Египта аль-Адил, брат Салах ад-Дина, получив известия о набеге франков, немедленно выслал против них флот под командой адмирала Хусам ад-Дина Лулу. Лулу сначала снял осаду с острова и овладел Айлой, откуда Рено уже успел уйти в Трансиорданию. Далее он пошел в Айдхаб, после чего перехватил флотилию Рено, шедшую домой с награбленной добычей, и разгромил ее, пленив часть франков. Затем, высадив отряд, догнал успевших добраться до берега и также взял их в плен. Из 170 плененных нескольких человек Лулу отправил в Мекку, где их подвергли пыткам, а затем торжественно казнили в присутствии паломников, а остальные были доставлены в Каир и Багдад, где они также были торжественно казнены. Так был выполнен приказ султана «не оставить ни единого глаза, видевшего дорогу к [Красному] морю, и ни единого человека, знающего или способного ее указать». Салах ад-Дин запретил всем немусульманам торговлю в Красном море и поклялся, что никогда не простит Рено.

В конце сентября 1183 г. Салах ад-Дин с большой армией пересек Иордан южнее Генисаретского озера, захватил Бейсан и послал отряды захватывать и грабить окрестности. В долине близ замка Ла Сефория у Сефорийских источников Ги де Лузиньян собрал все войска королевства, в числе которых были отряды Раймунда Триполийского, магистров госпитальеров Роже де Мулена и тамплиеров Арно де Ла Тур Ружа, Готье Гарнье Цезарейского, Рено Гарнье Сидонского, Рено де Шатийона и братьев Бодуэна и Балиана Ибеленов. К армии короля примкнули прибывшие с большими отрядами паломники Готфрид III Брабантский и Рауль де Молеон из Пуату. Шедший из Трансиордании отряд под командой молодого Онфруа IV попал в засаду у горы Гильбоа и был разгромлен. Самому Онфруа удалось спастись.

Салах ад-Дин разбил лагерь на юг от Назарета, у развалин древнего города Изреель, на юго-восточном входе в одноименную долину. 1 октября франки двинулись на юг по дороге в Тиверию и вошли в Изреельскую долину с северо-запада. Авангард под командой коннетабля Амори был атакован войсками султана, но выручен главными силами под командой Ибеленов. Франки разбили лагерь против лагеря Салах ад-Дина у Айн-Джалуда (прудов Голиафа). Пять дней армии простояли друг против друга. Паломники из Франции и Рено де Шатийон предлагали атаковать, однако Раймунд и Ибелены были категорически против, указывая, что армия должна находиться в обороне ввиду превосходства сил противника. Ги колебался. Салах ад-Дин снова и снова пытался спровоцировать атаку франков. Из-за недостатка продовольствия отряды султана начали разбегаться. Через пять дней Салах ад-Дин свернул лагерь и отступил.

Хотя тактика франков была правильной, Ги де Лузиньян подвергся насмешкам приближенных короля за нерешительность. По прибытии в Иерусалим Ги повздорил с королем, искавшим с ним ссоры. Причиной ссоры было нежелание Ги обменять город Тир, куда вдруг захотел переехать король, на Иерусалим. Король собрал совет баронов, в котором приняли участие Бозмунд Антиохийский, Раймунд Триполитский, Готье Гарнье Цезарейский и оба Ибелена, отстранил Ги от регентства под предлогом его трусости при Айн-Джалуде и снова взял правление в свои руки. Единственной заменой Ги на посту регента был Раймунд Триполитский. Чтобы помешать этому, Агнеса де Куртне предложила компромисс, принятый королем: он правит без регента, а его племянник Бодуэн возводится в короли. Этот компромисс фактически был на руку партии «придворных». 20 ноября 1183 г. 6-летний Бодуэн V был возведен в короли и принял присягу вассалов. Впервые в истории королевства наследник был коронован при жизни предшественника.

На совете баронов не было Рено де Шатийона. Он в это время женил своего 17-летнего пасынка Онфруа IV де Торона на 11-летней принцессе Изабелле. Свадьбу было решено отпраздновать в Кераке, наследником которого был жених. На свадьбу прибыло много гостей, среди которых были и противники партии «придворных» и Рено, в том числе мать невесты Мария Комнина, а также музыканты, шуты и плясуны. В разгар торжеств к замку подошла армия Салах ад-Дина. Сирийские крестьяне и пастухи пригнали стада в Керак, и многие укрылись в цитадели. 20 ноября к султану прибыли подкрепления из Египта, и он начал штурм города. Он прорвался в нижний город и завладел им. Рено с трудом спасся в замке. Он вместе с несколькими солдатами оборонял мост через ров между нижним городом и цитаделью, пока его не разрушили за их спиной.

Несмотря на осаду и обстрел из камнеметательных машин, свадьба в цитадели продолжалась. Мать жениха Стефания послала приветствие и угощение Салах ад-Дину. Он выяснил, в какой башне находятся новобрачные, и приказал не обстреливать ее: он относился с большим уважением к деду жениха, коннетаблю Онфруа II, по преданию, посвятившему его в рыцари.

Тем временем на выручку Керака двинулась королевская армия под командой Раймунда III Триполитского. Больной король потребовал, чтобы его везли при армии в паланкине. При приближении франков Салах ад-Дин снял осаду, разобрал осадные машины и 4 декабря 1183 г. ушел в Дамаск. Король был торжественно внесен в Керак. Свадебные гости смогли разъехаться. По приказу Рено Онфруа запретил своей жене видиться с матерью в Наблусе. Онфруа IV был красивым и образованным юношей, но мягким и невоинственным человеком, некоторые историки последнего времени намекают на его гомосексуализм.

Лишение Ги регентства Бодуэн IV посчитал недостаточным, весной 1184 г. он решил развести его с Сибиллой. Это сделало Ги чуть ли не мятежником. Он не

явился на Коронный совет. «Поскольку он не желал приехать, король объявил, что лично поедет за ним в Аскалон. В сопровождении баронов он подъехал к городу и увидел крепко запертые ворота. Монарх воззвал к правителю и приказал немедленно отпереть их. Трижды он стучал, но никто не явился выполнить его приказ. На стенах и башнях находились горожане, но они спрятались и, не двигаясь с места, ожидали развязки сего печального действия. Разгневанный Бодуэн IV покинул окрестности города» (Гийом Тирский). Яффа была отнята у Ги и передана под королевское управление. На собрании в Акре, где решался вопрос отправления посольства в Европу для организации крестового похода, патриарх Эракл и магистры тамплиеров и госпитальеров, которые намечались в послы, пробовали вступить за Ги, однако король гневно набросился на них и закрыл собрание. На следующем собрании вопрос состава миссии был решен, и патриарх Эракл и магистры Арно де Ла Тур Руж и и Роже де Мулен отправились в Европу.

В ноябре 1184 г. миссия встретила папу и императором Фридрихом в Вероне, а затем с королями Филиппом II и Генрихом II. Посланцы всеми были приняты с почетом, и император, и короли обещали отправиться в крестовый поход, но у каждого были свои причины, препятствовавшие взять крест немедленно. И Генрих, и Филипп отказались от предложенной им чести принять власть в Иерусалиме. Король Англии пообещал деньги в будущем, а пока, несмотря на просьбы послов, подтвердил запрещение тратить посланные им деньги до своего приезда в Святую Землю. Патриарх Эракл с горечью сказал: «Мы хотим князя, которому нужны деньги, а не денег, которым нужен князь». Единственным результатом посольства было то, что несколько рыцарей решили «отправиться по стезе Господней».

Осенью 1184 г. Ги де Лузиньян снова вызвал гнев короля. Он напал на бедуинов, которым было разрешено за небольшую плату королю пасти стада на аскалонских лугах, перебил их и взял скот себе. Это было нарушением перемирия, которое дорого могло обойтись королевству.

В начале 1185 г. Бодуэн IV подтвердил лишение Ги прав на корону и вторично назначил Раймунда III Триполитского регентом. Прежде чем согласиться, Раймунд поставил ряд жестких условий, потребовав в качестве вознаграждения Бейрут. Кроме того, он должен был остаться регентом в течение десяти лет – не только до совершеннолетия Бодуэна V, но и еще примерно на два года. В случае преждевременной смерти болезненного мальчика папа, германский император и короли Франции и Англии должны были решить, какая из дочерей короля Амори, Сибилла или Изабелла, имеют большие права на трон для себя и своих потомков. Раймунд отклонил для себя опеку над маленьким наследником, чтобы избежать подозрения в убийстве в случае его преждевременной смерти. (Нужно напомнить, что отца Раймунда II Триполитского и его самого уже подозревали в заказных убийствах.) Поэтому Жослен де Куртне, вдруг восплававший сердечной дружбой к Раймунду,

был назначен опекуном своего внучатого племянника, короля Бодуэна V. Таким образом, партия «придворных» потерпела поражение. К тому же 1 февраля 1185 г. умерла мать короля Агнеса де Куртне.

Собрание баронов поклялось выполнить волю короля. Среди собравшихся были вернувшиеся из Европы патриарх Эракл и магистр госпитальеров Роже де Мулен и новый магистр тамплиеров Жерар де Ридфор. Старый магистр, Арно де Ла Тур Руж, умер на обратном пути. Бодуэн V был доставлен в церковь Гроба Господня и там вторично коронован патриархом на руках у Балиана д'Ибелена.

Выборы магистра тамплиеров состоялись в большом зале Храма Соломона в Иерусалиме и прошли в ожесточенном противоборстве сторонников двух кандидатов – Жерара де Ридфора и Жильбера Эраля, командора Иерусалима и казначея ордена. С небольшим перевесом победил первый. За него проголосовали молодые выборщики и сторонники умершего в плену магистра Одо, покровительствовавшего ему. Удалившийся в Европу Жильбер стал магистром впоследствии, в 1194 г. Жерар де Ридфор был последним магистром, избранным в Храме Соломона.

Некоторое время спустя, в марте 1185 г., умер несчастный прокаженный король Бодуэн IV, ему было только 24 года. Он был похоронен в церкви Гроба Господня. Он был способным и мужественным человеком, однако болезнь и связанная с ней боязнь отстранения от трона деформировали его характер, сделали его подозрительным, видевшем соперников в каждой значительной фигуре около себя и бесильным против влияния и интриг корыстной и развратной матери и бессовестного дяди. Ему повезло по крайней мере в том, что он не дождался падения Иерусалима.

Раймунд III Триполитский собрал баронов на совет, чтобы определить политический курс страны. Зимой не было дождей, и стране грозили неурожай и голод. Всем было ясно, что страна не сможет выдержать войны и нужно ждать нового крестового похода. Бароны согласились с предложением Раймунда о четырехлетнем перемирии с Салах ад-Дином.

Единственным значительным крестоносцем, прибывшим в Святую Землю в это время, был старый маркиз Вильгельм Монферратский, дед короля Бодуэна V, получивший лен в Галилее. Его второй сын Конрад отправился следом за ним, но по дороге задержался в Константинополе, где несколько лет назад по приказу Андроника был убит его младший (третий) брат Райнер. Император Исаак II Ангел взял его к себе на службу. В 1186 г. перед Константинополем Конрад разбил мятежников во главе с Алексеем Враной, которого убил собственноручно, и получил в награду от императора Исаака Ангела руку его сестры и титул кесаря. В дальнейшем он поссорился с императором, был замешан в убийстве какого-то придворного и летом 1187 г. с небольшой группой французских рыцарей-паломников отплыл в Святую Землю.

Салах ад-Дин, обеспокоенный враждебностью Изз ад-Дина Мосульского, согласился на перемирие. Были возобновлены торговые связи между мусульман-

скими и христианскими купцами. Приток зерна с востока спас королевство от голода.

Однако судьба была неблагоприятна к королевству: в конце августа 1186 г. в Акре, немного не дожив до девяти лет, умер король Бодуэн V. Регент Раймунд III Триполитский и сенешаль Жослен де Куртне находились в Акре. Жослен, которому Раймунд полностью доверял, уговорил его отправиться в Тиверию, чтобы созвать там Коронный совет, который должен был бы подтвердить последнюю волю короля Бодуэна IV, и чтобы патриарх не смог этому помешать. Напомним, речь шла о том, что Раймунд Триполитский должен был остаться регентом королевства, а судьбу короны должны были решить прибывшие в Святую Землю император Фридрих и короли Франции и Англии. Сам же он, сказал Жослен, отвезет тело маленького короля в Иерусалим, чтобы похоронить в церкви Гроба Господня. Когда Раймунд уехал, Жослен послал свои войска занять Тир и Бейрут и остался в Акре, где провозгласил королевой Сибиллу. Тело короля под охраной тамплиеров он отправил в Иерусалим и вызвал в Акру Рено де Шатийона с войсками из Керака, а также Сибиллу и Ги де Лузиньяна из Аскалона.

Когда Раймунд III обнаружил, что обманут, он собрал в Наблусе в замке Ба-лиана д'Ибелена Коронный совет. Здесь присутствовали Балиан и его жена, бывшая королева Мария, ее дочь Изабелла с мужем Онфруа IV де Тороном, Бодуэн Рамлейский, Готье Гарнье Цезарейский, Рено Гарнье Сидонский и все коронные ленники, за исключением Рено де Шатийона. Совет отклонил провозглашение Сибиллы королевой и послал в Иерусалим двух монахов-цистерцианцев, чтобы напомнить заговорщикам о клятве, которую они дали Бодуэну IV, и запретить им дальнейшие действия.

Конечно же, заговорщики не послушали монахов. Войска сенешаля Жослена, коннетабля Амори и Рено де Шатийона были на стороне Сибиллы, патриарх Эраклъ и орден тамплиеров ее поддерживали, ее сторонники владели Иерусалимом и морскими портами. Население Иерусалима в массе своей также было на стороне Сибиллы: она символизировала наследственное право, ее брат и сын были королями. Было только одно «но». Большинство ее сторонников не любило и презирало ее мужа, Ги де Лузиньяна, и не хотело видеть его королем. Ссылаясь на решение Бодуэна IV и на государственные интересы, они потребовали от Сибиллы перед коронацией развестись с Ги. Сибилла согласилась, но поставила встречное условие: после коронования она сама выберет себе мужа. Ее требование было принято.

Были закрыты городские ворота и выставлены посты, чтобы отразить возможную атаку баронов. Корона, скипетр и держава хранились в специальном ларце, от которого было три ключа: у патриарха и обоих орденских магистров. Роже де Мулен, магистр госпитальеров, один оставался верным клятве королю Бодуэну IV, но и он в конце концов, с выражением отвращения на лице, выбросил

свой ключ из окна возбужденной толпе, требовавшей передать ей его. Ни он, ни госпитальеры в коронации не участвовали.

19 сентября 1186 г. немедленно, как только закончились приготовления, состоялась коронация. Сразу после своей коронации и помазания Сибилла потребовала короновать второй короной Ги де Лузиньяна, напомнив, что за ней — право выбора мужа. Она вызвала Ги вперед, он преклонил колени, и она возложила корону на его голову. После этого патриарх помазал и Ги. Возможно, помимо любви к Ги, ее заботила легитимность рождения ее общих с ним дочерей. После этого собравшиеся принесли клятву верности новым королю и королеве. Выходя из церкви, де Ридфор воскликнул: «Эта корона вполне стоит свадьбы в Ботруне». «Он не пробудет королем и года», — сказал в Наблусе Бодуэн д'Ибелен, узнав о коронации Ги.

Бодуэн д'Ибелен заявил на Коронном совете, что не будет служить такому королю, как Ги, и не останется в стране и посоветовал другим баронам сделать то же самое. Раймунд III Триполитский в ответ на это предложил короновать присутствующих в Наблусе принцессу Изабеллу и Онфруа де Торона и, объединив войска всех баронов, идти на Иерусалим. Против такой армии соперники не смогут устоять. Он поручился, что пока он — регент, Салах ад-Дин не начнет войны. Бароны поклялись быть на его стороне, даже в случае гражданской войны.

Однако Онфруа вовсе не хотел быть королем и стать причиной гражданской войны. Он выбрался из Наблуса и поскакал в Иерусалим. Там он рассказал обо всем Сибилле и Ги и принес им клятву верности. Он вел себя «подобно ребенку, пойманному с поличным», — пишет хронист.

Измена Онфруа разрушила планы баронов. Раймунд III Триполитский освободил их от клятвы, и они один за другим, включая Балиана д'Ибелена, потянулись в Иерусалим и принесли там присягу Ги и Сибилле. Бодуэн д'Ибелен оставил свои земли сыну Тома и поступил на службу к Боэмунду III Антиохийскому, который выделил ему лен гораздо больший того, что был у него в королевстве. Следом за ним перебрались в Антиохию и другие малые сеньоры. Боэмунд не скрывал своих симпатий к Раймунду. Раймунд не явился к королю Ги, и у него был отнят Бейрут. Он ушел в Галилею, владение своей жены, и также дал клятву никогда не служить Ги. Измена Онфруа отвратила Раймунда III Триполитского и от Изабеллы и привела к мысли, что он, внук короля Бодуэна II, — единственный достойный кандидат на королевский трон.

Среди сторонников Ги на первый план вышел Жослен. Он получил во владение Торон, и его старшая дочь должна была выйти замуж за Амори де Лузиньяна, брата короля, для чего тот должен был развестись с дочерью Бодуэна д'Ибелена; развод и свадьба, однако, не состоялись. Рено де Шатийон остался менее остальных довольным полученным.

Глава 35

Катастрофа

1. Хаттин

Перемирие, заключенное между королевством и Салах ад-Дином, дало возможность большим караванам беспрепятственно двигаться между Египтом и Дамаском через франкские земли. Посчитавший себя обделенным при раздаче наград и в грош не ставивший короля Ги Рено де Шатийон не мог это вынести. В конце 1186 г. из Каира в Дамаск вышел большой караван. Когда он проходил мимо Керака, на него внезапно напал Рено, перебил охрану и увел добычу в город. Салах ад-Дин потребовал от короля Ги возмещения ущерба. Рено оставил без внимания приказ короля вернуть награбленное. Он заявил, что у него в Трансиордании нет перемирия с сарацинами и что он такой же хозяин своей земли, как король своей. Это было неслыханным унижением короны. Война с мусульманами стала неизбежной.

В преддверии войны Боэмунд III Антиохийский возобновил свое перемирие с Салах ад-Дином. Раймунд III Триполитский также заключил с ним перемирие для собственного графства и для княжества Галилея, принадлежавшего его жене, даже если верховный сеньор княжества, король, будет вести войну с султаном. Более того, султан пообещал поддержать намерение Раймунда самому стать королем. От соглашений Боэмунда и Раймунда с Салах ад-Дином сильно пахло изменой.

Подстрекаемый де Ридфором Ги распорядился собрать войска в Назарете, чтобы еще до начала войны с султаном подчинить себе Галилею. Войну короля с вассалом, графом Раймундом, остановил Балиан д'Ибелен. Он прибыл в лагерь короля и спросил, что тот собирается делать. Узнав, что король намерен осадить Тиверию, Балиан назвал это намерение безумным, так как войск у графа было не меньше, чем у короля, и к тому же он мог рассчитывать на поддержку султана. Балиан вызвался быть посланцем к Раймунду, чтобы просить его присоединить свои войска к войскам королевства, что станет возможным, если графу вернут Бейрут. Королю цена показалась слишком высокой. Когда стало известно о военных приготовлениях Салах ад-Дина, Балиан снова высказался за примирение с графом Раймундом: «От Вас ушел мой брат Бодуэн, лучший воин королевства, если теперь Вы потеряете помощь и совет графа Раймунда, Вы – конченный человек». Король, как он всегда это делал, согласился с решительно говорившим

человеком. Договорились, что к Раймунду с просьбой уладить дело миром и присоединиться к королю отправится посольство, состоящее из Балиана, Иосии, архиепископа Тирского, и магистров госпитальеров и тамплиеров. Было важно, что одним из послов будет де Ридфор, злейший враг Раймунда III. Посольство отправилось из Иерусалима 29 апреля 1187 г. Балиан отстал от посольства в Наблусе для решения некоторых хозяйственных дел. 30 апреля граф Раймунд III в Тиверии принял посланца от молодого аль-Афдала, сына Салах ад-Дина. Тот командовал лагерем у Банияса и просил разрешения отряду мамлюков под командой эмира Кукбури пересечь земли графа, чтобы по распоряжению султана провести разведку в Палестине. Они должны были пересечь границу рано утром и возвратиться назад перед наступлением темноты. Связанный перемирием и личными отношениями с Салах ад-Дином граф не мог отказать, но немедленно послал гонца в Назарет предупредить посольство и других гонцов оповестить своих людей, чтобы они вместе со стадами находились внутри стен и не пугались.

Прибыв в Назарет, посольство получило известие от Раймунда III, что границу пересек с разведывательными целями большой отряд мусульман. Рамунд советовал посольству переждать день в Назарете. Архиепископ Иосия остался в городе, а магистры вместе с отрядом из 10 госпитальеров, 70 тамплиеров и 40 рыцарей-мирян 1 мая пустились в путь. С холма у Назарета они увидели 7 тысяч мамлюков, поивших коней в долине. Маршал Ордена тамплиеров Жак де Майи и магистр госпитальеров Роже де Мулен посоветовали Жерару де Ридфору вернуться в город. Де Ридфор в ярости отвернулся от магистра Роже и набросился на своего подчиненного, маршала Жака де Майи: «Ты хочешь удрать! Ты слишком любишь свою светловолосую голову, чтобы рискнуть ею!». Тот отвечал: «Я погибну в сражении, как честный человек, ты же повернешь поводья, как предатель!». В произошедшем бою погибли все орденские рыцари вместе с магистром госпитальеров, светловолосая голова пала одной из последних, часть светских рыцарей попала в плен. Спаслись лишь три тамплиера, и среди них Жерар де Ридфор; раненый, он ускакал в Назарет. Французский историк М. Мельвиль сказала о де Ридфоре: «Он не выказывал ни малейших военных способностей, однако проявлял твердое намерение выжить во всех катастрофах, которые сам вызывал».

Балиан и де Ридфор встретились в Назарете. Де Ридфор, ссылаясь на раны, отказался от дальнейшего путешествия. Балиан вместе с одним епископом прибыли в Тиверию. Они застали Раймунда в отчаянии: мимо замка проехали мамлюки с головами орденских рыцарей на копьях, и граф считал себя виновником произошедшего. Раймунд III расторг свой договор с Салах ад-Дином и прибыл в Иерусалим, где Ги дружественно принял его. Граф примирился с королем и подчинился ему.

Было известно, что в Хауране, по ту сторону Иордана, Салах ад-Дин собирает большую армию. В мае, пока собирались войска, султан вышел навстречу каравану

ну, идущему из Мекки, с которым возвращалась его сестра со своим сыном, чтобы сопроводить его и защитить от возможного нападения Рено де Шатийона. Войска стекались к султану из Алеппо, Мосула, Харрана, Мардина и других городов Сирии и Месопотамии.

На другой стороне Иордана, в Акре, собирал войска король Ги. Прибыли госпитальеры и тамплиеры, горевшие желанием отомстить за своих товарищей, павших 1 мая, оставив только небольшие гарнизоны в своих замках. Боэмунд III Антиохийский послал своего сына Раймунда с пятьюдесятью рыцарями к Раймунду III Триполийскому и обещал в скором времени дополнительно выслать войска под командой Бодуэна д'Ибелена. Привели войска все вассалы короны, в том числе Рено де Шатийон и Онфруа IV де Торон. Жерар де Ридфор передал Ги деньги Генриха II (часть денег он уже истратил сам), которые король Англии ежегодно посылал в Палестину, но в 1182 г. запретил расходовать до своего прибытия в Святую Землю. На эти деньги Ги нанял солдат, которые шли под знаменем с гербом английского короля. Кроме ленной армии, было собрано ополчение по указу о всеобщем призыве. Всего собралось свыше 18 тысяч человек, в том числе 1200 рыцарей, около 4 тысяч легкой конницы из ленов и туркополов, остальная армия была представлена пешим народом. Патриарх Эракл сам не прибыл, так как, как говорили злые языки, «ему трудно было покинуть возлюбленную», но доверил Святой Крест епископу Акры. Это была самая большая армия, которую когда-либо выставляли в поле франкские государства Заморья.

Армия Салах ад-Дина насчитывала не менее 25 тысяч и превосходила франков по численности, в особенности по коннице, которой у него было 12 тысяч. Это также была самая большая армия, которую султан когда-либо выводил в поле. 25 июня в Хаурани Салах ад-Дин провел смотр армии. Сам он командовал центром, его племянник Таки ад-Дин – правым флангом, а эмир Кукбури – левым.

1 июля султан переправился через Иордан и на следующий день стал лагерем в 10 километрах к западу от Генисаретского озера, в то время как его войска овладели Тиверией. Эшива, княгиня Галилейская, жена Раймунда III Триполийского, с небольшим гарнизоном удерживала городскую цитадель, о чем сообщила мужу, послав гонца.

При известии о переходе султана через Иордан Ги собрал в Акре совет. Граф Раймунд III сказал, что нужно ограничиться обороной и ждать подкреплений из Антиохии. Немыслимо наступать по июльской жаре. Султан не сможет долго находиться на высохшей земле и будет вынужден возвратиться. Большинство участников совета были согласны с ним. Однако Рено де Шатийон и магистр де Ридфор обвинили графа в том, что он трус и предатель, и король Ги отдал приказ выступать на Тиверию.

2 июля 1187 г. франки разбили лагерь у замка Ла Сефория, здесь были источники с питьевой водой и луга для выпаса лошадей. Как и в октябре 1183 г., Салах

ад-Дин не осмелился бы атаковать их здесь. Вечером прибыл гонец от княгини Галилейской. Король Ги снова собрал совет. Гюг Галилейский, старший пасынок графа Раймунда, со слезами на глазах просил прийти на помощь его матери. Несколько баронов поддержали его. Затем выступил Раймунд III Триполийский. Он повторил все, что говорил в Акре, но еще более настоятельно. «Тиверия принадлежит мне, так же как моя жена и мое достояние, и никто не потеряет больше меня, если цитадель будет захвачена. Однако пусть лучше будет потеряна Тиверия, чем погибнет королевство», — закончил он. Он убедил совет, разошедшийся в полночь. Было решено оставаться у Ла Сефории.

Когда бароны разошлись, в шатер короля возвратился магистр Жерар. «Сир, — сказал он, — как же Вы доверяете предателю? Он дал Вам такой совет, чтобы Вас опозорить. Великий стыд и позор падут на Вас, если Вы позволите захватить город в шести лье от себя». Час назад убежденный Раймундом Ги сейчас дал магистру переубедить себя. Он послал в лагерь герольдов с приказом выступать на рассвете. Почему же де Ридфор настаивал на походе? Почему Ги так легко дал себя уговорить? Кое-кто из исследователей считает, что решение магистра было продиктовано растратой английских денег, что могло закончиться позорным изгнанием из ордена, и надеждой, что победа все оправдает. Что касается Ги, он, возможно, вспомнил аналогичную ситуацию 1183 г., когда его обвинили в трусости.

От замка Сефория к Тиверии вели две дороги: одна — северная — выходила к озеру в двух километрах севернее Тиверии. Другая вела к деревне Сеннабра у южной оконечности озера и там разветвлялась — на север по берегу озера и на восток к мосту через Иордан. Лагерь Салах ад-Дина располагался на дороге от развилки у Сеннабры до моста.

Франки двинулись по северной дороге, через безлесное лишенное источников воды галилейское нагорье. Узнав об этом, Салах ад-Дин повел свою армию на север к деревне Хаттин, где дорога из Сефории начинала спускаться к озеру. У Тиверии он присоединил к себе войска, осаждавшие цитадель, оставив только часть их, необходимую для блокирования осажденных, и повел армию дальше, к деревне Хаттин. Там были большие луга и обилие воды, и султан разбил лагерь у деревни.

Авангардом франков командовал граф Раймунд, главными силами — король, в арьергарде под командой де Ридфора, Балиана и Рено де Шатийона шли рыцарские ордены и войска из Трансиордании. Пятница 3 июля была жарким днем. От жары и отсутствия воды одинаково страдали люди и животные. Легкоконные мусульманские лучники беспрерывно нападали на колонну франков со всех сторон, отскакивая назад, прежде чем франки подготовят контратаку. К послеобеденному времени франки добрались до холма, который назывался Рога Хаттина. Холм был тридцати метров высотой, с двумя невысокими скальными выходами из земли с закругленными вершинами, похожими на рога молодого быка.

У холма тамплиеры дали знать королю, что дальше сегодня идти не могут, и король приказал остановиться у холма на ночь. Несколько баронов убеждали короля броситься вперед и пробиться к озеру, но король не отменил приказ. Узнав об остановке, из авангарда прискакал граф Раймунд. «Мы обречены, королевству конец», – произнес он.

Лагерь был разбит у подножия холма, где был старый колодец, однако тот оказался высохшим. Ночь христиане провели без воды, слушая в унынии молитвы и песни, доносившиеся из мусульманского лагеря. Ночью несколько солдат пошли по воду и были убиты. Чтобы увеличить мучения франков, султан приказал поджечь сухой кустарник вокруг их лагеря, и лагерь заволокло жаркими клубами дыма.

4 июля перед рассветом войска Салах ад-Дина плотно окружили лагерь: «Даже кошка не смогла бы выскользнуть незамеченной». Утром, в то время как рыцари строились перед сражением, пехота, умиравшая от жажды, потеряв голову и не слушая приказов, попробовала всей массой пробиться к озеру, сверкавшему водой внизу. Со всех сторон на нее напали мусульмане, многие франки были убиты, многие взяты в плен. Рыцарская конница атаковала мусульман. Раймунд по приказу короля со своими людьми атаковал отряды, которыми командовал Таки ад-Дин. Таки приказал своим расступиться, чтобы пропустить их, и затем снова сомкнул ряды. У графа и его людей не было возможности прорваться к своим, и они, испытывая отчаяние, поскакали в Триполи. Немного позднее через ряды мусульман удалось пробиться Балиану д'Ибелину и Рено Гарнье Сидонскому. Больше никто из окружения не вышел.

Однако франки продолжали сражаться, постепенно отступая наверх на холм, к Рогам. Красный шатер короля был перенесен на вершину холма, и там рыцари собирались вокруг короля Ги. Молодой сын Салах ад-Дина аль-Афдал во время сражения находился рядом с отцом. Много лет спустя он рассказывал: «После того как франкский король отступил на вершину холма, его рыцари сделали геройскую атаку и отогнали наших людей туда, где находился отец. Я видел его замешательство. Он побледнел, ухватил себя за бороду, устремился вперед и закричал: “Покарай их, дьявол!”. Тогда наши люди бросились на врагов, и они снова отступили на холм. Увидев бежавших франков, я радостно закричал: “Мы обратили их в бегство!”. Однако они вторично атаковали и оттеснили наших людей к месту, где стоял отец. Снова он погнал наших людей вперед, и снова они оттеснили врагов наверх, на холм. Я снова закричал: “Мы обратили их в бегство!”. Однако отец обернулся ко мне и сказал: “Помолчи. Пока наверху еще стоит шатер, мы не победили”. В этот момент шатер рухнул. Тогда отец сошел с коня, поклонился до земли и поблагодарил Бога со слезами на глазах».

Епископ Акры погиб в бою, Святой Крест, украшенный драгоценными камнями, достался мусульманам. Когда победители поднялись на холм, они нашли

рыцарей лежавшими и сидевшими на земле, слишком усталыми, чтобы сражаться, многие из них были ранены. Короля Ги, его брата-коннетабля Амори, Рено де Шатийона и его пасынка Онфруа де Торона, магистра тамплиеров, старого маркиза Монферратского, владетелей Жибле и Ботруна и много мелких баронов провели в просторный шатер султана. Тот милостиво их приветствовал, предложил королю Ги сесть рядом и передал ему кубок шербета из розовой воды, охлажденного снегом с горы Хермон. Ги немного выпил и передал кубок Рено, стоявшему рядом. Если пленному предлагали еду или питье, по мусульманским обычаям это означало, что ему будет сохранена жизнь. Султан сказал переводчику: «Скажи королю, что это он подал питье этому человеку, не я». О том, что было дальше, хронисты рассказывают по-разному. Одни говорят, что, когда Салах ад-Дин спросил Рено, что бы он с ним сделал, если б султан попал к нему в плен, тот ответил, что немедленно отрубил бы голову. Другие говорят, что в ответ на упреки султана в многочисленных разбоях, предательствах и нарушениях слова Рено лишь пожал плечами и презрительно сплюнул. Так или иначе, Салах ад-Дин выхватил саблю, кинулся на Рено и разрубил ему плечо. Подскочившие стражники-мамлюки тут же отрубили голову старому разбойнику. Ги содрогнулся, подумав, что будет следующим, но Салах ад-Дин успокоил его: «Король не убивает короля».

Затем он приказал не обижать пленных баронов. Это не помешало ему через два дня отдать 230* пленных госпитальеров и тамплиеров в руки суфиев, приверженцев еретического мистико-аскетического направления в исламе, добровольно присоединившихся к армии султана, неумелых, но исполненных рвения палачей. Орденских рыцарей запытали, привязав к столбам. Перед пытками Салах ад-Дин предложил сохранить им жизнь при условии «поднять палец и принять закон», то есть перейти в ислам. За исключением пощаженного Жерара де Ридфора, видимо, тайне от пленных христиан «поднявшего палец», никто из них не согласился перейти в ислам. Пленные были доставлены в Дамаск, и бедняки, выкуп за которых не ожидался, проданы на рынках рабов. Цена одного раба упала до трех динаров.

Теперь задачей Салах ад-Дина было завоевать франкские крепости Святой Земли. Эта задача облегчалась тем, что гарнизоны крепостей были значительно ослаблены всеобщим призывом в армию. Султан ускорил и облегчил себе завоевание, разделив армию на корпуса и в случае капитуляции предоставляя свободный выход гарнизоном и жителям городов и замков. Сыграло роль и то, что франки доверяли его слову.

5 июля, поняв, что помощи ждать неоткуда, Эшива, графиня Триполійская, сдала цитадель Тиверии. Султан оказал ей воинские почести, которых она

---

* Это составляло примерно 40 % от немногим менее 600 орденских рыцарей, участвовавших в сражении. За исключением нескольких спасшихся человек, все остальные погибли в бою.

заслуживала, и разрешил ей со всеми людьми отправиться в Триполи. В это же время один из его эмиров штурмом взял Назарет, оказавшие сопротивление жители были проданы в рабство.

8 июля 1187 г. султан был уже под стенами Акры, по сути дела, главного города Иерусалимского королевства. Мусульманский путешественник из Гранады в Испании Ибн Джубайр, посетивший Акру осенью 1184 г., в своем дневнике так описывает город: «Аккон [Акра], пусть Бог уничтожит в нем христиан и возвратит его мусульманам, – столица франкских городов в Сирии, место, где корабли возвышаются в морях, как знаменья, – порт для всех кораблей. По своей величине он схож с Константинополем. Он является сборным пунктом для кораблей и караванов, местом встречи мусульманских и христианских купцов со всех стран света. Его дороги и улицы заполнены толпами людей, так что тяжело поставить ногу на землю. Неверие и неблагочестие царят там, свиньи [христиане] и кресты там в изобилии. Он зловонен и грязен, полон отбросов и испражнений. Франки похитили его из мусульманских рук в [последнем] десятилетии [V] века от хиджры* [в 497 г., что соответствует 1104 г. от Р. Х.]. Глаза мусульман были полны слез, это было их огорчением. Мечети стали церквями, минареты – колокольнями. Однако Бог [Аллах] позволил не загрязнить часть главной мечети. Она осталась как маленькая мечеть в руках мусульман. Там могли собираться чужие [мусульманские путешественники], чтобы исполнить долг молитвы».

Жослена де Куртне, сенешаль королевства, командовавшего в Акре, прежде всего интересовала личная безопасность. Он отправил к султану посланца с предложением сдать город, если будет гарантирована безопасность жизни и имущества горожан. Жителей города, обладавшего мощной системой укрепления и большой гаванью, обеспечивавшей связь с христианским миром, эта позорная сдача возмутила. Их восстание было подавлено, и 10 июля город был сдан. Салах ад-Дин предоставил населению покинуть Акру или покориться ему, выплачивая подушную подать (*джизью*), однако большинство жителей, не доверяя ему, убежало морем. В городских складах была взята огромная добыча, розданная солдатам сыном султана аль-Афдалом, которому был передан город. Эти денежные средства, безусловно, позднее пригодились бы султану.

Оставшись в Акре, Салах ад-Дин вызвал к себе египетский флот, чтобы помешать возможной помощи франкам из Европы. Затем султан послал войска под командой племянника Таки ад-Дина завоевывать города к северу от Акры, а другую часть войск – на юг, навстречу брату аль-Адилу, вторгшемуся в королевство из Египта. Сам султан, оставшись в Акре, послал войска для завоевания городов

---

* Хиджра (арабск. переселение, уход) – переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. В середине VII в. начало этого года принято в качестве точки отсчета мусульманского летосчисления.

и замков Самарии и Галилеи. Были завоеваны Самария*, Бейсан, Иерихон и Наблус, в котором гарнизон Балиана продержался несколько дней. Замок Торон сдался Таки ад-Дину после двухнедельной осады, однако перед Тиром племяннику султана пришлось задержаться.

Яффа, осажденная аль-Адилем, не хотела сдаваться и была взята штурмом, жители были проданы в рабство. В короткое время были взяты штурмом также Хайфа, Цезарея и Арсуф, их население также не избежало рабства. Газа и Аскалон продолжали оказывать сопротивление.

После того как были завоеваны Самария и Галилея, Салах ад-Дин двинулся к Тиру. Большинство спасшихся при Хаттине вместе с Балианом укрылись в нем. Мощные стены делали город почти неприступным, его оборонял сильный гарнизон. После нескольких дней осады Салах ад-Дин двинулся дальше на север. Сидон капитулировал без сопротивления 29 июля, его владеец Рено Гарнье укрылся в своем крепком замке Бофор. Бейрут, несколько дней ожесточенно сопротивлявшийся, капитулировал 6 августа. Жибле (Джубейль) сдался без боя через несколько дней по приказу своего сеньора Гюга де Жибле, за что султан освободил его из плена.

От Жибле Салах ад-Дин повернул на юг и двинулся мимо не взятого у франков Тира к Аскалону. Аскалон был важным стратегическим пунктом на подступах как к Иерусалиму, так и к Египту. 23 августа султан был у Аскалона. По его приказу туда привезли из Дамаска короля Ги и магистра Жерара де Ридфора.

Видимо, по примеру Жибле Салах ад-Дин хотел овладеть городом в обмен на их освобождение. Ги и Жерар обратились к горожанам с торжественными речами, предлагая сдаться, и услышали в ответ оскорбления. Город храбро оборонялся, и султан потерял там двух эмиров. Однако когда султан стал разрушать стены, гарнизон начал переговоры и согласился 5 сентября 1187 г. сдать Аскалон. Горожанам было разрешено выйти из города с имуществом. Они были препровождены в Египет и смогли позднее возвратиться в христианские страны. Через несколько дней Газа, гарнизон которой состоял из тамплиеров, сдалась по приказу магистра и

Ил. 30. Войска Салах ад-Дина
опустошают Святую Землю.
Миниатюра XIII в.

* Самария – город в одноименной области.

короля. Де Ридфор был освобожден сразу, а король Ги только летом следующего года. Арабский хронист называет 52 города и замка, захваченные Салах ад-Дином в Палестине и Сирии.

2. Падение Иерусалима

В только что занятом Аскалоне султан принял делегацию горожан из Иерусалима. Делегаты отказались сдавать город, и Салах ад-Дин поклялся, что возьмет город «с мечом в руках». В это время в Иерусалим прибыл из Тира Балиан д'Ибелен. Он приехал с разрешения султана, чтобы забрать оттуда в Тир жену Марию (бывшую королеву) с детьми, бежавших в Иерусалим из Наблуса. Салах ад-Дин поставил ему условием, что он поедет без оружия и проведет в Иерусалиме только одну ночь.

В Иерусалиме патриарх Эраклъ и начальники рыцарских орденов готовили город к осаде, но ни у кого из них не было достаточного авторитета, чтобы стать руководителем обороны. Узнав о прибытии Балиана, население со слезами на глазах стало просить, чтобы он остался и возглавил оборону. Мнением королевы Сибиллы, жены опозорившегося короля Ги, сидевшей в королевском дворце, никто не интересовался. Балиан в смущении написал султану, объясняя нарушение обещания. Салах ад-Дин уважал Балиана, и поэтому извинил его и даже предложил выделить отряд, чтобы сопроводить его жену Марию с детьми в Тир.

Латинское население города возросло из-за наплыва беглецов из соседних городов и деревень и доходило до 40–50 тысяч, но боеспособных мужчин было мало: «На каждого мужчину приходилось пятьдесят женщин и детей». Почти совсем не было рыцарей. Балиан возвел в рыцарское сословие всех мальчиков-дворян шестнадцати лет и старше и 30 человек горожан, а также раздал оружие всем способным его носить. Он выслал отряды, чтобы собрать продовольствие в окрестностях и загнать в город стада, прежде чем начнется осада. Он завладел королевской казной и даже приказал сорвать серебро с крыши церкви Гроба Господня.

Настроение жителей быстро менялось, переходя от решимости и надежды на помощь Христа и ангелов к малодушию и унынию. Проводились странные церемонии покаяния: знатные дамы, в соответствии с чьим-то видением, купали своих обнаженных дочерей в холодной воде в ваннах на Голгофе и стригли им волосы на голове.

20 сентября 1187 г. началась осада Иерусалима. Сначала Салах ад-Дин разбил лагерь к западу от города, затем перенес лагерь на северную сторону. Его минеры (копальщики) начали подкапывать стены сначала у ворот Святого Стефана, а затем восточнее, примерно в том месте, где 88 лет назад в город ворвался Готфрид. Мусульмане обрушили участок стены, но защитники восстановили ее и сражались с большим ожесточением. Рассматривалась возможность большой вылазки, чтобы принять смерть в бою. Однако патриарх не хотел становиться мучеником,

он решительно против этого возражал, заявив, что в этом случае женщины и дети будут проданы в рабство и он не может благословить такое греховное действие. Его поддержал трезвый воин Балиан. Он видел, что падение города неизбежно, и не хотел бессмысленных жертв.

Ненадежным было православное население города. Хотя королевская семья и знать были любезны и внимательны по отношению к православному духовенству, но высшим духовенством были латинцы, и язык и обряды богослужений были чужды православным. Они вспоминали, что при прежних, мусульманских правителях могли вести службу на греческом языке, и были не прочь сменить власть. Советником султана был православный ученый богослов из Иерусалима Иосиф Батит. Он был связан с православной общиной в городе, и мелькиты (православные) обещали султану открыть ворота.

Балиан отправился на переговоры к султану. Салах ад-Дин заявил ему, что не отступит от своей клятвы взять город мечом и ничто не спасет мужчин от смерти, а женщин и детей от рабства. «Я поступлю, – сказал он, – с вами так же, как вы поступили с населением Иерусалима, когда вы после его завоевания в 492 году [от хиджры] убили или обратили в рабство его жителей...». Тогда Балиан заявил султану, что прежде чем броситься в последнюю отчаянную битву, защитники убьют собственных жен и детей, уничтожат все ценное имущество, разрушат священные для мусульман здания на Храмовой горе и перебьют 5 тысяч находившихся в плену мусульман.

Султан проявил великодушие, он предложил выкуп в 10 динаров за мужчину, 5 – за женщину и 2 – за ребенка. Но оставалось еще 20 тысяч бедняков, у которых не было денег на выкуп. Салах ад-Дин запросил за них 100 тысяч динаров, но Балиан понимал, что не сможет собрать таких денег, и в конце концов договорились, что 7 тысяч мужчин-бедняков будут выкуплены за 30 тысяч динаров. Для уплаты выкупа был назначен срок в сорок дней, после этого неуплатившие считались рабами.

Гарнизон сложил оружие, и 2 октября 1187 г. Салах ад-Дин занял Иерусалим. Это был 27-й день Раджаба, тот день, когда пророк посетил Иерусалим и оттуда вознесся в небеса. Салах ад-Дин сидел в шатре с открытой дверью, принимал посетителей и щедро их одаривал. Арабский хронист Ибн аль-Атир пишет: «Читались торжественные обращения, в которых султан объявлял о счастливом событии, звучали трубы, и все глаза наполнялись слезами радости, все сердца благодарили Аллаха за победу, все уста славили его».

Султан проявил себя великодушным и милосердным. Мусульманская стража патрулировала улицы и охраняла ворота. Все старались достать деньги для выкупа. Балиан с трудом собрал 30 тысяч динаров из остатков королевской казны, пожертвований тамплиеров и госпитальеров, которые могли бы быть щедрее, и денег английского короля Генриха II, находившихся у госпитальеров.

Салах ад-Дин, к неудовольствию некоторых эмиров, ограничился в отношении патриарха только выкупом за священнослужителей, не тронув церковных ценностей, чтобы не дать упрекнуть себя в нарушении слова. На бедняков патриарх не пожертвовал ничего.

«Великий патриарх Иерусалима [Эраклъ] покинул город с сокровищами церквей: Купола над Скалой, аль-Аксы, церкви Воскресения [Гроба Господня] и других, один Бог знает, как много богатств там было, и со столькими же [большими] деньгами. Салах ад-Дин не чинил ему никаких препятствий; когда ему посоветовали конфисковать все эти богатства во благо мусульман, он ответил, что не намерен нарушить свое слово: он взял только десять динаров [выкуп за патриарха] и разрешил всем со всем добром уйти в город Тир» (Ибн аль-Атир).

Ибн аль-Атир рассказывает: «В Иерусалиме находилась бывшая жена одного из королей Рума [Византии]. Она была монашенкой, поселилась в Иерусалиме и имела значительное окружение из слуг, рабов и рабынь, к тому же она владела большими богатствами и драгоценными камнями. Она просила для себя и своей свиты свободного выхода с сопровождением, и Салах ад-Дин предоставил ей это и позволил уйти. Точно так же он подарил свободу королеве Иерусалима [Сибилле]; ее супруг [Ги де Лузиньян], которого Салах ад-Дин пленил, стал, благодаря ей, королем франков и правил как ее наместник. Султан освободил ее с ее имуществом, а также ее свиту. Она просила его дать ей возможность отправиться к своему супругу, который в это время находился в плену в крепости Набулус [Наблус]; он разрешил это, она пошла к мужу и осталась с ним».

Султан отверг предложение нескольких эмиров разрушить церковь Гроба Господня, ссылаясь на пример второго халифа Омара, пощадившего ее, и указав, что ее разрушение не остановит христианских паломников. С Храма Господня (мечеть Купол над Скалой) был сброшен крест, он и Храм Соломона, резиденция тамплиеров (мечеть аль-Акса), были очищены от следов пребывания христиан. Оба здания были окроплены розовой водой и освящены.

«Когда упал крест, все видевшие это – как франки, так и мусульмане – издали громкий возглас. Мусульмане кричали: “Аллах велик!”. Франки испускали вопли страдания. Поднялся такой крик, что от него задрожала земля» (Ибн аль-Атир). В мечеть аль-Акса был доставлен минбар (кафедра), изготовленный для нее по приказу Нур ад-Дина, и в пятницу 9 октября в мечетях было проведено массовое благодарственное богослужение.

Большинство захотевших остаться в городе христиан были православными и приверженцами восточных еретических сект. Они за бесценнок выкупили у франков большую часть их земельных владений. Они обязались платить *джазью* (подушную подать), и за ними было сохранено их имущество. Мелькитам (православным) было поручено сбережение церкви Гроба Господня, где должны были

служить четыре православных священника, освобожденные от подушной подати. Служба в церкви Гроба Господня не проводилась только три дня, затем в нее начали впускать богомольцев после уплаты подати. Сирийские яковиты, несториане и армяне, однако, были опечалены переходом богослужения в руки православных.

Вызванное уходом франков уменьшение населения Салах ад-Дин пытался сократить разрешением на въезд в город евреев, поэтому многим из них он казался вторым Киром, возвратившим их отцов в Иерусалим из вавилонского плена.

Вскоре после того как эмиры, которым был поручен сбор выкупа, получили деньги, из города потянулись два потока: выкупившие себя или выкупленные Балианом и те, кто не смог выкупиться и шел в рабство. Пожалев их, аль-Адил выпросил у брата тысячу из них в награду за службу и освободил. Сам Салах ад-Дин освободил еще 500 стариков и старух, 700 бедняков было освобождено по просьбе патриарха и 500 в знак уважения передано Балиану. Всего в рабство попало около 11 тысяч. Одна из дочерей Балиана была отправлена в Багдад, в гарем халифа.

Те христиане, которые смогли выкупить себя, были приведены в лагерь недалеко от Иерусалима, находившийся под охраной мамлюков от набегов разбойничьих отрядов. Оттуда они были сопровождены в Александрию, Триполи и Антиохию. Всего казна Салах ад-Дина, несмотря на нечестность эмиров-сборщиков, получила около 100 тысяч динаров. Он без труда мог бы собрать гораздо больший денежный запас на тяжелые времена, но не сделал этого.

Завоевание Иерусалима стало вершиной славы Салах ад-Дина. Оно было оправданием в отношении подозрений, что джихад служит султану только для расширения собственной власти за счет соседей-мусульман. По словам секретаря и биографа Салах ад-Дина Имад ад-Дина, которые он вложил в уста султана, – Бог поручил отвоевание Иерусалима ему, Салах ад-Дину, и халифу ан-Насиру. В один день Имад ад-Дин отправил во все мусульманские страны 70 писем с извещением о великой победе и отовсюду были получены поздравления. Однако многие из тех, кто прислал поздравления, включая халифа, встретили успех Салах ад-Дина с неприязнью и завистью. Помощь, оказанная мусульманским миром Салах ад-Дину во время последовавшего Третьего крестового похода, была минимальной, а халиф вообще ничем ему не помог.

Осталось взять еще несколько франкских крепостей, и прежде всего Тир. Среди выкупленных пленных в Иерусалиме находилась Стефания Трансиорданская, вдова Рено де Шатийона. Она просила Салах ад-Дина об освобождении своего сына, Онфруа IV де Торона. Султан поставил условием освобождения сдачу двух больших трансиорданских крепостей – Керака и Монреалья. Онфруа был отправлен к ней из Дамаска, однако ни Керак, ни Монреаль не подчинились ее приказу. Поскольку Стефания не смогла выполнить поставленное султаном условие, она отправила сына назад, в плен. Благородство матери и сына настоль-

ко понравилось султану, что он через несколько месяцев освободил Онфруа, внука своего друга Онфруа II.

Керак в Трансиордании был осажден египетской армией под командой аль-Адила. Осада продолжалась больше года. Гарнизон голодал в течение многих месяцев. Чтобы не обрекать женщин и детей на голодную смерть, их отослали из замка в плен. Все же в конце 1188 г. крепость сдалась. Гарнизон Монреала продержался полтора года и сдался также из-за голода. Острая нехватка соли привела к случаям потери зрения среди защитников.

Из Иерусалима Салах ад-Дин двинулся на север. У Иордана были взяты замки Шато-Неф (Хунин), принадлежавший Онфруа де Торону, Сафед, принадлежавший тамплиерам, и Бельвуар, принадлежавший госпитальерам. Крепость Бофор Рено Гарнье Сидонского на реке Литани временно устояла благодаря его дипломатической ловкости. Образованный человек, хорошо знавший арабский язык и литературу, Рено отправился ко двору Салах ад-Дина, объявил ему, что думает перейти в ислам, и использовал полученное для раздумья время для укрепления крепости.

Летом 1188 г. Салах ад-Дин двинулся далее на север, в земли Триполи и Антиохии. Раймунд III Триполийский умер в конце 1187 г. По возвращении из-под Хаттина он заболел воспалением легких и плевритом, хотя многие думали, что

Ил. 31. Стены замка Керак в Трансиордании

причиной болезни были стыд и печаль. Это был умный и порядочный человек, хотя сторонники короля Ги обвиняли его в предательстве. Он был против агрессивной политики партии «вновь прибывших» и всеми силами пытался удержать королевство от авантюры и войны до прибытия нового крестового похода. У него не было детей, и он завещал графство Триполи своему крестнику Раймунду, старшему сыну князя Боэмунда III Антиохийского, своего ближайшего мужского родственника. Условием завещания была передача графства представителю Тулузского дома, если тот придет на Восток. Боэмунд передал Триполи своему младшему сыну, тоже Боэмунду, считая, что собственный сеньор лучше защитит графство.

Чтобы не терять время, Салах ад-Дин не стал осаждать могучую крепость госпитальеров Крак де Шевалье и двинулся против Триполи. Но в гавань Триполи прибыли флот и войска короля Сицилии, и Салах ад-Дин увел армию на север. Он взял Тортосу, но ее цитадель, оборонявшаяся тамплиерами, устояла. Устояла и мощная крепость госпитальеров Маргат. 15 июля 1188 г. пала Джабала, через неделю – Латакия. Имад ад-Дин, находившийся при армии, пишет: «Я видел прежнее Латакию, это был богатый город с красивыми зданиями; повсюду были дома из обтесанного камня, крытые галереи с прочными сводами, ни один дом не обходился без сада, фруктовые деревья, большие рынки, повсюду было светло, везде был здоровый воздух. Но наша армия разрушила это благоденствие и уничтожила это великолепие. Наши эмиры, захватив прекрасный мрамор, приказали перевезти его в свои дворцы в Сирию. Они уничтожили красоту зданий и стерли их блеск».

После нескольких дней осады пали крупная крепость Сайун и несколько малых замков. Были взяты принадлежавшие тамплиерам большая крепость Гастен и замок Дарбсак, контролировавшие проход в Киликию. Однако армия Салах ад-Дина устала, эмиры просились домой, и когда князь Боэмунд попросил перемирия, которое признало бы завоевания султана, тот согласился, считая, что в любое время сможет довершить завоевание. Перемирие было заключено на восемь месяцев. У Боэмунда и его сына остались Антиохия с портом Сен-Симеон и Триполи, госпитальеры удержали Маргат и Крак де Шевалье, тамплиеры – Тортосу, и дальше на юг остался незавоеванным город Тир.

Корабль, на котором находился Конрад, второй сын маркиза Монферратского и брат первого мужа королевы Сибиллы, прибыл из Константинополя в Акру 14 июля, через четыре дня после занятия ее султаном. Молчание колоколов и отсутствие толп на берегу, обычно приветствовавших пришедший корабль, насторожило прибывших. Подошедший к борту на шлюпке мусульманский портовый чиновник, которому Конрад представился купцом, рассказал, что город занят Салах ад-Дином. Кораблю с Конрадом удалось ускользнуть из гавани, и в тот же день он прибыл в Тир. Рено Гарнье Сидонский, командовавший в городе, вел с султаном переговоры о сдаче. Салах ад-Дин уже прислал в город два своих знамени, чтобы их

вывесили на башнях у городских ворот. Однако султан несколько промедлил у Акры. Прибытие опытного воина приободрило горожан. Энергичному, жестокому и честолюбивому Конраду было поручено командование. Он увидел, что город может быть удержан до прибытия помощи с Запада, которая обязательно последует при известии о случившейся катастрофе. Когда через несколько дней к Тиру подошел Салах ад-Дин, он увидел город готовым к борьбе и свои знамена выброшенными в ров. Из Дамаска к Тиру доставили старого маркиза Вильгельма Монферратского, и Салах ад-Дин пригрозил убить его на глазах у сына, если город не сдастся. Конрад оказался глух к угрозе, и султан, проявив великодушие, не стал казнить старика.

Салах ад-Дин прекратил военные действия, но, видимо, сохранил блокаду города по суше и двинулся к Аскалону. Когда он, завоевав прибрежные города и Иерусалим, 12 ноября 1187 г. возвратился к Тиру, Конрад уже усилил городские укрепления и получил подкрепления морем. Началась вторая осада Тира. Через несколько дней к султану присоединился его сын аз-Захир Гази с войсками из Алеппо. Из Акры, несмотря на штормовое море, прибыла египетская эскадра из десяти кораблей. Тир располагался на острове, связанном с материком узкой дамбой. Со стороны дамбы путь на остров преграждали три ряда стен с башнями. Осаждающие начали осаду с обстрела стен камнеметательными машинами и с энергичных атак. Однако уозость дамбы не позволяла разместить на ней большое количество осадных машин. Все же мусульманам удалось обрушить участок первой стены. Перелом в борьбе за Тир наметился, когда на рассвете 30 декабря Конраду удалось, напав врасплох, захватить пять египетских кораблей, остальные выбросились на мель и были уничтожены, чтобы не попасть в руки христиан. После отражения франками одновременной решительной атаки с перешейка Салах ад-Дин собрал военный совет. Эмиры объявили султану, что войска устали и нуждаются в отдыхе. Холодная и дождливая зима привела к тому, что в лагере распространились болезни. Несмотря на большую добычу, взятую у франков, Салах ад-Дин был больше не в состоянии компенсировать финансовые потери своих эмиров, возникшие из-за их долгого отсутствия дома. В первый день нового, 1188 г. Салах ад-Дин распустил половину своих войск, а с другой половиной отправился зимовать в Акру.

Одержанные победы вызвали у Салах ад-Дина неколебимую веру в свое высокое предназначение, он осознал себя вершителем мировых судеб, великим полководцем непобедимого ислама. Своими мечтаниями он поделился со своим биографом Баха ад-Дином: «Когда с помощью Аллаха здесь не останется ни одного франка, я разделю свои земли и отдам своим преемникам последние приказы, а затем покину их и поплыву по этому морю от земли к земле, преследуя франков, пока в мире не останется ни одного неверующего в Аллаха. Я исполню это или умру».

Глава 36

Третий крестовый поход

1. Приготовления в Англии и во Франции

Известия об уничтожении христианской армии при Хаттине и потере Святого Креста, а затем о падении Иерусалима были восприняты в Европе как гром среди ясного неба и ошеломили ее. Больной папа Урбан III умер с горя при известии о поражении при Хаттине. Его немедленно избранный преемник Григорий VIII 29 октября 1187 г. в своей энциклике (послании к католикам) призвал всех верующих Запада к новому крестовому походу:

«После того, как мы узнали о жестокости ужасного приговора, который Бог назначил земле Иерусалима, мы и наши братья пришли в такое замешательство, и размеры ужаса и страдания дошли до того, что мы не знаем, что должны делать.

Чтобы извлечь пользу из пререканий, к которым в последнее время в Святой Земле злоба дьявола вела суетных, Салах ад-Дин двинулся в те области с несметным войском. Против него выступили король Ги Иерусалимский и епископы, тамплиеры и госпитальеры, бароны и рыцари вместе с народом той земли и были наделены реликвией, Крестом Господа нашего, от коего они ждали защиты, в память и в вере о страданиях Христа, который распят на нем и спас человечество. Дело дошло до битвы, и после того, как многие наши люди пали, был похищен Крест Господень, убиты епископы, взят в плен король, едва ли не все остальные были изрублены мечами или уведены в плен; поражение было так велико, что только немногие смогли убежать и спастись. Еще хуже: тамплиеры и госпитальеры были казнены на глазах Салах ад-Дина. Нам не нужно здесь в подробностях объяснять, как солдаты Салах ад-Дина, когда наша армия была уничтожена, обрушились наконец на всю страну и опустошили ее, так что остались только немногие места, которые не попали ему в руки».

Папа напомнил верующим, что потеря Эдессы должна была послужить предостережением и теперь нужны будут большие усилия, чтобы помочь Святой Земле. Он предлагал покаяться в грехах и взять крест: «Мы, несмотря на великие испытания в той земле, должны принять во внимание не только грехи ее жителей, но и также наши собственные грехи, мы и все христиане должны воспрепятствовать тому, чтобы та земля полностью пропала и сила сарацин была бы обращена

против других земель. Мы слышим отовсюду о ссорах и пререканиях между королями и князьями. Таким образом, настоятельно требуется, чтобы каждый осознал это и в соответствии с этим поступал и противился варварству и злобе наших врагов; и так как они выступают против Бога, мы должны при всех обстоятельствах не медлить и действовать именем Бога. Охваченные благодатью, вы будете в состоянии выразить раскаяние, и сделать добро, и принести в жертву ваши владения и самих себя, и получите возможность приложить усилия для возвращения той земли, истина которой необходима для нашего спасения; а умрете не ради прибыли или мирской славы, но желая выполнить волю Бога, подавшего нам пример, как отдать жизнь за своих братьев, и передадите ему ваши богатства, которые вам, хотите ли вы того или нет, в конце концов и без того доставят наследия, о которых вы ничего не подозреваете. И поэтому мы обещаем полное прощение злых дел и вечную жизнь тем, кто предпримет эту поездку с сердцем, полным смирения и раскаяния и, стремясь к покаянию, умрет в истинной вере. Выживете вы или погибнете, вы должны знать, что наказание за все прегрешения, которые вы открыто признаете, будут отпущены милостью всемогущего Бога и на основании полномочия апостолов Петра и Павла и нашего собственного права».

Папа обещал не только освобождение от земных наказаний, но и охрану церковью имущества ушедших в поход: «Затем собственность и семья всех тех, кто взял крест, ставится под защиту святой римской церкви и архиепископов, епископов и других прелатов церкви Господа, и никто не может претендовать на собственность, которой они спокойно владели в тот момент, когда взяли крест, не может даже прикасаться к их собственности, пока не придут надежные вести об их возвращении или их смерти, и нельзя заставлять их платить проценты, если они кому-то что-то должны».

Папа обращал внимание отправлявшихся в поход на соблюдение смирения и скромности: «И, наконец, они не должны отправляться в дорогу в дорогих одеждах, или с собаками, или с соколами или [брать] что-либо другое, кроме необходимого, что выставляется напоказ или служит роскоши; должно ограничиться простой одеждой и вооружением, чтобы тем самым показать, что приносят покаяние и не предаются праздной суетности».

После первой осады Тира, понимая, что без помощи из Европы им не устоять, Конрад Монферратский и уцелевшие бароны Палестины, собравшиеся в Тире, послали к папе и к королям Запада архиепископа Тирского Иосию, чтобы он описал им бедственное положение Святой Земли. О том же оставшиеся в живых орденские рыцари написали в письмах своим братьям в Европе.

Осенью 1187 г. Иосия прибыл на Сицилию к королю Вильгельму II. Узнав о рамерах разгрома, король, одевшись в грубую дерюгу, на четыре дня удалился от

мира для молитв. Затем он написал послания европейским монархам с призывом объединиться в крестовом походе. Сам он в это время вел войну с Византией. Хотя его войска были разбиты в 1185 г. под Фессалониками, его флот, одержав победу в 1186 г. над греческим у Кипра, продолжал крейсировать в его водах, оказывая помощь узурпатору, правителю Кипра Исааку Комнину. С Византией был немедленно заключен мир, и адмирал Маргарит Бриндизийский был отозван домой. Архиепископ Иосия тем временем вместе с сицилийским посольством отправился в Рим.

Весной 1188 г. адмирал Маргарит с флотом из 50 кораблей и двумя сотнями рыцарей отправился к Триполи, летом за ними последовал вторая флотилия, еще с тремястами рыцарями. Помимо этого король Вильгельм, видимо, вместе со своими тестем Генрихом II и шурином Ричардом (Львиное Сердце), готовил нападение на Египет. Неожиданная смерть короля Вильгельма 18 ноября 1188 г. и начавшаяся вслед за этим борьба в южной Италии за сицилийский трон лишили возможности итальянских нормандцев участвовать в крестовом походе.

Папа Григорий VIII умер через два месяца после избрания, и понтификом стал Климент III. Он подтвердил мир с германским императором, заключенный после смерти Урбана III, и предложил ему оказать помощь Святой Земле.

Осенью 1187 г., на следующий день после получения известия о падении Иерусалима, ставший старшим после смерти брата сын Генриха II Ричард взял крест в кафедральном соборе Тура. Тем временем Иосия, архиепископ Тира, отправился во Францию, где в начале 1188 г. на границе Нормандии встретились готовые к бою армии королей Англии и Франции. Война началась из-за графства Нормандский Вексен, перешедшего к английскому королю в качестве приданого невесты Ричарда Алисы, сестры нового французского короля Филиппа II. Ричард и Генрих II категорически отказывались: первый – жениться на Алисе, побывавшей в любовницах у его отца, а второй – расставаться с графством.

В январе 1188 г. на конференции у Жизора, главной крепости Нормандского Вексена, красноречие архиепископа Тирского Иосии и Энрико, папского легата, кардинала-епископа Альбано, и нежелание баронов обеих сторон воевать между собой заставили обоих королей заключить мир и пообещать отправиться в поход как можно скорее. Короли Англии и Франции не раз обещали отправиться в крестовый поход, но боялись, что в отсутствие одного другой нападет на земли первого, мешала им осуществить свои обещания. Фактически, ни один из них не хотел идти в поход, но теперь религиозный энтузиазм масс сделал для них отказ от похода невозможным. Граф Филипп Фландрский, видимо, стыдившийся своего позорного посещения Палестины десять лет назад, последовал примеру королей, а за ним поклялись идти в поход многочисленные представители знати обоих королевств.

Договорились, что короли должны идти в поход вместе, войска короля Англии будут носить белый крест, короля Франции – красный, графа Фландрского – зеленый, для немцев был оставлен черный цвет, для итальянцев – желтый. Поход должен был проходить по суше, а отправление последовать на Пасху 1189 г. Во владениях королей Англии и Франции была введена 10-процентная подать на доходы и движимое имущество для финансирования крестового похода («Салах ад-Динова десятина»), которую должны были платить все, кто не участвовал в крестовом походе, священнослужители и миряне. Генрих II, как всегда, взыскивал подать беспощадно, были собраны большие деньги, хотя поднялась волна протестов. Во Франции подать натолкнулась на такое сильное сопротивление, что Филипп II вынужден был через год ее отменить. Король Генрих затем переправился в Англию, где крестовый поход уже проповедовал цистерцианец-архиепископ Бодуэн Кентерберийский. Исполненный надежд архиепископ Иосия отправился на родину.

Однако планы крестового похода пришлось переносить из-за начавшегося нового столкновения королей Франции и Англии. Война закончилась осенью 1188 г. перемирием из-за нежелания главных ленников короля Франции, графов Фландрского, Шампанского и Блуа, воевать с христианами. Ричард, разозленный отказом отца признать его наследником, перешел на сторону Филиппа и принес ему присягу за континентальные владения анжуйцев. Это был открытый мятеж против отца. По просьбе больного короля Генриха перемирие было продлено до Пасхи 1189 г. На Троицу, 5 июня 1189 г., стороны вместе с папским легатом Иоанном д'Ананьи встретились, но мира так и не заключили. Не помогла даже угроза папского легата наложить интердикт (запрещение церковных служб) на Францию. Филипп и Ричард вторглись во владения Генриха. Тяжело больной Генрих вынужден был согласиться с унижительными условиями мира и через два дня, 6 июля 1189 г., умер в Шиноне.

Смерть старого короля привела к установлению мира. Генрих II не хотел идти в крестовый поход. Однако у его наследника Ричарда было твердое намерение выполнить обет при условии, что к крестовому походу присоединится король Франции. Филипп тоже не хотел идти в поход и думал отсидеться за спиной Генриха. Но теперь у него не осталось аргументов для отказа. Между ним и Ричардом был спешно заключен мир, по условиям которого тот обязался жениться на Алисе по возвращении из крестового похода, затем принц поспешил в Англию, чтобы короноваться.

Поэты и литераторы в Западной Европе во весь голос описывали страдания христиан на Востоке и призывали к походу. Фигура разбойника Рено де Шатийона под их пером превратилась в мученика за веру. Пьер из Блуа написал трактат «Об ускорении крестового похода» и поэму о страданиях Рено «Passio

Reginaldi». Изгнанный из Англии во Францию, Ральф Нигер указывал, правда, в трактате на трудности похода, но позднее в хронике также называл Рено «*beatus Reinaldus*» (благословенным). Художники вторили литераторам, рисуя унижения христианства сарацинами.

Ричард вступил на престол 32 лет, в полном расцвете всех сил. Это был человек высокого роста, крепкого телосложения, со светло-рыжими волосами и голубыми глазами, блестящий рыцарь, бесподобный рубака, талантливый полководец, хороший, но недооцененный историей администратор и дипломат. Великодушие и щедрость сочетались в нем с прагматизмом и жестокостью. Он был сразу признан наследником отца в Англии и во всех континентальных владениях.

13 сентября 1189 г. Ричард был коронован и помазан в Вестминстерском аббатстве. Лондонцы, исполненные крестоносного рвения, устроили еврейский погром. «В день коронации Ричарда они [лондонцы] начали приносить евреев в жертву их отцу, дьяволу. Для этой мистерии им нужно было так много времени, что уничтожение было с трудом прекращено лишь на второй день. Другие места и города брали пример с веры лондонцев и с тем же усердием с кровью отправили своих кровопийц в преисподнюю. Во всем королевстве похоже, если не повсюду одинаково, хвалят нападение на неисправимых. Только Винчестер пощадил своих червей, население там было умным и предусмотрительным, и город всегда поступал цивилизованно» (Ричард из Дивайзеса). Евреи были аккуратными и много приносившими налогоплательщиками, и Ричард наказал мятежников и разрешил одному насильственно крещенному еврею вернуться в свою веру. Хронисты были возмущены высказыванием по этому поводу архиепископа Бодуэна, поддержавшего короля: «Если он не хочет быть человеком Бога, пусть лучше будет человеком дьявола».

Ричард унаследовал богатую казну отца и помимо этого продавал все, за что могли дать деньги, чтобы добыть как можно больше на крестовый поход. «Всех, кого отягощали деньги, король, до предела услужливый, облегчал и предоставлял каждому то, что тому хотелось, должности и владения по их выбору. Однажды, когда король балагурил со своими людьми, находившимися при нем, он заметил: "Я бы и Лондон продал, найдись на него покупатель"» (Ричард из Дивайзеса). Вильгельм Лев Шотландский за 10 тысяч фунтов был освобожден от ленного подчинения английской короне.

Важнейшей стратегической находкой Ричарда было применение флота для перевозки армии, обеспечения снабжения сражающихся войск и блокирования неприятельских морских путей. Идею перевозки армии морем, видимо, подал Ричарду его умерший зять Вильгельм II, король Сицилии. По рассказам матери и других участников второго крестового похода Ричард знал, сколько сил, средств

и жизней забирает сухопутный переход. Доставить без потерь и полную сил армию к месту боя можно было только при помощи флота. Позднее Ричард уговорил Филиппа перевозить войска на кораблях. После Ричарда все крестовые походы осуществлялись морем. Ричард купил лучшие корабли и заказал их строительство во всех своих портах за две трети цены, треть цены была вкладом владельцев в крестовый поход. Он взял на содержание моряков на этих кораблях и приказал загрузить их боеприпасами и продовольствием. Было решено, что французские и английские крестоносцы соберутся 1 апреля в Везле в Бургундии, чтобы отправиться в Святую Землю.

В конце 1188 г. Филипп получил от доверенного лица из Константинополя письмо, в котором сообщалось о пророчестве святого отшельника Даниила. Согласно пророчеству, франки отвоюют Святую Землю в тот год, когда Пасха попадет на Благовещение (25 марта), и это должно было случиться в 1190 г.

11 декабря Ричард переправился через Ла-Манш во Францию. 30 декабря и 16 марта он встречался с Филиппом, обсуждая с ним вопросы подготовки к походу. Филипп и Ричард вместе со своими баронами твердо поклялись во время крестового похода не только не покушаться на территорию другого, но и защищать ее сообща. Была намечена окончательная дата отправления в поход – 24 июня, день Иоанна Крестителя. Однако, когда все решения были приняты, 15 марта умерла при родах королева, жена Филиппа, Изабелла Геннегауская. В связи со смертью королевы отправление в поход еще раз отложили.

В оставшееся до похода время Ричард привел в порядок управление континентальными провинциями. Помимо этого, он занялся решением вопроса своего брака с Беренгарией, принцессой Наваррской. Ее отец Санчо VI, король Наварры, должен был помочь в отсутствие Ричарда при возможном нападении на Аквитанию короля Филиппа и графа Тулузского Раймунда V. Переговоры о браке Ричард вел тайно, чтобы об этом не узнал Филипп.

Весной 1190 г., не дожидаясь короля, из Англии вышли корабли Ричарда. Они везли войска и должны были соединиться с кораблями с войсками из портов Нормандии, Бретани и Аквитании. Все корабли, общей численностью более ста, должны были вначале встретиться в устье реки Тахо у Лиссабона, а затем ждать короля в Марселе.

В Туре из рук архиепископа Ричард получил посох и котомку, непременные принадлежности паломника. Филиппу посох и котомка были вручены в аббатстве Сен-Дени. 2 июля в Везле соединились армии двух королей. Было принято решение завоеванную добычу делить поровну между королями.

Последнюю ночь перед походом описывает поэт-хронист Амбруаз, сопровождавший армию Ричарда: «Между горами, перед Везле, Бог дает приют своему воинству. В виноградниках и в полях под открытым небом спят сыновья – на-

дежды многих матерей. И каждый оставляет в руке Божьей жену и детей и свою землю. Они заложили и продали все свое состояние ради обретения милости Божьей».

2. Германский поход

К этому времени императора Фридриха Барбароссы, возглавившего армию германских крестоносцев, уже не было в живых.

Со времени возвращения вместе с дядей, королем Конрадом, из Второго крестового похода Фридриха не оставляло желание вновь вступить в бой с неверными, однако долгие раздоры ставшего императором Фридриха с папством, его непрестанные войны с североитальянскими городами (он совершил в Италию 6 походов), вражда с сицилийцами не давали ему возможности отправиться на Восток. Победа над могущественным Генрихом Львом Вельфом и его изгнание из Германии (1181–1185), мир с ломбардцами (1183), брак его сына и наследника Генриха с наследницей Сицилийского королевства Констанцией и провозглашение его королем и соправителем (1186), смерть личного врага, папы Урбана III (1187), давшая возможность заключить мир с Римом, развернули перед всем миром могущество штауфенской империи. Западная Европа увидела в нем верховного светского властителя католического христианства. Все это заставило его осознать, что для поддержания престижа необходимо прийти на помощь Святой Земле и возглавить крестоносное движение, и совпадало с его желаниями. Большую роль сыграло известие о героической обороне Тира под руководством Конрада Монферратского: Монферраты были всегда надежными сторонниками и к тому же родственниками Штауфенов.

Первые желавшие отправиться в поход приняли крест еще в декабре 1187 г., на рейхстаге в Страсбурге. Сам Фридрих принял крест 27 марта 1188 г. из рук Энрико, папского легата-кардинала Альбано: «Фридрих не мог устоять против дуновения Святого Духа». Однако прошло больше года, прежде чем все было готово к походу. Крест император принял в апреле 1189 г. в Хагенау. Угроза еврейского погрома в Майнце была подавлена императором в зародыше угрозой жесточайшей кары. Как и раньше, был намечен сухопутный маршрут, который император обеспечил переговорами и договорами с Венгрией, Сербией, Византией и рум-сельджуцким султаном Икония. Посылал ли Фридрих ультиматум Салах ад-Дину, который тот отверг, достоверно установить не представляется возможным. Подать на проведение крестового похода император не вводил, однако каждый участник должен был иметь при себе денежные средства на два года. Эта мера, помимо исключения из похода бедноты, ограничивала нежелательный обоз. Во время отсутствия императора управлять страной должен

был его старший сын Генрих, возможный мятежник Генрих Лев, вернувшийся в Германию в 1185 г., был отправлен в изгнание еще на три года.

14 мая 1189 г. армия Фридриха выступила из Регенсбурга. Вместе с императором в поход двинулись его второй сын, герцог Фридрих Швабский, архиепископ Тарентский (Гервазио), 8 епископов, 3 маркграфа* и 29 графов из всех германских областей. Некоторые вассалы императора – кельнцы и фризцы, архиепископ Бременский (Хартвиг), ландграф Людвиг III Тюрингский и позднее герцог Леопольд V Австрийский – отправились морем.

Современники оценивали численность армии Фридриха в 100 тысяч человек, и хотя она была на самом деле гораздо меньше, это была самая большая армия, которую когда-либо какое-либо государство посылало в крестовый поход. 67-летний император пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Годы не уменьшили его храбрости и личного обаяния, но научили осторожности. В походе он был суров и поддерживал строгую дисциплину. Он разделил армию на отряды по 500 человек, во главе каждого поставив человека, командовавшего в бою, которому принадлежала также и судебная власть. Кроме того император учредил военный суд из 60 человек, из которых 16 состояли также в военном совете при императоре.

Марш через Венгрию прошел благополучно, король Бела III дружески приветствовал Фридриха и оказывал всяческое содействие. 23 июня немцы у Белграда переправились через Дунай и вступили на территорию Византии.

Исаак Ангел, человек разумный, но слабовольный, случайно ставший императором, со всех сторон был окружен заговорами и изменами. Он не доверял никому из своих приближенных, подозревая в них соперников, но в то же время не осмеливался призвать их к порядку. Страна страдала от коррумпированного управления и высоких и несправедливых налогов. От империи отделился Кипр, армяне захватили Киликию, турки постоянно врывались в центральные и юго-западные провинции Анатолии. Болгары, валахи и сербы, возмущенные высокими налогами, вновь подняли восстание, которое не удалось полностью подавить. Болгарский царь Петр заключил союз с великим жупаном сербов Стефаном Неманей против императора. Хотя греки удерживали крепости вдоль главной дороги на Константинополь – через Белград, Ниш, Софию, Филиппополь (Пловдив) и Адрианополь (Эдирне), сербские и болгарские разбойничьи банды господствовали на дорогах и в окрестных землях.

Среди крестоносцев и в Европе ходили упорные слухи о союзе Исаака Ангела с Салах ад-Дином. Однако в действительности до заключения союзного догово-

---

* Маркграф – титул, соответствовавший маркизу, находился в иерархии между титулами герцога и графа, так же как и титулы ланд- и пфальцграфа. В конце XII в. ленники императора – герцоги, марк-, ланд- и пфальцграфы – считались князьями, в отличие от графов и баронов – баронов.

ра дело, видимо, не дошло. Имеются достоверные сведения о двух посольствах султана в Константинополь и об одном посольстве византийского императора к Салах ад-Дину в промежутке от начала 1188 до середины 1189 г. Первое посольство султана добивалось разрешения на проповедь ислама в Константинополе в ответ на разрешение служб в церкви Гроба Господня православному духовенству. Такое разрешение было получено, и второе посольство султана повезло в новую мечеть в Константинополе муллу и минбар (кафедру). Исаак требовал от Салах ад-Дина, чтобы он сообщил ему о своих планах, имея в виду, в основном, борьбу с Кылыч Арсланом II. Султан обещал это сделать, но не успел: армия Фридриха уже переместилась в Азию. Салах ад-Дин плохо верил в действенность союза с Византией и считал, что в собственных интересах императора не оказывать помощи крестоносцам. Передача церкви Гроба Господня под надзор православной церкви, обмен посольствами и открытие мечети в Константинополе вызвали гнев франков и обвинения императора в союзе с султаном и измене.

Когда армия Фридриха двинулась по европейским землям Византии, сербские и болгарские разбойники начали нападать на отставших немцев, в то время как греческое сельское население было напугано и настроено враждебно. Фридрих поспешил предложить дружбу мятежным сербам и болгарам. Стефан Неманя в июле прибыл в Ниш для встречи с Фридрихом, царь Петр и его брат Иван прислали послание. И сербы, и болгары призывали Фридриха к войне с греками и обещали содействие и помощь. Фридрих, однако, хотел войти в историю как освободитель Иерусалима и старался, как мог, избежать сомнительной славы начинателя войны с христианским императором. Вскоре после того как крестоносцы переправились в Анатолию, болгары нанесли поражение византийцам, и сам император с трудом спасся от плена. «Многочисленные потери наполнили города плачем и заставили деревни петь горькие песни», — пишет грек-современник.

Фридрих отправил в Константинополь большое посольство, чтобы договориться о переправе войск в Азию. Переговоры Фридриха с сербами и болгарами вызвали в Константинополе тревогу и подозрение. Исаак отправил послами к германскому императору Иоанна Дуку и Константина Кантакузина. Те, вместо того чтобы уверить Фридриха в мирных намерениях василевса, начали подстрекать его против Исаака, однако последний довольно быстро узнал об их измене. Недовольство друг другом привело обе стороны к враждебным столкновениям. 26 августа армия Фридриха заняла большой и богатый Филиппополь, брошенный гарнизоном и жителями. В ответ Исаак бросил в тюрьму германское посольство, чтобы обеспечить мирное поведение Фридриха и, по примеру Алексея и Мануила, добиться от него ленного подчинения и обещания передать ему захваченные земли. Затем он послал войска отбить Филиппополь. Предупрежденный

местными армянами Фридрих нанес грекам поражение и обратил их в бегство. Если арестом германского посольства Исаак хотел укротить Фридриха, то он сильно ошибся: он плохо знал германского императора. В ответ Фридрих захватил северо-западную часть Фракии и написал в Германию сыну Генриху, чтобы тот получил разрешение папы на крестовый поход против Византии и в марте следующего, 1190 г. подошел с итальянским флотом под стены Константинополя. Фридрих решил покончить с Византией как с государством. «Крестоносцы никогда не добьются успеха, – писал он, – если не овладеют Проливом [Босфором и Дарданеллами]».

На зимние квартиры Фридрих стал в Адрианополе, он не хотел рисковать зимним переходом через Анатолию. На протяжении нескольких месяцев продолжалось противостояние, пока наконец в феврале 1190 г. Исаак, уstraшенный предстоящим нападением на Константинополь, не пошел на уступки. Он освободил послов и пленных, в Адрианополе заключил договор с Фридрихом, обещал предоставить корабли при условии переправы не через Босфор, а через Дарданеллы (подальше от Константинополя), и снабжать армию продовольствием при переходе через Анатолию. Главным желанием Фридриха был крестовый поход, и он принял условия. Для обеспечения выполнения договора Исаак предоставил 18 заложников из ближайших родственников и членов лучших фамилий.

Германская армия по численности осталась примерно такой же, как при вступлении в Византию. Незначительные потери и уход венгерских отрядов, отозванных королем Белой, вмешавшимся в раздоры в русском Галицком княжестве и поставившим туда князем своего сына, были компенсированы прибытием отставших. В Пасхальную неделю 1190 г. (Пасха – 25 марта) армия Фридриха переправилась в Азию.

От Дарданелл Фридрих повел свою армию примерно тем же путем, которым в 334 г. до н. э. шел Александр Македонский. Он пересек реки Граник и Ангеломит, возле сегодняшнего Балыкеси́ра повернул на юг по византийской военной дороге через Сарды и Филадельфию, жители которой хотели ограбить аррьергард, но были сурово наказаны, и 27 апреля добрался до Лаодикеи Лидийской. Затем он повернул в глубь страны по дороге, которой шел Мануил в своем марше на Мириокефалон, где был разгромлен. Фридрих через ущелье идти не стал, а обогнул его с севера. Он находился теперь на территории Рум-Сельджукида Кылыч Арслана II.

В 1188 г. Кылыч Арслан обещал императору свободный проход через свою территорию, однако к этому времени бразды правления взял в свои руки его старший сын Кутб ад-Дин, женатый на дочери Салах ад-Дина. Он вместе с отцом заключил договор с Барбароссой, однако обещал Салах ад-Дину преградить дорогу крестоносцам, для чего нанял туркменские племена.

Тем временем Фридрих подошел к Филомелии, последнему греческому городу на границе с мусульманами. Город отказался дать продовольствие и был захвачен немцами. Следующим городом на пути была Лаодикея Фригийская, она тоже была захвачена, в ней крестоносцы нашли вдоволь продовольствия. Начались непрерывные массированные нападения на германскую армию турецких конных лучников. 17 мая 1190 г. армия подошла к Иконию. Султан и его двор отступили из города. На следующий день появилась армия сына султана, «турецкие всадники, подобно саранче, налетели во множестве и покрыли равнину», — пишет германский хронист. Произошло ожесточенное сражение, немцы обратили турок в бегство, и город был взят штурмом. В Иконии была отслужена благодарственная месса в память апостола-мученика Павла, проповедавшего в городе. Кылыч Арслан II предложил мир, император согласился, потребовал заложников и дешевого продовольствия. После получения немцами 20 заложников мир был заключен. Армия расположилась для отдыха в садах южнее города. Кылыч Арслан, полностью извращая ход событий, написал Салах ад-Дину, что его сын помешал ему оказать сопротивление Барбароссе. Впрочем, Салах ад-Дин ничего другого от Кылыч Арслана не ожидал.

Далее армия через Ларанду (Караман) подошла к горам Тавра. Здесь уже жили армяне, дружелюбно встретившие крестоносцев и давшие проводников. Переход через Тавр был тяжелым, мучимые голодом и жаждой крестоносцы карабкались по крутым тропинкам под палящей жарой. Рассказывает германский хронист: «Кто не растрогался бы до слез при виде благороднейших вождей армии, которым болезнь или утомление мешали идти и которые, [почти] лежа на мулах, передвигались по крутым утесам и опасным тропинкам! Кто взглянул бы без содрогания на этих рыцарей, князей, знаменитых епископов, карабкавшихся по крутизнам, недоступным даже для диких серн, или по краю пропасти, цепляясь руками и ногами, как четвероногие животные! Сколько паломников лишились тогда и оружия, и имущества, и лошадей, рискуя при этом самим скатиться в пропасть! Любовь к Тому, кто направлял их шаги, надежда обрести отечество на Небесах заставляли их безропотно переносить все страдания». Наконец вечером 9 июня войска перевалили через последнюю горную гряду и вышли на равнину, где и расположились лагерем. Император с отрядом личной охраны был впереди. Город Селевкия (Силифке) лежал к западу, на другой стороне реки Салеф (Гексу), и находился теперь в руках дружественных армян.

На следующий день император погиб. Неизвестный английский хронист-современник в «*Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi*» («Описание паломничества и деяний короля Ричарда») рассказывает о том, как это произошло (хочу обратить внимание читателя, с каким высоким уважением относится к германскому императору англичанин, безусловно считая его светским главой христианского мира):

«Есть одно место в сердце [Малой] Армении, ограниченное с одной стороны высокими горами, а с другой течением реки Салеф. Победоносный император ожидал, пока выючные животные и груз переправятся через эту реку. Этот знаменитый человек был выше среднего роста, с желто-рыжими волосами и рыжей бородой, перемешанными с сединой; у него были густые брови, жесткие глаза, немного выпуклые щеки; его грудь и плечи были широки; и весь его облик был по-настоящему мужским. Он обладал примечательным и поразительным качеством, которое отмечалось даже Сократом: выражение его лица было отражением его непоколебимого нрава, устойчивого и неизменного, никогда не омраченного тучами забот, не поддающегося ни гневу, ни радости. Он был такого высокого мнения о родном немецком языке, что – хотя не был несведущ в других языках – никогда не говорил с посланцами из других стран, не пользуясь услугами переводчика.

Долгое время великий человек ждал, пропуская выючных животных. Наконец, когда он устал ждать, и ему захотелось двинуться дальше, он решился переправиться через реку в ближайшем месте, так чтобы обогнать выючных животных и перед ним снова была бы свободная дорога. О море! О земля! О небеса! Властелин Римской империи, вечный Август, благодаря кому слава старого Рима достигла нового расцвета, и его блеск возродился вновь, его мощь возвратилась: о горе! Он был увлечен потоком и утонул. И хотя его сопровождающие поспешили [к нему] отовсюду, искра его пожилой жизни быстро угасла».

«На этом месте и при этом печальном рассказе, – в своей скорби вторит ему немец-хронист из Кельна, имя которого также не сохранилось, – перо отказывается служить и умолкают речи, потому что нет слов, чтобы изобразить страх и отчаяние паломников при этом величайшем бедствии».

Немцы до сих пор мало проявили себя в крестовых походах. В Первом крестовом походе немцем, даже не немцем, а скорее германцем (по государственной принадлежности – занимаемой должности герцога и наследственному материнскому замку) можно назвать Готфрида Бульонского, а также подчинявшихся ему лотарингцев. Во Втором крестовом походе германская армия понесла тяжелые потери в Анатолии и не показала ничего стоящего при четырехдневной осаде Дамаска и паническом отступлении от него. В Третьем крестовом походе германская армия, руководимая умным и волевым полководцем, прошла Анатолию с минимальными потерями, повторив воинский подвиг первых крестоносцев, однако злой рок тяготел над ней – погиб ее вождь.

Один арабский хронист позднее напишет: «Если бы по милосердной Воле Аллаха, германский император не скончался в тот момент, когда он хотел вторгнуться в Сирию, то в последующие времена можно было сказать про Сирию и Египет: здесь некогда правили мусульмане!».

Ил. 32. Смерть Фридриха I в реке Салейф. Картина, XIX в.

Это несчастье буквально развалило германскую армию, которую спланировала и вела вперед сильная воля императора, ему верили, его любили, его боялись и ему подчинялись. Сын императора Фридрих Швабский, принявший командование, храбрый и мужественный человек, не обладал авторитетом и талантами отца, позволявшими держать в руках пришедшую в отчаяние армию. Несколько князей со своими людьми решили возвратиться домой, другие из Селевкии и Тарса на кораблях отправились в Тир. Герцог Швабский с сильно уменьшившейся армией двинулся по берегу в Сирию, везя в урне тело отца, чтобы похоронить его в Иерусалиме*.

Армянский князь Лев II, наследовавший в 1187 г. брату Рубену III, принял герцога Фридриха дружески. Предводители армии, однако, не смогли организовать снабжения продовольствием, армия потеряла порядок и дисциплину и распалась на отряды, многие воины были больны, все были голодны и необузданы. У Сирийских ворот отряды подверглись нападению мусульман и понесли тяжелые потери. В Антиохии, куда герцог Фридрих прибыл 21 июня 1190 г., немцам был оказан радушный прием, но здесь их, больных и ослабевших, ожидала другая

---

* Прах императора не добрался до Иерусалима. Внутренности были похоронены в Тарсе, тело отделено от костей и похоронено в церкви Святого Петра в Антиохии, часть костей – в кафедральном соборе в Тире, часть костей пропала, когда при осаде Акры умер герцог Фридрих Швабский.

беда – эпидемия чумы, от которой погибли тысячи. Несколько отрядов, не зная обстановки вокруг, двинулись на юг, натолкнулись на войска военачальников Салах ад-Дина и понесли тяжелые потери. В Алеппо пленных немцев продавали толпами. За герцогом Фридрихом в Антиохию с отрядом из Тира пришел его двоюродный дядя Конрад Монферратский. 7 октября 1190 г. жалкие остатки великой армии добрались до Акры.

Немало немцев отправилось из Германии в Палестину морским путем. Весной 1189 г. большой отряд крестоносцев из Кельна спустился к морю по Рейну. Там с паломниками из Кельна соединились паломники из Дании, Фрисландии и Фландрии, общая эскадра насчитывала более чем 50 кораблей. В Лиссабоне к паломникам с просьбой о помощи обратился король Санчо I Португальский, как это уже было в 1147 г. Паломники вместе с португальцами осадили крепость Алвора у города Сидвиш на юге страны. В конце мая крепость была взята, и в начале июня крестоносцы поплыли дальше, прибыв в Палестину к началу осады Акры.

Вскоре после отплытия первой эскадры из Кельна, Фландрии и Англии вышли новые корабли, объединившиеся в июле у Лиссабона в эскадру. Король Санчо снова предложил паломникам помочь ему при осаде Силвиша. Борьба с обеих сторон была упорной, пока наконец оставшиеся без воды и пищи марокканцы не сдались. Победители, в особенности немцы, нарушив договор, обесславили свою победу дикими насилиями, после чего эскадра отправилась в Палестину и прибыла осенью 1189 г. к Акре.

С большим отрядом своих людей ландграф Людвиг Тюрингский в июне 1189 г. покинул Германию, в Бриндизи на юге Италии погрузился на корабли и осенью добрался до Акры.

Роль немцев в Третьем крестовом походе осталась незначительной. Нужно отметить, что ко времени этого крестового похода относится основание в Акре Германского госпитального братства горожанами Любека и Бремена (1190). Из этого госпиталя вырос орден, занимавшийся уходом за больными (1196), который в 1198 г. взял на себя еще и борьбу с язычниками. Так возник духовно-рыцарский орден Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме (Тевтонский рыцарский орден). Новыми исследованиями установлено, что госпиталь в Акре не имеет никакого отношения к основанному перед 1143 г. германскому госпиталю в Иерусалиме, этот госпиталь просто был присоединен к себе в 1229 г. Тевтонским орденом.

3. Осада Акры

Несколько дней промедления Салах ад-Дина после взятия Акры и затем энергичная оборона Тира под руководством Конрада Монферратского спасли город от мусульман. Прибытие в Триполи сицилийского флота с двумястами рыцарями удержало Салах ад-Дина от нападения на него и заставило снять осаду с Крака де

Шевалье. Султан стал придерживаться обычая отпускать на свободу пленных баронов, если они сдадут ему свои замки и крепости. Некоторых, например Онфруа де Торона, он великодушно отпускал из расположения к ним. (Напомним, что, как говорит предание, дед пленника, коннетабль Онфруа, посвятил Салах ад-Дина в рыцари.) По многочисленным просьбам королевы Сибиллы султан освободил в июле 1188 г. короля Ги, хотя тот не смог помочь ему овладеть Аскалоном. Салах ад-Дин справедливо считал, что освобождение Ги приведет к раздорам среди франков, и в первую очередь между ним и Конрадом. Ги де Лузиньян торжественно поклялся, что никогда не поднимет оружия против ислама и возвратится морем на родину, и был освобожден вместе с десятью приближенными, в числе которых были коннетабль Амори и старый маркиз Вильгельм Монферратский. В знак того, что он не будет больше сражаться, Ги не опоясался мечом, а пристегнул его ремнем к луке седла. Летом 1188 г., после подавления Ричардом очередного мятежа в Аквитании, к Ги прибыл его старший брат Жофруа, знаменитый воин и мятежник.

Маркиз Монферратский отправился к сыну в Тир, а король Ги со своими людьми – в Триполи, где его ждала королева Сибилла. После смерти Раймунда III осенью 1187 г. Триполи принадлежал Боэмунду, младшему сыну Боэмунда III Антиохийского, стороннику Ги или скорее противнику Конрада. В Триполи, конечно, нашелся священнослужитель, освободивший короля от клятвы, данной неверному под принуждением. В Антиохии Боэмунд III Антиохийский, по той же причине, что и Боэмунд Триполийский, обещал королю Ги помощь, но обещание было слишком неопределенным, чтобы на него рассчитывать.

Магистр тамплиеров Жерар де Ридфор, тайно согласившийся принять ислам и освобожденный в сентябре 1187 г. после того, как по его приказу сдалась оборонявшаяся тамплиерами Газа, пришел в Тортосу и летом 1188 г. возглавил ее оборону от войск султана. Город пал, но цитадель устояла. После того как Салах ад-Дин снял осаду, де Ридфор соединился с Ги.

Со своими сторонниками Ги отправился в Тир. Хотя Тир был королевским владением, Конрад Монферратский не открыл городские ворота королю. В Тире собрались во главе с Балианом д'Ибеленом палестинские бароны, ненавидевшие Ги. Все они вместе с Конрадом больше не считали Ги королем: он потерял королевство при Хаттине и во время плена. На требование Ги впустить его в город Конрад отвечал, что вступил во владение Тиром как доверенное лицо монархов-крестоносцев и будет править им, пока император Фридрих и короли Людовик и Ричард не решат судьбу королевства. Ги пришлось ни с чем возвратиться в Триполи. В апреле следующего года Ги снова, на этот раз вместе с королевой Сибиллой, прибыл к Тиру, и снова Конрад не пустил их в город: король вынужден был разбить лагерь перед его стенами.

Папе Григорию VIII во время своего короткого понтификата удалось примирить постоянно воевавшие друг с другом Пизу и Геную и добиться согласия пизанцев отправить эскадру к Святой Земле. Эскадра из 52 кораблей под руководством Убальдо, архиепископа Пизы, вышла в море поздней осенью 1188 г., перезимовала в Мессине и в начале апреля 1189 г. прибыла к Тиру. Убальдо поссорился с Конрадом и, когда перед Тиром появился Ги, примкнул к нему. Вскоре в распоряжении Ги оказались и сицилийские войска, посланные королем Вильгельмом. В начале лета произошло несколько стычек между войсками Ги и мусульманами. Однако ни та ни другая сторона не стремились к активным действиям: Салах ад-Дин давал возможность людям отдохнуть, а франки ожидали помощи с Запада.

Салах ад-Дин готовился к отражению крестового похода. Он стоял перед проблемой, до сих пор неизвестной мусульманским правителям, – содержать в течение продолжительного времени постоянную армию, и для этого у него не было необходимых денежных средств. Его щедрость по отношению к своим людям обернулась теперь неприятной стороной. До сих пор, как пишет аль-Кади аль-Фадил, он «тратил доходы Египта на завоевание Сирии, доходы Сирии для получения Месопотамии, доходы Месопотамии для занятия Палестины».

Салах ад-Дин прибег теперь к «сменному», так сказать, использованию войск. Пока одна часть его войск участвовала в боях, другая отдыхала, лечила раны и занималась хозяйством на своих землях, затем эти части менялись местами.

Салах ад-Дину нужны были союзники, и это тоже было серьезной проблемой. Хаттин и взятие Иерусалима наполнили многих мусульманских правителей завистью и недоброжелательством по отношению к Салах ад-Дину. Халиф Аббасид ан-Насир не скрывал своей неприязни. Он сделал выговор Салах ад-Дину за то, что сообщение о победе под Хаттином привез ему воин, а не знатный вельможа. Неоднократные просьбы Салах ад-Дина о помощи с указанием, что на христианской стороне сам папа руководит крестоносным движением, халиф отвергал, и даже сам просил в конце 1189 г. о помощи войсками при осаде мятежного Тикрита, что указывает на его полное непонимание или пренебрежение делами султана. Правители Ирана и Ирака были заняты собственными делами и к тому же не могли простить Салах ад-Дину присоединения Мосула. Салах ад-Дин просил помощи даже у Альмохада Абу Юсира Якуба, обладателя большого флота, марокканского правителя, объявившего себя халифом (шиитского толка), несмотря на его соперничество с халифами Аббасидами. Возможно, Салах ад-Дин рассчитывал, что Абу Юсир Якуб нападет на Сицилию. Салах ад-Дин не верил в то, что Византия может ему помочь, не верил он и в помощь Кылыч Арслана II. Биограф султана Баха ад-Дин пишет, что Кылыч Арслан с самого начала не хотел мешать проходу немцев.

Во всяком случае, осенью 1189 г. Салах ад-Дин заявил своим эмирам, что ему не на кого рассчитывать, кроме как на свои собственные силы. Вскоре после этого, однако, он обращается с призывом о помощи к каждому из мусульманских правителей, что дало ему возможность позднее указать, что он, в отличие от почти всех других, испытал все средства для ведения джихада.

В конце августа 1189 г. Ги снял лагерь и вместе с остатками тамплиеров и госпитальеров двинулся на юг, к Акре, пизанская и сицилийская эскадры сопровождали его. Это был акт безумной смелости, который, однако, как оказалось позже, стал спасительным для него самого и его династии. Гарнизон Акры вдвое превышал по численности армию Ги, и Салах ад-Дин с главными силами находился недалеко, так что франки рисковали быть зажатыми между полевой армией и крепостью и уничтоженными. Возможно, Ги хотел получить город как плацдарм, на который высадились бы армии крестоносцев; возможно, это был просто акт отчаяния. Мужественный поступок Ги привлек к нему массу симпатий франков, в том числе и в Тире, однако никто не мог предположить, что безумное предприятие удастся ему.

Салах ад-Дин, распустив по домам часть своей армии в январе 1189 г., проводил первые месяцы года в Иерусалиме и в Акре, организуя управление страной. После взятия Акры часть эмиров посоветовала султану полностью разрушить город. Однако Акра была нужна султану как опорная военно-морская база, необходимая при осаде Тира. Поэтому он постарался как можно лучше укрепить крепость и гавань и пополнить гарнизон Акры войсками из Египта и Сирии.

Затем он возвратился в Дамаск, а летом двинулся к принадлежавшему Рено Гарнье Сидонскому большому замку Бофор, расположенному недалеко от Сидона на скале над рекой Литани. Рено еще в конце прошлого года отправился ко двору Салах ад-Дина, очаровал султана и его окружение познаниями в арабской литературе и своим интересом к исламу и объявил, что он намерен перейти в ислам и поселиться в Дамаске. В августе 1189 г. терпение султана кончилось, и он, прихватив с собой Рено, двинулся к Бофору. Подведенный к воротам крепости Рено по-арабски приказал гарнизону сдаться, а по-французски – продолжать сопротивление. Однако нашлись мусульмане, понимавшие по-французски, Рено был брошен в тюрьму в Дамаске, а султан начал подводить к Бофору дополнительные войска и осадные машины. В это время султан и узнал, что из Триполи вышел отряд короля Ги. Было решено напасть на него, когда он начнет осаду Тира, однако отряд проследовал дальше на юг, к Акре.

Ги прибыл под Акру в конце августа 1189 г. и разбил лагерь на холме Турон (сегодняшний Тель аль-Фуххар), в полутора километрах к востоку от города, на берегу речки Бель. Под холмом лежат руины древнего финикийского города, на этом месте разбил свою ставку генерал Бонапарт, осаждая Акру в 1799 г.

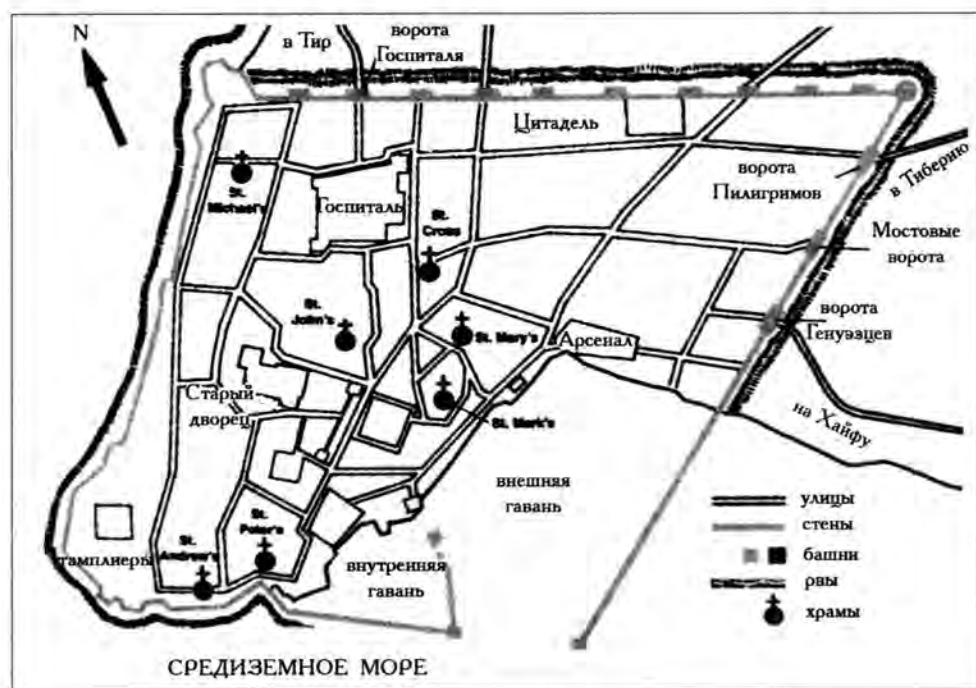

Схема 6. Осада Акры крестоносцами. Конец августа 1189 – 12 июля 1191 г.

Акра представляла треугольник, окруженный стенами, с вершиной, направленной на север. Северо-западной и южной сторонами этого треугольника были море и гавань, третья, северо-восточная сторона и часть южной выходили на сушу. Два полуразрушенных мола с проходом между ними отделяли гавань от моря, один из них вел к «Мушиной» башне на скале, башня защищала вход в гавань. В восточном углу крепости находилась большая «Проклятая» башня. В город вели две дороги, обе вблизи моря, на севере и на юге. Обороной Акры руководил талантливый и волевой военачальник и военный инженер Каракуш.

Казалось бы, отряд Ги не сможет выдержать первого столкновения с войсками султана, но с начала сентября в бухты у его лагеря начали прибывать войска из Европы. Первыми прибыли эскадры датчан и фризлов, их галеры восполнили уход сицилийской эскадры после смерти в ноябре короля Вильгельма. Через несколько дней прибыли кораблями из Италии фландрские и французские войска во главе с Жаком д'Авенон и графом Эраром де Бриенном.

Получив известие о первых прибывших крестоносцах, Салах ад-Дин начал созывать вассалов, отпущенных на отдых, и ушел с большей частью армии от Бофора, оставив небольшой отряд для дальнейшей осады. 15 сентября состоялось обширное нападение армии султана на лагерь короля. На главных направле-

ниях атака была отбита, но племяннику султана Таки ад-Дину Омару удалось прорваться к северным воротам и установить с городом действующую связь. В Акру удалось доставить подкрепления, большое количество продовольствия и снаряжения.

Вот как в письме к папе описывают события два итальянских крестоносца, значительно преувеличивая силы Салах ад-Дина: «В четвертый от конца августа день пришли к Акре король Иерусалима, тамплиеры, госпитальеры, архиепископ Пизы [Убальдо, папский легат] и много пизанцев и начали осаду города. Они действовали тем самым против желания маркиза [Конрада Монферратского] и архиепископа Равенны [Герарда] и других христиан. Прибыв к городу, они окружили его таким большим количеством солдат, что никто из сарацин не мог войти или выйти из него. Однако через три дня подошел Салах ад-Дин с большой армией и атаковал брата короля [Жофруа де Лузиньяна] и госпитальеров. Ему удалось прорваться через их оборонительную линию и таким образом восстановить доступ к городу. Наши христиане попали поэтому в большое беспокойство и отступили ненадолго и укрепились поблизости на вершине холма. После этого Салах ад-Дин окружил их армией из 100 тысяч конных* у подножья холма, так что они были заперты. Когда король Иерусалима понял, что он со всех сторон окружен врагами, он послал гонцов к маркизу и архиепископу и к другим рыцарям, которым не нравились его действия, с настоятельной просьбой, чтобы они, хотя и были против всего предприятия, немедленно пришли к нему на помощь, так как он атакован со всех сторон. Так что маркиз и с ним архиепископ, сочувствуя христианам в их тяжелом положении, в седьмой день от конца сентября пришли с моря к ним на помощь, с тысячей конницы и 20 тысячами пехоты. Салах ад-Дин был сильно обеспокоен этим и отступил от холма на одну милю». Вместе с маркизом Конрадом на помощь королю Ги пришли прибывшие морем в Тир немцы во главе с ландграфом Людвигом Тюрингским и итальянцы во главе с архиепископом Равенны.

4 октября 1189 г. крестоносцы, усилившиеся после получения подкреплений, сами предприняли нападение на лагерь Салах ад-Дина. Четыре отряда – французы и госпитальеры под командой Ги, венецианцы, ломбардцы и тирцы под командой Конрада, немцы, пизанцы и англичане под командой Людвига и тамплиеры и немцы под командой де Ридфора – выступили из лагеря, пятый, под командой Жофруа де Лузиньяна и Жака д'Авена, остался охранять лагерь. Произошло ожесточенное сражение. Заманивая франков, Таки ад-Дин Омар, командовавший правым флангом мусульман, отошел, за ним начал отходить центр, обращен-

---

* Численность войск преувеличена: у Салах ад-Дина было тысяч 15, у Конрада – 2–3 тысячи пехоты.

ный затем франками в бегство, и мусульмане понесли тяжелые потери. Андре де Бриенн, брат графа Эвра, пробился даже до шатра султана, но там был убит. Однако левый фланг мусульман сохранил порядок, и когда атакующие франки потеряли строй, Салах ад-Дин, применив тактику Ширкуха при Ашмунейне в 1167 г., нанес им сокрушительный удар и погнал в лагерь, который в это же время был атакован гарнизоном Акры. Жофруа де Лузиньян сумел организовать оборону лагеря, и большая часть франков смогла возвратиться в него. Султан не решился их атаковать. Франки понесли большие потери, в особенности подавленные панике немцы и тамплиеры. В бою король Ги смелым вмешательством избавил от плена Конрада Монферратского. Попал в плен и был по приказу султана казнен как клятвопреступник Жерар де Ридфор, магистр тамплиеров. Поэт-хронист Амбруаз, прибывший в лагерь под Акрой через 19 месяцев после смерти магистра и не знавший подробностей его жизни и смерти, воспекает его героическую гибель в бою: «Когда люди храбрые и смелые говорили ему в этой схватке: "Уходите отсюда, сир, уходите..."», он отвечал им по своей доблестной натуре: "Богу не понравится, если я уйду, или если упрекнут орден Храма в том, что меня видели уходящим. Я умру, но не отступлю"». Видимо, он искал смерти.

Крестоносцы оградил свой лагерь двумя рядами валов и рвов: один в сторону армии султана, другой в сторону Акры. Вскоре франки получили подкрепление, восполнившее их потери в сражении. В ноябре прибыли войска из Кельна, Фландрии и Англии, принимавшие участие во взятии Силвиша в Португалии. Прибыли рыцари из Франции, не захотевшие дожидаться своих королей, из Италии, из Дании и из Венгрии. Получив подкрепление, франки смогли разрушить коридор, организованный Таки ад-Дином, связывавший Акру по суше с внешним миром. Получал подкрепления и Салах ад-Дин. Теперь он, со своей стороны, смог полностью окружить франков. 31 октября его 50 галер прорвались с боем, потеряв несколько кораблей, и доставили в Акру продовольствие и боеприпасы. 26 декабря в Акру снова прорвался большой египетский флот, доставивший продовольствие.

На зиму Салах ад-Дин распустил часть своих войск по домам и отодвинулся с ближних холмов в 8 километрах от города на более отдаленные. Франки теперь полностью укрепили свой лагерь валами и рвами, отгородившись как от султана, так и от города. Зимой положение франков в лагере значительно ухудшилось. Продовольствия было мало, так как перестали приходить корабли. Зимние дожди превратили лагерь в болото. Распространились болезни, чума унесла несколько тысяч жизней. Под давлением окружающих Ги и Конрад заключили соглашение. Конрад сохранял за собой Тир, а также получал Бейрут и Сидон, когда они будут освобождены, и признавал Ги королем. В марте 1190 г. Конрад покинул лагерь и возвратился в конце месяца из Тира, ведя корабли с

продовольствием и оружием. Флот султана вышел из гавани Акры и вступил в бой с его кораблями, однако последние одержали победу, несмотря на применение арабами греческого огня. Эскадра султана была разогнана, и Конрад доставил груз в бухту близ лагеря, которую называли «гаванью Маркиза». (Конрад стал маркизом после смерти отца в 1188 г.) Обе стороны, одни с надеждой и воодушевлением, другие угрюмо и с боязнью, ждали прихода армии германского императора.

Весной 1190 г. из дерева, полученного из Италии, крестоносцы собрали три большие осадные башни в пять этажей, возвышавшиеся над стенами города. Нижние этажи башен были оборудованы таранами. Затем по выровненным площадкам их подвели к Акре и с помощью таранов начали ломать стены. В то же время камнеметательные машины и стрелки с верхних этажей башен обстреливали оборонявшихся. Сразу в нескольких местах минеры рыли подкопы под стены. Появились надежды на скорое падение Акры.

Чтобы этого не произошло, Салах ад-Дин 12 мая, в субботу перед Троицей, начал многодневный бешеный штурм христианского лагеря. Защитникам Акры, воспользовавшимся тем, что основные силы крестоносцев были отвлечены Салах ад-Дином, удалось сжечь все три башни. Война шла и на море. Египетские эскадры временами прорывали блокаду, осуществлявшуюся итальянскими флотилиями, и доставляли в Акру продовольствие, боеприпасы и пополнения. Часто для маскировки сарацины поднимали на судах христианский флаг и держали свиней на верхней палубе. Связь между Акрой и Салах ад-Дином поддерживалась при помощи почтовых голубей и ночных пловцов.

Между тем Салах ад-Дину стало известно, что рум-сульджуки не задержали императора Фридриха в Анатолии, и перед ним встал вопрос, что делать: оставаться ли на месте или идти навстречу германской армии, чтобы дать ей бой у одного из горных перевалов на севере. Не надеясь на то, что гарнизон в его отсутствие удержит город, султан остался у Акры и отправил на север войска тех эмиров, чьи земли лежали на дороге немцев, чтобы наблюдать за германской армией и беспокоить ее нападениями. В числе других на север были отправлены сын султана аз-Захир Гази, правитель Алеппо, и племянник Таки ад-Дин, правитель Хамы. Кроме того, султан приказал скрыть укрепления Тиверии, Яффы, Арсуфа, Цезареи, Сидона и Жибле. В июле пал Бофор, и освободившиеся войска немного компенсировали султану отправку отрядов на север. Рено Гарнье Сидонский, владеец Бофора, позднее был освобожден благоволившим ему султаном.

Услышав про приближение немцев и не желая делиться с ними добычей, огромные толпы бедных крестоносцев, против желания своих вождей, напали 25 июля на лагерь Салах ад-Дина. После кратковременного успеха бросившиеся грабить христиане были истреблены окружившими их мусульманами. Погибло

несколько тысяч паломников. Положение крестоносцев стало настолько тяжелым, что руководители думали о прекращении похода и эвакуации лагеря.

Однажды ночью крестоносцев разбудил ликующий крик мусульман: «Император умер!». Но в это время прибыли новые тысячи паломников во главе с графом Генрихом Шампанским, а вместе с ним его дяди, графы Тибо де Блау и Этьен де Сансерр, граф Рауль де Клермон, архиепископ Безансона Теодерик и многие другие видные бароны и служители церкви, что значительно убавило энтузиазм мусульман. 24-летнего Генриха (Анри II), графа Шампанского, родного племянника английского и французского королей по матери и, вдобавок, двоюродного брата французского по отцу, сразу же выбрали командующим. До него армией по очереди командовали Людвиг Тюрингский и Жак д'Авен, потомственный крестоносец. Ландграф, заболевший малярией, отправился домой и в дороге умер.

В сентябре 1190 г. флот франков совершил нападение на «Мушиную башню», контролировавшую вход в гавань, своим названием обязанную тому, что она, как полагали крестоносцы, была построена на скале, где стоял храм упомянутого в Библии главы демонов Вельзевула – Повелителя мух. Нападение было неудачным, мусульманам удалось сжечь главное судно франков с штурмовой башней, а франкские брандеры при перемене ветра вместо неприятельских кораблей сожгли несколько своих.

Когда в лагерь крестоносцев пришли вести о несчастьях немцев, добравшихся до Антиохии, маркиз Конрад отправился в опасный поход им навстречу и в начале октября привел в лагерь крестоносцев герцога Фридриха Швабского с остатками германской армии. Затем прибыли французы во главе с двоюродными братьями короля Франции, графом Робером II де Дре и Филиппом, епископом Бове. Через несколько дней прибыла к Акре часть английской армии во главе с Бодуэном, архиепископом Кентерберийским, вначале высадившаяся в Тире.

На средства графа Генриха и герцога Фридриха были построены две новые осадные башни. Опять крестоносцы стали долбить таранами стены и обстреливать врага внутри города, не прекращались подкопы. Однако в яростной вылазке осажденные захватили башни, сожгли их и загнали крестоносцев в лагерь.

Лагерь вырос в настоящий город. Религиозный аскетизм в лагере соседствовал с разгулом и развратом. В палатках торговцев и маркитантов за деньги можно было получить все, что угодно. Крестоносцы переняли у мусульман обычай мыться в банях. Бани рылись в земле и покрывались камышом и соломой. В лагере появились рынки и мастерские. Во время перемирий крестоносцы ездили на огромный рынок, устроенный в лагере султана. Иногда на равнине между лагерями устраивались турниры, в которых участвовали и мусульмане. Пользуясь перемирием, в лагерь крестоносцев на встречи с девицами легкого поведения прибывали мусульмане, по большей части мамлюки.

В ноябре крестоносцам удалось прогнать султана с близлежащих холмов, и он снова занял лагерь на отдаленных холмах. Благодаря этому франкам удалось проврататься к Яффе за фуражом, что немного облегчило их положение. Однако и в городе, и в обоих лагерях царили голод и болезни.

Летом 1190 г. от заразной болезни умерли королева Сибилла и две ее дочери. Смерть Сибиллы вызвала кризис власти в королевстве, так как корона досталась Ги как мужу королевы. Уцелевшие бароны во главе с Балианом д'Ибеленом увидели возможность избавиться от него. Помимо слабости и неудачливости, он не был крупной фигурой, способной привлечь в королевство людей и средства из Европы. А то и другое требовалось здесь в огромном количестве. Единственной наследницей короны оставалась 18-летняя принцесса Изабелла, а самой подходящей кандидатурой в короли был Конрад Монферратский. Появилась мысль объединить их в браке, тогда претензии маркиза стали бы обоснованнее, чем у Ги. Говорили, что у маркиза остались две жены, одна в Италии, а другая в Константинополе, но они были далеко, и их существованием можно было пренебречь. Гораздо хуже было то, что Изабелла уже семь лет была замужем за Онфруа IV де Тороном, который находился здесь же, в лагере. Бароны не уважали Онфруа за слабость и нерешительность, кроме того, они не могли простить, что он их предал, когда они хотели отнять власть у Ги и передать ему. Он не был честолюбив, боялся политической ответственности, и на протесты его никто не обратил особого внимания.

Однако 18-летняя Изабелла любила своего красивого, обаятельного и образованного мужа и не хотела менять его на жестокого воина, разменявшего пятый десяток лет. Бароны и ее собственная мать, жена Балиана Мария Комнина, уговорили Изабеллу пожертвовать личным счастьем в интересах королевства. Затем мать объявила перед собравшимися епископами, что Изабелла была принуждена к обручению и браку дядей Бодуэном IV и во время обручения ей было 8 лет, и указала на отсутствие детей в этом браке, недопустимое для государства. Патриарх Эраклъ был тяжело болен и назначил своим представителем Бодуэна, архиепископа Кентерберийского. Архиепископ, зная, что король Ричард поддерживает Ги, наотрез отказался аннулировать брак, указав на то, что Конрад женат и заключение брака между ним и Изабеллой будет двойным нарушением супружеского права. Более того, он пригрозил отлучить от церкви тех, кто будет способствовать заключению этого брака.

Однако Убальдо, папский легат, архиепископ Пизанский, которому будущий король обещал торговые привилегии для его города, поддержал Конрада. К нему присоединился Филипп, епископ Бове. 19 ноября 1190 г. умер архиепископ Бодуэн, а 24 ноября был заключен брак между Конрадом и Изабеллой. Этот брак

вызвал страшный гнев сторонников Ги, его брат Жофруа вызвал Конрада на поединок Божьего суда. Конрад не принял вызов, молодые супруги удалились в Тир, где Изабелла на следующий год родила дочь, названную в честь бабушки Марией. Конрад не принял титул короля, но так как Ги не отказался от королевских прав, маркиз отказался возвращаться из Тира в лагерь. Вопрос о том, кому быть королем, было решено передать на суд королей Франции и Англии.

Зимой к Салах ад-Дину возвратились войска, отправленные им летом на север против императора Фридриха, и он снова окружил лагерь крестоносцев со всех сторон. Так как на зиму франки отправили свои корабли в гавани Тира и близлежащих греческих остовов, морская блокада Акры была снята, и в середине февраля 1191 г. Салах ад-Дин сменил морским путем из Хайфы уставший до предела гарнизон Акры новым. Закрытая гавань Акры позволяла это сделать. Он разрешил также вывезти из города тех жителей, которые этого захотят. Однако ему не удалось найти достаточно добровольцев, чтобы возместить большие потери, и поэтому, когда христиане в начале весны возобновили блокаду, гарнизон Акры был значительно меньше прежнего. Войска султана устали от боев, и как только к нему приходили подкрепления, он отсылал отдельные части на отдых.

Зимой прекратилась доставка в лагерь франков продовольствия, так как ветер и бурное море не давали возможности кораблям приставать к берегу в открытых бухтах. Снова голод и болезни начали одолевать крестоносцев. Распространилась эпидемия «арнольдии» (вид цинги), от которой «распухали члены и выпадали зубы». Опять тысячи умирали от заразных болезней. Умерли братья, пожилые Тибо де Блуа и Этьен Сансеррский. Граф Генрих Шампанский тяжело болел в течение долгого времени, и боялись, что он умрет. 20 января 1191 г. умер герцог Фридрих Швабский, и немцы остались без руководителя. Прибывший морем весной герцог Австрийский Леопольд, сын Генриха Язомиргота и племянницы императора Мануила Феодоры, пытался их объединить, но ему мешало отсутствие средств. Попытки штурма Акры 31 декабря и 7 января кончились неудачно. В феврале голод обострился, на серебряный денье (около 1 г) можно было купить 30 фасолин или одно яйцо, мешок зерна стоил 100 золотых безантов, рыцари резали боевых коней. Ели трупы животных, траву и коренья. Стали нередкими случаи отречения от веры и перехода на сторону врага из-за куса хлеба. Священнослужители пытались организовать помощь голодавшим, но скупость и жадность купцов, обеспечивавших снабжение, в основном пизанских, мешали им. Положение спас прибывший в конце февраля полностью загруженный корабль, который удалось разгрузить. Тем временем погода улучшилась, и за ним последовали другие корабли. Они привезли весть, что короли Франции и Англии с армиями скоро высадятся на Святой Земле.

4. Поход королей. Сицилия

4 июля 1190 г. армии королей Филиппа и Ричарда выступили в поход из Везле. Хронист говорит, что общие силы насчитывали 100 тысяч человек. Это – преувеличение, войска королей насчитывали несколько тысяч человек. Хронист рассказывает, что лагерь королей в Везле был настоящим городом из шатров и палаток, но ведь тогда крупнейшие города насчитывали несколько тысяч жителей.

Численность армии французского короля известна точно: 650 рыцарей и 1300 пеших солдат. Если судить по дошедшим отрывочным сведениям и исходить из вместимости судов, армия Ричарда была примерно в 3 раза больше, причем рыцарей было не более 1100–1200, а вместе с плывущими на кораблях составляла примерно 10–11 тысяч. По крайней мере, английский хронист в «Описании паломничества и деяний короля Ричарда», говоря о захвате Мессины, называет цифру в 10 тысяч. Кроме французов, шедших с королем Филиппом, еще тысячи две-три прибыли отдельно. Кроме того, вместе с армиями королей шли отряды орденов рыцарей. Для того времени это были очень крупные силы, хотя они значительно уступали по численности армии Фридриха Барбароссы.

Корабли Ричарда, вышедшие весной 1190 г. из Англии, везли войска и должны были соединиться с кораблями с войсками из портов Нормандии, Бретани и Аквитании. Весь флот, общей численностью более 100 кораблей, должен был собраться в устье реки Тахо у Лиссабона, а затем, обогнув Европу, ждать короля в Марселе.

Армия Филиппа двигалась впереди, армия Ричарда – за ней. Войска сопровождали два хрониста: английский монах-бенедиктинец Роджер из Ховдена, человек, приближенный к совету королей, надежный и хорошо информированный, и солдат-менестрель из Нормандии Амбруаз, сочинивший эпическую хронику «*Estoire de la Guerre Sainte*» («История Святой Войны») в 12 тысяч стихов, человек искренний и несколько наивный.

Первоначально предполагалось собрать войска в Сицилии, откуда флот Вильгельма II перевез бы их в Святую Землю или в Египет. И хотя король Вильгельм умер, место сбора – Сицилию – решили не менять. Однако, в отличие от короля Вильгельма, король Танкред не мог позволить себе личное участие в крестовом походе. После Лиона пути королевских армий разошлись, вероятно, для того, чтобы облегчить их снабжение продовольствием: Филипп двинулся по суше на Геную, Ричард – на Марсель.

Король Вильгельм был женат на сестре Ричарда Иоанне, брак был бездетным, и наследницей трона стала тетка короля Констанция, вышедшая замуж за старшего сына Фридриха Барбароссы Генриха VI. Сицилийские бароны не хотели видеть Штауфена королем Сицилии (королевство включало в себя, кроме Сици-

лии, земли южной Италии и большое количество мелких островов). Их мнение полностью разделял Климент III, и бароны при поддержке папы возвели на трон бастарда (незаконнорожденного), двоюродного брата умершего короля, графа Танкреда де Лечче. Танкред, невзрачный, маленького роста, но умный и храбрый человек и способный военачальник, получил нелегкое наследство: на острове вспыхнуло мусульманское восстание, а на юге Италии восстали бароны-сторонники Генриха Штауфена. Танкред вызвал из Святой Земли свои войска и флот, отправленные на борьбу с Салах ад-Дином, и с их помощью победил врагов. В начале осени 1190 г. римский (германский) король Генрих VI, получив одновременно известия о смерти отца и о поражении своих сторонников на юге Италии, немедленно собрал войска и двинулся в Италию за наследием жены.

Филипп добрался до Генуи, где за 5850 марок нанял флот для перевозки армии в Святую Землю. Ричард направился вдоль Роны в Марсель, где, как он надеялся, его должен был ждать флот, и прибыл туда 31 июля. Но флот в это время находился еще на пути к Гибралтарскому проливу. В Марселе Ричарда ожидали паломники из разных стран. Многие из них уже истратили все, что имели, и просили Ричарда принять их на службу.

В Марселе Ричард разделил армию на три части. Одну часть, под руководством архиепископа Бодуэна Кентерберийского, Ранульфа Глэнвилла и его племянника Хьюберта Уолтера, епископа Солсбери, он отправил морем в Палестину. Возможно, этому предшествовала просьба о помощи Ги де Лузиньяна. Другую часть армии Ричард оставил в Марселе дожидаться флота. Вместе с третьей частью армии Ричард в середине августа отправился на 10 судах и 20 галерах, нанятых в Марселе, вдоль берега на восток в Геную.

В Генуе Филипп слег больным на некоторое время и, когда Ричард остановился в Портофино (в 30 километрах), обратился к нему с просьбой отдать ему пять галер из двадцати. Ричард согласился отдать только три. Может быть, почувствовав издевку или не желая выполнять какую-то ответную просьбу Ричарда, Филипп отказался принять дар. Этот эпизод демонстрирует отношения между королями в области финансов. В отличие от Ричарда, часть собранных для похода денежных средств Филипп оставил во Франции, чтобы использовать после возвращения. Он надеялся широко пользоваться в походе средствами своего богатого вассала – английского короля, а Ричард в ответ дал понять, что такого рода дружба ему не нужна. Все это не способствовало усилению дружеских чувств между королями. Местом следующей встречи они наметили Мессину.

Тем временем главная флотилия Ричарда численностью в 63 корабля, под командой Ричарда Канвилла и тамплиера-барона из Пуату Робера де Сабле, добралась до Португалии. В устье Тахо флотилия ожидала другую, под командой Гийома де Фор Олерона, отметив свое пребывание погромом мусульманского и

еврейского населения в Лиссабоне. Обе флотилии, объединившись, 24 июля 1190 г. вышли в море, держа курс на Марсель, прибыли туда 22 августа, но Ричарда там уже не застали.

Медленно, явно не желая прибыть в Мессину, опередив свой флот, шел Ричард под парусами на юг, вдоль итальянского берега, часто сходя на берег. В устье Тибра, не заезжая в Вечный город, несмотря на настоятельное приглашение папы, он встретился с кардиналом-епископом Остийским Октавианом. В Неаполе Ричард остановился на десять дней и со свитой поднялся на Везувий. В Салерно, где Ричард остановился на пять дней, он посетил знаменитую медицинскую школу и говорил с врачами. Здесь он получил долгожданное известие: его флот стал на якорь вблизи Мессины.

Король Филипп покинул Геную в конце августа, прошел под парусами вдоль итальянского берега и прибыл в Мессину 14 сентября. Прибытие его было очень скромным, Танкред встретил его с почестями и предоставил жилище в королевском дворце в Мессине.

23 сентября 1190 г. во главе флота из 100 кораблей и 14 легких судов Ричард блистательно и торжественно вошел в мессинскую гавань. Встреча с Филиппом внешне была самой что ни есть дружеской. Армию Ричарда, прибывшую в Мессину 14 сентября, в город не пустили, и она поставила шатры и палатки прямо на берегу. Ричард приказал разбить укрепленный лагерь вне города на холме, поросшем виноградом. У Ричарда были претензии к королю Сицилии Танкреду, и поэтому его торжественное прибытие было еще и демонстрацией силы.

Танкред, видимо, не доверял сестре Ричарда, королеве-вдове Иоанне, она находилась под арестом, и ей было отказано в выдаче вдовьего надела. Кроме того, покойный король Вильгельм II завещал своему тестю Генриху II в связи с крестовым походом большое наследство, состоявшее из золотой посуды и золотой мебели, шелковой палатки на 200 человек, нескольких галер и большого количества продовольствия. Так как Генрих умер, Танкред решил сохранить все это для себя. Еще из Салерно Ричард отправил к Танкреду посланцев с требованием освобождения сестры и передачи ему ее вдовьего надела и наследства короля Генриха. Это требование и вид армии и флота Ричарда напугали Танкреда, и он не разрешил размещать его войска в городе. 28 сентября он выслал к Ричарду Иоанну с королевским сопровождением и денежной компенсацией вдовьего надела – миллионом золотых тари (883 кг золота).

Привлеченный красотой Иоанны, овдовевший король Филипп был не прочь посвататься к ней, но Ричард ни в коем случае и никоим образом не желал родниться с Капетингами и отказал, ссылаясь на предстоящий крестовый поход. Считая компенсацию недостаточной, Ричард немедленно переплыл пролив и занял на калабрийском берегу укрепленный монастырь Баньяра. Там он оставил

сильный гарнизон и поселил сестру. 2 октября Ричард изгнал греческих монахов из укрепленного монастыря Сан-Сальваторе на островке близ Мессины и разместил там выгруженные с кораблей продовольствие и оружие. Захват Ричардом этих стратегически важных пунктов мог быть воспринят Танкредом как угроза войны.

Начинать войну с христианским королем, хотя бы и узурпатором, отправившись в крестовый поход, Ричард, конечно, не хотел, самое большее, чего он хотел от короля Сицилии, это получить как можно больше денег и кораблей для крестового похода. Но Танкред этого не знал и был готов к самому худшему. И в этом его, несомненно, убеждал Филипп Французский, ставший его советником и посредником при переговорах.

Король Филипп был на восемь лет моложе, но был королем уже десять лет. Он был беднее Ричарда, но терпеливее и упорнее. Горький опыт научил его благоразумию. Он был приятной наружности, с густой шевелюрой (позднее он быстро облысел), одним глазом он не видел. По словам С. Рансимена, «он был хитрый и пронырливый, вероломный и бессовестный». Главной задачей Филиппа было поскорее вернуться во Францию, и чтобы при этом, лучше всего, Ричард не вернулся. Главной целью Филиппа был не крестовый поход, а отнятие у Плантагенетов их французских владений. Филипп понимал, что победа в крестовом походе будет победой Ричарда, а поражение означало бы его, Ричарда, почти неизбежную смерть. Поэтому поражение крестового похода было для Филиппа предпочтительнее победы.

Обстановка на острове становилась все более напряженной. Помимо захватов Ричарда, возмущение жителей вызывало ухаживание крестоносцев за женщинами. «Паломники болтали с женщинами, но не хотели их серьезно обижать», — вспоминает Амбруаз. Сицилийцы, считая Филиппа, по его же утверждениям, союзником и защитником, а также сеньором Ричарда, способным его усмирить,

Ил. 33. Король Филипп II
XIX в.

всячески провоцировали армию последнего. Причиной взрыва стал рост цен, вызванный пребыванием большой армии. Однако несведущие в экономике крестоносцы объясняли это жадностью торговцев. 3 октября на базаре перед городскими воротами возникла драка между несколькими людьми Ричарда и горожанами. Пронесся слух, что Ричард хочет овладеть городом, и мессинцы закрыли ворота. Ричард силой удержал своих людей, бросившихся к воротам.

Филипп созвал в свой дворец архиепископа Монреальского, адмирала Маргарита и еще несколько видных мессинских дворян, посовещался с ними и на следующий день отправился с ними в лагерь Ричарда за городские стены, чтобы успокоить его и решить вопросы стабилизации цен и укрепления дисциплины чужеземных армий. Переговоры подходили к концу, когда несколько горожан, собравшись на холме перед шатром Ричарда, принялись громко оскорблять его.

Теперь у Ричарда появился, как он считал, желанный законный повод расправиться с Мессиной. Ричард немедленно прервал переговоры и призвал людей к оружию. Армия была уже готова к бою. Мессинцев загнали в город. Еще раньше там скрылся Филипп. Ричард вызвал вперед стрелков из арбалета и лучников, которые осыпали стены и башни города ливнем стрел. После этого таранами взломали ворота. Тем временем флот Ричарда подошел к городу с моря. Дворец, в котором жил Филипп, находился у гавани, и в анжуйской армии ходили упорные слухи, что крайне раздраженный король Франции стрелял из лука по морякам союзника и даже нескольких убил. В этом, во всяком случае, обвиняли его позже перед папой посланцы Ричарда. Однако особой нужды во флоте не было, так как войска во главе с Ричардом уже ворвались в город.

Хронист в «Описании паломничества и деяний короля Ричарда» рассказывает, как проходил захват города: «Жители города не отважились сражаться лицом к лицу с теми, кто ворвался в город со всех сторон и уже почти его захватил. Вместо этого они бросали в них метательные снаряды с крыш домов, башен городских укреплений и верхних этажей, пытаясь таким образом удержать ворвавшихся. Однако, несмотря на это, город пал. Победители устремились по улицам, возглавляемые королем, который был первым во всех атаках. Он был первым ворвавшимся в город, всегда возглавлял своих людей, служа для них примером мужества и вызывая страх у врагов. Около 10 тысяч следовали за ним по городу и грабили везде, где могли. Можно было услышать ужасные крики и разноголосье: здесь – наших людей, подбодравших друг друга, там – сицилийцев, бежавших и кричавших от страха. Наши люди удвоили усилия и срезали мечом всякого, кого находили, как колосья серпом. Когда наши люди врываются в дом, его жители прыгали с крыш и верхних этажей. Они больше боялись попасть в руки своих врагов, чем умереть, так как знали, как были жестоки сами, и не рассчитывали на пощаду, потому что не заслужили ее. Город был завоеван в одно мгновение в до-

блестном сражении, и никто не осмелился даже показать хотя бы видимость сопротивления. Что я могу еще сказать? Король Ричард взял Мессину в первой атаке быстрее, чем священник может прочесть утреннюю молитву».

Сопротивление быстро было сломлено. Погибло много мессинцев, а со стороны Ричарда всего несколько человек. Ричард предотвратил резню, грозившую городу, «однако теперь поднялись, можете мне поверить, большой грабеж и обирательство. Они брали себе добро, и золото, и красивых девушек и дам», – рассказывает Амбруаз.

Увидев знамена Ричарда над городом, Филипп потребовал их снять и заменить своими. Это была претензия на получение части добычи от города, в соответствии с заключенными в Везле соглашениями. В конце концов Ричард уступил и распорядился заменить свои знамена знаменами госпитальеров и тамплиеров, под чье попечение переходила Мессина до выплаты Танкредом выкупа. Однако фактически город остался под контролем Ричарда. Он конфисковал недвижимость бежавших зачинщиков беспорядков. Город должен был выставить заложников и подвергся бы разграблению, если бы Танкред не выполнил предъявленные ему требования.

8 октября был подписан договор, по которому Танкред передавал английскому королю 20 тысяч унций золота как добавление ко вдовьему наделу Иоанны и еще 20 тысяч унций золота как компенсацию завещания Генриху II. Было принято решение о предстоящем бракосочетании младенца – дочери Танкреда с племянником Ричарда Артуром Бретонским, объявленным его наследником, и компенсация завещания была оформлена как ее приданое. По совету архиепископа Руанского Ричард с большой неохотой возвратил конфискованное им имущество горожан.

Помимо этого, Ричард обещал Танкреду, пока он находится на Сицилии, военную помощь против любого захватчика, под которым мог подразумеваться тогда только германский король Генрих. Конечно, Ричард не собирался защищать Танкреда от германских войск. Филипп, кстати сказать, отказался давать подобное обещание. Это вместе с получением выкупа у Танкреда послужит поводом для задержания Ричарда германским императором на обратном пути. Деньги, полученные Иоанной и Ричардом от Танкреда, как раз и составили ту сумму (83 тысячи кельнских серебряных марок), которую Генрих VI взял в конце концов в виде выкупа с попавшего в плен Ричарда. Свои деньги Иоанна передала Ричарду на нужды крестового похода.

Обращает на себя внимание поведение Филиппа. Поощрив к сопротивлению мессинцев, он бросил их на произвол судьбы, когда Ричард начал атаку города. С другой стороны, объявленный им во время штурма нейтралитет фактически был предательством по отношению к товарищам по оружию, Ричарду и его армии.

Однако это не помешало Филиппу, ссылаясь на везлейский договор, потребовать от Ричарда половину из 40 тысяч унций, полученных от Танкреда. Сговорились на одну треть (15 тысяч марок), так как, обидевшись, Филипп мог возвратиться домой.

Четкая последовательность его борьбы с анжуйской империей до и после крестового похода заставляет поверить, что и во время него он, где мог, вредил Ричарду. Филипп старался обеспечить ему как можно большее количество врагов. Ричард приобретал славу надменного и беспринципного разбойника, сотрудничеству с которым невозможно, а Филипп – кроткого миротворца, ставившего успех общего святого дела выше собственных интересов и гордости. Все это, безусловно, шло во вред делу крестового похода.

В середине октября, когда отношения между французским и английским королями заметно охладились, Филипп решил отправиться в Палестину. Он вышел в море, но шторм загнал его обратно в Мессину, и он остался зимовать на Сицилии вместе с Ричардом. В это время Ричард послал гонцов к своей матери с просьбой привезти на Сицилию Беренгарию Наваррскую.

На холме, возвышающемся над городом, Ричард возвел для проживания деревянный замок с земляными валами и назвал его, пользуясь шахматной терминологией, «Матегрифон» – «Смерть грекам». Стычки с местным населением прекратились. Вокруг города Ричард поставил виселицы, на которых вешал провинившихся – как своих, так и горожан. Именно здесь, на Сицилии, Ричард получил свое боевое имя – «Львиное Сердце» (такое прозвище было для него не новинку; уже и раньше его называли «Львом»), в то время как Филиппа прозвали на острове «Агнцем», что, видимо, свидетельствует об умении последнего притворяться.

В январе по приглашению Ричарда прибыл знаменитый Иоахим Флорский, аббат-цистерцианец, живший отшельником в Калабрии, чьи идеи дожили вплоть до XIX в., предшествуя «теории научного коммунизма». Выдающийся мыслитель средневековья, он считал, что обнаружил скрытое значение Библии и особенно книги Откровения Иоанна Богослова, с помощью чего якобы может предсказывать будущее. Всемирную историю он делил на три эры, соответствующие трем лицам Троицы. Грядущая эра Святого Духа будет характеризоваться, по мнению Иоахима, воцарением на земле свободы, любви и мира и должна начаться где-то между 1200 и 1260 гг.

Все это очень заинтересовало Ричарда. По словам Роджера из Ховдена, «он и его приближенные наслаждались услышанным». Среди слушателей было несколько архиепископов и епископов, а также «много иных уважаемых лиц, как клириков, так и мирян». В числе семи главных гонителей Церкви двумя последними Иоахим назвал Салах ад-Дина и антихриста и предсказал скорый конец Салах ад-Дина и освобождение Иерусалима. «Бог дарует тебе, – сказал он Ри-

чарду, – победу над врагами твоими и прославит твое имя в вечности». Однако после гибели Салах ад-Дина придет седьмой гонитель – антихрист. По словам Иоахима, антихрист родится в Риме и завладеет папским престолом. В ответ Ричард высказал предположение (может быть, в шутку), что антихрист мог уже родиться в лице папы Климента III. По мнению же самого Ричарда, антихрист должен родиться в Вавилоне (Каире) или Антиохии, править из Иерусалима в течение трех с половиной лет, и после его смерти Бог дарует 60 дней, чтобы соvrащенные им успели раскаяться. В ответ на это отшельник предложил Ричарду ограничиться войной, а истолкование Библии оставить тем, кто посвящен в ее секреты. Иоахим Флорский умер в 1202 г.; 4-й Латеранский собор в 1215 г. осудил его лжеучение, наряду с лжеучениями еретиков – катаров и альбигойцев.

На Сретение, 2 февраля, во время дружеской потасовки Ричард поссорился с видным французским рыцарем Гийомом де Баром, с которым у него и раньше отношения складывались не лучшим образом. Однако Филиппу, архиепископу и епископам удалось примирить их.

Получив к этому времени много жалоб на верховного юстициария и канцлера Лоншана, Ричард решил послать в Англию Готье, архиепископа Руанского.

Тогда же начали окончательно портиться отношения между королями: к Ричарду должна была прибыть невеста, и слухи об этом, видимо, дошли до Филиппа. В сопровождении королевы Алиеноры, которой было около 70 лет, приехавшей за ней в Наварру, и присоединившегося по дороге графа Филиппа Фландрского Беренгария Наваррская в январе 1191 г. прибыла в Ломбардию. В это время там уже находился германский король Генрих, шедший за наследством жены в южную Италию. 20 января в Лоди близ Милана состоялась встреча королевы Алиеноры с королем Генрихом. В конце февраля кортеж старой королевы, молодой принцессы – невесты и графа Фландрского прибыл в Неаполь, и Ричард выслал несколько галер, чтобы доставить их в Мессину. Однако люди Танкреда разрешили взойти на борт только графу Филиппу. Алиеноре и Беренгарию поездка в Мессину была запрещена по причине многочисленности свиты и переполненности города.

Получив известие об этом, Ричард отправился к Танкреду за объяснением. Встретившись 3 марта в Катании, короли провели вместе пять дней. Опираясь на сообщение Роджера из Ховдена, можно нарисовать следующую картину. Танкред рассказал Ричарду, что Филипп предостерегал против него, уверял, что король Англии в нарушение договора планирует захватить его государство и, в случае войны, обещал помощь против Ричарда. В виде доказательства Танкред предъявил письма Филиппа, переданные ему герцогом Бургундским. Возможно, страх Танкреда мог быть усилен и многочисленностью свиты Алиеноры, и ее встречей с королем Генрихом.

Далее хронист рассказывает, что Ричард и Танкред расстались друзьями. В знак взаимного расположения Танкред подарил Ричарду четыре судна и пятнадцать галер. Со своей стороны, Ричард вручил Танкреду знаменитый Эскалибур, меч легендарного короля Артура, героя многочисленных поэм и рыцарских романов, недавно найденный при раскопках в аббатстве Гластонбери, на границе Уэльса.

Филипп стал жертвой своей нечестной игры. Вzbешенный Ричард уклонился от встречи с ним. Французский король потребовал объяснений. Английский король представил объяснения через графа Фландрского. Филипп сначала смутился, потом все отрицал и заявил, что Ричард придумал это, чтобы оправдать отказ от брака с Алисой. Ричард отвечал, что он до последнего времени хотел жениться на Алисе, но теперь не может, так как недавно раскрылось, что Алиса была в связи со старым королем Генрихом и родила от него сына, о чем у него есть соответствующие документы и что могут подтвердить свидетели. Судя по тому, что граф Фландрский принял сторону Ричарда, оправдания Филиппа были не очень убедительными.

Чтобы избежать публичного скандала, Филипп освободил Ричарда от обручения. Был заключен договор, по которому Ричард передал Филиппу 10 тысяч марок, а приданое Алисы – город Жизор и нормандский Вексен – должно было принадлежать Ричарду и его мужским наследникам. Однако, если бы Ричард умер, не оставив наследника, Вексен должен был вернуться к Филиппу и его наследникам. 30 марта, за несколько часов до прибытия Алиеноры и Беренгари, Филипп покинул Мессину и направился к берегам Палестины.

Алиенора привезла Ричарду новую невесту – Беренгарию. Проведя в Мессине три дня и отдав Беренгарию на попечение Иоанны, старая королева собралась в обратный путь вместе с архиепископом Руанским. Дела призывали их в Англию. Проезжая через Рим, они стали свидетелями событий мирового значения. 10 апреля 1191 г. умер папа Климент III, которого Ричард называл «антихристом», и на его место в тот же день был избран Целестин III. На второй день Пасхи, 15 апреля, новый папа короновал короля Генриха и королеву Констанцию императорскими коронами.

Филипп без происшествий совершил переход в Тир, где его приветствовал его родственник Конрад Монферратский. 20 апреля они вместе высадились перед Акрой.

5. Кипр

Прибытие Беренгари, пришлось на Великий пост, и поэтому свадьбу пришлось отложить. Получив от Танкреда корабли (принятие подарка, видимо, было отложено до отбытия Филиппа, чтобы тот не мог претендовать на его часть), 10 апреля 1191 г. Ричард вышел в море. Перед этим был разобран «Материги-

фон». Дерево было уложено на суда. На одном из кораблей, сопровождаемом двумя галерами эскорта, находились Беренгария и Иоанна. Ричард выстроил флот клином, в вершине которого находился его корабль. Чтобы корабли держались вместе, Ричард приказывал ночами зажигать на верхушке мачты факел. «Этот флот из лучших кораблей и людей он вел, как наседка ведет выводок за кормом, таково было его прирожденное рыцарство», – напишет Амбруаз.

12 апреля корабли настиг жестокий шторм. 17 апреля, когда по спокойной воде подошли к Криту, флот не досчитался 25 кораблей, в том числе с невестой и сестрой Ричарда. На следующий день корабли двинулись к Родосу и подошли к нему 22 апреля. На Родосе задержались на десять дней. От встретившегося торгового судна узнали новости из Акры: Филипп прибыл туда 20 апреля и присоединился к осаждающим. В Атталийском (Анталийском) заливе флот Ричарда попал в шторм и круто повернул на юг, к Кипру. 6 мая флот подошел к Лимасолу, и Ричард увидел свои корабли, стоящие там на якоре, в том числе и судно с Беренгарией и Иоанной. Очевидно, Лимасол заранее, еще в Мессине, был назначен местом сбора, так как именно сюда подходили затем отставшие корабли. Судно с Беренгарией и Иоанной вместе с несколькими другими кораблями, опередив главный флот, прибыло сюда еще 24 апреля и ждало здесь короля. Здесь, на рейде Лимасола, 1 мая их застиг шторм, два корабля погибли, несколько человек утонули, но большинству удалось добраться до берега, где их взяли в плен греки.

Современники и большинство историков объясняли прибытие Ричарда на Кипр случайностью, а последовавшее завоевание острова его беспредельным авантюризмом. Однако имеется много косвенных доказательств, указывающих, что это не так. Корабли с Иоанной и Беренгарией продолжали оставаться на рейде Лимасола, несмотря на враждебное отношение правителя Кипра Исаака, выполняя, видимо, приказ короля. Отбившаяся во время шторма недалеко от Сицилии часть флота 12 мая подошла не куда-нибудь, например к Акре, а к Лимасолу. Кипр был последней возможностью бракосочетания короля, если только он не хотел начинать совместный поход с провокационной по отношению к Филиппу свадьбы под Акрой.

Можно предположить, что правитель Кипра был заранее настроен враждебно по отношению к Ричарду, не желал идти на уступки и готов был к войне с ним. И это не только потому, что король появился у Лимасола без предварительного, как было положено, оповещения, но и потому, возможно, что Исаак был заранее извещен о его намерении захватить остров. И тут опять можно предположить, что информатором был Филипп. Конечно, Ричард не сообщал Филиппу о замысле завоевать Кипр. Это было бы воспринято тем как предложение разделить добычу. Но кое-какая информация до Филиппа могла дойти, и он, возможно, поспешил поделиться ею с Исааком.

Завоевание острова в одном дне морского пути от Палестины, базы снабжения и опорного пункта сражающейся армии, было второй по важности стратегической находкой Ричарда. Первой, как мы уже говорили, была доставка армии в Палестину морем.

Остров Кипр, принадлежавший Византийской империи, захватил в 1185 г. Исаак из императорской семьи Комнинов. Он прибыл на остров при императоре Андронике Комнине с подложными документами, дававшими ему право на губернаторство над Кипром. Вскоре он провозгласил себя императором Кипра и стал править как независимый властитель. Когда император Исаак Ангел, свергший Андроника, попытался в 1186 г. присоединить остров к империи, на помощь узурпатору пришел флот Вильгельма II, короля Сицилии, давнего врага Византии.

В дальнейшем в борьбе против Византии Исаак опирался на поддержку Салах ад-Дина. «Мало что принесло Сирии столько зла, как этот остров по соседству, а когда-то он был ее поддержкой... Там царствовал тиран, преданный злу, изменник и предатель хуже Иуды и Ганелона. Он отступился от Христа, был другом Салах ад-Дина. Чтобы скрепить дружбу, они даже пили кровь друг друга», – говорит увлекающийся Амбруаз. И хотя союза, оформленного договором, у Исаака с Салах ад-Дином, видимо, не было, отношения у них были дружескими. Ричард не хотел оставлять в тылу враждебно настроенного правителя и задумал воспользоваться островом как базой снабжения, а заодно и дополнительно пополнить свой кошель. Безусловно, сыграло роль и то, что правитель Кипра не был католиком. В глазах европейцев-католиков схизматики (раскольники) – православные были не многим лучше неверных.

Потерпевшие кораблекрушение люди Ричарда были ограблены и брошены в крепость. С помощью десантного отряда в результате небольшого боя часть их была освобождена и укрылась на английских кораблях. Появившийся 2 мая в Лимасоле Исаак, узнав, что на борту одного из кораблей находятся Беренгария и Иоанна, повел себя крайне вежливо, обещал возместить ущерб и пригласил их на берег к себе в гости. Поблагодарив, женщины отказались, сославшись на отсутствие разрешения Ричарда. Исаак тем временем стянул к Лимасолу войска и несколько вооруженных галер. На берегу, где у Лимасола не было укреплений, Исаак устроил завалы-баррикады, используя для них все, что можно было найти в городе, а также обломки кораблей. Несмотря на угрозу нападения, английские корабли от Лимасола не уходили. В это время к Лимасолу подошел флот Ричарда, и теперь поведение Исаака изменилось. Он категорически отказался выполнить переданную посланцем просьбу Ричарда освободить еще оставшихся у него подданных короля и возместить причиненный ущерб. Дадим слово Амбруазу: «Он [Исаак] злобно закричал: “Чего захотел!..”. Услышав ответ, король приказал: “К оружию!”». Первой жертвой стали галеры Исаака. Они были атакованы и, почти

без сопротивления, сдались. Исаак ждал на берегу во главе конных отрядов, состоявших из греков и наемников. Почти все его войско, кроме другого оружия, имело луки. Ричард с воинами, погрузившись в шлюпки, на веслах пошел к берегу. Он первым спрыгнул в воду и вышел на берег. Главную роль в сражении опять сыграли арбалетчики и лучники. Они начали стрелять еще из шлюпок. Баррикады, вместо того чтобы помешать воинам Ричарда, помогли им. Под их прикрытием стрелки накапливались и усиливали огонь. Затем высадились рыцари, и началось сражение. Наконец Исаак не выдержал и отступил. Войска Ричарда вошли в Лимасол, где нашли большую добычу.

Исаак с армией расположился в нескольких километрах от города, готовый на следующий день вступить в бой с Ричардом. Исаак, однако, недооценил противника. Остаток дня и ночью на берег свозили коней. Так как на кораблях они висели в лямках, едва достигая копытами настила, на берегу перед боем их нужно было прогнать. Пока занимались этим, Ричард послал разведку для обнаружения местонахождения врага. Рано утром во главе нескольких десятков конных рыцарей (столько коней успели подготовить к бою) Ричард атаковал армию императора. Ричард был впереди всех. Он сбил копьем наземь Исаака и захватил его знамя. Исаак едва сумел ударить из боя на другом коне. Было захвачено много пленных и огромные трофеи, в том числе императорский шатер, сокровища, табун отличных коней, продовольствие. Исаак бежал в Никосию. На следующий день многие из главных землевладельцев этой части Кипра явились к Ричарду, принесли ему присягу и оставили заложников. Их примеру последовали оставшиеся верными Исааку, когда тот 11 мая приехал к Ричарду просить мира.

В тот же день на трех кораблях к Ричарду прибыли гости из-под Акры во главе с королем Иерусалимским Ги де Лузиньяном. Другими прибывшими были его старшие братья, старый мятежник Жофруа и коннетабль Амори; Боэмунд III Заика, князь Антиохийский; его сын Раймунд; Онфруа IV де Торон и Лев II, князь армянской Киликии. Они явились просить помощи против Филиппа II, который намеревался теперь сбросить с трона Ги де Лузиньяна. Узнав, что Филипп поддержал соперника Ги Конрада Монферратского, Ричард немедленно обещал помощь. Вся группа прибывших присягнула на верность Ричарду.

Вместе с королем Ги прибыли на Кипр и несколько тамплиеров, видимо, для встречи нового видного члена ордена, известного военачальника, барона из Пуату, друга английского короля, Робера де Сабле. Осенью 1191 г. он был избран магистром ордена.

В воскресенье 12 мая в часовне Святого Георгия в Лимасоле состоялось бракосочетание Ричарда и Беренгарии Наваррской. Молодых венчал капеллан короля Никола. В этот же день Жан, епископ Эвре, возложил на Беренгарию корону королевы Англии.

Затем был заключен договор с Исааком Комнином, по которому Кипр на время крестового похода переходил под власть Ричарда. Исаак должен был принести королю клятву верности, сдать крепости, оставить дочь заложницей и на время похода примкнуть к крестоносцам. По окончании похода Комнин должен был вновь получить власть над островом. Выполнил бы или нет Ричард это обещание, можно только гадать, так как в тот же день Исаак, воспользовавшись тем, что во время послеобеденного зноя охрана заснула, бежал из королевского лагеря и возобновил войну.

После того как 12 мая в гавань Лимасола подошла отставшая часть флота и силы Ричарда удвоились, он посадил войска на корабли и, разделив их на две эскадры, послал в разные стороны вокруг острова. Одной эскадрой командовал он сам, другой – Роберт Торнем. Их задачей было овладеть прибрежными городами и замками и захватить корабли Исаака. Это было выполнено без сопротивления со стороны греков. Гарнизоны городов и команды кораблей бежали в горы. Эскадры встретились через три дня в Фамагусте и задержались там на три дня.

Сюда прибыла делегация из-под Акры от короля Филиппа. Французскую делегацию возглавлял епископ Бове. Тезка и двоюродный брат Филиппа, он стал епископом Бове 18 лет от роду, но церковными делами почти не занимался, будучи одним из главных военачальников короля. Двенадцать лет назад, в возрасте 21 года, он уже побывал в Святой Земле, но, не обрета славы, быстро возвратился домой.

По словам Амбруаза, Ричард был обвинен епископом в том, что «он тешится бесполезной военной игрой, без надобности мучит невинных христиан [греков], в то время как предстоит одолеть тысячи врагов Христа. Значит ли это, что перед более трудной задачей отступает его прославленное мужество?». В ответ король гневно поднял брови, а его друзья вступились за него: «Были тут сказаны слова, которых лучше не станем записывать». Епископ Бове передал Ричарду жесткое требование Филиппа немедленно присоединиться к нему, так как его отсутствие задерживает взятие Акры. Было видно, что Филипп болезненно переживает успехи Ричарда на Кипре.

Сторонники Исаака владели несколькими хорошо укрепленными замками в горах на севере острова. Исаак надеялся отсидеться, опираясь на них, до ухода Ричарда на материк, а затем отвоевать остров. Не могло быть и речи о том, чтобы отправиться в Палестину, оставив Исаака на свободе. Во главе войск Ричард двинулся на Никосию. На равнине между Фамагустой и Никосией произошла битва. Исаак напал на аррьергард, в котором находился король. В бою Ричард опять встретился с Исааком. Тот стрелял в короля отравленными стрелами, но Ричард увернулся. Исааку опять удалось выскользнуть из боя, а затем ускакать, пользуясь быстротой коня. Никосия сдалась без боя. Население и знать принесли присягу.

В Никосии Ричард заболел, и руководство дальнейшей операцией было поручено королю Ги, хорошо знакомому с островом. Он перешел горы, захватил порт и крепость Кирению и взял там в плен жену и дочь Исаака. Ги приказал поднять над городом знамя Ричарда, демонстрируя верность сеньору. После этого Ги сдался замок «Бога любви» (или святого Илариона), который, по преданию, был построен королевой Венерой для сына Купидона. Затем выздоровевший Ричард осадил неприступный замок Буффавенто, но замок сам открыл ему ворота, когда добровольно сдался Исаак Комнин, сидевший в крепости Кантара. На это его, видимо, толкнула весть о пленении дочери. Он просил Ричарда не заковывать его в железо, и для него специально выковали серебряные цепи.

1 июня 1191 г. весь остров был в руках Ричарда. Вслед за Сицилией и Кипр теперь сделал вклад в кошель короля. Помимо добычи и конфискованной собственности, Ричард обложил киприотов 50-процентной податью на нужды крестового похода. В качестве курьеза можно указать на то, что Ричард предложил киприотам сбрить бороды. Взамен он подтвердил местные законы и обязался их защищать. Оставив Роберта Торнема и Ричарда Канвилла управлять островом, 5 июня король отправился на завоевание Гроба Господня. Завоевание Кипра было хорошо спланированной и проведенной операцией.

Не имея возможности держать на острове гарнизоны, Ричард продал его тамплиерам за 100 тысяч безантов, причем орден внес только задаток в 40 тысяч. Тамплиеры обложили местное население высоким налогом, чтобы поскорее расплатиться с Ричардом. После восстания киприотов на Пасху 1192 г. сделка показалась тамплиерам невыгодной. Как раз в это время остался без престола Ги де Лузиньян. Ричард предложил ему перекупить остров. Взяв ссуду, он заплатил тамплиерам 40 тысяч безантов, оставшись должным Ричарду 60 тысяч. Покидая Палестину, право получения долга Ричард передал регенту Иерусалимского королевства, племяннику Генриху Шампанскому. После брака брата и наследника Ги — Амори де Лузиньяна со вдовой Генриха, королевой Изабеллой, в 1197 г. остров оказался во владении Лузиньянов.

6. Короли под Акрой

Отправившись из Кипра, первую остановку на Святой Земле Ричард сделал у крепости госпитальеров Маргат (Маркаб). С магистром ордена Гарнье де Наблю еще со времени коронации Ричарда связывали дружеские отношения. Оставив Исаака Комнина в крепости, Ричард отправился под парусами далее на юг. В море галеры Ричарда встретили большой корабль под флагом короля Франции, стоявший из-за безветрия. Корабль оказался сарацинским, идущим из Бейрута в Акру с грузом продовольствия, оружия и с пополнением из 800 отборных солдат. Высота громадного корабля не позволяла галерам взять корабль на abordаж.

Большая галера, пытавшаяся это сделать и ставшая с кораблем бок о бок, была, согласно сообщению мусульманского хрониста Баха ад-Дина, сожжена «греческим огнем». Английская хроника «Описание паломничества и деяний короля Ричарда» рассказывает: «...он [король] отдал приказ, чтобы все галеры таранили корабль своей шпорой, так назывался таран, обшитый железом на носу [продолжение кия под форштевнем]. Галеры на веслах отошли назад и затем, сильно ударяя веслами, устремились вперед, чтобы вонзиться [таранами] в борта корабля. Корабль был пробит, и вскоре через отверстие хлынула вода, и корабль начал тонуть. Чтобы избежать смерти на корабле, турки [мусульмане] прыгали в море. Несмотря на это, они погибли, так как наши люди набросились на них с веслами, одних убили, а других утопили. Король приказал, однако, тридцать пять оставить в живых, эмиров и тех, кто разбирался в строительстве осадных машин. Все остальные погибли, и их оружие пропало; змеи попали в воду и были унесены волнами» (вместе с кораблем погибли 200 ядовитых змей, которых собирались тайно выпустить в христианский лагерь). 7 июня король прибыл к Тиру. В город Конрад его не пустил, и заночевать пришлось в палатках у берега моря.

Наконец, 8 июня 1191 г., на 25 кораблях (Филипп – на 6) Ричард прибыл под Акру и был встречен крестоносцами с великим подъемом чувств. Часть флота уже ждала его у Акры, а часть еще должна была подойти. Пир продолжался далеко за полночь. Паломники жарили на кострах мясо и пили вино, привезенные Ричардом, ходили по лагерю факельными шествиями и пели гимны и песни. Угрюмо и с тайной неуверенностью смотрели на все это мусульмане со стен Акры и с холмов, окружавших лагерь.

С прибытием Филиппа, а затем Ричарда оживилась боевая деятельность христиан под Акрой. В то же время войска Салах ад-Дина, уставшие от непрерывной четырехлетней войны, роптали и бунтовали. Проблема непрерывной войны и содержания постоянной армии до сих пор вообще была незнакома исламским правителям. Кроме того, Салах ад-Дину не хватало денежных средств. Имад ад-Дин приводит слова Салах ад-Дина из одного его письма: «Где люди, желающие выполнить долг священной войны? Где люди, руководимые правдой? Где мусульмане? Жестокая ошибка, нет больше истинных мусульман...». Узнав о предстоящем прибытии французского и английского королей, Салах ад-Дин провел большую мобилизацию. Во всех мечетях имамы и муллы призывали народ к священной войне: «Походы ваши против неверных, опасности, раны и даже просто переход через поток – все будет записано в книге у Аллаха».

Филипп и герцог Бургундский привезли с собой осадные метательные машины, катапульты и баллисты. Самая большая катапульта носила имя «Злая соседка», передвижная лестница с захватом наверху – «Кошка». На средства тамплиеров и госпитальеров, а также на общие средства крестоносцев были

построены еще несколько машин. Одна из них называлась «Божья катапульта». Было построено также несколько таранов. Ричард присоединил свои осадные машины к этим машинам. Из привезенного дерева была собрана многоэтажная башня, получившая вновь свое сицилийское имя «Матегрифон». Умерший в лагере за неделю до прибытия Ричарда Филипп, граф Фландрский, завещал английскому королю свои осадные машины. Усилились также и подрывные работы минеров. Флот Ричарда надежно блокировал Акру с моря.

Хронисты, державшие сторону Филиппа, впоследствии утверждали, что только учтивость не позволила французскому королю овладеть Акрой до прибытия Ричарда. Он якобы специально его ждал, чтобы разделить триумф. На самом деле это было не так. Филиппу просто не хватало сил. Как только Филипп пытался штурмовать Акру, Салах ад-Дин атаковал лагерь, срывая таким образом штурм. С прибытием Ричарда сил стало достаточно. Однако сразу началось соперничество между королями. Филипп не хотел расставаться с ролью командующего, к которой привык за два месяца. Ричарда же не устраивала отведенная ему Филиппом роль вассала, помощника и плательщика. Боевые опыт и слава и имеющиеся в наличии люди и средства явно ставили его на первое место.

С прибытием Ричарда Филипп назначил общий штурм. Ричард отказался в нем участвовать, утверждая, что не получил еще всего снаряжения. Штурм был отбит, а при отражении нападения Салах ад-Дина на лагерь отличился Жофруа де Лузиньян. Короли договорились на будущее: если один штурмует город, другой остается отбивать нападение Салах ад-Дина. Лагерь разделился на сторонников Филиппа и на сторонников Ричарда. К числу первых относились немцы, Конрад Монферратский и генуэзцы, к числу вторых – пизанцы. Хотя оба рыцарских ордена, тамплиеры и госпитальеры, соблюдали нейтралитет, с гораздо большей симпатией они относились к Ричарду.

После прибытия Ричарда Конрад посчитал для себя опасным оставаться в лагере. Филиппу с трудом удалось переубедить его. Ричард немедленно предложил каждому рыцарю, желающему служить у него, месячное жалованье в четыре безанта, узнав, что Филипп предложил три. Когда ночью осажденные сожгли оставленные без охраны осадные машины Филиппа, тот обвинил в этом Ричарда, который якобы переманил у него людей. После того как оставшийся без средств Генрих Шампанский обратился за помощью к Филиппу и получил отказ, он перешел на сторону короля Англии, щедро наделившего племянника всем необходимым. При этом Ричард внимательно следил, чтобы люди, получавшие у него жалованье, не выполняли приказов Филиппа. Испытывавший во всем нужду Филипп потребовал, согласно договору в Везле, половину кипрской добычи. Ричард отвечал, что, по его представлениям, договор касался добычи, отнятой у мусульман, но что он не против, если в свою очередь Филипп отдаст ему половину

наследства умершего графа Фландрского. После смерти графа графство Артуа должно было перейти к королю Филиппу как наследство принцу Людовику от матери, племянницы графа Филиппа.

Узнав про переговоры Филиппа с Салах ад-Дином, Ричард сам неоднократно пытался начать с ним диалог. Получив отказ, Ричард начал переговоры с братом Салах ад-Дина, Саиф ад-Дином аль-Адилем. Постепенно между ними возникло что-то напоминавшее дружбу. Аль-Адил даже стал посредником при переговорах Ричарда с Салах ад-Дином. Взаимный обмен делегациями и подарками открывал дорогу будущим мирным переговорам, а также способствовал шпионажу. Все это, общепринятое на Востоке, вызывало неприятие и подозрение в измене в среде ревностных христиан-европейцев.

Вскоре после прибытия Ричарда оба короля тяжело заболели «арнольдией», сначала Ричард, а затем и Филипп. Немного поправившись, Ричард приказал выносить себя на носилках на передовую линию. Там он руководил стрельбой метательных машин. Положение Акры становилось все хуже. Работа таранов и подрывников-копальщиков приносила плоды. Обрушивались целые участки стен. С неутомимой энергией осажденные восстанавливали укрепления и отбивали атаки, но обеими сторонами уже ощущалась неизбежность падения города. Начались переговоры о сдаче города.

3 июля Филипп предпринял решительный штурм. При штурме героически погиб французский маршал Обри Клеман. Со знаменем в руках по приставной лестнице он полез на полуобрушившуюся стену, но был сброшен вниз, а затем зацеплен крюком и поднят на стену. В этом же бою мусульманами был взят в плен Конрад Монферратский, но вскоре с почетом отпущен. Вероятно, уже ощущая себя королем и строя будущие отношения с мусульманами, он, в отличие от Ричарда, был сторонником самой милостивой сдачи города и поэтому надеждой осажденных. В это же время Ричард успешно отбил штурм лагеря, возглавляемый аль-Адилем. 4 июля на переговоры к Филиппу «как к командующему» явился помощник коменданта Акры аль-Маштуб. Он попросил трехдневного перемирия, чтобы получить возможность снестись с Салах ад-Дином относительно сдачи города. Филипп согласился. В это время, к крайнему неудовольствию Филиппа, Ричард демонстративно начал штурм Акры. Переговоры были сорваны, хотя штурм не удался. В ночь на 5 июля гарнизон попытался пробиться к Салах ад-Дину, но заранее извещенные об этом информатором из города крестоносцы отбили вылазку. 6 июля Салах ад-Дин наконец согласился за освобождение гарнизона Акры вернуть христианам Святой Крест и все завоеванные им земли, за исключением Иерусалима, а также Аскалона и Керака, контролирующих дороги из Египта в Иерусалим и Сирию. За это, помимо освобождения пленных, крестоносцы в течение двух лет в союзе с ним должны будут воевать с

халифом Багдадским. Оба короля отвергли это предложение, и 7 июля штурм возобновился. В ночь на 11 июля Конрад Монферратский с согласия Филиппа, но без ведома Ричарда, «будучи в караульной службе», принял капитуляцию Каракуша и аль-Маштуба, от имени французского короля и от своего заключил перемирие и вывесил на башнях Акры знамена Франции и свои. Эмиры заключали перемирие на свой страх и риск, не заручившись согласием Салах ад-Дина. Узнав о случившемся ночью и увидев на башнях знамена, утром Ричард приказал штурмовать город. Вне себя от бешенства, Филипп чуть было не отдал приказ атаковать войска Ричарда с тыла. С большим трудом бароны смогли добиться соглашения между королями.

Конрад и, возможно, Филипп обещали сдающемуся гарнизону жизнь и свободу, с имуществом или нет, с выкупом или нет, с обменом мусульман на пленных христиан или нет – точно не известно. Условия Ричарда, поддержанные большинством крестоносцев, были гораздо жестче. Об имуществе пленных речь там вообще не шла: оно и так принадлежало победителям. В конце концов Салах ад-Дин вынужден был согласиться на следующие условия: в обмен на пленных он должен был передать Святой Крест, около 1500 пленных христиан и 200 тысяч динаров золотом. В пересчете на марки это составляло примерно 35 тысяч, на долю Ричарда приходилась половина. Жителям разрешался выход из города. Сумма, выплаченная христианами за свободный выход из Иерусалима в 1187 г., составляла около 100 тысяч динаров. Кроме того, эти деньги были получены из взятого города, а теперь должны были поступить извне. Некоторым оправданием может служить то, что мусульманам в Акре достались богатейшие купеческие склады, а большая часть их имущества еще совсем недавно принадлежала христианам.

12 июля 1191 г. крестоносцы вошли в Акру. Город был разделен на два сектора: французский и английский. Жителям-христианам возвращались их дома, и они обязаны были разместить у себя крестоносцев. Французскому королю был отведен под жилье замок тамплиеров, английскому королю – королевский дворец, где он и поселился с Беренгарией, Иоанной и дочерью Исаака Кипрского. В центральном зале дворца был поставлен временный трон Ричарда. В руки христиан попала также почти вся египетская флотилия, стоявшая на якоре в гавани. Сбором и разделом добычи должны были заниматься тамплиеры и госпитальеры. Вся добыча была поделена между королями, к великому негодованию других участников похода – ветеранов осады. В ответ на их протесты оба короля дали плохо понятные ответы, что, впрочем, не помешало впоследствии Филиппу выступить в роли обиженного Ричардом при разделе добычи.

В это время и произошел инцидент, имевший в дальнейшем большие последствия. Герцог Леопольд V Австрийский после смерти Фридриха Швабского

остался самым знатным из немецких крестоносцев и фактически стал их предводителем. На его беду, у него было мало средств, и потому влиянием он не пользовался. Будучи родственником Конрада Монферратского, он сразу принял сторону его и Филиппа. После взятия Акры Леопольд, видимо, вывесил знамя над одним из домов в английском секторе города, рассчитывая его занять. По приказанию Ричарда знамя было снято и выброшено в городской ров. В чем причина такого оскорбления? Возможно, Леопольд совершил какой-то нелояльный поступок по отношению к английскому королю. Возможно, Ричард просто не хотел видеть в своем секторе сторонника Филиппа и Конрада. Можно предположить также, что Леопольд выглядел в глазах Ричарда представителем мелкого рыцарства, водружением своего знамени требовавшим часть добычи. Во всяком случае, это была ошибка, за которую Ричард потом дорого заплатил. Так и не получив удовлетворения, смертельно обиженный Леопольд отправился домой.

Потери крестоносцев при осаде Акры были чрезвычайно высоки. Список умерших и погибших включал в себя королеву Сибиллу, патриарха Эракла Иерусалимского, пятерых архиепископов, шестерых епископов, четырех аббатов, одного приора, одного архидьякона, двух герцогов, одного ландграфа, десятих графов, трех виконтов и еще тридцать нетитулованных баронов. Сколько погибло рыцарей и простого народа, никто и не пытался сосчитать.

Со взятием Акры Филипп посчитал крестовую миссию законченной. 20 июля Ричард предложил Филиппу дать совместное обещание остаться в Святой Земле еще на три года, чтобы окончательно разбить Салах ад-Дина и завоевать Иерусалим. Тот отказался и уже 22 июля объявил о решении отправиться домой, мотивируя это болезнью и нездоровым климатом. Это вызвало всеобщее возмущение, так как всем здесь находившимся грозила смерть не только от вражеского оружия, но и от болезней, вызванных климатом. Филипп попросил разрешения на отъезд у Ричарда, с которым он был связан договором. В конце концов английский король согласился на его отъезд, заставив Филиппа признать, что теперь никто из них ничего никому не должен и еще раз дать клятву на Евангелии не нападать на анжуйские владения не только во время его отсутствия, но и еще в течение 40 дней после его, Ричарда, возвращения. Впрочем, он мало верил обещаниям и поэтому вдогонку за Филиппом послал быстроходный корабль с приказом готовить замки к войне. Расположенные к Филиппу хронисты, впрочем, объясняли его внезапный отъезд необходимостью присоединения к Франции графства Артуа.

После смерти патриарха Эракла, в результате долгих споров, в патриархии была выбрана компромиссная фигура: некий монах по имени Рауль. Теперь королям оставалось до отъезда Филиппа решить, кто будет королем Иерусалима. Конрад Монферратский был кровно заинтересован в том, чтобы этот вопрос

решался в присутствии французского короля. По совету Филиппа Конрад возвратился из Тира в Акру, попросил прощения у Ричарда и обещал ему верное сотрудничество. И хотя он обещания не сдержал (он не только в дальнейшем ничем не помог Ричарду, но и всячески вредил ему), Ричард показал себя политиком, способным пойти на уступки, предпочитавшим возможного союзника открытому врагу. 28 июля короли вынесли компромиссное решение. Ги де Лузиньян должен был пожизненно оставаться королем, а затем корона передавалась Конраду и Изабелле и их наследникам. Доходы королевства Ги и Конрад должны были делить между собой. Конрад имел возможность к владениям присоединить Сидон и Бейрут, отвоевав их у мусульман, а старший брат Ги, Жофруа де Лузиньян, получил право владеть Яффой и Аскалоном, опять-таки предварительно завоевав их. При дальнейших переговорах с Салах ад-Дином в качестве короля Иерусалимского мог теперь выступать только Конрад Монферратский.

Командование армией Филипп передал Ричарду, начальство над французами поручил Гюгу, герцогу Бургундскому. Филипп передал Конраду свою половину Акры и 31 июля, захватив свою часть заложников, которых также передал маркизу, в его сопровождении на кораблях отправился в Тир.

3 августа он отбыл на родину вместе со своим двоюродным братом, Пьером II де Куртне. 10 октября он высадился в Италии. В Риме, при встрече с папой, и в Милане, при встрече с императором Генрихом VI, он обрушил на них поток жалоб на Ричарда. Император выслушал его внимательно и с большим сочувствием. Хронист Роджер из Ховдена пишет: «Французский король уговаривал римского императора взять в плен короля Англии, если тот будет возвращаться через его страну». Незадолго до Рождества 1191 г. Филипп прибыл в Париж.

Французские хронисты, оправдывая бегство Филиппа и нарушение им крестовой клятвы, пишут о сокровищах, оставленных им герцогу Бургундскому, или о средствах, на которые можно содержать 500 рыцарей и 1000 солдат в течение трех лет. На самом деле единственное, что он оставил герцогу Гюгу, это была половина выкупа за пленных из Акры. Под эту выплату, по словам Амбруаза, Ричард одолжил герцогу сумму в 5 тысяч марок (возможно, однако, гораздо большую). Но выкуп еще нужно было получить. Вначале было условлено, что выкуп будет выплачен через месяц, а потом срок выплаты продлился еще на десять дней.

Известие об условиях договора было сильным ударом для Салах ад-Дина. Даже если он заранее решил не выкупать пленных, он не мог открыто заявить об этом, опасаясь гнева их родственников. Поэтому он собрал 100 (из требовавшихся 200) тысяч динаров для выкупа, к нему были доставлены 1600 христианских пленников и Святой Крест, но с выкупом и обменом он не торопился. Он отправил в Тир посланника с подарками к Филиппу, возможно, договариваться о смягчении усло-

вий, но тот короля уже не застал. С другой стороны, приближался первый срок выполнения договора, а на руках у Ричарда была только половина пленных. Ричарду грозило выглядеть в глазах Салах ад-Дина несостоятельным, что могло толкнуть султана на прямые переговоры с Конрадом, а этого король не хотел допустить. Поэтому Ричард согласился с продлением срока на десять дней и отправил 5 августа в Тир делегацию во главе с Хьюбертом Уолтером, чтобы вернуть в Акру французскую половину пленных. Маркиз, однако, отказался вернуть пленников, которых он получил от Филиппа, а также не захотел присоединиться к армии, считая большим риском для себя находиться рядом с Лузиньянами и Ричардом. Терпение Львиного Сердца кончилось, и он стал собирать войска и флот, чтобы добиться своего угрозой войны. В дело вмешался заинтересованный в получении выкупа герцог Бургундский. 8 августа он отправился в Тир и настоял на том, чтобы Конрад возвратил пленных. 12 августа вместе с пленными он вернулся в Акру.

Чем ближе становился срок выплаты выкупа, тем сильнее росли взаимные подозрительность и недоверие. Мусульмане считали, что, получив выкуп, Ричард просто их обманет и не выпустит пленных, ибо, по словам мусульманского хрониста, «так говорили впоследствии его собственные единоверцы». Крестоносцы же полагали, что Салах ад-Дин вообще не хочет платить и сознательно затягивает время, которое работает на него. Так или иначе, выкуп в срок не был передан, а Салах ад-Дин начал настаивать (это подтверждают мусульманские хронисты) на усилении гарантий выполнения христианами договора. Ричард собрал совет и предложил казнить пленных. Совет (в том числе и герцог Бургундский) с ним согласился. Чтобы снять с участников предстоящей акции угрызения совести, по христианскому лагерю был распространен слух, что Салах ад-Дин казнил пленных-христиан. 20 августа, на сороковой день после подписания договора о капитуляции Акры, после обеда, когда стало ясно, что посланцы Салах ад-Дина не явятся, 2600 пленных со связанными руками были выведены за стены города. Здесь, на виду у отрядов султана, они были казнены мечами и копьями. «Обозные слуги, бедняки, курды и, вообще, незначительные люди», за которых не надеялись получить выкуп, были отпущены сразу после взятия города. Жизнь нескольких самых богатых людей, за которых можно было получить персональный выкуп, в том числе коменданта, его помощника, старшего офицера, казначея и нотариуса, была пощажена.

Арабский хронист Имад ад-Дин сообщает о казни: «Мы видели, как они умирали обнаженными на берегу. Нет сомнения, что Аллах их принял, одел в шелковые одежды и направил в обитель вечного счастья. Собранные деньги султан распорядился раздать своим людям, а [христианских] пленных приказал отвезти туда, где они ранее находились. Крест распятия он велел вернуть на место, однако не с уважением, а с позором».

Этот поступок Ричарда многие современные историки считают варварским, лишенным смысла, совершенным под влиянием приступа ярости. Но, в принципе, в этой ситуации он и не мог поступить иначе. Нельзя было оставить пленных под охраной в Акре, так как у Ричарда не было лишнего продовольствия и людей для охраны. Нельзя было отпустить пленных без выкупа, так как они немедленно присоединились бы к Салах ад-Дину и, кроме того, гуманность этого поступка не была бы оценена. Султан увидел бы в нем проявление слабости, что помешало бы последующим переговорам. Продать пленных в рабство, как рекомендовал один мусульманский хронист, тоже было нельзя, так как, в отличие от Салах ад-Дина, у Ричарда не было рынка рабов. Можно предположить, что, помимо объективных причин, со стороны Ричарда казнь была предостережением Салах ад-Дину в отношении будущего и сознательным нарушением данного Конрадом обещания сохранить пленным жизнь.

Спустя чуть более шестисот лет в этих же местах при штурме Яффы в плен к генералу Бонапарту попали четыре тысячи турецких солдат, которым его офицеры гарантировали жизнь. Когда, не имея для них продовольствия и солдат для их охраны, Наполеон, после трехдневных раздумий, отдал приказ расстрелять их, он, наверняка, вспомнил Львиное Сердце.

7. Ричард Львиное Сердце

Почти все прибывшие с Запада крестоносцы видели свою главную цель в освобождении Иерусалима. Для этого они и прибыли в Святую Землю. Другие цели для них были непонятны и оскорбительны.

Однако Иерусалим не имел вблизи себя водных источников, достаточных для снабжения осаждавшей армии. Кроме того, армия мусульман, находившаяся вне города, перерезала бы коммуникации снабжения, шедшие от моря. Даже если крестоносцам удалось бы чудом захватить Иерусалим, его невозможно было бы удержать из-за нехватки людей после отъезда паломников домой, из-за удаленности города от моря и из-за того, что христиане потеряли Трансиорданию с ее сильными крепостями Керак и Монреаль, прикрывавшими город с востока.

Все это хорошо понимали орденские и местные рыцари, ознакомившие Ричарда с истинным положением дел в Заморье. Они же, видимо, подсказали английскому королю необходимую в этих обстоятельствах стратегию: нанести смертельный удар в сердце врага, лежавшее вовсе не в Иерусалиме, а в Египте, его житнице и кладовой. При этом флот крестоносцев оказал бы армии необходимую поддержку. Во всяком случае, Ричард стал одним из первых авторов главного принципа последующих крестовых походов, выразившегося в формуле: «Ключи от Иерусалима лежат в Египте».

При походе на Египет крестоносцам, возможно, удалось бы решить задачу уничтожения мусульманской армии: поставить Салах ад-Дина перед необходимостью решительного сражения, заставить его бросить в бой главную силу, тяжелую панцирную конницу.

Ричард почти сразу отказался от прямого нападения на Иерусалим. Но в этом нужно было еще убедить большинство армии и нацелить ее на выполнение новой задачи. С этим ему справиться не удалось. Здесь нужно обратить внимание на то, что под командой Гюга, герцога Бургундского, настроенного враждебно по отношению к королю, находился значительный контингент французов, без участия которого Ричард был не в состоянии выполнить задуманное.

Если для Салах ад-Дина потеря крепости или очередное поражение в бою мало что меняло, то для Ричарда первое же поражение было бы и последним. Оно означало катастрофу, и не только для него как полководца, но и для всего христианского дела в Святой Земле.

С большим трудом удалось Ричарду вывести войска из Акры, оторвать их от вина и «веселых девок». С армией разрешено было идти только прачкам, по словам Амбруаза, «честным труженицам, которые мыли белье и волосы крестоносцев, в вычесывании блох не уступая в ловкости обезьянам». Стены Акры были восстановлены, в ней был оставлен сильный гарнизон. Осадные машины и башни были разобраны и погружены на корабли. Корабли должны были сопровождать армию на марше, обеспечивая продовольствием и водой, перевозя раненых и больных и поддерживая связь с Акрой. Путь крестоносцев лежал вдоль морского берега к Яффе, находившейся примерно в 100 километрах южнее. 22 августа 1191 г. армия под командой Ричарда выступила из Акры, имея официальной целью завоевание Иерусалима.

Биограф Салах ад-Дина Баха ад-Дин ибн Шаддад рассказывает: «В воскресенье 1 Шаабана, на рассвете, были зажжены лагерные костры врага. У них было обычаем делать это всегда, когда они собирались отправиться в путь, и они таким образом обнаруживали перед нашими постами свои намерения. Султан приказал свернуть лагерь, чтобы войска оставались на лошадях в боевой готовности. Приказ был выполнен, однако войска лишились большей части своего личного имущества. Многие из обоза также пропало, так как не имелось достаточно выючных животных, которые могли бы увезти все, что было в нем. Каждый из людей запасался тем, что ему будет нужно на долгий период времени, и обоз был заполнен вещами, транспортировка которых могла быть осуществлена только с помощью нескольких поездок от одного места к другому, однако было невозможно, чтобы кто-нибудь остался в лагере, так как он находился слишком близко от франков в Акре и от опасности, которую они представляли». После падения Акры потеря обоза, воспринятая мусульманами почти как поражение, еще больше усилила настроения тревоги и неуверенности в мусульманской армии.

На марше Ричард применил особую тактику: крепкая оборона при помощи пехоты – копейщиков и стрелков, и затем внезапный удар тяжелой кавалерии. В соответствии с ней Ричард построил армию на марше особым образом. С правого фланга войска были прикрыты морем и эскадрой. Армия была разбита на авангард, главные силы и арьергард, тесно соприкасавшиеся друг с другом. Она представляла как бы движущуюся крепость, где роль стен выполняли пехотинцы, вооруженные щитами и копьями, и стрелки – арбалетчики и лучники. Половина их шла на левом фланге армии, при нападении мусульман становившимся фронтом, а также впереди авангарда и позади арьергарда. О них разбивались атаки легкой конницы мусульман. Правее, ближе к морю, под их защитой шла основная ударная сила армии – рыцарская конница. Еще правее, по берегу моря, вместе с главными силами шли телеги обоза и с ним другая, отдыхающая, половина копейщиков и стрелков. Перед выходом в поход король принял на службу всех стрелков. Опаснее всего было в арьергарде, который, ввязавшись в бой, мог отстать от главных сил и быть от них отрезан. Такое и произошло в первый день марша, когда на арьергард, которым командовал Гюг Бургундский, напал аль-Адил. Положение тогда спасла отчаянная храбрость нескольких французских рыцарей.

Особое внимание Ричард обратил на дисциплину на марше. Что бы ни случилось, никто не мог покинуть место в колонне, все должны были сомкнутым строем двигаться вперед, не поддаваясь на провокации врага. Баха ад-Дин ибн Шаддад пишет: «Я видел нескольких франкских пехотинцев, в которых попало до десятка стрел, но они, несмотря на это, с обычной бодростью продолжали идти вперед, не оставляя своего места в строю. Нельзя не удивляться удивительному терпению, которое показывали эти люди». Этот марш вошел как образцовый в историю крестовых походов, его участники гордились им не меньше, чем боевыми победами.

Дисциплина всегда была слабым местом рыцарской армии. Отсутствие ее часто приводило эту армию к поражению, несмотря на храбрость. Кроме того, рыцарская кавалерия была несъезжена, ей была незнакома дисциплина обученных подразделений. В бой скакали не в строю, а вместе, почти не соблюдая линию. Исключение составляли рыцарские ордены, знакомые с кавалерийским строем и вообще более дисциплинированные. Орденскому рыцарю не разрешалось атаковать по собственной инициативе и вне строя.

После случившегося в первый день король всегда ставил в арьергард и авангард тамплиеров или госпитальеров, усиливая их добровольцами из главных сил. Большую опасность войску представляла жара, не давали покоя москиты. «Не было ничего, кроме солнца сверху и врагов вокруг», – вспоминает Амбруаз.

Скорость движения армии определялась скоростью пехоты и интенсивностью боевых столкновений. В день войска проходили не более 12–13 киломе-

тров. Пройдя мимо развалин Цезареи, армия подошла к Крокодильей речке. При переправе через нее от крокодилов пострадали два паломника. В середине колонны двигалась повозка с высоким, как мачта, флагштоком, низ которого был окован железом. На флагштоке развевалось королевское знамя. Повозка со знаменем была местом сбора во время и после боя.

Увидев, что наскоки конных лучников ничего не дают, Салах ад-Дин усилил давление, в бой начала вступать его тяжелая конница. В ответ на это Ричард с отрядом отборных рыцарей стал делать неглубокие вылазки, при этом вся армия продолжала двигаться вперед. В одной такой вылазке Ричарда легко ранили в левый бок копьем.

Чтобы остановить крестоносцев, которые были уже недалеко от Яффы, Салах ад-Дин отважился на решительное сражение. Он выбрал полем боя равнину севернее развалин Арсуфа. 6 сентября, выйдя к вечеру из леса, крестоносцы увидели перед собой армию Салах ад-Дина. Утром в субботу, 7 сентября, Ричард построил войска в походный порядок, который должен был стать боевым. Армия была разделена на пять корпусов: первый – авангард из тамплиеров, второй – французские подданные Ричарда под его командой, третий – местные, фландрские и французские воины под командой Жака д'Авена и герцога Гюга (второй и третий корпуса должны были действовать заодно), четвертый – арьергард из госпитальеров и пятый – резерв из нормандцев и англичан в центре под королевским знаменем. Останавливаться было нельзя, так как крестоносцы были отрезаны от воды. В передовой линии, как всегда, находилась пехота – копейщики и стрелки. Ричард и герцог Бургундский со свитой ездили за линией пехоты вдоль фронта, наблюдая за передвижениями мусульман и ободряя воинов. Сигнал для атаки, по которому должна была расступиться пехота, чтобы пропустить атакующие рыцарские отряды, должны были подать шесть труб – две в центре, две в авангарде и две в арьергарде – по команде Ричарда.

В 10 часов утра началось сражение. Под гром барабанов и труб, с криком и визгом в атаку понеслась конница Салах ад-Дина. Солнце скрылось за столбами пыли, поднятой конницей, и тучами стрел. В бой вступили отряды пеших стрелков и метальщиков – негров и бедуинов. Ричард остановил колонну, усилил «крепостную стену» стрелками и пехотой из резерва и еще раз запретил атаковать до сигнала труб. Наконец появилась тяжелая конница из Сирии и Месопотамии. Тяжелее всего приходилось арьергарду. Магистр госпитальеров Гарнье де Наблю несколько раз подъезжал к Ричарду и просил разрешения атаковать, но каждый раз получал отказ. Ричард ждал, когда тяжелая вражеская конница увязнет в бою и утомит коней и главные силы врага придвинутся ближе. В арьергарде мусульмане прорвали линию обороны, его рыцари под стрелами стали терять коней. Не выдержали нервы у двух рыцарей арьергарда, у маршала ордена и у англичанина

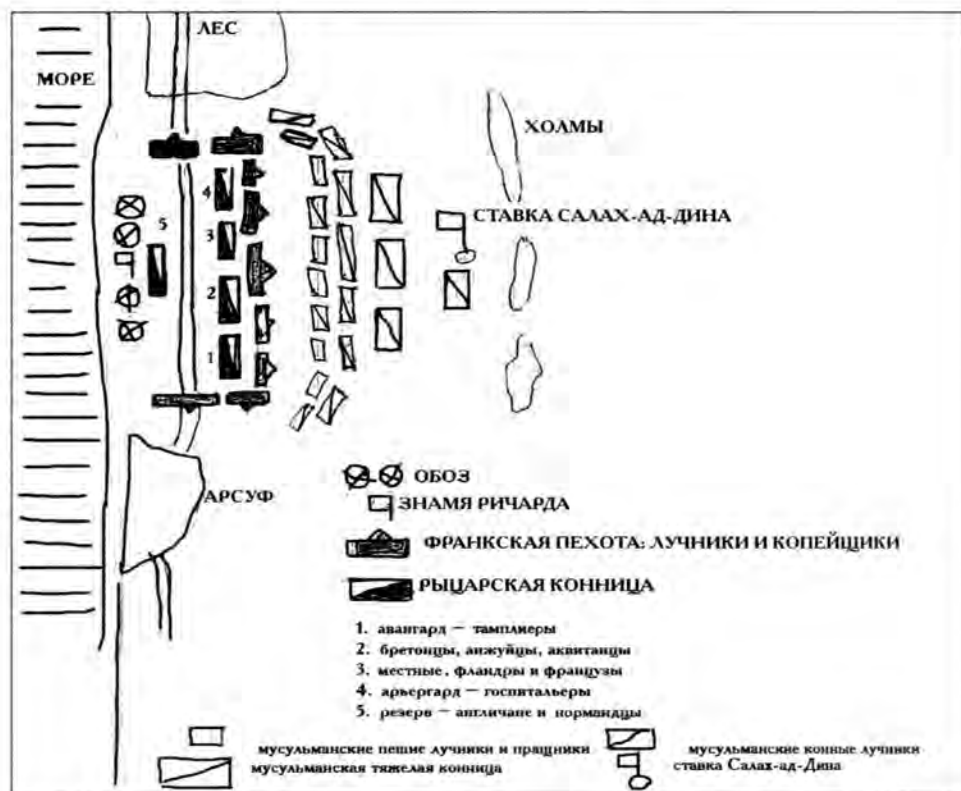

Схема 7. Сражение при Арсуфе. 7 сентября 1191 г.

Бодуэна Керва, они бросились в атаку, а за ними и все другие. Увидев это, смяв свою пехоту, бросились в атаку их соседи, местные, фландрские и французские рыцари во главе с Жаком д'Авенем и Гюгом Бургундским. Не колеблясь, Ричард отдал приказ атаковать, хотя это было несколько преждевременно. По сигналу труб через проходы в пехоте устремились в атаку тамплиеры и вместе с Ричардом бретонцы, анжуйцы и аквитанцы.

Наступил решающий момент битвы. Рассыпавшиеся, потерявшие сплоченный строй рыцари были контратакованы резервом Салах ад-Дина, в том числе его отборной тяжелой конницей, мамлюками. Однако и у Ричарда имелся резерв — нормандцы и англичане, атака которых восстановила положение. Ричард сумел вновь сплотить ряды. Сражение склонилось в пользу крестоносцев. Амбруаз пишет: «Сарацины пришли в ужас, когда мы напали на них, как гром, в тучах великой пыли. Это было ужасное истребление, земля на две мили была устлана беглецами, что когда-то похвалялись в гордыне».

А вот свидетельство Ибн Шаддада, приближенного султана: «Положение врагов ухудшилось еще больше, и мусульмане думали, что они уже у них в руках.

Ил. 34. Король Ричард в битве при Арсуфе. Гравюра на меди

В конце концов первые части нашей пехоты достигли посадок Арсуфа. Тогда их конница сплотилась и объединилась для атаки, так как они боялись за своих людей и думали, что только атака может их спасти. Я видел, как они были собраны позади своей пехоты. Они, как один человек, подняли свои копья и испустили крик. Их пехотинцы открыли свои ряды, чтобы их пропустить, и они атаковали все вместе в длинной боевой шеренге. Одна их часть обратилась против нашего правого

крыла, другая – против левого, третья – против нашего центра. Наши люди отступили перед ними».

Салах ад-Дин отступил, и Ричард после короткого преследования приказал остановиться, опасаясь засад в лесу и в безводной пустыне.

В сражении были убиты несколько тысяч мусульман. Долго искали среди убитых Жака д'Авена, наконец нашли его, окруженного вражескими трупами и убитыми друзьями и родственниками. Уцелевший очевидец его смерти рассказал, что его последними словами были: «Ричард, отомсти за меня!». Амбруаз пишет: «Они [госпитальеры и тамплиеры] не пили и не ели, пока не нашли его. И когда нашли, нужно было обмыть ему лицо; никогда не узнали бы его, столько получил он смертельных ран... Огромная толпа народа и рыцарей вышла навстречу, проявляя такую печаль, что смотреть было жалостно. Когда его опускали в землю, тут были короли Ричард и Ги... Не спрашивайте, плакали ли они...». Ночью, однако, многие потихоньку вернулись на поле боя, чтобы обобрать трупы.

Через три дня, 10 сентября, армия Ричарда вошла в разрушенную Яффу. Слава Ричарда достигла зенита. И наоборот, тревожно было в лагере Салах ад-Дина. Баха ад-Дин пишет: «Мы все были ранены, кто в тело, кто в сердце». Султан отступил в Рамлу, прикрывая направление на Иерусалим. Когда он захотел вместе с этим оборонять и Аскалон, ключевой порт, связывавший Египет с Палестиной, эмиры ему возразили: «Если ты хочешь оборонять Аскалон, будь в городе сам

или пошли одного из сыновей. После того, что стало с защитниками Акры, никто из нас там не справится». Пришлось Салах ад-Дину отдать приказ разрушить Аскалон, «невесту Сирии». Салах ад-Дин продолжал проводить тактику «выжженной земли».

Яффа была сильно разрушена, поэтому крестоносцы разбили лагерь возле оливковых рощ вне ее стен. Наконец-то после мучений похода и боев войска могли отдохнуть в почти райской обстановке осеннего изобилия овощей и фруктов. Ричард послал в разведку на галере в сторону Аскалона Жофруа де Лузиньяна, которому предстояло владеть им после завоевания. Вернувшись, Жофруа доложил, что мусульмане усиленно разрушают город. Военный совет, собранный Ричардом, вопреки его желанию немедленно идти на Аскалон, высказался большинством голосов за поход на Иерусалим. Было принято компромиссное решение: прежде всего восстановить укрепления Яффы, а потом уже предпринимать дальнейшие действия. Ричард, видимо, еще не раскрыл свои намерения относительно Египта.

Пока войска восстанавливали укрепления, кораблями из Акры прибыли женщины, которые, как говорит Амбруаз, «промышляли ремеслом сладострастия и позора». Скучая, Ричард неоднократно выезжал с разъездами в разведку, совмещая ее с соколиной охотой. 29 сентября, столкнувшись с превосходящими силами мусульман, Ричард чуть было не попал в плен. Его спас самоотверженный поступок рыцаря из свиты Гийома де Прео, который, увидев короля под угрозой пленения, закричал: «Я – король!» – и дал себя схватить и увезти.

В первой половине октября Ричард отправился в Акру за оставшимися там солдатами и возвратился, забрав с собой Беренгарию и Иоанну. Очевидно, он посчитал, что женщинам будет безопаснее при армии, чем в Акре.

Вновь начались переговоры с Салах ад-Дином. Для ведения переговоров Ричард отправляет Онфруа де Торона, хорошо знавшего арабский язык. Баха ад-Дин так обрисовывает позиции сторон. Ричард предложил: «Мусульмане и франки смертельно истекают кровью, страна полностью разрушена, имущество и жизни приносятся в жертву обеими сторонами. Пришло время прекратить это. Спорные пункты – Иерусалим, Святой Крест и страна. Иерусалим для нас – предмет поклонения, который мы не можем отдать, даже если бы остался только один из нас. Страна отсюда и до той стороны Иордана должна быть передана нам. Крест, который для вас только кусок дерева, не имеющий ценности, для нас – предмет огромной важности. Если вы все это отдадите нам, мы сможем установить мир и отдохнуть от этого бесконечного труда». Салах ад-Дин ответил: «Иерусалим – столько же ваш, как и наш. В действительности для нас он даже еще более свят, чем для вас, так как он – место, из которого наш пророк вознесся на небеса и где будет собрана наша община ко дню Страшного суда. Нельзя представить, что мы можем

от него отказаться. Кроме того, страна была первоначально нашей, в то время как вы – ее захватчики и только благодаря слабости живших здесь в то время [во время Первого крестового похода] мусульман смогли ее завоевать. Что касается Креста, владение им – значительное преимущество в наших руках, и он не может быть отдан, кроме как в обмен на что-либо, имеющее выдающееся значение для ислама».

Ричард соединял в себе талант полководца и политика. Если верный, но мало осведомленный о переговорах солдат Амбруаз считал, что Ричард ведет переговоры не вовремя, неумело и постоянно поддается на вражеские хитрости, то Баха ад-Дин, человек из ближайшего окружения Салах ад-Дина, непосредственно участвовавший в них, был совершенно другого мнения. Он считал, что Ричард ведет переговоры изворотливо, искусно и жестко. Ричард вносил противоречивые предложения и постоянно их менял, он великолепно умел создавать двусмысленности и проволочки. «Один Бог мог уберечь мусульман от его коварства. Никогда судьба не посылала нам такого хитрого и дерзкого врага», – вспоминал Баха ад-Дин. Султан вновь назначил своим представителем брата аль-Адила. Задачей Ричарда было попытаться внести раскол в отношения между Салах ад-Дином и эмирами, а также между султаном и аль-Адилем. Ричард предложил аль-Адилу выдать за него замуж сестру Иоанну, с тем чтобы Салах ад-Дин отдал брату во владение Иерусалим и Палестина стала бы страной двух религий. Салах ад-Дин на предложение ответил неожиданным согласием, и теперь уже отступать пришлось Ричарду. Он рассказал, что Иоанна с возмущением отказалась выходить за мусульманина, вот если бы аль-Адил перешел в христианство, все было бы в порядке. Позже имело место совсем уже фантастическое предложение Ричарда выдать за аль-Адила племянницу, Алиенору Бретонскую. Есть глухие сведения источников о ссоре между аль-Адилем и старшим сыном султана аль-Афдалом, о недовольстве Салах ад-Дина братом, о боязни, что, женившись на Иоанне, тот с помощью Ричарда провозгласит себя независимым владетелем. Тем не менее явного раскола в рядах противника Ричард не добился.

Более удачными были действия Салах ад-Дина, направленные на раскол христиан. Он параллельно вел переговоры в Иерусалиме с представителями Конрада, Рено Гарнье Сидонским и Балианом д'Ибеленом, причем вел их демонстративно, не скрывая от Ричарда. После отъезда Филиппа Конрад не появлялся в армии крестоносцев и ничем не помогал ей. Более того, он заявил Салах ад-Дину, что полностью порвет с крестоносцами, если тот передаст ему города Сидон и Бейрут, те города, которые он должен был завоевать в союзе с крестоносцами. Так как он и так уже порвал с крестоносцами, султан пообещал ему вначале только Сидон, и то если он начнет войну с Ричардом, а потом отказался даже от этого и

предложил Конраду Акру и другие города, которые тот сам отвоюет у Ричарда. Конрад был готов на открытое предательство христианского дела, но не решался начинать войну с Ричардом.

Ричард был вынужден внести более реалистическое предложение: христианам должны быть гарантированы завоеванные города, они получают в Иерусалиме во владение церковь Гроба Господня и свободный доступ в город.

Когда Салах ад-Дин вынес на совет эмиров вопрос, с кем заключать мир – с Ричардом или с Конрадом, просящим за это Сидон и Бейрут, эмиры высказались, вопреки желанию султана, за мир с Ричардом, готовым передать Палестину мусульманину аль-Адилу. Безусловно, уставшие от войны эмиры учитывали при этом и соотношение сил и возможностей Ричарда и Конрада, и то, что союз со вторым предполагал войну с первым. Тяжело страдавший от частых приступов малярии Салах ад-Дин мучительно переживал положение дел. Он не верил, что христиане будут соблюдать мирный договор, был уверен, что, заключив мир, они нападут на Иерусалим сразу после его смерти. Султан не желал мира, хотел продолжать войну до полной победы или до своей гибели, но отказаться от переговоров не мог. Баха ад-Дин рассказывает о бессонной ночи, которую в молитвах и слезах провел больной султан, опасаясь нападения христиан на Иерусалим. Неладно было и в лагере Ричарда. Фанатично настроенные крестоносцы видели перед собой только одну цель – Иерусалим, после взятия которого они отправились бы домой. И таких было подавляющее большинство не только среди французов, но и среди подданных английского короля. Их глашатаями выступали герцог Бургундский и епископ Бове, настраивая армию против Ричарда. Разделяли взгляды Ричарда только рыцари орденов, кучка местных баронов и небольшая группа «компаньонов короля», его друзей и сподвижников.

Мирные переговоры Ричарда сопровождались взаимными визитами, подарками и пирами. Арабский хронист Ибн аль-Атир рассказывает об одной из таких встреч (8 ноября 1191 г.): «Аль-Адил привез с собой кушанья, лакомства, напитки, предметы искусства и подобное из того, что пригодно для подношения в дар одному принцу другим принцем. Король Англии встретил его перед шатром самым почетным образом, проводил к себе и велел подавать ему те из блюд, которые считаются у этого народа особенно вкусными и желанными. Аль-Адил отведал этих блюд, а король с окружением ел кушанья, предложенные аль-Адиллом. Их беседа затянулась далеко за полдень, и расстались они, заверяя друг друга в совершенной дружбе и искренней привязанности». Все это вызывало подозрения в измене, особенно в среде французов. В этой же среде распространялась мысль, приписываемая герцогу Гюгу Бургундскому, что после отъезда Филиппа подвиги французов, которым крестоносцы обязаны всеми победами, будут приписываться Ричарду. Биограф французского ко-

роля Людовика IX Святого Жан де Жуанвиль, со слов своего дяди Жофруа, сенешаля Шампани, участника Третьего крестового похода, характеризует Гюга Бургундского как человека «храброго, но грешного, предприимчивого, но неумного».

Как Салах ад-Дин, так и Ричард не были свободными при принятии решений и были вынуждены принимать во внимание желания и чувства своих людей. И если со стороны Ричарда принципы ведения войны основывались на стратегическом видении обстановки без какой-либо религиозной окраски, то для Салах ад-Дина главной была религиозно-политическая сторона дела. Вместо того чтобы, опираясь на крепости, преградить крестоносцам путь по побережью, он предпочел защищать третий священный город мусульман – Иерусалим, и ему повезло, что крестоносцы не смогли организовать поход на Египет.

31 октября, восстановив Яффу и оставив там гарнизон, под давлением подавляющего большинства армии Ричард начал поход на Иерусалим. Поход проходил медленно. По дороге в ноябре–декабре Ричард восстанавливал разрушенные Салах ад-Дином замки, укрепляя дорогу снабжения. Узнав о движении Ричарда, султан прибыл в Иерусалим. Город в срочном порядке готовился к осаде. Салах ад-Дин начал высылать отряды для нападения на коммуникации и на фуражиров.

Продвижение на Иерусалим сопровождалось непрерывными стычками, большими и малыми, почти в каждой стычке принимал участие Ричард. Возможно, чтобы нейтрализовать слухи об измене, из каждого боя Ричард привозил в лагерь на копьях головы убитых мусульман.

22 ноября армия прибыла в Рамлу, где Ричард разбил лагерь. Начался сезон зимних проливных холодных дождей. Люди мокли и болели, продовольствие портилось, оружие и доспехи ржавели. Хотя аль-Адил усиленно укреплял стены Иерусалима, уставшие отряды Салах ад-Дина начали бунтовать, и под давлением эмиров султан распустил большую часть войск по домам, как это происходило обычно зимой. Узнав об этом, Ричард продвинулся вперед до Латруна, где разбил лагерь и провел Рождество. Затем армия продвинулась до селения Бейт-Нуба, как его называли крестоносцы – «Бетенобль» («Благородный зверь»), в 30 километрах от Иерусалима. Дадим слово Амбруазу: «Погода стояла холодная и дождливая. Из-за великих ливней и бурь погибло много наших вьючных животных. Дождь и град побивали нас и срывали наши палатки. Мы потеряли еще до Рождества много лошадей. Пропали сухари, которые залила вода. Из-за непогоды стала гнить солонина. Кольчуги покрылись ржавчиной, так что снимать и надевать их приходилось с большим трудом». И далее: «Как ни страдали люди от дурного питания, но сердца их радовала и веселила надежда дойти до Пресвятого Гроба. Они столь жаждали Иерусалима, что готовы были жизни положить в его осаде. Лагерь пополнялся людьми, все пре-

бывали в радости и вождели великих дел. Те, кто заболел в Яффе или где-то еще, доставлялись в лагерь на носилках, полные решимости и надежды... Звенели кольчуги, люди подымали глаза к небу и говорили: "Помоги нам, Пресвятая Дева Мария в виду Святого Гроба Господня". Повсюду обнимались и радовались, и говорили: "Боже, наконец-то мы на верном пути, и это Милость Твоя руководит нами"».

Ричард не хотел осаждать Иерусалим. Осаждать хорошо укрепленный город, лежащий внутри страны, имея поблизости в тылу вражескую армию, можно было, только окончательно потеряв разум. Летом к этому добавилось бы отсутствие воды, так как еще осенью султан приказал засыпать все колодцы в окрестностях города. От Первого крестового похода, когда крестоносцам удалось взять Иерусалим, положение дел отличалось тем, что тогда линиям снабжения христиан никто не угрожал, враг был только внутри города. Осада Иерусалима сейчас явилась бы авантюрой, обреченной на поражение. И даже если бы город удалось взять, удержать Иерусалим было бы невозможно. Вместо этого крестоносцам нужно было если уж не завоевывать Египет, то, в крайнем случае, овладеть прибрежной полосой, укрепить на ней города и использовать их в качестве плацдарма в будущем крестовом походе.

В январе 1192 г. военный совет армии принял решение, очевидно, предварительно согласованное с Ричардом, осады Иерусалима не начинать, отойти к побережью и восстановить Аскалон. 13 января армия отправилась в обратный путь. Отчаяние овладело паломниками. Амбруаз описывает дорогу назад: «Тяжело нагруженные, шли они по колено в грязи, их ноги подкашивались, и они падали. Они ругались, как будто шли к дьяволу в ад. И это – правда, никогда порядочные люди не были так унижены... Среди людей была масса больных, и их бросили бы на пути, не будь английского короля, который заставлял их разыскивать, так что их всех собрали и привели».

В Рамле от армии отделились французы во главе с герцогом Бургундским. Они двинулись на Яффу, а некоторые еще дальше, на Акру и Тир. Поредевшая армия из Рамлы направилась в Аскалон, куда пришла 20 января. Город представлял груду развалин. Немедленно Ричард приступил к его восстановлению. Амбруаз пишет: «Король с обычным великодушием участвовал в работе, и бароны ему подражали». Аскалон быстро поднимался из руин. Были отправлены посланцы к герцогу Бургундскому и уговорили его именем Бога присоединиться к армии. Он прибыл в Аскалон, впрочем, ненадолго. Когда Ричард отказался выдать ему новый заем, герцог отправился в Акру. Тогда же французы известили Ричарда, что хотят покинуть армию. Формально они имели на это право: уезжая, король Филипп оговорил срок обязательного участия французов в крестовом походе 1 апреля 1192 г. Уговоры ни к чему не привели. Ричард потребовал у гер-

цога вернуть 1500 фунтов. Так как денег у герцога не было, он должен был отдать Ричарду в залог коменданта Акры Каракуша. При заключении мира за Каракуша был заплачен выкуп в 80 тысяч динаров (14 тысяч марок). Находившегося у Ричарда аль-Маштуба выкупили за 50 тысяч динаров. Ричард распорядился в Акру французов не пускать, и они прибыли в Тир.

Свою оставленную ему королем Филиппом часть Акры Конрад Монферратский так и не получил. Французская военная администрация также покинула город. В Акре было неспокойно. Бесконечные распри между пизанцами и генуэзцами переросли в вооруженный конфликт. К началу конфликта у ворот Акры оказался герцог Гюг, а у входа в гавань – галеры Конрада Монферратского. Пизанцы не пустили в город Гюга, обстреляли корабли Конрада и позвали на помощь Ричарда. Призыв о помощи застал его в Цезарее, недалеко от Акры. Узнав о прибытии Ричарда в Акру, Гюг и Конрад немедленно отступили в Тир. Ричард, примирив пизанцев и генуэзцев, оставался в Акре шесть недель и вернулся к армии в Аскалон перед Пасхой. В его отсутствие восстановлением города руководил Жофруа де Лузиньян, граф Яффы и Аскалона. На один день, в воскресенье 5 апреля, Ричард разрешил оторваться от работ по возведению города, чтобы отпраздновать Пасху. Несмотря на то что армия уменьшилась, Ричард постоянно высылал разведывательные группы на юг, к Дарону и Газе, а также отряды в глубь страны на перехват египетских караванов, идущих в Иерусалим. Одновременно продолжались отдельные переговоры Ричарда и Конрада с Салах ад-Дином.

15 апреля прибыл из Англии приор монастыря в Херефорде Роберт с вестями о том, что принц Иоанн учиняет смуту в Англии, канцлер короля Гийом Лоншан выгнан из Англии, несколько его сторонников убиты и в казне короля больше нет денег. Пора было думать о возвращении домой. Ричард забросил пробный шар: он возвращается, кто хочет, может вернуться вместе с ним, кто хочет, может остаться. Ответ был единодушный: уедут все, если в Палестине не будет приемлемого для всех короля.

Ричард понимал, что после его отъезда Салах ад-Дин очень быстро разгромит враждующих между собой Ги и Конрада и овладеет Святой Землей. Даже если султан не начнет войны, Ги не устоит в столкновении с Конрадом. Как полководец и политик Ги не шел ни в какое сравнение с Конрадом. «Если Ги стал королем, то я должен стать Богом», – шутил Жофруа де Лузиньян. Так как ни разгромить Конрада, ни надежно примирить его с Ги Ричард был не в состоянии, нужно было резко менять курс, чтобы сохранить завоевания последних десяти месяцев и вообще христианство в Палестине и Сирии. 16 апреля Ричард собрал общий военный совет, которому предложил высказаться, кого, Ги или Конрада, совет предпочитает видеть на иерусалимском троне. К крайнему огорчению Ри-

чарда, подавляющим большинством совет высказался за Конрада, и королю ничего не оставалось делать, как согласиться с этим решением. Фактически, чтобы сохранить Ги на троне, Ричарду не нужен был никакой совет: об этом уже было решение двух королей, Филиппа и его. Так что совет просто должен был снять с Ричарда в глазах Ги вину за это решение. Другим непосредственным результатом решения, как, возможно, надеялся Ричард, могла быть связанная с ним отсрочка отъезда французов на родину до осени, а следовательно, до весенней навигации. После этого решил возвратиться домой Жофруа де Лузиньян. Чтобы компенсировать Ги потерю королевства, Ричард предложил ему, как мы уже говорили, выкупить у тамплиеров остров Кипр за 40 тысяч безантов. Деньги для Ги собрали купцы из Триполи. Остаток долга за остров в 60 тысяч безантов Ги Ричарду так никогда и не отдал.

Сообщить в Тир Конраду о выборе его королем Ричард послал графа Генриха Шампанского. Племянник двух королей, он поддерживал хорошие отношения с обеими партиями, хотя кормился у Ричарда. Он со своими людьми остался с Ричардом в Аскалоне, когда французы ушли в Тир. Источники рисуют его храбрым, красивым, щедрым, склонным к авантюрам молодым человеком. В течение нескольких ближайших дней Конрад должен был короноваться в Акре. Генрих Шампанский вернулся из Тира в Акру, чтобы подготовить коронацию. 28 апреля 1192 г. Конрад в Тире в сопровождении небольшой свиты ехал верхом домой из дома епископа Бове. Его остановили два местных жителя, недавно обращенные в христианство, чтобы подать прошение. Крестным отцом одного был сам Конрад, а другого — Балиан д'Ибелен. Передавая прошение, один из них ударил маркиза ножом. Конрад умер почти сразу.

Подозрения в организации убийства пали на главу ассасинов, Старца Горы, и Салах ад-Дина. Не избежал их и Ричард. Сейчас, по прошествии многих веков, не представляется возможным достоверно ответить на этот вопрос.

Во время суматохи, вызванной смертью маркиза, Тиром попытался завладеть герцог Бургундский. Однако Изабелла проявила твердость, велела закрыть городские ворота, заявив, что умирающий маркиз приказал ей передать город только Ричарду или законно избранному королю. Узнав о смерти Конрада, в Тир прибыл Генрих Шампанский. Увидев молодого красавца, население Тира и палестинские бароны единодушно решили, что лучшего мужа Изабелле не найти. Та не возражала. Генрих тоже не возражал: по словам Амбруаза, королева была «светловолосая и красивая». Однако Генрих заявил, что должен заручиться согласием Ричарда. Может быть, его смущал вопрос о законности брака при наличии первого мужа. Ричард дал согласие: из имевшихся в наличии кандидатов Генрих лучше всех подходил для иерусалимского трона. Его фигура должна была объединить подданных английского и французского королей и местные силы и

привлечь в Святую Землю на жительство людей из Франции. 5 мая, через неделю после смерти Конрада, в Тире состоялось торжественное бракосочетание Генриха и Изабеллы. Положение невесты не позволяло хотя бы немного отложить свадьбу.

Генрих никогда не принимал титул короля, возможно, потому, что хотел короноваться в Иерусалиме, возможно, потому, что не желал окончательно расставаться с Шампанью, может быть, потому, что брак в правовом отношении казался ему сомнительным. Он считался регентом при жене-королеве. В качестве подарка Ричард передал ему получение долга за Кипр от Ги де Лузиньяна и жалел, что поторопился с продажей острова и не может отдать его целиком. Впрочем, денег от Ги Генрих так никогда и не получил.

Теперь ничто не мешало объединению всех сил. Ричард решил начать кампанию со взятия Дарона, сильно укрепленной крепости на побережье, в 40 км к югу от Аскалона, и предложил графу Генриху и герцогу Гюгу присоединиться к нему. 17 мая 1192 г. Ричард с войсками был у крепости. С моря Дарон блокировала объединенная пизанско-генуэзская эскадра. Ричард сам носил на плечах балки с корабля для строительства осадных машин. Через пять дней осады мощная крепость, окруженная стеной с семнадцатью башнями, была взята, несмотря на упорное сопротивление. На следующий день к Ричарду присоединились Генрих и Гюг. 25 мая все вместе отпраздновали Троицу. Во время празднования Ричард передал в качестве подарка захваченную крепость новому иерусалимскому правителю.

Ликование по поводу взятия Дарона вылилось в общее желание идти штурмовать Иерусалим. Однако 29 мая армию на марше по направлению к Иерусалиму догнал курьер из Лондона, вице-канцлер Жан д'Алансон. Известия на конец марта, которые он привез, не были хорошими. Филипп пытался вступить в союз с принцем Иоанном и овладеть нормандским Вексеном. Пока ни то, ни другое ему не удалось. Хотя Ричард предвидел подобное развитие событий, новости его встревожили. И опять стоял тот же самый, как 15 дней назад, вопрос: что делать? При наступлении на Иерусалим можно потерять не только славу, но и свое государство. Менее опасно наступать на Египет. Такое наступление вдоль морского берега может быть поддержано флотом. Захватив Александрию и Каир, их можно было бы обменять по договору на Иерусалим.

Армия собралась в Аскалоне. Военный совет постановил: чтобы Ричард ни решил, с ним или без него, армия наступает на Иерусалим. Все так обрадовались этому известию, что «вместо того, чтобы идти спать, танцевали до середины ночи». Два следующих дня, мрачный, Ричард провел в шатре на постели в тяжелых раздумьях. Его посетил капеллан Гийом из Пуатье. Выражая мнение армии, он призвал короля не предавать христиан и возглавить поход на Иерусалим.

И хотя Ричард уже твердо решил Иерусалим не осаждать, назавтра он объявил, что остается до следующей Пасхи и идет на Иерусалим. 11 июня армия, не встречая сопротивления, вторично добралась до Бейт-Нубы и разбила лагерь. Ричард послал Генриха Шампанского в Акру, чтобы собрать и привести отставших, и остался ждать его прибытия.

Тем временем Салах ад-Дин, возвратившийся из Египта в Иерусалим, готовился к обороне города. Баха ад-Дин рассказывает: «Бейт Нуба лежит на голой местности между холмами на удалении дневного перехода от Иерусалима. Враг покинул Латрун в среду, 27 Джумада [6-й месяц по мусульманскому календарю] и разбил лагерь в Бейт Нубе. Узнав об этом, султан собрал эмиров и советовался с ними о дальнейших действиях. В основном договорились о том, что эмиры должны оборонять стены города, тогда как султан должен выступить навстречу врагу с остальной армией как с подвижной силой. Если все их позиции на стенах будут удержаны, они должны также отважиться на вылазку, приняв необходимые меры предосторожности, конечно, если это может быть успешным и они будут в состоянии сделать это; в противном случае они должны оставаться на своих позициях и защищать их. Приказы были изложены письменно и переданы эмирам».

Ричард вместе с 50 рыцарями посетил живущего неподалеку в пещере святого отшельника, которым был «аббат святого Эли, не питавшийся ничем, кроме корешков и хлеба. С большой нестриженной бородой, он был пресвятым человеком». Он вручил Ричарду крест из спасенной частицы Святого Креста. Перед крестом отшельника весь лагерь усердно молился.

Король, как всегда, участвовал в разведывательных разъездах. Однажды, въехав с группой рыцарей на холм (возле легендарного библейского города Эммаус, сообщает хронист), Ричард увидел Иерусалим. По преданию, Ричард закрыл глаза: он не мог видеть Святой город, который еще не освободил. Этот момент можно назвать высшей точкой Третьего крестового похода.

В другой раз страшное смтение и паника возникли в Иерусалиме, когда со стен увидели невдалеке группу христианских рыцарей. 29 июня прибыл Генрих Шампанский, и теперь наконец собралась вся армия.

В шатре магистра Ордена госпитальеров был собран военный совет из пяти тамплиеров, пяти госпитальеров, пяти французских и пяти местных баронов, продолжавшийся всю ночь. Со слов лазутчиков, постоянно извещавших султана о положении дел в лагере крестоносцев, Баха ад-Дин сообщает: «Французы были за наступление на Иерусалим и заявляли: "Единственная причина, почему мы пришли сюда из наших земель, – Иерусалим. Мы не повернем назад, пока не возьмем его". Однако английский король заявил: "Источники в окрестностях отравлены. Воды нет нигде. Что мы будем пить?". Ему возразили, что на расстоянии

15 километров протекает речушка. Пока одна часть армии осаждает город, другая будет доставлять воду и водить животных на водопой. Ричард ответил, что, когда одна часть уйдет, на другую последует нападение». К этому можно добавить то, что Ричард не говорил, но явно имел в виду: если по воду пойдет герцог Бургундский со своими людьми, найдется тысяча «объективных» причин, помешавших ему пробиться к оставшейся армии и вынудивших его уходить к морю. Он же, Ричард, останется в безводной ловушке, со всех сторон окруженный превосходящими силами мусульман. Не зря же, по словам Амбруаза, Ричард говорил: он хорошо знает, что не только во Франции, но и в Святой Земле есть люди, которые только и ждут, чтобы он впутался в авантюру с осадой Иерусалима и навеки опозорился.

Вместо Иерусалима король предложил наступление на Египет. Наступление это будет поддержано пизанско-генуэзской эскадрой, а его, Ричарда, эскадра будет осуществлять снабжение в дельту Нила. В этом случае он, Ричард, готов дополнительно платить жалованье семистам рыцарям и двум тысячам солдат, что по численности было несколько больше французской части армии. Совет высказался в пользу похода на Египет, как и предполагал, видимо, Ричард. И хотя решение совета должно было быть обязательным для всех, французы во главе с герцогом Бургундским отказались идти на Египет. Только на Иерусалим, или никуда. Ричард согласился идти на Иерусалим, если армия будет на этом настаивать, но только рядовым воином: как командующий он никогда не согласится вести армию в западню. Армия на этом не настаивала. Опять возникла тупиковая ситуация. Армия раскололась на две части, и ни одна часть без другой не могла выполнить желаемое.

Пока армия в растерянности стояла в Бейт-Нубе, пришло сообщение от шпионов – бедуинов, которых специально прикармливал Ричард, что из Египта на Иерусалим движется большой караван. За одну треть добычи герцог Гюг согласился принять участие в набеге. 24 июня у так называемых Круглых колодцев произошло нападение на караван. Салах ад-Дин знал о предстоящем набеге, но не смог его предотвратить. Две тысячи солдат охраны были взяты в плен или разбежались. Франкам досталась огромная добыча, «никому в этой стране так не везло с добычей». 29 июня множество верблюдов и вьючных животных с захваченным были приведены в Бейт-Нубу. Салах ад-Дин в Иерусалиме воспринял нападение на караван как подготовку к наступлению на Египет и был сильно встревожен. Возможно, приглашая герцога Гюга участвовать в этом нападении, Ричард надеялся склонить его к походу на Египет, но этого не произошло. Наоборот, их отношения еще больше разладились. Герцог Бургундский сочинил издевательскую песню о Ричарде, которую его люди громко распевали. Король ответил сочинением песни не менее оскорбитель-

ной. Назад, к морю, французы возвращались отдельно от остальной армии. Больше они с армией Ричарда не объединялись. Ричард снова начал переговоры с Салах ад-Дином. Однако после отхода от Бейт-Нубы и ухода французов переговорная позиция Ричарда сильно ухудшилась. Салах ад-Дин теперь не хотел даже обсуждать вопрос о передаче христианам во владение церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Паломникам мог быть только разрешен доступ к Святым местам. Другим требованием Салах ад-Дина было разрушение Аскалона и Дарона. Так как осуществить египетский поход Ричард был уже не в состоянии, король легко принял условие разрушения Дарона. Кроме того, Дарон мог служить Салах ад-Дину опорной базой при осаде Аскалона. Дарон был срыт, а его гарнизоном был усилен гарнизон Аскалона. Что касается Аскалона, в этом вопросе король уступать не хотел, слишком много средств и труда он затратил на восстановление этого города. Пока шли споры об Аскалоне, 26 июля Ричард прибыл в Акру и начал готовить поход на север, на Бейрут, чтобы соединить непрерывной прибрежной полосой Тир с Триполи.

Однако Салах ад-Дин нанес удар первым. 27 июля его войска подошли к стенам Яффы. После пятидневной осады город пал. Городской гарнизон укрылся в цитадели. Мусульмане бросились грабить город. Именно в Яффу король завез добычу из перехваченного каравана. Удержать цитадель не было никакой надежды. Чтобы не быть перебитым при штурме, гарнизон цитадели, во главе которого встал случайно оказавшийся в городе новый патриарх Рауль, начал переговоры о сдаче. Договорились, что сдача произойдет на следующий день, 1 августа, в 3 часа дня.

Ричард получил сообщение об осаде вечером 28 июля. Немедленно были собраны и отправлены в путь два отряда: один, усиленный пизанцами и генуэзцами, под командой короля – на кораблях морем, другой под командой графа Шампанского, состоявший из тамплиеров, госпитальеров и его людей, – сушей. Оба отряда в пути были задержаны, корабли Ричарда – встречным ветром у горы Кармель, граф Генрих – силами мусульман у Цезареи.

Флот короля смог достичь Яффы только глубокой ночью с 31 июля на 1 августа. Когда немного рассвело, стало видно, что город и берег полны мусульман. Франкское знамя на цитадели ничего не доказывало, это могло быть ловушкой. Ричард приказал трубить в трубы, но ничего не предпринимал. Салах ад-Дин велел гарнизону цитадели сдаваться немедленно. В этот критический момент из цитадели в море прыгнул какой-то монах и вплавь добрался до кораблей. Узнав, что цитадель еще держится, король приказал атаковать. Королевская галера первой вырвалась к берегу, король первым спрыгнул в воду и по пояс в воде пошел в атаку. Как и при высадке на Кипре, решающую роль сыграли стрелки. Под их прикрытием произошла высадка остальных. Всего с Ричар-

дом было 15 рыцарей на конях и до тысячи стрелков (среди них много итальянцев) и копейщиков. Отряд Ричарда ворвался в город. Мусульман было много, но они были захвачены врасплох. Увидев на городской стене королевское знамя, гарнизон цитадели предпринял вылазку. Амбруаз пишет: «Убиты были все, кто не успел убежать, множество богатых людей сдалось, и город был вызволен из рук сарацин». Лагерь Салах ад-Дина перед городом смели всеобщее бегство и атака. Ричард разбил лагерь на месте лагеря султана, так как город после двух штурмов был полон трупов. Знатных пленников привели к Ричарду. Король говорил с ними о необходимости заключения мира, о глубоком уважении к Салах ад-Дину. В обычной усмешливой манере спрашивал, почему султан его не дождался, им необходимо было поговорить, сам-де он воевать не собирался, и показывал на сандалии, в которых был на корабле и в бою. В это время Ричард получил подкрепление: к нему пробился почти полностью лишившийся коней отряд Генриха Шампанского.

Взятие Салах ад-Дином Яффы было хорошо рассчитанным ударом. Таким образом отрезался и принуждался к оставлению Аскалон и христиане лишались двух ближайших к Иерусалиму портов. Султан немного поторопился. Ударь он на Яффу несколькими днями позже, ушедший в поход на север Ричард уже не успел бы на помощь. Но и теперь не все было потеряно для султана. Его армия, значительно превосходившая силы Ричарда, находилась в восьми километрах от Яффы. Со своей стороны, устроив лагерь вне городских стен, Ричард провоцировал Салах ад-Дина на нападение. Нападение не замедлило произойти. На рассвете 5 августа один генуэзец, выйдя по нужде из лагеря, увидел блеск оружия и успел предупредить христиан. Впрочем, возможно, это просто легенда. Так или иначе, к бою все были готовы, и Ричард смог быстро выстроить боевой порядок.

За невысоким частоколом из палаточных кольев, вбитых в землю наклонно вперед, в первом ряду копейщики ждали врага, опустившись на колени, укрывшись щитами и выставив копья, упертые в землю. Во втором ряду были стрелки из арбалетов, причем они действовали в паре: пока один стрелял, другой заряжал. У Ричарда было до 50 рыцарей и только десять коней и до двух тысяч пехоты – стрелков и копейщиков. У Салах ад-Дина было почти десятикратное превосходство в силе. Ричард обратился к войскам с короткой речью: «Мы – воины Христа, мы пришли сюда умереть. Бегство невозможно, мы должны как можно дороже продать жизнь. Уцелевших ждет богатая добыча. Тесней ряды!». Семь конных мусульманских корпусов, по тысяче человек каждый, один за другим атаковали строй крестоносцев. Атаки конницы султана разбивались о преграду из копий, стрелы арбалетов сеяли смерть в рядах мусульман. Атаки продолжались до послеобеденного времени. Когда вражеские кони устали,

Ил. 35. Король Ричард в сражении при Яффе

Ричард сам бросился на врага во главе отряда из десяти конных рыцарей и отборной пехоты. Английский хронист Ральф из Когтсхолла пишет: «Король был исполин в бою, он был везде, где атаки турок были самыми яростными. Его меч блистал, как молния, и много турок почувствовали на себе его лезвие. Нескольким из них он раскалывал шлем вместе с головой надвое, до зубов, другим он одним ударом срубал головы, руки и другие члены. Он срезал людей, как крестьянин жнет серпом хлеб. Тот, кто получил его удар, во втором не нуждался. Он был Ахилл, Александр, Роланд». Амбруаз утверждает, что в этом бою Ричард одним ударом снес какому-то эмиру голову и руку. Этот удар поставил его в один ряд со знаменитыми рубаками-крестоносцами прошлого, Готфридом Бульонским и германским королем Конрадом III, которые также разрубали врагов в бою на две части. Бой шел и в городе. Среди боя возле Ричарда появился мамлюк, ведя в поводу двух великолепных коней – подарок от Салах ад-Дина: не подобает королю сражаться пешим. Султан отказался бросить в бой последний резерв – мамлюков, мусульмане отступили.

В сумерках возвратился король в лагерь. «Он сам и попона его коня были так густо утыканы стрелами, что он походил на ежа». Не только полководческий

талант и непревзойденная смелость помогли Ричарду отстоять Яффу. Этому способствовал также низкий моральный дух противника. Мусульмане не могли оправиться после изгнания из Яффы. Эмиры не хотели продолжать войну. Они требовали у Салах ад-Дина заключить мирное соглашение, чтобы Ричард с франками мог вернуться на родину, а они – разойтись по домам: «Посмотри на землю, она разорена и растоптана, посмотри на людей, угнетенных и смятенных, на армию, истощенную и больную, на лошадей, разбитых и изнуренных. Пополнений мало, питание скудно, необходимое дорого. Снабжение из Египта проходит через смертельно опасную пустыню».

Если у мусульман был сломен боевой дух, то крестоносцы полностью истощили силы. Нужно было заключать перемирие. Переговоры продолжались четыре недели. Ухудшилось здоровье короля. Современники говорят о лихорадке, «он, кто мог заставить дрожать весь мир, сам дрожит от лихорадки», о том, что на теле у него «сто нарывов, которые отравляют его телесные соки», что он потерял здоровье из-за долгого пребывания в сражениях. Узнав, что король свалился в тяжелой малярии, султан посылал ему изысканные фрукты и сласти и своего придворного врача, знаменитого философа Маймонида. Узнав о смерти в Тире перед самым отправлением на родину Гюга Бургундского, Ричард обрадовался и начал выздоравливать. Камнем преткновения при переговорах оказался Аскалон. Салах ад-Дин настаивал на его передаче, так как город был прямой угрозой караванам, следовавшим из Египта в Иерусалим. Наконец больной король уступил, настояв на том, что город будет сровнен с землей.

Перемирие было заключено 2 сентября сроком на три года. Побережье от Яффы до Тира оставалось в руках христиан. В перемирие были включены также, с одной стороны, Антиохия и Триполи, с другой – пограничные мусульманские земли. Святой Крест остался в руках мусульман. Бароны королевства должны были поклясться в соблюдении условий договора перед посланцами Салах ад-Дина. Были освобождены пленные-крестоносцы, в частности, Гийом де Прео был доставлен из дамасской тюрьмы и обменян на десять знатных пленников-мусульман. Паломникам был разрешен свободный и бесплатный доступ к святыням Иерусалима.

Все из крестоносцев, кто хотел, смогли посетить Святой город, хотя Ричард пытался исключить французов. Сам Ричард от посещения Иерусалима отказался. Амбруаз описывает паломничество в Иерусалим, в котором участвовал: «И вскоре мы достигли холма Монжуа. И тогда наши сердца наполнил восторг: мы увидели Иерусалим. Мы почувствовали такую радость, что преклонили колени земле, как все, кто сюда приходил. Мы увидели Масличную гору и то место

[Храмовую гору], откуда отправилось шествие, когда Господь пошел на Свои страсти [страдания]. Потом мы пошли в наше паломничество, в город, наследие Божье. Рыцари и те, кто ехал верхом, [обогнали нас и] были первыми, поцеловавшими Гроб; те, кто был верхом, рассказали нам, что, когда они были там, появился Салах ад-Дин и показал им Святой Крест, который был потерян во время сражения, и они увидели его, поклонились ему и поцеловали». Крест крестоносцам султан, конечно, не отдал.

Ричард так никогда и не увидел Салах ад-Дина. Во главе одной из групп паломников в Иерусалим прибыл Хьюберт Уолтер и встретился там с Салах ад-Дином. Два умных человека беседовали долго и сердечно. Отдав должное талантам Ричарда – полководца и дипломата, они оба единодушно поражались его безудержной храбрости и соглашались с тем, что не дело короля участвовать в стычках, а в крупных сражениях его место – в глубоком тылу.

Вместо прощального подарка Хьюберт Уолтер попросил разрешения для двух латинских священников и двух дьяконов проводить службы в Иерусалиме в церкви Гроба Господня, в Вифлееме и в Назарете. Просьба епископа была выполнена. Грузинская царица Тамара предложила Салах ад-Дину выкупить у него Святой Крест за 200 тысяч динаров, но султан отказался.

Амбруаз объясняет, почему перемирие было заключено на три года: «И велел он [Ричард] сказать Салах ад-Дину, и это слышали многие сарацины, что перемирие заключается им на три года: один нужен ему, чтобы возвратиться к себе, второй – чтобы собрать людей, третий – чтобы вернуться в Святую Землю и [затем] завоевать ее».

В конце сентября король отправил домой Беренгарию и Иоанну. 9 октября из Акры Ричард отправился в обратный путь. Дадим слово Амбруазу: «Когда король уезжал, многие провожали его со слезами нежности, молились за него, вспоминали его мужество, его доблесть и великодушие. Они говорили: “Сирия осталась беспомощной”. Король, все еще больной, простился с ними, вышел в море и поднял паруса. Он провел на палубе всю ночь при звездах. Утром, когда занялась заря, он обернулся лицом к Сирии и сказал: “О Святая Земля! Вручаю тебя и народ твой Богу и молю Его позволить мне опять посетить тебя и помочь тебе!”».

Ричард основал в Акре госпиталь в честь святого Томаса Кентерберийского, своего небесного покровителя. В 1230 г. госпиталь был реформирован в рыцарский орден. Его рыцари не сыграли, однако, какой-либо значительной роли в истории крестовых походов.

Так закончился Третий крестовый поход, который можно назвать крестовым походом английского короля. Никто на его месте не смог бы добиться большего.

То, что Ричард не сумел освободить Иерусалим, можно только чисто эмоционально рассматривать как неудачу, однако, если сопоставить соотношение сил и средств, он решил в крестовом походе почти невыполнимую задачу: Иерусалим он не взял, но оставил хорошо укрепленные прибрежные города как плацдарм для последующего освобождения и заставил Салах ад-Дина смириться с существованием христианских государств в Святой Земле, и они продержались еще столетие. Не считая Первого, это был единственный успешный крестовый поход в Святую Землю.

Во время отсутствия Ричарда его наместник в Англии, Гийом Лоншан, епископ Или, быстро нажил себе много врагов во главе с братом короля, принцем Иоанном, впоследствии королем Иоанном Безземельным. Королева-мать Алиенора неосмотрительно добилась у Ричарда разрешения для него вернуться в Англию. Гийом был свергнут, и хотя он быстро был заменен в качестве наместника Готье де Кутансом, архиепископом Руана, но с этого времени Иоанн поставил себе целью отнять у брата его владения. Вернувшийся из крестового похода Филипп вступил с ним в союз, чтобы воспрепятствовать возвращению Ричарда, и начал войну за присоединение к своим владениям Вексена и других французских земель английского короля.

Император Генрих VI также был враждебно настроен по отношению к Ричарду за его союз с Танкредом де Лечче, дружбу и родство с Вельфами, вражду с Конрадом Монферратским и оскорбление герцога Леопольда Австрийского.

Ричард при возвращении из Палестины решил пересечь южную Германию и добраться до Саксонии, где мог рассчитывать на помощь и поддержку своих родственников Вельфов. В Адриатическом море, у берега между Венецией и Аквиле-ей, его корабль потерпел крушение, и он с небольшой группой сопровождающих пересек Фриуль и Каринтию и под Веной 21 декабря 1192 г. был взят в плен своим врагом, герцогом Леопольдом Австрийским.

Император Генрих потребовал у Леопольда выдачи Ричарда: «король не должен находиться под арестом у герцога». Через три месяца Леопольд выдал пленника после того, как ему были обещаны, помимо другого, 50 тысяч марок. Император Генрих держал Ричарда в плену почти год и освободил в начале февраля 1194 г. после выплаты огромного выкупа, собранного из всех владений короля, и принесения ленной присяги за Англию.

13 марта 1194 г. Ричард наконец возвратился в Англию из крестового похода. Ему предстояла тяжелая и упорная война с королем Франции Филиппом II за освобождение своих земель в Нормандии, захваченных тем во время его отсутствия, и прежде всего крепости Жизор в нормандском Вексене. Помимо этого, Ричарду пришлось также подавлять постоянные восстания своих вассалов в Ак-

витании и Бретани, подстрекаемых французским королем. Ричард вынужден был отложить новый желанный поход на Восток. Принц Иоанн был прощен Ричардом и в конце концов назначен наследником престола.

Медленно, но неуклонно, шаг за шагом в течение последних пяти лет своей жизни Ричард шел к победе над своим исконным врагом и сеньором, королем Филиппом. После того как он перетянул на свою сторону важных союзников Филиппа – Раймунда VI Тулузского, выдав за него замуж свою сестру Иоанну, и Бодуэна IX Фландрского, военные дела у Ричарда пошли веселее. На его сторону перешли пограничные бароны, вассалы короля Франции, среди которых было много соратников Ричарда по крестовому походу, графы Гюг де Сен-Поль и Жофруа дю Перш и Луи де Блуа, сохраняя благожелательный нейтралитет граф Тибо Шампанский, брат регента Иерусалима Генриха. Блестящие победы Ричарда закончились 26 марта 1199 г. с его смертью от случайной стрелы при осаде мятежного замка в Аквитании.

Глава 37

Смерть Салах ад-Дина

Салах ад-Дину не удалось сбросить франков в море и уничтожить государства крестоносцев. Они продержались еще целое столетие. Королевство называлось Иерусалимским, хотя сам Иерусалим был в руках мусульман, и включало в себя прибрежную полосу шириной до 16 и длиной до 150 километров, от Яффы до Тира. Далее на север Боэмунд сумел удержать Антиохию и порт Сен-Симеон, его сын Боэмунд владел Триполи, Ги де Лузиньян – Кипром, тамплиеры удержались в Тортосе, госпитальеры – в крепостях Маргат и Крак де Шевалье.

Обе стороны рассматривали вынужденное физическим и моральным истощением перемирие только как временную паузу, чтобы накопить новые силы и разбить врага. Салах ад-Дин находился в Иерусалиме до тех пор, пока не услышал, что Ричард отправился домой, и затем переехал в Дамаск. Решив неотложные проблемы управления, он в течение трех недель объезжал завоеванные земли, в начале ноября 1192 г. в Бейруте подписал мирный договор с Боэмундом Антиохийским и затем возвратился в Дамаск. Он хотел отправиться в паломничество в Мекку, но аль-Фадил отговорил его: еще не все участники крестового похода возвратились домой и могли, воспользовавшись отсутствием султана, внезапно напасть на Иерусалим.

Используя перемирие с франками, Салах ад-Дин задумал выступить против своих мятежников и соперников, и в особенности против Иконийского султана. Он хотел напасть на султанат, подчинить его себе, чтобы полностью закрыть крестоносцам сухопутную дорогу через Анатолию. Однако сильное ухудшение здоровья не позволило ему осуществить задуманное. Во время крестового похода его неоднократно мучили тяжелые приступы лихорадки. Он жаловался на изнеможение и ослабление памяти. В ночь на 21 февраля 1193 г. с ним снова случился тяжелый приступ. 1 марта он потерял сознание, и врачи не надеялись на его выздоровление. Его старший сын, аль-Афдал Али, велел эмирам, находившимся в Дамаске, принести себе клятву верности. Салах ад-Дин умер 3 марта 1193 г.

Имад ад-Дин так описывает его смерть: «В ночь на воскресенье вошли мы в его комнату, когда его болезнь уже преуспела. Сердца отчаялись, так как мы видели, что несчастье близко. И утром в среду из обители бренности вступил он в

обитель спокойствия. Свет померк, и стало темно, когда угасло его солнце. И враг возликовал... Умерший повелитель оставил семнадцать сыновей и одну маленькую дочь, а также благословенную память у близких. В его сокровищнице обнаружили только один динар и тридцать шесть дирхемов, потому что он раздавал деньги так быстро, как они приходили. Если кто-то, нуждавшийся, просил его о поддержке, он всегда находил для него дружеское слово, и если в тот момент не было в наличии денег, он обнадеживал его на будущее и давал обещанные деньги даже после длительного промедления. Шествуя по дороге Бога, он не боялся расходов как на борьбу с врагами, которых он хотел уничтожить в священной войне, так и для поддержки благочестивых мусульман... Султану нравилось ходить в простой одежде, из льна, хлопка или шерсти. Он любил раздавать одежды в виде подарка. Как пламенел он от ненависти к неверным, так было его сердце полно любви к мусульманам... По характеру был он мягким, готовым к прощению и щедрым».

Франкский хронист позднее рассказывал дошедшую до него легенду: будучи при смерти, Салах ад-Дин приказал своему знаменосцу привязать к копыю доску от савана и проехать с ним по улицам Дамаска, громко возвещая, что властитель всего Ближнего Востока не смог взять в гроб ничего, кроме этого смертного покрывала. Султан был похоронен в день смерти в цитадели Дамаска.

Два главных достижения его жизни – ликвидация шиитского халифата Фатимидов и разгром армии государств крестоносцев и завоевание Иерусалима и многих других городов и замков. Однако окончательно победить франков у него не хватило сил. Нужно обратить внимание при этом на неокказание помощи ему его современниками, суннитскими турецкими эмирами Ирана, Ирака и Анатолии и багдадским халифом-суннитом, на их зависть и нелюбовь к нему. Шиитский мир не простил ему свержения Фатимидов, считал и продолжает его считать врагом истинного ислама.

Его слава как завоевателя Иерусалима на протяжении веков, по мере того как мусульманский мир все более уступал победоносному христианству, росла и мифологизировалась. С ростом самосознания исламского мира и поднявшейся затем волны воинствующего радикального исламизма против западной цивилизации Салах ад-Дин стал великим героем джихада и борцом за свободу мусульман. О его роли в свержении шиитских халифов Каира мусульмане предпочитают не вспоминать.

После смерти Салах ад-Дина его старший, 22-летний сын аль-Афдал Али в Дамаске провозгласил себя султаном. Второй сын, аль-Азиз Осман, на год моложе старшего, уже был правителем Египта, он сразу объявил себя независимым от султана. Третий сын, аз-Захир Гази, правил в Алеппо и тоже не признал верховенство старшего брата. Только младший сын, аль-Кидр, владевший Хаура-

ном, признал главенство аль-Афдала. Один из оставшихся в живых братьев Салах ад-Дина, Тогтекин, после смерти другого своего брата, Тураншаха, вступил во владение Йеменом, а еще один брат султана, талантливый аль-Адил Саиф ад-Дин (приятель Ричарда), владел бывшими франкскими владениями Трансиорданием и Эдессой, а также Джазирой. Зенгиды Изз ад-Дин и Имад ад-Дин владели соответственно Мосулом и Синджаром, а Артукиды правили в Мардине и Хисн Каифе.

После смерти Салах ад-Дина аль-Афдал Али сделал халифу ан-Насиру богатый подарок. Помимо меча и золотого шлема отца-султана, он подарил халифу Святой Крест, который с тех пор исчез со страниц истории. Халиф будто бы распорядился положить Крест при входе в одну из мечетей Багдада в качестве порога. Ноги правоверных мусульман истерли в пыль величайшую святыню христианства.

На территории государства Салах ад-Дина вспыхнули раздоры и междоусобица. Началось с того, что под влиянием своего визиря аз-Зия, брата историкографа Ибн аль-Атира, султан аль-Афдал Али выгнал из Дамаска почти всех министров и советников своего отца. Они бежали в Египет к аль-Азизу Осману, который с почетом их принял. Власть в Дамаске полностью оказалась в руках визиря аз-Зия, молодой султан проводил время, наслаждаясь радостями гарема, среди музыки и вина. В мае 1194 г. аль-Азиз, объявивший себя египетским султаном, напал на Сирию и дошел до стен Дамаска. Аль-Афдал позвал на помощь дядю аль-Адила. Тот прибыл под стены Дамаска с большой армией, вместе с племянником аз-Захиром Гази Алеппским. Был заключен мир, аль-Афдал был вынужден отдать Иудею аль-Азизу, а Латакию и Джабалу – аз-Захиру, взамен они признали верховенство дамаского султана. В следующем году аль-Азиз Египетский снова напал на Дамаск, и снова аль-Адил пришел на помощь дамаскому султану. Аль-Афдал прогнал брата назад и даже хотел перенести войну в Египет. И снова аль-Адил восстановил мир между племянниками, угрожая войной теперь уже аль-Афдалу Дамасскому.

Затем испортились отношения аль-Афдала (точнее, визиря аз-Зия) с аль-Адиллом. Последний заключил союз с аль-Азизом Египетским, и они вместе завоевали Дамаск. Земли аль-Афдала перешли к аль-Адилу, а аль-Азиз получил титул верховного султана. Аль-Афдалу отдали во владение маленький город Салькад в Хауране, он отрекся от всех земных радостей и стал вести благочестивую жизнь.

В конце ноября 1198 г. умер, упав с коня на охоте на шакалов среди пирамид, султан аль-Азиз Осман, ему наследовал его 12-летний сын аль-Мансур. Боявшиеся аль-Адила египетские министры призвали в качестве регента аль-Афдала, который в январе 1199 г. прибыл в Египет. Братья аль-Афдал и аз-Захир Алепп-

ский заключили союз против своего дяди аль-Адила, который в это время осаждал Мардин, владение поднявшего против него мятеж Артукида Ялак-Арслана. Армия аль-Афдала вышла из Египта и овладела Дамаском. Оставив сына аль-Камила продолжать осаду Мардина, аль-Адил с войсками поспешил к Дамаску и в июне 1199 г. выгнал аль-Афдала из Дамаска. Однако в это время к Дамаску подошел с войсками аз-Захир Алеппский, и оба брата осадили дядю в городе. Осада продолжалась полгода. Аль-Адил сумел поссорить братьев, и когда в январе 1200 г., заключив почетный мир в Джазире, к Дамаску приблизился с войсками аль-Камил, братья разбежались и возвратились по домам. Аль-Адил преследовал аль-Афдала и нанес ему поражение при Бильбейсе. После этого в феврале аль-Афдал уступил дяде Египет и возвратился в Салькад.

Весной 1201 г., когда аль-Адил еще находился в Египте, на Дамаск напал аз-Захир Алеппский. Он склонил аль-Афдала примкнуть к нему, и они осадили Дамаск. Аль-Адил поспешил с войсками к Дамаску и снял осаду. Ему снова удалось поссорить братьев, и аль-Афдал перешел на его сторону. Теперь уже аль-Адил побоялся оставить аль-Афдала в Хауране вблизи Дамаска и предложил ему город Самосата на севере. Теснимый аль-Адилем, после измены части вассалов, аз-Захир вынужден был заключить мир с дядей и признать его верховенство. В конце 1201 г. аль-Адил овладел всем государством Салах ад-Дина и принял титул султана. Египтом стал владеть в качестве лена от отца старший сын аль-Адила, аль-Камил Мухаммед, а аль-Мансур, сын египетского султана аль-Азиза Османа, получил город Эдессу, второй сын аль-Адила, аль-Муаззам Иса, стал наместником отца в Дамаске, третий, аль-Ашраф Муса, получил во владение Харран с большей частью Джазиры, четвертый сын, аль-Музаффар Гази, – Майяфаракин. Младшие сыновья аль-Адила получали от отца лены, как только становились достаточно взрослыми. Отец стоял во главе государства и внимательно контролировал деятельность своих сыновей. У него не было постоянной резиденции, и он правил оттуда, где его присутствие было нужнее всего.

Оглавление

Предисловие	3
Книга первая. Первый крестовый поход и государства крестоносцев до 1143 г.	
Глава 1. Возникновение и распространение ислама	7
Глава 2. Византия вновь под ударом	18
Глава 3. Возникновение крестовых походов	24
1. Идея крестовых походов	24
2. Церковные реформы	28
3. Возникновение рыцарства, священные войны и паломничества	29
4. Причины крестовых походов	40
Глава 4. Отправление в поход	42
1. Поход простого народа	42
2. Поход рыцарских армий	45
Глава 5. Взятие Никеи	58
Глава 6. Через Анатолию	63
Глава 7. В землях армян. Графство Эдесса	69
Глава 8. Взятие Антиохии	74
Глава 9. Разгром Кербози	86
Глава 10. По Сирии и Палестине	97
Глава 11. Взятие Иерусалима	105
Глава 12. Защитник Гроба Господня. Сражение при Аскалоне	116
Глава 13. Королевство Иерусалим	127
Глава 14. Арьергардные экспедиции Первого крестового похода	133
Глава 15. Антиохия и Эдесса	139
Глава 16. Триполи	150
Глава 17. Король Бодуэн I	159
1. Войны с Египтом. Взятие Цезареи	159
2. Борьба с патриархом Даимбертом. Взятие Сидона и Акры	164
3. Третий брак короля. Продвижение на юг	172
Глава 18. Войны на севере	177
1. Войны между мусульманами и между франками	177
2. Равновесие сил	183
Глава 19. Король Бодуэн II	192
1. Войны на Севере. «Кровавое поле»	192
2. Собор в Наблусе. Возникновение рыцарских орденов	197
3. Король в плену. Завоевание Тира	203
4. Выбор Фулька как наследника	213
5. Зенги – атабек Мосула и Алеппо	216
Глава 20. Король Фульк	220
1. Мятежи в Заморье	220
2. Раймунд де Пуатье – князь Антиохии	225
Глава 21. Поход императора Иоанна	231

Книга вторая. Второй и третий крестовые походы

Глава 22. Смерть короля Фулька	245
Глава 23. Внутреннее устройство государств крестоносцев	250
Глава 24. Падение Эдессы	266
Глава 25. Второй крестовый поход	274
1. Европа собирается в поход	274
2. Франки в Анатолии	284
3. Франки в Заморье	287
Глава 26. Конец политического равновесия в Сирии	295
1. Молодые годы Бодуэна III	295
2. Подъем Нур ад-Дина	304
3. Новый князь Антиохии	307
Глава 27. Возвращение Византии	312
Глава 28. Египет	319
1. Король Амори I. Дорога в Египет	319
2. Новая встреча в Египте	326
3. Падение Фатимидов	335
Глава 29. Смерть Нур ад-Дина и короля Амори	343
Глава 30. Возвышение Салах ад-Дина	350
Глава 31. Беды Византии	356
Глава 33. Прокаженный король	363
Глава 33. Объединение ислама	370
Глава 34. Король Ги де Лузиньян	376
Глава 35. Катастрофа	383
1. Хаттин	383
2. Падение Иерусалима	391
Глава 36. Третий крестовый поход	398
1. Приготовления в Англии и во Франции	398
2. Германский поход	404
3. Осада Акры	411
4. Поход королей. Сицилия	422
5. Кипр	430
6. Короли под Акрой	435
7. Ричард Львиное Сердце	443
Глава 37. Смерть Салах ад-Дина	466

Научно-популярное издание

Александр Владимирович Грановский

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

В двух томах

ТОМ 1

Книга первая.

Первый крестовый поход и государства крестоносцев до 1143 г.

Книга вторая.

Второй (1147–1149) и третий (1189–1192) крестовые походы.

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 №436-ФЗ

«О защите детей от информации,

причиняющей вред их здоровью и развитию»,

книга предназначена «для детей старше 12 лет».

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93; 95 3001 – книги,

95 3150 – литература по истории и историческим наукам

Редактор *М. Е. Устинов*

Обложка *О. Г. Попов, А. Д. Федосова*

Макет и верстка *С. В. Алексеев*

Подписано в печать 20.10. 2012.

Формат 70×100/16. Гарнитура Агпо Про.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 26,4. Печ. л. 29,5. Тираж 700 экз.

Зак. № 3316

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Заказы посылают по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

197198, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н

sales@dbulanin.ru (отдел реализации)

postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)

<http://www.dbulanin.ru>

Книга рассказывает о крестовых походах
рыцарства Западной Европы против мусульман
Ближнего Востока и против христианской
Византии, а также о жизни латинских государств
крестоносцев о взаимоотношениях с ними их
близких и отдалённых соседей

ISBN 978-5-86007-716-4

9

785860

077164